THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

1.00
x

124

1) Книга VII повѣсти и разсказы

2) Книга VIII.
Гэбріель Конрой
Роман.

124

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
БРЭТЪ-ГАРТА.

Съ біографическимъ очеркомъ
и портретомъ автора.

Книга VII.

РОМАНЫ. ▫ ПОВѢСТИ.
РАЗСКАЗЫ.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, соб. домъ.
Москва. — 1915.

PS
1823
R9
1915
V. 7-8
FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

Что случилось на фондѣ.

— Ну?..—нетерпѣливо произнесъ редакторъ «Горнаго Глашатая», поднимая глаза съ рукописи.—Ну, что еще тамъ?

Нарушителемъ его одиночества былъ факторъ. Онъ же и типографщикъ, если судить по испачканнымъ чернилами рукавамъ рубашки, засученнымъ на рукахъ, только что приводившихъ въ дѣйствіе двигающій міромъ Архимедовъ рычагъ, какъ называлъ редакторъ ручной станокъ, примѣняемый «Глашатаемъ» изъ экономіи. Соскользнувшія съ плечъ во время работы подтяжки висѣли небрежной петлей съ одной стороны, при чемъ ихъ функціи исполнялись лѣвой рукой, время отъ времени подтягивавшей брюки на подобающее мѣсто. Неглиже завершалось парой стоптанныхъ туфель—излюбленная принадлежность провинціальнаго типографщика.

Но редакторъ зналъ, что забрызганныя чернилами руки мускулисты и проворны, что подъ испачканной рубахой бьется честное, надежное сердце, и что стоптанныя туфли не мѣшаютъ ихъ владѣльцу твердо ступать по намѣченному пути. Поэтому онъ встрѣтилъ зоркій взглядъ добродушныхъ голубыхъ глазъ своего вѣрнаго помощника съ вопросительной улыбкой.

— Я не долго васъ задержу,—началъ факторъ, взглянувъ на занятіе редактора съ обычной юмористической снисходительностью, такъ какъ питалъ непоколебимое убѣжденіе, что единственными важными статьями газеты являются происшествія и объявленія.—Я только хотѣлъ попросить васъ чуточку раздуть случай съ полковникомъ Старботтлемъ.

— Да вѣдь у насъ уже имѣется подробное его описаніе, развѣ нѣтъ?—въ недоумѣніи спросилъ редакторъ. — Я даже сдѣлалъ примѣчаніе отъ редакціи относительно учащенія такого рода несчастныхъ случаевъ. Въ этой замѣткѣ я предостерегаю публику противъ опасности ѣздить на полудикихъ испанскихъ мустангахъ.

797426

— Да, вы это сдѣлали,—снисходительно подтвердилъ факторъ,—но, видите ли, ходятъ слухи, что это вовсе не была случайность. Многіе утверждаютъ, что никакая лошадь не могла бы истрепать человѣка такъ, какъ истрепали полковника.

— Но я же слыхалъ отъ самого полковника,—возразилъ редакторъ,—ему-то лучше знать.

— Можетъ знать, можетъ и не знать, а можетъ и знать, да не пожелать сказать,—задумчиво проговорилъ факторъ, потирая подбородокъ болѣе чистой стороной руки.—Вы вѣдь не видали его, тутъ же, какъ его подобрали?

— Нѣтъ,—сказалъ редакторъ.—Только послѣ того, какъ его осмотрѣлъ докторъ. — А что?

— Джэкъ Пармли, тотъ, что выудилъ его изъ канавы, говоритъ, что онъ былъ наполовину задушенъ, и что его черный шелковый галстукъ былъ туго-натуго стянутъ вокругъ шеи. На носу у него была ссадина, какъ если бы кто-нибудь пытался сковырнуть ему глазъ, а лѣвое ухо прямо-таки изжевано, точь въ точь, какъ если бы его прихватили щипцами.

— Онъ самъ сказалъ мнѣ, что лошадь подъ нимъ понесла, встала на дыбы и сбросила его, при чемъ онъ потерялъ сознаніе, — утвердительно заявилъ редакторъ. — Ему нѣтъ никакой причины лгать, да, наконецъ, такой человѣкъ, какъ Старботтль, который не разстается съ револьверомъ и никогда не даетъ промаха, оставилъ бы какую-нибудь мѣтку на томъ, кто напалъ на него!

— Потому-то онъ и солгалъ, — такъ говорятъ ребята.— Его *захватили врасплохъ*, понимаете ли? — нечѣмъ похвастать, — а сознаваться не охота! Смекнули теперь? Не станетъ же такой человѣкъ печатать въ газетахъ, что его замертво оставили на дорогѣ, и что никому отъ этого не стало ни холодно ни жарко. Тогда конецъ его политической карьерѣ!

Редакторъ на мигъ смутился отъ такой неопровержимой истины.

— Вздоръ!—воскликнулъ онъ со смѣхомъ.—Кто станетъ нападать такимъ способомъ на полковника Старботтля? Если бы ему случилось поссориться съ какимъ-нибудь политическимъ противникомъ, тотъ могъ бы застрѣлить его на глазъ, но не сталъ бы *бить* его.

— Допустите, что это не былъ политическій противникъ,— упрямо настаивалъ факторъ.

— Кто же тогда?—съ нетерпѣніемъ спросилъ редакторъ.

— Дѣло прессы вывѣдать и обличить!—отвѣтилъ факторъ, кинувъ многозначительный взглядъ на столъ редактора.—Вотъ тутъ-то, по-моему, и начинается роль «Глашатая».

— Въ такого рода дѣлѣ,—живо вставилъ редакторъ,—газета не имѣетъ права противорѣчить личному показанію человѣка. Полковникъ имѣетъ полное право владѣть своимъ секретомъ, если таковой имѣется, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь.—Однако скажите,—добавилъ онъ шутливо, въ отвѣтъ на полуукоризненное, полуюмористическое выраженіе лица фактора, какую же *вы* съ ребятами изобрѣли ужасную теорію, и что *вы* намѣреваетесь обличать?

— Ну-съ,—серьезно началъ факторъ,—дѣло вотъ въ чемъ. Видите ли, полковникъ безъ ума отъ той испанки вверху холма. На ея-то мустангѣ онъ и ѣхалъ, когда случилось дѣло, подъ самымъ ихъ домомъ.

— Ну?—спросилъ редакторъ съ удручающимъ спокойствіемъ.

— Ну!.. — колебался факторъ, — вы вѣдь знаете, что всѣ эти смазчики [1]) скверный сбродъ, въ особенности мужъ ея, Рамирецъ.

Редакторъ зналъ, что факторъ только повторяетъ всегдашнія провинціальныя розсказни противъ мексиканцевъ. Самъ онъ всегда боролся съ этимъ предубѣжденіемъ. Рамирецъ держалъ *фонду* или гостиницу на клочкѣ земли, уцѣлѣвшемъ отъ многихъ тысячъ десятинъ прежняго землевладѣльца, испанскаго вельможи. Жена его отличалась пышными прелестями и не малымъ кокетствомъ. Въ *фондѣ* шла большая игра, и увѣряли, будто общій предразсудокъ противъ мексиканцевъ нисколько не мѣшалъ американцамъ выигрывать съ него деньги.

— Итакъ, вы думаете, что Рамирецъ приревновалъ полковника? Но въ такомъ случаѣ, онъ бы прирѣзалъ его по-испански—и не безъ борьбы!

— Человѣка можно убить не только ножомъ. Могли стащить его съ лошади съ помощью лассо и удавить,—многозначительно сказалъ факторъ.

Редактору и раньше приходилось слыхать объ этой, изобрѣтенной *ваккеро*, методѣ управляться съ противникомъ. Тѣмъ не менѣе, способъ представлялся ему черезчуръ уже наглымъ для проѣзжей дороги, притомъ самая насильственность нападенія вполнѣ оправдала бы его обличеніе со стороны полковника.

---

[1]) Смазчики—«Greasers», прозвище данное янки мексиканцамъ.

Факторъ прочелъ недовѣріе на его лицѣ и вызывающе продолжалъ:

— Конечно, я знаю, что вы не слышать не хотите о томъ, что толкуютъ о смазчикахъ, но вотъ что я извѣстно ребятамъ, и что онимнѣ сказали, и вотъ почему я считалъ, что долженъ васъ извѣстить, чтобы не могли говорить, что вы всегда имъ покровительствуете.

Лицо редактора слегка омрачилось, но онъ, тѣмъ не менѣе, сохранилъ свое самообладаніе и добродушіе.

— Такимъ образомъ, чтобы доказать безпристрастіе «Глашатая» въ отношеніи мексиканцевъ, я долженъ обратить его въ единственнаго ихъ обвинителя и внушить сомнѣніе въ правдивости американца?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— Я вовсе не то хотѣлъ сказать,—краснѣя возразилъ факторъ.—Я думалъ только, что такъ какъ вы знаете толкъ въ этихъ людяхъ, то вамъ легче разузнать, въ чемъ дѣло, и вы могли бы состряпать статейку изъ всей этой окаянной исторіи. Въ околоткѣ поднялся бы шумъ, и получился бы большой бумъ для «Глашатая».

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь,—сухо замѣтилъ редакторъ.—Какъ бы то ни было, я наведу кой-какія справки; но вы все же на всякій случай шепните ребятамъ, что «Глашатай» не станетъ печатать тайны полковника безъ его разрѣшенія. Тѣмъ временемъ,—добавилъ онъ съ улыбкой,— если вамъ очень желательно прибавить къ вашимъ многоразличнымъ обязанностямъ еще должность репортера, и если вы принесете мнѣ сдѣланныя вами открытія, я, такъ и быть, просмотрю вашу рукопись.

Онъ добродушно кивнулъ и снова взялся за перо; смущенный факторъ понялъ намекъ и неохотно удалился, подтягивая на ходу брюки.

Въ тотъ же вечеръ, редакторъ «Глашатая» посѣтилъ боевого коня демократіи, какъ его обычно звали, въ его номерѣ въ гостиницѣ Пальметто. Имъ руководило естественное юношеское любопытство, хотя онъ въ то же время не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія злоупотреблять довѣріемъ полковника. Онъ засталъ героя съ перевязаннымъ носомъ, а также—хотя, быть-можетъ, разсказъ объ удушеніи повліялъ на его воображеніе—съ болѣе обыкновеннаго вздутыми и апоплексическими щеками. Тѣмъ не менѣе, онъ сидѣлъ за столомъ передъ прохладительнымъ мятнымъ питьемъ, и при появленіи редактора тотчасъ приказалъ подать ему такое же.

Редакторъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что онъ чувствуетъ себя настолько лучше.

— Спора нѣтъ, сэръ, кости всѣ цѣлы, но что-то ужъ очень голова исцарапана для такого пустячнаго паденія Должно-

быть, протащило меня ярда два на ухѣ, прежде чѣмъ пришлось остановиться.

— Вы, вѣроятно, лишились сознанія отъ паденія?

— На одну только секунду, сэръ, на одну секунду! Мнѣ помогъ подняться одинъ сѣверный джентльменъ, проходившій мимо—нѣкто Пармли.

— Итакъ, вы полагаете, что полученныя вами поврежденія были причинены исключительно однимъ паденіемъ?

Полковникъ остановился со стаканомъ на полпути къ губамъ, и поставилъ его обратно на столъ.

— Милостивый государь!—воскликнулъ онъ въ негодующемъ изумленіи.

— Вы говорите, что лишились сознанія,—небрежно продолжалъ редакторъ,—а нѣкоторые изъ вашихъ знакомыхъ считаютъ полученныя вами поврежденія несообразными съ предполагаемой причиной. Они опасаются, что вы безсознательно сдѣлались жертвой нечистой игры.

— Безсознательно? Сэръ! Или вы принимаете меня за безмозглаго негра, чтобы я не зналъ, что меня сбрасываетъ взбѣсившійся мустангъ? или не думаютъ ли они, что я китаецъ, котораго можетъ потрепать и исколотить шайка негодяевъ? Извѣстно ли имъ, сэръ, что я отвѣчаю за данный мною отчетъ—сэръ, — лично отвѣчаю, сэръ?

Для редактора не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что полковникъ говоритъ совершенно серьезно, и что его негодованіе не имѣетъ ничего общаго съ преступнымъ сознаніемъ тайны. Человѣкъ съ темпераментомъ полковника, конечно, не замедлилъ бы отомстить за подобное оскорбленіе.

— Боялись, что какое-либо злонамѣренное лицо могло повредить вамъ во время безсознательнаго состоянія,—дипломатично отвѣчалъ редакторъ;—но разъ что вы утверждаете, что это состояніе длилось всего одну секунду, и что вы вполнѣ сознавали происходившее...—Онъ остановился.

— Безусловно, сэръ, безусловно! Такъ же ясно, какъ вижу передъ собой этотъ стаканъ. Я только что передъ тѣмъ уѣхалъ съ фермы Рамиреца. Сеньора—чертовски красивая женщина, сэръ!—въ шутку предложила мнѣ мустанга своей дочери, если я ухитрюсь доѣхать на немъ до дому. Вы легко меня поймете, мистеръ Грей,—сказалъ онъ охорашиваясь. — Я не такъ молодъ, какъ вы, сэръ, но надѣюсь, не такъ еще старъ, чтобы уклониться отъ вызова чертовски плѣнительнаго созданія. Итакъ, сэръ, я сѣлъ на лошадь. Приходилось мнѣ ѣздить безъ сѣдла на чистокровныхъ коняхъ изъ табуновъ Моргана и Синей Травы, но никогда

еще не привелось сидѣть на такой отъявленной китайской нетардѣ! Послѣ того, какъ онъ подхватилъ, я еще кое-какъ держался, но не успѣлъ я обхватить его шпорами, какъ онъ уже взвился на дыбы, а на второмъ скачкѣ я ужъ растянулся на землѣ.

— Какъ далеко отъ фонды онъ васъ сбросилъ?

— Что-то въ родѣ четырехсотъ-пятисотъ ярдовъ, сэръ.

— Тогда съ фонды могли видѣть, что случилось съ вами?

— Едва ли, сэръ. Ибо въ этомъ случаѣ, могу сказать безъ сомнѣнія, что сеньора явилась бы ко мнѣ на помощь.

— Однако не ея мужъ?..

Старомодное жабо полковника взъерошилось отъ вздувшаго его грудь негодованія, изображеннаго, быть-можетъ, съ цѣлью скрыть затаенное подъ нимъ самодовольство.

— Мистеръ Грей, — произнесъ онъ со скорбной строгостью,—въ виду того, что вы мой личный пріятель и представитель печати — силы, къ которой я отношусь съ уваженіемъ,—я согласенъ забыть оскорбительное для дамы замѣчаніе, которое могу только приписать легкомыслію юности. Въ то же время, сэръ,—добавилъ онъ безъ всякой логики,—если бы Рамирецъ былъ недоволенъ моимъ поклоненіемъ, онъ бы зналъ, гдѣ меня найти, сэръ, и зналъ бы, что не въ моемъ обыкновеніи отказывать джентльменамъ — какой бы то ни было національности — въ сатисфакціи, сэръ, въ личной сатисфакціи.

Помолчавъ, онъ добавилъ, со странной смѣсью тревоги и чувства собственнаго достоинства:

— Надѣюсь, сэръ, что ничего—гмъ! —подобнаго не появится въ вашей газетѣ.

— Любезный полковникъ,—отвѣчалъ редакторъ,—я для того и пришелъ, чтобы узнать отъ васъ правду и предупредить разглашеніе ненужныхъ толковъ. Вѣдь говорили же,— добавилъ онъ со смѣхомъ, — что васъ наполовину удавили петлей лассо.

Къ его удивленію, полковникъ не засмѣялся, а только неловко подпесъ руку къ распущенному галстуку, съ нѣсколько стѣсненнымъ выраженіемъ лица.

— Я признаю, сэръ,—сказалъ онъ съ насильственной улыбкой,—что испыталъ ощущеніе удушенія, и возможно, что даже упомянулъ о томъ м-ру Пармли; но оно, какъ думаю, происходило отъ того, что галстукъ, который я, какъ видите, ношу свободнымъ, скрутился жгутомъ при паденіи и полѣзъ кверху.

Онъ протянулъ пухлую бѣлую руку редактору, и тотъ, дружески пожавъ ее, удалился. Вполнѣ довольный своей миссіей и

твердо рѣшившись не допускать дальнѣйшихъ комментаріевъ, м-ръ Грей, тѣмъ не менѣе, чувствовалъ, что любопытство его не совсѣмъ еще удовлетворено. Каковы отношенія полковника къ семейству Рамирецъ? Судя по его собственнымъ словамъ, предположеніе фактора о причинахъ нападенія становилось вполнѣ вѣроятнымъ, а самое покушеніе могло быть совершено въ то время, какъ онъ находился безъ сознанія.

Однако онъ сохранилъ все это про себя, кратко объявилъ своему фактору, что не видитъ причинъ ничего добавлять къ набранной уже замѣткѣ, и бросилъ думать о происшествіи. Что касается полковника, онъ на другой же день уѣхалъ изъ города.

По прошествіи недѣли въ кабинетъ редактора осторожно вошелъ факторъ, и, затворивъ за собой дверь наборной, остановился передъ патрономъ со странной смѣсью нерѣшимости, стыда и юмористическаго конфуза на лицѣ.

Въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ редактора, онъ медленно началъ:

— Вы, можетъ-быть, помните, что когда мы говорили съ вами о случаѣ съ полковникомъ Старботтлемъ, я сказалъ, что онъ, по-моему, знаетъ, *почему* на него напали такимъ образомъ, да только не хочетъ сказать.

— Да, помнится, что вы высказывали недовѣріе къ его словамъ,—съ улыбкой замѣтилъ редакторъ.

— Ну-съ, я все беру обратно. Вѣрю, что онъ сказалъ все, что зналъ. Я былъ не правъ! Я каюсь!

— Почему?—спросилъ тотъ въ изумленіи.

— Потому что самъ прошелъ черезъ ту же исторію.

Онъ разстегнулъ воротъ рубашки и указалъ на шею, на которой виднѣлась небольшая ссадина и синеватая полоса; затѣмъ добавилъ съ угрюмой улыбкой:

— Получилъ доказательствъ, сколько душѣ угодно.

Редакторъ бросилъ перо и въ удивленіи уставился на него.

— Видите ли, м-ръ Грей, отчасти вы сами въ томъ виноваты! Когда вы подняли меня на смѣхъ и подзадорили меня заняться репортажемъ, я былъ такъ глупъ, что принялъ вашъ вызовъ. Пошелъ разъ-другой взглянуть между дѣломъ, что дѣлается у Рамирецовъ. Одинъ разъ явился я къ нимъ, пока тамъ шла игра. Было тамъ нѣсколько американцевъ, которымъ сильно везло, насколько я могъ судить; притомъ они уже успѣли накачаться тѣмъ *агуардіенте*, которое валитъ съ ногъ. Понимаете ли, у меня явилось подозрѣніе, что если тутъ творятся не чистыя дѣла, то нѣтъ ничего легче, чѣмъ напасть на этихъ мо-

лодцовъ, когда они съ пьяныхъ глазъ отправятся во-свояси съ выигрышемъ.

— Стало-быть, вы отказались отъ теоріи о ревности Рамиреца къ полковнику?—съ улыбкой спросилъ редакторъ.

— Погодите! я еще не кончилъ! Я просто предполагалъ, что если на усадьбѣ держатъ шайку негодяевъ, то ихъ можно использовать съ этой цѣлью, и мнѣ только хотѣлось накрыть ихъ на мѣстѣ преступленія. Итакъ, когда пришло имъ время расходиться, я какъ ни въ чемъ не бывало пошелъ себѣ бродить по дорогѣ и сталъ смотрѣть во всѣ глаза. Ярдахъ въ ста отъ дома имѣется нѣчто въ родѣ «корраля», футовъ въ шесть вышины,— глинистая стѣна, а поверхъ—изгородь изъ кольевъ. Нѣкоторые изъ кольевъ оказались выломанными; я заглянулъ внутрь, но такъ какъ никого не было, то я прислонился къ одному изъ отверстій и сталъ дожидаться.

.Вдругъ что-то схватило меня за шиворотъ и такъ стиснуло галстукъ и воротникъ, что я еле могъ продохнуть. Чѣмъ больше я вертѣлся, тѣмъ хватка становилась тѣснѣе. Я не могъ ни крикнуть ни выговорить слова, и такъ стоялъ, разинувъ ротъ, пригвожденный къ окаянной изгороди, да размахивая руками и ногами, какъ игрушечный паяцъ! Вамъ это кажется смѣшнымъ, м-ръ Грей,— не спорю, что я долженъ былъ походить на пугало,— но не хотѣлось бы мнѣ опять пережить то, что пережилъ тогда. Глотку сжимало все туже; все почернѣло вокругъ; я уже собрался было въ далекій путь и подумывалъ о томъ, что вамъ пора пустить объявленіе насчетъ новаго фактора, какъ вдругъ что-то оборвалось—и освободило меня.

То была моя шейная запонка,—и я камнемъ упалъ на землю. Пока я отдышался и смогъ влѣзть на окаянную изгородь и соскочить внутрь, тамъ не оказалось ни живой души, кромѣ нѣсколькихъ лошадей, которыя шарахнулись прочь отъ моего прыжка. Можете себѣ представить, что со мной дѣлалось! И надо же мнѣ было еще, выйдя обратно на дорогу, повстрѣчаться съ ватагой этихъ пьяныхъ болвановъ, позвякивающихъ своими выигрышами въ полномъ восторгѣ,—и никого поблизости! Я за компанію пошелъ вмѣстѣ съ ними до города, но ничего ровно не случилось.

— Но, дорогой мой Ричардсъ,—горячо сказалъ редакторъ,— тутъ уже не до репортажа — здѣсь дѣло полиціи. Вамъ слѣдуетъ тотчасъ же повидать депутата-шерифа и подать ему жалобу,—или вы хотите, чтобы это исходило отъ меня? Дѣло вѣдь не шуточное.

— Дайте срокъ, м-ръ Грей,— медленно проговорилъ Ричардсъ.— Я никому не говорилъ объ этомъ, кромѣ васъ, и

никому не скажу. Это мое личное дѣло,—и сдается мнѣ, что я самъ смогу управиться съ нимъ, не прибѣгая къ пересмотрѣнному своду законовъ штата Калифорніи и къ шерифской власти.

Въ юмористическихъ голубыхъ глазахъ блеснули стальныя искорки, которыя редактору приходилось уже видѣть въ рѣшающіе моменты, и говорилъ онъ медленно и степенно, что, по мнѣнію Грея, также обѣщало мало хорошаго противнику.

— Не будьте болваномъ, Ричардсъ,—спокойно замѣтилъ онъ.—Не принимайте заурядной грубой выходки за личное оскорбленіе. Безъ всякаго сомнѣнія, напавшій на васъ негодяй обобралъ бы васъ, когда бы не подоспѣли остальные.

Ричардсъ тряхнулъ головой.

— Онъ десять разъ успѣлъ бы меня ограбить, прежде чѣмъ они подошли, если бы точно дѣло шло о грабежѣ. Нѣтъ м-ръ Грей, то не былъ грабежъ.

— Не пріударили ли вы за сеньорой Рамирецъ, какъ полковникъ Старботтль?—со смѣхомъ спросилъ редакторъ

— И не думалъ!— презрительно отозвался Ричардсъ:— не въ моемъ она вкусѣ. Но...—Онъ на мигъ замялся, затѣмъ продолжалъ:— была тамъ одна красотка—должно-быть, ея дочка — фея да и только! Вошла она только на минутку—ее мигомъ выставили изъ комнаты,—да и то сказать, будь я проклятъ, если она не была такъ же у мѣста въ этомъ туманѣ табачнаго дыма и чесночнаго варева, какъ ангелъ на боѣ быковъ. И вотъ еще, что сбило меня съ толку—кожа у нея бѣлая, какъ у насъ съ вами, глаза голубые, а волосы темно-рыжіе, заплетенные въ большущую косу. Когда бы только не говоръ нараспѣвъ и не ея «gracias, senor», можно бы побиться объ закладъ, что она американочка, вновь прибывшая изъ-за равнинъ Синей-Травы.

М-ра Грея забавлялъ энтузіазмъ его фактора. Онъ испустилъ многозначительный свистъ:

— Однако, Ричардсъ, вы видно парень не промахъ! Это еще что за штуки такія?

— Да что вы, м-ръ Грей, вѣдь она сущее еще дитя,—самое большее, что ей четырнадцать лѣтъ!

— Положимъ, у нихъ выходятъ замужъ двѣнадцати лѣтъ,— со смѣхомъ возразилъ редакторъ. — Держите ухо востро! Не подмѣтилъ ли вашего восхищенія какой-нибудь другой вздыхатель?

Онъ тутъ же пожалѣлъ о сказанномъ, увидавъ вспыхнувшій на щекахъ румянецъ ревности и прежній стальной блескъ въ глазахъ Ричардса.

— Думается мнѣ, что я сумѣю съ этимъ управиться, сэръ, медленно произнесъ онъ,—и что въ слѣдующую мою встрѣчу съ этимъ молодцомъ—кѣмъ бы онъ ни оказался!— онъ увидитъ не одну только мою спину.

Редакторъ зналъ, что сомнѣваться въ этомъ не приходится, и съ минуту недоумѣвалъ, не слѣдуетъ ли ему передать дѣло въ руки полиціи. Ричардсъ слишкомъ хорошій человѣкъ и работникъ, чтобы рисковать потерять его въ трактирной дракѣ. Сообразивъ, однако, что этимъ онъ можетъ ускорить тотъ самый скандалъ, котораго ему желательно избѣжать, онъ рѣшилъ произвести личное разслѣдованіе. Имъ начинало овладѣвать серьезное любопытство. Странно также, что описаніе Ричардса совпадаетъ съ болѣе утонченнымъ типомъ *гидальго*, или бѣлокожихъ испанскихъ поселенцевъ. Если оно правильно, что дѣлаетъ здѣсь эта дѣвушка? и каковы ея отношенія къ Рамирецамъ?

II.

На слѣдующій день онъ отправился на фонду. Расположенная на окраинѣ давно уже переросшаго ее города, она до сихъ поръ сохранила слѣды прежняго своего назначенія, въ качествѣ *гаціенды* или фермы одного изъ испанскихъ землевладѣльцевъ, *Патіо*, или внутренній дворъ, все еще существовалъ въ видѣ загородки для повозокъ, и виднѣлось даже нѣсколько лошадей, привязанныхъ къ перилламъ внутренняго коридора, служившаго теперь фондѣ или харчевнѣ открытой верандой. Противоположное крыло зданія служило *тіенди*—то-есть, складомъ товаровъ, потребныхъ для мексиканскаго населенія, и также принадлежало Рамирецу.

Самъ хозяинъ—сложенный какъ Санчо Панца и обросшій круглыми бакенами—привѣтствовалъ его съ развязной поверхностной любезностью. Фонда, и все, что въ ней имѣется, всецѣло находятся въ его disposiçion.

Сеньора, кокетливо повышая и понижая голосъ, сокрушалась о его продолжительномъ отсутствіи, его невѣрности и общемъ вѣроломствѣ. Правда, онъ сталъ теперь великимъ человѣкомъ! Онъ пишетъ о дѣлахъ своего народа—скромные друзья теперь уже не чета ему! Ахъ! — таковы пути міра! А между тѣмъ не такъ давно еще—ну, да, на этой самой недѣлѣ—ихъ посѣтилъ не кто иной, какъ самъ главный *импрезоръ импренты* дона Панчо.

Поистинѣ, великій человѣкъ! Ну что же, надо довольствоваться тѣмъ, что можно заполучить. Кто они? бѣдные трактирщики: если не пришелъ губернаторъ, приходится привѣтствовать и алькада.

Редакторъ—иначе сказать, донъ Панчо,—отвѣчалъ съ одинаковой горячностью. Въ самомъ дѣлѣ, онъ рекомендовалъ *фонду* своему *импрезору*, явившемуся сюда передъ нимъ въ качествѣ курьера. Но что онъ слышалъ? *Импрезоръ* былъ пораженъ видомъ прелестной дѣвушки—совсѣмъ еще *мучачи*—однако красоты неописанной—не подлежитъ сомнѣнію, что это дитя—дочь его пріятельницы? Итакъ, на фондѣ еще разъ повторилось старое чудо зрѣлаго апельсина и благоуханнаго цвѣточка на одномъ и томъ же деревѣ? И все это утаили отъ него!

— Да, но вѣдь это случилось всего только на-дняхъ,—пояснила видимо польщенная Сеньора.—*Мучача*—ибо точно она еще дитя—только-что возвратилась изъ монастыря въ Сенъ-Хозе, гдѣ пробыла четыре года. Ахъ! ничего не подѣлаешь! Развѣ фонда подходящее мѣсто для ребенка, которому впору только учить молитвы Богородицѣ?—вотъ ее и продержали тамъ. А теперь, что она дома, ничего знать не хочетъ кромѣ лошади. Съ утра до поздней ночи! Кабаллеро могутъ ходить взадъ и впередъ, въ домѣ можетъ быть пиръ горой—а ей и горя мало! Лишь бы ей была лошадь. Даже и сейчасъ, скачетъ себѣ по полямъ. Не угодно ли дону Панхо взглянуть на Коту на лошади?

Редакторъ охотно согласился и сопроводилъ хозяйку дома вдоль коридора къ ступенькамъ, съ которыхъ открывался видъ на широкую площадь прежняго выгона фермы. Вдали носилась на лошади стройная бѣлая фигурка. По знаку сеньоры Раміерецъ, она круто завернула и помчалась къ нимъ. Но, не доѣхавъ сотни ярдовъ, она вдругъ осадила лошадь, какъ это дѣлаютъ *вакеро* и, соскочивъ съ нея, пѣшкомъ пошла къ нимъ навстрѣчу, ведя лошадь въ поводу.

Къ своему удивленію, м-ръ Грей увидалъ, что она ѣхала безъ сѣдла, а судя по ея скромной остановкѣ на благородномъ разстояніи, еще и *по-мужски!* Комплименты, высказанные имъ матери, были вполнѣ искренни, такъ какъ онъ былъ пораженъ ловкостью и неустрашимостью наѣздницы. Но когда она и лошадь, наконецъ, остановились передъ нимъ, онъ смѣшался и не сразу нашелъ, что сказать.

Ибо Ричардсъ не преувеличилъ красоты дѣвушки. Дѣйствительно, она была опасно хороша, начиная съ маленькой золотистой головки и кончая крошечными ножками. Фигура же

ея, хотя и очень миніатюрная, была совершенно пропорціональна. Несмотря на сѣрые глаза и цвѣтъ волосъ, она была типичной испанкой, и одинъ только простодушный и восторженный Ричардсъ могъ сравнить ее съ американкой.

Но еще болѣе онъ удивился, увидавъ, что ея мустангъ столь же своеобразенъ, какъ и она сама. Это была кобыла полукровка, оригинальной масти, извѣстной въ Америкѣ подъ названіемъ «пинто»—пѣгой, буланой съ сѣрымъ. По сложенію, это былъ настоящій арабскій конь, притомъ лишь наполовину объѣзженный. Зеленовато-сѣрые глаза, въ которыхъ было видно слишкомъ много бѣлка, страннымъ образомъ напоминали взглядъ самой Коты!

Безконечно пораженный, Грей уставился на дѣвушку, въ ея бѣломъ въ оборочкахъ платьѣ, съ открытой головой въ рыжихъ кудряхъ, и на стоявшее рядомъ съ ней голубое въ розовымъ, воплощеніе лошадиной несуразности, и готовъ былъ вообразить себя въ циркѣ.

Онъ пробормоталъ нѣсколько словъ восхищенія по адресу кобылы. Миссъ Кота граціозно развела руками и низко присѣла:

— A la disposiçion de Usted, Señor.

Грей тотчасъ подмѣтилъ лукавую шаловливость, скрывавшуюся подъ церемоннымъ привѣтствіемъ и сверкавшую въ веселыхъ глазахъ. Ему даже почудилось, что ея настроеніе раздѣляется самимъ животнымъ, какъ бы то ни было, онъ имѣлъ большой опытъ въ укрощеніи дикихъ лошадей и нѣсколько гордился своей прытью. Онъ поклонился.

— Принимаю даръ сеньориты, для того, чтобы снова сложить его къ ея ножкамъ.

Здѣсь, однако, толстый Рамирецъ счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться.

— Ахъ, Матерь Божія! Къ чорту всѣ эти глупости: чтобы ихъ больше не было! — съ нетерпѣніемъ сказалъ онъ дѣвушкѣ. — Берегитесь, Донъ Панчо! — прибавилъ онъ, обращаясь къ редактору, — это подвохъ!

— Думается, что этотъ подвохъ мнѣ извѣстенъ,—многозначительно сказалъ Грей. Дѣвушка съ любопытствомъ смотрѣла, какъ онъ ухитрился протиснуться между нею и мустангомъ, подъ предлогомъ потрепать его по лоснящейся щеѣ.— Я оставлю *свои собственныя* шпоры,—добавилъ онъ вполголоса, указывая на американскія острыя шпоры съ небольшими колесцами, которыя носилъ вмѣсто широкой, тупой, пятиугольной звѣзды мексиканскаго образца.

Дѣвушка, очевидно, не сразу смекнула, въ чемъ дѣло, хотя и поняла это минуту спустя, потому что, не пытаясь даже ухватиться за гриву лошади, Грей однимъ прыжкомъ очутился у нея на спинѣ. Совершенно не ожидавшая этого, лошадь сперва была ошеломлена. Пока она спохватилась, всадникъ успѣлъ уже укрѣпиться на ней. Онъ чувствовалъ, какъ ея гибкій хребетъ изогнулся подъ нимъ, какъ спина кошки, когда она стрѣлой взвилась кверху.

Но тутъ она ошиблась въ расчетѣ! Вмѣсто того, чтобы тѣсно прильнуть къ бокамъ внутренней стороной икръ, на манеръ *ваккеро*, какъ она къ тому привыкла, онъ вонзилъ ей шпоры въ бока и далъ своему туловищу подняться вмѣстѣ съ ея прыжкомъ, такъ что такая шпора прорѣзала борозду отъ живота лошади почти до самой спины.

Лошадь какъ пуля припала на ноги, при чемъ онъ проворно высвободилъ шпоры и сѣлъ на мѣсто, чувствуя себя немного потрясеннымъ, но ни мало не сконфуженнымъ. Снова она дала прыжокъ, снова шпоры отмѣтили его высоту длинной царапиной на гладкихъ бокахъ. Она сдѣлала третью попытку, но на этотъ разъ опустилась на полпути, почувствовавъ рѣзнувшую ея сталь, и остановилась какъ вкопанная, дрожа всѣмъ тѣломъ. Грей соскочилъ на землю.

Со стороны трактирщика и его жены послышались рукоплесканія, поддержанныя слонявшимся по коридору *ваккеро*. Конфузясь собственной побѣды, Грей повернулся къ Котѣ готовясь извиниться. Къ его удивленію, она окинула равнодушнымъ взглядомъ окровавленные бока своей любимицы, разсматривая зато сѣдока съ усиленнымъ любопытствомъ.

— Ахъ!—проговорила она, глубоко переводя дыханіе,— вы сильны—и вы понимаете въ чемъ дѣло.

— Я только отвѣчалъ хитростью на хитрость, сеньора!— возразилъ онъ, краснѣя,—позвольте мнѣ осмотрѣть царапины на конюшнѣ,—добавилъ онъ, когда она повернулась уходить, уводя взволнованную лошадь къ виднѣющемуся поодаль загону.

Грей хотѣлъ взять у нея изъ рукъ поводъ, но она сдѣлала ему знакъ итти впередъ. Онъ повиновался; но едва успѣлъ достигнуть двери конюшни, какъ она вдругъ грубо схватила его за плечи и, втолкнувъ его внутрь, захлопнула за нимъ дверь.

Въ изумленіи и даже негодованіи, онъ обернулся къ двери во-время, чтобы уловить слабый звукъ какой-то возни сна-

ружи, послѣ чего Кота вошла къ нему съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Простите, сеньоръ,—живо сказала она,—но я боялась, что она васъ лягнетъ. Впрочемъ, будьте покойны, такъ какъ слуга увелъ ее прочь!

Она указала на неповоротливаго *пеона* съ злобнымъ лицомъ, сердито отгонявшаго мустанга къ корралю.

— Забудьте объ этомъ! Я была груба!

— Санта Марія! я также чуть васъ не сбросила, но все же,— добавила она съ ослѣпительной улыбкой,—не надо наказывать меня такъ, какъ вы наказали ее! Потому что вы очень сильны—и понимаете!

Но Грей ничего не понималъ, и, наскоро извинившись, поспѣшилъ ускользнуть отъ прекрасной, но зловѣщей своей мучительницы. Притомъ, этотъ неожиданный инцидентъ временно отвлекъ его вниманіе отъ главной цѣли посѣщенія— отъ разоблаченія обидчиковъ Ричардса и полковника Старботтля.

Однако разспросы четы Рамирецъ не дали никакихъ результатовъ. Сеньору Рамирецу никогда не приходилось замѣчать никакихъ подозрительныхъ личностей среди посѣтителей фонды, и если не считать кое-какихъ недоразумѣній съ пьяными американцами и ирландцами, его никто не тревожилъ.

— Вотъ развѣ *пеонъ*, ихъ бывшій *ваккеро*? положимъ, онъ не ангелъ, но, тѣмъ не менѣе, опасенъ только для быка и старыхъ лошадей—вѣдь онъ боится даже Коты!

Нечего дѣлать, пришлось ѣхать домой не солоно хлебавши.

Не мало былъ онъ озадаченъ недѣлю спустя, когда, вернувшись невзначай въ редакцію, услыхалъ въ наборной дѣтскій музыкальныхъ смѣхъ.

Кота! Какъ объяснилъ ему Ричардсъ, она явилась по его приглашенію, чтобы ознакомиться съ чудесами и тайнами печатнаго дѣла въ такое время, когда они не могутъ «обезпокоить мистера Грея за работой». Но сіяющее лицо Ричардса и простодушная нѣжность его голубыхъ глазъ ясно выдавали внезапный ростъ овладѣвшей имъ искренней страсти, а небывалое великолѣпіе его костюма доказывало, какъ тщательно онъ подготовился къ случаю.

Грей былъ не на шутку озабоченъ и встревоженъ, такъ какъ считалъ дѣвушку опасной кокеткой. Однако ничто не могло быть очаровательнѣе ея наивнаго ребяческаго любопытства, въ то время, какъ она слѣдила за Ричардсомъ, ору-

довавшимъ рычагомъ станка или подбиравшимъ длинные ряды шрифта. Онъ даже напечаталъ карточку съ именемъ «Сеньорита Кота Рамирецъ», текстъ котораго былъ набранъ собственными ея смуглыми пальчиками, подъ аккомпанементъ переливовъ музыкальнаго смѣха.

Редакторъ могъ бы и самъ размечтаться, когда бы не то обстоятельство, что сѣрые глаза, такъ часто пытливо останавливавшіеся на немъ, пока онъ якобы слушалъ Ричардса, болѣе чѣмъ когда-либо походили на глаза мустанга, по исполосованнымъ бокамъ котораго такъ безчувственно блуждалъ ея взглядъ.

Онъ вскорѣ удалился, чтобы не мѣшать ихъ невинному tête-à-tête, но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ Кота уже обогнала его на большой дорогѣ, вскачь на своемъ *пинто*, при чемъ задорно послала ему воздушный поцѣлуй.

Въ теченіе послѣднихъ дней Ричардсъ избѣгалъ разговоровъ о Котѣ, что редакторъ приписалъ стыдливости серьезнаго чувства, хотя въ то же время къ своему изумленію убѣдился, что его факторъ какъ-то охладѣлъ къ розыскамъ своего невѣдомаго врага. Такимъ образомъ обсужденіе вопроса пало само собой, и любопытство Грея начинало уже ослабѣвать, когда его неожиданно оживилъ случайный инцидентъ.

Одинъ его старый товарищъ и закадычный другъ—нѣкто Энрикецъ Сальтильо—бросилъ прогулку въ горахъ спеціально для того, чтобы его навѣстить. Энрикецъ былъ родомъ изъ одной изъ древнѣйшихъ испано-калифорнскихъ фамилій; онъ питалъ искренную дружбу къ редактору, и любилъ вдобавокъ напускать на себя неумѣренное пристрастіе къ американскимъ нравамъ и обычаямъ: настолько даже, что примѣшивалъ калифорнскій жаргонъ къ типичной испанской изысканности рѣчи и къ лично присущей ему легкой ироніи.

Въ виду этого, м-ръ Грей нисколько не удивился, заставши его на своемъ креслѣ за чтеніемъ «Глашатая»—со сдвинутой на затылокъ шляпой и покоящимися на столѣ ногами. Это не помѣшало ему мигомъ вскочить и расцѣловать Грея съ характерной экспансивностью.

— Всего лишь часъ назадъ, мой миленькій братецъ, я очутился за какихъ-нибудь двѣ мили отсюда.—Эге! говорю я себѣ! Вѣдь это то мѣсто, гдѣ живетъ донъ Панчо, мой другъ! Я застану его за сочиненіемъ великолѣпной передовой статьи, за сборомъ подписки, или за «вышибаніемъ глаза» у редактора-соперника, и буду присутствовавать при этомъ зрѣлищѣ! Я не колеблюсь болѣе—лечу въ тотъ же мигъ—и вотъ я здѣсь!

Грей былъ въ восторгѣ. Сальтильо превосходно зналъ все испанское населеніе—какъ собственную высшую расу, такъ и ея мексиканскихъ и индѣйскихъ союзниковъ. Если кто-нибудь могъ разрѣшить тайну фонды и открыть невѣдомаго противника Ричардса, такъ это именно онъ! Однако онъ для начала удовлетворился нѣсколькими краткими вопросами относительно прекрасной Коты и ея непонятной близости къ Рамирецамъ. Сообщенія Энрикеца были въ такой же степени лаконичны.

— Ваши подозрѣнія, мой милѣйшій братецъ, отчасти правильны—но, впрочемъ, только наполовину! Ангелочекъ Кота, несомнѣнно, дочь обворожительной сеньоры Рамирецъ, однако не превосходнаго сеньора, ея мужа. Ахъ! что прикажете? Мы испанцы простой, патріархальный народъ; мексиканецъ Рамирецъ былъ арендаторомъ у стараго испанскаго землевладѣльца—такого же какъ мой отецъ—мы же привыкли быть отцами бѣдняковъ, подчасъ и ихъ дѣтей. Возможно, поэтому, что безподобная Кота похожа на испанскаго землевладѣльца. Впрочемъ, постойте—пребывайте въ спокойствіи! Припоминаю теперь,—внезапно драматически ударивъ себя по лбу,—бывшій владѣлецъ этого ранча не кто иной какъ мой кузенъ Тибурціо! Такимъ образомъ, другъ мой, этотъ ангелочекъ приходится мнѣ двоюродной племянницей. Смотрите на меня! Я тотчасъ отправляюсь туда съ визитомъ. Я обнимаю давно утраченную родственницу. Я представляю лучшаго своего друга, дона Панчо, который ее любитъ. Я говорю: «Благословляю васъ, дѣти мои!» и дѣло въ шляпѣ! Иду! Уже пошелъ!

Онъ вскочилъ съ мѣста и нахлобучилъ шляпу на голову, но Грей поймалъ его за руку.

— Ради всего святого, Энрикецъ, будьте хоть разъ въ жизни серьезнымъ!—воскликнулъ онъ, насильно усаживая его обратно.—Да не кричите такъ громко. Мой факторъ, гутъ рядомъ въ комнатѣ, восторженный поклонникъ дѣвушки. Ради него я и навожу эти справки.

— Ахъ, это тотъ джентльменъ въ pantuflos, брюки котораго не хотятъ оставаться на мѣстѣ? Я видалъ его, другъ. Поистинѣ онъ обладаетъ непомѣрнымъ честолюбіемъ прійти съ постели на работу безъ умыванья или одѣванья по пути. Хорошо, хорошо,—пребавилъ онъ въ отвѣтъ на полу-серьезное раздраженіе Грея,—пребывайте спокойнымъ. Я не возьму своего слова обратно изъ-за него! Какъ я сказалъ, такъ и будетъ. Другъ моего друга то же, что мой другъ! По правдѣ, онъ непривлекателенъ для глаза, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ

въ свое время сдѣлается губернаторомъ или сенаторомъ. Я дамъ ему свою двоюродную племянницу. Конечно! Я тутъ же ему скажу!

Онъ попытался встать, но Грей удержалъ его на мѣстѣ, при чемъ встряхнулъ какъ слѣдуетъ за плечи.

— Право стоило бы васъ пустить, и посмотрѣть, какъ васъ вышвырнутъ въ окно за труды,—сказалъ редакторъ, смѣясь противъ воли.—Выслушайте меня. Дѣло серьезнѣе, чѣмъ вы думаете.

И Грей вкратцѣ изложилъ исторію таинственныхъ нападеній на Старботтля и Ричардса. Во время разсказа онъ замѣтилъ, что ироническій блескъ исчезъ изъ глазъ Энрикеца, и взглядъ его подернулся задумчивостью. Онъ началъ крутить тонкіе усы—вѣрный признакъ волненія у Энрикеца.

— Если съ двумя людьми, столь противоположными, какъ воинственный Старботтль и превосходный Ричардсъ, произошелъ одинъ и тотъ же случай, это еще не доказываетъ, что послѣдній исходитъ отъ Рамирецовъ, хотя бы они и были оба на фондѣ,—серьезно сказалъ онъ.—Причина случившагося явилась не сегодня и не вчера, ни даже на прошлой недѣлѣ. Причина была налицо, когда еще не было на свѣтѣ ни воинственнаго Старботтля ни превосходнаго Ричардса; когда еще не было въ Калифорніи ни единаго американца,—прежде чѣмъ мы съ вами явились въ міръ, мой братецъ! Причина случилась—*двѣсти лѣтъ тому назадъ!*

Редакторъ сдѣлалъ недовѣрчивый и нетерпѣливый жестъ, но остановился при видѣ несомнѣнной искренности Энрикеца.

— То, что я говорю, правда, серьезно,—продолжалъ тотъ.— Это старая исторія—и длинная исторія. Я сдѣлаю ее короткой — и новой!

Онъ помолчалъ и закурилъ папироску, не мѣняя страннаго выраженія лица.

— Было это тогда, когда патеры впервые стали миссіонерствовать, и брали язычниковъ, и обращали ихъ, и спасали ихъ души. Такое ужъ было ихъ ремесло—понимаете, мой Панхо? Чѣмъ больше они обратятъ язычниковъ, чѣмъ больше спасутъ душъ, тѣмъ лучше для дѣла. Но язычники не всегда хотятъ обращаться: язычники бѣгутъ, язычники удираютъ, язычники не хотятъ оставаться, а обращаются вспять. Что подѣлаете? Итакъ, святые отцы затѣваютъ маленькую игру. Вамъ, мой маленькій братъ, быть-можетъ, неизвѣстно, какимъ образомъ святые отцы обращаютъ язычниковъ?—невозмутимо добавилъ онъ.

— Нѣтъ, — сказалъ редакторъ.

— Я вамъ скажу.—Берутъ они въ *президію* пять или шесть драгуновъ,—понимаете?—кавалерійскихъ солдатъ, и ловятъ язычника въ его маленькой хижинѣ. Когда нельзя окружить его, и онъ бѣжитъ, его ловятъ на лассо какъ дикую лошадь. Лассо хватаетъ его за шею; приходится остаться на мѣстѣ. Иногда его удавятъ. Иной разъ онъ окажется мертвымъ, но зато душа его спасена. Вы мнѣ не вѣрите, Панчо? Я вижу, вы хмурите лобъ, сверкаете глазами: вамъ не нравится? Повѣрьте, мнѣ также не нравится, но это такъ!

Онъ пожалъ плечами, отшвырнулъ недокуренную папироску и продолжалъ.

— Одинъ падре пылалъ чрезвычайнымъ рвеніемъ къ спасенію душъ. Разъ какъ-то онъ видитъ, что язычница—молодая дѣвушка—убѣжала отъ солдатъ; тутъ онъ самъ беретъ лассо и бросаетъ его. Ему везетъ; онъ ловитъ ее—но что за притча? Она не останавливается—она все бѣжитъ! Мало того, что бѣжитъ, но увлекаетъ за собой добраго падре! Онъ не можетъ высвободиться, потому что *ріата* крѣпко привязана къ его сѣдлу; драгуны не могутъ помочь, потому что онъ увлеченъ черезчуръ быстро. Одно мгновеніе, и она исчезла—а съ нею исчезъ и падре. Но почему? Его лассо поймало не дѣвушку, а дьявола! Понимаете?—это кара—возмездіе—онъ погибъ! И на вѣки вѣковъ. Ибо съ тѣхъ поръ онъ обреченъ возвращаться каждый годъ—въ видѣ призрака, на призрачномъ конѣ закидывать лассо, какъ бы для того, чтобы ловить язычниковъ. И въ эту игру онъ осужденъ играть на вѣки вѣковъ. Такъ какъ теперь нѣтъ больше язычниковъ, то онъ ловитъ кого можетъ. Дѣдъ мой видалъ его однажды,—было это ночью въ грозу, и онъ промчался мимо какъ молнія. Моему дѣду очень это не понравилось — онъ былъ очень недоволенъ. Мой дядя также повстрѣчался съ нимъ, но осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и лассо упало рядомъ, и дядя остался очень доволенъ. Одинъ изъ *ваккеро* моего отца и *пеонъ* моего двоюроднаго брата оба были найдены на дорогѣ, задушенными на-смерть. Много погибло народа такимъ образомъ. Иной разъ видали его самого, другой разъ женщину, иногда одну только лошадь. Но каждый разъ оказывалось, что кто-нибудь да задушенъ на-смерть. Поистинѣ, другъ мой, воинственный Старботтль и честолюбивый Ричардсъ спаслись только чудомъ!

Редакторъ съ любопытствомъ оглядѣлъ пріятеля. Ничто въ его тонѣ и выраженіи не напоминало о шуткѣ или иронiи; въ немъ замѣчались одинъ только искренность и серьезность,

плохо вязавшіяся съ его темпераментомъ. Грей сталъ вступикъ.

— Вы хотите этимъ сказать, что существуетъ подобное общеизвѣстное преданіе?—спросилъ онъ наконецъ.

— Среди моихъ соотечественниковъ—да.

— А *вы* въ него вѣрите?

Энрикецъ помолчалъ. Затѣмъ всталъ, пожалъ плечами.

— Quien saÞe? Оно не болѣе непонятно, чѣмъ вашъ разсказъ.

Онъ съ важностью надѣлъ шляпу, а вмѣстѣ съ ней какъ бы вновь облекся обычнымъ своимъ легкомысліемъ.—Послушайте-ка, что-то давненько ужъ ничего не было выпито! Пойдемте въ гостиницу, и пусть буфетчикъ дастъ намъ брэнди и мятнаго питья, пока лассо брата Педро еще не отучило насъ глотать. Живо, бѣжимъ!

М-ръ Грей возвратился въ редакцію «Глашатая» въ несравненно болѣе удовлетворительномъ состояніи духа. Каково бы ни было его мнѣніе объ искренности Энрикеца, впервые съ самого дня нападенія на полковника Старботтля онъ усматривалъ въ инцидентѣ законную пищу для газеты. Изъ легенды вмѣстѣ съ ея курьезнымъ совпаденіемъ съ покушеніями, можно сфабриковать великолѣпную сенсацію.

Нѣтъ надобности называть никакихъ именъ, и если бы даже полковникъ Старботтль и узналъ свое приключеніе, онъ не могъ бы заявлять никакихъ претензій на его истолкованіе. Редакторъ по опыту зналъ, что каждый не прочь быть героемъ разсказа о привидѣніяхъ, или избраннымъ свидѣтелемъ спиритической манифестаціи. Такъ же и Ричардсъ не могъ оскорбиться подобнымъ освѣщеніемъ его личнаго приключенія, до сихъ поръ хранившагося въ тайнѣ, лишь бы не касались его отношеній къ прекрасной Котѣ. Немедленно призвавъ его въ свой кабинетъ, редакторъ вкратцѣ изложилъ ему только что переданную Энрикецомъ исторію, и добавилъ, что намѣренъ ее использовать для газеты. Къ его удивленію, лицо Ричардса выразило столько же тревоги, какъ и лицо Энрикеца.

— Исторія хорошая, что и говорить,—стѣсненно замѣтилъ онъ;—не спорю, что для газеты матеріалъ самый подходящій,—да только *теперь*-то все это ни къ чему. Дѣло въ томъ, что вся тайна разъяснилась, и преступникъ разоблаченъ.

— Разоблаченъ? Какъ? Когда? почему вы раньше мнѣ не сказали?—въ изумленіи воскликнулъ Грей.

— Я не зналъ, что вы такъ ужъ этимъ интересуетесь,—все болѣе смущаясь отвѣтилъ Ричардсъ,—притомъ же секретъ принадлежитъ не мнѣ одному.

— Дальше!—съ нетерпѣніемъ сказалъ редакторъ.

— Ну-съ,—продолжалъ угрюмо Ричардъ,—былъ одинъ такой балбесъ, что увлекся Котой и далъ себя одурачить настолько, что согласился проѣхаться на ея окаянномъ розово-пѣгомъ мустангѣ. Само собой разумѣется, что лошадь съ мѣста подхватила, но тотъ ухитрился удержаться за гриву одну-двѣ мили, пока та не начала давать козлы. При первомъ же козлѣ, онъ свалился на землю, хотя не расшибся. Но едва онъ попытался встать, какъ кто-то схватилъ его за шиворотъ и началъ душить. Его такъ туго стиснуло, что онъ не могъ обернуться, но все же кое-какъ удалось достать револьверъ и выпустить два заряда изъ-подъ руки. Съ минуту его продолжали давить, затѣмъ хватка ослабѣла, и на него навалилось что-то грузное, но онъ изловчился и выпалъ наружу. И тутъ, чтобы вы подумали?—онъ увидалъ эту самую лошадь!.. съ двумя пулевыми ранами въ шеѣ и собственнымъ его галстукомъ въ зубахъ! Да-съ, сударь мой! мужланъ, напавшій на полковника Старботтля, негодяй, вцѣпившійся въ меня сзади, когда я стоялъ, прислонившись къ окаянной изгороди, былъ не кто иной, какъ все тотъ же забытый Богомъ, измышленный адомъ пинто!

Въ головѣ редактора какъ молнія мелькнуло воспоминаніе о собственномъ его происшествіи, и странной вознѣ за дверью конюшни на фондѣ. Несомнѣнно, Кота въ тотъ мигъ спасла его отъ такого же нападенія.

— Но почему бы не разсказать этой исторіи въ придачу къ первой?—спросилъ редакторъ, возвращаясь къ своей идеѣ.— Она страшно интересна.

— Не годится,—повторилъ съ угрюмымъ упорствомъ Ричардсъ.

— Почему!

— Потому, м-ръ Грей, что балбесъ этотъ,—я самъ!

— Вы! вы вторично подверглись нападенію?

— Да,—сказалъ Ричардсъ, становясь все мрачнѣе.—Вторично—и нападающимъ была все та же лошадь! Лошадь Коты! И знала ли Кота о ея продѣлкахъ, нѣтъ ли, но фактъ тотъ, что она была въ полной ярости за то, что я убилъ ее, и теперь между нами все кончено.

— Вздоръ!—порывисто возразилъ редакторъ,—она проститъ вамъ. Вы же не знали, когда стрѣляли, кто нападающій.

— Вспомните о покушеніи на дорогѣ.—Ричардсъ тряхнулъ головой съ упрямой безнадежностью. — Ни къ чему все, м-ръ Грей. Мнѣ слѣдовало и тогда догадаться, что это лошадь. Вѣдь, кромѣ лошадей, въ корралѣ никого не было. Нѣтъ! Кота уже уѣхала обратно въ Санъ-Хозе, и сдается мнѣ, что Рамирецъ

Прошло ужъ десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ мою Мелинду, а ей тогда было всего лѣтъ семь—отъ полу не видать. Ну-съ, какъ пріѣхалъ я въ Нью-Іоркъ,—что же я тутъ сдѣлалъ? Такъ и пошелъ къ себѣ въ домъ и спросилъ жену и дочь, какъ сдѣлалъ бы всякій другой? Ну, нѣтъ, сэръ! Переодѣлся я разносчикомъ—разносчикомъ, сэръ! и позвонилъ у дверей. Пришелъ слуга отворять—спрашиваю, не желаютъ ли дамы посмотрѣть кое-какія бездѣлушки? Тутъ голосъ съ лѣстницы говоритъ: «Ничего не надо—отправьте его прочь». «Хорошія кружева, мэмъ», говорю, «контрабандныя», и поглядываю кверху. «Прочь, негодяй», говоритъ. Я узналъ голосъ, ребята,—то была моя жена: вѣрно, какъ васъ вижу!—Это ужъ не инстинктъ. «Быть-можетъ, барышнямъ что понравится?»—говорю.—«Не слышишь развѣ?»—говоритъ, да какъ прыгнетъ впередъ! — тутъ я и далъ тягу. Десять лѣтъ, ребята, не видалъ старухи, ну, а тутъ, чуть только она прыгнетъ, я само собой и далъ тягу.

Онъ стоялъ у стойки буфета,—обычная его поза,—но въ этомъ мѣстѣ обернулся къ слушателямъ и окинулъ ихъ въ высшей степени эффектнымъ взглядомъ. И даже тѣ немногіе, которые до сихъ поръ обнаруживали нѣкоторый скептицизмъ и равнодушіе, внезапно изобразили на своемъ лицѣ глубокое удовольствіе и любопытство.

— Ну-съ, околачивался я тамъ по сосѣдству дня два, и, наконецъ, разузналъ, что на слѣдующей недѣлѣ день рожденія Мелинды, и что у нихъ будетъ большой вечеръ. Ну, ребята, скажу вамъ, это былъ пріемъ не какой-нибудь! Весь домъ цвѣлъ цвѣтами и сіялъ огнями и была тамъ уйма слугъ и серебра, и угощеній, и всякаго добра...

— Дядя Джо!

— Ну?

— Гдѣ они достали денегъ?

Пленкетъ смѣрилъ спрашивающаго суровымъ взглядомъ.

— Я всегда говорилъ,—медленно произнесъ онъ,—что когда поѣду домой, то пошлю имъ впередъ бумагу на десять тысячъ долларовъ. Говорилъ или нѣтъ? А? И говорилъ, что ѣду домой и былъ дома—вѣдь былъ, да? Ну, а дальше что?

Либо въ этой логикѣ было нѣчто неотразимо-убѣдительное, либо желаніе дослушать исторію Пленкета до конца очень ужъ было сильно, но только разсказчика больше не перебивали. къ нему живо вернулось обычное добродушіе, и съ легкой усмѣшкой онъ продолжалъ:

— Ну-съ, отправился я въ самый большой ювелирный магазинъ города и купилъ брильянтовыя серьги, и положилъ

ихъ въ карманъ, и пошелъ къ нимъ на квартиру. «Какъ доложить?» говоритъ малый, что открываетъ дверь,—такъ что-то среднее между трактирнымъ слугой и пасторомъ. «Скисискъ», говорю. Ведетъ онъ меня и тутъ моя жена выплываетъ въ гостиную и говоритъ: «Извините, но я что-то не припомню вашей фамиліи». Она, понимаете ли, была чрезвычайно любезна, потому что я былъ въ рыжемъ парикѣ и бакенбардахъ. «Пріятель вашего супруга изъ Калифорніи, говорю, съ подаркомъ для вашей дочери, мисс»... и прикидываюсь, словно позабылъ имя. Но вдругъ слышу голосъ: «Нѣтъ, не проведешь!» и тутъ входитъ Мелинда. «Не очень-то красиво, отецъ, прикидываться, что не знаешь какъ зовутъ родную дочь—развѣ такъ дѣлаютъ? Какъ поживаешь, старина?» Тутъ она срываетъ съ меня парикъ и бакенбарды и бросается мнѣ на шею—инстинктъ, господа, чистѣйшій инстинктъ.

Ободренный смѣхомъ, встрѣтившимъ дочернія изліянія Мелинды, онъ повторилъ разсказъ съ бо̀льшими или меньшими прикрасами, присоединяясь къ общему смѣху, нерѣдко даже подавая къ нему сигналъ и возвращался къ нему съ большей или меньшей несвязностью, нѣсколько разъ въ теченіе вечера.

Такъ монтефлатскій Одиссей повѣствовалъ о своихъ скитаніяхъ, въ различныя времена и различныхъ мѣстахъ,—но преимущественно въ барахъ и трактирахъ. Въ его разсказѣ подчасъ встрѣчались нѣкоторыя противорѣчія, иногда онъ чрезмѣрно изобиловалъ подробностями, попадались случайно и измѣненія въ мѣстности и характерахъ, раза два даже совершенно мѣнялась развязка, но тотъ фактъ, что онъ видался съ женой и дѣтьми, оставался неизмѣннымъ. Нечего и говорить, что въ скептической общинѣ Монте-Флата—общинѣ, привыкшей къ большимъ ожиданіямъ и малымъ достиженіямъ, гдѣ чаще всего, вмѣсто пріиска, по мѣстному выраженію, «находили краску и уходили съ пустымъ тазомъ»,—въ такой общинѣ сообщенія стараго Пленкета не пользовались безусловнымъ довѣріемъ. Среди общаго недовѣрія выдѣлялся единственный человѣкъ—Генри Іоркъ, изъ Санди Бара. Онъ одинъ неизмѣнно съ вниманіемъ слушалъ его; его-то тощій кошелекъ нерѣдко снабжалъ Пленкета средствами предаваться своимъ убыточнымъ спекуляціямъ; ему-то чаще всѣхъ описывались прелести Мелинды; онъ даже выпросилъ себѣ ея фотографію, разъ какъ-то, сидя въ своей одинокой хижинѣ ночью, осыпалъ поцѣлуями, пока его честное красивое лицо не зардѣлось яркой краской при свѣтѣ очага.

Пыльно было въ Монте-Флатѣ. Со всѣхъ сторонъ рушились развалины долгой засухи; всюду умирающее лѣто насыпало слой своего краснаго пепла въ футъ глубины или испускало духъ въ красномъ облакѣ пыли надъ тягостными дорогами. Ольхи и тополя, отмѣчавшіе берега рѣкъ, покрывались налетомъ пыли; даже блестящіе камни на днѣ пересохшихъ потоковъ были подобны сухимъ костямъ въ долинѣ смерти. Пыльный закатъ временами окрашивалъ мѣднымъ отблескомъ склоны далекихъ горъ; въ другіе дни, на вулканическихъ вершинахъ дальнѣйшаго берега виднѣлась необъяснимая дымка, какъ это бываетъ при землетрясеніи; ѣдкій, смолистый дымъ отъ горѣвшихъ на холмѣ Гевирти лѣсовъ ѣлъ глаза и спиралъ дыханіе въ Монте-Флатѣ; а иногда внизъ по склонамъ Сіерры срывался свирѣпый вихрь, сметая все передъ собой, какъ сухіе листья, включая и само изсохшее лѣто, и гналъ обитателей въ хижины и потрясалъ передъ ихъ окнами краснымъ кулакомъ. И въ одну изъ такихъ ночей, когда пыль, такъ сказать, остановила колеса матеріальнаго прогресса въ Монте-Флатѣ, большинство его жителей безучастно собрались дожидаться дождя въ золоченомъ буфетѣ гостиницы Моквелумне, гдѣ сидѣли молча, поплевывая въ раскаленную докрасна печку, смягчавшую силу вихрей для этихъ стриженыхъ овецъ Монте-Флата.

Всѣ извѣстные въ поселкѣ способы убивать время въ ожиданіи этого желаннаго метеорологическаго явленія давно уже были исчерпаны. Правда, что эти способы были немногочисленны, ограничиваясь довольно грубоватыми продѣлками; но даже и послѣднія пріобрѣли скучный оттѣнокъ дѣловыхъ занятій. Томми Рой, потратившій два часа на рытье передъ собственной дверью канавы, въ которую нѣсколько изъ его друзей случайно свалились въ теченіе вечера,—казался скучающимъ и неудовлетвореннымъ; четверо выдающихся гражданъ, переодѣвшихся бродягами и остановившихъ казначея графства на Вингдэмской дорогѣ, были на слѣдующее утро въ изнеможеніи отъ игривыхъ своихъ усилій; докторъ и стряпчій Монте-Флата, вступившіе въ нечестивый заговоръ, чтобы подговорить Каловерасскаго шерифа, подписать приказъ о выселеніи, проживающаго въ рощахъ холма Гэвитри медвѣдя Гризли, прозрачно скрытаго подъ наименованіемъ «Майора Урсуса»—изображали на лицѣ покорное изнеможеніе. Даже редакторъ *Монтефлатскаго Вѣстника*, утромъ написавшій яркую картину битвы съ Виннекскими индѣйцами для своихъ Восточныхъ читателей,—даже и онъ выглядѣлъ серьезнымъ и утомленнымъ. Когда позднѣе

въ комнату вошелъ Абнеръ Динъ изъ Анжела, только что возвратившійся изъ Санъ-Франциско, его подвергли обычной мистификаціи, задавъ ему нѣсколько съ виду чистосердечныхъ вопросовъ; кончилось тѣмъ, что онъ на нихъ отвѣтилъ, послѣ чего попался въ западню, задавъ въ свою очередь вопросъ, что привело къ полному его посрамленію,—но вотъ и все. Никто не смѣялся, и Абнеръ, хотя и оказавшійся жертвой, не вышелъ изъ себя.

— У меня есть про запасъ кое-что получше,—знаете вы старика Пленкета?

Всѣ единодушно плюнули въ печку и кивнули головой.

— Вамъ извѣстно, что онъ поѣхалъ домой три года назадъ? Двое или трое измѣнили положеніе ногъ на спинкахъ различныхъ стульевъ, а одинъ отвѣчалъ: «Да».

— Хорошо провелъ время?

Всѣ опасливо взглянули на человѣка, отвѣтившаго «да», а тотъ, принимая на себя отвѣтственность, со слабой улыбкой, и на этотъ разъ сказалъ «да» и тяжело перевелъ дыханіе.

— Видалъ жену и дочь—красивая дѣвушка, а?—осторожно продолжалъ Абнеръ.

— Да,—угрюмо повторилъ тотъ.

— Ты, пожалуй, видалъ ея карточку?—спокойно продолжалъ Абнеръ Динъ.

Говорившій отчаянно оглянулся въ поискахъ за поддержкой. Двое или трое изъ его сосѣдей, до сихъ поръ поддерживавшіе его сочувственными взглядами, теперь безъ зазрѣнія совѣсти отказались отъ него и стали смотрѣть въ другую сторону. Генри Іоркъ слегка покраснѣлъ и заслонилъ каріе глаза рукой. Отвѣчавшій Абнеру слегка помялся, улыбнулся болѣзненной улыбкой, давая понять, что ему вполнѣ понятна цѣль разспросовъ и что онъ поощряетъ его исключительно изъ добродушія, и снова отвѣчалъ: «Да».

— Посылалъ домой—дайте припомнить—десять тысячъ долларовъ, такъ вѣдь?—продолжалъ Абнеръ Динъ.

— Да,—повторилъ тотъ, съ прежней улыбкой.

— Я такъ и думалъ,—спокойно отозвался Абнеръ;—но видите ли, дѣло въ томъ, онъ вовсе не ѣздилъ домой—и не подумалъ.

Всѣ съ неподдѣльнымъ удивленіемъ и интересомъ уставились на Абнера, а тотъ, съ возмутительнымъ спокойствіемъ и небрежностью, продолжалъ.

— Видите ли, я встрѣтился въ Фриско съ однимъ человѣкомъ, который знаетъ его и видался съ нимъ въ Сонорѣ всѣ эти три года. Все это время онъ водилъ овецъ или рогатый скотъ либо спекулировалъ, и не было у него ни одного цента за

душой. Ну-съ, все сводится къ тому, что Пленкетъ не переступалъ черезъ черту Скалистыхъ Горъ съ 49 года.

На этотъ разъ вокругъ раздался смѣхъ, котораго Абнеръ Динъ былъ въ правѣ ожидать, но смѣхъ этотъ прозвучалъ горькимъ и сардоническимъ. Слушатели были возмущены. Впервые среди нихъ возникло сознаніе, что есть предѣлы глумливымъ продѣлкамъ. Мистификація, продолжавшаяся цѣлый годъ, и скомпрометировавшая проницательность Монте-Флата, заслуживала строжайшаго порицанія. Само собой разумѣется, что никто не вѣрилъ Пленкету, но одно только предположеніе, что сосѣдніе пріиски могли заподозрить ихъ въ томъ, что они ему повѣрили, было для нихъ острымъ ножомъ. Стряпчій полагалъ, что можно подстроить обвиненіе въ полученіи денегъ подъ ложнымъ предлогомъ. Докторъ давно подозрѣвалъ старика въ ненормальности, и вовсе не былъ увѣренъ, что его не слѣдуетъ засадить въ лѣчебницу. Четыре главныхъ купца считали, что экономическіе интересы Монте-Флата требуютъ принятія какихъ-нибудь мѣръ. Въ разгаръ возбужденнаго сердитаго спора дверь медленно отворилась и въ комнату, шатаясь, вошелъ старикъ Пленкетъ.

За послѣдніе полгода онъ до жалости измѣнился. Волосы его приняли пыльный изжелто-сѣрый оттѣнокъ, какъ у чимизаря на склонахъ холма Гэвирки; лицо стало бѣло какъ воскъ съ синеватыми припухлостями подъ глазами, платье было заношено и испачкано — испещрено спереди слѣдами спѣшной ѣды на ногахъ и покрыто сзади шерстью и волосами случайныхъ постелей. Повинуясь тому странному закону, въ силу котораго одежда человѣка тѣмъ болѣе становится ему дорога, чѣмъ болѣе она засалена и истрепана,—такъ что онъ даже не разстается съ ней въ тѣ часы сутокъ, когда она считается наименѣе необходимой—платье Пленкета мало-помалу приняло видъ коры или произрастанія изнутри, за которыя его владѣлецъ не вполнѣ являлся отвѣтственнымъ. Тѣмъ не менѣе онъ, входя въ комнату, сдѣлалъ попытку застегнуть куртку на грязной рубахѣ и провелъ пальцами по засыпанной крошками бородѣ—подобно тому, какъ охорашиваются нѣкоторыя животныя—въ видѣ дани общественнымъ приличіямъ. Но въ ту же минуту слабая улыбка слетѣла съ его лица, и рука, тщетно пошаривъ за пуговицей, безсильно опустилась. Дѣло въ томъ, что, когда онъ прислонился къ прилавку и повернулся къ присутствующимъ, впервые ему стало замѣтно, что всѣ глаза устремлены на него. Чуткое сознаніе сразу охватило всю истину. Жалкая его тайна разоблачена и витаетъ въ самомъ окружающемъ его воздухѣ. Хватаясь за

соломинку, онъ отчаянно обернулся къ Генри Іорку, но тотъ отвернулъ покраснѣвшее лицо къ окну.

Никто не произнесъ ни слова. Когда буфетчикъ безмолвно придвинулъ къ нему графинъ и стаканъ, онъ взялъ съ тарелки сухарикъ и принялся жевать его съ напускной развязностью. Дождавшись, чтобы выпитый алкоголь укрѣпилъ его ослабѣвшія мышцы и притупилъ остроту нервной тревоги, онъ вдругъ круто обернулся.—Не похоже чтобы мы дождались дождей до Рождества,—началъ онъ съ вызывающей развязностью.

Никто не отвѣчалъ.

— Точь въ точь какъ было въ 52 году, а потомъ опять въ 60. Я всегда говорилъ, что такіе сухіе года повторяются періодически. Говорилъ и опять говорю. Какъ разъ какъ говорилъ, что съѣзжу домой,—добавилъ онъ съ отчаянной рѣшимостью.

— Есть человѣкъ,—небрежно началъ Абнеръ Динъ,—который говоритъ, что вы и не думали ѣздить домой. Есть человѣкъ, который говоритъ, что вы пробыли три года въ Сонорѣ. Есть человѣкъ, который говоритъ, что вы не видали жены и дѣтей съ 49 года. Есть человѣкъ, который говоритъ, что вы надували весь лагерь въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

Наступило мертвое молчаніе. Затѣмъ невозмутимый голосъ произнесъ:

— Этотъ человѣкъ лжетъ.

То не былъ голосъ старика. Всѣ оглянулись, когда Генри Іоркъ поднялся на ноги, медленно развернулъ свои шесть футовъ роста и, смахнувъ золу трубки съ груди, не спѣша сталъ рядомъ съ Пленкетомъ лицомъ къ остальнымъ.

— Этого человѣка здѣсь нѣтъ,—продолжалъ Абнеръ Динъ съ безучастнымъ равнодушіемъ въ голосѣ, небрежно опустивъ руку на бедро рядомъ съ револьверомъ.—Этого человѣка здѣсь нѣтъ, но если потребуется, чтобы я постоялъ за него,—что же—я здѣсь налицо.

Всѣ встали, когда оба человѣка—внѣшне наименѣе взволнованные изъ всѣхъ—подошли другъ къ другу. Стряпчій сталъ между ними.

— Тутъ можетъ быть недоразумѣніе, Іоркъ. Вы навѣрное знаете, что старикъ ѣздилъ домой?

— Да.

— Какъ вы это знаете?

Іоркъ обратилъ ясные честные глаза къ говорившему и безъ содроганія произнесъ первую въ жизни прямую, неприкрашенную ложь.

— Потому, что видѣлъ его тамъ.

Отвѣтъ не допускалъ возраженій. Всѣмъ было извѣстно, что Іоркъ побывалъ на Востокѣ во время отсутствія старика. Діалогъ отвлекъ общее вниманіе отъ Пленкета. Блѣдный и задыхающійся, онъ уставился на неожиданнаго избавителя. Когда онъ снова обернулся къ своимъ мучителямъ, въ его глазахъ было что-то, заставившее ближайшихъ къ нему попятиться, тогда какъ у наиболѣе смѣлыхъ и отчаянныхъ по жиламъ пробѣжалъ странный трепетъ. Докторъ почти безсознательно поднялъ руку съ предостерегающимъ жестомъ, а старый Пленкетъ, устремивъ глаза къ раскаленной докрасна печкѣ, началъ съ странной улыбкой.

— Ну да, разумѣется, видали. Кто сказалъ, что нѣтъ? Это не ложь; я сказалъ, что ѣду домой, и былъ дома. Развѣ не былъ? Боже мой, да былъ же! Кто сказалъ, что я лгу? Кто сказалъ, что я брежу? Это правда—почему же вы не говорите? Вышло, что правда, въ концѣ-концовъ. Вы сказали, что видали меня тамъ, отчего же теперь молчите? Говорите—да говорите же—правда? Уходитъ теперь—о Боже мой! опять уходитъ. Вотъ ушло уже. Спасите меня!—и съ дикимъ крикомъ онъ упалъ въ припадкѣ на полъ.

Старикъ очнулся въ хижинѣ Іорка. Мигающій огонь еловыхъ вѣтокъ освѣщалъ грубыя стропила и игралъ на висѣвшей надъ его койкой фотографической карточкѣ, со вкусомъ обрамленной еловыми шишками. Это былъ портретъ молодой дѣвушки. Глаза старика открылись, тотчасъ упали на него, и пронизавшее его чувство стыда было такъ мучительно, что онъ вздрогнулъ и быстро оглянулся. Но его глаза встрѣтили одни только глаза Іорка—ясные, сѣрые, наблюдательные, терпѣливые,—и снова невольно опустились.

— Скажите, старина,—началъ Іоркъ безъ гнѣва, но съ тѣмъ же холоднымъ выраженіемъ въ голосѣ какъ и въ глазахъ,—скажите,—это также ложь?—и онъ указалъ на карточку.

Старикъ закрылъ глаза и не отвѣчалъ. Два часа тому назадъ подобный вопросъ вызвалъ бы съ его стороны уклончивый или хвастливый отвѣтъ. Но въ настоящемъ его жалкомъ состояніи, разоблаченіе, содержащееся въ этомъ вопросѣ, и даже самый тонъ Іорка, былъ для него подлиннымъ облегченіемъ. Даже его помутившемуся сознанію стало ясно, что Іоркъ лгалъ, поддерживая его въ буфетѣ,—ясно теперь, что онъ не ѣздилъ домой, что не потерялъ разсудка, какъ началъ того бояться. Облегченіе было такъ велико, что онъ тутъ же, со свойственнымъ ему легкомысліемъ, впалъ въ преж-

нее безшабашное настроеніе. Онъ началъ ухмыляться и, наконецъ, разразился громкимъ хохотомъ.

Іоркъ, все еще не сводя глазъ со старика, выпустилъ его руку изъ своей.

— Хорошо провели мы ихъ,—а, Іоркъ? Хи, хи, хи! Еще не видано такой штуки на пріискѣ! Я всегда говорилъ, что когда-нибудь да проведу ихъ, и провелъ—шесть мѣсяцевъ водилъ за носъ. Ну, не славно ли? Ну, видали вы когда такую штуку? А лицо Абнера, когда онъ говорилъ о томъ человѣкѣ, что видалъ меня въ Сонорѣ? Ну, развѣ не представленіе? Охъ, силъ моихъ нѣтъ!—и, хлопнувъ себя по ногѣ, онъ чуть не скатился съ кровати въ припадкѣ смѣха, впрочемъ, наполовину напускного.

— Ея эта карточка?—тихо спросилъ Іоркъ, послѣ небольшой паузы.

— Ея? Нѣтъ! Это одна изъ актрисъ Санъ-Франциско—хи, хи, хи! Понимаете, я купилъ ее за двѣ монеты въ книжной лавкѣ. Никакъ не думалъ, что они и это проглотятъ! такъ нѣтъ вѣдь—проглотили! Да, поднадулъ ихъ старикъ на этотъ разъ—развѣ нѣтъ?—И онъ съ любопытствомъ заглянулъ Іорку въ лицо.

— Да, и поднадулъ также и *меня*—отвѣчалъ Іоркъ, прямо глядя ему въ глаза.

— Ну, да, разумѣется,—поспѣшно вставилъ Пленкетъ, но вы вѣдь знаете, Іоркъ, вы вышли изъ дѣла съ честью! Вы также ихъ подвели! Мы оба подловили ихъ на удочку, вы да я, теперь ужъ придется намъ держаться другъ друга. Ловко вы прикидываетесь, Іоркъ, ужъ чего ловчѣе. Да вѣдь когда вы сказали, что видали меня въ городѣ, Іоркъ, то будь я проклятъ, если мнѣ не показалось...

— Показалось, что?—тихо спросилъ Іоркъ, такъ какъ старикъ остановился, весь поблѣднѣвъ и блуждая глазами.

— А?..

— Вы говорите, что когда я сказалъ, будто видѣлъ васъ въ Нью-Іоркѣ, то вамъ показалось...

— Вы лжете!— яростно перебилъ старикъ, — никогда я не говорилъ, что мнѣ что-либо показалось. Съ чего это вы теперь пошли противъ меня? А?—Руки его дрожали, когда онъ съ бормотаньемъ всталъ съ постели и направился къ очагу.

— Дайте мнѣ виски,—сказалъ онъ,—и держите языкъ за зубами. Такъ или иначе, вамъ слѣдуетъ меня угостить. Тѣ молодцы тоже должны бы мнѣ поднести. Я бы и заставилъ ихъ, когда бы не захворалъ.

Іоркъ поставилъ виски и жестяную кружку на столъ и, подойдя къ двери, повернулся къ гостю спиной и сталъ смотрѣть въ окно. Несмотря на яркій лунный свѣтъ, никогда еще привычный видъ не казался ему такимъ унылымъ. Никогда еще мертвая пустыня широкой Вингдэмской дороги не представлялась ему такой однообразной, такой схожей съ тѣми днями, которые онъ уже пережилъ, и которые ему еще предстоитъ пережить,—такъ сродни старику, въ ея безплодномъ стремленіи куда-то. Онъ обернулся, возвратился къ Пленкету и положилъ ему руку на плечо со словами:

— Я хочу, чтобы вы честно и напрямикъ отвѣтили мнѣ на одинъ вопросъ.

Виски, какъ видно, согрѣло вялую кровь старика и умѣрило его раздражительность; оглянувшееся на Іорка лицо смотрѣло задумчиво, и жесткія очертанія его словно смягчились.

— Продолжайте, мой мальчикъ,—сказалъ онъ.

— Есть у васъ жена и дочь?

— Какъ передъ Богомъ—есть!

Оба нѣкоторое время молчали, поглядывая въ огонь. Затѣмъ Пленкетъ принялся медленно потирать колѣни.

— Если ужъ на то пошло, жена-то не многаго стоитъ,— началъ онъ съ осторожностью.—Она, понимаете ли, чуточку норовиста, да вдобавокъ не хватаетъ ей либеральнаго калифорнскаго воспитанія,—а это, вы сами знаете, плохая комбинація. Я всегда былъ того мнѣнія, что худшей не бываетъ. Да она такъ же прытка на языкъ, какъ Абнеръ Динъ на револьверъ, съ той разницей, что она-то стрѣляетъ изъ принципа,— такъ она это называетъ—поэтому только и знаетъ, что въ васъ цѣлится. Губитъ ее отжившій востокъ, мой мальчикъ,— вотъ оно что! Тѣ идеи, что она подобрала въ Нью-Іоркѣ и Бостонѣ,— вотъ, что сдѣлало ее и меня тѣмъ, что мы есть! Пусть бы у нея были эти идеи, Богъ съ ними! когда бы только она не стрѣляла. Но при такихъ поползновеніяхъ не годится, чтобы принципы валялись гдѣ попало, какъ не не годится это для огнестрѣльнаго оружія.

— А ваша дочь?—спросилъ Іоркъ.

Руки старика снова потянулись къ глазамъ, послѣ чего голова и руки вмѣстѣ упали на столъ.

— Не говорите теперь о ней, мой мальчикъ, не разспрашивайте меня,—заслоняя глаза одной рукой, онъ принялся шарить другой въ карманахъ, въ поискахъ за платкомъ,— но безуспѣшно. Возможно, что по этой причинѣ онъ подавилъ слезы, но дѣло въ томъ что когда онъ отнялъ руку отъ глазъ, послѣдніе были сухи. Тутъ къ нему вернулся голосъ.

— Она красавица у меня, красавица,—нужды нѣтъ, что я отецъ ей,—и вы увидите ее, мой мальчикъ, увидите навѣрняка. Теперь у меня дѣло почти ужъ налажено. Мой проектъ для возстановленія металла будетъ готовъ дня черезъ два, а у меня тутъ имѣются предложенія отъ всѣхъ плавильныхъ заводовъ,—здѣсь онъ поспѣшно досталъ свертокъ бумагъ, которыя тутъ же разронялъ по полу.—Эти вонъ бумаги,—продолжалъ онъ, подбирая драгоцѣнныя документы,—дадутъ мнѣ черезъ мѣсяцъ чистыхъ десять тысячъ долларовъ. Я выпишу ихъ сюда къ Рождеству, какъ вѣрно то, что я живу и вы будете ѣсть Рождественскій обѣдъ у меня, Іоркъ мальчикъ, вотъ посмотрите.

Къ этому времени языкъ его окончательно развязался отъ выпитаго виски и заманчивой широты его замысловъ, и онъ продолжалъ безсвязно болтать о нихъ, расширяя и украшая свои планы, порою даже выражаясь такъ, какъ если бы они уже осуществились. Но вотъ луна высоко поднялась на небо, и Іоркъ отвелъ его къ постели. Здѣсь онъ пролежалъ долгое время, бормоча про себя, пока не уснулъ, наконецъ, тяжелымъ сномъ. Удостовѣрившись въ этомъ, Іоркъ осторожно снялъ со стѣны фотографическую карточку и рамку, бросилъ ихъ на догорающіе уголья и сѣлъ передъ очагомъ.

Еловыя шишки мгновенно вспыхнули яркимъ пламенемъ; вслѣдъ за ними и черты, плѣнявшія каждый вечеръ публику Санъ-Франциско, въ свою очередь загорѣлись и исчезли—какъ вообще исчезаютъ подобныя вещи,— угасла даже и циническая улыбка на губахъ Іорка. Но тутъ завозившіеся уголья вспыхнули неожиданной вспышкой, при свѣтѣ которой Іоркъ увидѣлъ на полу бумагу. Это была одна изъ тѣхъ, которыя упали изъ кармана старика. Когда онъ равнодушно поднялъ ее съ пола, изъ сложеннаго листка выпала фотографическая карточка. Это былъ портретъ молодой дѣвушки, на оборотѣ которой виднѣлась надпись: «Отцу отъ Мелинды».

Нечего и говорить, что фотографія была плохонькая; но—увы мнѣ!—боюсь что даже тончайшее мастерство высшаго искусства не было бы въ состояніи смягчить рѣзкую угловатость этой юной фигуры, ея самодовольную вульгарность, безвкусицу ея наряда, ея безсмысленную невзрачность. Іоркъ не удостоилъ ея второго взгляда. Онъ обратился за утѣшеніемъ къ письму.

Письмо было написано безграмотно, неразборчиво, безъ знаковъ препинанія,—оно было капризно по тону и эгоистично по существу. Боюсь, что оно даже не было оригинально по со-

держанію. Это была неприкрашенная повѣсть нужды, подозрѣній, низкихъ компромиссовъ, недостойныхъ страданій и еще болѣе недостойныхъ стремленій, унизительной печали и жалкаго горя. Тѣмъ не менѣе въ немъ чувствовалась искренняя, хотя и смутная тоска, по присутствію жалкаго существа, къ которому оно обращалось,—привязанность, бывшая скорѣе неопредѣленнымъ инстинктомъ, нежели осмысленнымъ чувствомъ.

Іоркъ аккуратно сложилъ письмо и положилъ его подъ подушку старика. Затѣмъ возвратился къ прежнему мѣсту у огня. На лицѣ его играла улыбка, углублявшая изгибъ усовъ заполнявшая подъ конецъ ясные каріе глаза. Мало-по-малу она угасла, исчезнувъ напослѣдокъ и изъ глазъ и оставивъ тамъ—странное дѣло для тѣхъ, кто плохо зналъ его—слезинку!

Долго онъ сидѣлъ такъ согнувшись и опустивъ голову на руки. Боровшійся съ парусиновой крышей вѣтеръ внезапно приподнялъ ея край, и въ комнату скользнулъ лунный лучъ, на мигъ прикоснувшись блестящимъ лезвеемъ къ его плечу. И посвященный въ рыцари его прикосновеніемъ, безхитростный, прямодушный Генри Іоркъ всталъ на подвигъ,—твердый и полный силъ!

Наконецъ-то пришелъ дождь. На склонахъ холма Гэвитри уже появился замѣтный зеленый налетъ, а длинная, бѣлая полоса Вингдэмской дороги терялась подъ лучами и прудками. Высохшіе потоки, каменистыя русла которыхъ бѣлѣли извиваясь, какъ позвоночникъ ящеричнаго животнаго, снова наполнились водой; сухія кости снова задвигались по долинѣ, пріиски преисполнились ликованія, а *Монтефлатскій Вѣстникъ* — простительныхъ преувеличеній. Никогда еще исторія графства не отличала столь обильныхъ успѣховъ. Нашъ коллега изъ *Гильсайдскаго Маяка*, наканунѣ юмористически доложившій о томъ фактѣ (?) что лучшіе изъ нашихъ гражданъ покидаютъ городъ въ долбленныхъ челнокахъ—по случаю потопа, узнаетъ съ удовольствіемъ, что нашъ уважаемый согражданинъ, мистеръ Генри Іоркъ, нынѣ гостящій у родственниковъ въ Нью-Іоркѣ, недавно вывезъ въ своемъ «долбленномъ челнокѣ» скромную сумму въ пятьдесятъ тысячъ долларовъ,—результатъ недѣльной работы. Легко можно себѣ представить,—продолжалъ игривый журналистъ,—что такого рода несчастье не угрожаетъ въ настоящемъ сезонѣ Гильсайду. И несмотря на это, до насъ дошелъ слухъ что *Маякъ* требуетъ для своего города желѣзной дороги!—Нѣкоторыя изъ газетъ разразились даже поэтическимъ вдохновеніемъ. Теле-

графисъ Симпсонскаго Перекрестка телеграфировалъ *Вселенной* Сакраменто:—Весь день низкія облака отряхали богатства своихъ сокровищницъ. Одна изъ газетъ Санъ-Франциско выразилась въ стилѣ высокой поэзіи, прозрачно прикрытой мнимой журналисткой прозой:

— Ликуй, пришелъ желанный дождь, жемчужный, ясный дождь; онъ сѣетъ радость на холмахъ, обилье на поляхъ. Ликуй, и ты. Оказывалось, что только одному человѣку дождь не принесъ благословенія, и человѣкъ этотъ былъ Пленкетъ. Какимъ-то темнымъ и таинственнымъ путемъ дождь помѣшалъ усовершенствованію его новой системы возстановленія металловъ, и отсрочилъ разоблаченіе его открытія до слѣдующаго сезона. Это разочарованіе снова вернуло его въ баръ, гдѣ онъ попрежнему сидѣлъ и толковалъ о Востокѣ и о своихъ близкихъ невнимательнымъ и безучастнымъ ушамъ.

Никто не тревожилъ его. Мало того, ходили слухи, что содержатель трактира получилъ вкладъ отъ неизвѣстнаго лица или лицъ, для удовлетворенія его скудныхъ потребностей. Всѣ потворствовали его маніи—ибо таково было снисходительное толкованіе его поведенія Монте-Флатомъ,—до такой степени, что никто даже не отвергъ приглашенія обѣдать въ день Рождества съ нимъ и его семействомъ. Приглашеніе это щедро распространялось на всякаго, съ кѣмъ старику приходилось выпить или перекинуться нѣсколькими словами. Но вотъ однажды, къ всеобщему удивленію, онъ ворвался въ баръ съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ. Письмо гласило слѣдующее:

«Приготовьтесь встрѣтиться со своей семьей въ новомъ коттэджѣ на холмѣ Гэвитри въ день Рождества. Приглашайте кого хотите.

«Генри Іоркъ».

Письмо обошло присутствующихъ среди полнаго молчанія. Съ лицомъ, выражавшимъ попеременно страхъ и радость, старикъ всматривался въ лицо окружающихъ. Послѣ недолгаго молчанія, докторъ многозначительно посмотрѣлъ кругомъ.

— Очевидно, что это поддѣлка, — сказалъ онъ вполголоса, у него хватитъ хитрости на то, чтобы придумать ее—они вѣдь всегда лукавы,—но не для того, чтобы довести дѣло до конца. Слѣдите за его лицомъ. Старина,—внезапно прибавилъ онъ громкимъ повелительнымъ тономъ, — это обманъ, подлогъ, вы хорошо это знаете. Отвѣчайте мнѣ на чистоту и смотрите прямо въ глаза. Правду я говорю?

Глаза Пленкета на минуту вытаращились, затѣмъ робко опустились. Съ жалкой улыбкой, онъ началъ: «Не по плечу вы мнѣ, ребята. Докторъ правъ. Игра проиграна. Можете взять шляпу старика». Затѣмъ, дрожа, шатаясь и хихикая, онъ умолкъ и опустился на прежнее мѣсто. Однако на другой же день онъ, казалось, позабылъ объ инцидентѣ и болталъ съ прежней развязностью о предстоящей пирушкѣ.

Такъ шли дни и недѣли и, наконецъ, въ Монте-Флатѣ настало Рождество—ясный, веселый день, согрѣтый возрожденіемъ растущихъ травъ. И вдругъ, въ буфетѣ гостиницы произошло большое смятеніе. Около стула старика стоялъ Абнеръ Динъ, тряся задремавшаго за плечо.

— Встряхнитесь, старина: Іоркъ здѣсь, въ коттэджѣ на Гэвитри съ вашей женой и дочерью. Идемъ, старина. Слышьте-ка, ребята, подсобите ему,—и минуту спустя дюжина сильныхъ рукъ уже подняли старика, понесли его съ торжествомъ на улицу, вверхъ по крутому подъему холма Гэвитри, и опустили, смущеннаго и выбивающагося, передъ входомъ въ маленькій коттэджъ. Въ ту же минуту, навстрѣчу бросились двѣ женщины, но Генри Іорка удержалъ ихъ жестомъ. Старикъ съ трудомъ вскарабкался на ноги. Наконецъ онъ съ усиліемъ выпрямился, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ остановившимися глазами, сѣроватой блѣдностью на щекахъ, и глубокой ноткой въ голосѣ.

— Все это ложь, подлогъ! Это не моя плоть и кровь—не родня онѣ мнѣ. Не моя это жена—не моя дочь. Моя дочь красавица—слышите ли? красавица! Она въ Нью-Іоркѣ съ матерью и я ѣду туда за нею. Говорилъ я, что поѣду домой и съѣздилъ—слышите ли? былъ я дома! Скверно играть такія штуки со старикомъ! Пустите меня—слышите ли? Прочь этихъ женщинъ! Пустите меня! Я иду—иду домой!

Руки его судорожно взметнулись на воздухъ, и, сдѣлавъ полъ-оборота онъ бокомъ свалился на крыльцо, и отсюда скатился на землю. Бросились поднимать его, но было поздно: онъ вернулся домой.

Кто былъ мой тихій другъ?

— Незнакомецъ!

Голосъ прозвучалъ не громко, но явственно и звонко. Я тщетно глянулъ вверхъ и внизъ по темнѣющей тропѣ. Никого въ ольховникѣ впереди, никого и на изрытомъ выбоинами склонѣ позади.

— О! незнакомецъ!

На этотъ разъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Калифорнское присловіе: «О!» всегда означаетъ нѣчто серьезное.

Я поднялъ голову и впервые замѣтилъ на выступѣ, на тридцать футовъ надо мной, вторую тропу, параллельную моей, а на ней человѣка на вороной лошади, смотрѣвшаго на меня сквозь каштановые кусты.

Здѣсь осторожному горцу необходимо было спѣшно отмѣтить пять вещей. *Во-первыхъ*, мѣстность — пустынную и недоступную, вдали отъ обычныхъ рейсовъ обозовъ и рудокоповъ. *Во-вторыхъ*, превосходное знаніе незнакомцемъ дороги, доказанное тѣмъ, что вторая тропа была невѣдома заурядному туристу. *Въ-третьихъ*, то, что онъ хорошо вооруженъ и снаряженъ. *Въ-четвертыхъ*, что его лошадь лучше моей. *Въ-пятыхъ*, что если изъ созерцанія этихъ фактовъ рождается недовѣріе или робость, то лучше всего сохранить эти ощущенія про себя.

Все это быстро промелькнуло у меня въ головѣ, въ то время, какъ я отвѣчалъ на его привѣтствіе.

— Есть табакъ?—спросилъ онъ.

Табакъ былъ, о чемъ я и извѣстилъ его, вопросительно поднявъ кверху кисетъ.

— Ладно, я спущусь внизъ. Ступайте дальше, я присоединюсь къ вамъ у спуска.

— Спускъ? Еще новое гоеграфическое открытіе, столь же неожиданное, какъ и вторая тропа. Я проѣзжалъ тропой десятки разъ, и не замѣчалъ сообщенія между нею и выступомъ. Тѣмъ не менѣе я продолжалъ путь и успѣлъ сдѣлать около сотни яр-

довъ, когда раздался рѣзкій трескъ въ кустахъ, на дорогу посыпался градъ камней, и рядомъ со мной изъ чащи вырвался мой новый знакомый, спустившись по такой крутизнѣ, по какой я едва ли рѣшился бы повести свою лошадь. Не было никакого сомнѣнія, что онъ превосходный наѣздникъ—еще новый фактъ для отмѣтки.

Когда онъ поравнялся со мной, я увидалъ, что не ошибся относительно его роста; онъ былъ ниже средняго, и за исключеніемъ холодныхъ сѣрыхъ глазъ, черты лица его были скорѣй заурядны.

— Добрая у васъ лошадь,—замѣтилъ я.

Онъ набивалъ трубку изъ моего кисета, но при этихъ словахъ, взглянулъ на меня и съ оттѣнкомъ изумленія проговорилъ: «Разумѣется». Затѣмъ началъ курить съ нервнымъ нетерпѣніемъ человѣка, долгое время лишеннаго этого успокоительнаго средства. Наконецъ между затяжками спросилъ, откуда я ѣду.

Я отвѣчалъ, что изъ Лагранжа.

Онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня, но когда я добавилъ, что останавливался тамъ всего на нѣсколько часовъ, продолжалъ:

— Я думалъ, что знаю каждаго человѣка между Лагранжемъ и Индѣйскимъ Родникомъ, но почему-то не припомню ни вашего имени ни лица.

Не особенно дорожа тѣмъ, чтобы онъ помнилъ то или другое, я отвѣчалъ полусмѣясь, что это вполнѣ естественно, такъ какъ я живу по ту сторону Индѣйскаго Родника. Онъ принялъ мой отпоръ — если можно это такъ назвать — съ такимъ спокойствіемъ, что изъ чувства простой вѣжливости я спросилъ его, откуда онъ слѣдуетъ самъ.

— Изъ Лагранжа.

— И ѣдете?..

— Зависитъ отъ того, какъ повернутъ дѣла, и удастся ли мнѣ взять свое. Онъ совершенно безсознательно опустилъ руку на кожаную кобуру револьвера, но въ этомъ простомъ движеніи ясно доказалъ мнѣ свое умѣніе «брать свое», когда понадобится. Затѣмъ добавилъ: «Но въ данное время я предполагалъ сдѣлать маленькое «пассаръ» вмѣстѣ съ вами».

Въ его рѣчахъ не было ничего обиднаго, кромѣ ихъ фамильярности, а также, быть-можетъ, и предположенія, что онъ не посчитается съ моимъ отказомъ. Я отвѣчалъ только, что если наше *пассаръ* зайдетъ дальше Колма Бвитри, то мнѣ придется прибѣгнуть къ его лошади. Къ моему удивленію, онъ спокойно замѣтилъ: «Вѣрно!», добавивъ, что его лошадь полностью

въ моемъ распоряженіи въ тѣхъ случаяхъ, когда не нужна ему, и *на половину*, когда онъ самъ ѣдетъ на ней. «Дику не впервые нести двойной грузъ», продолжалъ онъ, «онъ можетъ сдѣлать это и теперь; когда вашъ мустангъ устанетъ, я подвезу васъ, мѣста намъ хватитъ».

Я не могъ не улыбнуться при мысли, что явлюсь къ ребятамъ въ Редъ Гельчѣ *en croupe* у незнакомца; но не могъ также и не смутиться намекомъ, что лошади уже не впервые нести двойную ношу. «По какому случаю и почему?» вотъ вопросъ, который я оставилъ про себя. Мы поднимались по длинному скалистому склону Раздѣла; узкая тропа вынуждала подвигаться медленно и гуськомъ, такъ что разговаривать было бы неудобно, хотя бы даже онъ и былъ расположенъ удовлетворить моему любопытству.

Мы молча карабкались въ гору; каштановая поросль смѣнилась *чимизалемъ*, склоняющееся къ западу солнце, отраженное отъ горъ за нашей спиной, ослѣпляло насъ своимъ блескомъ. Внизу въ каньонѣ, еловая чаща являлась зеленой бездной зноя, надъ которой тамъ и сямъ лѣниво парилъ коршунъ, а иногда, всплывая до нашего уровня, бросалъ призрачную, гигантскую тѣнь медленно плывущихъ крыльевъ на склонъ, далеко опережалъ меня, и я втайнѣ надѣялся, что онъ позабудетъ обо мнѣ или наскучитъ ожиданіемъ. Однако онъ неизмѣнно останавливался у скалы, или внезапно выступалъ изъ-за *чимизаля*, за которымъ терпѣливо дожидался меня. Я уже началъ питать къ нему тихую ненависть, какъ вдругъ, при одномъ изъ этихъ появленій, онъ подъѣхалъ ко мнѣ и спросилъ, люблю ли я Диккенса.

Если бы онъ спросилъ о моемъ мнѣніи относительно Гексли или Дарвина, я бы не больше удивился. Считая возможнымъ, что онъ подразумѣваетъ какую-либо мѣстную знаменитость, я съ колебаніемъ спросилъ:

— Кого вы сказали?..

— Чарльза Диккенса. Навѣрно же вы читали его! Который изъ его романовъ вамъ больше нравится?

Я отвѣчалъ, съ немалымъ замѣшательствомъ, что мнѣ они нравятся всѣ,—и это была правда.

Онъ стиснулъ мнѣ руку съ жаромъ, рѣзко расходившимся съ обычной его флегмой.

— Точь въ точь какъ я, старина. Диккенсъ не какой-нибудь олухъ. Можете разсчитывать на него во всякое время.

Послѣ этого первобытнаго вступленія онъ разразился критической оцѣнкой писателя, равную которой я едва ли слыхалъ по разумному сочувствію и широкому пониманію.

Онъ напиралъ не только на богатство его юмора, но также на силу чувства и всеобъемлющій элементъ поэзіи. Я въ удивленіи смотрѣлъ на него. До тѣхъ поръ я считалъ себя довольно недурнымъ знатокомъ великаго мастера, но этотъ удачный выборъ цитатъ прямо-таки поразилъ меня. Правда, его мысль не всегда была облечена въ изысканную форму, и рѣчь нерѣдко отзывалась небрежной разнузданностью страны и времени, однако она никогда не была мужиковатой, а иной разъ даже поражала меня мѣткостью и точностью выраженій. Значительно смягчившись къ нему, я перешелъ на другія литературныя произведенія. Напрасно. Кромѣ нѣсколькихъ лирическихъ и сентиментальныхъ поэтовъ, онъ не читалъ ровно ничего. Подъ вліяніемъ собственныхъ восторженныхъ словъ, онъ самъ значительно смягчился; предложилъ мнѣ обмѣняться лошадьми, поправилъ мое сѣдло съ профессіональнымъ мастерствомъ, переложилъ мой возокъ на свою лошадь, настоялъ на томъ, чтобы я раздѣлилъ съ нимъ виски изъ его фляжки, и, замѣтивъ, что я безоруженъ, навязалъ мнѣ оправленный въ серебро револьверъ, заявивъ, что «отвѣчаетъ за него». Всѣ эти услуги и разговоры отвлекли мое вниманіе, и я не сразу замѣтилъ, что тропа становится чуждой и сбивчивой. Очевидно, мы слѣдовали неизвѣстнымъ мнѣ путемъ. Я указалъ на это своему спутнику съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Онъ тотчасъ же впалъ въ прежнюю манеру и тонъ.

— Сдается мнѣ, что одна тропа стоитъ другой! Что вы можете имѣть противъ этой?

Я не безъ достоинства замѣтилъ, что предпочитаю старую тропу.

— Возможно, что такъ. Но сейчасъ вы дѣлаете *пассаръ* со мной. Эта тропа приведетъ васъ прямо къ Индѣйскому Роднику, да вдобавокъ еще *незамѣченнымъ*,—и пожалуйста никакихъ разспросовъ! Вы теперь не смущайтесь, я васъ доведу до конца.

Здѣсь я счелъ необходимымъ оказать сопротивленіе моему странному компаньону. Я замѣтилъ съ твердостью, хотя и по возможности вѣжливо, что располагалъ переночевать у одного знакомаго.

— Гдѣ?

Я колебался. Знакомый былъ восточный уроженецъ съ оригинальнымъ характеромъ, хорошо извѣстный въ странѣ своей недоступностью и страстью къ одиночеству. Мизантропъ съ большой семьей и большими средствами, онъ избралъ для своего пребыванія уединенную, но живописную долину Сіерры, въ которой могъ безпрепятственно порицать весь міръ. «Одинокая Долина» или—какъ его чаще звали—«Бостонскій Ранчъ»,

было единственнымъ мѣстомъ, внушавшимъ среднему рудокопу одновременно боязнь и уваженіе. Хозяинъ его, м-ръ Сильвестеръ, не заводилъ знакомства съ «ребятами», но также и не утратилъ ихъ уваженія путемъ открытаго покушенія на ихъ взгляды. Если цѣлью его было уединеніе, то онъ, несомнѣнно, былъ удовлетворенъ. Тѣмъ не менѣе въ смущающихся тѣняхъ ночи, на пустынной и неизбѣжной тропѣ, я колебался довѣрить его имя незнакомцу, о которомъ зналъ такъ мало. Однако мой таинственный спутникъ взялъ на себя разрѣшеніе вопроса.

— Слушайте-ка,—вдругъ замѣтилъ онъ,—между этимъ мѣстомъ и Индѣйскимъ Родникомъ есть только одно жилье, гдѣ вы можете остановиться—это у Сильвестера.

Я нѣсколько сердито отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, что жъ!—спокойно продолжалъ незнакомецъ, словно оказывая мнѣ честь.—Если вы нацѣлились на Сильвестера—ну, что жъ! *Я не прочь переночевать тамъ вмѣстѣ съ вами.* Придется немножко свернуть съ дороги и потерять время—ну, да не бѣда!

Стараясь говорить какъ можно быстрѣе и убѣдительнѣе, я пояснилъ, что не настолько близокъ съ м-ромъ Сильвестеромъ, чтобы навязывать ему незнакомаго гостя, что онъ совсѣмъ не похожъ на здѣшнихъ людей,—словомъ, что онъ большой чудакъ и т. д. и т. д.

— Къ моему удивленію, мой спутникъ спокойно отвѣчалъ: Все это пустяки. Я слыхалъ о немъ. Если вамъ не охота со мной хороводиться, вы этимъ не стѣсняйтесь. Я и самъ справлюсь со своей игрой. Вы только введите меня, и все тутъ.

Чѣмъ я могъ отразить спокойную увѣренность этого человѣка? Я почувствовалъ, что краснѣю отъ досады и теряюсь отъ замѣшательства. Что скажетъ мнѣ корректный Сильвестеръ? Что скажутъ барышни—я былъ тогда молодымъ человѣкомъ и если заслужилъ право входа въ ихъ семейный кругъ, то въ силу своей скромности—извѣстной подъ менѣе лестнымъ именемъ среди «ребятъ»,—что скажутъ онѣ моему новому знакомому? Между тѣмъ я положительно не могъ ему помѣшать взять на себя рискъ возможныхъ разоблаченій, и мнѣ даже стало немного стыдно своего замѣшательства.

Мы начинали спускаться. Въ дальней низинѣ уже мерцали вдали огни уединеннаго ранча одинокой долины. Я повернулся къ своему спутнику.—Но вы забыли, что я даже не знаю вашего имени. Какъ мнѣ васъ назвать?

— Вѣрно,—задумчиво отозвался онъ. — Дайте подумать. Кирпей—было бы недурное имя.

— Коротко и такъ сказать просто. Есть въ Фриско такая улица. Пусть будетъ Кирпей.

— Но...—нетерпѣливо началъ я.

— Да вы предоставьте все это мнѣ,—перебилъ онъ съ великолѣпной самоувѣренностью, которою я не могъ не залюбоваться.—Имя вздоръ. Отвѣчаетъ человѣкъ. Когда бы я прицѣлился въ человѣка, въ увѣренности, что его зовутъ Джонсомъ, а потомъ, уже уложивъ его, узналъ на слѣдствіи, что настоящее его имя Смитъ,—это было бы вовсе не важно, благо человѣка-то я заполучилъ.

Какъ ни былъ ярокъ примѣръ, однако онъ не представлялся мнѣ привлекательнымъ предисловіемъ къ входу въ домъ. Между тѣмъ мы уже приближались къ ранчу. На лай собакъ, у дверей хорошенькаго коттэджа, разукрашеннаго по вкусу Сильвестера, появился самъ хозяинъ.

Я кратко представилъ м-ра Кирнея. «Кирней сойдетъ — Кирней для меня достаточно хорошо», приговаривалъ почти громко мнимый Кирней, къ моему ужасу и явному недоумѣнію Сильвестера; послѣ чего онъ спокойно отпросился на минутку, чтобы лично заняться своей лошадью. Какъ только онъ достаточно удалился, я отвелъ удивленнаго Сильвестера въ сторону.

— Я подобралъ, или скорѣе меня подобралъ на дорогѣ тихій сумасшедшій, по имени Кирней. Онъ хорошо вооруженъ и цитируетъ Диккенса. При хорошемъ уходѣ, при согласіи съ его взглядами по всѣмъ вопросамъ, и при общемъ подчиненіи его приказаніямъ, можно надѣяться умиротворить его. Не сомнѣваюсь, что видъ вашего беззащитнаго семейства, созерцаніе красоты и невинности вашей дочери затронутъ въ немъ лучшія чувства. А до тѣхъ поръ, да поможетъ вамъ Богъ, и да проститъ Онъ меня!

Я побѣжалъ наверхъ въ комнатку, всегда сохранявшуюся для меня гостепріимнымъ хозяиномъ въ моихъ блужданіяхъ. Нѣкоторое время я провозился надъ умываньемъ, слыша снизу лѣнивый, утонченный говоръ Сильвестера и не менѣе невозмутимый, небрежный жаргонъ моего новаго знакомаго. Спустившись въ гостиную, я, къ своему удивленію, увидалъ, что самозванный Кирней спокойно разсѣлся на диванѣ. Съ одной стороны его сидѣла тихая Мэй Сильвестеръ, «Лилія Одинокой Долины», глядя на него съ дѣвичьимъ благоговѣніемъ и непритворнымъ интересомъ, между тѣмъ какъ съ другой, отъявленная кокетка, ея кузина Кэтъ, пускала въ ходъ безпощадныя стрѣлы своихъ глазъ, съ почти непритворнымъ воодушевленіемъ.

— Кто такой вашъ очаровательно небрежный другъ?— ухитрилась она шепнуть мнѣ за ужиномъ, во время котораго я сидѣлъ, окончательно ошеломленный, между прикованной къ его устамъ Мэй Сильвестеръ и этой вѣтреной дочерью вѣка,

направившей противъ него всѣ батареи своихъ прелестей.— Мы вѣдь прекрасно понимаемъ, что Кирней не настоящее его имя. Но какъ это поэтично! И не правда ли, какъ онъ обворожителенъ? И кто онъ такой?

Я отвѣчалъ съ суровой ироніей, что не освѣдомленъ о томъ, который изъ иноземныхъ монарховъ путешествуетъ инкогнито въ Калифорнской Сіеррѣ; но что когда его королевскому величеству будетъ угодно меня объ этомъ освѣдомить, то я буду въ восторгѣ представить его по всѣмъ правиламъ. «А до тѣхъ поръ,—добавилъ я,—боюсь, что знакомству придется оставаться морганатическимъ».

— Вы просто ему завидуете,—задорно возразила она.— Смотрите на Мэй: она совершенно очарована. Да и отецъ ея также. И точно, вялый, наскучившій жизнью, скептичный Сильвестеръ смотрѣлъ на него съ едва совмѣстимымъ съ его характеромъ мальчишескимъ восторгомъ. Тѣмъ не менѣе, чистосердечно признаюсь здравому разсудку собственнаго моего пола, что не усматривалъ въ незнакомцѣ ничего, кромѣ уже доложеннаго читателю.

Въ самый разгаръ разсказа о животрепещущихъ приключеніяхъ, героемъ которыхъ, по мнѣнію пристрастныхъ слушательницъ, долженъ былъ оказаться самъ разсказчикъ, онъ вдругъ круто оборвалъ рѣчь.

— Ничего!—пояснилъ Сильвестеръ, — какой-нибудь вьючный обозъ проходитъ черезъ мостъ по нижней дорогѣ.

— Возможно, что это моя лошадь тревожится на конюшнѣ,— сказалъ мнимый Кирней,—ей не въ привычку полъ и крыша.

Небу извѣстно, какая только безумная и плѣнительная тайна крылась въ этомъ заявленіи, но дѣвушки переглянулись съ горящими отъ возбужденія глазами, въ то время, какъ Кирней всталъ и съ безмятежной безцеремонностью вышелъ изъ-за стола.

— Ну, развѣ не прелесть!—проговорила, захлебываясь, Китти, и какой остроумный!

— Остроумный? — возразила тихая Мэй, съ оттѣнкомъ возмущенія въ нѣжномъ голоскѣ.—Остроумный, душа моя? Да развѣ ты не видишь, что сердце въ немъ разрывается отъ чувствительности? Остроумный! да когда онъ разсказывалъ, какъ вѣшали ту бѣдную мексиканку, я видѣла слезы у него на глазахъ. Подумаешь, право—остроумный!

— Слезы!—засмѣялся скептикъ Сильвестеръ,—слезы, пустыя слезы. Да глупенькія вы дѣвочки, онъ просто человѣкъ, знающій жизнь, философъ, спокойный, наблюдательный безпритязательный философъ.

— Безпритязательный! Ужъ не пьянъ ли Сильвестеръ, или таинственный незнакомецъ подмѣшалъ чего-нибудь въ семейный супъ? Раньше, чѣмъ я успѣлъ дать себѣ отвѣтъ на собственный вопросъ, онъ уже возвратился и спокойно возобновилъ прерванное повѣствованіе. Убѣдившись, что меня окончательно вытѣснилъ тотъ самый человѣкъ, котораго я такъ долго колебался представить своимъ друзьямъ, я рано отправился спать, лишь для того, чтобы слышать два часа спустя восторженныя похвалы двухъ дѣвушекъ, долго трещавшихъ безъ-умолку въ сосѣдней комнатѣ за тоненькой перегородкой.

Въ полночь меня разбудилъ лошадиный топотъ и звяканье шпоръ подъ окномъ. Въ темнотѣ между хозяиномъ дома и какой-то загадочной личностью шли переговоры, но такіе тихіе, что я ничего не могъ разобрать. Когда кавалькада удалилась, я открылъ окно.

— Что случилось?

— Ничего,—спокойно отвѣчалъ Сильвестеръ,—всего лишь одна изъ кровопролитныхъ штукъ, свойственныхъ этой странѣ. Чероки Джэкъ застрѣлилъ человѣка въ Лагранжѣ сегодня утромъ, и его теперь разыскиваетъ калаверасскій шерифъ со своими людьми. Я сказалъ ему, что никого не видалъ, кромѣ васъ съ вашимъ знакомымъ. Кстати, надѣюсь, что окаянный шумъ не разбудилъ его. Бѣдняга, видимо, нуждался въ отдыхѣ.

Я и самъ такъ думалъ. Тѣмъ не менѣе я безшумно прокрался въ его комнату. Она была пуста. Мое впечатлѣніе таково, что онъ часа на два опередилъ калаверасскаго шерифа.

Трое бродягъ.

— А! такъ это ты?—замѣтилъ редакторъ.

Китайчонокъ, къ которому относились эти безцѣльныя слова, отвѣчалъ по своему обыкновенію съ буквальной точностью.

— Что правда, то правда!—съ убѣжденіемъ воскликнулъ редакторъ.—Едва ли на все Тринидадское графство найдется второй такой бѣсенокъ, какъ ты. Ну-съ, такъ въ слѣдующій разъ не скребись у дверей, какъ сурокъ, а прямо входи въ комнату.

— Въ послѣдній разъ,—кротко возразилъ Ли-Ти, — я стукъ-стучался. Вамъ не нлавится стукъ-стучаться. Вы говолите—точь въ точь дятелъ.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе редакціи *Тринидадскаго Вѣстника*, помѣщавшейся на небольшой просѣкѣ въ сосновомъ бору, особенно способствовало такого рода недоразумѣніямъ. Вдобавокъ точное подражаніе дятлу являлось однимъ изъ многоразличныхъ талантовъ Ли-Ти.

Не отвѣчая послѣднему, редакторъ принялся дописывать начатую записку. При этомъ Ли-Ти, какъ бы внезапно припомнивъ что-то, приподнялъ служившій ему карманомъ длинный рукавъ и небрежно, наподобіе фокусника, вытряхнулъ на столъ письмо. Редакторъ вскрылъ его, предварительно бросивъ мальчику укоризненный взглядъ. Письмо оказалось обычной просьбой одного изъ подписчиковъ—нѣкоего земледѣльца по имени Джонсона—отмѣтить въ газетѣ гигантскую рѣдьку, выращенную подписчикомъ и отправленную имъ съ подателемъ письма.

— А рѣдька-то гдѣ же, Ли-Ти? — съ подозрѣніемъ спросилъ редакторъ.

— Нѣту у меня. Спросите меликанскихъ мальчиковъ.

— Что-о?

Здѣсь Ли-Ти снизошелъ объяснить, что, проходя мимо школы, онъ подвергся нападенію школьниковъ, при чемъ боль-

шая рѣдька, представлявшая собой, по обыкновенію всѣхъ чудовищныхъ продуктовъ калифорнской почвы, просто-напросто комбинацію изъ уплотненной воды,—была раздавлена въ свалкѣ о чью-то голову. Редакторъ воздержался отъ упрековъ въ мучительномъ сознаніи, что его разсыльный подвергается правильной травлѣ.

Возможно также, что онъ въ душѣ готовъ былъ согласиться съ тѣмъ, что рѣдька, не выносящая рукопашной, не заслуживаетъ рекомендаціи.

— Все-таки я не могу писать о томъ, чего не видалъ,— замѣтилъ онъ добродушно.

— Вы можете солгать, все лавно какъ Джонсонъ,—ободряюще посовѣтовалъ Ли-Ти.—Онъ васъ надуваетъ гнилой длянью, а вы надувайте меликанцевъ, все лавно какъ онъ.

Редакторъ хранилъ полное достоинства молчаніе пока не надписалъ адреса на письмѣ.

— Отнесешь это м-съ Мартинъ,—сказалъ онъ, подавая письмо мальчику,—да смотри держись подальше отъ школы. Также постарайся миновать пріискъ, если люди сейчасъ за работой, да еще, если только дорожишь своей шкурой, избѣгай хижины Фланигана, которую ты едва не поджегъ на-дняхъ этимъ своимъ фейерверкомъ. Остерегайся собаки Баркера на перекресткѣ, да ступай стороной отъ большой дороги, если увидишь, что изъ шахты выходитъ народъ.

Спохватившись, что онъ заградилъ такимъ образомъ мальчику всѣ подходы къ жилищу м-съ Мартинъ, онъ добавилъ:

— Лучше всего, ступай кружнымъ путемъ черезъ лѣсъ, гдѣ ужъ, навѣрно, *никого* не встрѣтишь.

Мальчикъ метнулся въ открытую дверь, а редакторъ простоялъ съ минуту, съ сожалѣніемъ глядя ему вслѣдъ. Онъ полюбилъ своего маленькаго protegé съ того самаго дня, когда злополучный сиротка, прижившійся въ китайской прачечной, былъ задержанъ негодующими рудокопами въ качествѣ заложника за плохо вымытое бѣлье. Къ сожалѣнію, другая компанія рудокоповъ, въ равной степени недовольныхъ китайцами, разнесла въ то же время прачечную и разогнала ея обитателей. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль мальчикъ былъ потѣхой и приживальщикомъ пріиска—выносливой мишенью добродушныхъ насмѣшекъ и жертвой то небрежнаго равнодушія, то безразсудной щедрости. Ли-Ти принималъ поочередно тумаки и полудоллары съ одинаковой стоической невозмутимостью.

Тѣмъ не менѣе подъ вліяніемъ этой системы онъ мало-помалу утратилъ покорность и воздержность, являвшіяся чѣ

стью отцовскаго наслѣдія; и принялся въ свою очередь изощрять свои мозги противъ своихъ мучителей, пока имъ, наконецъ, не надоѣли и его и свои собственныя выдумки. Между тѣмъ они не знали, куда его дѣвать. Красивая желтая кожа закрывала ему доступъ въ «бѣлое народное училище»; съ другой стороны, хотя онъ въ качествѣ язычника и имѣлъ законное право на содѣйствіе воскресной школы, тѣмъ не менѣе родители, охотно дающіе взносы на просвѣщеніе язычниковъ дальнихъ странъ, не желали видѣть его товарищемъ своихъ дѣтей на родинѣ. Въ этотъ критическій моментъ редакторъ предложилъ взять его въ качествѣ разсыльнаго. Ли-Ти сразу началъ себя вести, какъ подлинный бѣсенокъ. Онъ заливалъ чернилами все, что попало, за исключеніемъ печатнаго станка; выцарапывалъ на свинцовыхъ полосахъ китайскія слова съ обиднымъ значеніемъ, печаталъ ихъ и расклеивалъ по всей конторѣ; сыпалъ трутъ въ трубку фактора; и видали даже, какъ онъ глоталъ петитъ просто-напросто въ видѣ дьявольской забавы. Какъ посланный, онъ былъ проворенъ, но ненадеженъ. Редактору какъ-то удалось уговорить доброжелательную жену фермера Мартина взять его къ себѣ на пробу, но на третій же день Ли-Ти сбѣжалъ изъ дому. Однако редакторъ не унывалъ, и въ посланномъ ей письмѣ именно и заключалась просьба сдѣлать вторичную попытку.

Онъ все еще продолжалъ разсѣянно всматриваться въ лѣсную чащу, когда замѣтилъ легкое движеніе—хотя и безъ всякаго шума—въ ближнемъ кустѣ орѣшника, изъ котораго вслѣдъ за тѣмъ выскользнула крадущаяся фигура. Редакторъ тотчасъ же узналъ «Джима», извѣстнаго бродягу-индѣйца, связаннаго съ цивилизаціей поселка единственнымъ звеномъ—«огненной водой», ради которой онъ бросилъ Reservations [1]), гдѣ она была запретнымъ плодомъ, и родные лагери, гдѣ она была еще неизвѣстна. Не подозрѣвая о сосѣдствѣ безмолвнаго наблюдателя, Джимъ опустился на четвереньки, попеременно приникая къ землѣ то ухомъ, то носомъ, подобно животному на слѣду. Удовлетворившись результатомъ, онъ всталъ на ноги и, наклонившись впередъ, двинулся прямо къ лѣсу упорной ровной рысью. Нѣсколько секундъ спустя, за нимъ послѣдовала его собака—дикій, робкій, волкообразный песъ, превосходный инстинктъ котораго, однако, извѣстилъ его о присутствіи враждебнаго человѣка въ лицѣ редактора,

---

[1]) Въ С. Америкѣ — земельный запасъ или государственный земельный фондъ, изъ котораго раздаются участки индѣйцамъ, желающимъ бросить кочевую жизнь и заняться сельскимъ хозяйствомъ.

о чемъ засвидѣтельствовало машинальное тявканье, въ ожиданіи обычнаго камня.

— Вотъ это ловко,—произнесъ сзади голосъ, но, впрочемъ, я такъ и зналъ.

Редакторъ поспѣшно оглянулся. За нимъ стоялъ его факторъ, очевидно, бывшій свидѣтелемъ инцидента.

— Не даромъ я всегда говорилъ,—продолжалъ тотъ,—что этотъ мальчишка и индѣецъ, какъ два сапога, пара. Ужъ если увидишь одного изъ нихъ двоихъ, то, стало-быть, и другой недалеко, и всякій у нихъ тамъ свои сигналы и штуки, которыми они оповѣщаютъ другъ друга. Разъ какъ-то на-дняхъ, когда вы были увѣрены, что Ли-Ти бѣгаетъ по вашимъ порученіямъ, я преспокойно разыскалъ его на болотѣ и для этого понадобилось только прослѣдить этого дрянного ублюдка Джима. Тамъ они всѣ оказались въ сборѣ,—расположились лагеремъ и поѣдали сырую рыбу, пойманную Джимомъ, да зелень, украденную на огородѣ Джонсона. Не спорю, быть-можетъ, м-съ Мартинъ и возьметъ мальчишку, но, помяните мое слово, не долго она его продержитъ, если только Джимъ останется поблизости. Что могъ найти Ли въ этомъ старомъ пьяницѣ, и съ чего это Джимъ—вѣдь онъ же, какъ-никакъ, американецъ—дружитъ съ иноземнымъ язычникомъ?.. вотъ чего я никогда не пойму!

Редакторъ не отвѣчалъ. Ему и раньше приходилось слыхать подобныя рѣчи. А между тѣмъ, почему бы и не льнуть другъ къ другу этимъ отщепенцамъ цивилизаціи?

* * *

Пребываніе Ли-Ти у м-съ Мартинъ оказалось кратковременнымъ. Причиной его ухода послужило неожиданное происшествіе, предвѣстникомъ котораго, какъ это бываетъ съ большими бѣдствіями, явилось таинственное небесное знаменіе. Однажды утромъ на горизонтѣ показалась таинственная птица гигантскихъ размѣровъ, которая, придвигаясь мало-помалу, нависла, наконецъ, надъ обреченнымъ городомъ. По тщательномъ наблюденіи, однако, оказалось, что зловѣщее пернатое—не что иное, какъ огромный бумажный змѣй въ формѣ летящаго дракона. Появленіе его значительно способствовало оживленію поселка, но вскорѣ веселость смѣнилась досадой и негодованіемъ. Оказалось, что змѣй былъ сфабрикованъ Ли-Ти въ укромномъ уголкѣ усадьбы м-съ Мартинъ, но при испытаніи выяснилось, что допущена ошибка въ размѣрахъ, вслѣдствіе чего, ему потребовался необычайно длинный хвостъ. Ли-Ти пустилъ въ ходъ то, что подвернулось подъ

руку, именно веревку вмѣстѣ съ находившимся на ней недѣльнымъ запасомъ бѣлья. Это обстоятельство не сразу бросилось въ глаза заурядным зрителямъ, хотя хвостъ и показался имъ довольно страннымъ,—впрочемъ, не страннѣе, чѣмъ полагается быть хвосту дракона. Когда же по городу, наконецъ, разнеслась вѣсть о грабежѣ, всѣ страшно заинтересовались, и пустили въ ходъ бинокли и подзорныя трубы, чтобы удостовѣриться, какія именно части одежды еще удержались на похищенной веревкѣ. Предметы эти медленно высвобождались отъ придерживавшихъ ихъ шпилекъ по мѣрѣ вращенія змѣя, и нелицепріятно распредѣлялись по различнымъ мѣстамъ города. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ чулокъ м-съ Мартинъ угодилъ на веранду трактира «Полька», второй же, къ великому ужасу прихожанъ, былъ впослѣдствіи разысканъ на колокольнѣ методистской церкви.

Хорошо еще, когда бы результаты изобрѣтенія Ли-Ти этимъ и ограничились. Увы! благодаря предательской веревкѣ змѣя, дьяконъ Горнблауеръ и констэбль прослѣдили китайчонка съ его сообщникомъ, индѣйцемъ Джимомъ, въ пустынномъ мѣстѣ болота, и грубо отобрали у нихъ ихъ произведеніе. Къ несчастью, побѣдители не замѣтили, что веревка змѣя была изъ предосторожности захлестнута за грузное бревно, дабы смягчить силу притяженія, и дьяконъ имѣлъ неосторожность замѣнить это бревно собственной особой.

Очевидцамъ тогда представилось небывалое зрѣлище. Дьяконъ помчался неровными прыжками по болоту, вдогонку за змѣемъ; за нимъ вплотную слѣдовалъ констэбль, дико вцѣпившись въ конецъ веревки и дергая ее изо всѣхъ силъ. Необычайная скачка продолжалась до самаго города, гдѣ констэбль, наконецъ, упалъ, выпустивъ веревку изъ рукъ. Это придало внезапную воздушность дьякону, который, къ всеобщему изумленію, немедленно взлетѣлъ на дерево! Когда подоспѣли на помощь и отрѣзали его отъ демоническаго змѣя, обнаружилось, что у него вывихнуто плечо, констэбль же оказался сильно помятымъ. Этимъ однимъ неудачнымъ ходомъ двое отщепенцевъ создали себѣ вѣчныхъ враговъ въ лицѣ тринидадскихъ представителей закона и церкви. Кромѣ того, нельзя было положиться на инстинкты населенія пограничнаго поселка, которому они теперь были переданы во власть. Въ виду затруднительности положенія, они предпочли на слѣдующій же день исчезнуть изъ города неизвѣстно куда. Нѣкоторымъ указаніемъ на ихъ мѣстопахожденіе явился легкій голубой дымокъ, виднѣвшійся въ теченіе послѣдующихъ дней надъ одинокимъ островкомъ въ бухтѣ, но никто въ сущности не

интересовался этимъ. Сочувственное вмѣшательство редактора натолкнулось на характерный отпоръ со стороны одного изъ виднѣйшихъ обывателей, м-ра Паркина Скиннера.

— Вамъ хорошо умиляться надъ неграми, китайцами и индѣйцами да еще смѣяться надъ тѣмъ, что дьяконъ вознесся на небо на окаянной китайской колесницѣ, но могу вамъ доложить, джентльмены, что эта страна существуетъ для бѣлыхъ людей. Да-съ, сэръ, противъ этого ужъ ничего не подѣлаете! Разъ что англо-саксонецъ пустился въ походъ, тутъ ужъ не мѣсто негру — будь онъ желтый, красный или черный, и какъ-бы ни звать его—индѣйцемъ, китайцемъ или канакой. Явно для здраваго смысла, что негру не мѣсто рядомъ съ печатными станками, жатвенными машинами и библіей! Да-съ, сэръ, библіей, и дьяконъ Горнблауеръ докажетъ это вамъ, какъ дважды два четыре. Наше очевидное назначеніе заключается въ томъ, чтобы очистить отъ нихъ страну,— вотъ для чего мы здѣсь,—и это вотъ именно та работа, которую мы призваны совершить!.

Я привожу животрепещущія рѣчи м-ра Скиннера въ доказательство того, что Джимъ и Ли-Ти бѣжали исключительно въ виду возможнаго суда Линча; а также желаю демонстрировать тѣ высокія и облагораживающія чувства, которыя царили сорокъ лѣтъ тому назадъ въ заурядномъ американскомъ пограничномъ городкѣ, гдѣ еще и не помышляли въ то время о расширеніи имперіи.

Какъ бы то ни было, м-ръ Скиннеръ въ данномъ случаѣ упустилъ изъ вида слабости человѣческой природы. Въ одно прекрасное утро его двѣнадцатилѣтній сынъ Бобъ уклонился отъ школы и отправился въ старомъ индѣйскомъ долбленомъ челнокѣ завоевывать островъ несчастныхъ бѣглецовъ. Планъ его еще не вполнѣ созрѣлъ, но долженъ былъ видоизмѣниться въ зависимости отъ обстоятельствъ. Либо онъ возьметъ въ плѣнъ Ли-Ти и Джима, либо примкнетъ къ ихъ нелегальному житью. На всякій случай онъ украдкой присвоилъ себѣ отцовское ружье. Кромѣ того, онъ запасся съѣстными припасами, такъ какъ до него дошло, что Джимъ питается кузнечиками, а Ли-Ти крысами, самъ же онъ не считалъ себя способнымъ довольствоваться подобными яствами. Сперва онъ гребъ медленно, тщательно держась подъ берегомъ, чтобы не быть замѣченнымъ, затѣмъ смѣло двинулъ свое утлое суденышко прямо къ острову—косматому, заросшему клочку болотистаго мыса, оторванному отъ полуострова какимъ-то стихійнымъ переворотомъ. День былъ прекрасный, бухта лишь слегка ерошилась предвечерними «барашками», но по

мѣрѣ приближенія къ острову стали ощутительнѣе сильная зыбь и громы далекаго Тихаго океана, и мальчика началъ пробирать страхъ. Челнокъ кувыркнулся въ хлябь между валами, зачерпнулъ соленой воды, что показалось непомѣрно ужаснымъ выросшему въ преріяхъ мальчику. Забывая о планахъ тайнаго нашествія, онъ принялся кричать во всю глотку въ то время, какъ вода относила безпомощный челнокъ мимо острова. Тутъ изъ камышей выступила стройная фигура, сбросила съ себя изорванное одѣяло и скользнула безшумно, какъ животное, въ воду. Это былъ Джимъ, который наполовину вплавь, наполовину вбродъ доставилъ челнокъ съ мальчикомъ къ берегу. Юный Скиннеръ тотчасъ же отказался отъ нашествія и рѣшилъ примкнуть къ отщепенцамъ.

Его безпомощное состояніе и открытое восхищеніе ихъ первобытнымъ цыганскимъ житьемъ значительно облегчиил сближеніе, невзирая на то, что онъ былъ въ прошломъ однимъ изъ притѣснителей Ли-Ти. Но этотъ невозмутимый язычникъ обладалъ философскимъ равнодушіемъ, которое могло бы сойти за христіанское всепрощеніе, тогда какъ національная сдержанность Джима могла быть принятой за нѣмое согласіе. Возможно также, что въ душѣ двухъ бродягъ таилась скрытая симпатія къ этому тоже своего рода отщепенцу цивилизаціи и что имъ втайнѣ льстило, что явился онъ къ нимъ не по неволѣ, а по собственному желанію. Какъ бы то ни было, они вмѣстѣ ловили рыбу, собирали бруснику на болотѣ, застрѣлили дикую утку и двухъ куликовъ; когда же ему пришлось помогать въ изготовленіи рыбы, погруженной въ яму съ водой въ конической корзинѣ, при чемъ воду нагрѣвали, бросая въ нее раскаленные докрасна камни, — ликованію Боба не было границъ. А что за конецъ дня! Лежать на животѣ въ травѣ, какъ пресыщенныя животныя, скрытыя отъ всего и всѣхъ, кромѣ солнца на небѣ; такъ тихо, что вокругъ нихъ безстрашно спускались сѣрыя стаи песочниковъ, и лоснящаяся мускусная крыса выползала изъ ила въ двухъ шагахъ отъ ихъ лицъ,— было ни съ чѣмъ несравнимымъ блаженствомъ; казалось, будто они не болѣе какъ частица окружающей ихъ дикой жизни на сушѣ и въ воздухѣ. Не то, чтобы ихъ хищническіе инстинкты смягчались отъ этого божественнаго мира; достаточно было показаться надъ водой черной точкѣ, въ которой индѣецъ признавалъ тюленя; или мелькнуть въ чащѣ желтой лисицѣ, высматривающей утиный выводокъ; или случайно затесаться на болото лосю,—чтобы ихъ охотничьи инстинкты уже забили тревогу, и начиналась упоительная, хотя и безплодная охота. Когда же черезчуръ рано наступила ночь, они

сбились въ кучу у теплой золы костра, подъ низкимъ вигвамомъ изъ земли, камышей и валежника, вдыхая смѣшанные запахи рыбы, дыма и влажнаго соленаго дыханія болота, и сонъ ихъ былъ очень сладокъ. Далекіе огни поселка гасли одинъ за другимъ, на мѣсто имъ выступали непомѣрно большія и непомѣрно безмолвныя звѣзды. Слышался лай собаки въ ближайшемъ концѣ, которому отвѣчалъ болѣе отдаленный лай въ глубинѣ страны. Но песъ Джима, свернувшійся у ногъ хозяина, не откликался на ихъ зовъ. Что *ему* до цивилизаціи?

Съ наступленіемъ утра у юнаго Скиннера проснулись нѣкоторыя опасенія относительно разультатовъ его побѣга, хотя и не поколебавшія его рѣшенія остаться. Странно сказать,—здѣсь онъ встрѣтилъ противорѣчіе со стороны Ли-Ти:

— Что бы вамъ все-таки велнуться? Вы скажете лоднымъ, что челнокъ оплокинулся, плишлось далеко плыть до чащи. Ночь пловели въ чащѣ. Домой далеко—какъ поспѣть?

— А ружье я оставлю здѣсь, и скажу папѣ, что оно утонуло, когда челнокъ опрокинулся,—живо подхватилъ мальчикъ.

Ли-Ти утвердительно кивнулъ.

— И вернусь въ субботу, и принесу еще пороха и дроби, а для Джима бутылку!—въ возбужденіи добавилъ юный Скиннеръ.

— Ладно!—буркнулъ Джимъ.

Тогда они переправили мальчика на перешеекъ и указали ему извѣстную имъ однимъ тропу черезъ болото, которая приведетъ его домой. Когда же на слѣдующій день редакторъ выпустилъ среди прочихъ извѣстій статью: «Одинъ на бухтѣ. Чудесное спасеніе школьника», онъ не больше, чѣмъ его читатели, подозрѣвалъ объ участіи въ происшествіи своего исчезнувшаго разсыльнаго.

Между тѣмъ, двое бродягъ вернулись къ своему лагерю на островѣ. Съ уходомъ Боба солнечный свѣтъ какъ бы потускнѣлъ немного. Оба испытывали тупое и безсознательное влеченіе къ маленькому бѣлому тирану, дѣлившему съ ними хлѣбъ-соль. Онъ былъ восхитительно эгоистиченъ и откровенно грубъ съ ними, какъ можетъ быть грубъ только школьникъ, съ добавленіемъ сознанія превосходства своей расы. Тѣмъ не менѣе оба мечтали о его возвращеніи, хотя и рѣдко поминали его въ своихъ односложныхъ бесѣдахъ, которыя вели каждый на собственномъ языкѣ съ примѣсью отдѣльныхъ англійскихъ словъ, а еще чаще ограничиваясь одними знаками. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, однако, когда говорилось

о немъ, они съ утонченной лестью пускали въ ходъ то, что считали его собственнымъ нарѣчіемъ.

— Бостонскій мальчикъ много любитъ ловить его,—говаривалъ Джимъ, указывая на отдаленнаго лебедя. Или Ли-Ти, вылавливая полосатую водяную змѣю изъ-подъ камышей, степенно замѣчалъ:

— Меликанскій мальчикъ не любитъ змѣю.

Однако послѣдующіе два дня принесли имъ заботы и физическія неудобства. Бобъ поглотилъ или зря истребилъ всю ихъ провизію; мало того, его ружье и неумѣренная жизнерадостность спугнули дичь, чувствовавшую довѣріе къ ихъ спокойствію и угрюмому молчанію. Они голодали, но не осуждали его. Все пойдетъ на ладъ, когда онъ возвратится. Они принялись считать дни: Джимъ,—съ помощью тайныхъ зарубокъ на жерди шалаша, Ли-Ти—отмѣчалъ ихъ на шнуркѣ съ мѣдными монетами, съ которымъ онъ никогда не разставался. Наконецъ наступилъ знаменательный день, теплый осенній день, съ пятнами тумана похожаго на синій дымъ, въ глубинѣ страны и мирными открытыми пространствами чѣса и моря; но ни на одномъ изъ послѣднихъ ихъ выжидающіе довѣрчивые глаза не увидали желаннаго гостя. Весь день они хранили угрюмое молчаніе; когда же спустилась ночь, Джимъ сказалъ:—Можетъ-быть, бостонскій мальчикъ умеръ.

Ли-Ти кивнулъ головой. Этимъ двумъ язычникамъ казалось невозможнымъ, чтобы что-либо, кромѣ смерти, могло помѣшать маленькому христіанину сдержать данное слово.

Послѣ этого съ помощью челнока они стали часто выходить на болото, охотясь въ одиночку, но то и дѣло встрѣчаясь на тропѣ, по которой ушелъ Бобъ, что вызывало у обоихъ хрюканье, выражавшее обоюдное изумленіе. Эти подавленныя чувства, никогда не выражавшіяся ни словомъ ни движеніемъ, подъ конецъ, повидимому, нашли побочный исходъ въ лицѣ сумрачнаго пса, который настолько отступилъ отъ обычной своей скромности, что даже раза два усѣлся на берегу рѣки, чтобы предаться неумѣренному вою. У Джима и раньше бывала привычка время отъ времени удаляться въ уединенное мѣсто, гдѣ, завернувшись въ одѣяло и прислонившись спиной къ дереву, онъ просиживалъ по нѣскольку часовъ безъ движенія. Въ поселкѣ это явленіе приписывалось похмелью, хотя самъ Джимъ и объяснялъ его тѣмъ, что у него сердце плохо. Теперь же, судя по этимъ мрачнымъ припадкамъ, можно было подумать, что сердце его

плохо, — очень и очень часто. А тутъ однажды ночью на крыльяхъ свирѣпаго юго-западнаго вихря налетѣлъ запоздавшій дождь, разметалъ ихъ хрупкій шалашъ, залилъ костеръ и разбушевалъ бухту, пока она не затопила ихъ камышеваго островка, со свистомъ приступая къ самымъ ихъ ногамъ. Дождь угналъ дичь отъ ружья Джима, изорвалъ сѣти и уничтожилъ приманку рыболова Ли Ти.

Иззябшіе и заморенные душой и тѣломъ, но болѣе чѣмъ когда-либо упорные и безмолвные, они выбрались на челнокѣ въ бушующую бухту, и еле живыми достигли болотистаго полуострова. Здѣсь, на непріятельской почвѣ, таясь въ камышахъ или залегая за кустами, они, наконецъ, достигли полосы лѣса у поселка. Здѣсь также тѣснимые голодомъ и съ угрюмымъ равнодушіемъ къ послѣдствіямъ, они, наконецъ, позабыли объ осторожности, и Джимъ подстрѣлилъ дикую утку на самой окраинѣ поселка.

Роковой выстрѣлъ разбудилъ и возстановилъ противъ нихъ всѣ силы цивилизаціи. Эхо его долетѣло до хижины дровосѣка у болота, и тотъ, выглянувъ наружу, увидалъ проходившаго мимо Джима. Беззаботный, добродушный пограничникъ, пожалуй, и не выдалъ бы присутствія бѣглецовъ; вся бѣда была въ этомъ окаянномъ выстрѣлѣ! Индѣецъ съ ружьемъ! Съ контрабаднымъ оружіемъ, за которое тотъ, кто его индѣйцу продастъ или подаритъ, подвергается строгимъ штрафамъ и взысканіямъ! Дѣло, требующее разслѣдованія и законнаго возмездія. Индѣецъ съ оружіемъ, дѣлающимъ его равнымъ бѣлому! Кто же послѣ этого въ безопасности? Онъ поспѣшилъ въ городъ увѣдомить констэбля, но встрѣтился по пути съ м-ромъ Скиннеромъ и выложилъ все ему. Тотъ осмѣялъ констэбля, не сумѣвшаго до сихъ поръ разыскать Джима, и предложилъ организовать самостоятельную погоню изъ вооруженныхъ гражданъ. Дѣло въ томъ, что Скиннеръ, плохо удовлетворенный въ душѣ объясненіемъ сына относительно исчезновенія ружья, раскинулъ умомъ и пришелъ къ опредѣленному заключенію, въ силу котораго ему вовсе не было желательно, чтобы происхожденіе ружья было засвидѣтельствовано законными властями. Въ результатѣ, онъ немедленно отправился домой и напалъ на Боба съ такой энергіей, такими яркими красками описалъ ему совершонное имъ преступленіе и сопряженныя съ послѣднимъ кары, что Бобъ признался въ своей винѣ. Мало того, я, къ прискорбію, долженъ вамъ открыть, что Бобъ солгалъ. Индѣецъ якобы укралъ у него ружье и пригрозилъ ему смертью, если онъ выдастъ его. Онъ разсказалъ, какъ его безжалостно вы-

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА

садили на берегъ и принудили возвратиться домой по тропѣ, извѣстной только имъ однимъ. Не прошло и двухъ часовъ, какъ по всему поселку прошла вѣсть, что злодѣй Джимъ, въ добавленіе къ незаконному владѣнію оружіемъ, виновенъ еще въ разбоѣ и насиліи. Что касается тайны острова и тропы черезъ болото, въ нее были посвящены лишь немногіе.

Между тѣмъ, бѣглецамъ приходилось плохо. Близость къ поселку мѣшала имъ развести костеръ, могущій выдать ихъ убѣжище, и они просидѣли всю ночь въ орѣховомъ кустѣ, прикорнувъ для тепла другъ къ другу. Спугнутые оттуда ничего не подозрѣвавшими прохожими, они провели часть слѣдующаго дня и ночь подъ копной солончаковой травы, на холодномъ морскомъ вѣтру, и окоченѣли въ конецъ, но зато были надежно скрыты отъ любопытныхъ глазъ. Странное дѣло, но изъ троихъ одно только *настоящее* животное—ихъ безыменный песъ—теперь выказывало петерпѣніе и даже малодушіе. Онъ одинъ бунтовалъ противъ тайны, съ которой они мирились, противъ страданій, которыя они переносили съ безмолвнымъ терпѣніемъ!

Между тѣмъ Ли-Ти, привыкшій къ обильной порціи риса, болѣе страдалъ отъ лишеній, чѣмъ его товарищъ. Къ обычной его апатіи присоединилась физическая вялость, которой Джимъ не могъ себѣ объяснить. Когда имъ случалось бывать врозь, нерѣдко онъ, возвратившись, заставалъ китайчонка лежащимъ на спинѣ, со страннымъ остановившимся взглядомъ; а однажды издали увидалъ, что отъ лежащаго мальчика тянется прозрачный дымокъ, разсѣявшійся при его приближеніи. Когда Джимъ попытался встряхнуть его, Ли Ти отвѣчалъ слабымъ протяжнымъ голосомъ, при чемъ отъ него пахнуло какимъ-то зельемъ. Индѣецъ оттащилъ его къ болѣе надежному прикрытію, въ густой ольховникъ. Мѣсто было опасно, близко къ проѣзжей дорогѣ, но въ помутившейся головѣ Джима вдругъ возникло представленіе, что, несмотря на ихъ равенство въ бродяжничествѣ, Ли-Ти имѣетъ больше правъ на помощь цивилизаціи, такъ какъ его соотечественникамъ разрѣшаютъ жить среди бѣлыхъ людей, вмѣсто того чтобы загонять ихъ на запасныя земли, какъ сородичей Джима. Если Ли-Ти «много боленъ», то другіе китайцы могутъ найти его и ухаживать за нимъ. Что касается самого Ли-Ти, то онъ недавно замѣтилъ, въ одинъ изъ сознательныхъ промежутковъ: «Я буду умелеть — все одно, какъ меликанскій мальчикъ. И ты будешь умелеть—все одно,—послѣ чего снова вытянулся со стекляннымъ взглядомъ».

Джимъ не только не былъ испуганъ этимъ, но приписывалъ его состояніе чарамъ, вызваннымъ съ помощью одного изъ боговъ Ли-Ти,—точь въ точь, какъ онъ видалъ колдуновъ собственнаго племени въ летаргическомъ трансѣ: его даже радовало, что мальчикъ больше не страдаетъ. Часы шли, а Ли-Ти все еще спалъ. Джиму послышался колокольный звонъ; онъ зналъ, что сегодня воскресенье—тотъ день, въ который констэбль выпроваживалъ его съ главной улицы, въ которой лавки закрыты, а въ питейныя заведенія можно проникнуть только съ задняго хода. День, въ который никто не работаетъ, и по этой причинѣ, хотя онъ того не зналъ, день, признанный особенно подходящимъ для облавы изобрѣтательнымъ мистеромъ Скиннеромъ и его пріятелями. Колоколъ ничего не возвѣстилъ о томъ, однако, песъ глухо тявкнулъ и насторожился. Но тутъ Джиму послышался иной звукъ, пока еще отдаленный и неясный, однако вдохнувшій жизнь въ его тусклый взглядъ, освѣтившій тяжелыя семитическія черты и даже вызвавшій легкій румянецъ на выдающихся скулахъ. Онъ вытянулся на землѣ и прислушался, затаивъ дыханіе. Теперь онъ уже ясно слышалъ. Звалъ бостонскій мальчикъ, и слово, которое онъ произносилъ, было Джимъ!

Затѣмъ огонь погасъ въ его глазахъ, и онъ съ обычной угрюмостью повернулся къ Ли-Ти. Онъ встряхнулъ его съ краткой фразой: «Бостонскій мальчикъ вернулся!» Отвѣта не было, мертвое тѣло безучастно качнулось подъ его рукой, голова откинулась назадъ и челюсть открылась подъ исхудавшимъ желтымъ лицомъ. Индѣецъ долго смотрѣлъ на него, затѣмъ степенно повернулся по направленію къ голосу. Однако его тупой умъ былъ въ смущеніи, ибо съ этимъ голосомъ сливались другіе звуки, похожіе на поступь неуклюже крадущихся шаговъ. Но снова голосъ позвалъ: «Джимъ!» и приложивъ руки ко рту онъ слабо гикнулъ въ отвѣтъ. Послѣдовало молчаніе, какъ вдругъ онъ снова услыхалъ голосъ мальчика—на этотъ разъ совсѣмъ близко — оживленно говорившаго:

— Вотъ онъ!

Тогда индѣецъ все понялъ. Лицо его, однако, не дрогнуло. Онъ вскинулъ ружье, и въ ту же минуту изъ чащи на тропу выступилъ человѣкъ:

— Брось ружье, окаянный индѣецъ.

Индѣецъ не шелохнулся.

— Брось, говорю!

Индѣецъ стоялъ прямо и неподвижно.

Изъ чащи грянулъ выстрѣлъ. Сразу показалось, что произошелъ промахъ, и говорившій въ свою очередь взвелъ курокъ. Но въ ту же минуту высокая фигура Джима осѣла на мѣстѣ, обратившись въ кучку изъ рванаго одѣяла.

Стрѣлявшій медленно двинулся къ этой кучкѣ съ видомъ побѣдителя. Но вдругъ передъ нимъ всталъ ужасный призракъ, воплощеніе дикости — существо съ горящими глазами, оскаленными клыками и жаркимъ кровожаднымъ дыханіемъ. Онъ едва успѣлъ крикнуть: «Волкъ!» когда челюсти звѣря уже вцѣпились ему въ глотку.

Но то былъ не волкъ, что доказалъ второй выстрѣлъ—а только потайной песъ Джима,—единственный изъ отщепенцевъ, возвратившійся въ этотъ рѣшающій моментъ къ первобытной своей природѣ.

Мать пятерыхъ дѣтей.

Она была матерью—и матерью образцовой—пятерыхъ дѣтей, невзирая на то, что самой ей только недавно исполнилось девять лѣтъ. Въ числѣ этихъ дѣтей имѣлись двойни, которыхъ она называла «дѣтьми мистера Амплака», подразумѣвая чрезвычайно почтеннаго джентльмена изъ сосѣдняго поселка, никогда въ жизни, поскольку мнѣ извѣстно, не видавшаго ни ее ни ихъ. Двойни, какъ это водится, очень были похожи другъ на друга, тѣмъ болѣе, что въ предшествовавшей своей жизни были двумя кеглями, и сохранили нѣкоторую зачаточность очертаній въ той части фигуры, которая начиналась отъ плечъ и прикрывалась длиннымъ дѣтскимъ платьицемъ. Зато головы у нихъ были тверды и круглы, и встрѣчались даже люди, усматривавшіе въ нихъ неопровержимое сходство съ предполагаемымъ отцомъ. Остальныя дѣти были попросту куклы разнаго пола, возраста и положенія; но двойни могли безъ преувеличенія назваться продуктомъ ея личнаго творчества. Таково было, однако, безпристрастіе материнскаго инстинкта, что она никогда не дѣлала никакой разницы въ ихъ пользу. «Дѣти Амплака» было скорѣе обозначеніемъ, нежели почетнымъ званіемъ.

Сама она была дочерью Роберта Фокса, трудолюбиваго, но не дальновиднаго вдовца, служившаго кучеромъ въ Обществѣ Дилижансовъ, на участкѣ между Большимъ Поворотомъ и Рено. Въ силу его занятій, случалось иногда, что мать и дѣти оказывались разбросанными по дорогѣ на различныхъ станціяхъ. Однако члены семейства обыкновенно возвращались во-свояси, въ грубыхъ, но ласковыхъ рукахъ Мэри, успѣвшихъ привыкнуть къ обращенію съ дѣтьми. Мнѣ живо припоминается, какъ Джимъ Картеръ однажды явился въ трактиръ, послѣ пятимильной прогулки по снѣгу, съ однимъ изъ двойней Амплакъ въ карманѣ.

— Надо что-нибудь предпринять,—проворчалъ онъ,—чтобы заставить Мэри побольше заботиться о дѣтяхъ Амплака; я подобралъ одного изъ нихъ въ снѣгу за милю отъ Большого Поворота.

— Силы небесныя!—воскликнулъ посторонній пассажиръ, въ удивленіи поднимая голову,—я и не зналъ, что мистеръ Амплакъ женатъ.

Джимъ демонически подмигнулъ намъ надъ краемъ стакана.

— Я также не зналъ,— мрачно отозвался онъ,— но съ этими почтенными гнусавыми ханжами никогда не знаешь, чего ожидать.

Раздѣлавши такимъ образомъ репутацію Амплака, негодяй этимъ не удовольствовался. Когда ему позднѣе удалось остаться наединѣ съ Мэри, или «Мири», какъ она сама выговаривала свое имя, онъ нарисовалъ ей такую яркую картину страданій юнаго Амплака въ сугробѣ и отчаяннаго его шопота: «Мири! Мири!» что на голубыхъ глазахъ Мэри выступили настоящія слезы.

— Пусть это послужитъ тебѣ урокомъ, — добавилъ онъ, проворно вытаскивая кеглю изъ кармана,—вѣдь для того, чтобы привести этого ребенка въ чувство, понадобилась почти кварта лучшаго крѣпкаго виски.

Мэри не только дословно всему повѣрила, но въ теченіе нѣсколькихъ недѣль продержала злополучнаго «Юліана Амплака» въ позѣ спящаго въ повозочкѣ, такъ какъ предполагалось, что вслѣдствіе примѣненныхъ къ нему героическихъ средствъ, онъ пріобрѣлъ пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ.

Многочисленное семейство Мэри выросло въ какихъ-нибудь два года. Первый ребенокъ былъ доставленъ съ немалымъ денежнымъ расходомъ изъ Сакраменто нѣкіимъ Вильямомъ Дарромъ, также кучеромъ Общества, въ честь семилѣтней годовщины Мэри. Съ своеобразной дѣтской изобрѣтательностью, она тотчасъ окрестила куклу «Мизери»,—вѣроятно, смѣсь «Мисси», какъ звали ее самые посторонніе, и «Миссури»,— названіе родного ея штата. Первоначально это была необычайно крупная кукла, такъ какъ мистеръ Доддъ желалъ получить возможно больше товара за свои деньги; но время, а пожалуй, и избытокъ материнскихъ попеченій не замедлили исправить этотъ недостатокъ, ибо Мизери день ото дня худѣла и теряла то ту, то другую часть своихъ членовъ. Объемъ ея еще больше уменьшился послѣ того, какъ ее переѣхала почтовая карета; но страннымъ образомъ, болѣе всего стра-

дали голова и плечи. Началось съ того, что облупилась вся верхняя кожа, за которой послѣдовали, одинъ за другимъ, отдѣльные слои ея необыкновеннаго состава. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока голова и плечи не оказались непомѣрно малыми даже для уменьшеннаго объема куклы. Напрасно Мэри силилась возстановить симметрію, пуская въ ходъ всѣ пріемы дѣтскаго моднаго искусства,—ничего не помогало: ни платокъ, обкрученный вокругъ шеи и приколоченный къ ней гвоздями, ни шляпка, свисавшая то назадъ, то впередъ, и никогда не державшаяся на должномъ мѣстѣ. И вотъ, наконецъ, настало ужасное утро, когда послѣ неосторожной ванны вся верхняя часть туловища отвалилась, оставивъ два уродливыхъ желѣзныхъ стержня, торчащихъ прямо изъ позвоночника. Даже съ воображеніемъ Мэри невозможно было принять это сооруженіе за голову. Позднѣе, въ тотъ же день, кузнецъ «Перекрестка» Джэкъ Роперъ былъ пораженъ внезапнымъ появленіемъ опечаленной дѣвочки, въ ярко-голубомъ передникѣ одного цвѣта съ ея глазами, и съ чудовищнымъ дѣтищемъ на рукахъ. Джэкъ узналъ Мэри и мгновенно оцѣнилъ положеніе.

— Не осталось ли у тебя другой головы дома? — добродушно спросилъ онъ,— или чего-либо иного подходящаго?

Мэри печально тряхнула головой: даже и ея плодовитое материнство не было въ силахъ производить дѣтей по частямъ.

— Такъ-таки ничего похожаго на голову? — сочувственно настаивалъ онъ.

Любящіе глаза Мэри наполнились слезами.

— Нѣтъ! ничего!—А нельзя ли,—задумчиво продолжалъ онъ,— использовать ее съ обратнаго конца? Можно бы сдѣлать отмѣнныя ноги изъ этихъ двухъ желѣзокъ,— добавилъ онъ, притрогиваясь къ нимъ.

— Посмотри-ка... Онъ уже готовился перепрокинуть куклу, но крикъ женской стыдливости и быстрое движеніе материнской руки во-время предупредили его нескромность.

— Понимаю,— сказалъ онъ съ большой серьезностью.

— Ну-съ, приходи завтра на кузницу, а мы тѣмъ временемъ обмозгуемъ что-нибудь.

Въ теченіе всего дня Джэкъ былъ задумчивъ, больше обыкновеннаго раздражался, подковывая непокорныхъ муловъ, и даже прикончилъ работу часомъ раньше положеннаго времени, чтобы сходить въ кузницу соперника на Большомъ Поворотѣ. Зато, когда довѣрчивая, но озабоченная мать явилась слѣдующимъ утромъ въ кузницу, она не могла удержаться отъ крика невольнаго восторга. Джэкъ аккуратно

прикрѣпилъ къ двумъ стержнямъ полый желѣзный шаръ отъ старыхъ перилъ и покрылъ его слоемъ красной огнеупорной краски. Правда, что цвѣтъ лица былъ нѣсколько ярокъ, что голова нерѣдко перевѣшивала, и что остальныя куклы страдали не мало отъ вынужденнаго соприкосновенія съ неумолимой головой и безпощадными плечами; но все это нисколько не умаляло радости Мэри надъ возвращеннымъ ей первенцемъ. Даже полное отсутствіе чертъ лица не могло считаться изъяномъ въ семействѣ, отличавшемся ихъ непрочностью; и самому неопытному эволюціонисту было явно, что кегли «Амплакъ» являются законными преемниками круглоголовой Мизери. Нѣкоторое время Мэри даже, кажется, любила ее больше остальныхъ. Какъ бы то ни было, любо было смотрѣть на нее, когда она иной разъ присядетъ подъ вечеръ на придорожномъ пнѣ; остальныя дѣти были подобающимъ образомъ выстроены по сторонамъ, но жесткая, безчувственная голова Мизери тѣсно прижималась къ любящему сердечку матери, а та тихо покачивалась съ боку на бокъ, мурлыча заунывную колыбельную пѣсенку. Надо ли дивиться тому, что пчелы подхватывали пѣсню, сопровождая ее дремотнымъ жужжаніемъ, что высоко надъ головкой Мэри гигантскія сосны, всколыхнутыя мягкимъ вѣтеркомъ Сіерры — или Богъ вѣсть чѣмъ — роняли на чугунное лицо рябь мигающихъ лучей, и дѣвочкѣ, созерцавшей его со всей преображающей силой любви, минутами казалось, что оно улыбалося ей!

Два остальныхъ члена семьи были менѣе замѣчательны. «Глори-Анна»—произведеніе ея отца, также давшаго ей и имя,—состояла просто-напросто изъ продолговатаго свертка брезента, перевязаннаго въ шеѣ и таліи, съ грубо разрисованнымъ чернилами лицомъ: вообще говоря, достойная жалости, чисто мужская выдумка. И, наконецъ, «Джонни Милый»,—какъ увѣряли, представитель Джона Доремуса, юнаго лавочника, изрѣдка снабжавшаго Мэри даровыми лакомствами. Сама Мэри никогда въ томъ не признавалась, а мы всѣ, завсегдатаи дороги, черезчуръ были джентльмены для того, чтобы подчеркивать неумѣстный намекъ. «Джонни Милый» первоначально былъ гипсовымъ френологическимъ слѣпкомъ головы и бюста; кто-то увидалъ его въ окнѣ магазина въ главномъ городѣ графства и выпросилъ для Мэри, самостоятельно снабдившей его туловищемъ. Знаменательно то, что онъ всегда былъ одѣтъ *мальчикомъ;* и имѣлъ, несомнѣнно, наиболѣе *человѣческій* обликъ изъ всего ея потомства. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на наименованіе способностей, явственно отпечатанныхъ по всей поверхности его бѣлой лысой головы онъ имѣлъ

необычайно жизненный видъ. Иной разъ Мэри случалось оставить его верхомъ на придорожной вѣткѣ, тогда можно было наблюдать, какъ всадники поспѣшно спѣшивались и бросались къ дереву, чтобы вслѣдъ за тѣмъ возвратиться съ недоумѣвающей улыбкой вспять; а было даже цѣлое событіе, когда Юба Билль остановилъ дилижансъ Общества по просьбѣ любопытныхъ и встревоженныхъ пассажировъ, послѣ чего насмѣшливо усадилъ «Джонни Милаго» рядомъ съ собой на козлахъ, и всенародно возвратилъ его Мэри у Большого Поворота, при чемъ впервые за все наше знакомство съ ней ея пухлыя загорѣлыя щечки густо покраснѣли отъ смущенія. Можетъ показаться страннымъ, что при ея популярности и всѣмъ извѣстныхъ материнскихъ наклонностяхъ, Мэри не была снабжена болѣе подходящими, условнаго типа, куклами. Но дѣло въ томъ, что всѣ очень скоро убѣдились, что она не дорожитъ ими,—валяетъ ихъ восковыя лица, выпуклые глаза и пышные кудри по канавамъ, или обдираетъ ихъ, для того, чтобы нарядить фантастическихъ дѣтищъ, порожденныхъ ея воображеніемъ. Такимъ образомъ классическій профиль «Джонни Милаго» выглядывалъ изъ-подъ моднаго женскаго соломеннаго «канотье» къ полному уничтоженію его выдающихся умственныхъ способностей; кегельныя головы близнецовъ Амплакъ украшались капорами, и даже была произведена попытка прикрѣпить бѣлобрысый парикъ къ желѣзной головѣ Мизери. Дѣти Мэри всегда были собственнымъ ея созданіемъ, при чемъ любовь къ нимъ увеличивалась соотвѣтственно усиліямъ, требуемымъ отъ ея воображенія. Можно бы возразить, что это не вполнѣ согласуется съ привычкой изрѣдка покидать дѣтей въ лѣсахъ у дороги. Но Мэри безмѣрно довѣряла добротѣ матери-природы, и поручала ихъ ей столь же безстрашно, какъ поручала и ту дѣвочку безъ матери, какой была сама. И довѣріе ея рѣдко бывало обмануто. Крысы, мыши, улитки, дикія кошки, пантеры и медвѣди неизмѣнно щадили ея заблудившихся сиротокъ. Даже стихіи, и тѣ благопріятствовали имъ; одинъ изъ близнецовъ Амплакъ, погребенный въ сугробѣ на горной высотѣ, съ улыбкой возникъ изъ него весной, во всей своей раскрашенной деревянной неприкосновенности. Всѣ мы въ то время были пантепстами—и вѣрили этому безпрекословно. Опасность для Мэри заключалась въ болѣе мягкихъ силахъ цивилизаціи. Однако даже и здѣсь, коза Патсея О'Коннора, попытавшаяся однажды раскусить лежавшую въ травѣ Мизери, отступила съ тремя сломанными зубами, а мулъ Момисона, вступившій въ единоборство съ

желѣзнымъ лбомъ чудеснаго ребенка, поплатился вывихнутой задней ногой и разсѣченной бабкой.

Но то были дни аркадской простоты для большой дороги между Большимъ Поворотомъ и Рено, и по пятамъ прогресса и преуспѣнія—увы!—надвигались уже перемѣны. Начинали уже поговаривать о томъ, что Мэри слѣдовало бы начать учиться; а мистеръ Амплакъ, къ счастью, все еще не подозрѣвавшій о вольностяхъ, которыя себѣ позволяли съ его именемъ—объявилъ, въ качествѣ попечителя народной школы въ Деквиллѣ, что цыганская жизнь Мэри является позоромъ для всего графства. Она росла въ невѣжествѣ, въ ужасающемъ невѣдѣніи всего, что слѣдуетъ знать, за исключеніемъ рыцарственности, любвеобилія, чуткости и самоотверженія, окружавшихъ ее неотесанныхъ людей, и не зная вѣры ни во что, кромѣ безконечной благости природы къ ней и ея дѣтямъ. Нечего и говорить, что по этому случаю возникъ яростный споръ между дорожными ребятами» и немногими семейными людьми поселка; но нечего и говорить, что побѣда осталась за прогрессомъ и «слюнтяйствомъ», какъ выражались «ребята». Намѣченная постройка желѣзной дороги окончательно разрѣшила вопросъ. Робертъ Фелькъ получилъ повышеніе,—его назначили надсмотрщикомъ участка и дали ему понять, что необходимо дать его дочери образованіе. Оставался неразрѣшеннымъ грозный вопросъ о дѣтяхъ Мэри. Ни одна школа не согласится принять этотъ пестрый сбродъ подъ свой кровъ, а сердечко Мэри разбилось бы съ горя, если бы пришлось разсовать дѣтей куда попало, или, еще того хуже, предать ихъ сожженію. Находчивѣе всѣхъ оказался Джэкъ Роперъ, предложившій слѣдующую комбинацію. Пусть она выберетъ одного изъ дѣтей, чтобы взять его съ собой въ школу; остальныя же будутъ *усыновлены* нѣкоторыми изъ ея друзей, и ей выхлопочутъ разрѣшеніе навѣщать ихъ по субботамъ. Выборъ ребенка былъ жестокимъ испытаніемъ,—настолько жестокимъ, что зная ея пристрастіе къ первородной Мизери, мы ни за что не стали бы ей препятствовать; какъ вдругъ, она неожиданно остановилась на «Джонни Миломъ», и самые безхитростные изъ насъ поняли, что то былъ первый проблескъ женскаго такта—первый актъ подчиненія міру приличій, въ который она нынѣ вступала. «Джонни Милый», несомнѣнно, являлся наиболѣе представительнымъ изъ всѣхъ, мало того, въ его выдающихся расчерченныхъ френологическихъ органахъ имѣлся какой-то образовательный намекъ. Пріемные отцы оказались вѣрными принятому на себя обязательству. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, куз-

нецъ хранилъ желѣзноголовую Мизери, какъ икону, на грубой полкѣ рядомъ со своей кроватью; никто, кромѣ него и Мэри, не зналъ о тайныхъ торопливыхъ, животрепещущихъ свиданіяхъ, происходившихъ въ первые дни разлуки. Зато были преданы огласкѣ нѣкоторыя обстоятельства, касавшіяся равной ея преданности другому изъ дѣтей. Разсказывали, что какъ-то разъ въ субботу, когда управляющій новой линіи сидѣлъ въ своей конторѣ въ Рено въ частной бесѣдѣ съ двумя изъ директоровъ, раздался слабый стукъ въ дверь. Дверь отворили, и за нею показалось нетерпѣливое личико, пара голубыхъ глазъ и голубой передничекъ. Къ удивленію директоровъ, начальникъ тихонько взялъ дѣвочку за руку, подошелъ къ столу, на которомъ были разбросаны чертежи новой линіи, и открылъ ящикъ, изъ котораго вынулъ большую кеглю, забавно одѣтую куклой. Изумленіе посѣтителей усилилось при послѣдовавшемъ странномъ разговорѣ.

— Она удивительно хорошо себя чувствуетъ, несмотря на плохую погоду, приходится только соблюдать полный покой,—замѣтилъ управляющій, критически разглядывая кеглю.

— Да!—живо подхватила Мэри.—Точь въ точь какъ Джонни Милый: ужасъ какъ онъ кашляетъ по ночамъ. За то Мизери молодцомъ. Я только что была у нея.

— Что-то все поговариваютъ о скарлатинѣ,—продолжалъ управляющій съ тихой заботой,—намъ нельзя быть черезчуръ осторожными. Но все же завтра хочу взять ее прокатиться по линіи.—Глаза Мэри заискрились и разлились какъ синяя вода. Послышался поцѣлуй, легкій смѣшокъ, голубые глаза метнули робкій взглядъ на любопытныхъ незнакомцевъ, голубой передничекъ упорхнулъ, и свиданіе кончилось. Не менѣе заботлива она была и къ остальнымъ; но лоскутная кукла Глори-Анна, обрѣтшая пріютъ въ хижинѣ Джима Картера на Гребнѣ, жила черезчуръ далеко для того, чтобы Мэри могла ее навѣщать; поэтому Джимъ аккуратно привозилъ ее каждую субботу въ домъ Фолькса, при чемъ она или мирно спала въ карманѣ сѣдла, или молодцовато гарцовала верхомъ на лукѣ. По воскресеньямъ происходилъ парадный смотръ всѣмъ кукламъ, и сердце Мэри набиралось силъ для предстоящей недѣли унынія.

Но вотъ пришла такая суббота, а за нею и воскресенье, когда Мэри вовсе не показалась, и вдоль по дорогѣ прошла вѣсть, что ее выписали въ Санъ-Франциско для свиданія съ только что прибывшей изъ «Штатовъ» теткой. Пустое это было воскресенье для «ребятъ» безъ привычной маленькой фигурки,—пустое, лишенное смысла и святости воскресенье. Но

второе и третье воскресенье были и того хуже, а потомъ стало извѣстно, что ужасная тетка очень возится съ Мэри и рѣшила отправить ее въ важный пансіонъ,—монастырскій пансіонъ въ Санта-Кларѣ, гдѣ, какъ увѣряли, *дѣвочки* становились такими воспитанными, что ихъ не узнавали даже собственные родители. Но *мы*-то знали, что это не можетъ случиться съ нашей Мэри; а въ концѣ мѣсяца, прежде чѣмъ дверь монастыря успѣла закрыться за голубымъ передничкомъ, пришло письмо, вполнѣ удовлетворившее насъ и оказавшееся истиннымъ бальзамомъ для нашихъ тревожныхъ сердецъ. Письмо было очень характерно для Мэри: она не обращалась ни къ кому въ особенности, и когда бы не тетка — довѣрила бы письмо почтовому вѣдомству незапечатаннымъ и безъ адреса. Отецъ ея молча вручилъ намъ этотъ единственный листокъ, и, передавая его изъ рукъ въ руки, намъ чудилось, что около насъ звучитъ голосокъ нашей утраченной подружки.

«Въ Фриско такъ много домовъ, что и сказать нельзя, и отъ женщинъ нѣтъ покоя, но муламъ и осламъ дѣлать здѣсь нечего, также и кузницамъ, которыхъ нигдѣ не видать. Кролики и бѣлки, и медвѣди, и пантеры безвѣстны и незабвенны, изъ-за улицъ и воскресныхъ школъ. Джэкъ Роперъ, вы должны очень жалѣть Мизери, потому что меня нѣтъ дома, и не ожесточать своего сердца противъ нея за то, что у нея голова перевѣшиваетъ—что неправда и безстыдное вранье—какъ ваши всегдашнія враки. У меня канарейка, она поетъ прелесть какъ, но это не желтый подорожникъ, какіе я знаю, и какъ вы, можетъ-быть, думаете. Милый мистеръ Монгомери, не держите Гулана Амплака такъ много взаперти въ конторскихъ ящикахъ, это вредно для его груди и легкихъ. И не мажьте ему голову чернилами — смотрите вы у меня! вы не лучше остальныхъ. Джонни Милый, надо очень любить твоего пріемнаго отца, а ты Глори-Анна, крѣпко люби добраго Джимми Картера за то, что онъ такъ часто тебя катаетъ верхомъ. Я каталась въ кабріолетѣ съ офицеромъ, который убивалъ настоящихъ индѣйцевъ. Я скоро вернусь съ искренней преданностью, такъ что смотрите въ оба!

Однако прошло три года, прежде чѣмъ она возвратилась, и то было ея первое и послѣднее письмо. Пріемные отцы дѣтей, тѣмъ не менѣе, оставались имъ вѣрными, и когда открылась новая желѣзнодорожная линія и стало извѣстно, что Мэри будетъ присутствовать на торжествѣ съ отцомъ, всѣ аккуратно явились на станцію встрѣчать прежнюю маленькую пріятельницу. Друзья выстроились вдоль платформы, при чемъ бѣднаго Джека Ропера, повидимому, не мало стѣснялъ тяжелый свер-

токъ, который онъ держалъ на лѣвой рукѣ. И вотъ изъ поѣзда выпорхнула молоденькая дѣвочка, во всей свѣжести отрочества и неприкосновенной бѣлизнѣ кисейнаго платья безукоризненнаго покроя, въ столь же безупречныхъ перчаткахъ и ботинкахъ, и протянула нѣжную ручку каждому изъ старыхъ друзей по очереди. Ничто не могло быть очаровательнѣе улыбки на теперь уже незагорѣломъ личикѣ, ни яснѣе голубыхъ глазъ, прямодушно встрѣтившихся съ ихъ глазами. А между тѣмъ, когда она граціозно повернулась уходить съ отцомъ, лица четырехъ пріемныхъ отцовъ были такъ же красны и смущены, какъ ея собственное личико въ тотъ день, когда Юба Билль торжественно прокатилъ Джонни Милаго на козлахъ.

— Вы не были такимъ болваномъ,—сказалъ Джэкъ Монгомери Роперу,— чтобы принести съ собой Мизери?

— Былъ! — отвѣчалъ Роперъ со стѣсненнымъ смѣхомъ,— а вы?—Онъ только что подмѣтилъ голову кегли, выглядывавшую изъ кармана управляющаго. Тотъ разсмѣялся, и всѣ четверо молча отправились во-свояси.

Мэри дѣйствительно возвратилась къ нимъ но матери пятерыхъ дѣтей они такъ больше и не видали!

Человѣкъ съ тяжкимъ бременемъ.

Разсказъ.

Это былъ человѣкъ худощавый, на видъ болѣзненный, но такъ одѣтъ и такъ держалъ себя, что его нельзя было принять за бѣдняка. Онъ былъ очень блѣденъ, и эта блѣдность еще рельефнѣе выступала отъ черной одежды.

Онъ подалъ мнѣ записку отъ знакомаго доктора, извѣстнаго своимъ высокимъ образованіемъ, широкой гуманностью и благородной преданностью своему святому дѣлу. Письмо этого добраго, честнаго человѣка, никогда не спрашивавшаго, какой вѣры или какого положенія въ свѣтѣ былъ больной, а также имѣлъ ли онъ средства заплатить ему за лѣченіе или нѣтъ, заключалось въ слѣдующихъ немногихъ словахъ, набросанныхъ карандашомъ: «Вотъ человѣкъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Онъ можетъ быть для васъ хорошимъ матеріаломъ».

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я терялся въ догадкахъ, не понимая этихъ таинственныхъ словъ: но «х о р о ш і й м а т е р і а л ъ» вскорѣ самъ вывелъ меня изъ затрудненія.

— Оно здѣсь, вы можете его ощупать,—сказалъ онъ, указывая рукою на лѣвый бокъ.

Я тотчасъ вспомнилъ, что мой другъ докторъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ бѣдномъ паціентѣ, отставномъ военномъ, который страдалъ аневризмомъ, происшедшимъ отъ тренія пряжкой ранца по дугѣ начальной артеріи; послѣдняя мгла лопнуть каждую минуту при малѣйшемъ волненіи и даже безъ всякой видимой причины. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ съ очень тяжкимъ бременемъ.

Признаюсь, въ первую минуту я испугался только за себя. Ну, а если онъ умретъ сейчасъ, что я съ нимъ сдѣлаю, какъ объясню причины его смерти, какъ удалю отъ себя всякое подозрѣніе присяжныхъ въ неосторожномъ или намѣренномъ содѣйствіи роковой катастрофѣ? Даже записка доктора

съ таинственнымъ выраженіемъ: «хорошій матеріалъ», могла послужить въ рукахъ ловкаго адвоката ужаснымъ орудіемъ противъ меня. Я немедленно разорвалъ ее и съ лихорадочной любезностью пригласилъ незнакомца сѣсть.

— Вы не желаете ощупать его?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Не желаете даже посмотрѣть?

— Нѣтъ.

Онъ грустно вздохнулъ, и я понялъ, что онъ часто подвергался медицинскимъ осмотрамъ, а потому былъ нѣсколько обиженъ моей невнимательностью. Моя догадка вполнѣ подтвердилась, такъ какъ онъ черезъ минуту вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ номеръ спеціальнаго журнала, въ которомъ было помѣщено подробное описаніе его «интересной» болѣзни.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ я.

Онъ отвѣчалъ, что былъ бы очень благодаренъ, если бъ я досталъ ему какое-нибудь занятіе, не требующее большого физическаго труда или умственнаго напряженія, но прибавилъ, что, строго говоря, онъ не былъ бѣденъ, такъ какъ за нѣсколько лѣтъ до обнаруженія въ немъ рокового недуга застраховалъ свою жизнь въ пятнадцать тысячъ долларовъ и аккуратно платилъ премію, а потому его жена и четверо дѣтей получатъ послѣ его смерти порядочное наслѣдство.

— А вотъ если бъ я могъ найти какую-нибудь легкую работу, пока...

Онъ какъ-то неловко остановился и не могъ окончить фразы.

Я видывалъ не разъ, какъ великіе актеры однимъ словомъ приводили въ трепетъ зрителя, но никогда не ощущалъ такого волненія, какъ теперь, услышавъ произнесенное этимъ несчастнымъ слова п о к а. Онъ самъ, повидимому, не сознавалъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня, и сидѣлъ молча, смущенный.

Случайно, или, быть-можетъ, подъ вліяніемъ этой драматической сцены, я черезъ нѣсколько дней пошелъ къ знакомому директору театра и спросилъ — нѣтъ ли у него мѣстечка для инвалида.

— Онъ можетъ ходить?—спросилъ директоръ.

— Да.

— И стоять четверть часа?

— Да.

— Я возьму его для послѣдней сцены въ «Гибели Сеннахериба». Вы знаете, что въ этой сценѣ будутъ участвовать двѣ тысячи человѣкъ.

Названіе пьесы меня испугало и, не обнаруживая тайны моего пріятеля, я объяснилъ, что онъ навряд ли можетъ участвовать въ такой пьесѣ, одно зрѣлище которой могло слишкомъ сильно на него подѣйствовать.

— Незачѣмъ ему и смотрѣть на сцену,—отвѣчалъ директоръ;—мы поставимъ его на первомъ планѣ, лицомъ къ зрителямъ; ему придется только войти и выйти.

Онъ былъ ангажированъ. Признаюсь, что меня нѣсколько мучило сомнѣніе, хорошо ли я сдѣлалъ, скрывъ отъ директора театра болѣзненное состояніе новаго актера и печальную возможность, что каждый вечеръ на его сценѣ вотъ-вотъ случится настоящая трагедія; но первое представленіе «Гибели Сеннахериба», на которомъ я, конечно, присутствовалъ, меня успокоило. Я всегда съ улыбкой смотрю въ оперѣ на хладнокровное отношеніе хора къ самымъ трагическимъ происшествіямъ, которыя вызываютъ только вокальный протестъ, но я полагаю, что никогда не видано было на сценѣ такой забавной, безчувственной апатіи къ окружающимъ ужасамъ, — убійствамъ, поджогамъ и пр.,—какую выражалъ «человѣкъ съ тяжкимъ бременемъ». Въ нелѣпомъ костюмѣ, мой пріятель стоялъ сбоку на первомъ планѣ, держа въ одной рукѣ копье, а другою какъ бы придерживалъ тайну, скрывавшуюся въ его сердцѣ. Съ безучастнымъ спокойствіемъ на своемъ восковомъ лицѣ онъ апатично смотрѣлъ на веселыхъ зрителей. Мнѣ казалось, однакожъ,—въ его сонливомъ выраженіи проглядывало гордое сознаніе, что онъ могъ каждую минуту превратить эту бутафорскую катастрофу въ настоящую. Я не вытерпѣлъ и сообщилъ доктору свое наблюденіе.

— Да,—отвѣчалъ онъ съ обычнымъ хладнокровіемъ врача,—когда настанетъ роковая минута, онъ всплеснетъ руками, дико закричитъ и упадетъ на полъ ничкомъ. Странно, но при аневризмѣ всегда падаютъ лицомъ на полъ. Черезъ минуту его поднимутъ бездыханнымъ трупомъ, какъ Юлія Цезаря.

Какая-то странная притягивающая сила влекла меня послѣ этого ежедневно въ театръ, но, какъ многіе припомнятъ, въ «Гибели Сеннахериба», имѣвшей громадный успѣхъ, не погибло въ дѣйствительности ни одного человѣка.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ скромнаго дебюта «человѣка съ аневризмомъ», я случайно обѣдалъ въ обществѣ финансистовъ и разсказалъ, насколько умѣлъ драматично, эту маленькую исторію. Но она не произвела впечатлѣнія и только мой сосѣдъ, извѣстный банкиръ, спокойно спросилъ:

— Отчего онъ не продаетъ своего страхового полиса?

Я не понялъ и просилъ объясненія.

— Очень просто. Пусть переведетъ на меня полисъ, а я выдамъ ему его стоимость, сдѣлавши въ свою пользу небольшой учетъ: изъ вашихъ словъ я вижу, что бѣдняга недолго протянетъ.

По совѣту этого дѣльца, у котораго, однакоже, было теплое сердце, мой пріятель получилъ за счетъ страхованія своей жизни значительную сумму и помѣстилъ ее на имя жены въ государственные фонды, приносившіе небольшой, но вѣрный доходъ, при чемъ, однакожъ, онъ не покинулъ театра.

Отлучившись изъ Нью-Іорка на нѣсколько мѣсяцевъ, я долго не видалъ моего друга доктора и при первой встрѣчѣ спросилъ его о «человѣкѣ съ аневризмомъ».

— Право, не знаю, какъ вамъ сказать, хорошо или худо онъ поживаетъ,—отвѣчалъ добрый докторъ.—Вы видали когда-нибудь его жену?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Она моложе его и довольно красива. Вы помните, онъ перевелъ на ея имя всѣ свои деньги и, кажется, она могла бы спокойно дожидаться его близкой смерти. Но она не захотѣла ждать и убѣжала съ любовникомъ и деньгами.

— Онъ умеръ отъ такого тяжелаго удара?

— Нѣтъ еще, я видалъ его вчера.

— Гдѣ онъ теперь?

— Все тамъ же, на сценѣ. Вы помните въ знаменитой балетной сценѣ «Гибель Сеннахериба» молодую танцовщицу, которая дѣлала такіе удивительные пируэты? Нашъ пріятель, кажется, влюбился въ нее.

— Докторъ, вѣдь это ужасно.

— Можетъ-быть, я и ошибаюсь, но на-дняхъ ко мнѣ забѣжала эта танцовщица и спрашивала о состояніи его здоровья. Я сказалъ ей всю правду, и она упала въ обморокъ. Я съ трудомъ привелъ ее въ чувство; она, конечно, объяснила свой обморокъ духотою въ моей комнатѣ и усталостью отъ ежедневныхъ представленій. Но не правда ли, это странный фактъ, и если бъ я былъ писатель съ вашимъ талантомъ, то воспользовался бы имъ.

— А какъ его здоровье?

— Все въ томъ же положеніи. Вы знаете, что избѣгнуть рокового исхода ему нельзя... Но, прощайте, мнѣ пора.

Конечно, никакой моралистъ или писатель, имѣющій въ виду строго-нравственную публику, не могъ интересоваться человѣкомъ, который, стоя на краю вѣчности, позволилъ себѣ влюбиться. Поэтому я совершенно выкинулъ изъ

головы мысль о немъ и всецѣло сосредоточилъ свое вниманіе на ясно-опредѣленныхъ добродѣтеляхъ и грѣхахъ, озаглавленныхъ большими буквами. Однакожъ прошло не болѣе мѣсяца, какъ я, возвращаясь съ веселаго обѣда, снова встрѣтилъ доктора. Онъ ѣхалъ въ каретѣ, и остановившись, подозвалъ меня къ себѣ.

— Я могу вамъ сообщить новость. Нашъ пріятель умеръ!

— Скоропостижно?

— Конечно, въ одно мгновеніе, какъ я вамъ всегда предсказывалъ. Это преинтересная исторія. Танцовщица, получивъ отъ меня свѣдѣнія объ его роковой болѣзни, написала ему тотчасъ письмо и онъ, прочитавъ его, упалъ на полъ мертвымъ.

— Какая жестокая! Развѣ она не могла, съ женскимъ тактомъ, понемногу отдалить его отъ себя?

— Вы совершенно ошибаетесь: она написала, что согласна выйти за него замужъ.

— Какъ!

— Да, его убила радость. Мы съ вами этого не предвидѣли. А вѣдь славный сюжетъ для разсказа, не правда ли?

— Но въ немъ нѣтъ никакой морали.

— Гмъ! можетъ-быть! Ну, до свиданія, меня ждутъ больные.

Пастухъ изъ Солано.

Разсказъ.

Онъ подошелъ ко мнѣ въ фойе театра въ антрактѣ; фигурой онъ выдѣлялся среди прочей публики; пестрая, разноцвѣтная одежда видимо была куплена и надѣта часъ или два тому назадъ—магазинный билетъ торчалъ еще на воротникѣ сюртука и пояснялъ нисколько не интересовавшейся этимъ публикѣ, по какой мѣркѣ сшито платье. Брюки опускались прямой линіей вдоль его ногъ, точно они были плоскія; то же самое можно было сказать о всей его фигурѣ—она напоминала куколокъ, вырѣзываемыхъ дѣтьми изъ бумаги. Къ тому же онъ не сознавалъ, повидимому, своей исключительности въ окружающемъ его обществѣ, и его добродушное лицо было совершенно заурядным и неинтереснымъ, за исключеніемъ хитраго выраженія въ его нижней части.

— Вы меня забыли,—сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку,— я изъ Солано въ Калифорніи. Мы встрѣтились тамъ весною 1857 г. Я пасъ овецъ, а вы жгли уголь.

Въ его словахъ не было намѣренія оскорбить,—они просто напоминали о фактѣ.

— Вы только что разговаривали въ ложѣ съ одной красивой, бойкой молодой особой,— продолжалъ онъ.—Можете вы мнѣ сказать, какъ ее зовутъ?

Я назвалъ по имени извѣстную красавицу изъ сосѣдняго города, плѣнявшую въ послѣднее время сердца всей столичной молодежи; особенно усердно ухаживалъ за ней молодой Дашбордъ, стоявшій теперь рядомъ со мной.

Соланецъ задумался и черезъ минуту произнесъ:

— Да, да, это та самая дѣвушка.

— Вы встрѣчали ее?—спросилъ я удивленно.

— Да,—отвѣчалъ онъ.—Она путешествовала съ друзьями по Калифорніи. Я въ первый разъ увидѣлъ ее на желѣзной дорогѣ по эту сторону Рено. Она потеряла свой багажный

билетъ, я нашелъ его и отдалъ ей, за что она меня поблагодарила. Я полагаю, приличіе позволяетъ войти къ ней въ ложу и возобновить знакомство!

— Любезный сэръ,—сказалъ Дашбордъ,—если ваше колебаніе вызвано только костюмомъ, то можете не сомнѣваться, что онъ вполнѣ приличенъ. Деспотическая мода, конечно, заставляетъ вашего знакомаго и меня являться въ оперу въ принятомъ нарядѣ, но, повѣрьте, невозможно придумать сочетанія вашего оливковаго сюртука съ ярко-желтымъ галстукомъ и перловыхъ брюкъ съ свѣтло-голубымъ жилетомъ, на которомъ такъ рельефно блеститъ массивная золотая цѣпь.

Къ моему удивленію, пастухъ не ударилъ дерзкаго франта, а серьезно взглянувъ на него, спокойно сказалъ:

— Итакъ, вы не откажетесь, надѣюсь, представить меня ей!

Дашборда сперва поразила эта просьба, но онъ скоро оправился и, насмѣшливо поклонившись, повелъ соланца въ ложу. Я молча послѣдовалъ за ними.

Красавица была, по счастью, порядочная женщина и поэтому, несмотря на ироническую рекомендацію Дашборда, она тотчасъ поняла, въ чемъ дѣло, и, къ удивленію свѣтскаго франта, пододвинувъ къ себѣ стулъ, попросила соланца сѣсть. Потомъ, повернувшись спиною къ Дашборду, вступила въ разговоръ съ моимъ прежнимъ знакомымъ.

Здѣсь, поддерживая интересъ романа, я охотно сказалъ бы, что мой другъ оживился и проявилъ рѣдкій умъ, но, ради безпристрастія, я долженъ сознаться, что онъ былъ положительно тупъ и съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, говорилъ только о пропавшемъ у красавицы багажномъ билетѣ, несмотря на всѣ ея старанія перемѣнить разговоръ. Наконецъ, къ общему удовольствію, онъ всталъ и, облокотясь на спинку кресла, сказалъ:

—Я остаюсь здѣсь нѣсколько времени, миссъ, и такъ какъ мы оба съ вами здѣсь чужіе, то вы, можетъ-быть, позволите сопровождать васъ въ театры и концерты.

Миссъ К. поспѣшила отвѣтить, что она останется очень недолго въ Нью-Іоркѣ и завалена приглашеніями, такъ что не можетъ воспользоваться, и т. д. Двѣ дамы, бывшія вмѣстѣ съ нею въ ложѣ, закрылись платками, чтобы заглушить свой смѣхъ. Но соланецъ, нисколько не смутившись, продолжалъ:

— Во всякомъ случаѣ, миссъ, когда вы соберетесь опять на какое-нибудь зрѣлище, напишите мнѣ словечко. Вотъ мой адресъ.

И, выпувъ изъ кармана съ полдюжины довольно помятыхъ писемъ, онъ подалъ красавицѣ одинъ изъ конвертовъ съ чѣмъ-то въ родѣ поклона.

— Прекрасно!—воскликнулъ Дашбордъ: — вотъ, напримѣръ, завтра миссъ К. будетъ на благотворительномъ вечерѣ. Вамъ ничего не стоитъ, какъ богатому калифорнійцу, взять билетъ и къ тому же вы сдѣлаете доброе дѣло. Что касается рекомендаціи, то вы, вѣроятно, легко ее добудете.

— Еще бы,—замѣтила миссъ К., бросивъ выразительный взглядъ на дерзкаго франта: — Не сомнѣваюсь, что м-ръ Дашбордъ, какъ одинъ изъ распорядителей, возьметъ на себя любезный трудъ прислать вамъ пригласительный билетъ. М-ръ Дашбордъ всегда предупредителенъ къ чужестранцамъ. — Затѣмъ она отвернулась и стала смотрѣть на сцену.

Соланецъ поблагодарилъ франта и, пожавъ руки всѣмъ находившимся въ ложѣ, пошелъ къ дверямъ, но на порогѣ остановился и, обращаясь къ миссъ, громко воскликнулъ:

— Не правда ли, миссъ, ловкая штука была найти билетъ?..

Но въ эту минуту занавѣсъ взвился и началась сцена изъ «Фауста». Вниманіе красавицы было поглощено игрою. Соланецъ осторожно затворилъ за собою дверь ложи и скрылся въ коридорѣ. Я послѣдовалъ за нимъ.

Онъ не произнесъ слова до самаго фойе и тамъ только сказалъ, точно продолжая начатый разговоръ:

— Право, она очень красивая дѣвушка. Она вполнѣ въ моемъ вкусѣ и будетъ хорошей женой.

Мнѣ стало жаль самонадѣяннаго пріятеля, и я поспѣшилъ объяснить ему, что за нею ухаживали многіе, что она могла выбрать жениха изъ лучшихъ круговъ общества и что, по всей вѣроятности, она уже дала слово Дашборду.

— И очень умно сдѣлала,—сказалъ онъ совершенно спокойно.—Однакожъ мнѣ пора домой. Вся эта визготня не стоитъ потери времени. (Онъ отзывался такъ лестно о пѣніи знаменитой Батти-Батти). Который часъ?

Онъ вынулъ свои часы. Эта была такая огромная, блестящая луковица, очевидно, не золотая, что я съ любопытствомъ взглянулъ на нее.

— Вы смотрите на мои часы,—сказалъ онъ;— они красивы на видъ, но идутъ прескверно. Однакожъ я заплатилъ за нихъ двадцать пять долларовъ... Я купилъ ихъ вчера на аукціонѣ...

— Васъ жестоко обманули!—воскликнулъ я съ негодованіемъ: — часы съ цѣпочкой вмѣстѣ не стоятъ и двадцати долларовъ.

— А пятнадцать стоятъ? — спросилъ онъ серьезно.

— Вѣроятно.

— Такъ сдѣлка выгодная. Я сказалъ акціонисту, что я калифорніецъ изъ Солано и что у меня нѣтъ бумажныхъ денегъ. Я далъ ему три пластинки, а онъ вручилъ мнѣ за нихъ часы. Вы помните, что значитъ пластинка? (Я помнилъ хорошо, что пластинкой называли въ первое время калифорнійской золотой горячки осьмиугольный небольшой кусокъ золота объемомъ въ двѣ монеты въ двадцать долларовъ; стоила она пятьдесятъ долларовъ). Дѣло въ томъ, что эти пластинки были не золотыя, я сдѣлалъ ихъ изъ мѣдныхъ опилокъ и желѣзнаго колчедана; я часто спускалъ такія пластинки въ карточной игрѣ. Вѣдь это не правительственныя деньги, значитъ нѣтъ и подлога. Три пластинки стоили мнѣ, считая время и безпокойство, не болѣе пятнадцати долларовъ, такъ что если часы стоятъ этихъ денегъ, то игра съ обѣихъ сторонъ была честная. Не правда ли?

Я началъ понимать, что за человѣкъ мой знакомый. Положивъ часы въ карманъ, онъ поигралъ цѣпочкой и съ улыбкой замѣтилъ:

— Это даетъ видъ приличнаго и состоятельнаго человѣка. Не такъ ли?

Я согласился съ нимъ и спросилъ, что онъ намѣренъ дѣлать въ Нью-Іоркѣ.

— У меня есть капиталецъ въ семьсотъ долларовъ, но прежде, чѣмъ начать какое-нибудь дѣло, я присмотрюсь къ здѣшнимъ порядкамъ.

Я хотѣлъ было предостеречь его отъ опасностей, грозившихъ новичку въ Нью-Іоркѣ, но вспомнилъ исторію съ часами и промолчалъ. Вскорѣ мы съ нимъ разстались.

Черезъ нѣсколько дней я еще разъ встрѣтилъ его на улицѣ. Онъ былъ опять въ новой одеждѣ, но я насчиталъ въ ней только пять различныхъ цвѣтовъ,—это былъ замѣтный прогрессъ.

Я спросилъ его—былъ ли онъ на вечерѣ.

— Да, — отвѣчалъ онъ; — красивая молодая дѣвушка также была, но избѣгала меня. Я нарочно для вечера надѣлъ этотъ новый костюмъ, но лакеи заперли меня въ отдѣльную ложу, и я никакъ не могъ продолжать съ миссъ К. интереснаго разговора о находкѣ ея билета. За то м-ръ Дашбордъ былъ чрезвычайно любезенъ. Онъ постоянно приводилъ ко мнѣ въ ложу молодыхъ мужчинъ и дамъ. А на другой день онъ повезъ

меня къ дѣльцамъ Валъ-Стрита, и я купилъ акцій на пятьсотъ долларовъ, т.-е. я промѣнялъ десять паевъ компаній Пикикскихъ мѣдныхъ рудниковъ, въ которой вы были секретаремъ.

— Помилуйте, эти паи ничего не стоятъ; компанія лопнула десять лѣтъ тому назадъ!

— Можетъ-быть, вамъ лучше знать. Но я также ничего не зналъ о положеніи дѣлъ центральной комунипасской желѣзной дороги и нефтяно-газовой компаніи, акціи которыхъ я купилъ, такъ что игра была честная. Только, для большей осторожности, я тотчасъ продалъ акціи за четыреста долларовъ. Впрочемъ, вы видите, я рискнулъ, потому что пикикскія акціи, быть-можетъ, и поднимутся.

Я взглянулъ ему прямо въ лицо: оно попрежнему было спокойно. Я сталъ бояться этого человѣка или, вѣрнѣе, я сталъ бояться моего неумѣнія судить о людяхъ по первому взгляду.

Нѣсколько времени спустя, я снова встрѣтился съ нимъ. Онъ уже открылъ свою маленькую контору и велъ биржевую игру. Вспомнивъ объ его странномъ поведеніи съ миссъ К., я спросилъ, возобновилъ ли онъ съ нею знакомство.

— Да,—отвѣчалъ онъ, — я узналъ, что она проводитъ лѣто въ Нью-Портѣ, и поѣхалъ туда на недѣлю.

— Вы опять говорили съ нею о находкѣ багажнаго билета?

— Нѣтъ, — сказалъ онъ серьезно,—она дала мнѣ порученіе купить ей акцій. Я полагаю, что франты, окружающіе ее, смѣялись надо мною, и она поставила наше знакомство на дѣловую ногу. Ловкая дѣвушка! Вы слышали, что съ нею случилось?

— Нѣтъ.

— Она однажды отправилась въ море на яхтѣ; я былъ въ числѣ приглашенныхъ на экскурсію, которую устроилъ, какъ говорятъ, ея будущій женихъ. Вдругъ поднялся свѣжій вѣтеръ, и парусъ, оторвавшись, сбросилъ миссъ К. въ воду. Вы, вѣрно, слышали объ этой исторіи?

Я ничего не слыхалъ, но съ поэтическимъ инстинктомъ романиста предчувствовалъ, что этотъ грубый, неотесанный человѣкъ, наконецъ, нашелъ удобный случай, чтобы блестящимъ образомъ выказать свою любовь къ молодой дѣвушкѣ.

— Подпялась суматоха,—продолжалъ онъ,—я бросился къ борту и увидалъ въ водѣ эту прелестную дѣвушку... я...

— Вы бросились за ней?—прибавилъ я поспѣшно.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ глубокомысленно; — я доставилъ это удовольствіе другому, а самъ только слѣдилъ.

Я взглянулъ на соланца съ удивленіемъ.

— Я разсудилъ, что если бы я бросился первый и не спасъ ее, а утонулъ бы самъ, то этотъ господинъ, ея женихъ, прыгнулъ бы въ воду и спасъ ее. Значитъ, я остался бы въ дуракахъ. Наоборотъ, давъ ему первому кинуться въ воду, я могъ разсчитывать, что онъ утонетъ и, слѣдовательно, мои шансы поднимутся. Вы, я вижу, не понимаете меня... и въ Калифорніи меня не понимали...

— Онъ спасъ ее?

— Ну, да, это была его прямая обязанность... и я бы ее исполнилъ только въ случаѣ его неудачи.

Эта исторія стала всѣмъ извѣстна и популярность соланца начала быстро расти. Его приглашали на обѣды и вечера и, такимъ образомъ, онъ познакомился со многими людьми, съ которыми иначе онъ никогда не сошелся бы. Между тѣмъ его маленькій капиталъ въ семьсотъ долларовъ постоянно возрасталъ, и дѣла его шли хорошо. Многія калифорнскія акціи, давно, казалось, погребенныя навѣки, вдругъ воскресли, какъ бы чудомъ, въ его конторѣ, и публика начала уважать соланца. Наконецъ новое обстоятельство дало всѣмъ понять, что онъ за человѣкъ.

Онъ уже давно желалъ поступить членомъ въ одинъ изъ модныхъ клубовъ и его пригласили на карточный вечеръ, все съ тою же цѣлью позабавиться надъ нимъ. На слѣдующее утро, очень рано, я проходилъ мимо этого клуба и случайно услышалъ, какъ два человѣка, выходя изъ дверей, говорили между собою:

— Онъ всѣхъ обчистилъ!

— Онъ награбилъ тысячъ сорокъ!

— Кто?—спросилъ я.

— Соланецъ.

Я продолжалъ свой путь, но одинъ изъ членовъ клуба, проигравшій изрядную сумму, догналъ меня.

— Скажите мнѣ правду,—сказалъ онъ,—чѣмъ занимался вашъ знакомый въ Калифорніи?

— Онъ былъ пастухомъ.

— Что?

— Да, онъ пасъ стада на роскошныхъ зеленыхъ склонахъ горъ Солано.

— Ну, ужъ могу сказать—проклятые у васъ пастухи въ Калифорніи.

Разсказъ безъ развязки.

Это случилось въ пульманскомъ спальномъ вагонѣ, на одной изъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Я очнулся отъ первой дремоты, овладѣвающей всегда путешественникомъ, и съ ужасомъ убѣдился, что проспалъ только два часа и большую часть длинной зимней ночи предстояло сидѣть съ открытыми глазами.

Утративъ надежду заснуть, я задумался о многомъ и сталъ задавать себѣ различные вопросы. Отчего одѣяла въ спальныхъ вагонахъ не походятъ на всѣ прочія и, охватывая тѣло какой-то холодной массой, ложатся тяжелымъ гнетомъ, нисколько не согрѣвая? Отчего занавѣси надъ койками такъ толсты и такъ душны? Отчего пассажиры не предпочитаютъ дремать, сидя всю ночь въ простомъ вагонѣ, чѣмъ лежать, не смыкая глазъ, въ спальномъ? Потомъ воспоминаніе о позднемъ обѣдѣ на станціи, тяготившемъ меня не менѣе холоднаго одѣяла, подняло новый рядъ вопросовъ. Отчего на всемъ американскомъ континентѣ не подаютъ ни одного мѣстнаго кушанья, а карта каждаго ресторана или буфета составляетъ блѣдный сколокъ съ столичныхъ прейсъ-курантовъ, при чемъ единственное различіе заключается въ болѣе или менѣе дурномъ приготовленіи блюдъ? Отчего американецъ, путешествуя, всегда спрашиваетъ индѣйку съ брусничнымъ желе? Отчего служанки въ ресторанахъ, набравъ въ охапку множество терелокъ, сдаютъ ихъ, какъ карты, черезъ ваши головы и потомъ, мгновенно отойдя, принимаютъ гордую, презрительную позу, какъ бы говоря: «Если вы думаете, сэръ, что я вамъ дозволю фамильярное обращеніе со мною, вы жестоко ошибаетесь».

Однако, лежа съ открытыми глазами въ спальномъ вагонѣ, я не только задавалъ себѣ вопросы, но и дѣлалъ замѣчанія, которыя, вѣроятно, не приходятъ въ голову дневнымъ пассажирамъ; напримѣръ, что скорость поѣзда не всегда одинакова. Отъ времени до времени паровозъ, очнувшись, беретъ дружнѣе,

какъ бы говоря слѣдующимъ за нимъ вагонамъ: «Ну, ну! братцы, такъ нельзя, мы не поспѣемъ впередъ!» При этомъ въ учащенномъ пыхтѣньи паровоза всегда слышится какой-то поэтическій мотивъ, зависящій отъ мѣстныхъ, условій желѣзныхъ дорогъ. Такъ на центрально-нью-іорской линіи, гдѣ полотно гладкое и стальные рельсы безъ перерывовъ, въ пыхтѣньи паровоза торжественно раздается одинъ изъ духовныхъ гимновъ Занки и Моди. На нью-іорско-нью-говенской дорогѣ, гдѣ множество поперечныхъ вѣтвей и гдѣ свистъ машины не замираетъ ни на минуту, ясно слышится лихой припѣвъ: «Бѣги, бѣги, Томъ, красотка тебя ждетъ!» На квебекской линіи, среди дѣвственныхъ лѣсовъ, я ясно слышалъ, какъ паровозъ краснорѣчиво декламировалъ первыя строфы поэмы Лонгфелло «Эванжилина»: «О, лѣсъ вѣковѣчный, вѣчный!» Наконецъ однажды ночью, но ужь не помню на какой дорогѣ, поднявъ стору, чтобы полюбоваться на снѣжный пейзажъ, залитый серебристымъ свѣтомъ луны, я тотчасъ получилъ выговоръ отъ паровоза, громко, хотя и медленно распѣвавшаго, какъ Эолова арфа: «Спусти стору, спусти стору!»

Среди всѣхъ этихъ и другихъ размышленій пробило четыре часа. Въ уборной слуга уже чистилъ сапоги. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но я во-время вспомнилъ, что всякая попытка вступить въ разговоръ съ кондукторомъ или слугою всегда принимается ими за желаніе причинить ущербъ компаніи, которой они служатъ. Я вспомнилъ, какъ однажды я старался убѣдить кондуктора, что неблагоразумно производить повѣрку билетовъ ровно въ полночь, и онъ обошелся со мною, какъ съ сумасшедшимъ. Нѣтъ, рѣшительно не было никакого средства избавиться отъ душнаго нестерпимаго одиночества. Я поднялъ стору и посмотрѣлъ въ окно. Мы проѣзжали мимо фермы; слабое мерцаніе фонаря, вѣроятно, въ рукахъ работника, слегка освѣщало овинъ, а далеко-далеко на горизонтѣ небо уже розовѣло. Наконецъ-то повѣяло утромъ.

На послѣдней станціи въ вагонъ сѣли два пассажира. Они помѣстились другъ противъ друга въ пустомъ отдѣленіи и разговаривали между собой отрывочно, позѣвывая и, очевидно, тяготясь обществомъ другъ друга. Когда я взглянулъ на нихъ изъ-за занавѣски моей койки, одинъ изъ нихъ говорилъ другому самымъ апатичнымъ тономъ:

— Да, одно время онъ былъ очень популярнымъ гробовщикомъ...

— 2-й пасажиръ (не менѣе апатично). А былъ онъ... этотъ гробовщикъ, христіанинъ? Ходилъ онъ въ церковь?

— 1-й п а с. (задумчиво). Не знаю, можно ли сказать, что онъ исповѣдывалъ христіанство, но его не считали вѣрующимъ.

— 2-й п а с. (послѣ долгаго молчанія и чувствуя, что общественный долгъ обязывалъ его сказать что-нибудь). А почему онъ былъ популярнымъ гробовщикомъ?

— 1-й п а с. (лѣниво и зѣвая). Наибольшей популярностью онъ пользовался у вдовъ и вдовцовъ, благодаря своему искусству утѣшать ихъ чувствительными фразами изъ священнаго писанія и собственнаго житейскаго опыта. Онъ самъ, говорятъ, похоронилъ трехъ женъ и пятерыхъ дѣтей; послѣднія изъ нихъ умерли отъ дифтерита. Я не знаю, правда ли это, но такъ говорятъ.

2-й п а с. Но какъ же онъ потерялъ эту популярность?

1-й п а с. Въ томъ - то и вся исторія. Онъ видите ли, не довольствовался тѣмъ, что бралъ на себя, какъ другіе гробовщики, полное устройство похоронъ, но вводилъ разныя новизны въ свое ремесло, напримѣръ, онъ в ы р а б а т ы в а лъ физіономію покойника.

2-й п а с. Какъ вырабатывалъ?

1-й п а с. Вотъ, изволите ли видѣть. Вамъ, вѣроятно, случалось замѣчать, что лица покойниковъ имѣютъ непріятное выраженіе?

2-й п а с. Да.

1-й п а с. Вотъ, напримѣръ, я устраивалъ похороны Мэри Побольсъ, дочери подруги моей жены; славная эта была дѣвушка, красивая и набожная христіанка. Но, несмотря на великолѣпный гробъ съ рюшемъ и цвѣтами, я долженъ сознаться, что покойница производила отталкивающее впечатлѣніе.

2-й п а с. Неужели?

1-й п а с. Вотъ, для того, чтобы покойникъ не отталкивалъ отъ себя живыхъ, гробовщикъ,—его звали Вилькинсъ,—и вырабатывалъ приличное выраженіе лица. Онъ достигъ въ этомъ дѣлѣ, надо правду сказать, такого искусства, что за извѣстную плату онъ придавалъ покойнику то или другое выраженіе. Столько-то стоила улыбка христіанскаго смиренія, а столько-то,—конечно, гораздо дороже,—сіяніе надежды на будущую жизнь.

2-й п а с. Я желалъ бы знать...

1-й п а с. (перебивая). Я самъ сомнѣвался, согласна ли такая работа съ св. писаніемъ, но пасторъ успокоилъ меня, сказавъ, что онъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы, пока Вилькинсъ выказываетъ свое искусство на извѣстныхъ своею на-

божностью прихожанахъ. Но когда умеръ Сай Дунгамъ... вы помните Сая Дунгамъ?

Наступило продолжительное молчаніе. Второй пассажиръ смотрѣлъ въ окно и, повидимому, забылъ о существованіи своего сосѣда. Высунувъ голову изъ-за занавѣски, я увидѣлъ, что четыре другіе пассажира, подобно мнѣ, нетерпѣливо также высунули головы, любопытствуя услышать конецъ разсказа. Между ними была одна женщина, которая, увидавъ меня, тотчасъ скрылась, но колебавшаяся занавѣска ея койки ясно доказывала, что интересъ къ разсказу въ ней нисколько не ослабѣлъ. На самомъ дѣлѣ, во всемъ вагонѣ было только два человѣка вполнѣ равнодушныхъ: тѣ два пассажира, бесѣда которыхъ такъ интересовала насъ всѣхъ.

2-й п а с. (оторвавшись, наконецъ, отъ окна). Что вы сказали о Саѣ Дунгамъ?

1-й п а с. Сай никогда не отличался ни вѣрой, ни набожностью; это былъ блудный сынъ; онъ постоянно пьянствовалъ и водился съ развратными женщинами. Однажды онъ хватилъ въ кутежѣ черезъ край и умеръ. Семейство его, гордое и богатое, не пожалѣло денегъ на похороны, и я долженъ сознаться, что никогда не видывалъ подобнаго блеска. Вилькинсъ, надо сказать правду, превзошелъ себя. Онъ придалъ лицу блуднаго сына выраженіе № 1 (по таксѣ самое дорогое), т.-е. надежды на будущую жизнь. Это ужъ было слишкомъ и даже пасторъ сталъ поговаривать, что надо положить конецъ его ремеслу. Однакожъ, не отъ того потерялъ онъ свою популярность...

Новое молчаніе. Второй пассажиръ не выражалъ ни малѣйшаго желанія узнать, почему гробовщикъ потерялъ свою популярность. Но изъ-за занавѣски сосѣднихъ коекъ высовывались лица, съ нетерпѣніемъ и даже злобой желавшія услышать результатъ системы вырабатыванія мертвыхъ физіономій.

2-й п а с. (вдругъ вспомнивъ предметъ бесѣды). Да, отчего же онъ сталъ непопуляренъ?

1-й п а с. (очень спокойно). Онъ слишкомъ большого рвенія т.-е., я такъ предполагаю, но факты мнѣ положительно неизвѣстны. Когда, два мѣсяца назадъ, умеръ мужъ м-съ Видскомбъ, она очень горевала, хотя и могла, кажется, къ этому привыкнуть, похоронивъ ранѣе двухъ мужей. Вы знаете, что она была замужемъ за Джономъ Беркеромъ.

2-й п а с. (съ замѣтнымъ интересомъ). Это не правда.

1-й п а с. (торжественно). Пусть я сегодня предстану на страшный судъ, если она не вдова Бракера!

2-й п а с. А я присягну...

1-й пас. (перебивая). Вотъ м-съ Видскомбъ устроила великолѣпныя похороны, и Вилькинсъ показалъ вполнѣ свое искусство. Къ несчастію, а быть-можетъ, и счастію, одинъ изъ старыхъ друзей покойнаго, докторъ изъ Чикаго, пріѣхалъ на похороны. Онъ вмѣстѣ со всѣми пошелъ взглянуть на покойника, на лицѣ котораго была небесная улыбка, и всѣ говорили, что покойный уже получилъ высшую награду за свою примѣрную жизнь. Вдова, какъ всѣ женщины, съ утѣшеніемъ слушала комплименты, расточаемые покойнику. Вдругъ докторъ обратился къ ней съ вопросомъ: «Отъ какой болѣзни умеръ вашъ мужъ?»—Бѣдная вдова отвѣчала со слезами: «Отъ чахотки, отъ скоротечной чахотки». Докторъ былъ невѣрующій и громко воскликнулъ: «Чортъ возьми, чахотка! Какъ бы не такъ! Онъ умеръ отъ яда. Посмотрите, какъ сведены всѣ личные мускулы. Это—risus sardonicus [1]), который бываетъ отъ стрихнина».—«Помилуйте, докторъ,—произнесла съ ужасомъ вдова,—это улыбка христіанской покорности волѣ Провидѣнія».—«Чортъ возьми! Я вамъ говорю, что это ядъ! снова произнесъ докторъ—и... Однакожъ мы уже пріѣхали. Вотъ и Джульетта!

Два или три пассажира, заинтересовавшись разсказомъ крикнули со своихъ мѣстъ:

— Эй, джентльменъ! Чѣмъ же кончилось?

Но бесѣдовавшихъ пассажировъ и слѣдъ простылъ.

---

[1]) Сардоническій смѣхъ.

Чортъ и маклеръ.

Средневѣковая легенда.

Колокола церквей въ Санъ-Франциско возвѣстили десятый часъ вечера.

Дьяволъ пролетавшій въ этотъ вечеръ надъ городомъ, опустился для отдыха на крышу церкви на углу двухъ улицъ Буша и Монгомери. Уже изъ одного этого видно, насколько люди заблуждаются, полагая, что чортъ безусловно избѣгаетъ церковныхъ зданій. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ странный выборъ дьяволомъ мѣста для своего отдыха объясняется въ данномъ случаѣ тѣмъ, что церковь находилась на перекресткѣ наиболѣе людныхъ улицъ.

Устроившись поудобнѣе, онъ сталъ выдвигать одно за другимъ колѣна маленькой трубочки, находившейся въ его рукахъ. Скоро ясно стало, что предметъ представлялъ ничто иное, какъ складную удочку, принявшую немного спустя огромные размѣры. Онъ прикрѣпилъ къ ней длинный шнурокъ и затѣмъ насадилъ на крючокъ страннаго вида приманку и очень ловко закинулъ шнурокъ въ самый центръ живой толпы, сновавшей по улицѣ Монгомери.

Но или обыватели въ этотъ вечеръ были въ самомъ добродѣтельномъ настроеніи или приманка была недостаточно соблазнительна. Напрасно чортъ направлялъ крючекъ то на встрѣчу живому теченію, то по направленію къ «Восточной гостиницѣ» и «Гостиницѣ Космополитъ». Прошло пять минутъ, и ни одна жертва даже не дернула шнурка.

— Чортъ побери!—воскликнулъ дьяволъ,—вотъ удивленье, на Бродвеѣ и улицѣ Бэкона масса народа идетъ на эту приманку. Попробуемъ другое.

Онъ досталъ изъ полной банки какую-то муху, насадилъ ее и добродушно закинулъ удочку вторично.

Нѣсколько минутъ, повидимому, можно было ждать хорошаго улова. Шнурокъ дергалъ разъ за разомъ и ясно было, что кто-то клюетъ. Раза два крючокъ былъ прямо схваченъ

и его тащили въ верхній этажъ отеля, откуда, однако, онъ неизмѣнно возвращался назадъ пустой. Сердце самого м-ра Вальтона — автора книги объ уженіи, должно было бы радоваться искусству и ловкости чорта, прекрасно обращавшагося въ эти критическія минуты съ удочкой, но всѣ старанія его оставались напрасны, и дьяволъ начиналъ терять хорошее расположеніе духа.

— Положимъ, мнѣ и раньше говорили о населеніи этого города...—пробормоталъ онъ,—но дайте мнѣ только поймать одного, и мы тогда увидимъ...—прибавилъ онъ съ злобой, надѣвая на крючокъ новую приманку. И вотъ кто-то дернулъ сильно крючокъ и послѣ маленькой отчаянной возни дьяволъ втащилъ толстаго маклера на крышу. Ему пришлось-таки понатужиться — въ пойманномъ было двѣсти фунтовъ вѣсу.

Дьяволъ вовсе и не думалъ торопиться, чтобы вынуть крючокъ изъ челюсти распростертаго почти безъ дыханія человѣка. Наконецъ, когда онъ принялся за это, онъ какъ будто забылъ свою обычную изысканную вѣжливость и соблазнительную ласковость въ обращеніи.

— Богъ съ тобой,—сказалъ онъ ласково, взявъ маклера за пряжку панталонъ, — перестань визжать и браниться. Не думай, что я сдѣлалъ черезъ это особенное пріобрѣтеніе. Раньше или позже ты все равно отъ меня не ушелъ бы. Вопросъ только времени.

— Не то меня и огорчаетъ,—отвѣтилъ несчастный, грустно мотая головой и охая отъ боли.—Меня грызетъ мысль, какъ могъ я попасть на такую жалкую приманку... Что скажутъ обо мнѣ тамъ — внизу?.. Сколько лакомыхъ кусковъ мнѣ случалось обходить ради безопасности и вдругъ... такая дрянь... прибавилъ онъ, глядя какъ старательно насаживалъ чортъ снова на крючокъ зеленую муху.—Вотъ что меня убиваетъ, уважаемый сэръ, — повторилъ онъ снова.

— Знаю все это,—сказалъ чортъ съ равнодушіемъ философа,—мнѣ еще ни разу не случалось поймать такого человѣка, который бы такъ не говорилъ... Но скажи, пожалуйста, ваша порода тамъ внизу становится кажется разочарованной?.. Это одна изъ моихъ любимыхъ приманокъ, продолжалъ онъ, указывая на муху съ зеленой точно смарагдъ спинкой [1]). Она имѣла всегда огромный успѣхъ, въ особенности въ пору выборовъ. Я не сомнѣваюсь въ тонкости твоего ума, несмотря на сегодняшнюю оплошность,—чортъ вернулся къ своей прежней деликатности—и такъ ты, можетъ-быть, объяснишь мнѣ, почему

---

[1]) Акціи государственнаго банка въ Америкѣ зеленаго цвѣта.

на нее теперь менѣе падки люди, или, можетъ-быть, посовѣтуешь даже чѣмъ ее замѣнить?..

Маклеръ осмотрѣлъ съ двусмысленной улыбкой запасъ дьявола.

— Слишкомъ старо, почтенный сэръ,—сказалъ онъ,—мода теперь другая... Впрочемъ,—прибавилъ онъ, вдругъ оживляясь и видимо заинтересованный,—за хорошее вознагражденіе я могу... гмъ... предложить нѣчто такое, что можетъ съ успѣхомъ замѣнить въ самомъ дѣлѣ эту вещицу... Обѣщайте мнѣ хорошую премію и притомъ наличными деньгами — не иначе—и я къ вашимъ услугамъ.

— Скажи свои условія,—отвѣтилъ дьяволъ серьезно.

— Свобода и извѣстный процентъ со всего лова — и по рукамъ.

Чортъ съ минуту чесалъ задумчиво хвостъ. Онъ разсудилъ, что маклеръ все равно раньше или позже будетъ въ его рукахъ, слѣдовательно, рискъ не великъ.

— Идетъ,—сказалъ онъ.

— Еще минуту...—сказалъ хитрый маклеръ.—Надо, однако, все заранѣе обсудить и взвѣсить. Дайте мнѣ вашу удочку и позвольте самому все приготовить. Тутъ нужна искусная рука и, несмотря на вашу испытанную ловкость, вы можете ошибиться. Оставьте меня одного на полчаса, и если въ результатѣ у васъ будутъ причины жаловаться на меня, дѣлайте со мной, что хотите.

Чортъ согласился и удалился, кивнувъ ему головой. Онъ опустился на улицу Монгомери, вошелъ въ магазинъ готоваго платья «Мэдъ и К°», выбралъ себѣ костюмъ по послѣдней модѣ и затѣмъ сталъ фланировать по городу исключительно съ цѣлью развлечься. Онъ вмѣшался въ толпу народа и забавлялся, наблюдая всеобщую суету, безпокойство и лихорадочное движеніе въ погонѣ за минутой. Наслажденіе, которое онъ испытывалъ, носило чисто эстетическій характеръ, такъ какъ онъ рѣшилъ этотъ вечеръ не думать самому о дѣлахъ. Описаніе того, какъ онъ провелъ вечеръ, не входитъ въ задачу этого разсказа, и мы вернемся къ маклеру на крышѣ.

Какъ только онъ убѣдился, что чортъ ушелъ, онъ вынулъ изъ кармана какую-то бумажку и прицѣпилъ ее къ крючку. Едва только успѣлъ онъ забросить въ толпу, какъ тотчасъ клюнуло. Мгновенно втащилъ онъ жертву, освободилъ крючокъ, снова насадилъ свою приманку и закинулъ удочку съ тѣмъ же результатомъ. Еще и еще! Въ нѣсколько минутъ крыша была вся покрыта стонущими людьми. Маклеръ замѣтилъ, что многіе изъ нихъ были его личные друзья, а нѣкоторые были

частными посѣтителями того самаго зданія, на крышѣ котораго они теперь лежали. Кто сколько-нибудь имѣлъ случай изучить человѣческую натуру, тотъ не усомнится, конечно, ни на минуту въ томъ, что маклеръ испытывалъ внутреннее удовлетвореніе, сознавая себя орудіемъ гибели своихъ товарищей по ремеслу.

Но вотъ новая жертва сильно дернула шнурокъ и долго бросалась, такъ что маклеръ долженъ былъ собрать всѣ силы и ловкость. Удочка гнулась, какъ плеть, и съ такою силой тянуло ее внизъ, что маклеръ принужденъ былъ крѣпко упираться ногами. Однако онъ не выпустилъ изъ рукъ своего орудія и хотя медленно, но мало-по-малу тащилъ вверхъ свой шнурокъ съ крючкомъ и жертвой. Наконецъ, напрягая всѣ силы, ему удалось разомъ выбросить на крышу упрямую жертву. Она ревѣла голосомъ, казалось, выходившимъ изъ ада, и, пораженный удивленіемъ, маклеръ увидѣлъ у ногъ своихъ собственную фигуру самого дьявола.

Оба злобно смотрѣли другъ на друга. Маклеръ, подъ впечатлѣніемъ недавняго обращенія съ нимъ дьявола, не спѣшилъ съ своей стороны освободить отъ крючка челюсть противника. Сдѣлавъ это наконецъ, онъ спросилъ равнодушно, доволенъ ли тотъ имъ. Дьяволъ не сразу отвѣтилъ, такъ онъ былъ занятъ, весь углубившись въ созерцаніе предмета, послужившаго приманкой для него самого и только что освобожденнаго изъ его челюстей.

— Да, я доволенъ,—сказалъ онъ наконецъ,—и прощаю... Но что это, какъ называется?..

— Наклонитесь немного,—отвѣтилъ маклеръ, собираясь уходить и застегивая сюртукъ.

Дьяволъ склонилъ ухо.

— Это *акція* «Золотой руды».

Романъ въ долинѣ Мардоніо [1]).

I.

Задвижка у садовой калитки ранчо Фолинсби два раза щелкнула и нарушила ночную тишину.

Калитка покрыта была такой глубокой тѣнью въ эту волшебную ночь, что самъ «старый Фолинсби», сидѣвшій на верандѣ, ничего не могъ разглядѣть, кромѣ огромной мужской шляпы и развѣвающихся рядомъ лентъ у входа въ садъ подъ соснами.

Старикъ далъ пройти нѣсколькимъ минутамъ. Онъ въ этомъ случаѣ, очевидно, руководствовался своими соображеніями, о которыхъ мы ничего не знаемъ, а потому, къ сожалѣнію, не можемъ подѣлиться съ читателемъ. Итакъ, подождавъ немного, Фолинсби всталъ и, отложивъ въ сторону трубку, спокойно направился къ калиткѣ по извилистой дорожкѣ.

У ограды онъ остановился и сталъ прислушиваться. Но то, что онъ услышалъ, представляло, повидимому, мало интереса.

Шляпа разсказывала лентамъ, что ночь сегодня необыкновенно хороша, и обратила вниманіе на то, какъ ясно выдѣляются очертанія Сьерры-Невады на темно-синемъ небѣ. Тогда оказалось, что ленты любовались всѣмъ этимъ уже на пути домой и освѣдомлялись у шляпы, случалось ли ей видѣть когда-нибудь что-нибудь великолѣпнѣе луннаго сіянія на гребняхъ горъ. Нѣтъ, шляпа ничего подобнаго не встрѣчала, и хотя эта картина напоминала ей ночи на югѣ въ Алабамѣ, но совсѣмъ другія обстоятельства придаютъ *этой* ночи особенное очарованіе.

Ленты никакъ не могли понять, на что намекала шляпа. Въ разговорѣ наступила пауза, и ею воспользовался мистеръ

---

[1]) Мардоніо — «Земляничное дерево» — ягода ярко-краснаго цвѣта.

Фолинсби. Шаги его явственно послышались на крупномъ пескѣ дорожки, и онъ подошелъ къ калиткѣ, угрюмо ворча про себя.

Шляпа сдѣлала движеніе въ воздухѣ и пропала во мракѣ, а старикъ очутился лицомъ къ лицу съ дочерью, отчасти смущенной, отчасти старавшейся сохранить лукаво-невинный видъ, но во всякомъ случаѣ прелестной.

Въ долинѣ Мадроніо впослѣдствіи стало достовѣрно извѣстно, что старикъ и «миссъ Іо» обмѣнялись тогда рѣзкими словами, при чемъ первый произнесъ имена нѣкоего Кольпепера и его дяди, полковника Старботтля, сопровождая то и другое весьма нелестными эпитетами, и что возраженія миссъ не отличались также сдержанностью.

«Она доказала, что въ самомъ дѣлѣ его дочь, потому что кровь отца слѣпла въ ея жилахъ во время этого спора», говорилъ по этому случаю кузнецъ, ссылаясь на высокую поэзію Байрона.

«Она видѣла, что старикъ взялъ ложный курсъ и отняла у него руль», говорили мѣстные образованные люди, воспитанные на морѣ.

Какъ бы ни было, пока отецъ и дочь спорили у калитки ранчо, предметъ этого спора медленно шелъ по дорогѣ вверхъ, пока не достигъ возвышенія, откуда виденъ былъ весь домъ Фолинсби. Это было длинное, узкое бѣлое строеніе — самое простое по внѣшности, однако выгодно отличавшееся отъ другихъ сосѣднихъ строеній признаками хорошаго вкуса. Объ этомъ свидѣтельствовали не только виноградныя лозы, обвивавшія навѣсъ, но также большія французскія окна и бѣлыя кисейныя занавѣски, днемъ защищавшія отъ калифорнскаго солнца, а теперь облитыя серебристымъ сіяніемъ кроткаго мѣсяца.

Кольпеперъ облокотился на низкую изгородь, окаймлявшую дорогу и долго задумчиво смотрѣлъ въ сторону дома. Лунное сіяніе исчезло въ одномъ окнѣ, точно это былъ призракъ, и на мѣстѣ его явился самый обыкновенный свѣтъ. Женская фигура подошла къ окну со свѣчей въ рукѣ и задернула занавѣски.

Кольпеперъ видѣлъ въ этой фигурѣ олицетвореніе весталки, но я бьюсь, что всякій другой наблюдатель увидѣлъ бы въ ней просто молодую дѣвушку-брюнетку, съ черными лукавыми глазами, еще горѣвшими недавнимъ гнѣвомъ разсерженнаго ребенка. Какъ только фигура эта скрылась, Кольпеперъ продолжалъ путь по освѣщенной луною дорогѣ. Онъ снялъ свою огромную шляпу съ головы, чтобы отереть лобъ и въ этотъ

моментъ можно было совершенно ясно видѣть всѣ черты его лица.

Это лицо было довольно пріятное, хотя нѣсколько болѣзненное, желтое и худощавое, такъ что нельзя было назвать его красивымъ. Скулы слишкомъ выдавались, а глаза лежали въ глубокихъ впадинахъ. Черные волосы падали прямо внизъ вдоль высокаго, но узкаго лба и касались частью впалой щеки. Длинные черные усы ложились вдоль тонко-очерченныхъ губъ. Въ общемъ это было серьезное, почти донъ-кихотское лицо, но по временамъ оно освѣщалось такой доброй, нѣжной и трогательной улыбкой, что сложилась легенда, будто бы миссъ Джо говорила потомъ, что она, не задумываясь, вышла бы замужъ за человѣка, у котораго хотя бы только во время вѣнчанья не сходила съ лица эта улыбка.

— Я ему разъ сказала это сама, — разсказывала эта юная безумная особа, — но онъ какъ будто нарочно, чтобы разсердить меня, сталъ сейчасъ же такой унылый!..

На полмили разстоянія отъ ранчо, бѣлая дорога пересѣкалась пѣшеходною тропинкой, проходившей черезъ долину Мадроніо. Потому ли, что онъ хотѣлъ сократить путь въ поселку или не руководствуясь даже этимъ, практическимъ соображеніемъ, но Кольпеперъ свернулъ на тропинку и нѣсколько минутъ спустя очутился возлѣ прекрасныхъ деревьевъ, отъ которыхъ долина получила свое названіе. Даже при слабомъ свѣтѣ лунной ночи они поражали волшебной, фантастической красотой и красные стволы, горѣвшіе пурпуромъ при свѣтѣ мѣсяца и напоминавшіе въ тѣневыхъ мѣстахъ темную кровь, великолѣпно оттѣнялись серебристой зеленью листьевъ. Казалось, природа въ счастливую минуту удержала и кристаллизировала здѣсь всѣ фантазіи испанскихъ переселенцевъ, навѣянныя воспоминаніями о картинахъ родной природы, чтобы смягчить его тоску.

Кольпеперъ, войдя въ эту маленькую рощу, услышалъ громкіе голоса. Едва онъ повернулся въ сторону деревьевъ, какъ изъ тѣни появилась фигура до такой степени страннаго вида, что можно было принять ее, пожалуй, за мѣстную обитательницу—дріаду; фигура была пестро убрана въ пурпурнаго цвѣта шелка и ленты, коричневыя руки ея были обнажены, а на головѣ лежалъ вѣнокъ изъ лѣсныхъ лилій.

За этой женской фигурой слѣдовала другая, мужская.

Кольпеперъ остановился въ удивленіи. Послѣднее было понятно. Въ мужчинѣ онъ узналъ своего почтеннѣйшаго дядюшку, полковника Старботтля, а въ женской фигурѣ даму, о которой коротко можно замѣтить, что нѣтъ никакого основанія

знакомить съ нею ближе читателя. Опуская далѣе всѣ непріятныя подробности, скажемъ только, что и онъ и она, очевидно, находились подъ вліяніемъ выпитаго вина.

Изъ бурнаго объясненія, послѣдовавшаго между ними, Кольпеперъ понялъ, что дама въ тотъ же вечеръ была оскорблена въ общественномъ собраніи, и полковникъ къ ея досадѣ не потребовалъ на мѣстѣ удовлетворенія.

Очень сожалѣю, что, несмотря на принятую въ нашемъ вѣкѣ свободу отъ всякихъ стѣсненій, не могу воспроизвести въ точности всѣ живописныя выраженія этой дамы. Довольно сказать, что, не довольствуясь словами, она въ заключеніе набросилась на полковника, головѣ котораго грозила опасность, если бы Кольпеперъ не явился неожиданно на помощь.

Сцена представляла прекрасный случай для нѣкоторыхъ психологическихъ наблюденій. Двоякій интересъ заключался въ комизмѣ поведенія этой особы, принадлежавшей къ той половинѣ человѣческаго рода, которая, какъ извѣстно, больше всего боится смѣшного, и въ безпомощности двухъ мужчинъ, смущенныхъ ея поведеніемъ. Кольпеперъ въ женщинѣ всегда готовъ былъ видѣть высшее существо и видимое противорѣчіе факта заставляло его страдать; полковникъ, для котораго она была также a priori существомъ болѣе или менѣе нечистымъ, былъ явно испуганъ и сконфуженъ.

Буря между тѣмъ утихла сама собой, и синьора Долоресъ, хладнокровно спрятавъ кинжалъ въ его ножны за подвязку чулка,—оставила долину Мадроніо, а вмѣстѣ съ тѣмъ, къ счастію, и страницы этого разсказа навсегда.

Оставшись одни, мужчины стали говорить о чемъ-то вполголоса... Утренняя заря застала ихъ еще на томъ же мѣстѣ.

Полковникъ успѣлъ совершенно протрезвиться, и къ нему вернулась обычная самоувѣренность. На щекахъ Кольпепера горѣлъ гнѣвный румянецъ, и въ глазахъ мелькалъ страстный огонь.

На слѣдующее утро по всей долинѣ распространилась молва о непріятномъ приключеніи полковника. Говорили, что отъ него потребовали, чтобы онъ удалилъ изъ залы гостиницы «Независимость» свою даму, и такъ какъ онъ не исполнялъ этого—ихъ вывели обоихъ.

Къ сожалѣнію, въ 1854 году общественное мнѣніе раздѣлилось во взглядѣ на умѣстность этой мѣры и возникъ вопросъ о томъ, насколько репутація прочихъ присутствовавшихъ дамъ отвѣчала строгимъ понятіямъ о добродѣтели. Никто не сомнѣвался лишь въ томъ, что casus belli имѣлъ политическій характеръ.

Въ общихъ чертахъ передавали споръ на вечерѣ въ такомъ видѣ:

— Здѣсь не мѣсто сборища проклятыхъ пуританъ,—кричалъ въ бѣшенствѣ полковникъ.

— И не мѣсто для скандала во всякомъ случаѣ,—отвѣчалъ распорядитель бала.

— Вы—янки!—съ величайшимъ презрѣніемъ воскликнулъ полковникъ.

— А вы—негодяй, ступайте вонъ!..

И такъ какъ въ тѣ времена за словомъ быстро слѣдовало дѣйствіе, то всѣ ожидали кровавой развязки.

На этотъ разъ ничего подобнаго не произошло. Полковникъ появился на слѣдующій день на улицѣ, и его шумное поведеніе сдерживалось только присутствіемъ племянника. Послѣдній его сопровождалъ и такъ какъ Кольпеперъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, то его присутствіе устраняло вопросы и насмѣшки любопытныхъ. Впрочемъ, на лицѣ племянника лежала тѣнь тревоги и внутренняго волненія, не гармонировавшаго съ его обычнымъ серьезнымъ спокойствіемъ.

— Молодому человѣку, повидимому, не доставляетъ ни малѣйшаго удовольствія поведеніе дяди,—замѣтилъ съ участіемъ кузнецъ.

Можетъ-быть, онъ не прочь былъ самъ пріударить за Долоресъ,—скептически отвѣтилъ почтовый курьеръ.

II.

Восемь дней спустя послѣ этого, миссъ Фолинсби вышла въ одно прекрасное утро на улицу изъ своего сада. На этотъ разъ она осторожно затворила за собой калитку, не тронувъ задвижки. Съ минуту она какъ будто что-то обдумывала. Это могло бы показаться страннымъ, но она это время употребила именно такъ, какъ требовало ея женское достоинство, завязавъ ленты шляпы вокругъ хорошенькаго, хотя нѣсколько выдающагося подбородка и натянувъ на пальцы узкую перчатку. Затѣмъ она засеменила по направленію къ поселку.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что встрѣтившійся ей извозчикъ съ товаромъ свернулъ почти въ канаву шестерку муловъ, чтобъ не запылить ея безукоризненнаго чистенькаго платья. Неудивительно также, что почтовая карета «Молнія» замедлила ходъ, и возница, всю жизнь свою обмѣнивавшійся съ ближними только односложными словами и междометіями, посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ растерянным и восхищеннымъ

видомъ. Дѣйствительно, она заслуживала такого поклоненія. Въ странѣ, гдѣ прекрасный полъ, слѣдуя примѣру окружающей юной природы, зараженъ страстью къ пестрымъ цвѣтамъ, простой нарядъ этой миссъ обнаруживалъ вкусъ и усиливалъ ея привлекательность.

Говорили, что нѣкій рудокопъ, работавшій у самой дороги, при видѣ миссъ Фолинсби обыкновенно начиналъ говорить къ товарищамъ о томъ, что ему слѣдовало бы написать письмо къ своимъ и т. д. Даже Билль Мастерсъ, который видѣлъ ее въ Парижѣ, гдѣ, по его словамъ, ея красота обратила на себя вниманіе короля, очень разборчиваго, какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи,—даже онъ находилъ что здѣсь, въ долинѣ Мадроніо, она стала еще очаровательнѣе.

Итакъ, было еще раннее утро, но солнце съ калифорнійскою растительностью уже жгло соломенную шляпу и голубыя ленты, и миссъ Джо пришлось свернуть въ тѣнистую боковую тропинку. Здѣсь она сначала ласково встрѣтила робкое ухаживанье какой-то бездомной желтой собаки, но скоро должна была прогнать ее, такъ какъ та грозила испачкать своими лапами ея платье. Нѣсколько сердитыхъ словъ не помогли и она бросила собакѣ вслѣдъ камнемъ, который, къ счастію, упалъ въ разстояніи пятидесяти футовъ отъ цѣли.

Доказавъ такимъ образомъ, что она не беззащитна, она поспѣшила какъ будто обнаружить непостоянство характера и, придерживая одной рукою бѣлое платье, другой шляпу, въ испугѣ бросилась бѣжать. Шаговъ черезъ сто она остановилась и стала собирать листья папоротниковъ и остатки полевыхъ цвѣтовъ на сожженной солнцемъ землѣ. Вдругъ ее охватилъ страхъ за свои маленькія ножки, и она тщательно осмотрѣла ихъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли на нихъ какихъ-нибудь полевыхъ насѣкомыхъ. По какому-то внезапному вдохновенью она сорвала затѣмъ нѣсколько золотыхъ колосьевъ овса и украсила ими свои черные волосы и, наконецъ, совершенно безсознательно очутилась на тропинкѣ, которая вела все къ тому же поселку долины Мадроніо.

Тутъ она въ сомнѣніи остановилась. Змѣйкой извивалась передъ ней дорожка, теряясь вдали въ густой чащѣ растительности. Солнце сильно грѣло. Она, кажется, зашла очень далеко отъ дома. Почему бъ ей не отдохнуть въ тѣни одного изъ этихъ деревьевъ?

На этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ въ видѣ осуществленія. Осмотрѣвъ тщательно рощу и убѣдившись, что, кромѣ нея, вблизи нѣтъ живого существа, она со вздохомъ облегченія опустилась подъ однимъ изъ самыхъ старыхъ стволовъ.

Миссъ Джо любила Мадроніо. Это такое чистенькое дерево! На его блестящихъ листьяхъ никогда не ложилась пыль и въ великолѣпной тѣни его никогда не скрывалось насѣкомыхъ.

Она взглянула вверхъ на красноватыя вѣтки, переплетавшіяся крѣпко, точно руки влюбленныхъ, надъ ея головой. Она посмотрѣла также внизъ на таинственно сплетавшіеся ползучіе корни. Вдругъ она замѣтила блестящій предметъ у своихъ ногъ. Она подняла его — это былъ браслетъ. Она внимательно стала искать на немъ буквъ или другихъ знаковъ, но ничего такого не было. Она не могла устоять противъ естественнаго желанія надѣть вещицу на руку и посмотрѣть на нее въ этомъ положеніи. Все это заняло ея вниманіе въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, и когда она вслѣдъ за тѣмъ подняла глаза, она увидѣла на довольно близкомъ разстояніи отъ себя Кольпепера.

Онъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ инстинктивно остановился подъ вліяніемъ нѣжнаго чувства, какъ только ее замѣтилъ. Онъ даже подумалъ—не уйти ли ему? Не сочтетъ ли она его неделикатнымъ, если онъ подойдетъ къ ней? Но онъ стоялъ какъ очарованный и не могъ тронуться съ мѣста. Странную загадку представляетъ человѣческая природа! Въ отдаленіи гордо высились замкнутыя вершины горъ, здѣсь почти на мѣстѣ виднѣлся обрывъ съ отвѣсными гранитными стѣнами, уходившими въ глубину на тысячу футовъ. По обѣимъ сторонамъ этой бездны росли ряды сосенъ и елей, надъ вершинами которыхъ цѣлые вѣка безвредно проносились бури. И Кольпеперу казалось, что все это было устроено такъ Провидѣніемъ только съ одной цѣлью, только для того, чтобы создать красивую рамку для фигуры молодой дѣвушки въ свѣтломъ платьѣ.

Едва ли миссъ Джо не была заранѣе увѣрена или надѣялась, что встрѣтитъ Кольпепера, но появленіе его ее, однако, смутило. У него былъ видъ еще серьезнѣе и торжественнѣе, чѣмъ обыкновенно. Такого рода явленіе въ самомъ дѣлѣ могло быть опасно для дѣвушки, привыкшей къ обществу, гдѣ приходилось защищаться отъ обмана и легкомыслія, но искренное чувство было слишкомъ рѣдко.

Она вскочила, когда онъ приблизился, но онъ взялъ ее за руку и успѣлъ убѣдить сѣсть рядомъ съ нимъ. То, что онъ говорилъ ей, было въ самомъ дѣлѣ для нея неожиданностью, такъ какъ нѣтъ ничего капризнѣй той формы, какую принимаетъ объясненіе въ любви.

Что же сказалъ Кольпеперъ? Боюсь, ничего такого, что могло бы пополнить область знаній читательницы, боюсь также,

ничего такого, чего въ общихъ чертахъ миссъ Джо уже не слышала бы раньше отъ другихъ. Но его рѣчь дышала искреннею страстью, что было ново и заманчиво для нея. И въ самомъ дѣлѣ можно ли остаться равнодушной, становясь въ девятнадцатомъ вѣкѣ предметомъ рыцарскаго обожанія и поклоненія точно воскреснувшаго шестнадцатаго; живя среди людей, не признававшихъ обыкновенной рѣчи безъ грубыхъ выраженій, нельзя было равнодушно отнестись къ нѣжнымъ признаніямъ этого потомка странствующихъ гидальго, съ его разгорѣвшимъ отъ солнца лицомъ. Не знаю, какими еще достоинствами отличилась далѣе рѣчь Кольпепера. Она была во всякомъ случаѣ прервана случайно... Молодая дѣвушка уронила перчатку и Кольпеперъ бросился поднять ее, при чемъ напечатлѣлъ поцѣлуй сперва на рукѣ, а потомъ и на губахъ миссъ Джо. Когда они поднялись итти—его рука обнимала ея станъ, а черные волосы съ золотыми колосьями покоились у кармана его сюртука. Но и въ эту минуту ея сердце и воображеніе не были заняты всецѣло имъ, и она мысленно съ удовольствіемъ сравнивала его стройный ростъ съ фигурой его предшественника, поклонника своего, нѣкоего лейтенанта Макъ Мирка, павшаго впослѣдствіи жертвой крѣпкаго напитка распространеннаго въ колоніи. Она настолько также не теряла сознанія, что, отвѣчая на восхищенные взгляды Кольпепера, успѣла замѣтить вдали приближавшуюся мужскую фигуру. Она мгновенно выскользнула изъ рукъ Кольпепера и, сложивъ руки за спиной, сказала: «Это тотъ противный человѣкъ!»

Кольпеперъ тоже поднялъ глаза и увидѣлъ почтеннаго дядю, который шелъ, тяжело дыша и отдуваясь. На лицѣ его легла тѣнь, и онъ спросилъ:

— Вы не любите моего дядю?

— Я его ненавижу.

Ясно, что миссъ заговорила своимъ языкомъ.

Кольпеперъ покраснѣлъ. Онъ не прочь былъ сообщить нѣкоторыя подробности о родословной и подвигахъ дяди, но было уже поздно. Онъ только печально улыбнулся. Эта улыбка сдѣлала впечатлѣніе на миссъ Джо. Она быстро подала руку и сказала не такъ смѣло:

— Будь остороженъ; смотри, чтобы этотъ человѣкъ не вовлекъ тебя въ бѣду... Милый, береги себя.

Кольпеперъ не успѣлъ отвѣтить —она исчезла въ чащѣ за деревьями.

Полковникъ подошелъ, задыхаясь.

— Чортъ возьми! я разыскиваю тебя повсюду. Кто это былъ съ тобой?

— Одна особа.

Кольпеперъ не лгалъ никогда, но былъ остороженъ.

— Чортъ возьми всѣхъ этихъ особъ!.. Послушай, Кольпъ, я узналъ, кто вчера заставилъ вывести меня изъ залы.

— Кто же это?—спросилъ тотъ равнодушно.

— Джэкъ Фолинсби.

— Кто?

— Кто же, конечно, какъ не сынъ распѣвающаго псалмы пуританина-янки?.. Но не все ли равно?... Ты вѣдь не оставишь оскорбленіе не смытымъ, Кольпъ?... Ты не возьмешь назадъ слова? Ты не выкажешь покорность собаки, получившей ударъ хлыстомъ?

Кольпеперъ молчалъ. Онъ былъ очень блѣденъ. Потомъ онъ поднялъ глаза и сказалъ спокойно:

— Нѣтъ!

III.

Кольпеперъ Старботтль вызвалъ Джэка Фолинсби, и вызовъ былъ принятъ. Онъ былъ мотивированъ гласно тѣмъ, что по настоянію Джэка полковникъ былъ выведенъ изъ зала собранія. Такъ думали, по крайней мѣрѣ, многіе въ долинѣ и готовы были подтвердить клятвенно достовѣрность факта. Носились, однако, и другіе слухи. Съ разными подробностями кузнецъ разсказывалъ другое:

— Видите ли, господа,—говорилъ онъ, обращаясь къ собравшимся вокругъ его наковальни,—конечно, я не узналъ всей тайны, но кой-что мнѣ привелось хорошо узнать.—Встрѣтились Кольпеперъ и Джэкъ случайно, видите ли... ну, въ гактирѣ у Боба, что ли. Джэкъ подходитъ къ тому и говоритъ: «нельзя ли намъ сказать другъ другу два слова?»—Тотъ поклонился и отошелъ въ сторону... Вотъ такъ,—кузнецъ положилъ двѣ подковы на наковальню и показалъ наглядно въ какомъ положеніи находились противники. — Джэкъ вынимаетъ браслетъ изъ кармана и говоритъ: «Знакомо тебѣ это?..»—Нѣтъ,—отвѣчаетъ совершенно спокойно Кольпеперъ. Джэкъ говоритъ: «Ты подарилъ это моей сестрѣ!»—Нѣтъ,—отвѣчаетъ тотъ такъ же спокойно, разумѣется... Тогда Джэкъ говоритъ: «Ты лжешь, проклятый...» и вынимаетъ свой револьверъ. Кольпеперъ бросается впередъ (кузнецъ показываетъ «вотъ сюда» на наковальню) и Джэкъ стрѣляетъ... но выстрѣлъ никого не задѣлъ...—А вотъ это очень странно, не правда ли?—неожиданно переходитъ кузнецъ къ комментаріямъ относительно случайностей судьбы,—очень странно,—продолжалъ онъ, опираясь на

свою наковальню—что такъ часто въ этихъ случаяхъ никто не бываетъ раненъ!.. Я и ты (къ одному изъ слушателей) обмѣниваемся выстрѣлами, въ комнатѣ масса людей и никто не задѣтъ?.. Просто не укладывается въ моей головѣ.

— Не стоитъ объ этомъ много думать, Томсонъ,—сказалъ Билль Мастерсъ.—Есть другой, лучшій міръ, тамъ мы все узнаемъ и—научимся лучше стрѣлять... Однако ты не кончилъ, мы слушаемъ.

— Да такъ вотъ, одни взяли Джэка, другіе Кольпепера и ихъ разняли. Тогда Джэкъ разсказалъ, какъ замѣтилъ, что сестра носитъ браслетъ, подаренный полковникомъ Долоресъ, и миссъ Джо не хотѣла сказать, гдѣ взяла его, а между тѣмъ должна была сознаться, что видѣла въ этотъ день Кольпепера. Но тутъ-то случилось самое удивительное. Кольпеперъ вдругъ всталъ и говоритъ, что беретъ назадъ свои слова, и что онъ въ самомъ дѣлѣ подарилъ ей браслетъ... Видите ли, господа, я такъ думаю, что это неправда, потому что это на него совсѣмъ не похоже—подарить любимой дѣвушкѣ вещь, принадлежавшую такой особѣ, какъ Долоресъ... Но это ужъ все равно, такъ какъ другого конца не оставалось всей этой исторіи...

Описаніе того, какъ все произошло, принадлежитъ уже хроникѣ долины Мадроніо.

Утро было прекрасное; воздухъ нѣсколько свѣжъ и съ поверхности рѣки подымался легкій туманъ. Уже съ шести часовъ утра Кольпеперъ, его дядя полковникъ, секундантъ и врачъ находились на свѣтлой полянѣ среди рощи. Полковникъ, весь занятый предстоящимъ событіемъ, держался съ видомъ, исполненнымъ важности, и объяснялъ врачу выгодныя стороны избраннаго мѣста, защищеннаго отъ солнца, котораго лучи въ этотъ часъ являются обыкновенно помѣхой дуэлистамъ.

Врачъ, лежа на травѣ, курилъ сигару. Спокойно и задумчиво прислонился Кольпеперъ къ дереву и смотрѣлъ на рѣку. Всю группу можно было легко принять за компанію людей, устроившихъ пикникъ. Это сравненіе получило еще болѣе правдоподобія, когда полковникъ вытащилъ изъ кармана бутылку и, отпивъ, передалъ товарищамъ.

— Коктэйльсъ, господа,—объяснилъ онъ.—Безъ этого напитка никогда не слѣдуетъ выходить утромъ—натощакъ,—продолжалъ онъ съ убѣжденіемъ.—Помню походъ съ Ганкомъ Бумпиратеромъ въ 53 году...

Шумъ колесъ въ нѣкоторомъ отдаленіи заставилъ полковника умолкнуть. Показалась одноколка и въ ней Джэкъ Фолинбси, Калгоунъ Бунстартеръ и Билль Мастерсъ. Экипажъ остановился.

Джэкъ Фолинбси весело соскочилъ на землю.

— Мнѣ стоило большого труда ускользнуть такъ, чтобы старикъ не замѣтилъ,—сказалъ онъ, словоохотливо, обращаясь къ присутствовавшимъ.

Калгоунъ Бунгстартеръ тронулъ его за руку, и онъ покраснѣлъ.

Это была его первая дуэль.

— Если вы готовы, господа,—сказалъ секундантъ Джэка,— то мы можемъ начать. Насколько мнѣ извѣстно никакихъ извиненій нельзя ни принимать, ни высказывать. Стало-быть, можно немедленно приступить къ дѣлу, иначе я боюсь, какъ бы намъ не помѣшали. Въ городѣ ходитъ слухъ, будто Комитетъ Безопасности разыскиваетъ нашихъ пріятелей, обоихъ Старботтлей, а также и меня, вѣроятно, такъ какъ я имѣю честь быть изъ одного округа съ ними, и слѣдовательно наравнѣ съ ними подлежу высылкѣ изъ здѣшнихъ мѣстъ.

Услыхавъ о возможности помѣхи, всѣ сразу впали въ то серьезное настроеніе, котораго до этой минуты не было. Всѣ предварительныя приготовленія были окончены въ нѣсколько минутъ, и противники поставлены другъ противъ друга. Наступила полная тишина.

Для посторонняго зрителя, который случайно увидѣлъ бы эту группу съ вершины холма, и принялъ бы ее за пикникъ, раздался звукъ, который легко было истолковать, какъ хлопанье пробокъ изъ двухъ бутылокъ шампанскаго.

Кольпеперъ выстрѣлилъ на воздухъ. Полковникъ Старботтль сквозь зубы выругался. Джэкъ Фолинсби угрюмо потребовалъ права на вторичный выстрѣлъ.

Противниковъ снова разставили по мѣстамъ. Снова раздалось слово команды и затѣмъ какъ будто единовременный выстрѣлъ изъ обоихъ револьверовъ. Но по прошествіи нѣсколькихъ секундъ всѣ съ удивленіемъ увидѣли, что Кольпеперъ медленно поднялъ свой заряженный пистолетъ надъ своей головой и опять выстрѣлилъ въ воздухъ. Потомъ отбросилъ оружіе въ сторону, отошелъ къ дереву и молча прислонился къ нему.

Джэкъ Фолинсби взбѣсился не на шутку. Полковникъ Старботтль яростно ругался. Мистеръ Бунгстартеръ благопристойно возмущался ихъ поведеніемъ.

— Что жъ, господа,—говорилъ онъ,—разъ что мистеръ Кольпеперъ Старботтль отказывается стрѣлять, я не вижу возможности продолжать.

Но полковникъ кипѣлъ негодованіемъ, а Джэкъ Фолинсби оказался неукротимымъ. Наскоро составилось совѣщаніе и

рѣшили, что самъ полковникъ Старботтль станетъ на мѣсто своего племянника, а Билль Мастерсъ замѣнитъ секунданта, вмѣсто Бунгстартера, отказавшагося принимать участіе въ томъ, что произойдетъ далѣе.

Два выстрѣла раздѣльно огласили долину Мадроніо; Джэкъ Фолинсби выронилъ свой дымящійся пистолетъ, шагнулъ разъ впередъ и тяжело упалъ ничкомъ на землю.

Докторъ немедленно бросился къ нему. Суматоха еще увеличилась топотомъ конскихъ копытъ и голосомъ кузнеца, который кричалъ, чтобы они какъ можно скорѣе спасались отъ надвигавшейся враждебной толпы. Черезъ минуту всѣ въ разсыпную бѣжали съ поляны и, докторъ, оглянувшись, увидѣлъ передъ собой только блѣдное лицо Кольпепера, склонившагося надъ раненымъ.

— Можете вы его спасти?—проговорилъ Кольпеперъ.

— Пока еще не могу ручаться. Поддержите его голову одну минуту, пока я сбѣгаю къ коляскѣ.

Кольпеперъ съ нѣжностью подвелъ руку подъ голову безчувственнаго Джека. Докторъ воротился и принесъ кое-какія возбуждающія снадобья.

— Довольно, мистеръ Старботтль, благодарствуйте, больше ничего не нужно. Совѣтую вамъ убираться отсюда поскорѣе, пока еще не поздно. Я присмотрю за Фолинсби. Что же вы, слышали, что я говорю?

Рука Кольпепера такъ и осталась обвитой вокругъ шеи его недавняго врага, но голова его упала на плечо раненаго. Докторъ взглянулъ на него пристальнѣе и, увидавъ его лицо, наклонился и осторожно приподнялъ его на рукахъ. Онъ разстегнулъ его сюртукъ и жилетъ. Вся рубашка была въ крови, а на груди зіяла пулевая рана навылетъ. Онъ былъ раненъ насмерть первымъ же выстрѣломъ.

Иліада Песчаной Отмели.

Къ девяти часамъ утра по всему селенію, тянувшемуся вдоль рѣчного берега, стало извѣстно, что собственники «Согласнаго Пріиска» на зарѣ поссорились между собою и разстались. Рано утромъ вниманіе ближайшаго ихъ сосѣда было привлечено звуками ихъ голосовъ, слишкомъ громкими въ гнѣвномъ пререканіи, и двумя пистолетными выстрѣлами.

Выбѣжавъ изъ своего жилища, сосѣдъ разсмотрѣлъ туманъ, поднимавшійся съ рѣки, высокую фигуру Скотта, одного изъ собственниковъ, шедшую съ горы внизъ, по направленію къ каньону; спустя минуту и товарищъ его, Іоркъ, также вышелъ изъ ихъ общей хижины и направился въ противоположную сторону, къ рѣкѣ, пройдя въ нѣсколькихъ шагахъ мимо любопытствующаго наблюдателя.

Позже оказалось, что свидѣтелемъ ссоры былъ одинъ китаецъ серьезнаго нрава, пилившій дрова передъ дверью ихъ хижины. Но этотъ «Джонъ» [1]) былъ глупъ, держалъ себя безучастно и былъ неразговорчивъ. На всѣ тревожные разспросы онъ съ неизмѣнной ясностью духа отвѣчалъ:

— Я кололъ дрова, я не дрался,—и больше ничего не могли отъ него добиться.

— Да что они говорили-то, Джонъ, какія слова ты слышалъ?

Джонъ ничего не понялъ. Полковникъ Старботтль бѣгло и отчетливо повторилъ ему длинный рядъ наиболѣе популярныхъ ругательствъ, признаваемыхъ общественнымъ мнѣніемъ достаточными для возбужденія драки. Но Джонъ ни одного изъ нихъ не призналъ за слышанное по утру.

— И такихъ-то скотовъ,—произнесъ полковникъ довольно строго,—по мнѣнію нѣкоторыхъ гражданъ, слѣдуетъ допускать къ показаніямъ противъ бѣлокожихъ!.. Поди прочь... язычникъ!

А причина ссоры такъ и не выяснилась. И было отчего пробудиться тревожному любопытству поселка. Эти двое то-

---

[1]) Обычное прозвище китайцевъ.

варищей всѣмъ были извѣстны, какъ люди самаго любезнаго нрава, отличавшіеся большимъ тактомъ и деликатностью обхожденія, за что ихъ даже прозвали «миротворцами» въ общинѣ, не отличавшейся пассивными добродѣтелями; къ тому же всѣ знали, что они были горячо привязаны другъ къ другу, и вдругъ такъ внезапно и такъ жестоко поссорились!

Нѣкоторыя изъ наиболѣе любознательныхъ согражданъ отправились осмотрѣть мѣсто дѣйствія, то-есть опустѣлое жилище недавнихъ друзей. Въ опрятной хижинѣ не было никакихъ слѣдовъ безпорядочной свалки, все стояло по мѣстамъ. Столъ былъ, очевидно, приготовленъ для завтрака. Сковородка съ желтыми сухарями стояла на очагѣ, потухшая зола котораго могла служить эмблемою злыхъ страстей, бушевавшихъ здѣсь за часъ передъ тѣмъ. Но зоркій глазъ полковника Старботтля (даромъ, что этотъ глазъ былъ довольно красенъ и слезился) таки подмѣтилъ нѣкоторыя практическія подробности. Послѣ тщательнаго обзора выяснилось, что въ дверномъ косякѣ пулей пробита дыра, а другая такая же дыра напротивъ того мѣста, въ оконной рамѣ. Полковникъ обратилъ общее вниманіе на тотъ фактъ, что одна изъ дыръ «соотвѣтствовала» объему дула въ револьверѣ Скотта, а другая совпала съ пистолетомъ Іорка.

— Они, должно-быть, стояли вотъ такъ,—сказалъ полковникъ,занимая позицію,—въ трехъ шагахъ разстоянія другъ отъ друга, и... промахнулись.

Послѣднее слово онъ произнесъ съ пониженіемъ голоса, что произвело надлежащее впечатлѣніе на слушателей; каждый подумалъ: вотъ еще два заряда пропали понапрасну!

Но населенію Песчаной Отмели суждено было пережить еще болѣе горькое разочарованіе. Съ того часа, какъ произошла распря, противники ни разу не встрѣчались, и прошелъ смутный слухъ, будто они порѣшили при первой же встрѣчи застрѣлить другъ друга наповалъ. Поэтому можно себѣ вообразить, съ какимъ волненіемъ и, увы, чуть ли не съ удовольствіемъ сограждане увидѣли, что часовъ около десяти утра Іоркъ вышелъ изъ ресторана «Магнолія» на единственную длинную, извилистую улицу поселка, и въ ту же самую минуту Скоттъ вышелъ изъ кузницы, стоявшей на перекресткѣ: такимъ образомъ, они неминуемо должны были встрѣтиться, если ни одинъ изъ нихъ во-время не воротится назадъ.

Въ одно мгновеніе всѣ двери и окна сосѣднихъ ресторановъ наполнились любопытными. Ни съ того, ни съ сего, изъза крутого спуска къ рѣкѣ, изъ-за камней и валуновъ, раз-

сѣянныхъ вдоль дороги, высунулись головы. Пустая фура, стоявшая на перекресткѣ, внезапно оказалась биткомъ набитой народомъ, точно онъ изъ земли выросъ. По склону холма сбѣгались группы зрителей, перегонявшихъ другъ друга въ безпорядкѣ и смятеніи. Мистеръ Джекъ Гэмлинъ, проѣзжавшій мимо въ кабріолетѣ, придержалъ лошадь и всталъ во весь ростъ на сидѣньѣ своего экипажа. А предметы, возбуждавшіе столь лестное вниманіе, между тѣмъ быстро приближались другъ къ другу.

— Іорку солнце помѣшаетъ, прямо вѣдь въ лицо бьетъ...

— Скоттъ подождетъ, пока онъ поровняется вонъ съ тѣмъ деревомъ... Видите, выжидаетъ, не спѣшитъ стрѣлять,—шептались между собой зрители, сидя въ телѣжкѣ; потомъ всѣ замолкли, притаивъ дыханіе. Но, помимо затихшаго человѣчества, все также звонко журчала и бурлила быстроводная рѣчка, а вѣтеръ шелестилъ вершины деревьевъ, и были они такъ равнодушны къ тому, что происходило на улицѣ, что нарушали общую гармонію. Полковникъ Старботтль, какъ видно, почувствовалъ это съ особой живостью и, будучи вполнѣ поглощенъ интересомъ минуты, по разсѣянности и даже не оборачиваясь, помахалъ палкой у себя за спиной, произнеся по адресу всей природы вообще: «Кишь, ты!»

Между тѣмъ Скоттъ и Іоркъ были ужъ въ нѣсколькихъ футахъ разстоянія другъ отъ друга. Одному изъ нихъ курица перебѣжала дорогу; къ ногамъ другого упало перистое сѣмечко, сорвавшееся съ придорожнаго дерева. Не замѣчая этой ироніи природы, противники сошлись, не убавляя шагу, держась гордо и прямо, взглянули другъ другу въ глаза и прошли мимо!

Полковникъ Старботтль на ногахъ не стоялъ. Пришлось съ посторонней помощью вынимать его изъ телѣги.

— Пропалъ нашъ поселокъ, выдохлись люди!—произнесъ онъ мрачно, пока его подъ руки вводили въ «Магнолію».

Каковы могли быть его дальнѣйшія разсужденія на ту же тему, невозможно угадать, потому что въ эту минуту Скоттъ подошелъ къ кучкѣ людей, группировавшихся вокругъ полковника.

— Вы мнѣ что-то сказали?—промолвилъ Скоттъ, какъ бы случайно и по-пріятельски положивъ руку на плечо полковника.

Но полковникъ ощутилъ въ этомъ прикосновеніи такое грозное значеніе и прочелъ въ его взглядѣ нѣчто такое загадочное, что отвѣтилъ ему только:

— Нѣтъ, сэръ!—и выпрямился съ большимъ достоинствомъ.

На другомъ концѣ улицы Іоркъ повелъ себя также странно.

— Случай былъ отличный; почему вы его не подстрѣлили?—спросилъ Джекъ Гэмлинъ, когда Іоркъ поровнялся съ его кабріолетомъ.

— Потому что я его ненавижу,—отвѣчалъ Іоркъ такъ тихо, что никто, кромѣ Гэмлинъ, не слыхалъ его словъ.

Въ противность общераспространенной молвѣ, онъ не прошипѣлъ этого отвѣта сквозь стиснутые зубы, а произнесъ его самымъ обыкновеннымъ тономъ. Но Джекъ Гэмлинъ былъ тонкій наблюдатель человѣческой натуры и подмѣтилъ, что у Іорка руки были холодныя, а губы пересохшія, въ ту минуту, какъ Джекъ подсаживалъ его въ свой кабріолетъ, усмѣхнувшись на кажущуюся нелѣпость его отвѣта.

Когда поселокъ убѣдился, что ссору между Іоркомъ и Скоттомъ нельзя уладить обычными въ этой мѣстности способами, она перестала интересовать публику. Но тутъ пронесся слухъ, будто «Согласный Пріискъ» попалъ въ тяжебное дѣло и что право собственности на него будетъ оспариваться обоими товарищами, не жалѣя издержекъ. Такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что этотъ пріискъ истощенъ окончательно, что хозяева, успѣвшіе нажить на немъ большое состояніе, не далѣе какъ за два дня до ссоры порѣшили бросить его, было довольно ясно, что подобная тяжба затѣвается единственно по взаимной злобѣ. Черезъ нѣкоторое время изъ Санъ-Франсиско пріѣхали два нарочно выписанные адвоката; какъ только они попали въ эту безхитростную Аркадію, такъ публика начала таскать ихъ по ресторанамъ и, какъ водится, открывать имъ свою душу. Результатомъ такой неумѣстной откровенности было наложеніе побочныхъ штрафовъ на нѣкоторыхъ гражданъ, а когда дѣло о «Согласномъ Пріискѣ» назначено было къ слушанію, то часть населенія Песчаной Отмели отправилась въ Сакраменто на судбище, по обязанности, въ качествѣ свидѣтелей, а остальные устремились туда же изъ любопытства. Всѣ пріиски и рудокопныя шахты опустѣли на многія мили кругомъ. Словомъ, выражаясь словами адвоката со стороны истца, это было «дѣломъ необычайной важности, ибо затрогивало исконныя права неутомимой предпріимчивости, благодаря которой могли получить достодолжное развитіе роскошныя богатства этого золотого края». Полковникъ Старботтль гораздо проще характеризовалъ это дѣло, сказавъ, что это «сущіе пустяки, которые порядочные люди могли бы въ десять минутъ уладить за бутылкой вина, если точно желали бы покончить дѣло; если же имъ желательно было просто позабавить-

ся, то съ револьверомъ въ рукѣ все было бы кончено въ десять секундъ.

Скоттъ выигралъ тяжбу, а Іоркъ тотчасъ подалъ на апелляцію; говорили, будто онъ клялся, что готовъ просадить на это спорное дѣло все свое состояніе.

Такимъ образомъ на Песчаной Отмели увидѣли, что эта распря между бывшими сотоварищами можетъ протянуться до конца ихъ жизни, и ужъ начали позабывать о ихъ прежней дружбѣ. Тѣ немногіе, которые ожидали, что на судѣ выяснится первоначальная причина ихъ ссоры, были разочарованы. Среди разнообразныхъ догадокъ наибольшую популярность пріобрѣло то предположеніе, что все дѣло началось изъ-за женщины или подъ вліяніемъ женщины, что было вполнѣ естественно въ такомъ селеніи, гдѣ къ дамскому полу всегда относились съ оттѣнкомъ восторженности, хотя бы и сомнительнаго качества.

— Попомните мое слово, господа,—говорилъ полковникъ Старботтль, слывшій въ Сакраменто за джентльмена старой школы,—на днѣ всей этой исторіи навѣрное есть какая-нибудь красотка!

И, въ подтвержденіе своей теоріи, храбрый полковникъ начиналъ разсказывать множество скоромныхъ анекдотовъ, на которые джентльмены старой школы бываютъ такіе мастера; но я, во вниманіе къ предразсудкамъ джентльменовъ новѣйшій школы, не стану здѣсь повторять этихъ анекдотовъ. Но на этотъ разъ, повидимому, теорія полковника была не приложима. Единственная женщина, могущая оказать какое-либо вліяніе на этихъ двухъ людей могла быть только хорошенькая дочка старика Фолинсби, изъ Поверти-Флэта, въ гостепріимномъ домѣ котораго и Іоркъ и Скоттъ часто бывали, такъ какъ этотъ домъ отличался нѣкоторыми удобствами и утонченностями, чуждыми грубой цивилизаціи этого края. Мѣсяцъ спустя послѣ распри Іоркъ однажды вечеромъ вошелъ въ гостиную этого очаровательнаго жилища и, заставъ тамъ сидящаго Скотта, обратился къ прелестной хозяйкѣ съ слѣдующимъ рѣзкимъ вопросомъ:

— Вы любите этого человѣка?

Озадаченная молодая дѣвица, нисколько не растерявшись, отвѣтила на это такъ находчиво и въ то же время уклончиво, какъ, вѣроятно, сдѣлали бы многія изъ моихъ прекрасныхъ читательницъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Не сказавъ больше ни слова, Іоркъ повернулся и ушелъ изъ дому. «Миссъ Джо» посмотрѣла ему вслѣдъ, полюбовалась на его кудрявую голову и широкія плечи; когда дверь затворилась за нимъ,

она чуть замѣтно вздохнула и, какъ благонравная дѣвушка, принялась любезничать со своимъ оскорбленнымъ гостемъ.

— Но, повѣрите ли, душа моя,—разсказывала впослѣдствіи миссъ Джо своей самой близкой подругѣ,—этотъ господинъ съ минуту посмотрѣлъ на меня очень свирѣпо, потомъ взялъ шляпу и тоже ушелъ; и съ тѣхъ поръ я ни того, ни другого больше не видала.

Точно такъ же рѣзко и безучастно ко всякимъ другимъ чувствамъ и мнѣніямъ поступали они во всемъ остальномъ, предаваясь исключительно удовлетворенію своей слѣпой мстительности. Когда Іоркъ скупилъ землю пониже новаго участка, пріобрѣтеннаго Скоттомъ, и принудилъ его провести длинный и очень дорого стоющій объѣздный путь, для проведенія воды къ мельничному колесу, Скоттъ отомстилъ ему тѣмъ, что возвелъ плотину, которая затопила участокъ Іорка, прилегающій къ рѣкѣ. Тотъ же Скоттъ, при содѣйствіи полковника Старботтля, впервые подалъ голосъ за изгнаніе китайцевъ изъ края, вслѣдствіе чего Іоркъ лишился всѣхъ своихъ рабочихъ монгольскаго племени. Іоркъ проложилъ новое шоссе и учредилъ почтовое сообщеніе и общественные экипажи, этимъ способомъ уничтоживъ надобность въ мулахъ и обозахъ, заведенныхъ Скоттомъ. Зато Скоттъ способствовалъ образованію «Наблюдательнаго Комитета», который распорядился изгнать изъ поселка Джека Гэмлина, бывшаго съ Іоркомъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Тогда Іоркъ основалъ газету «Вѣстникъ Песчаной Отмели», въ которой обозвалъ это изгнаніе «беззаконіемъ и кровной обидой», а самого Скотта «пограничнымъ разбойникомъ». А Скоттъ, во главѣ двадцати замаскированныхъ молодцовъ, явился въ одну лунную ночь въ типографію, вытащилъ оттуда вредоносныя орудія печати, побросалъ ихъ въ рѣку, а шрифтъ раскидалъ по пыльной дорогѣ. Въ болѣе отдаленныхъ и цивилизованныхъ центрахъ такого рода поступки были принимаемы за смутные признаки возрастающаго прогресса и жизненности. У меня уцѣлѣлъ субботній номеръ еженедѣльнаго листка, издаваемаго въ Повертн-Флэтѣ, отъ 12 августа 1856 г., и тамъ, подъ рубрикой «Областныхъ улучшеній», редакторъ выражается такимъ образомъ:

«Новая пресвитеріанская церковь въ Си-Стритѣ, на Песчаной Отмели, окончена постройкою.—Она помѣщается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде ресторанъ «Манголія», такъ странно и таинственно уничтоженный пожаромъ въ прошломъ іюля мѣсяцѣ. Этотъ храмъ, подобно Фениксу, возродившійся изъ пепла «Магноліи», обязанъ своимъ существованіемъ Генри Дж. Іорку, эсквайру, который добровольно пожертво-

валъ для этой цѣли, и купленный имъ участокъ земли, и строительный матеріалъ. Другія сооруженія быстро вырастаютъ кругомъ, но изъ нихъ самое замѣчательное—ресторанъ «Южнаго Солнца», возведенный капитаномъ М. Скоттомъ почти противъ церкви. Капитанъ Скоттъ не пожалѣлъ денегъ на обстановку этого заведенія, такъ что оно обѣщаетъ быть однимъ изъ пріятнѣйшихъ убѣжищъ въ графствѣ Туолумне. Недавно выписаны туда два новыхъ усовершенствованныхъ билліардныхъ стола съ пробковыми подлокотниками. Нашъ старый пріятель, «Горный Джимми», будетъ исправлять обязанности буфетчика. Просимъ читателей обратить вниманіе на объявленіе объ открытіи этого ресторана, помѣщенное на другомъ столбцѣ настоящей газеты. Для пріѣзжихъ на Песчаную Отмель всего лучше будетъ навѣдаться къ старому знакомому, Джимми».

Распря не прекращалась и росла; и тутъ случилось то же, что мы видѣли на болѣе знаменитыхъ примѣрахъ гражданскихъ несогласій: личная и частная вражда двухъ выдающихся людей постепенно повела къ выдѣленію и развитію общихъ началъ или вѣрованій. Вскорѣ оказалось, что эти самыя вѣрованія (или просто мнѣнія) тождественны съ широкими принципами, положенными въ основаніе американской конституціи, согласно толкованію гражданина А., обладающаго способностями почти государственнаго человѣка; съ другой стороны, гражданинъ Б., со свойственнымъ ему пламеннымъ краснорѣчіемъ, доказывалъ, что эти принципы равносильны подводнымъ камнямъ, о которые государственный корабль рискуетъ разбиться роковымъ образомъ. Практическимъ результатомъ столь разнорѣчивыхъ воззрѣній было то, что Іорка и Скотта выбрали представителями двухъ противоположныхъ партій Песчаной Отмели и захотѣли послать ихъ въ законодательное собраніе.

На эту сессію засѣдать въ Сакраменто поѣхалъ Скоттъ, а Іоркъ отправился за границу; и такимъ образомъ впервые за много лѣтъ ихъ раздѣлило далекое пространство, и они попали въ совершенно различныя атмосферы.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ дилижансъ изъ Повертифлэта подкатилъ къ верандѣ Союзнаго Отеля, что на Песчаной Отмели. Въ числѣ пассажировъ былъ одинъ, повидимому, иностранецъ, судя по фасону платья отъ хорошаго портного и по гладко выбритому лицу, онъ потребовалъ отдѣльную комнату и рано легъ спать. Но на другое утро всталъ до свѣту, досталъ изъ дорожнаго чемодана другое платье и облекся въ бѣлые холщевые штаны, бѣлую холщевую блузу и въ со-

ломенную шляпу. Потомъ надѣлъ себѣ на шею красный фуляровый платокъ, спереди завязалъ его свободнымъ узломъ, а концы распустилъ по плечамъ. Внѣшность его совершенно преобразилась. Когда онъ тихонько спустился съ лѣстницы и вышелъ на дорогу, никто не призналъ бы въ немъ изящнаго иностранца, прибывшаго наканунѣ, и очень немногіе узнали бы въ лицо здѣшняго сторожила, Генри Іорка.

Въ полутьмѣ ранняго утра, при тѣхъ перемѣнахъ, которыя произошли за эти годы въ расположеніи города, ему пришлось пріостановиться и сообразить, въ какую сторону направить свои шаги. Поселокъ Песчаной Отмели прежняго времени помѣщался гораздо ниже, ближе къ рѣкѣ; тѣ постройки, что окружали Іорка въ эту минуту, принадлежали позднѣйшему времени и были совсѣмъ другого фасона. По дорогѣ къ рѣкѣ онъ замѣтилъ тутъ новое зданіе школы, тамъ новую церковь. Немного подальше стоялъ попрежнему ресторанъ «Южное Солнце», но позолота сошла съ него, краска полиняла, и онъ превратился въ обыкновенную харчевню. Зато Іоркъ зналъ теперь, куда итти. Онъ проворно сбѣжалъ съ пригорка, перешелъ черезъ ровъ и остановился у нижней границы «Согласнаго пріиска».

Сѣрый туманъ медленно поднимался съ рѣки, цѣпляясь за вершины деревьевъ, всползалъ вверхъ по склонамъ горъ, забирался въ ущелья, и, захваченный ими подобно жертвѣ, уготованной на закланіе, еще нѣкоторое время держался на этихъ каменистыхъ алтаряхъ, пока восходящее солнце не пожирало его до тла. Внизу вся почва, изрытая, обезображенная давно позабытыми и заброшенными орудіями, съ тѣхъ поръ успѣла обрасти зеленой травкой и теперь благостно улыбалась Іорку, какъ будто простила его и хотѣла показать, что дѣло еще не такъ плохо, какъ онъ думалъ. Какія-то пташки купались въ прорытой старой канавѣ съ такимъ радостнымъ видомъ, будто открыли совершенно новое приспособленіе природы; а заяцъ, испугавшись Іорка, забился подъ вывороченный шлюзный желобъ, точно онъ нарочно для этого былъ тутъ поставленъ.

До сихъ поръ Іоркъ еще не рѣшался взглянуть въ извѣстную сторону. Но солнце успѣло взойти такъ высоко, что озарило и небольшой холмъ, на которомъ стояла хижина. Когда онъ увидѣлъ ее, сердце его забилось сильнѣе, невзирая на все его самообладаніе. Окно и дверь были затворены, изъ глинобитной трубы не вился дымъ, въ другихъ отношеніяхъ все тутъ было постарому. За нѣсколько шаговъ отъ дома онъ поднялъ съ земли сломанную лопату, улыбаясь, взялъ ее на плечо,

подошелъ къ двери и постучался. Изнутри не слыхать было ни звука. Улыбка сбѣжала съ его устъ, и онъ нервнымъ движеніемъ распахнулъ дверь.

Кто-то сердито вскочилъ съ койки и бросился ему навстрѣчу: налитые кровью глаза этого человѣка внезапно выпучились, глядя пристально, но безсмысленно; руки сначала простерлись впередъ, потомъ съ угрожающимъ видомъ поднялись вверхъ,—онъ сталъ задыхаться, давиться, и вдругъ повалился ничкомъ, въ припадкѣ конвульсій.

Но онъ не успѣлъ грохнуться на полъ, потому что Іоркъ подхватилъ его на руки и вытащилъ на вольный воздухъ, на солнце. Произошла борьба, во время которой оба упали на землю. Но черезъ минуту Іоркъ сидѣлъ, держа въ объятіяхъ своего прежняго сотоварища, подпиралъ его голову колѣномъ и отиралъ пѣну съ его безмолвныхъ губъ. Мало-по-малу судорожныя подергиванья утихали, потомъ прекратились, и этотъ сильный человѣкъ лежалъ безъ чувствъ на рукахъ своего стараго друга.

Нѣсколько минутъ Іоркъ сидѣлъ неподвижно, глядя ему въ лицо. Было очень тихо, лишь издали доносился чуть слышный звукъ топора по дереву,—одинъ призракъ звука. Высоко надъ горами парилъ хищный коршунъ, описывая круги надъ ихъ головами. Потомъ раздались человѣческіе голоса, и подошло двое людей.

— Что тутъ, драка была?—спросили они.

— Нѣтъ, припадокъ случился,—отвѣтилъ Іоркъ и попросилъ ихъ помочь ему донести этого больного человѣка до гостиницы.

Цѣлую недѣлю больной товарищъ пролежалъ въ постели, ничего не сознавая и мучась и видѣніями и фантазіями, какія порождали въ немъ болѣзнь и страхъ. На восьмой день, на восходѣ солнца, онъ очнулся, открылъ глаза, взглянулъ на Іорка, пожалъ ему руку, потомъ сказалъ:

— Такъ это ты и есть? А я думалъ, что мнѣ отъ водки чудится

Вмѣсто отвѣта Іоркъ взялъ его за обѣ руки и, съ ласковой улыбкой облокотившись на постель, сталъ по-ребячьи складывать и разводить его руки.

— Ты за границу ѣздилъ, ну, какъ тебѣ понравился Парижъ?

— Такъ себѣ; а тебѣ понравилось въ Сакраменто?

— Скука!

Больше они не придумали что сказать другъ другу. Черезъ нѣкоторое время Скоттъ снова раскрылъ глаза.

— Ужасно я ослабѣлъ,—сказалъ онъ.

— Скоро поправишься.

— Едва ли.

Послѣдовало продолжительное молчаніе, слышно было, какъ на дворѣ рубятъ дрова и начинаются утренніе городскіе звуки.

Скоттъ медленно и съ трудомъ обернулся лицомъ къ Іорку и сказалъ:

— А вѣдь я тогда чуть не убилъ тебя.

— Жаль, что не убилъ.

Они еще разъ пожали другъ другу руки, но рука Скотта замѣтно слабѣла. Онъ постарался собраться съ силами для какой-то важной цѣли и произнесъ:

— Слушай, старина!

— Слушаю, дружище.

— Наклонись ближе.

Іоркъ наклонился къ его потухающему лицу.

— Помнишь то утро?

— Помню

Въ голубыхъ глазахъ Скотта мелькнуло шутливое выраженіе, и, склонившись на пріятеля, онъ проговорилъ чуть слышно:

— Вотъ что, старина... вѣдь въ хлѣбѣ-то все-таки было слишкомъ много соли...

Говорятъ, что это были его послѣднія слова. Когда солнце, столько разъ зоходившее надъ вздорной враждой этихъ двухъ глупыхъ людей, снова взглянуло на нихъ въ это утро, и руки ихъ были на этотъ разъ дружески сжаты, оно увидѣло, что рука Скотта безучастно и холодно выпала изъ рукъ его прежняго товарища, и догадалось, что отнынѣ навѣки кончилась великая распря Песчаной Отмели.

FIRST POPULAR PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, KOUTE PAUL HENRY
ЗНАМЕНЬЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Что случилось на фондѣ 3
Какъ старикъ Пленкетъ съѣздилъ домой. 24
Кто былъ мой тихій другъ 40
Трое бродягъ. 48
Мать пятерыхъ дѣтей. 61
Человѣкъ съ тяжкимъ бременемъ 70
Пастухъ изъ Солано 75
Разсказъ безъ развязки. 81
Чортъ и маклеръ. 86
Романъ въ долинѣ Мардоніо 90
Иліада песчаной отмели 102

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
БРЭТЪ-ГАРТА.

Съ біографическимъ очеркомъ
и портретомъ автора.

Книга VIII.

РОМАНЫ. ▫ ПОВѢСТИ.
РАЗСКАЗЫ.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА. — 1915.

ГЭБРІЕЛЬ КОНРОЙ.

РОМАНЪ.

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА
31, ROUTE PAUL HENRY
SHANGHAI

I.

Снаружи.

Снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ. Снѣгъ всюду, насколько глазъ можетъ видѣть. Онъ наполнилъ на пятьдесять миль къ югу отъ самаго высокаго бѣлаго пика всѣ ущелья и котловины, покрылъ все кругомъ бѣлымъ саваномъ, засыпалъ внизу стволы громадныхъ сосенъ, засыпалъ сплошь сверху молодыя деревья, оправилъ словно въ фарфоровую рамку холодныя зеркальныя озера и далеко, далеко, до самаго горизонта разостлался бѣлыми пушистыми волнами. Онъ лежалъ вездѣ и вновь падалъ съ неба еще и еще. Это было въ Калифорнскихъ Сіеррахъ 15 марта 1848 года.

Вотъ уже десять дней какъ снѣгъ шелъ здѣсь непрерывно, шелъ то сухимъ граненымъ порошкомъ, то большими мягкими хлопьями, то маленькими пушистыми звѣздочками. Падалъ онъ бѣлой волокнистой массой изъ черныхъ свинцовыхъ тучъ, падалъ упорно, но молчаливо. Весь лѣсъ былъ занесенъ снѣгомъ такъ, что деревья какъ будто гнулись подъ его тяжестью. Снѣгъ до такой степени все запушилъ своей непроницаемой пеленой, что заглушалъ всякій звукъ, всякое эхо. Самые сильные порывы вѣтра не производили въ лѣсахъ, засыпанныхъ снѣгомъ, ни малѣйшаго стона, какъ это бываетъ при другихъ условіяхъ. Не трещали вѣтви, не хрустѣлъ валежникъ. Сгибаясь подъ массой снѣга, сучья сосенъ и елей иногда отрывались и падали, но въ полномъ безмолвіи. Стояла кругомъ безграничная, неизмѣримая тишь.

Пейзажъ былъ мертвый, безъ малѣйшаго признака жизни. Вверху не было переливовъ свѣта и тѣней; только порою ночь дѣлалась еще темнѣе, а вьюга еще мрачнѣе. Внизу надъ безграничнымъ бѣлымъ пространствомъ не пролетала ни одна птица, на опушкѣ черныхъ лѣсовъ не показывался ни одинъ звѣрь. Все живое давно бѣжало отсюда въ нижнія долины. Нигдѣ не было видно ни единаго слѣда. Бѣлый покровъ лежалъ дѣвственный. незапятнанный ничѣмъ.

Тѣмъ не менѣе, среди этой мрачной пустыни, видны были признаки человѣческой работы.

У входа въ ущелье были повалены срубленныя деревья, слегка прикрытыя снѣгомъ. Повидимому, они служили для указанія большой сосны, на которой топоромъ была вырѣзана рука, обращенная къ ущелью. Подъ рукой былъ прибитъ гвоздями полотняный лоскутъ съ такою надписью:

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

«Партія эмигрантовъ капитана Конроя заплуталась среди снѣговъ и укрывается въ этомъ ущельѣ. Припасовъ нѣтъ. Партія умираетъ съ голода.

«Вышли изъ Сентъ-Джо 8 октября 1847 г.

«Вышли изъ Соленаго Озера 1 января 1848 г.

«Сюда прибыли 1 марта 1848 г.

«Потеряли половину вещей на Платтѣ.

«Пришли фургоны 20 февраля.

«*Помогите!*»

НАСЪ ЗОВУТЪ:

Даніель Мэкъ-Кармикъ.
Питеръ Думфи.
Поль Деваржъ.
Грэсъ Конрой.
Олимпія Конрой.
Джени Бракетъ.
Гэбріель Конрой.
Джонъ Уокеръ.
Генри Марчъ.
Филиппъ Ашлей.
Мэри Думфи.

Приписано мелкими буквами карандашемъ:

«Мэри умерла 8 ноября, Сладкій Ручей.

«Минни умерла 1 декабря, Ущелье Эхо.

«Даніель умеръ 2 января, Соленое озеро.

«Джемсъ Бракетъ пропалъ 3 февраля.

«*Помогите!*».

Языкъ страданій никогда не содержитъ въ себѣ художественныхъ красотъ, но я думаю, что еслибы эту лѣтопись фактовъ украсить всѣми цвѣтами риторики, то она не сдѣлалась бы отъ этого краснорѣчивѣе. Вслѣдствіе этого я привелъ ее здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась 14 марта 1848 г.,

покрытая слоемъ мокраго снѣга, подъ грубо нарисованной бѣлой рукой, указывавшей на роковое ущелье.

Къ полудню мятель немного утихла, и небо чуть-чуть прояснилось съ востока. Вдали неясно выступили мрачныя очертанія какихъ-то горъ, а вблизи заблестѣла бѣлая отвѣсная стѣна утеса. Вдоль стѣнъ вдругъ задвигалось что-то черное, по въ такихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, что совершенно нельзя было опредѣлить—звѣрь это или человѣкъ. Черный предметъ то ползъ на четверенькахъ, то шелъ выпрямившись въ ростъ, но при этомъ спотыкался, какъ будто былъ пьянъ. Однако видно было, что онъ идетъ по опредѣленному направленію—къ ущелью.

Наконецъ, стало ясно, что это былъ человѣкъ, изнуренный, испитой, въ лохмотьяхъ и въ изорванной буйловой шкурѣ, но все же человѣкъ и очень рѣшительный. Это былъ юноша, несмотря на его согнутую спину и дрожащія ноги, на преждевременныя морщины, избороздившія его чело, благодаря страданіямъ и заботамъ, несмотря на выраженіе дикой мизантропіи, прямое слѣдствіе страданій и голода.

Достигнувъ дерева, при входѣ въ ущелье, онъ смахнулъ слой снѣга съ полотнянаго объявленія и прислонился въ изнеможеніи къ рукѣ, указывавшей путь. Въ его отчаянной позѣ было что-то, доказывавшее гораздо яснѣе и патетичнѣе его лица и фигуры совершенное изнеможеніе юноши, хотя не было никакой видимой къ тому причины. Отдохнувъ немного, онъ продолжалъ свой путь съ судорожной энергіей, спотыкаясь, падая, нагибаясь, чтобъ поправить грубые башмаки изъ сосновой коры, гостоянно сваливавшіеся съ его ногъ; но все же онъ подвигался впередъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ человѣка, сомнѣвающагося даже въ своей силѣ воли.

На разстояніи мили отъ дерева ущелье суживалось и постепенно повертывало къ югу; тутъ виднѣлся тонкій клубъ дыма, какъ бы выходившій изъ какого-то отверстія въ снѣгу. Нѣсколько далѣе показались слѣды шаговъ, и усталый путникъ остановился или, лучше сказать, прилегъ къ небольшому сугробу, изъ котораго выходилъ дымъ. Въ этой снѣжной пещерѣ было отверстіе и, наклоняясь къ нему, онъ нарушилъ окружающую тишину слабымъ крикомъ. Изнутри отвѣчали такими же, но еще менѣе слышными звуками. Черезъ минуту въ отверстіи показалось лицо и потомъ цѣлая фигура, такая же изнуренная и оборванная; затѣмъ другая, третья и, наконецъ, восемь человѣческихъ существъ, мужчинъ и женщинъ, окружили его, ползая въ снѣгу, какъ животныя и, какъ животныя же, потерявъ всякое чувство стыда и приличія.

Всѣ они были такъ несчастны, такъ безпомощны, блѣдны, изнурены, такъ жалки, словно это были не человѣческія существа, а какіе-то остатки человѣческихъ существъ. При видѣ ихъ невольно на глазахъ навертывались слезы. Но, съ другой стороны, они были такъ дики, глупы, безсмысленны и смѣшны въ своихъ животныхъ проявленіяхъ, что невольная улыбка просилась на уста. Первоначально принадлежа къ тому общественному классу сельскаго люда, у котораго самоуваженіе основывается больше на внѣшней обстановкѣ, чѣмъ на индивидуальной, нравственной или умственной силѣ, они потеряли въ общихъ страданіяхъ всякое чувство стыда и не могли ничѣмъ замѣнить удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, въ чемъ имъ теперь отказывала судьба. Они были дѣти безъ дѣтскаго самолюбія и соревнованія; они были люди безъ человѣческаго достоинства и простоты. Все, что возвышало ихъ надъ уровнемъ животныхъ, пропало въ снѣгу. Даже исчезло различіе половъ: шестидесятилѣтняя старуха ссорилась, бранилась и дралась такъ же грубо и дико, какъ любой мужчина, а золотушный юноша вздыхалъ, плакалъ и падалъ въ обморокъ, какъ женщина. Всѣ эти существа такъ глубоко пали, что утомленный путникъ, вызвавшій ихъ изъ нѣдръ земли, казалось, принадлежалъ къ другой расѣ, несмотря на свои лохмотья и мрачную меланхолію.

Всѣ они были слабы и безпомощны; но одна изъ женщинъ, повидимому, совершенно потеряла разсудокъ. Она держала на рукахъ свернутое дѣтское одѣяло и укачивала его, какъ ребенка, не сознавая, что настоящее ея дѣтище умерло съ голоду нѣсколько дней тому назадъ. Но еще грустнѣе былъ тотъ фактъ, что никто изъ товарищей не обращалъ вниманія на ея безуміе. Когда она, спустя нѣсколько минутъ послѣ выхода изъ подземнаго жилища, просила не шумѣть, чтобъ не разбудить ея ребенка, всѣ бросили на нее равнодушный взглядъ и продолжали шумѣть. Только одинъ изъ мужчинъ, рыжій, посмотрѣлъ на нее дико, жестоко, но потомъ какъ бы забылъ объ ея присутствіи и принялся за свое прежнее занятіе—жеваніе буйволовой шкуры.

Возвратившійся путникъ перевелъ дыханіе и медленно произнесъ:

— Ничего.

— Ничего,—повторили хоромъ всѣ присутствующіе, но съ различнымъ выраженіемъ въ голосѣ.

Одинъ произнесъ это слово гнѣвно, другой мрачно, третій глупо, четвертый безсознательно. Женщина съ мнимымъ ребенкомъ сказала со смѣхомъ, обращаясь къ своей ношѣ:

— Слышишь, онъ говоритъ ничего.

— Да, ничего,—отвѣтилъ пришлецъ,—вчерашній снѣгъ занесъ старую тропу. Маякъ на вершинѣ весь выгорѣлъ. Я поставилъ объявленіе на перепутьѣ. Посмѣй это сдѣлать опять, Думфи,—прибавилъ онъ,—и я снесу твою проклятую голову.

Думфи, рыжій мужчина, жевавшій буйволовую шкуру, грубо толкнулъ и ударилъ женщину съ мнимымъ ребенкомъ; она была его жена, и, быть-можетъ, онъ это сдѣлалъ по привычкѣ. Она, повидимому, не обратила никакого вниманія на ударъ и, подкравшись къ прибывшему юношѣ, сказала:

— Такъ завтра!

— Завтра навѣрно,—произнесъ онъ, давая свой обычный отвѣтъ на всѣ подобные вопросы въ теченіе послѣднихъ восьми дней.

Несчастная послѣ этого удалилась въ отверстіе снѣжнаго сугроба, нѣжно прижимая свою ношу.

— Вы, кажется, не очень-то заботитесь о насъ,—произнесла другая женщина грубымъ, рѣзкимъ голосомъ, похожимъ на лай собаки,—отъ васъ толку мало. Отчего вы,—прибавила она, обращаясь къ товарищамъ,—не займете его мѣсто? Зачѣмъ вы довѣряете этому Ашлею свою и нашу жизнь?

Золотушный молодой человѣкъ бросилъ на нее дикій взглядъ и, словно боясь, что его вовлекутъ въ разговоръ, поспѣшно удалился вслѣдъ за миссрисъ Думфи.

Ашлей пожалъ плечами и произнесъ, отвѣчая скорѣе всей группѣ, чѣмъ одной личности.

— Для насъ всѣхъ одинъ путь спасенія. Вы его знаете. Оставаться здѣсь—смерть; что бы насъ ни ожидало въ пути, все будетъ лучше этого.

Онъ всталъ и медленно пошелъ по ущелью къ другому снѣжному сугробу, виднѣвшемуся нѣсколько поодаль. Когда онъ скрылся изъ глазъ, оставшіеся товарищи гнѣвно заговорили:

— Пошелъ къ старому доктору и къ дѣвченкѣ, а о насъ и не думаетъ.

— Они—лишніе въ нашей партіи.

— Да, сумасшедшій докторъ и Ашлей

— Я говорила тогда же, какъ мы его подобрали, что изъ этого не будетъ добра.

— Но капитанъ пригласилъ въ нашу партію стараго доктора и взялъ всѣ его запасы въ Сладкомъ Ручьѣ; Ашлей также вложилъ въ общую массу всю свою провизію.

Послѣднія слова произнесъ Мак-Кармикъ. Онъ былъ голоденъ, но не потерялъ еще разсудка, и въ глубинѣ его хотя и отуманенаго сознанія скрывалась еще доля справедливости. Къ

тому же, онъ помнилъ съ сожалѣніемъ, какую отличную пищу доставилъ имъ Ашлей.

— Такъ что же!—воскликнула миссисъ Бракетъ. — За то онъ принесъ намъ несчастье. Мой мужъ умеръ, а этотъ чужой сорванецъ живетъ.

Ея голосъ совершенно былъ мужской, но логика чисто-женская, которая часто дѣйствуетъ на людей при совершенномъ упадкѣ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Всѣ товарищи согласились съ нею и почти въ одинъ голосъ сказали:

— Чортъ его возьми!

— Что же дѣлать?

— Если бы я была мужчина, то знала бы что дѣлать

— Убить его?

— Да, и...

Миссисъ Бракетъ окончила эту фразу конфиденціальнымъ шепотомъ на ухо Думфи, послѣ чего они оба сидѣли, молча, качая головою, какъ уродливые китайскіе идолы.

— Посмотрите, какой онъ сильный, а вѣдь не рабочій человѣкъ, какъ мы, — произнесъ, наконецъ, Думфи. — Я никогда не повѣрю, чтобы онъ не имѣлъ постоянной...

— Чего?

— Пищи.

Невозможно выразить неимовѣрную энергію, съ которой онъ произнесъ это слово. Наступило тревожное молчаніе

— Пойдемъ и посмотримъ.

— И убьемъ его,—прибавила нѣжная миссисъ Бракетъ.

Они всѣ отправились съ лихорадочной энергіей, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упали на снѣгъ. Даже и тогда они не почувствовали стыда, что рѣшились на такое дѣло. Все-таки они остановились, всѣ кромѣ Думфи.

— О какомъ снѣ вы только что говорили?—спросилъ Мэкъ-Кармикъ, садясь на снѣгъ и равнодушно отказываясь отъ задуманнаго предпріятія.

— О вкусномъ обѣдѣ въ Сентъ-Джо?—спросилъ мистеръ Марчъ, къ которому относились эти слова.

Онъ отличался чрезвычайно живымъ воображеніемъ на счетъ кулинарнаго искусства, что составляло счастье и мученье его товарищей.

— Да.

Всѣ окружили Мэкъ-Кармика; даже Думфи остановился.

— Вотъ видите,—сказалъ Марчъ,—обѣдъ начался съ бифстекса, знаете, такого сочнаго, съ подливкой и печенымъ картофелемъ, съ подливкой и печенымъ картофелемъ,—повторилъ онъ, видя, что отъ его разсказа слюнки текли у слушателей.

— Вы прежде сказали, что картофель былъ жареный и такой жирный, что масло текло, — произнесла миссисъ Бракетъ.

— Кто любитъ жареный картофель—для того былъ и жареный, а печеный съ кожей сытнѣе. Потомъ были сосиски, кофе, пышки.

При этомъ магическомъ словѣ всѣ какъ-то дико засмѣялись.

— Продолжайте! продолжайте!

— И пышки.

— Вы ужъ это разсказывали! — воскликнула миссисъ Бракетъ неистовымъ голосомъ.—Продолжайте, чортово отродье!

Разсказчикъ, видя свое опасное положеніе, сталъ искать глазами Думфи, но тотъ уже исчезъ.

II.

Внутри.

Жилье, куда спустился Ашлей, находилось подъ слоемъ снѣга, на подобіе гренландскаго «шлука». Скорѣе случайно, чѣмъ намѣренно, оно приняло этотъ полярный видъ. По мѣрѣ того, какъ снѣгъ засыпалъ стѣнки шалаша и окружалъ его со всѣхъ сторонъ бѣлымъ валомъ, и силы изнуренныхъ обитателей ежедневно уменьшались, сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ поддерживалось только черезъ одно узкое отверстіе. Конечно, воздуха въ этомъ жилищѣ было очень мало и духота достигала ужасающихъ размѣровъ, но въ немъ было тепло, а теплота для ослабѣвшихъ, малокровныхъ обителей была гораздо важнѣе свѣта и воздуха.

Въ печкѣ съ деревянной трубой тлѣло нѣсколько полѣнъ, бросая вокругъ мерцающій свѣтъ. Подлѣ, на полу, лежали четыре фигуры: молодая женщина съ ребенкомъ трехъ или четырехъ лѣтъ, завернутые въ одно одѣяло, а немного подалѣе двое мужчинъ, свернувшіеся отдѣльно. Всѣ они лежали такъ неподвижно и спали такимъ тяжелымъ сномъ, что ихъ можно было принять за мертвецовъ.

Быть-можетъ, подобная мысль вошла въ голову Ашлея, и, послѣ минутнаго колебанія, онъ молча опустился на колѣни передъ молодой женщиной и положилъ руку ей на лобъ. Какъ ни легко было это прикосновеніе, оно разбудило спящую. Ужъ не знаю, какая магнитическая сила скрывалась въ этомъ прикосновеніи, но молодая женщина схватила руку Ашлея и, не открывъ еще глазъ, промолвила:

— Филиппъ!

— Тише, Грэсъ.

Взявъ ея руку, онъ нѣжно поцѣловалъ и указалъ пальцемъ на остальныхъ спавшихъ.

— Вы вернулись,—шопотомъ произнесла она, пожирая глазами Ашлея, и слабая улыбка, освѣтившая ея лицо, ясно доказывала, что этотъ фактъ былъ для нея важнѣе всѣхъ остальныхъ,—я видѣла васъ во снѣ, Филиппъ.

— Милая Грэсъ,—отвѣчалъ онъ, снова цѣлуя ея руку,—выслушайте меня, голубушка. Я принесъ все ту же мрачную вѣсть: нѣтъ ни откуда помощи. Я убѣжденъ, Грэсъ,—продолжалъ онъ такъ тихо, что его слова могли быть понятны только напряженному слуху молодой дѣвушки,—что мы очень уклонились на югъ отъ проложенной тропы. Только чудо или несчастье, подобное нашему, можетъ привести въ эту сторону другую партію. Мы одни и безпомощны въ невѣдомой мѣстности, которую покинули даже дикари и звѣри. Мы можемъ разсчитывать только на нашу общую самопомощь, а вы знаете не хуже меня, какъ на нее можно положиться,—прибавилъ онъ, бросая циническій взглядъ на спящихъ.

Молодая дѣвушка молча пожала ему руку, какъ бы сознавая справедливость его упрека.

— У насъ, какъ у партіи, нѣтъ никакой силы, никакой дисциплины,—продолжалъ онъ.—Со смерти вашего отца, у насъ нѣтъ предводителя; я знаю, что вы хотите сказать Грэсъ,—прибавилъ онъ, отвѣчая на краснорѣчивый знакъ ея руки,—но если бы я уже и былъ способенъ предводительствовать, то никто меня не послушаетъ. Быть-можетъ, оно и лучше. Если мы останемся всѣ вмѣстѣ, то величайшая для насъ опасность будетъ въ н а с ъ с а м и х ъ.

Онъ взглянулъ на нее пристально, но она, очевидно, не поняла значенія этого взгляда.

— Грэсъ,—произнесъ онъ съ отчаяніемъ,—люди, умирающіе съ голоду, способны на всякую жертву, на всякое преступленіе, чтобы только сохранить драгоцѣнную имъ жизнь. Вы читали въ книгахъ... Грэсъ! Боже мой! что съ вами?

Хотя бы она не читала въ книгахъ того, на что намекалъ Ашлей, но смыслъ его словъ она могла прочесть въ эту самую минуту въ ужасномъ лицѣ, внезапно показавшемся въ полурастворенной двери: столько было дикой жестокости и звѣрской кровожадности въ искаженныхъ голодомъ чертахъ знакомаго ей лица Думфи. Но женскій тактъ подсказалъ ей тотчасъ, что не слѣдовало обнаруживать настоящей причины ея испуга, и, опустивъ голову на плечо Филиппа, она шопотомъ промолвила:

— Я понимаю.

Когда она снова подняла голову, то ужасное видѣніе уже исчезло.

— Довольно,—продолжалъ Ашлей,—я не хочу васъ пугать, Грэсъ, а только указываю на то, чего мы должны постараться избѣжать, пока у насъ есть еще силы. Вы знаете, что у насъ одинъ путь къ спасенію, правда, отчаянный, но, вѣдь, не менѣе страшно оставаться здѣсь и ждать вѣрной погибели. Спрашиваю васъ снова, хотите вы бѣжать со мною? Когда я вамъ это впервые предложилъ, то самъ сомнѣвался въ успѣхѣ, но теперь я изслѣдовалъ всю окрестную мѣстность. Бѣгство — в о з м о ж н о. Я больше ничего не говорю.

— А сестра и братъ?

— Ребенокъ былъ бы для насъ только помѣхой, если бы и выдержалъ всѣ трудности пути, а вашъ братъ долженъ остаться съ нимъ; бѣдной дѣвочкѣ необходимы остающіяся въ немъ силы и непреодолимая бодрость. Нѣтъ, Грэсъ, мы должны итти одни. Если мы спасемся, то и ихъ спасемъ. У нихъ хватитъ силъ подождать помощи, которую мы имъ пришлемъ; но они погибли бы, отправившись съ нами. Я ушелъ бы одинъ, но, милая Грэсъ, я не могу васъ здѣсь оставить.

— Я умру, если вы меня броситe,—сказала просто Грэсъ.

— Я знаю,—отвѣчалъ также просто Ашлей.

— Да развѣ мы не можемъ подождать еще немного? Помощь можетъ явиться завтра, всякую минуту.

— Завтра мы будемъ слабѣе; я не могу разсчитывать на наши силы, если мы не уйдемъ сегодня.

— А старикъ докторъ?

— Онъ вскорѣ не будетъ нуждаться ни въ какой помощи,— отвѣчалъ грустно Ашлей,—шш!.. онъ шевелится.

Дѣйствительно, одна изъ человѣческихъ фигуръ, лежавшихъ на полу, повернулась; Филиппъ, подойдя къ печкѣ, помѣшалъ въ ней. Разгорѣвшееся пламя освѣтило испитое лицо старика, смотрѣвшаго на юношу лихорадочно-пристальнымъ взглядомъ.

— Что вы дѣлаете съ огнемъ?—спросилъ онъ недовольнымъ тономъ и съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ.

— Мѣшаю.

— Оставьте.

Филиппъ отошелъ въ сторону.

— Подите сюда,—произнесъ старикъ.

Филиппъ подошелъ.

— Вамъ нечего мнѣ разсказывать,—сказалъ старикъ послѣ минутнаго молчанія,—я читаю на вашемъ лицѣ все ту же прежнюю вѣсть.

— Такъ что же?—спросилъ Филиппъ.

— Ничего.

Филиппъ снова отошелъ.

— Вы закопали ящикъ и бумаги?

— Да.

— Въ землѣ подъ снѣгомъ?

— Да.

— Вѣрно?

— Вѣрно.

— Чѣмъ вы обозначили мѣсто?

— Грудой камней.

— А объявленія выставили на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ?

— Я прибилъ ихъ всюду, гдѣ только могъ, близъ старой тропы.

— Хорошо.

Филиппъ отвернулся отъ старика съ цинической улыбкой и пошелъ къ дверямъ, но тотчасъ вернулся и, вынувъ изъ-за пазухи завядшій цвѣтокъ, подалъ его доктору.

— Я нашелъ дубликатъ растенія, котораго вы искали,— сказалъ онъ.

Старикъ съ необыкновенной живостью привсталъ и, схвативъ цвѣтокъ, сталъ внимательно его разсматривать.

— Да, это то самое,—произнесъ онъ съ видимой радостью,—а вы сказали, что нѣтъ извѣстій.

— Что же означаетъ этотъ цвѣтокъ?—сказалъ Филиппъ.

— Онъ доказываетъ, что я правъ, а Линней, Дарвинъ и Эшенгольцъ ошибаются. Это—важное открытіе. То, что вы называете альпійскимъ цвѣткомъ, есть совершенно новый видъ.

— Нечего сказать—важный фактъ для людей, умирающихъ съ голода!—замѣтилъ съ горечью Филиппъ.

— Да, это—важное открытіе,—продолжалъ старикъ, не обращая вниманія на слова юноши,—цвѣтокъ этотъ не можетъ развиться въ странѣ вѣчныхъ снѣговъ; значитъ, онъ выросъ на теплой почвѣ, подъ солнечными лучами; значитъ, черезъ два мѣсяца тамъ, гдѣ вы его нашли, здѣсь, гдѣ мы теперь лежимъ, будетъ роскошная трава. Мы находимся ниже линіи вѣчныхъ снѣговъ.

— Черезъ два мѣсяца! — воскликнула молодая дѣвушка, всплеснувъ руками.

— Черезъ два мѣсяца,—произнесъ съ горечью Ашлей,—мы будемъ далеко отсюда или въ могилѣ.

— По всей вѣроятности,—отвѣчалъ холодно старикъ,—но если вы исполнили мою просьбу относительно моихъ коллекцій и бумагъ, то онѣ будутъ во-время спасены

Ашлей нетерпѣливо махнулъ рукой и, подъ предлогомъ приласкать ребенка, нагнулся къ Грэсъ и сказалъ ей на ухо нѣсколько словъ, потомъ быстро исчезъ за дверью. Старикъ безпомощно опустилъ голову на грудь и молчалъ нѣсколько минутъ.

— Грэсъ,—произнесъ онъ, наконецъ.

— Докторъ Деваржъ?

— Подите сюда.

Она встала и приблизилась къ нему.

— Зачѣмъ онъ мѣшалъ огонь?—спросилъ старикъ, смотря съ подозрѣніемъ вокругъ себя.

— Не знаю.

— Вы ему говорите все; вы сказали и это?

— Нѣтъ.

Деваржъ пристально посмотрѣлъ на молодую дѣвушку, какъ бы желая проникнуть въ глубину ея сердца, и, успокоившись, прибавилъ:

— Выньте изъ огня и дайте ему остыть въ снѣгу.

Грэсъ помѣшала въ печкѣ и вытащила изъ золы, съ помощью двухъ щепокъ, небольшой блестящій камень, раскаленный до бѣла, величиною съ яйцо. Потомъ она вынесла его за дверь, положила въ снѣгъ и возвратилась къ старику.

— Грэсъ?

— Сэръ?

— Вы уходите?

Грэсъ ничего не отвѣчала.

— Не отрицайте, я все слышалъ. Быть-можетъ, это—лучшее, что вы можете теперь сдѣлать, но, во всякомъ случаѣ, къ добру это или къ худу, только вы съ нимъ уйдете. Но, Грэсъ, знаете ли вы, что это за человѣкъ?

Ни ежедневныя столкновенія, ни равенство всѣхъ передъ голодомъ, ни близость смерти не уничтожили въ Грэсъ женскаго инстинкта. Она тотчасъ встала въ оборонительное положеніе и начала парировать удары умирающаго.

— Я знаю о немъ то же, что мы всѣ: это—добрый, истинный другъ, не эгоистъ, а человѣкъ, мужеству и находчивости котораго мы столькимъ обязаны.

— Гм! еще что?

— Больше ничего; но вѣдь это вы его привели къ намъ,—отвѣчала съ нѣкоторой хитростью молодая дѣвушка,—и онъ всегда былъ вашимъ преданнымъ другомъ. Я полагала, что и вы—его другъ.

— Я его подобралъ у Сладкаго Ручья, больше я ничего не знаю. Но онъ что вамъ разсказывалъ о своемъ прошедшемъ?

— Онъ убѣжалъ отъ злого вотчима и родственниковъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ. Онъ явился на Западъ, желая поселиться между индѣйцами или составить себѣ состояніе въ Орегонѣ. Онъ очень гордъ, вы его знаете, сэръ, и, какъ вы, нисколько на насъ не похожъ. Онъ — джентльменъ и человѣкъ образованный.

— Да, это здѣсь называютъ образованіемъ,—промолвилъ Деваржъ,—а онъ не знаетъ разницы между лепестками и тычинками. Ну, что же, обѣщаетъ онъ жениться на васъ, когда вы убѣжите вмѣстѣ?

На минуту молодая дѣвушка выдала себя, и густой румянецъ покрылъ ея щеки, но тотчасъ она оправилась.

— О, сэръ,—нѣжно сказала юная лицемѣрка,—какъ можете вы шутить въ такую минуту? Жизнь моего милаго брата и сестры, жизнь несчастныхъ женщинъ въ сосѣднемъ шалашѣ зависитъ отъ нашего бѣгства. Мы оба—единственные здѣсь люди, имѣющіе достаточно силъ, чтобы перенести такой тяжелый путь. Я могу ему помочь, и для поддержанія моихъ силъ требуется меньше, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ. Я убѣждена, что мы успѣемъ въ своемъ предпріятіи и вскорѣ явимся съ помощью. О, сэръ, теперь не время шутить, когда жизнь всѣхъ и, между прочимъ, ваша виситъ на волоскѣ!

— Моя жизнь,—отвѣчалъ старикъ спокойно,—уже давно проиграна. Задолго до вашего возвращенія, если вы когда-нибудь вернетесь, я навѣки успокоюсь.

Лицо его исказилось страданіями, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ собирался съ силами, чтобы произнести слово.

— Грэсъ,—сказалъ онъ, наконецъ, болѣе слабымъ, невнятнымъ голосомъ,—подойдите поближе, я хочу вамъ кое-что сказать.

Грэсъ колебалась; ей вдругъ стало страшно смотрѣть на умирающаго старика, и она взглянула на спящаго брата.

— Онъ не проснется,—сказалъ Деваржъ, слѣдя за движеніемъ ея глазъ,—успокоительное средство еще не потеряло своей силы. Принесите мнѣ то, что вы вынули изъ огня.

Грэсъ вышла за дверь и возвратилась съ камнемъ. Это былъ кусокъ синевато-сѣраго шлака. Старикъ взялъ его въ руки, пристально осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и сказалъ тихо:

— Потрите его объ одѣяло.

Грэсъ исполнила его желаніе, и черезъ нѣсколько минутъ полированная поверхность камня получила бѣловатый блескъ.

— Это похоже на серебро,—сказала Грэсъ, сомнительно качая головой.

— Это настоящее серебро,—отвѣчалъ докторъ Деваржъ.

Грэсъ поспѣшно положила камень подлѣ старика и отошла въ сторону.

— Возьмите его, онъ—вашъ,—сказалъ старикъ,—я нашелъ его годъ тому назадъ въ горномъ кряжѣ, далеко на западъ отсюда. Я знаю, гдѣ его много скрыто въ синеватомъ камнѣ, похожемъ на тотъ, который вы вчера положили въ огонь. Я вамъ скажу, гдѣ и какъ его найти. Грэсъ, это — цѣлое состояніе; оно—ваше. Я отдаю вамъ право на мое открытіе.

— Нѣтъ, нѣтъ!—произнесла молодая дѣвушка поспѣшно,— оставьте это богатство себѣ. Вы не умрете и имъ воспользуетесь.

— Нѣтъ, Грэсъ, даже, если бы я не умеръ, то никогда имъ не воспользуюсь. Я въ своей жизни испыталъ все, знаю, что богатство не приноситъ счастья. Оно въ моихъ глазахъ не имѣетъ никакой цѣны; послѣдняя былинка для меня дороже этого серебра. Но вы его возьмите. Для свѣта оно—все; оно сдѣлаетъ васъ столь же гордой и независимой, какъ вашъ возлюбленный, оно придастъ вамъ вѣчную прелесть въ его глазахъ. Оно будетъ оправой вашей красоты и пьедесталомъ вашей добродѣтели. Возьмите его, оно—ваше.

— Но у васъ есть родственники, друзья,—отвѣчала молодая дѣвушка, отворачиваясь съ суевѣрнымъ страхомъ отъ блестящаго камня,—другіе имѣютъ право...

— Никто больше васъ не имѣетъ права на мое наслѣдство,— перебилъ ее старикъ съ нервной поспѣшностью человѣка, боящагося, что у него недостанетъ силъ выговорить все, что нужно, — примите это, если угодно, за награду или за подкупъ вашего возлюбленнаго, съ цѣлью заставить его исполнить свое обѣщаніе и сохранить мои коллекціи и рукописи. Смотрите на это, какъ на позднее раскаяніе старика, знавшаго въ своей жизни молодую дѣвушку, для которой подобное состояніе было бы спасеніемъ. Смотрите на это, какъ хотите, но только возьмите.

Голосъ его до такой степени ослабѣлъ, что онъ произносилъ слова шопотомъ. Сѣроватая блѣдность покрыла его лицо, и онъ едва переводилъ дыханіе. Грэсъ хотѣла кликнуть брата, но Деваржъ остановилъ ее движеніемъ руки. Съ неимовѣрнымъ усиліемъ онъ приподнялся на локтѣ и, вынувъ изъ-за пазухи пакетъ, положилъ его въ руку молодой дѣвушки.

— Тутъ,—прошепталъ онъ,—карта... описаніе руды и мѣстности... все ваше... скажите, что вы согласны... скажите, Грэсъ, скорѣе...

Голова его опустилась на полъ. Грэсъ нагнулась, чтобы ее приподнять, но въ эту минуту какая-то тѣнь мелькнула въ отверстіи двери. Она быстро подняла глаза и увидала страшное

лицо Думфи. На этотъ разъ она не отскочила, а, инстиктивно обращаясь къ Деваржу, сказала: «я согласна».

Потомъ она бросила вызывающій взглядъ на дверь, но тамъ уже никого не было.

— Благодарствуйте,—сказалъ старикъ; губы его продолжали шевелиться, но уже не издавали никакого звука.

— Докторъ Деваржъ!—шопотомъ произнесла Грэсъ.

Онъ ничего не отвѣчалъ, и глаза его какъ-то странно померкли.

— Онъ умираетъ—подумала молодая дѣвушка со страхомъ и быстро пошла къ спящему брату.

Съ минуту она его старалась разбудить, толкая въ бокъ, но онъ только тяжело дышалъ и, несмотря на всѣ ея усилія, не открылъ глазъ. Тогда она бросилась къ двери и воскликнула: «Филиппъ!»

Не получивъ никакого отвѣта, она высунулась въ отверстіе, служившее входомъ въ подземное жилище. Было уже совершенно темно и въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было ничего разглядѣть. Она бросила поспѣшный взглядъ на внутренность шалаша и, съ отчаяніемъ махнувъ рукою, исчезла во мракѣ.

Въ ту же минуту двѣ человѣческія фигуры приподнялись изъ-за снѣжнаго сугроба и быстро проникли въ подземное жилище. Это были миссисъ Бракетъ и Думфи. Какъ дикіе, хищные звѣри они проворно, ловко, но боязливо крадучись, обшарили всѣ углы, то пробираясь на четверенькахъ, то выпрямляясь во весь ростъ. Въ своей кровожадной поспѣшности они натыкались другъ на друга, злобно плевали другъ другу въ лицо отъ безпомощной ярости. Они рылись въ каждомъ углу, перебирали звѣриныя шкуры и одѣяла, шарили въ золѣ; все трогали, все обнюхивали. Наконецъ, они остановились въ своихъ безуспѣшныхъ поискахъ и посмотрѣли другъ на друга сверкающими глазами.

— Проклятые, они вѣрно съѣли,—произнесла миссисъ Бракетъ глухимъ шопотомъ.

— Не похоже это на пищу —замѣтилъ Думфи.

— Вы видѣли, какъ они вынули изъ огня?

— Да.

— И терли?

— Да.

— Дуракъ, развѣ вы не понимаете...

— Что?

— Это — печеный картофель.

— Но зачѣмъ же тереть картофель?—сказалъ Думфи, послѣ минутнаго молчанія,—вѣдь, съ него кожа сойдетъ.

— У нихъ нѣжные желудки, — отвѣчала миссисъ Бракетъ.

Думфи разинулъ ротъ отъ удивленія при такомъ важномъ открытіи.

— Онъ сказалъ, что знаетъ, гдѣ ихъ много,—промолвилъ Думфи шопотомъ.

— Гдѣ?

— Я не разслышалъ.

— Дуракъ, зачѣмъ вы не бросились на него и не принудили сказать,—произнесла миссисъ Бракетъ съ звѣрской злобой,—вы трусливѣе блохи. Дайте мнѣ только поймать эту дѣвчонку... Но что это?

— Онъ шевелится,—сказалъ Думфи.

Въ одну минуту эти оба человѣческія существа превратились въ пресмыкающихся животныхъ и думали только о бѣгствѣ, но не смѣли двинуться съ мѣста.

Старикъ Деваржъ повернулся на другой бокъ, и уста его лепетали что-то въ лихорадочномъ бреду.—Грэсъ!—произнесъ онъ, наконецъ.

Миссисъ Бракетъ сдѣлала знакъ Думфи и подкралась къ умирающему.

— Да, я здѣсь,—промолвила она.

— Скажите ему, чтобы онъ не забылъ. Заставьте сдержать свое слово. Спросите его, куда онъ зарылъ.

— Да.

— Онъ вамъ скажетъ.

— Да.

— При входѣ въ Монументное Ущелье, въ ста футахъ къ сѣверу отъ одинокой сосны. Надо выкопать два фута земли надъ поверхностью камней.

— Да.

— Туда не проберутся волки.

— Да.

— Камни сохранятъ отъ дикихъ звѣрей.

— Да.

— Отъ голодныхъ животныхъ.

— Да.

— Которыя могли бы разрыть.

— Да.

Блуждающіе глаза старика вдругъ потухли, какъ свѣчки. Нижняя губа его отвисла. Онъ умеръ. Миссисъ Бракетъ и Думфи смотрѣли на него и другъ на друга съ дикой страшной улыбкой, впервые исказившей ихъ лица со времени ихъ пребыванія въ роковомъ ущельѣ.

III.

Гэбріель.

На слѣдующее утро оказалось, что партія переселенцевъ уменьшилась на пять человѣкъ. Филиппъ Ашлей и Грэсъ Конрой, Питеръ Думфи и миссисъ Бракетъ убѣжали; докторъ Поль Деваржъ умеръ. Смерть старика не обратила никакого вниманія и не вызвала ни въ комъ горя; но исчезновеніе четырехъ живыхъ членовъ отряда было объяснено сокрытіемъ отъ другихъ извѣстнаго имъ средства къ спасенію, и безумная ярость овладѣла всѣми оставшимися. Тотчасъ было рѣшено лишить бѣглецовъ жизни и имущества; но предпринятая погоня продолжалась недолго—около двадцати шаговъ. Силы измѣнили преслѣдователямъ, и они остановились въ безпомощной злобѣ.

Одинъ только Гэбріель Конрой зналъ, что Филиппъ и Грэсъ ушли вмѣстѣ. Проснувшись рано утромъ, онъ нашелъ приколотую къ его одѣялу слѣдующую записку карандашемъ:

«Да благословитъ Господь добраго брата и сестру и сохранитъ ихъ, пока я и Филиппъ возвратимся съ помощью».

Подлѣ этой записки лежалъ небольшой запасъ провизіи, очевидно, скопленный молодой дѣвушкой изъ ея скудныхъ порцій.

Гэбріель, прежде всего, отдалъ эти припасы на общую пользу. Потомъ онъ принялся ухаживать за своей маленькой сестрой. Онъ отличался не только способностью сохранять бодрость и не терять надежды въ самыя отчаянныя минуты, но также инстинктивнымъ сочувствіемъ къ страданіямъ и потребностямъ дѣтей. У него даже были всѣ физическія качества няньки: большая, мягкая рука, нѣжный, внушительный голосъ, быстрыя, неутомимыя ноги и широкая грудь, могущая служить подушкой. Во время долгаго, тягостного путешествія женщины довѣряли ему своихъ дѣтей и большинство умершихъ испустили духъ на его рукахъ; безпомощность во всѣхъ ея формахъ и видахъ пользовалась его рѣдкой способностью быть нянькой и сидѣлкой. Однако, никто не думалъ его благодарить, и онъ самъ, я полагаю, не ожидалъ благодарности; онъ, повидимому, не сознавалъ своего значенія, и, какъ часто бываетъ, его услугамъ не придавали цѣны и другіе. Больше того: люди, дававшіе ему случай примѣнить на практикѣ его способности, чувствовали какое-то превосходство надъ нимъ.

— Олли,—сказалъ Гэбріель, качая ребенка,—хочешь ты куклу?

Дѣвочка широко открыла глаза и утвердительно махнула головкой.

— Я тебѣ принесу славную куклу,—продолжалъ онъ,—у нея есть настоящая мама, которая няньчитъ ее, какъ ребенка. Ты можешь ей помогать.

Мысль о подобномъ товариществѣ, очевидно, понравилась маленькой Олли.

— Подожди меня, я сейчасъ приведу маму съ куклой, но тогда Грэсъ должна уйти и уступить ей свое мѣсто.

Олли сначала несочувственно отнеслась къ подобной мѣнѣ, но почти тотчасъ новизна взяла свое, какъ обыкновенно бываетъ съ ея поломъ, голодающимъ или нѣтъ. Однако, она все же благоразумно спросила:

— Куклѣ тоже нужно ѣсть?

— Кукла не ѣстъ никогда, — отвѣчалъ Гэбріель рѣшительнымъ тономъ.

— Это хорошо, — промолвила Олли, какъ бы успокоившись.

Хитрый Гэбріель тотчасъ отыскалъ сумасшедшую миссисъ Думфи и, приласкавъ мнимаго ребенка, никогда не покидавшаго ее, сказалъ нѣжно:

— Вы убиваете себя, ухаживая за ребенкомъ. Боже мой, какъ онъ исхудалъ! Я увѣренъ, что перемѣна и товарищество ему сдѣлаютъ пользу. Подите къ Олли, она вамъ поможетъ ухаживать за нимъ до завтра.

Завтра было конечнымъ предѣломъ будущаго для миссисъ Думфи.

Такимъ образомъ, мнимая сумасшедшая съ мнимымъ ребенкомъ заняла мѣсто Грэсъ, и Олли была совершенно счастлива. Человѣкъ съ болѣе утонченной натурой или съ болѣе дѣятельнымъ воображеніемъ, чѣмъ Гэбріель, быть-можетъ, возсталъ бы противъ такой чудовищной комбинаціи, но Гэбріель видѣлъ только, что всѣ были довольны, и что отсутствіе Грэсъ нечувствительно для Олли. Маленькая дѣвочка и сумасшедшая поочередно няньчили мнимаго ребенка, первая предвкушая будущее и забывая настоящее, а послѣдняя—живя прошедшимъ. Заботы объихъ о сохраненіи частицы своей скудной пищи для куклы были, поистинѣ, трогательны, но некому было обратить на это вниманія, такъ какъ единственный зритель, Гэбріель, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣйствующимъ лицомъ драмы; къ тому же, самая трогательная сцена кажется патетичной только издали.

Около полудня молодой человѣкъ, двоюродный братъ Конроевъ, умеръ. Гэбріель пошелъ тотчасъ въ сосѣдній шалашъ и

старался ободрить своихъ товарищей по несчастью. Онъ настолько успѣлъ въ своемъ намѣреніи, что языкъ обычнаго разсказчика развязался, и онъ сталъ описывать, какъ всегда, великолѣпные обѣды. Однако, когда Гэбріель ушелъ къ себѣ въ 4 часа, тѣло умершаго не было еще предано землѣ.

Вечеромъ, сидя съ Олли и мистеромъ Думфи у мерцающаго огня, онъ вдругъ замѣтилъ странную перемѣну въ бѣдной женщинѣ. Мнимый ребенокъ выпалъ изъ ея рукъ, и глаза ея безсознательно смотрѣли въ пространство. Гэбріель спросилъ, что съ ней, но она не отвѣчала. Онъ прикоснулся къ ней; тѣло ея словно окоченѣло. Олли начала плакать, и звуки ея рыданій какъ бы пробудили миссисъ Думфи. Не двигаясь съ мѣста, и неестественнымъ голосомъ она промолвила:

— Слышите!

Элли перестала плакать по знаку Гэбріеля.

— Ѣдутъ,—продолжала миссисъ Думфи.

— Кто?—спросилъ Гэбріель.

— Къ намъ на помощь.

— Гдѣ?

— Далеко, очень далеко. Они только что выѣзжаютъ. Двѣнадцать людей съ вьючными лошадьми и провіантомъ. Предводитель американецъ, а другіе—иностранцы. Они ѣдутъ.. но о! какъ еще далеко!

Гэбріель пристально смотрѣлъ на нее, но не промолвилъ ни слова. Послѣ убійственнаго молчанія она продолжала:

— Тамъ, гдѣ они ѣдутъ, солнце свѣтитъ, птицы поютъ и трава зеленѣетъ, но это слишкомъ, слишкомъ далеко.

— Вы ихъ знаете?—спросилъ Гэбріель.

— Нѣтъ.

— А они васъ знаютъ?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же они ѣдутъ и почему знаютъ, гдѣ мы?

— Ихъ предводитель насъ видѣлъ.

— Гдѣ?

— Во снѣ *).

---

*) Я считаю долгомъ подвергнуть еще дальнѣйшему испытанію терпѣніе скептическаго читателя и обратить его вниманіе на, быть можетъ, самый зѣрный и вполнѣ подтвержденный фактъ этой вообще вымышленной хроники. Положеніе и мѣсто нахожденія злополучной Донверской партіи (тогда еще неизвѣстной группы эмигрантовъ), умиравшей отъ голода въ пустынномъ горномъ проходѣ Калифорнійскихъ Сіерръ, узнаны впервые во снѣ капитаномъ Уонтомъ изъ Напы. Испанскія лѣтописи удостовѣряютъ, что помощь несчастнымъ, оставшимся въ живыхъ, была послана только на основаніи этого сна.

Гэбріель засвисталъ и посмотрѣлъ на мнимаго ребенка, валявшагося на полу. Онъ готовъ былъ признать нѣчто ненормальное и, быть можетъ, пророческое въ словахъ этой сумасшедшей женщины, но никакъ не могъ допустить подобнаго же явленія въ человѣкѣ здоровомъ и не голодномъ. Однако, обычное добродушіе и способность во всемъ видѣть надежду на счастливый исходъ взяли въ немъ верхъ, и онъ спросилъ:

— А какъ они пріѣдутъ?

— Они прежде минуютъ красивую долину и широкую, блестящую рѣку, потомъ переберутся черезъ гору и очутятся въ другой красивой долинѣ съ быстрой рѣкой, которая бѣжитъ такъ близко отсюда, что я слышу плескъ воды. Развѣ вы ея не видите? Вотъ она, за той снѣжной вершиной; зеленая долина и въ ней дождь идетъ. Посмотрите на нее.

И она указала прямо на сѣверъ, гдѣ простиралась пустынная, снѣжная страна.

— Можете вы дойти до нея?—спросилъ практическій Гэбріель.

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Я должна здѣсь ждать мою дѣвочку. Она идетъ за мною и найдетъ меня здѣсь.

— Когда?

— Завтра.

Въ послѣдній разъ произнесла она это вѣчное слово «завтра». Немного спустя послѣ полуночи ея ребенокъ явился къ ней въ лучезарномъ сіяніи, хотя невидимый для Гэбріеля, и бѣдная сумасшедшая, вскочивъ съ блестящими глазами, протянула къ нему руки. Гэбріель поддержалъ ее и положилъ въ свои объятія мнимаго ребенка. Она была мертвая.

Черезъ минуту онъ бросился въ сосѣдній шалашъ, но не пошелъ дальше двери. То, что онъ тамъ видѣлъ, онъ никогда впослѣдствіи не разсказывалъ, но, возвратясь къ сестрѣ дрожащими шагами, онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и глаза его дико блуждали. Онъ сознавалъ только одно—надо бѣжать изъ этого проклятаго мѣста.

— Господи, помоги мнѣ, помоги имъ!—воскликнулъ онъ громко и, схватилъ испуганную, плачущую Олли, выбѣжалъ на снѣжную поляну.

Черезъ минуту онъ исчезъ во мракѣ.

IV.

Природа указываетъ путь.

По бѣлоснѣжному откосу одного изъ горныхъ отроговъ, къ сѣверу отъ ущелья, медленно поднимались отъ полудни до захода солнца двѣ фигуры; наконецъ, онѣ рельефно обрисовались на краю гребня. Это были Филиппъ и Грэсъ.

Несмотря на всю усталость отъ долгой ходьбы, на недостатокъ пищи и на мрачную тѣнь прошедшаго горя, Грэсъ была прелестна при нѣжномъ, розовомъ свѣтѣ потухающаго дня. Мужская одежда, сшитая не по ея росту, придавала ея хорошенькой, маленькой фигуркѣ еще большую миніатюрность, не скрывая ея художественныхъ очертаній. Филиппу были теперь ясно видны ея черные глаза, окаймленные густыми бровями, правильный овалъ ея лица и даже веснушки на верхней губѣ. Онъ нѣжно обнялъ ее и поцѣловалъ: первое, очевидно, для физической поддержки, а второе—безъ всякой видимой причины.

— Любите вы меня, Филиппъ?—спросила Грэсъ съ характеристической осторожностью женскаго пола.

Она уже не разъ задавала этотъ вопросъ, и Филиппъ съ обычной въ подобныхъ случаяхъ торопливой мужской откровенностью всегда неизмѣнно отвѣчалъ, какъ и въ настоящую минуту:

— Да, Грэсъ.

Однако, молодой человѣкъ былъ задумчивъ, озабоченъ и голоденъ. Прошло уже четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ они покинули своихъ товарищей. На второй день они нашли нѣсколько сосновыхъ шишекъ, сохранившихся подъ снѣгомъ, и бѣлку съ ея зимнимъ запасомъ продовольствія. На третій день Филиппъ убилъ и съѣлъ бѣлку; въ тотъ же вечеръ онъ увидалъ утку, летѣвшую надъ ущельемъ. Вполнѣ увѣренный, что утка летѣла къ какому-нибудь недалекому озеру, Филиппъ замѣтилъ направленіе ея полета, а потомъ мѣткимъ выстрѣломъ повергъ ее на землю. На слѣдующее утро они съѣли своего путеводителя и направили шаги по его указанію.

Но Филиппъ обманулся въ надеждахъ. Съ гребня горнаго отрога, достигнутаго съ такимъ трудомъ, открывался все тотъ же однообразный пейзажъ безконечныхъ бѣлыхъ, волнистыхъ вершинъ до самого горизонта. Нигдѣ не было видно разсѣлины въ кряжѣ или хоть малѣйшаго слѣда воды. Ничто не указывало, откуда или куда летѣла утка. Онъ сталъ соображать, не пере-

мѣнить ли снова свой путь, какъ неожиданное обстоятельство распорядилось по своему ихъ дальнѣйшей судьбой.

Грэсъ, стоя на самомъ краю утеса, смотрѣла съ напряженнымъ вниманіемъ на необозримую снѣжную равнину, какъ вдругъ почва подалась подъ ея ногами. Филиппъ схватилъ ее за руку, но въ то же мгновеніе гранитная масса отдѣлилась отъ утеса и, низвергнувшись въ бездну, оставила молодую дѣвушку висящей на воздухѣ. Прежде чѣмъ Филиппъ успѣлъ отскочить съ своей драгоцѣнной ношей, каменная глыба, на которой онъ стоялъ, также дрогнула и покатилась внизъ, увлекая за собой Филиппа и Грэсъ. По счастью, масса камней и льда летѣла впередъ и очищала имъ путь, хотя почти отвѣсный, вдоль горнаго откоса.

Даже падая, Филиппъ сохранилъ присутствіе духа и не хватался за камни, которые попадались на дорогѣ и, могли бы ихъ раздавить, оторвавшись отъ скалы. Прежде чѣмъ онъ потерялъ чувство, онъ помнилъ, что крѣпко обвилъ руками и спряталъ ея лицо на своей груди, инстинктивно охраняя ее отъ окружающей опасности; потомъ онъ на половину сознавалъ, что очутился во мракѣ, вслѣдъ затѣмъ снова въ свѣту, что вокругъ него хрустѣли сучья и еловыя иглы царапали его лицо. Наконецъ, какая-то преграда остановила его паденіе, а въ головѣ у него все завертѣлось и наступило утѣшительное мгновеніе полной безсознательности.

Когда онъ очнулся, его что-то душило и жгло. Открывъ глаза, онъ увидалъ передъ собою Грэсъ: блѣдная, дрожащая, она терла снѣгомъ его руки и лобъ. На одной изъ ея круглыхъ щечекъ виднѣлась капля крови.

— Что съ вами, Грэсъ, вы ранены?—промолвилъ Филиппъ, едва переводя дыханіе.

— Нѣтъ, милый, храбрый Филиппъ,—отвѣчала молодая дѣвушка, — но я такъ счастлива, такъ благодарна, что вы спасены.

Однако, она прислонилась къ дуплу и смертельно поблѣднѣла даже залитая солнечнымъ свѣтомъ. Ея верхняя губа посинѣла.

Но Филиппъ ея не видалъ. Онъ жадно смотрѣлъ вокругъ себя. Онъ лежалъ среди обломковъ низвергнувшейся скалы и сломанныхъ сучьевъ. Въ ушахъ его раздавался плексъ воды, а передъ нимъ, въ какихъ-нибудь ста футахъ, весело бѣжала рѣчка. Онъ взглянулъ наверхъ: красный свѣтъ заходящаго солнца проникалъ широкимъ лучемъ черезъ отверстіе, пробитое ихъ паденіемъ въ каменномъ и снѣговомъ сводѣ, сложенномъ самой природой.

Онъ зналъ теперь, откуда летѣла утка, отчего онъ не видалъ ранѣе этой рѣки. Онъ зналъ теперь, куда исчезли всѣ птицы и животныя, отчего лѣса и ущелья были покрыты безслѣдной снѣжной пеленой. Наконецъ, передъ ними былъ открытый путь.

Онъ вскочилъ и съ восторгомъ воскликнулъ:

— Грэсъ, мы спасены!

Грэсъ смотрѣла на него съ счастливой улыбкой, но скорѣе она радовалась тому, что онъ былъ невредимъ, чѣмъ понимала причину его восторга.

— Посмотрите, Грэсъ,—продолжалъ онъ,—сама природа указываетъ намъ путь изъ этой снѣговой пустыни. Слѣдуя по берегу этой рѣки, мы выйдемъ въ болѣе широкую долину.

— Я это знаю,—сказала Грэсъ просто.

Филиппъ взглянулъ на нее вопросительно.

— Когда я вытащила васъ изъ-подъ снѣга и обломковъ утеса, я видѣла долину, о которой вы говорите. Вотъ оттуда все видно.

И она указала на уступъ горы надъ отверстіемъ въ каменномъ сводѣ, гдѣ остановилась въ своемъ паденіи гранитная глыба.

— Когда вы меня вытащили, дитя мое?

Грэсъ улыбнулась.

— Вы не знаете, какъ я сильна,—сказала она и въ подтвержденіе своихъ словъ упала въ обморокъ.

Филиппъ бросился къ ней и сталъ искать у себя въ карманахъ фляжку съ водкой, которую онъ, какъ святыню, берегъ во время всѣхъ ихъ бѣдствій. Она исчезла. Онъ бросилъ взглядъ вокругъ себя и съ отчаяніемъ увидалъ на снѣгу фляжку, но пустую.

Въ первый разъ за все время ихъ тяжелаго странствованія Филиппъ застоналъ. Въ то же мгновеніе Грэсъ открыла глаза. Увидавъ въ его рукахъ пустую фляжку, она съ улыбкой сказала:

— Я все влила вамъ въ горло, милый Филиппъ. Вы были безъ чувствъ, и я боялась, что вы умрете. Простите меня.

— Я былъ только ошеломленъ паденіемъ, а вы, Грэсъ, вы?

— Мнѣ теперь лучше,—сказала она, стараясь встать, но, вскрикнувъ отъ боли, снова упала на землю.

Филиппъ не слыхалъ и не видалъ этого. Онъ поспѣшно взлѣзъ на указанный молодой дѣвушкой уступъ горы и возвратился, сіяя радостью.

— Я вижу долину, Грэсъ, она—въ нѣсколькихъ миляхъ!—воскликнулъ онъ, — еще свѣтло, и мы тамъ остановимся на ночлегъ.

— Врядъ-ли, милый Филиппъ, — отвѣчала Грэсъ, качая своей маленькой головкой.

— Отчего?—спросилъ Филиппъ съ петерпѣніемъ.

— У меня... кажется... сломана нога.

— Грэсъ!

Но уже молодая дѣвушка была безъ чувствъ.

V.

Изъ снѣга въ мракъ.

По счастью, Грэсъ ошиблась. У нея былъ только вывихъ въ голеностопномъ сочлененіи. Но все же она не могла стоять. Филиппъ разорвалъ свою рубашку, сдѣлалъ бинтъ и, намочивъ его снѣговой водой, обвернулъ имъ распухшую ногу молодой дѣвушки. Потомъ онъ отправился въ кусты и вернулся черезъ нѣсколько минутъ съ перепелкой и уткой, изъ которыхъ поспѣшно приготовилъ горячій ужинъ для больной. Имъ нечего было больше бояться голодной смерти, а потому ихъ не пугало нѣсколько дней насильственнаго отдыха.

Въ послѣдніе часы воздухъ сталъ гораздо мягче. Около полуночи верхушки сосенъ заколебались, запахло сыростью, и глухая дробь послышалась на снѣжномъ сводѣ. Это былъ дождь,

— Весна, пробуждается весна,—произнесъ шопотомъ Филиппъ.

Но Грэсъ теперь было не до поэзіи, даже въ устахъ милаго человѣка. Она припала головой къ его плечу и промолвила:

— Вы должны продолжать путь, голубчикъ, а меня оставьте здѣсь.

— Грэсъ!

— Да Филиппъ. Я могу преспокойно васъ здѣсь обождать Мнѣ нечего теперь бояться. Мнѣ такъ хорошо здѣсь, въ сравненіи съ ними.

Филиппъ почувствовалъ на своей рукѣ капли ея слезъ, и насупилъ брови. Быть-можетъ, его укоряла совѣсть или было что-то особенное въ тонѣ молодой дѣвушки; но ея слова непріятно затронули тувнутреннюю его сторону, которую онъ называлъ здравымъ смысломъ. Онъ, дѣйствительно, считалъ себя возвышеннымъ, пламеннымъ, сильнымъ существомъ, спасеннымъ отъ погибели только благодаря своему мужеству.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ ничего не отвѣчалъ. Онъ думалъ о томъ, какъ, рискуя своей жизнью, спасъ эту молодую дѣвушку отъ страшной смерти, какъ берегъ ее во время опаснаго пути, неся все бремя на себѣ, какъ, по его мн-

лости, она была счастлива, что сама вполнѣ признавала. Думалъ о своей готовности, ради ея безпомощнаго положенія, отложить дальнѣйшее странствованіе; думалъ о счастіи, которое ее ожидало съ нимъ въ будущемъ... и что же?.. Въ минуту ихъ спасенія она заботилась о двухъ умирающихъ существахъ, которыя безъ особаго чуда должны были умереть прежде, чѣмъ она могла до нихъ достигнуть. При этомъ надо сказать, что Филиппъ, разсуждая подобнымъ образомъ, всегда ставилъ себя на мѣсто того человѣка, съ которымъ онъ не соглашался, и спрашивалъ себя, какъ бы онъ поступилъ въ такомъ случаѣ. Конечно, постоянно оказывалось, что онъ поступилъ бы въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Въ настоящемъ случаѣ, ставя себя на мѣсто Грэсъ, онъ чувствовалъ, что бросилъ бы всѣхъ и все ради любви и блестящей будущности, открывавшейся передъ нею. Поэтому ясно, что ея поведеніе доказывало нравственное уродство или недостатокъ расы. Подобная логика легка и неопровержима. Къ ней часто прибѣгали и за Калифорнійскими Сіеррами люди, даже не утомленные физически, а въ полной силѣ своихъ умственныхъ и физическихъ способностей.

— Поговоримъ прямо, Грэсъ, и поймемъ другъ друга, прежде чѣмъ итти далѣе или вернуться назадъ,—сказалъ онъ совершенно измѣнившимся тономъ,—пять дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули хижину; если бы мы были увѣрены, что сумѣемъ найти дорогу назадъ, то все же на это потребуется еще пять дней; а къ тому времени тамъ все будетъ кончено. Они или спасены, или уже безполезна всякая помощь. Мои слова могутъ показаться вамъ жестокими, но жестокъ фактъ, а не слова. Если бы мы остались съ ними, то не принесли бы имъ никакой пользы, а только раздѣлили бы ихъ судьбу. Я былъ бы на мѣстѣ вашего брата, а вы—на мѣстѣ сестры. Не наша вина, а только наше счастье, что мы не умираемъ вмѣстѣ съ ними. Провидѣнію было угодно, чтобъ мы съ вами спаслись. Быть-можетъ, по волѣ того же Провидѣнія, мы погибли бы, стараясь имъ помочь, и помощь, которая ихъ спасетъ, не спасла бы насъ.

Грэсъ не привыкла къ мужской логикѣ и невольно почувствовала, что, если бы Филиппъ говорилъ съ нею этимъ тономъ въ снѣжномъ сугробѣ, то она никогда не ушла бы оттуда. Но, конечно, всѣ читатели мужскаго пола признаютъ несостоятельность ея женскаго инстинкта и замѣтятъ, что онъ нисколько не опровергалъ аргументовъ Филиппа.

Она взглянула на него съ какимъ-то страхомъ. Слезы-ли отуманили ея глаза, или по какой другой причинѣ, но онъ теперь казался совершенно чуждымъ ей человѣкомъ, и впервые

она почуствовала себя одинокой. Ей хотѣлось попрежнему прижаться къ нему, но ее удерживало какое-то новое чувство стыда.

Филиппъ замѣтилъ ея колебанія и по своему объяснилъ его:

— Лучше намъ отложить всякій разговоръ о помощи другимъ, пока мы сами не избѣгнемъ опасности, — сказалъ онъ съ прежней горечью,—несчастный случай съ вами задержитъ насъ нѣсколько дней:, а мы сами не знаемъ, гдѣ мы. Усните теперь,— прибавилъ онъ болѣе нѣжно,—а утромъ мы увидимъ, что предпринять.

Грэсъ долго плакала, прежде чѣмъ уснуть. Бѣдная Грэсъ! Она давно ждала этого случая поговорить съ Филиппомъ о себѣ, объ ихъ будущемъ. Она намѣревалась открыть ему тайну доктора Деваржа и передать всѣ его слова, даже тѣ, которыя выражали сомнѣніе въ самомъ Филиппѣ. Тогда, конечно, Филиппъ открылъ бы ей свои планы, и они вернулись бы съ помощью къ несчастнымъ; Филиппъ былъ бы герой, Гэбріель призналъ бы его достойнымъ мужемъ сестры, и всѣ были бы счастливы. А теперь они умерли, умерли, проклиная ее... и Филиппъ въ эту минуту не простился съ нею, не поцѣловалъ ее!

На другой день шелъ проливной дождь, рѣки выступили изъ береговъ. Теченіе теперь было быстрое и уносило снѣгъ, ледъ, сучья и даже иногда, въ сѣроватомъ свѣтѣ туманнаго утра, проносилось цѣлое дерево, вырванное съ корнями. Неожиданно Филиппъ, погруженный въ тяжелую думу, вскочилъ съ громкимъ крикомъ. Грэсъ томно открыла глаза.

Онъ указалъ ей на дерево, которое, спускаясь по теченію, задѣло за берегъ, гдѣ они сидѣли, и на мгновеніе остановилось.

— Грэсъ,—произнесъ онъ, съ прежнимъ одушевленіемъ,— природа насъ сама спасаетъ. Она привела насъ сюда на берегъ рѣки, а теперь прислала за нами лодку. Пойдемте, Грэсъ.

Прежде, чѣмъ она могла отвѣтить, Филиппъ весело взялъ ее на руки и бережно посадилъ на дерево между двумя торчавшими къ верху корнями. Потомъ онъ положилъ подлѣ нея свое ружье и провизію; самъ же, помѣстившись на носу этого страннаго корабля, отчалилъ отъ берега съ помощью отломаннаго сучка сосны. Съ минуту дерево не слушалось, но потомъ понеслось по теченію, какъ живое существо.

Рѣка была узкая и быстрая, такъ что Филиппъ напрягалъ все свое вниманіе и энергію, чтобы удержать дерево посреди русла. Грэсъ сидѣла молча, любуясь своимъ другомъ, такимъ ловкимъ, сильнымъ и полнымъ одушевленія.

— Видите вы полѣно? —воскликнулъ онъ,—наконецъ, мы не далеко отъ жилого мѣста.

Дѣйствительно, рядомъ съ ними плыло свѣжеотрубленное сосновое полѣно. Лучъ надежды блеснулъ въ головѣ Грэсъ: если они были такъ недалеко отъ помощи, то, быть-можетъ, она достигла и до несчастныхъ страдальцевъ! Но молодая дѣвушка не сказала ни слова объ этомъ Филиппу, а онъ, казалось, позабылъ ее.

Черезъ нѣсколько времени, однако, онъ обернулся къ ней и, пройдя на корму импровизированной лодки, сѣлъ подлѣ нея.

— Грэсъ, дитя мое, мнѣ вамъ надо кое-что сказать, — произнесъ онъ, нѣжно беря ее за руку.

Сердце Грэсъ радостно и тревожно забилось; она не смѣла поднять глазъ. Не обращая вниманія на ея волненіе, Филиппъ продолжалъ:

— Черезъ нѣсколько часовъ, мы не будемъ болѣе въ пустынѣ, а будемъ между людьми, быть-можетъ, женщинами. Конечно, это будутъ люди чужіе, не ваши родственники, не товарищи, съ которыми мы провели столько дней и недѣль, а люди, не знающіе насъ и нашихъ страданій.

Грэсъ взглянула на него, но ничего не сказала.

— Вы понимаете, Грэсъ, что, не зная насъ, они могутъ истолковать во зло наше бѣгство. Говоря прямо, дитя мое, вы — молодая дѣвушка, а я—молодой человѣкъ. Ваша красота, милая Грэсъ, послужитъ въ глазахъ свѣта болѣе вѣроятнымъ истолкованіемъ нашего товарищества, чѣмъ самая истина. Поэтому, эту истину надо скрыть. Я одинъ возвращусь съ помощью къ вашимъ родственникамъ, а васъ оставлю на попеченіе добрыхъ людей. Но я оставлю васъ здѣсь не какъ Грэсъ Конрой, а вы примете мою фамилію.

Грэсъ вспыхнула, и не только ея щеки, но и шея покрылась яркимъ румянцемъ. Едва переводя дыханіе, она ждала его слѣдующихъ словъ.

— Вы будете моей сестрою, Грэсъ Ашлей,—сказалъ онъ спокойно.

Кровь отхлынула отъ ея щекъ, вѣки тяжело опустились, и она закрыла лицо руками. Филиппъ терпѣливо ждалъ отвѣта. Когда она снова подняла глаза, то лицо ея было спокойно и гордая улыбка играла на ея устахъ.

— Вы правы,—промолвила она.

Въ это мгновеніе ихъ осѣнилъ неожиданный лучъ свѣта и тепла; дерево быстро обогнуло крутую косу и медленно поплыло по широкой рѣкѣ, среди роскошной, волнистой долины, залитой полуденнымъ солнечнымъ свѣтомъ. Вдали, въ какой-нибудь милѣ, виднѣлся столбъ дыма, поднимавшійся къ небу изъ трубы хижины.

VI.

Слѣды.

Въ продолженіи двухъ недѣль всходило и садилось безоблачное солнце надъ суровыми очертаніями Монументнаго Пика. Въ продолженіе двухъ недѣль не произошло никакой видимой перемѣны въ роковой бѣлизнѣ покрытыхъ снѣгомъ утесовъ, въ волнистой, бѣлоснѣжной равнинѣ, разстилавшейся во всѣ стороны, въ мертвой тишинѣ, царившей вверху и внизу. Было 1-е апрѣля; въ воздухѣ чувствовалась весенняя мягкость, но въ необозримой пустынѣ не слышно было ни звука, ни движенія.

Однако, при ближайшемъ наблюденіи, оказывалась большая, хотя и медленная, тайная перемѣна. Бѣлыя очертанія горъ не были такъ круглы и полны; мѣстами виднѣлись трещины и въ нихъ обнаженный гранитъ; кости начинали мало-по-малу проглядывать изъ-подъ отвисавшаго тѣла. И все же эта перемѣна произошла безмолвно, безъ нарушенія могильной тишины.

Наконецъ, въ одинъ свѣтлый, блестящій день въ роковой долинѣ раздались человѣческіе голоса и бряцаніе шпоръ. Въ горномъ проходѣ показалась кавалькада всадниковъ и вьючныхъ муловъ, которые медленно двигались, то проваливаясь въ снѣгу, то шумно стуча копытами по камню. Неожиданные звуки пробудили дремавшее горное эхо, подняли вокругъ, отъ сотрясенія въ воздухѣ, снѣжную пыль и вызвали изъ какой-то невѣдомой пещеры на снѣжную поверхность такое дикое, растерзанное и чудовищное существо, которое едва-едва напоминало человѣка. Оно прокралось по снѣгу до большого дерева и, точно испуганное животное, стало ждать въ засадѣ приближенія спутниковъ.

Впереди отряда ѣхали два человѣка: одинъ—серьезный, озабоченный, молчаливый, другой—энергичный, живой, словоохотливый. Наконецъ, первый сказалъ медленно, какъ бы вспоминая что-то:

— Они должны быть недалеко. Я видѣлъ ихъ именно въ такой мѣстности. Она мнѣ знакома.

— Дай Богъ,—отвѣчалъ поспѣшно второй всадникъ,—по правдѣ сказать, я сомнѣваюсь, чтобы мы удержали въ повиновеніи людей до завтра, если наши безумные поиски ни къ чему не приведутъ.

— Именно здѣсь я видѣлъ мужчину и женщину. Если, по близости, тутъ не найдется груды камней, то я признаю свой сонъ несправедливымъ, а себя—старымъ дуракомъ.

— Ну, хорошо, дайте намъ хоть груду камней, хоть лоскутокъ бумаги, хоть старое одѣяло или колесо. Колумбъ могъ продолжать свой путь и держать въ порядкѣ своихъ матросовъ, благодаря морскому тростнику. Однако наши люди на что-то смотрятъ! Боже мой, вдоль утеса что-то движется.

Подъ вліяніемъ общаго суевѣрнаго инстинкта, весь отрядъ скучился; даже тѣ, которые, за нѣсколько минутъ, всего громче выражали свой скептицизмъ, притаили дыханіе отъ страха. Дикое существо, спрятавшееся за дерево, теперь выскочило и, принявъ человѣческій образъ, съ странными ужимками и глухимъ воплемъ приблизилось къ отряду. Это былъ Думфи.

Первый оправился отъ волненія предводитель и встрѣтилъ Думфи на полъ-дорогѣ.

— Кто вы?

— Человѣкъ.

— Что съ вами?

— Голоденъ.

— Гдѣ другіе?

— Кто? —спросилъ Думфи, подозрительно взглянувъ на незнакомца.

— Другіе. Вы не одинъ?

— Одинъ.

— Какъ вы сюда попали?

— А вамъ какое дѣло? Я здѣсь и умираю съ голода. Дайте мнѣ ѣсть и пить.

Съ этими словами онъ въ изнеможеніи опустился на четвереньки.

Въ толпѣ раздался ропотъ.

— Дайте ему ѣсть. Онъ не можетъ стоять, не только говорить. Гдѣ докторъ?

— Предоставьте его мнѣ; онъ болѣе нуждается въ моей помощи, чѣмъ въ вашей,—сказалъ младшій изъ передовыхъ всадниковъ, котораго назвали докторомъ.

Онъ налилъ водки въ горло несчастнаго. Думфи тяжело перевелъ дыханіе и вскочилъ на ноги.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ нѣжно молодой докторъ.

— Джаксонъ,—отвѣчалъ Думфи, бросая вокругъ себя дикій вызывающій взглядъ.

— Откуда?

— Миссури.

— Какъ вы сюда попали?

— Отсталъ отъ товарищей.

— А они...

— Пошли впередъ. Дайте поѣсть.

— Отведите его въ лагерь и передайте Санхецу: онъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлать,—сказалъ докторъ одному изъ людей и прибавилъ, обращаясь къ предводителю:—ну, Блунтъ, вы спасены; но ваши девять человѣкъ въ клеенчатой одеждѣ уменьшились до одного, и тотъ, признаюсь — не важный экземпляръ.

— Я желалъ бы, докторъ, чтобы дальше ничего не исполнилось изъ моего сна,—отвѣчалъ Блунтъ,—я согласенъ теперь возвратиться, но что-то мнѣ говоритъ—дѣло только начинается. Этотъ человѣкъ дѣлаетъ вѣроятнымъ все остальное. Но что это?

Одинъ изъ людей отряда подошелъ къ предводителю съ лоскуткомъ бумаги, на углахъ котораго были видны слѣды гвоздей.

— Это объявленіе я снялъ съ дерева, но читать не умѣю,— сказалъ бывшій вакеро.

— И я также,—отвѣчалъ Блунтъ, взглянувъ на бумагу,— это, кажется, по-нѣмецки. Позовите Глора.

Черезъ минуту подошелъ рослый швейцарецъ и, прочитавъ бумагу, сказалъ:

— Это—указаніе какъ найти скрытое сокровище, чрезвычайно важное, драгоцѣнное.

— Гдѣ?

— Подъ грудой камней.

Блунтъ и докторъ переглянулись.

— Ведите насъ туда,—сказалъ Блунтъ.

Послѣ часового пути они достигли гребня горы, гдѣ ущелье дѣлало крутой заворотъ. Блунтъ громко вскрикнулъ.

Передъ ними была груда камней, нѣкогда симметрически положенныхъ другъ на друга, а теперь разбросанныхъ по сторонамъ. Снѣгъ и земля были разрыты кругомъ. Повсюду валялись бумаги, портфель съ рисунками птицъ и растеній, разбитый стеклянный футляръ съ насѣкомыми и разбросанныя перья птичьихъ чучелъ. Немного поодаль лежало что-то въ родѣ кучи лохмотьевъ. Ближайшій къ ней всадникъ съ громкимъ крикомъ соскочилъ съ лошади. Это была миссисъ Бракетъ — но мертвая.

VII.

Слѣды начинаютъ исчезать.

Она умерла уже съ недѣлю. Черты ея лица и одежда были почти неузнаваемы; все тѣло было скорчено. Молодой докторъ сталъ внимательно ее осматривать.

— Умерла отъ голода?—спросилъ Блунтъ.

Докторъ ничего не отвѣчалъ, но, отойдя отъ трупа, подобралъ съ земли валявшіеся остатки чучелъ, понюхалъ ихъ, поднесъ къ губамъ и, наконецъ, спокойно сказалъ:

— Нѣтъ, она отравлена.

Всѣ присутствующіе отшатнулись отъ трупа.

— Я полагаю, что отрава была случайная,—продолжалъ докторъ хладнокровно,—бѣдная женщина, мучимая голодомъ, набросилась на эти чучела птицъ, которыя прикрыты толстымъ слоемъ мышьяка для предохраненія отъ насѣкомыхъ. Несчастная сдѣлалась жертвою предосторожности, принятой ученымъ.

Во всемъ отрядѣ раздались восклицанія ужаса и негодованія.

— Вишь какой, предпочелъ сохранить проклятыхъ птицъ!—произнесъ швейцарецъ.

— Убилъ женщину, чтобы спасти дохлую дичь,—промолвилъ другой.

Докторъ улыбнулся и невольно подумалъ, что доктору Деваржу въ эту минуту было бы небезопасно показаться въ отрядѣ.

— Если этотъ энтузіастъ-естествоиспытатель еще живъ, то я надѣюсь, что онъ подождетъ являться къ намъ хоть нѣсколько часовъ,—сказалъ онъ на ухо Блунту.

— Кто это такой?

— Иностранецъ, довольно извѣстный ученый въ своей странѣ. Я не разъ слыхалъ его имя. Это—докторъ Деваржъ, и въ разбросанныхъ здѣсь бумагахъ онъ увѣряетъ, что сдѣлалъ удивительныя открытія въ наукѣ. Онъ также цѣнитъ очень высоко свою коллекцію.

— А стоитъ ее собрать и сохранить!

— Не теперь, намъ дорога каждая минута. Прежде подумаемъ о несчастныхъ людяхъ, а потомъ ужъ о наукѣ.

Они поѣхали дальше. Бумаги и коллекціи, сохраненныя такъ старательно, плодъ столькихъ мѣсяцевъ терпѣливаго труда и лишеній, памятникъ научныхъ открытій и побѣды человѣческаго ума—остались брошенными на снѣгу. Вѣтеръ, разметая снѣгъ съ горныхъ откосовъ, какъ бы съ презрѣніемъ переносилъ ихъ съ мѣста на мѣсто, а лучи солнца, уже теплые, накаляя металлическую поверхность ящика и портфеля, хоронили ихъ все глубже и глубже въ снѣгу, словно желая скрыть навѣки отъ человѣческаго глаза.

Обогнувъ долину по горному скату, гдѣ снѣгъ былъ унесенъ вѣтромъ, отрядъ достигъ, черезъ нѣсколько часовъ, большого дерева у входа въ роковое ущелье. Объявленіе все еще виднѣлось на деревѣ, но грубое изображеніе руки, указывавшее

нѣкогда на похороненные подъ снѣгомъ шалаши, теперь, по волѣ вѣтра или непогоды, значительно опустилось и знаменательно указывало на снѣгъ подъ ногами. Входъ въ ущелье былъ занесенъ такими сугробами, что путники были принуждены оставить своихъ лошадей и пойти пѣшкомъ. Инстинктивно они сохраняли совершенное безмолвіе и подвигались одинъ за однимъ, то по мокрому снѣгу, то по обнаженнымъ уступамъ горы. Наконецъ они достигли до деревянной трубы и крыши шалаша, виднѣвшихся надъ снѣгомъ. Всѣ остановились и взглянули другъ на друга. Предводитель отряда подошелъ къ трубѣ и, нагнувшись къ ней, крикнулъ:

— Кто тамъ?

Отвѣта не было. Только горное эхо откликнулось вдоль всего ущелья, и снова наступила мертвая тишина, прерываемая лишь паденіемъ льдинки или снѣжной лавины съ горнаго ската. Послѣ минутнаго колебанія Блунтъ пошелъ къ отверстію въ сугробѣ и опустился въ подземное жилище. Не прошло и мгновенія, какъ онъ возвратился блѣдный и сдѣлалъ знакъ доктору. Они оба исчезли въ отверстіи. Мало-по-малу за ними послѣдовали и остальные люди отряда. Черезъ нѣсколько времени они медленно поднялись на поверхность, держа въ рукахъ три мертвыхъ трупа. Потомъ они снова исчезли и вынесли разъединенныя части скелета четвертаго мертвеца. Опять наступило гробовое молчаніе. Всѣ глядѣли другъ на друга, не смѣя вымолвить ни слова.

— Здѣсь долженъ быть еще другой шалашъ, — сказалъ, наконецъ, Блунтъ.

— Вотъ онъ!—воскликнулъ одинъ изъ людей, указывая на вторую трубу.

Теперь уже нечего было колебаться. Худшее уже было узнано. Поспѣшно всѣ направились ко второму подземному жилищу и исчезли въ немъ. Возвратясь обратно, они собрались въ кучку и шепотомъ говорили о чемъ-то съ видимымъ волненіемъ. Они были такъ заняты, что даже не замѣтили, какъ среди нихъ неожиданно появилось новое лицо.

VIII.

Слѣды все болѣе и болѣе исчезаютъ.

Это былъ Филипъ Ашлей,—блѣдный, утомленный, съ впалыми глазами, но съ напряженными нервами и непреклонной энергіей. Четыре дня передъ тѣмъ онъ оставилъ Грэсъ на попеченіи гостепріимнаго поселенца и его семейства въ калифорнской долинѣ. Мрачный, недовольный, онъ ненавидѣлъ

цѣль своего странствія, но все же предпринялъ его, повинуясь обращенію, данному Грэсъ, и простому инстинкту своей совѣсти. Онъ теперь стоялъ подлѣ шалаша, скрытаго въ снѣгу, обернулся къ вышедшимъ изъ него людямъ съ какой-то цинично равнодушной усмѣшкой.

Докторъ увидѣлъ его первый и бросился къ нему.

— Пойнсетъ! Артуръ! Что вы здѣсь дѣлаете?—воскликнулъ онъ.

Ашлей при видѣ доктора вспыхнулъ и невольно проговорилъ.

— Тсс!..

Онъ быстро обвелъ взглядомъ всѣхъ окружающихъ и сказалъ съ замѣтнымъ смущеніемъ.

— Я оставилъ свою лошадь у входа въ ущелье.

— Я вижу, что вы тоже поспѣшили сюда на помощь, сказалъ докторъ,—но только опоздали.

— Почему опоздалъ?—удивился Ашлей.

— Опоздали. Они всѣ—кто умеръ, кто скрылся.

Лицо Ашлея приняло странное выраженіе, но докторъ этого не замѣтилъ. Онъ отошелъ къ Блунту, пошепталъ ему на ухо и прибавилъ вслухъ:

— Капитанъ Блунтъ, это поручикъ Пойнсетъ, 5-го линейнаго полка, мой старый товарищъ, котораго я уже два года не видалъ. Онъ тоже явился сюда изъ человѣколюбія, какъ и ты. Это на него похоже.

Смущеніе Филиппа мало-по-малу прошло, и онъ спросилъ:

— Что это за люди?

— Ихъ имена значатся въ спискѣ, прибитомъ къ дереву,— отвѣчалъ докторъ,—но, конечно, мы не можемъ признать всѣхъ труповъ: вѣдь, въ живыхъ не осталось никого, всѣ погибли. Мы вполнѣ достовѣрно опредѣлили только трупъ доктора Деваржа, схороненнаго въ снѣгу, и молодой дѣвушки, Грэсъ Конрой, съ ея маленькой сестрой на рукахъ.

— А какъ вы признали молодую дѣвушку?—спросилъ Филиппъ, пристально взглянувъ на доктора.

— По мѣткамъ на ея одеждѣ.

Филиппъ вспомнилъ, что Грэсъ перемѣнилась одеждою съ своимъ младшимъ братомъ, который недавно передъ тѣмъ умеръ.

— Только по этому?—снова спросилъ онъ.

— Нѣтъ; докторъ Деваржъ въ своихъ бумагахъ называетъ по именамъ всѣхъ обитателей его шалаша. Мы всѣхъ нашли, кромѣ брата молодой дѣвушки и какого-то Ашлея.

— А гдѣ же они по-вашему?—спросилъ мрачно Филиппъ.

— Убѣжали! Чего ожидать отъ такихъ людей?—отвѣчалъ докторъ, презрительно пожимая плечами.

— Какихъ людей?—произнесъ Филиппъ почти грубо.

— Вы, любезный другъ, знаете ихъ такъ же хорошо, какъ и я,—продолжалъ докторъ:—помните, они постоянно проходили мимо форта, гдѣ мы стояли. Чего они не могли выпросить, то они крали, а потомъ жаловались въ Уашингтонъ на отказъ въ помощи со стороны военныхъ. Вѣчно бывало заведутъ ссору съ индѣйцами, а потомъ дадутъ тягу, и намъ приходилось за нихъ расхлебывать кашу. Развѣ вы не помните? мужчины—всѣ грубые, болѣзненные, самаго низкаго класса, женщины—грязныя, старообразныя...

Филиппъ старался вызвать прелестный юный образъ Грэсъ въ противоположность отвратительной картинѣ, рисуемой докторомъ, но ему какъ-то это не удавалось. Въ послѣдніе полчаса его природная надменность и чванство взяли верхъ надъ всѣми другими чувствами. Онъ взглянулъ на доктора и отвѣчалъ:

— Да.

— Еще бы. Здѣсь были тѣ же люди. Чего отъ нихъ ожидать? Они сильны только физически и, потерявъ эту силу, никуда не годятся. Мы видимъ передъ собою ясные слѣды эгоизма, жестокости, быть-можетъ, убійства.

— Да, да, сказалъ поспѣшно Филиппъ,—но вы что-то говорили о молодой дѣвушкѣ, о Грэсъ Конрой. Что вы знаете о ней?

— Только то, что мы нашли ее мертвой съ одѣяльцемъ ея маленькой сестры въ рукахъ, словно послѣ смерти у нея вырвали еще живого ребенка. Но, Артуръ, какъ вы попали сюда? Вы здѣсь недалеко стоите съ полкомъ?

— Нѣтъ, я въ отставкѣ.

— Неужели! А вы здѣсь...

— Одинъ.

— Хорошо, мы послѣ поговоримъ обо всемъ. Вы должны мнѣ помочь составить донесеніе. Наша экспедиція—официальная, хотя и основана на такъ называемыхъ ясновидящихъ способностяхъ нашего друга Блунта. Во всякомъ случаѣ, мы доказали справедливость этого факта, если и не могли сдѣлать ничего болѣе.

Вслѣдъ за тѣмъ докторъ весело разсказалъ Филиппу ихъ экспедицію, начиная отъ сна Блунта, который ясно видѣлъ, что извѣстное число эмигрантовъ умирало съ голоду въ горахъ, и до встрѣчи съ нимъ, при чемъ онъ выказалъ столько циническаго юмора и сатирическаго таланта, развлекавшихъ обыкно-

венно всѣхъ офицеровъ въ фортѣ Боабдилѣ, что молодые люди вскорѣ оба захохотали. Нѣкоторые изъ людей отряда, приготовлявшіе мертвецовъ къ погребенію и разговаривавшіе между собою шопотомъ, видя, что джентльмэны смѣются надъ роковой экспедиціей, стали сами шутить, конечно, грубѣе и неприличнѣе. Филиппъ насупилъ брови, а докторъ засмѣялся.

Черезъ нѣсколько времени, они рядомъ выѣзжали изъ мрачной долины. Молчаніе Филиппа на счетъ причины его появленія въ этомъ странномъ мѣстѣ не возбуждало подозрѣнія въ умѣ его пріятеля. Докторъ былъ очень радъ, что его встрѣтилъ, и думалъ только объ удовольствіи, которое ему доставитъ общество человѣка, схожаго съ нимъ по образованію, вкусамъ и привычкамъ. Онъ гордился своимъ пріятелемъ, гордился впечатлѣніемъ, произведеннымъ Филиппомъ на грубыхъ, невѣжественныхъ людей, съ которыми онъ принужденъ былъ поневолѣ брататься при демократическихъ условіяхъ пограничной жизни. Что касается до Филиппа, то онъ, несмотря на свою юность, привыкъ, чтобы друзья имъ гордились. Онъ даже находилъ чрезвычайно похвальнымъ, что такъ рѣдко пользовался этимъ обстоятельствомъ. Онъ былъ увѣренъ, что если бы разсказалъ доктору о своемъ участіи въ несчастной экспедиціи эмигрантовъ и бѣгствѣ съ Грэсъ, то докторъ почелъ бы его за героя, а потому скрылъ этотъ фактъ; онъ чувствовалъ тѣмъ менѣе укоровъ совѣсти.

Путь ихъ лежалъ мимо Монументнаго Пика и разбросанной груды камней. Филиппъ тутъ уже однажды проѣхалъ по дорогѣ къ ущелью и былъ очень радъ, что неожиданная трагедія освободила его отъ необходимости исполнить обѣщаніе, данное умершему натуралисту. Однако онъ не могъ удержаться отъ вопроса и, обращаясь къ доктору, произнесъ:

— А стоитъ что-нибудь сохранить изъ этихъ бумагъ и коллекцій?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ рѣзко докторъ, который уже нѣсколько мѣсяцевъ не имѣлъ случая выказать свой обычный скептицизмъ,—если-бъ мы могли возвратить ихъ самому доктору Деваржу, то, вѣроятно, онѣ доставили бы ему большое удовольствіе. Но, право, я не вижу здѣсь ничего такого, что было бы достойно его пережить.

Тонъ доктора такъ походилъ на тонъ самого Деваржа, что Филиппъ какъ-то странно улыбнулся и почувствовалъ себя гораздо спокойнѣе. Дойдя до разбросанной груды камней, онъ увидалъ, что сама природа раздѣляла этотъ циническій взглядъ: металическій ящикъ глубоко погрузился въ снѣгъ, вѣтеръ далеко разнесъ бумаги, и даже камни едва сохранили свои очертанія.

IX.

Слѣды исчезли навѣки.

Палящее майское солнце жгло бѣлыя стѣны комендантскаго дома въ крѣпости Санъ-Романо, красныя черепицы его крыши и черныя плиты двора, откуда мулы и погонщики только что вернувшагося каравана сбѣжали подъ тѣнь длинной галлереи. Самъ комендантъ предавался полуденной сіестѣ въ маленькой, низенькой комнатѣ близъ караульни. Сонъ коменданта никогда еще не былъ прерываемъ, и потому онъ съ испугомъ вскочилъ, когда его неожиданно разбудилъ секретарь. Его первая мысль была схватить свой вѣрный толедскій клинокъ, но случилось, что въ это самое утро кухарка взяла шпагу коменданта, чтобы вынуть tortillas изъ печи, и донъ-Хуанъ Сальватьера удовольствовался тѣмъ, что строго спросилъ о причинѣ подобнаго нарушенія заведенныхъ имъ порядковъ.

— Васъ желаетъ немедленно видѣть какая-то барышня-американка,—произнесъ секретарь.

Донъ-Хуанъ снялъ съ головы черный, шелковый платокъ, которымъ были повязаны его сѣдѣющіе волосы, и привсталъ. Но не успѣлъ онъ принять болѣе офиціальную позу, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошла молодая дѣвушка—скромно, застѣнчиво.

Несмотря на ея плохую, дурно сидѣвшую одежду, на впалые глаза, отуманенные слезами, и тяжелое горе, изсушившее ея хорошенькія щечки, она была такъ прелестна, молода, невинна, довѣрчива и безпомощна, что комендантъ быстро вскочилъ и низко ей поклонился.

Повидимому, они взаимно произвели другъ на друга хорошее впечатлѣніе, потому что молодая дѣвушка, поспѣшно взглянувъ на худощавую, но благородную фигуру коменданта и добрые глаза, свѣтившіеся надъ густыми, сѣдыми усами, съ неожиданнымъ пыломъ бросилась передъ нимъ на колѣни.

Комендантъ хотѣлъ ее нѣжно поднять, но она отстранила его рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ, выслушайте меня. Я—только бѣдная дѣвушка безъ друзей и безъ крова. Мѣсяцъ тому назадъ, я оставила свою семью въ горахъ и отправилась искать помощи, чтобы спасти ихъ отъ голодной смерти. Со мною былъ братъ. Господь сжалился надъ нимъ, синьоръ, и мы, послѣ долгаго странствія, нашли, наконецъ, кусокъ хлѣба и пріютъ въ хижинѣ поселенца. Братъ мой Филиппъ возвратился къ нашимъ съ помощью. Я съ тѣхъ поръ ничего о немъ не знаю. О, синьоръ! онъ, можетъ-

быть, умеръ; они, можетъ-быть всѣ умерли. Три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, а я все одна, синьоръ, одна на чужой сторонѣ. Здѣшній поселенецъ былъ очень добръ ко мнѣ и послалъ меня къ вамъ за помощью. Вы мнѣ поможете, я въ этомъ увѣрена. Вы ихъ найдете, моихъ друзей, мою маленькую сестру, моего брата.

Комендантъ, терпѣливо дождавшись конца ея рѣчи, нѣжно поднялъ ее и посадилъ рядомъ съ собою. Потомъ онъ обратился къ секретарю, который поспѣшно по-испански отвѣчалъ на безмолвный вопросъ коменданта. Молодая дѣвушка была ужасно разочарована, когда увидала, что ея пламенныя слова остались непонятны донъ-Хуану, и съ какимъ-то вызывающимъ тономъ, совершенно ей непривычнымъ, обернулась къ секретарю, который принялъ на себя роль переводчика.

— Вы—американка?

— Да,—рѣзко отвѣтила молодая дѣвушка, которая вдругъ почувствовала, съ чисто женскимъ инстинктомъ, странное, непобѣдимое отвращеніе къ этому человѣку.

— Сколько лѣтъ?

— Пятнадцать.

Комендантъ почти безсознательно положилъ свою загорѣлую руку на ея юную головку.

— Имя?

Она взглянула на коменданта и съ минуту колебалась.

— Грэсъ.

Она снова замолчала и черезъ минуту прибавила, бросая вызывающій взглядъ на секретаря:

— Грэсъ Ашлей.

— Назовите мнѣ кого-нибудь изъ вашей партіи эмигрантовъ, миссъ Грэсъ Ашлей.

Молодая дѣвушка опять колебалась нѣсколько мгновеній.

— Филиппъ Ашлей, промолвила она:—Гэбріель Конрой, Питеръ Думфи, миссисъ Дженни Думфи.

Секретарь открылъ конторку, вынулъ печатный листокъ и быстро пробѣжалъ его. Потомъ онъ подалъ его коменданту со словами.

— Bueno.

— Bueno,—повторилъ комендантъ и добродушно взглянулъ на Грэсъ, стараясь ее ободрить.

— Экспедиція, посланная администраціей напала на слѣды партіи американцевъ въ горахъ,—сказалъ секретарь:—между ними встрѣчаются подобныя имена.

— Это—наша партія!—радостно воскликнула Грэсъ.

— Вы увѣрены?—спросилъ подозрительно секретарь.

— Да.

Секретарь снова взглянулъ на бумагу, а потомъ на Грэсъ.

— Здѣсь не значится миссъ Грэсъ Ашлей.

Грэсъ поблѣднѣла и опустила глаза. Черезъ мгновеніе она бросила умоляющій взглядъ на коменданта. Если бъ она могла прямо говорить съ нимъ, то на колѣняхъ созналась бы въ своемъ невинномъ обманѣ; но она не могла рѣшиться, чтобы ея исповѣдь была передана секретаремъ. Поэтому она прибѣгла къ хитрости.

— Это—ошибка, сказала она:—но вѣдь есть имя Филиппа моего брата?

— Да, такое имя значится,—отвѣчалъ секретарь мрачно.

— Онъ живъ и здоровъ!—воскликнула Грэсъ, забывая все отъ радости.

— Онъ не найденъ.

— Какъ не найденъ?—спросила Грэсъ, широко открывая глаза.

— Его тамъ не было.

— Конечно, не было,—промолвила Грэсъ съ первымъ истерическимъ смѣхомъ:—онъ былъ со мною; но потомъ онъ вернулся.

— 30 апрѣля, Филиппъ Ашлей не былъ найденъ.

Грэсъ громко застонала и всплеснула руками. Забывая все отъ отчаянія, она бросилась на колѣни передъ комендантомъ и со слезами воскликнула:

— Простите меня, сеньоръ, но я обманула васъ безъ всякаго дурного намѣренія. Филиппъ—мнѣ не братъ, но другъ, добрый, преданный. Онъ просилъ меня назваться его фамиліей, и я согласилась. Меня зовутъ не Ашлей. Я не знаю, что въ этой бумагѣ; но въ ней должно быть упомянуто о моемъ братѣ Гэбріелѣ и о моей сестрѣ. О, сеньоръ! живы они или умерли? отвѣчайте мнѣ, вы должны мнѣ отвѣтить... Я... Грэсъ Конрой.

Секретарь опять развернулъ печатный листокъ, пробѣжалъ его, какъ-то странно взглянулъ на Грэсъ и подалъ бумагу коменданту, указывая въ ней на одно мѣсто. Они переглянулись; комендантъ закашлялъ и, вставъ, отвернулся отъ Грэсъ. Секретарь подошелъ къ ней и, по приказанію коменданта, подалъ ей бумагу.

Молодая дѣвушка взяла ее дрожащими руками. Морозъ пробѣжалъ по ея тѣлу. Это былъ документъ на испанскомъ языкѣ.

— Я не могу этого прочесть! воскликнула она, нетерпѣливо топая своей маленькой ножкой:—скажите мнѣ, что тутъ написано!

Комендантъ махнулъ рукой, и секретарь взялъ бумагу у молодой дѣвушки. Свѣтъ изъ глубокой амбразуры окна падалъ прямо на Грэсъ, которая, опустивъ немного голову и раскрывъ прелестныя свои губки, пламенно, жалобно смотрѣла на коменданта, хотя онъ и стоялъ къ ней спиной и, повидимому, глядѣлъ въ окно. Секретарь прокашлялся и началъ надменнымъ тономъ безупречнаго лингвиста переводить по-англійски испанскій документъ:

ДОНЕСЕНІЕ.

Его превосходительству, коменданту Санъ-Фелипе.

«Имѣю честь донести, что экспедиція, посланная на помощь несчастнымъ эмигрантамъ въ Сіеррѣ-Невадѣ, согласно показанію дона Хозе-Блуента изъ Санъ-Херонимо, нашла въ ущельѣ къ востоку отъ Чортова Прохода, доказательства о недавнемъ существованіи этихъ эмигрантовъ, погребенныхъ въ снѣгу, а также открыла исторію ихъ страданій и смерти. Письменный документъ, оставленный несчастными, знакомитъ насъ съ именами и организаціей партіи капитана Конроя, а потому прилагаю копію съ этого документа.

«Тѣла пяти несчастныхъ, найденныя въ снѣгу, не могли быть признаны, кромѣ двухъ, которыя и погребены согласно церковнымъ обрядамъ.

«Наши солдаты дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ съ мужествомъ, хладнокровіемъ, патріотизмомъ, неопредолимой стойкостью и искренней набожностью, отличающими мексиканскаго воина. Нельзя достаточно выразить похвалъ добровольной помощи, оказанной нашему предводителю въ этомъ человѣколюбивомъ дѣлѣ однимъ путешественникомъ, дономъ Артуромъ Пожетомъ, отставнымъ поручикомъ сѣверо - американской арміи.

«Несчастные, повидимому, умерли отъ голода, хотя одна женщина сдѣлалась жертвою яда. Къ сожалѣнію, среди погибшихъ былъ знаменитый въ наукѣ докторъ Поль Деваржъ, натуралистъ и набиватель чучелъ».

Секретарь остановился, понизилъ голосъ и, пристально смотря на Грэсъ, продолжалъ:

«Тѣла признанныя принадлежатъ Полю Деваржу и Грэсъ Конрой».

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула Грэсъ, дико всплеснувъ руками:—это—ошибка! Вы хотите испугать меня, бѣдную безпомощную дѣвушку! Вы наказываете меня за обманъ. Сжальтесь надо мною. Господи!.. Спаси меня, Филиппъ!

Съ дикимъ отчаяннымъ крикомъ она вскочила, схватила себя за волосы обѣими руками и грохнулась безъ чувствъ на полъ.

— Пошлите сюда Мануелу,—сказалъ поспѣшно комендантъ и, нетерпѣливо оттолкнувъ секретаря, подпялъ съ полу безчувственную Грэсъ.

Въ ту минуту въ комнату вбѣжала служанка индіанка и помогла коменданту положить на диванъ молодую дѣвушку.

— Бѣдное дитя!—сказалъ онъ, пока Мануела поспѣшно разстегивала ей платье,—Бѣдное дитя! безъ отца и безъ матери.

— Бѣдная женщина!—промолвила Мануела въ полголоса:—и безъ мужа.

X.

Одноконный Станъ.

Одноконный Станъ пользовался неслыханнымъ благоденствіемъ. Если бы его основатель, такъ безнадежно окрестившій свое дѣтище, въ минуту пьянаго отчаянія, не сдѣлался жертвою «хитрыхъ смѣшеній» въ тавернахъ Санъ-Франциско задолго до процвѣтанія стана, то, конечно, онъ призналъ бы всю несправедливость сочиненнаго имъ названія. «Держись Джимъ одной водки,—говорилъ мѣстный критикъ:—онъ открылъ бы богатую руду подъ самымъ своимъ шалашомъ». Но Джимъ поступилъ иначе; выручивъ тысячу долларовъ изъ первоначально-занятой имъ земли, онъ полетѣлъ въ Санъ-Франциско и тамъ, роскошно одѣваясь, пилъ все, что ни попало, быстро переходя отъ шампанскаго къ коньяку, отъ джина къ пиву, пока, наконецъ, не окончилъ своей мишурной, эфемерной жизни въ городской больницѣ.

Одноконный Станъ пережилъ не только своего крестнаго отца, но и его безнадежное предсказаніе, что въ немъ не будетъ никогда больше одной лошади. Это цвѣтущее селеніе рудокоповъ имѣло свою гостиницу, Домъ Трезвости, почтовую контотру, нѣсколько тавернъ, два четырехугольника низенькихъ деревянныхъ строеній на главной улицѣ, группу тѣсно скученныхъ хижинъ на скатахъ горы, массу свѣже срубленныхъ пней и рядъ недавно расчищенныхъ участковъ земли. Несмотря на свое недавнее существованіе, онъ уже гордился древностями и историческими воспоминаніями. Первый шалашъ, построенный Джимомъ Войтомъ, все еще стоялъ на своемъ мѣстѣ; слѣды пуль ясно виднѣлись на ставняхъ таверны Качуги, гдѣ произошло знаменитое побоище между Бостономъ Джо, Гарри Вартомъ и Томсо-

номъ изъ Анджеля; изъ крыши таверны Ватсона все еще торчала балка, на которой, въ предыдущемъ году, былъ повѣшенъ рудокопъ послѣ неформальнаго слѣдствія по подозрѣнію въ принадлежности ему нѣсколькихъ муловъ. Вблизи находилось скромное четырехугольное строеніе, въ которомъ происходило знаменитое собраніе, избравшее делегатовъ, которые, въ свою очередь, выбрали почтеннаго мистера Бланка представителемъ Калифорніи въ конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Шелъ дождь; но не прямо, честно, какъ обыкновенно въ этой горной странѣ, а неопредѣленно, нерѣшительно, какъ бы предоставляя себѣ право каждую минуту превратиться въ туманъ и тѣмъ отнимая возможность у всякаго держать пари, что это— дождь. Во всякомъ случаѣ, было мокро какъ сверху, такъ и снизу, что доказывалось облаками пара, стоявшаго вокругъ нижнихъ оконечностей нѣсколькихъ зѣвакъ, грѣвшихся у печки въ лавкѣ Бригса. Эти посѣтители, отъ недостатка вкуса или капитала, избѣгали публичныхъ притоновъ игры и пьянства и довольствовались гостепріимнымъ бочонкомъ Бригса, при чемъ набивали свои трубки его табакомъ и ясно обнаруживали своимъ тономъ глубокое сознаніе, что ихъ общество вполнѣ удовлетворяло Бригса за понесенные расходы.

Они курили молча; только по временамъ раздавалось глухое шипѣніе отъ плевковъ, искусно направленныхъ на раскаленныя стѣнки желѣзной печки. Неожиданно, дверь изъ внутренней комнаты отворилась, и вошелъ Гэбріель Конрой.

—Какъ его здоровье, Гэбъ?—спросилъ одинъ изъ присутствующихъ .

— Такъ себѣ,—отвѣчалъ Гэбріель и прибавилъ, обращаясь къ Бригсу:—вамъ придется, до прихода доктора, перемѣнить ему компрессы. Я самъ вернулся бы черезъ часокъ, но мнѣ надо навѣстить Стивена, а вѣдь это — двѣ мили отсюда.

— Но онъ говоритъ, что никого не допуститъ къ себѣ, кромѣ васъ,—замѣтилъ Бригсъ.

— Знаю,—отвѣчалъ Гэбріель,—но это пройдетъ. Вѣдь Стимсонъ говорилъ то же самое, когда ему стало хуже, но вскорѣ забылъ обо мнѣ; а я только подоспѣлъ, чтобы положить его въ гробъ.

Бригсъ долженъ былъ, хотя и неохотно, согласиться, что Гэбріель правъ. Послѣдній уже направился къ дверямъ, какъ его остановилъ одинъ изъ грѣвшихся рудокоповъ.

— Ей, Гэбъ! Вы знаете вновь прибывшее семейство въ шалашѣ по ту сторону рудника? Ребенокъ у нихъ умеръ вчера ночью.

— Неужели?—спросилъ Гэбріель съ сочувствіемъ.

—Да, и бѣдная мать въ большихъ хлопотахъ. Будьте такъ добры, зайдите къ ней по дорогѣ.

— Хорошо,—отвѣтилъ задумчиво Гэбріель.

— Я полагалъ, что, сказавъ объ этомъ, доставлю вамъ обоимъ удовольствіе, — продолжалъ рудокопъ, снова обернувшись къ печкѣ съ видомъ человѣка, исполнившаго свой долгъ цѣною большого труда и самопожертвованія.

— Вы всегда думаете о другихъ, Джонсонъ,—замѣтилъ Бригсъ съ явнымъ восхищеніемъ.

— Да,—отвѣчалъ Джонсонъ со скромнымъ самодовольствомъ,—я полагаю, что въ Калифорніи всѣмъ необходимо думать не только о себѣ, но и о другихъ. Нѣсколькихъ словъ съ моей стороны, вы видите, было достаточно, чтобы успокоить это бѣдное семейство.

Между тѣмъ смиренное орудіе самоотверженнаго человѣколюбія Джонсона исчезло во мракѣ и дождѣ. Гэбріель такъ добросовѣстно исполнялъ свои разнообразныя обязанности, что только къ часу ночи вернулся въ свое скромное жилище на горномъ скатѣ. Эта срубленная изъ сосновыхъ бревенъ хижина была такъ проста и первобытна, такъ близко подходила къ природѣ, что виноградная лоза свободно вилась по крышѣ изъ древесной коры, птицы гнѣздились въ разсѣлинахъ стѣнъ, а бѣлка безбоязненно грызла желуди на конькѣ кровли.

Тихо отодвинувъ деревянную задвижку, замѣнявшую желѣзный засовъ, Гэбріель вошелъ въ дверь своей обычной осторожной, едва слышной поступью. Онъ зажегъ свѣчу въ каминѣ, гдѣ еще свѣтились красные уголья, и внимательно посмотрѣлъ вокругъ себя. Хижина раздѣлялась на двѣ части холщевой занавѣской; на сосновомъ столѣ лежала одежда, очевидно, принадлежавшая дѣвочкѣ семи или восьми лѣтъ: платье, разорванное во многихъ мѣстахъ, бѣлая фланелевая юбка съ красными заплатками и чулки, до того перештопанные, что не оставалось почти ни одного цѣльнаго мѣстечка. Гэбріель грустно взглянулъ на эти мелкіе предметы туалета и очень серьезно, заботливо сталъ ихъ перебирать. Потомъ, снявъ сюртукъ и сапоги, онъ усѣлся передъ столомъ; но не успѣлъ онъ вынуть изъ ящика иголку и нитки, какъ изъ-за холщевой занавѣски раздался дѣтскій голосъ:

— Это ты, Гэбъ?

— Да.

— Я устала и легла спать, Гэбъ.

— Впжу,—отвѣчалъ Гэбріель сухо и вынулъ изъ юбки иголку съ ниткой, которая, повидимому, была брошена послѣ безнадежной попытки зашить прорѣху.

— Право, Гэбъ, всѣ мои платья такія старыя.

— Старыя!—воскликнулъ Гэбъ съ упрекомъ:—они почти также хороши теперь, какъ были сначала. Юбка положительно стала крѣпче, чѣмъ въ первый день, когда ты ее надѣла, прибавилъ онъ, смотря на заплатки съ гордостью художника.

— Да, вѣдь, съ тѣхъ поръ, Гэбъ, прошло пять лѣтъ.

— Ну, такъ что жъ?—отвѣчалъ Гэбріель съ нетерпѣніемъ, обращаясь къ занавѣскѣ:—если бы даже...

— Я выросла.

— Выросла!—повторилъ Гэбріель презрительно:—а развѣ я не выпустилъ рубцовъ и не наставилъ лифа на три пальца? Ты меня просто разоришь своей одеждой.

Олли разсмѣялась; но, не слыша сочувственнаго отклика со стороны безмолвно работавшаго Гэбріеля, она просунула въ отверстіе занавѣски свою курчавую головку. Черезъ секунду маленькая, худенькая дѣвочка, въ коротенькой ночной рубашкѣ, подбѣжала къ столу и старалась взобраться на колѣни къ Гэбріелю.

— Поди прочь,—сказалъ онъ строгимъ голосомъ, но на лицѣ его ясно виднѣлось желаніе приласкать ребенка:—поди прочь! Ты обо мнѣ не думаешь! Я могу работать до-смерти, чтобы водить тебя въ шелкахъ и бархатахъ, а ты непремѣнно залѣзешь во всякую лужу или заберешься въ лѣсную чащу. Ты совсѣмъ не бережешь платье, Олли. Я десять дней тому назадъ сковалъ его какъ бы желѣзными обручами, а теперь посмотри, на что оно стало похоже?

И онъ презрительно указывалъ на платье. Но дѣвочка не обращала вниманія на его слова, а, вскарабкавшись къ нему на колѣни, прижалась головкою къ его груди.

— Ты—совсѣмъ сумашедшій, Гэбъ, совсѣмъ сумашедшій,—повтряла она, не поднимая глазъ.

Гэбріель не удостоилъ ея отвѣтомъ, а молча продолжалъ работать.

— Кого ты видѣлъ въ городѣ?—спросила Олли, нисколько не сконфуженная.

— Никого,—отвѣчалъ рѣзко Гэбріель.

— Неправда!—воскликнула Олли, качая головой:—отъ тебя пахнетъ мятой и мазью. Ты былъ у Бригса и у новыхъ поселенцевъ.

— Да,—отвѣчалъ Гэбріель,—мексиканцу лучше, но ребенокъ умеръ. Напомни мнѣ завтра посмотрѣть въ вещахъ матери, не найдется ли чего-нибудь для бѣдной женщины.

— А ты знаешь, Гэбъ, что о тебѣ говоритъ миссисъ Маркль?—произнесла Олли, неожиданно поднимая голову.

—Нѣтъ,—отвѣчалъ Гэбріель, стараясь, но совершенно неудачно, придать себѣ равнодушный видъ.

— Она говоритъ,—продолжала Олли,—что ты приносишь себя въ жертву другимъ, а самъ нуждаешься больше всѣхъ въ попеченіяхъ. Она говоритъ также, что необходимо завести для меня женщину.

Габріэль положилъ на столъ юбку и, взявъ обѣими руками кудрявую головку Олли, повернулъ ее лицомъ къ себѣ.

— Олли,—сказалъ онъ серьезно,—когда я бѣжалъ съ тобою изъ Голоднаго Лагеря, несъ тебя на спинѣ милю за милей, двѣ недѣли кормилъ тебя рыбой и дичью въ долинѣ, тебѣ, кажется, было не хуже оттого, что не было при тебѣ женщины. Пробравшись сюда, я выстроилъ этотъ домъ и, кажется, никакая женщина не сдѣлаетъ лучше. Впрочемъ, если мнѣ докажутъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ тебѣ была бы полезнѣе женщина, то я признаю, что миссисъ Маркль права.

Олли стало неловко; но женскій инстинктъ ее выручилъ, и она снова возобновила атаку.

— Мнѣ кажется, что ты, Гэбъ, очень нравишься миссисъ Маркль.

Гэбріель взглянулъ съ испугомъ на маленькую дѣвочку. Самыя юныя представительницы женскаго пола часто инстинктивно угадываютъ то, что ускользаетъ отъ самыхъ проницательныхъ, самыхъ умныхъ мужчинъ.

— Поди спать, Олли,—произнесъ Гэбріель, не отвѣчая на слова сестры.

Но Олли хотѣлось еще посидѣть и потому она перемѣнила разговоръ.

— Мексиканецъ, за которымъ ты ухаживаешь—не мексиканецъ, а чиліецъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ мистрисъ Маркль.

— Можетъ-быть, но это все равно,—отвѣчалъ равнодушно Гебріель,—я его называю мексиканцемъ.

— А разспрашивалъ онъ тебя еще о... старомъ времени?

— Да; онъ желалъ узнать всѣ подробности о Голодномъ Лагерѣ. Онъ особенно интересовался нашей бѣдной Грэсъ и много о ней разспрашивалъ. Ея изчезновеніе, повидимому, его огорчило также, какъ и насъ. Я никогда не видывалъ, Олли, чтобы кто-нибудь такъ сильно сочувствовалъ чужому

горю. Можно, право, подумать, что онъ принадлежалъ къ нашей партіи. Онъ также разспрашивалъ меня подробно о докторѣ Деваржѣ.

— И о Филиппѣ?—спросила Олли.

— Нѣтъ, объ немъ не разспрашивай,—отвѣчалъ Гэбріель.

— Гэбріель, я не желала бы, чтобы ты разсказывалъ всякому нашу исторію,—произнесла дѣвочка неожиданно.

— Отчего?—спросилъ Гэбріель съ удивленіемъ.

— Потому что не хорошо объ этомъ говорить. Мнѣ кажется иногда, что на насъ здѣсь какъ-то странно смотрятъ. Маленькій мальчикъ новыхъ поселенцевъ не хотѣлъ со мною играть, а дѣвочка миссисъ Маркль говоритъ, что мы въ снѣгу дѣлали что-то страшное. Этотъ мальчишка сказалъ, что мы съ тобою...

— Шш!—перебилъ ее Гэбріель, вспыхнувъ,—я ему задамъ трезвону.

— Но, Гэбріель, никто...

— Сгупай спать, Олли, а то ты простудишься, и не къ чему говорить о пустякахъ,—сказалъ Гэбріель рѣзко, опуская ее на полъ, — дѣвочка миссисъ Маркль — дрянь: всегда заведетъ тебя въ грязь и перепортитъ твое лучшее платье, а я потомъ чини его всю ночь.

Олли возвратилась за холщевую занавѣску, а Гэбріель принялся снова за работу; но нитка у него какъ-то ежеминутно рвалась, и онъ мысленно кололъ иглою обнаженныя ноги дряннаго мальчишки, вмѣшавшагося не въ свое дѣло.

— Гэбъ,—произнесъ черезъ нѣсколько минутъ голосъ Олли.

— Что?—спросилъ онъ нетерпѣливо, откладывая свою работу.

— Какъ ты думаешь... Филиппъ... съѣлъ Грэсъ?..

Гэбріель быстро вскочилъ и побѣжалъ за холщевую занавѣску. Но не успѣлъ онъ скрыться, какъ дверь въ хижину отворилась, и вошелъ незнакомецъ. Онъ остановился на порогѣ и окинулъ пытливымъ взоромъ всю комнату. За занавѣской слышались голоса. Незнакомецъ постоялъ немного и потомъ кашлянулъ.

Черезъ мгновеніе Гэбріель очутился подлѣ него. Лицо его выражало неудовольствіе, но, взглянувъ пристально на неизвѣстнаго гостя, онъ остановился, какъ вкопанный. Незнакомецъ слегка улыбнулся и, слегка прихромывая, подошелъ къ креслу.

— Вы меня извините,—сказалъ онъ, садясь съ тяжелымъ вздохомъ,—вы удивлены? Вы видѣли меня часовъ шесть тому назадъ въ постели совершенно безъ ногъ и такъ нѣжно, мило

ухаживали за мной. А теперь я здѣсь. Вы думаете, что я сошелъ съ ума?

Онъ поспѣшно поднесъ правую руку ко лбу, указывая знакомъ, что рехнулся, и продолжалъ съ улыбкой.

— Выслушайте меня. Часъ тому назадъ, я получилъ важное извѣстіе. Мнѣ необходимо сегодня же ночью отправиться въ Морисвиль. Дѣлать нечего—я всталъ и одѣлся. Вы видите, мнѣ гораздо лучше, и я могу владѣть ногами. Но я сказалъ себѣ: Викторъ, ты долженъ прежде всего засвидѣльствовать свое почтеніе и пожать руку великодушному, доброму рудокопу, который тебя вылѣчилъ. *Bueno*! Вотъ я и здѣсь.

Онъ протянулъ свою тонкую, мускулистую, загорѣлую руку и устремилъ на Гэбріеля пытливые, черные глаза, которые до этого времени быстро бѣгали по всѣмъ окружавшимъ его предметамъ.

— Но вѣдь вы еще недостаточно оправились,—промолвилъ Гэбріель внѣ себя отъ изумленія,—вы не можете ходить. Вы себя убьете.

— Вы думаете? Ничего; меня ждетъ у вашихъ дверей лошадь. Сколько вы полагаете миль до ближайшаго города? Пятнадцать? Это—пустяки. Черезъ два часа идетъ оттуда дилижансъ, и я поспѣю во-время.

Говоря это, онъ махнулъ рукой, какъ бы отстраняя отъ себя всѣ препятствія, но въ то же время глаза его остановились на маленькомъ старомодномъ дагерротипѣ, стоявшемъ на полочкѣ, надъ печкой. Онъ всталъ и, прихрамывая, дошелъ до предмета, приковывавшаго его вниманіе.

— Это—чей портретъ?—спросилъ онъ.

— Грэсъ,—отвѣчалъ Гэбріель, просіявъ,—его сняли въ тотъ самый день, когда мы выступили изъ Сентъ-Джо.

— Давно?

— Шесть лѣтъ тому назадъ; ей было тогда четырнадцать лѣтъ,—произнесъ Гэбріель, вытирая рукавомъ стекло портрета и смотря на него гордо, хотя съ влажными глазами,—не было дѣвушки красивѣе во всемъ Миссури. А, что вы сказали?

Незнакомецъ произнесъ поспѣшно нѣсколько словъ на иностранномъ языкѣ, но, вѣроятно, они выражали комплиментъ, потому что онъ немедленно прибавилъ громко:

— Прелестная! Восхитительная! Ангелъ! и похожа на брата.

Послѣднія слова онъ произнесъ задумчиво, перебѣгая глазами отъ портрета къ лицу Гэбріеля и обратно. Молодому человѣку это очень польстило, хотя всякій другой на его мѣстѣ, не такой простакъ, какъ онъ, легко отгадалъ бы въ этомъ замѣ-

чанiи простую свѣтскую любезность. Дѣйствительно, честное грубое лицо брата нисколько не напоминало нѣжныхъ, поэтическихъ чертъ молодой дѣвушки.

— Драгоцѣнная вещь, — продолжалъ незнакомецъ, — и у васъ нѣтъ ничего больше?

— Ничего.

— Не осталось ни одного письма, ни одной записки? Это было бы настоящее сокровище!

— Она ничего не оставила, кромѣ своего платья. Вы знаете, что она ушла въ мужской одеждѣ брата Джона. Поэтому я всегда удивлялся, какъ это ее признали, когда нашли ея мертвое тѣло.

Незнакомецъ не произнесъ ни слова, и Гэбріель продолжалъ:

— Я возвратился къ нимъ не прежде мѣсяца, и тогда уже не было ни снѣга ни слѣда всей нашей партіи. Потомъ мнѣ разсказали, что отрядъ, посланный къ намъ на помощь, нашелъ всѣхъ мертвыми, а между прочими и Грэсъ. Я рѣшительно не понимаю, какъ она вернулась одна, потому что никто не упоминалъ о человѣкѣ, съ которымъ она ушла. Грустно подумать, что она, бѣдная голубушка, вернулась къ Олли и ко мнѣ и не нашла никого. Эта мысль просто сводитъ меня съ ума. Она умерла не отъ голода и холода, г. Рамирецъ. Ея сердце было разбито.

Незнакомецъ какъ-то странно взглянулъ на Гэбріеля, но ничего не промолвилъ.

— Больше года я тщетно старался получить донесеніе о дѣйствіяхъ отряда, посланнаго къ намъ на помощь, продолжалъ Гэбріель, отирая себѣ глаза юбочкой Олли,—потомъ я сталъ искать миссіонерскую станцію или presidio, откуда отправился этотъ отрядъ. Но тутъ вскорѣ началась золотая лихорадка, и американцы овладѣли всѣми миссіонерскими селеніями и всѣми presidios, такъ что, когда я достигъ до Сан... Сан... Сан...

— Херонимо,— поспѣшно подсказалъ Рамирецъ.

— Развѣ я вамъ называлъ его? — спросилъ Гэбріель,— кажется, нѣтъ.

Рамирецъ утвердительно улыбнулся, оскаливъ зубы, и знакомъ просилъ его продолжать.

— Достигнувъ до Санъ-Херонимо, я тамъ не нашелъ никого— ни людей ни архива. Тогда я напечаталъ объявленіе въ газетахъ въ Санъ-Франциско, прося Филиппа Ашлея — такъ звали молодого человѣка, который помогъ ея бѣгству—дать о себѣ вѣсточку. Но не получилъ никакого отвѣта.

— Вы не богаты, другъ Гэбріель?—спросилъ неожиданно Рамирецъ, вставая.

— Нѣтъ.

— Но вы надѣетесь разбогатѣть?

— Да, надѣюсь, какъ всѣ, найти руду.

— Все равно гдѣ?

— Все равно гдѣ,—отвѣчалъ съ улыбкой Гэбріель.

— Adios,—сказалъ незнакомецъ, направлясь къ двери.

— Adios,—повторилъ Гэбріель,—но развѣ вамъ непремѣнно надо ѣхать ночью? Что за спѣхъ? Вы правду говорите, что вамъ гораздо лучше?

— Лучше!—отвѣчалъ Рамирецъ съ странной улыбкой,—конечно, лучше. Посмотрите, какъ я силенъ.

Онъ выпрямился во весь ростъ, поднялъ голову и торжественно пошелъ къ дверямъ.

— Вы вылѣчили меня отъ ревматизма, другъ Гэбріель,—сказалъ онъ,—прощайте.

Затворивъ за собою дверь, онъ быстро вскочилъ на лошадь, стоявшую на улицѣ, и поскакалъ во всю прыть, такъ что, несмотря на темноту и грязь, черезъ два часа достигъ сосѣдняго города, черезъ который проходилъ дилижансъ въ Сакраменто. На слѣдующее утро онъ уже былъ въ Морисвилѣ и, войдя въ контору Международной гостиницы, подалъ одному изъ служащихъ свою карточку, говоря:

— Велите передать это миссъ Грэсъ Конрой.

XI.

Г-жа Деваржъ.

Викторъ Рамирецъ послѣдовалъ за слугой наверхъ по лѣстницѣ и по длинному коридору, до большой залы, гдѣ слуга попросилъ его подождать, а самъ исчезъ въ другомъ, темномъ коридорѣ. До его возвращенія, Рамирецъ занялся разсматриваніемъ стѣнъ, на которыхъ, между прочимъ, красовалась таинственная надпись: «Просятъ не спать на лѣстницахъ». Наконецъ, слуга явился и, подозрительно махнувъ рукой Рамирецу, повелъ его по темному коридору, гдѣ остановился передъ одной изъ дверей и слегка постучался въ нее. Несмотря на то, что этотъ стукъ былъ очень слабъ, онъ какимъ-то магическимъ образомъ заставилъ всѣ двери въ коридорѣ отвориться, и въ каждой изъ нихъ показалась мужская голова. Рамирецъ мрачно насупилъ брови. Онъ хорошо зналъ, что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Калифорніи, каждый человѣкъ, посѣщающій даму, возбуждалъ зависть и подозрѣніе въ другихъ людяхъ.

За дверью раздались легкіе шаги, и она отворилась. Слуга на минуту остановился, чтобы посмотрѣть, достаточно ли прилично произойдетъ свиданіе между мужчиной и женщиной, а потомъ мрачно удалился. Рамирецъ вошелъ въ комнату; дверь за нимъ захлопнулась, и онъ очутился лицомъ къ лицу съ таинственной обитательницей Международной гостиницы.

Это была худощавая блондинка, небольшого роста; когда исчезла съ ея лица улыбка, показавшаяся на немъ при открытіи двери, она казалась обыкновенной, ничѣмъ не замѣчательной женщиной. Если бъ она не поражала излишней мягкостью своихъ граціозныхъ манеръ и слишкомъ смиренной покорностью, которыя всегда опасны въ женщинахъ, едва ли бы она чѣмъ-нибудь могла возбуждать восхищеніе мужчинъ или опасеніе женщинъ.

Рамирецъ поспѣшно протянулъ къ ней обѣ руки, но она застѣнчиво отшатнулась и спокойно сказала, указывая на потолокъ и стѣны.

— Полотно и бумага.

Смуглое лицо Рамирека омрачилось. Наступило продолжительное молчаніе. Наконецъ блондинка разсѣяла улыбкой облако, заволакивавшее его лицо, и сказала, указывая на стулъ:

— Садитесь, Викторъ, и разскажите, отчего вы такъ скоро возвратились?

Викторъ молча сѣлъ. Блондинка смотрѣла на него мягко и покорно, но не промолвила ни слова. Онъ хотѣлъ, было, послѣдовать ея примѣру, но пламенная натура взяла свое, и онъ воскликнулъ:

— Вамъ бы лучше вычеркнуть изъ книги отеля имя—Грэсъ Конрой и вписать свое собственное.

— Отчего, Викторъ?

— Боже мой! Она спрашиваетъ отчего! воскликнулъ Викторъ; поднимая глаза къ потолку,—оттого, что въ ста миляхъ отсюда живутъ братъ и сестра Грэсъ Конрой. Я ихъ видѣлъ.

— Чтожъ, и хорошо.

— Хорошо?—повторилъ Викторъ,—что жъ тутъ хорошаго? Выслушайте меня и вы увидите, хорошо ли это.

Онъ пододвинулъ свой стулъ и продолжалъ пламеннымъ, но тихимъ голосомъ.

— Я, наконецъ, отыскалъ руду. Описаніе мѣстности въ найденной мною бумагѣ совершенно вѣрно. А, вы начинаете интересоваться моими словами? Самая руда еще никому неизвѣстна. Это мѣсто называется Одноконный Станъ; почему?—никто не знаетъ. Это—богатое селеніе рудокоповъ. Вокругъ разрабатываются драгоцѣнные рудники, но на вершинѣ не-

большой горы никто не работаетъ, а тамъ именно и есть руда. Никто не подозрѣваетъ ея присутствія, но она совершенно точно описана въ этой бумагѣ.

Онъ вынулъ изъ кармана конвертъ, а изъ него сложенную бумагу (ту самую, которую докторъ Деваржъ далъ Грэсъ Конрой) и указалъ на начерченную на ней карту.

— По этому описанію,—продолжалъ онъ,—я отправился къ источникамъ Американской рѣки и прослѣдилъ весь кряжъ небольшихъ горъ, шагъ за шагомъ, до тѣхъ поръ, пока на прошлой недѣлѣ не достигъ Одноконнаго Стана. Вотъ его мѣстоположеніе здѣсь обозначено совершенно ясно.

Онъ указалъ на бумагу, и его собесѣдница схватила ее за уголъ своими тонкими, длинными пальцами, словно когтями ястреба.

— Мнѣ необходимо было пробыть тамъ дней пять, чтобы навести справки, но какъ поступить? Я—чужестранецъ, а рудокопы подозрѣваютъ всѣхъ чужестранцевъ и потому со мною говорили не откровенно. Но я услышалъ, что между ними живетъ одинъ добрый человѣкъ, ухаживающій всегда за больными, по имени Гэбріель Конрой. Хорошо! Вдругъ я занемогъ. Меня схватилъ ревматизмъ въ колѣнкѣ. Я лежу безпомощный, какъ ребенокъ, въ домѣ мистера Бригса. Вотъ приходитъ ко мнѣ Гэбріель Конрой, сидитъ со мною, разговариваетъ и разсказываетъ все. Онъ приводитъ ко мнѣ свою маленькую сестру; потомъ я посѣщаю его хижину на горѣ и вижу портретъ его сестры Грэсъ. Ну, теперь вы понимаете, что все кончено?

— Отчего?

— Эта женщина еще спрашиваетъ отчего, — произнесъ Викторъ поднимая глаза къ потолку,—если этого мало, такъ слушайте. Домъ Гэбріеля Конроя стоитъ на той самой землѣ, которую губернаторъ подарилъ доктору Деваржу. Понимаете? Этотъ Гэбріель фактически владѣетъ землею.

— Онъ знаетъ о рудѣ?

— Нѣтъ, это—одна случайность, судьба.

Она подошла къ окну и смотрѣла въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ на дождь. Лицо ея казалось теперь такъ старо, такъ искажено, что одинъ изъ зѣвакъ на улицѣ, посмотрѣвъ въ окно, не узналъ хорошенькой француженки. Быть-можетъ, это обстоятельство заставило ее очнуться, и она возвратилась къ Рамирецу съ очаровательной, нѣжной улыбкой.

— Такъ вы отъ меня отказываетесь?—спросила она мягкимъ голосомъ.

Викторъ не смѣлъ взлянуть на нее. Онъ смотрѣлъ въ пространство и, пожавъ плечами, произнесъ:

— Это—судьба.

Она слегка щелкнула своими тонкими пальцами и, остановившись передъ нимъ, сказала:

— У васъ хорошая память, Викторъ.

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Но позвольте, все же, напомнить вамъ обстоятельства нашего знакомства. Годъ тому назадъ я получила въ Берлинѣ письмо мистера Питера Думфи изъ Санъ-Франциско, который увѣдомлялъ меня, что у него находятся важныя бумаги относительно недвижимой собственности моего покойнаго мужа, доктора Поля Деваржа, и просилъ меня вступить съ нимъ въ письменныя сношенія. Я ничего не отвѣчала, но сама пріѣхала сюда. Быть-можетъ, умный человѣкъ выразилъ бы колебаніе или сомнѣніе, но я въ такихъ случаяхъ не разсуждаю. Я—только бѣдная, слабая женщина и прямо пріѣхала. Конечно, не такъ слѣдовало поступить, и вы хитрые, осторожные мужчины прежде переписались бы. Но я прямо пріѣхала.

Викторъ вздрогнулъ, но не прервалъ молчанія.

— Я видѣла мистера Думфи въ Санъ-Франциско. Онъ показалъ мнѣ нѣсколько бумагъ, которыя, по его словамъ, онъ нашелъ въ потаенномъ мѣстѣ, гдѣ ихъ спряталъ докторъ Деваржъ. Тутъ былъ документъ на пожалованную губернаторомъ землю моему мужу, а въ другихъ бумагахъ находились важныя научныя открытія. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться за дальнѣйшими свѣдѣніями въ миссіонерскую станцію и presidio Санъ-Изабель, откуда была послана экспедиція на помощь пропавшимъ поселенцамъ. Онъ былъ просто торговецъ, и для него этотъ вопросъ представлялъ чисто денежную сдѣлку. Поэтому онъ согласился мнѣ помогать за извѣстный процентъ. Не такъ ли все это?

Викторъ поднялъ на нее свои черные глаза и кивнулъ головой.

— Я поѣхала въ миссіонерскую станцію и увидала тамъ васъ, секретаря прежняго коменданта, хранителя архива и единственное лицо, помнившее экспедицію. Вы мнѣ показали копію съ донесеніемъ о дѣйствіяхъ экспедиціи и держали себя со мною очень холодно, пока я вамъ не разсказала своей исторіи. Тогда вы, повидимому, заинтересовались мною и объяснили, какъ неожиданно появилась въ комендантскомъ домѣ Грэсъ Конрой имя которой внесено въ списокъ мертвыхъ. Вы мнѣ сказали, что сочли молодую дѣвушку за самозванку. Такъ, вѣдь было?

Викторъ снова махнулъ головой.

— Вы разсказали, какъ она пришла въ отчаяніе, прочтя донесеніе о дѣйствіяхъ экспедиціи, какъ упала въ обморокъ,

какъ женщины открыли ея несчастное положеніе, какъ комендантъ ее сожалѣлъ, какъ она таинственно исчезла, какъ комендантъ хранилъ объ этомъ молчаніе, какъ вы сами подозрѣвали, что она родила. Не такъ ли, Викторъ?

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она тихонько ее выдернула, не измѣняя своего нѣжнаго тона.

— Потомъ вы сказали мнѣ, что нашли на полу, гдѣ молодая дѣвушка упала въ обморокъ, бумагу, которая теперь у васъ въ рукахъ, и объяснили мнѣ, почему вы ее спрятали. Потомъ, вы, Викторъ, предложили мнѣ планъ дѣйствія для возвращенія себѣ того, что мнѣ должно было принадлежать по праву; вы посовѣтывали мнѣ взять на себя роль этой дѣвушки и перехитрить обманщицу. Вы не просили процентовъ, вы не старались зашибить копейки. Вы просили только моей любви. Быть-можетъ, я—глупая, слабая женщина, но ваше безкорыстіе меня подкупило, и я послушалась скорѣе голоса сердца, чѣмъ расчета. Я обѣщала вамъ мою руку и все мое состояніе по достиженіи успѣха. Теперь вы приходите ко мнѣ и просите, чтобы я нарушила нашъ договоръ и освободила васъ отъ принятаго на себя обязательства. Нѣтъ, нѣтъ, вы уже сказали довольно.

Испуганный Рамирецъ бросился передъ нею на колѣни и, схвативъ за руку, хотѣлъ что-то произнести, но она съ усиліемъ освободилась отъ него и продолжала тѣмъ же тономъ упрека.

— Нѣтъ, нѣтъ! отправляйтесь къ этому брату, отыскать котораго, повидимому, составляло вашу главную цѣль. Ступайте къ нему и возвратите бумагу, находящуюся въ вашихъ рукахъ. Скажите ему, что вы украли ее у его сестры, которую заподозрили въ обманѣ; скажите, что она родила незаконнаго ребенка. Скажите также, что этимъ поступкомъ вы отнимаете послѣднюю надежду у несчастной брошенной жены, которая пріѣхала за тысячи миль, чтобъ потребовать хоть малость отъ человѣка, обязаннаго еще при жизни ее содержать. Скажите ему все это, и, если онъ—дѣйствительно такой добрый и хорошій человѣкъ, какъ вы говорите, то онъ васъ благословитъ. Потомъ вы прибавьте, что эта бумага не можетъ принести ему никакой пользы, такъ какъ сокровища принадлежатъ, по закону, ребенку его сестры, если онъ живъ. Наконецъ, покажите ему донесеніе экспедиціоннаго отряда, удостовѣряющее смерть его обѣихъ сестеръ и возбуждающее сильное сомнѣніе въ его личности. Тогда онъ пойметъ, какое вы сдѣлали ему благодѣяніе.

— Простите меня,—произнесъ Викторъ, съ странной смѣсью стыда, опасенія и восторга, — простите меня, Юлія. Я — негодяй, я—неблагодарный, я—трусъ. Я сдѣлаю все, Юлія, все, что вы скажете.

Г-жа Деваржъ была слишкомъ умна, чтобъ настаивать на своей побѣдѣ, и слишкомъ осторожна, чтобъ вывести изъ себя легко увлекающагося Рамиреца.

— Шш!—произнесла она и какъ бы незамѣтно позволила ему привлечь ее къ себѣ.—Послушайте, Викторъ, чего вамъ бояться этого человѣка? Развѣ его показаніе можетъ пересилить мое, если я его не признаю ?Тѣмъ болѣе, что онъ незаконно владѣетъ моей собственностью. Кто можетъ подтвердить, что онъ—дѣйствительно Гэбріель Конрой, когда его единственная родственница не посмѣетъ явиться, чтобы удостовѣрить его личность, а если бъ она и явилась, то вы можете подъ присягой засвидѣтельствовать, что она вамъ выдавала себя за другую? Какое значеніе можетъ имѣть одно пристрастное показаніе, когда вы подтвердите, что я—та самая Грэсъ Конрой, которая явилась въ миссіонерскую станцію, когда то же самое покажетъ и одинъ изъ членовъ несчастной партіи эмигрантовъ, погибшихъ въ снѣгу—Питеръ Думфи.

— Думфи!—произнесъ Рамирецъ съ удивленіемъ.

— Да, Думфи, повторила г-жа Деваржъ,—когда онъ убѣдился, что я, какъ разводная жена доктора Деваржа, не могу имѣть никакого законнаго права на его наслѣдство, онъ одобрилъ вашъ планъ и предложилъ быть свидѣтелемъ для подтвержденія того факта, что я—дѣйствительно Грэсъ Конрой. Да, Викторъ, я не дремала, пока вы приходили въ отчаяніе отъ найденныхъ вами затрудненій.

— Простите меня!—воскликнулъ онъ и, схвативъ ея руку, покрылъ пламенными поцѣлуями,—я лечу. Прощайте!

— Куда?—спросила г-жа Деваржъ, вставая.

— Въ Одноконный Станъ.

— Нѣтъ, садитесь и выслушайте меня. Вы должны отправиться въ Санъ-Франциско и сказать Думфи о сдѣланномъ вами открытіи. Быть-можетъ, намъ придется взять адвоката, но прежде надо привести въ извѣстность наши силы. Вы должны разыскать, во что бы то ни стало, Грэсъ. Поѣзжайте въ Санъ-Франциско, повидайтесь съ Думфи и возвращайтесь сюда.

— Но вы здѣсь одни, безъ защитника, среди мужчинъ, произнесъ Рамирецъ, съ блестящими отъ ревности глазами.

— Повѣрьте, мужчины менѣе опасны для насъ, чѣмъ женщины! Развѣ вы мнѣ не вѣрите, Викторъ?—сказала она, смотря на него съ чарующей улыбкой.

Онъ хотѣлъ было броситься къ нея ногамъ, но она остановила его быстро, указавъ пальцемъ на потолокъ и бросивъ знаменательный взглядъ на стѣну.

— Прощайте, уѣзжайте скорѣе,—промолвила она,—или нѣтъ, нѣтъ подождите. Гэбріель женатъ?

— Нѣтъ.

— Прощайте.

Дверь затворилась за его смуглой и энергичной фигурой, и онъ исчезъ.

Спустя минуту, раздался громкій звонокъ изъ № 92, находившагося рядомъ съ комнатою, занимаемой г-жею Деваржъ.

Слуга немедленно явился, постучалъ въ дверь и почтительно вошелъ. Личность, занимавшая этотъ нумеръ, не возбуждала никакихъ подозрѣній. Это былъ всѣмъ извѣстный игрокъ, мистеръ Джэкъ Гамлинъ.

— Чортъ возьми! Зачѣмъ вы такъ долго заставили меня ждать!—воскликнулъ Джэкъ, лежа въ постелѣ и съ яростью схватывая машинку для снятія сапогъ.

Слуга промолвилъ что-то въ свое оправданіе.

— Принесите горячей воды.

Слуга поспѣшно направился къ двери, но Джэкъ остановилъ его.

— Дьяволъ! чего побѣжалъ? Кто это только-что вышелъ изъ сосѣдней комнаты?

— Не знаю, сэръ.

— Узнайте и скажите.

Джэкъ бросилъ золотую монету въ оторопѣвшаго слугу, поправилъ себѣ подушку и отвернулся къ стѣнѣ. Слуга переминался съ ноги на ногу, и Джэкъ черезъ мгновеніе снова обратился къ нему:

— Вы еще не ушли ?Коего чорта...

— Извините, сэръ, вы знаете что-нибудь о ней?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Джэкъ, приподнимаясь на локтяхъ;— но, если я увижу еще разъ, что вы, какъ пять минутъ назадъ, подсматриваете въ ея дверь, то я вамъ...

Мистеръ Гамлинъ понизилъ голосъ и очень тихо, но энергично погрозилъ лишить слугу одного изъ необходимыхъ органовъ человѣческаго тѣла.

— Ступайте.

Послѣ ухода слуги, затворившаго за собою дверь, Джэкъ лежалъ безмолвно около часа. Потомъ онъ всталъ и началъ медленно одѣваться, напѣвая, какъ всегда, въ полголоса своимъ нѣжнымъ теноромъ, которымъ онъ такъ славился. Окончивъ свой туалетъ подъ это птичье чириканье, онъ положилъ въ карманъ жилета маленькій пистолетъ съ костяной ручкой, надѣлъ шляпу на свою красивую голову, быть можетъ, больше на бекрень, чѣмъ обыкновенно, и вышелъ въ залу. Запирая свою

дверь, онъ крѣпко ее захлопнулъ, и отъ этого удара отворилась дверь въ сосѣднюю комнату; проходя мимо, мистеръ Гамлинъ машинально взглянулъ въ ту сторону и увидалъ г-жу Деваржъ, которая стояла у письменнаго стола, закрывъ лицо платкомъ. Онъ тотчасъ прекратилъ свое чириканье и серьезно пошелъ по лѣстницѣ. На нижней площадкѣ онъ встрѣтилъ слугу, который, почтительно снявъ шляпу, сказалъ:

— Онъ—не здѣшній, сэръ.

— Кто не здѣшній?—спросилъ Джэкъ рѣзко.

— Человѣкъ.

— Какой человѣкъ?

— О которомъ вы спрашивали.

Мистеръ Гамлинъ спокойно вынулъ изъ кармана сигару, закурилъ ее и, пустивъ два или три клуба дыма, пристально взглянулъ на слугу.

— Я ни о комъ у васъ не спрашивалъ.

— Я думалъ, сэръ...

— Вамъ не слѣдуетъ такъ рано пить, Майкль,—продолжалъ мистеръ Гамлинъ спокойно, не спуская глазъ съ слуги,— вы натощакъ слишкомъ пьянѣете. Пейте ужъ за обѣдомъ.

XII.

Миссисъ Маркль.

Замѣчаніе Олли о миссисъ Маркль и ея критическій отзывъ о своемъ туалетѣ не выходили изъ головы Гэбріеля всю ночь, и, вставъ рано на другое утро, онъ взглянулъ на свою работу, лежавшую на столѣ, съ мрачнымъ сомнѣніемъ въ своемъ искусствѣ по этой отрасли домашняго хозяйства.

— Да, вѣроятно, я не достаточно хорошо исполняю свой долгъ въ отношеніи ребенка, — подумалъ онъ, беря со стола одежду Олли и кладя ее бережно къ постели спавшей дѣвочки,— это платье, не говоря о прочности и крѣпости матеріи, немного устарѣло и не совсѣмъ прилично. Конéчно, ты не требуешь моднаго туалета, прелестное личико (онъ обратился къ спящему ребенку съ разсыпавшимися кудрями и раскраснѣвшимися щечками), но это возбуждаетъ замѣчанія другихъ дѣтей. Все наше селеніе что-то слишкомъ переполняется жителями. Въ послѣдніе полгода явилось новыхъ три семейства... Это—ужъ слишкомъ быстрое увеличеніе населенія. А миссисъ Маркль! (при мысли о ней Габріель вспыхнулъ, не смотря на то, что сидѣлъ одинъ въ безмолвной комнатѣ). Каковъ ребенокъ! въ девять лѣтъ такъ говоритъ объ этой вдовѣ! Просто непонятно. И, поду-

маешь, я все время избѣгалъ этого только ради Олли, ради того, чтобъ женскій надзоръ ея не мучилъ.

Однако, во время своего скромнаго завтрака ст Олли, Гэбріель впервые замѣтилъ съ безпокойствомъ нѣсколько странностей, никогда прежде его не поражавшихъ въ ея одеждѣ и даже манерахъ.

— Вообще, Олли, сказалъ онъ, осторожно оставаясь на точкѣ общихъ вопросовъ,—въ порядочномъ обществѣ молодыя дѣвушки не возятся, сидя на стулѣ, и каждыя пять минутъ не поправляютъ своихъ сапогъ.

— Вообще, Гэбъ, дѣвочки не носятъ сапогъ—отвѣчала Олли, обмакивая кусокъ хлѣба въ соусъ на сковородѣ.

Искусно избѣгая разрѣшенія вопроса, составляютъ ли высокіе резиновые сапоги необходимую принадлежность туалета молодой дѣвушки, Гэбріель произнесъ съ спокойнымъ равнодушіемъ.

— Я думаю, что, идя на работу, я загляну къ миссисъ Маркль.

Онъ изъ подлобья посмотрѣлъ на ту незначительную часть лица сестры, которая виднѣлась изъ-за большого, уничтожаемаго ею ломтя хлѣба.

— Возьми меня съ собою, Гэбъ.

— Нѣтъ, ты останешься здѣсь и приберешь комнату. Да смотри, не убѣгай въ лѣсъ прежде, чѣмъ все кончишь. Къ тому же, прибавилъ онъ, гордо поднимая голову,—мнѣ надо поговорить съ миссисъ Маркль объ одномъ дѣлѣ.

— О, Гэбъ!—воскликнула Олли, поднимая голову.

Все ея лицо сіяло хитрымъ лукавствомъ и блестѣло говяжьимъ жиромъ.

— Что съ тобою, Олли?—спросилъ Гэбріель съ спокойнымъ достоинствомъ.

— Чего ты стыдишься, Гэбъ?

Онъ не отвѣчалъ, но, вставъ, собралъ инструменты, надѣлъ шляпу и пошелъ къ двери. Потомъ неожиданно вернулся и взялъ обѣими руками Олли за голову.

— Если что-нибудь случится со мной,—сказалъ онъ,— то ты, голубушка, знай, что я всегда и болѣе всего заботился о тебѣ.

Мысль о рѣкѣ блеснула тотчасъ въ головѣ ребенка.

— Ты не пойдешь сегодня въ воду, Гэбъ?—спросила она, слегка вздрогнувъ.

— Нѣтъ, Олли, не бойся: я вернусь здравъ и невредимъ, произнесъ онъ поспѣшно, взглянувъ на ея испуганное лицо,— прощай!

Онъ нѣжно поцѣловалъ ее; она провела рукою по его бѣлокурымъ кудрямъ, пригладила ему бороду и поправила галстухъ.

— Ты лучше перемѣнилъ бы рубашку, Гэбъ; эта не довольно чиста. Вѣдь, ты идешь къ миссисъ Маркль. Погоди, я достану твою соломенную шляпу.

Она побѣжала за холщевую занавѣску, но, когда возвратилась, то Гэбріеля не было уже въ комнатѣ.

Ночью шелъ дождь; земля дышала свѣжестью, а небо было покрыто живописными облаками, что въ Калифорніи бываетъ очень рѣдко, исключая дождливаго сезона. Гэбріель обыкновенно не очень поддавался метеорологическимъ вліяніямъ и не особенно восторгался красотами природы; но въ это утро онъ вполнѣ сознавалъ, что погода была прекрасная. что окружающая его природа великолѣпна, а потому, я полагаю, онъ былъ впечатлительнѣе обыкновеннаго и въ отношеніи всѣхъ проявленій красоты на землѣ. Для нѣкоторыхъ натуръ, спасеніе которыхъ зависитъ отъ ихъ практичности, очень опасно восторгаться природой: деревомъ, цвѣткомъ, лучемъ солнца; отсюда одинъ только шагъ до роковой сантиментальности въ отношеніи женскаго пола. А случаю было угодно, чтобъ Гэбріель, подойдя къ хижинѣ миссисъ Маркль, увидѣлъ послѣ красотъ природы и царицу природы — миссисъ Маркль, которая мыла посуду въ кухнѣ передъ окномъ.

Тутъ произошла сцена, ясно обнаружившая одну изъ тѣхъ несообразностей женскаго характера, которыя плѣняютъ обыкновенныхъ людей, но иногда не имѣютъ никакого вліянія на своеобразный характеръ. Миссисъ Маркль всегда обращалась съ застѣнчивымъ Гэбріелемъ очень мягко, радушно и естественно; но теперь, замѣтивъ на его лицѣ тѣнь энергичнаго одушевленія, тотчасъ приняла воинственный тонъ.

— Если вы желаете меня видѣть, Гэбріель Конрой, сказала она, обтирая щелокъ со своихъ загорѣлыхъ, но красивыхъ рукъ,—вы должны подойти къ лохани, потому что я не могу бросить посуду невымытой. Джо Маркль всегда мнѣ говорилъ: «Когда у тебя есть работа, то не позволяй себѣ думать ни о чемъ другомъ». Салли, подай стулъ Гэбріелю; онъ у насъ рѣдкій гость, его нельзя оставлять на ногахъ. Мы — рабочія женщины, Салли, и намъ не время болѣть, а мистеръ Конрой находитъ удовольствіе только въ посѣщеніи больныхъ.

Гэбріель былъ совершенно изумленъ этимъ саркастическимъ пріемомъ, но онъ, въ то же время, какъ бы успокоился.

— Олли ошибается,—сказалъ онъ самъ себѣ,—эта женщина думаетъ только о своихъ жильцахъ и посудѣ. Впрочемъ, еслибъ

она всегда была такой и не приставала, не надоѣдала, а занималась бы преспокойно хозяйствомъ, то недурно было бы на ней жениться. Но женщинамъ довѣрять нельзя; онѣ измѣнчивы. Какъ бы то ни было, я могу успокоить Олли.

По счастью, миссисъ Маркль не знала, какія мысли таились въ головѣ безмолвно стоявшаго передъ нею человѣка, и поспѣшно продолжала свой монологъ и мытье посуды.

— Говоря, что мы—рабочія женщины, Салли,—продолжала она, попрежнему обращаясь къ своей худощавой помощницѣ, которая, стоя спиною къ хозяйкѣ, вытирала посуду и съ улыбкой посматривала на Гэбріеля, — говоря, что мы — рабочія женщины, Салли, я не забываю, что мужчины, смотрящія на насъ, могутъ также работать и даже еще больше.

Въ эту минуту миссисъ Маркль разбила тарелку и, послѣ непродолжительнаго молчанія вздохнула, посмотрѣла вокругъ себя и, покраснѣвъ, объявила, что чувствуетъ себя нервной и не можетъ продолжать мытья посуды.

Снова наступило неловкое молчаніе. Къ счастью Гэбріеля худощавая Салли возобновила разговоръ и, вовсе не замѣчая его присутствія, сказала, обращаясь больше къ стѣнѣ, чѣмъ къ хозяйкѣ.

— Вамъ не мудрено быть нервной, Сюзанна, работая на сорокъ жильцовъ и случайныхъ путешественниковъ. Вѣдь, у васъ нѣтъ помощника. Вотъ, еслибъ вы слегли отъ ревматизма, то, пожалуй, кто-нибудь и сталъ бы за вами ухаживать. Случись смерть въ вашемъ семействѣ, то друзья, не оставляющіе иначе своихъ занятій, пожалуй, явятся къ вамъ на помощь. Маленькая Манти такъ кашляла въ послѣднія недѣли, что другая мать отъ страха сама дошла бы до чахотки.

Въ эту минуту Гэбріель вспомнилъ съ упрекомъ, что, подходя къ дому мистрисъ Маркль, онъ замѣтилъ маленькую Манти въ канавѣ и ощутилъ къ ней какое-то необъяснимое чувство будущаго родственника. Но теперь это родство показалось ему столь невозможнымъ и нелѣпымъ, что онъ счелъ себя чѣмъ-то въ родѣ самозванца и пришелъ въ сильное смущеніе, которое выразилось совершенно своеобразно. Вынувъ изъ кармана маленькій гребешокъ, онъ началъ медленно, съ смущенной улыбкой, причесывать свои бѣлокурыя кудри. Миссисъ Маркль часто видывала это внѣшнее выраженіе внутренняго чувства, отгадала его причину и приняла его, какъ слѣдуемую ей дань. Она смилостивилась, но, по таинственной женской симпатіи, это выразилось въ словахъ ея помощницы.

— Вы сегодня не въ духѣ, Сюзанна,—сказала Салли,— послушайтесь моего глупаго совѣта, бросьте работу и, усѣвшись

преспокойно въ гостиной, разговаривайте съ Гэбріелемъ, если онъ не предпочитаетъ остаться въ кухнѣ, чтобъ набраться полезныхъ свѣдѣній по части хозяйства. Я никогда не могла бы работать при мужчинѣ. Дайте мнѣ вашъ передникъ, и я перемою всю посуду, если вы согласны лишиться моего общества; впрочемъ, двое—славное общество, а трое—никуда не годится. Вамъ, Сюзанна, вѣчно нѣтъ времени заниматься туалетомъ: посмотрите, у васъ волосы совсѣмъ растрепались.

Тутъ Салли, какъ бы замѣтивъ присутствіе Гэбріеля, стала поправлять прическу миссисъ Маркль, но та ее оттолкнула.

— Оставьте, Салли, мнѣ не время заниматься такимъ вздоромъ; у меня—не волосы, а швабра, сказала она строгимъ тономъ самоуниженія;—ну, вотъ, что вы надѣлали? Я такъ и знала.

Дѣйствительно, Салли съ чисто-женской хитростью неожиданно распустила черную, роскошную гриву миссисъ Маркль, раскинувшуюся волною по ея полнымъ плечамъ. Она засмѣялась и хотѣла убѣжать въ гостиную, но Салли, какъ истинный художникъ, пустила ее не прежде, чѣмъ эта поэтическая картина произвела полный эффектъ на воображеніе невиннаго Гэбріеля.

— Швабра, нечего сказать,—произнесла Салли,—хорошо, что не всѣ одинаковаго мнѣнія и что хвалить себя стыдно. Но вчера стряпчій Максвель сказалъ мнѣ на этомъ самомъ мѣстѣ, смотря на васъ, когда вы разливали супъ и одна изъ прядей вашихъ волосъ случайно распустилась: «Много красавицъ въ Фриско дорого бы дали за волоса Сюзанны Маркль...

Въ эту минуту рѣчь Салли была прервана быстрымъ бѣгствомъ миссисъ Маркль въ гостиную.

— Вы не знаете, Гэбріель, имѣетъ ли здѣсь какое-нибудь дѣло стряпчій Максвель?—спросила Салли, принимаясь за свою работу.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Гэбріель, одинаково не понимая ни тайнаго смысла ея словъ, ни опаснаго для его спокойствія эффекта распущенныхъ волосъ миссисъ Маркль.

— Онъ гораздо чаще проѣзжаетъ здѣсь, чѣмъ прежде, и въ одинъ день, кажется, пять разъ обѣдалъ. Когда вы вошли, я подумала, что это— онъ. Сюзанна этого не замѣчаетъ; она не любитъ такихъ, какъ стряпчій,—продолжала Салли, бросивъ знаменательный взглядъ на могучія плечи и высокій ростъ Гэбріеля; какъ вы находите ее теперь? Я васъ спрашиваю, какъ друга семейства.

Гэбріель поспѣшилъ увѣрить Салли, что миссисъ Маркль казалась на его взглядъ совершенно здоровой; но сухопарая служанка тяжело вздохнула и покачала головой.

— Наружность обманчива, Гэбріель. Никто не знаетъ, что переноситъ эта бѣдная женщина. Она, въ послѣднее время, очень разстроена и то-и-дѣло бьетъ посуду. Вы видѣли, какъ она только что разбила тарелку? Быть-можетъ, мнѣ не слѣдовало бы этого говорить, но вы—другъ дома и человѣкъ вѣрный; поэтому я не скрою отъ васъ, что по количеству разбитой посуды можно положительно сказать, когда вы были здѣсь. Конечно, еслибъ она узнала, что я вамъ это выболтала, то убила бы меня, такъ какъ она горда, какъ я. Вотъ хоть, напримѣръ: вы заходили двѣ недѣли тому назадъ, и столько въ этотъ день она перебила чашекъ, что не хватило ихъ вечеромъ на всѣхъ жильцовъ.

— Можетъ быть, у нея лихорадка,—произнесъ испуганный Гэбріель, вскакивая съ мѣста;—у меня дома есть индійское лѣкарство, и я его тотчасъ принесу или пришлю.

Онъ думалъ теперь только о бѣгствѣ и непремѣнно спасся бы такимъ постыднымъ образомъ, если бы Салли не остановила его, принявъ таинственный видъ.

— Если она вернется и не застанетъ васъ, то, при ея нервномъ положеніи, я не отвѣчаю за ея жизнь. Если вы уйдете послѣ того, что случилось сегодня, послѣ того, что произошло между вами, то она просто умретъ.

— Что же такое произошло?—спросилъ Гэбріель съ испугомъ.

— Не мое дѣло,—отвѣчала торжественно Салли.—судить о поведеніи другихъ и объяснять, что значитъ то или другое: посѣщеніе мужчинами женщинъ, битье посуды, причесываніе волосъ гребнемъ (Гэбріель вздрогнулъ) и молчаніе передъ постороннимиими. Не мое дѣло разсуждать, почему одна выходитъ изъ себя, а другой бросается, какъ сумасшедшій, за лѣкарствомъ. Я сама знаю про себя и молчу. Часто мнѣ говоритъ Сюзанна: «Никто на свѣтѣ не умѣетъ такъ запереть свои мысли и бросить отъ нихъ ключъ, какъ вы, Салли». Ну, вотъ и вы, сударыня; давно уже пора, а то я теряю время, разговаривая съ этимъ джентльменомъ.

Излишне прибавлять, что послѣднія слова относились къ миссисъ Маркль, которая въ эту минуту показалась въ дверяхъ въ новомъ ситцевомъ платьѣ, рельефно выставлявшемъ ея роскошныя формы, и что Салли относилась къ обоимъ дѣйствующимъ лицамъ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ, какъ бы въ доказательство, что минута была торжественная.

— Я надѣюсь, что не помѣшала вашему разговору,—сказала вдова съ лукавой улыбкой, останавливаясь на порогѣ,—но если вы еще не кончили, то я подожду.

— Я не думаю, чтобъ Гэбріель имѣлъ еще что-либо мнѣ сказать по секрету отъ васъ, миссисъ Маркль, —отвѣчала Салли, намекая на то, что Гэбріель открылъ ей тайну, которую она изъ деликатности не могла обнаружить,—не мнѣ станутъ довѣрять джентльмены свои чувства.

Трудно сказать, что болѣе пугало Гэбріеля, лукавыя ли замѣчанія миссисъ Маркль, или ясный намекъ Салли. Онъ всталъ и убѣжалъ бы даже въ виду истерики миссисъ Маркль и насильственныхъ дѣйствій Салли, на которыя онъ считалъ ее вполнѣ способной, но его удерживало страшное подозрѣніе, что онъ уже безвозвратно запутался, нацежда, что онъ найдетъ случай для объясненія, и, быть можетъ, роковая, притягательная сила опасности. Какъ бы то ни было, онъ нерѣшительно послѣдовалъ за миссисъ Маркль въ ея гостиную. Тамъ она пригласила его сѣсть, и онъ безпомощно опустился на стулъ, тогда какъ Салли въ кухнѣ стала громко шумѣть посудой и пѣть во все горло, съ явною цѣлью убѣдить застѣнчивыхъ влюбленныхъ, что она не можетъ подслушать ихъ нѣжной бесѣды; это было такъ очевидно, что Гэбріель покраснѣлъ до корня волосъ.

Въ этотъ день Гэбріель возвратился домой вечеромъ серьёзнѣе обыкновеннаго. На всѣ вопросы Олли онъ отвѣчалъ коротко и уклончиво. Но не въ его натурѣ было хранить въ тайнѣ что-либо, даже непріятное, а потому Олли терпѣливо ждала той минуты, когда онъ самъ все ей разскажетъ. Эта минута наступила послѣ ихъ скромнаго ужина, который прошелъ безъ всякихъ критическихъ замѣчаній со стороны Гэбріеля. Олли, какъ всегда, поставила между ногъ брата маленькій ящикъ и сѣла на него, прислонясь головой къ его жилеткѣ. Гэбріель закурилъ трубку и, выпустивъ нѣсколько клубовъ дыма, сказалъ тихо:

— Это невозможно.

— Что невозможно, Гэбъ?—спросила хитрая Олли, очень хорошо понимая, о чемъ онъ говорилъ.

— То дѣло, о которомъ мы говорили.

— Какое дѣло, Гэбъ?

— Женитьба на миссиссъ Маркль,—сказалъ Гэбріель съ искусственнымъ хладнокровіемъ.

— Отчего?

— Она не хочетъ итти за меня.

— Отчего?—воскликнула Олли, поспѣшно обернувшись.

Гэбріель уклонился отъ взгляда сестры и твердо повторилъ, смотря на огонь.

— Ни за что не хочетъ.

— Низкая, противная, старая дрянь!—воскликнула съ сердцемъ Олли,—развѣ есть человѣкъ лучше тебя, Гэбъ? Какое безстыдство!

Гэбріель махнулъ трубкою по воздуху, но съ такимъ тономъ невозмутимой покорности, что Олли снова взглянула на него подозрительно.

— Что̀ она сказала?

— Она сказала,—отвѣчалъ Гэбъ медленно,—что ея сердце отдано другому. Кажется, она выразилась стихами: «сердце отдано другому, не бывать твоимъ ему». Я не помню именно, что̀ она сказала, но ты знаешь, Олли, что женщины въ такую минуту всегда говорятъ стихами. Во всякомъ случаѣ смыслъ былъ такой.

— Кого же это она предпочла тебѣ?—неожиданно спросила Олли.

— Она не сказала,—отвѣтилъ Гэбріель съ безпокойствомъ,—а я не считалъ себя въ правѣ спрашивать.

— Ну?

— Что ну? — спросилъ Гэбріель, съ еще бо̀льшимъ смущеніемъ.

— Что ты сказалъ?

— Потомъ?

— Нѣтъ, прежде; ка̀къ ты объяснился, Гэбъ?—произнесла Олли, смотря въ глаза брату и поддерживая ручонками свой подбородокъ.

— О! какъ всегда, въ подобныхъ случаяхъ, — сказалъ Гэбріель, махая трубкой въ знакъ того, что всѣмъ извѣстно, какъ дѣлается вообще предложеніе руки и сердца.

— Но ка̀къ именно? Гэбъ, разскажи мнѣ все.

— Ну, вотъ видишь, началъ Гэбріель, смотря на потолокъ,—женщины, обыкновенно, застѣнчивы, и мужчины всегда лучше привлекаютъ ихъ къ себѣ смѣлостью. Вотъ, Олли, я, войдя въ домъ, потрепалъ Салли по щекамъ и, обнявъ вдову, поцѣловалъ ее разъ два или три, знаешь, изъ любезности и для приличія.

— И неужели, Гэбріель, послѣ этого она не захотѣла вытти за тебя?

— Ни подъ какимъ видомъ,—произнесъ Гэбріель рѣшительно.

— Отвратительная бестія!—воскликнула Олли,—я желала бы, чтобъ Манти посмѣла теперь притти сюда,—прибавила она, дико грозя перстомъ;—и подумать только что сегодня я позволила ей выбрать у насъ лучшаго щенка!

— Тише, Олли: это для всѣхъ должно остаться тайной,—произнесъ поспѣшно Гэбріель,—я только тебѣ и довѣряю; между нами не можетъ быть ничего скрытнаго. Къ тому же, прибавилъ онъ убѣдительнымъ тономъ, прежде, чѣмъ жениться, всякій долженъ перенести съ дюжину отказовъ. Это такъ водится. Одинъ мой знакомый, съ безстыдствомъ продолжалъ Гэбріель, вполнѣ сознавая, что онъ лгалъ, получилъ пятьдесятъ отказовъ, а былъ гораздо лучше меня и имѣлъ тысячу долларовъ. Знаешь, Олли, нѣкоторые это любятъ, какъ сильное ощущеніе, въ родѣ разысканія руды.

— Но что-жъ ты сказалъ, Гэбъ? — спросила Олли, снова возвращаясь къ главному факту и не понимая удовольствія, доставляемаго отказомъ по словамъ Гэбріеля.

— Я всталъ и говорю: «Сюзанна Маркль, вотъ въ чемъ дѣло: я и Олли живемъ на горѣ, а вы съ Манти въ ущельѣ; горы и долины раздѣляютъ два любящихъ сердца, и нѣтъ причины, почему бы намъ всѣмъ не составить одно семейство въ моемъ домѣ; вамъ назначить день». Потомъ я пустился немного въ поэзію, ввернулъ это кольцо (Гэбріель указалъ на толстое золотое кольцо, красовавшееся на его мизинцѣ), поцѣловалъ опять вдову, потрепалъ по щекѣ Салли—вотъ и все.

— И она, послѣ всего этого, не пожелала выйти за тебя, Гэбъ,—произнесла задумчиво Олли;—ну, такъ что-жъ, кому она нужна? Во всякомъ случаѣ не мнѣ.

— Я очень радъ слышать это отъ тебя, Олли, отвѣчалъ Гэбріель.—Но ты не должна говорить ей объ этомъ ни слова. Она собирается купить ту часть стараго участка на нашей горѣ, гдѣ я начиналъ работы въ прошломъ году, и выстроить домъ подлѣ насъ. Она говоритъ, что хочетъ быть поближе къ намъ и ухаживать за тобою. Поэтому, Олли,—продолжалъ Гэбріель серьезно,—если она будетъ попрежнему приставать ко мнѣ, то ты не обращай вниманія—такъ поступаютъ всѣ женщины.

— Я желала бы это видѣть,—произнесла Олли.

Гэбріель взглянулъ на нее съ невольнымъ удовольствіемъ и обнялъ.

— Теперь все кончено, Олли,—сказалъ онъ,—и, право, такъ лучше. Мы будемъ жить съ тобою попрежнему. Я на-дняхъ говорилъ съ товарищами о томъ, чтобы выписать учительницу изъ Морисвиля, и миссисъ Маркль одобряетъ эту идею. Ты будешь ходить въ школу, Олли; на будущей недѣли я съѣзжу въ Морисвиль за новой для тебя одеждой, и мы будемъ жить припѣваючи. Потомъ, Олли, вдругъ—счастье всегда является вдругъ—я найду руду въ этой горѣ, и мы будемъ богаты. Я всегда говорилъ, что здѣсь есть руда. А, разбогатѣвъ мы съ тобою

поѣдемъ въ Санъ-Франциско. Я куплю большой домъ, у тебя будутъ всевозможные учителя и множество подругъ изъ лучшихъ дѣвочекъ въ городѣ. Тогда, можетъ быть, я полажу и съ миссисъ Маркль...

— Никогда!—воскликнула Олли съ сердцемъ.

— Да, никогда,—отвѣчалъ хитрый Гэбріель, сіяя удовольствіемъ, но чувствуя въ тоже время упреки совѣсти;—однако, маленькимъ дѣвочкамъ пора спать.

Повинуясь этому замѣчанію, Олли удалилась за холщевую занавѣску, взявъ съ собою свѣчку и оставивъ брата курить трубку при мерцающемъ свѣтѣ потухающаго огня. Но Олли не заснула, а спустя полчаса выглянула изъ-за занавѣски. Габріэль сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, закрывъ лицо руками. Она тихонько подошла къ нему и, поднявъ его голову, нѣжно обняла. На одной изъ своихъ рукъ она почувствовала что́-то влажное.

— Ты не грустишь объ этой женщинѣ, Гэбъ?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Гэбріель, засмѣявшись.

Олли взглянула на свою руку, а Гэбріель пристально посмотрѣлъ на потолокъ.

— Крыша течетъ,—произнесъ онъ,—ее надо завтра починить. Однако, ступай, Олли, спать, ты простудишься въ одной рубашенкѣ.

XIII.

Габріель выдаетъ себя.

Хотя Гэбріель принялъ на себя маску спокойствія и дѣйствительно чувствовалъ нѣкотораго рода облегченіе, онъ далеко не былъ доволенъ результатомъ своего визита съ миссисъ Маркль. Что бы ни произошло на этомъ свиданіи, о которомъ читатель знаетъ только по разсказу самого Гэбріеля, его дальнѣйшее поведеніе нисколько не согласовалось со смѣлымъ и рѣшительнымъ отзывомъ, который онъ далъ Олли. Въ продолженіе двухъ дней, онъ съ неудовольствіемъ прекращалъ разговоръ, когда Олли наводила его на этотъ предметъ; но на третій день онъ самъ завелъ съ однимъ изъ рудокоповъ въ тавернѣ «Эврика» бесѣду, имѣвшую нѣкоторое отношеніе къ данному случаю.

— Въ послѣднее время въ газетахъ много говорятъ о процессахъ по поводу отказа отъ брака,—началъ онъ очень осторожно,—поэтому, мнѣ кажется, что всякій, любезно обращающійся съ женщиной, всегда находится въ опасности попасть подъ судъ—не правда ли?

Собесѣдникъ Гэбріеля, искавшій, по слухамъ, въ Одноконномъ Станѣ убѣжище отъ своей жены, грубо отвѣчалъ, что всѣ женщины—дуры и имъ никогда не слѣдовало довѣряться.

— Я полагалъ бы необходимымъ издать по этому поводу общій законъ,—продолжалъ Гэбріель.—Что бы вы сказали, еслибъ вамъ пришлось сидѣть присяжнымъ по слѣдующему дѣлу? Это случилось съ моимъ пріятелемъ въ Фриско—вы его не знаете. Одна женщина, скажемъ вдова, ухаживала за нимъ года два или три, но онъ ни разу не говорилъ ей ничего о женитьбѣ. Однажды, онъ преспокойно отправляется къ ней въ домъ, чтобы дружески провести...

— Это плохо,—перебилъ его циническій собесѣдникъ.

— Быть можетъ, съ виду оно и нехорошо; но мой пріятель не имѣлъ никакого дурного намѣренія.

— Ну?

— Вотъ и все.

— Все!—воскликнулъ изумленный совѣтчикъ съ презрѣніемъ.

— Да, все. Теперь эта женщина увѣряетъ, что заведетъ процессъ и заставитъ его жениться.

— Мое мнѣніе,—произнесъ рѣзко импровизованный совѣтчикъ,—что вашъ пріятель—дуракъ, и больше ничего. Я присудилъ бы его къ уплатѣ убытковъ за глупость.

Это рѣшеніе такъ поразило Гэбріеля, что онъ безмолвно отошелъ, но, находясь въ подобномъ настроеніе духа, онъ не могъ удержаться отъ дальнѣйшаго собиранія справокъ и, въ тотъ же день, въ лавкѣ Бригса, искусно навелъ общій разговоръ на вопросъ объ ухаживаніи за женщинами и о бракѣ.

— Много различныхъ путей познакомиться съ женщинами, сказалъ Джонсонъ, изобразивъ при этомъ, какъ онъ побѣдилъ сердце одной красавицы,—столько же различныхъ путей, сколько различныхъ мужчинъ и женщинъ. На однѣхъ женщинъ вовсе не дѣйствуетъ то, что сильно вліяетъ на другихъ. Но есть одно средство, которое побѣждаетъ почти всѣхъ—равнодушіе. Надо не выказывать, что вамъ нравится та или другая женщина, а вообще добродушно обращаться со всѣми, какъ, напримѣръ, обращается Гэбъ съ больными, но не говорить ни одной изъ нихъ чего-либо особеннаго и, такимъ образомъ, дать имъ понять, что все ухаживаніе должно быть съ ихъ стороны. Что съ вами, Гэбъ, вы уходите?

Гэбріель съ безпокойствомъ выскочилъ съ мѣста и направился къ дверямъ, бормоча подъ носъ: «пора домой»; но потомъ онъ возвратился, снова сѣлъ и взглянулъ со страхомъ на Джонсона.

— Этотъ способъ дѣйствуетъ почти на всѣхъ,—продолжалъ Джонсонъ,—но за человѣкомъ, придерживающимся его, надо зорко слѣдить. Этотъ способъ слѣдовало бы запретить закономъ, какъ недостойную игру самыми святыми человѣческими чувствами. Подобный человѣкъ долженъ быть заклейменъ общимъ презрѣніемъ.

— Но, можетъ быть, онъ поступаетъ такъ безъ всякаго намѣренія, просто по своему характеру,—замѣтилъ Гэбріель жалобнымъ тономъ и смотря пристально на всѣхъ присутсвующихъ,—можетъ быть, онъ по природѣ равнодушенъ къ женщинамъ и къ браку.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ съ презрѣніемъ Джонсонъ,—какъ бы не такъ! Это—хитрѣйшая изъ хитростей. Это все равно, что зажать въ одной рукѣ горсть золота, а другой просить милостыню.

Гэбріель медленно всталъ и, отстраняя всѣ просьбы посидѣть еще, пошелъ къ двери и тамъ сказалъ нѣсколько словъ о дурной погодѣ, чтобы доказать присутствующимъ свое равнодушіе къ предмету разговора. Потомъ, понуривъ голову, онъ исчезъ подъ дождемъ, который въ продолженіе всего дня лилъ, какъ изъ ведра, превративъ единственную узкую, но длинную улицу Одноконнаго Стана въ ручей желтой, клокочущей воды.

— Что-то Гэбъ сегодня не въ духѣ,—сказалъ Джонсонъ;—говорятъ, что утромъ спрашивалъ о немъ стряпчій Максвель. Вѣрно что-нибудь не ладно. Гэбъ—не дурной человѣкъ: онъ—не Богъ вѣсть что̀ изъ себя представляетъ, но отлично ухаживаетъ за больными, а это очень полезно для нашего стана. Надѣюсь, что ничего не помѣшаетъ ему продолжать свою дѣятельность.

— У него должно быть исторія съ какой-нибудь женщиной,—замѣтилъ Бригсъ:—онъ что̀-то очень внимательно слушалъ вашу рѣчь о женщинахъ. Нѣкоторые полагаютъ—прибавилъ Бригсъ, понижая голосъ и посматривая по сторонамъ, что Олли совсѣмъ не сестра ему, какъ онъ говоритъ, а дочь. Правда ,никто не сталъ бы такъ ухаживать за дѣвочкой и отказывать себѣ ради нея въ женщинахъ, въ водкѣ и обществѣ товарищей, еслибъ она не была его дочь. Такихъ братьевъ не бываетъ въ нашей сторонѣ.

— Во всякомъ случаѣ,—прибавилъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—его разсказъ о Голодномъ Лагерѣ и бѣгствѣ оттуда чрезвычайно странный. Я никогда ему не вѣрилъ.

— Впрочемъ, это—его дѣло и до меня не касается,—продолжалъ Джонсонъ;—я оказывалъ ему услуги насколько могъ; говорилъ, кто былъ боленъ, и совѣтовалъ, какъ лучше ухаживать

за больными. Но не стану же я отвѣчать за него, если онъ попалъ въ какую-нибудь бѣду.

— И я также не обязанъ слѣдить за его нравственностью,— прибавилъ Бригсъ,—потому только, что позволялъ ему приходить сюда и ухаживать за больнымъ мексиканцемъ.

Между тѣмъ, злополучный предметъ этого разговора, пройдя по улицѣ и держась стѣнки домовъ, чтобы избѣгнуть порывовъ вѣтра, свирѣпо дувшаго прямо съ горы, достигъ, наконецъ, маленькой тропинки, которая вела черезъ оврагъ къ его хижинѣ на противоположномъ горномъ скатѣ. Онъ остановился въ нерѣшительности. Эта тропинка шла мимо того дома, въ которомъ миссисъ Маркль содержала меблированныя комнаты, и ему казалось, что, послѣ всего слышаннаго, онъ, подвергаясь снова опасности, неосторожно бросалъ бы вызовъ судьбѣ. Онъ считалъ неизбѣжнымъ одно изъ двухъ: или вдова и Салли, бросившись на него, затащатъ его къ себѣ, или вдова, увидавъ, что онъ прошелъ мимо, не зайдя къ ней, упадетъ въ обморокъ. Другая дорога въ его хижину была вдоль гребня горы, и ему пришлось бы пройти, по крайней мѣрѣ, три лишнихъ мили. Но Гэбріель не долго колебался и сталъ быстро взбираться на гору.

Это было не легко; при порывистомъ вѣтрѣ и сильномъ дождѣ, преодолѣніе физическихъ трудностей силой своихъ могущественныхъ мускуловъ изгнало изъ его ума нелѣпый страхъ. Достигнувъ вершины горы, онъ впервые замѣтилъ, къ какимъ роковымъ послѣдствіемъ привели постоянные дожди въ продолженіе цѣлой недѣли. Журчавшій горный потокъ, въ которомъ онъ двѣ недѣли тому назадъ утолялъ свою жажду во время прогулки съ Олли, теперь превратился въ бурный водопадъ, а ручей, черезъ который они перепрыгивали, сдѣлался широкой, быстрой рѣкой. Внизу, въ долинахъ и на далекой простиравшейся къ горизонту равнинѣ, виднѣлись громадныя мрачныя водяныя пространства, а въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ неустанно лившаго дождя.

Въ полчаса онъ прошелъ еще двѣ мили по этой тяжелой дорогѣ и очутился въ виду узкаго, крутого чернаго ущелья, черезъ которое долженъ былъ проѣзжать вингдамскій дилижансъ изъ Морисвиля. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что маленькій горный потокъ, бѣжавшій подлѣ дороги, значительно разлился и занялъ часть дороги, которая тамъ и сямъ исчезала подъ водой.

— Не легко пробраться по этому ущелью,—подумалъ Гэбріель, вспомнивъ, что было уже время проѣхать вингдамскому дилижансу,—непріятно и опасно, но бываютъ на свѣтѣ вещи

и хуже (его мысли снова перенеслись къ миссисъ Маркль), и, еслибъ я могъ помѣняться мѣстомъ съ Биллемъ, то съ охотою посадилъ бы Олли въ дилижансъ, самъ бы вскочилъ на козлы и былъ бы таковъ.

Въ эту самую минуту глазамъ его представился на вершинѣ горы резервуаръ вингдамскаго рва, и онъ забылъ о миссисъ Маркль, обо всемъ мірѣ. Онъ какъ бы вдругъ преобразился. Что же онъ увидѣлъ? Ничего особеннаго для обыкновеннаго путешественника. Резервуаръ былъ переполненъ водою и излишекъ ея съ грохотомъ выливался въ боковой прокопъ. Ничего болѣе? Нѣтъ— для опытнаго глаза количество воды нисколько не уменьшалось за плотиной. И это все? Нѣтъ: на половинѣ грубо устроенной плотины, вода медленно просачивалась сквозь небольшое, но постоянно увеличивавшееся отверстіе надъ самымъ ущельемъ и почтовой дорогой. Плотина уступала напору воды.

Торопливо скинувъ съ себя одежду, мѣшавшую его движеніямъ, Гэбріель бросился съ опасностью жизни внизъ къ ущелью, перепрыгивая съ утеса на утесъ, съ валуна на валунъ, придерживаясь за вѣтви деревъ и торчащіе громадные корни; а, очутившись въ горномъ проходѣ, онъ пустился бѣгомъ навстрѣчу дилижанса, чтобъ предупредить его о грозившей опасности. Все это было дѣломъ мужественнаго человѣка, хотя не имѣло ничего особеннаго или своеобразнаго; сдѣлалъ онъ все это безъ излишней потери силъ и напротивъ, сохраняя ихъ по возможности, съ ловкостью и навыкомъ горца, съ такой простотою, опредѣленностью и твердостью во всѣхъ движеніяхъ, что, казалось, онъ задолго приготовлялся къ такому подвигу; это было отличительною чертою Гэбріеля Конроя. Всякій, кто увидалъ бы его спокойный, ровный бѣгъ, серьезное, энергичное, но не взволнованное лицо и зоркій, невозмутимый взглядъ, принялъ бы его за великана, дѣлающаго моціонъ для здоровья.

Не успѣлъ онъ пробѣжать и полумили, какъ до его чуткаго уха долетѣлъ глухой ревъ воды, стремившейся вслѣдъ за нимъ. Но онъ только немного ускорилъ свой ровный шагъ, словно за нимъ торопился какой-нибудь пріятель, а не гналась неумолимая смерть. Въ то же мгновеніе на дорогѣ послышался стукъ экипажа, который на секунду остановился и повернулъ назадъ, такъ какъ громкій крикъ Гэбріеля предвѣщалъ издали опасность. Но было уже поздно. Съ дикимъ грохотомъ несшаяся за нимъ вода сшибла его съ ногъ, а затѣмъ закрутила въ своемъ водоворотѣ дилижансъ и лошадей, прибивъ ихъ черной, безформенной массой къ отвѣсной стѣнѣ ущелья. Тогда сказался весь запасъ силъ, сохраненныхъ Гэбріелемъ. Сначала онъ не оказы-

валъ безполезнаго сопротивленія неудержимому потоку, а носился со стороны на сторону по волѣ свирѣпой стихіи, пока, наконецъ, не увидалъ близъ себя дерева, нависшаго надъ ущельемъ. Съ неимовѣрной силой схватился онъ за его длинную вѣтвь и приподнялся надъ клокочущимъ, всасывающимъ въ себя водоворотомъ. Дилижансъ исчезъ; только нѣсколько фигуръ чернѣло въ водѣ, кружась въ безпомощной борьбѣ. Между ними была женщина. Гэбріель снова бросился въ пѣнящіяся желтыя волны. Черезъ минуту онъ былъ подлѣ нея, схватилъ ее за талію своей могучей рукой и приподнялъ ея голову надъ поверхностью воды, но въ это мгновеніе онъ почуствовалъ, что его кто-то схватилъ съ другой стороны. Онъ не стряхнулъ съ себя опаснаго бремени, а, громко закричавъ «держи меня ниже», поплылъ обратно, разрѣзая бушующую воду одной рукой. Достигнувъ дерева, онъ выпрямился и, схватившись зубами за вѣтвь, вытащилъ изъ пучины обоихъ несчастныхъ. Но тутъ снова раздался роковой грохотъ и второй потокъ желтой воды ворвался въ ущелье. Дерево начало подаваться подъ тяжестью висѣвшихъ на немъ трехъ человѣкъ. Гэбріель вонзилъ свои пальцы въ землю у самыхъ его корней, ухватился ногами за выдающійся уступъ скалы и крѣпко прижалъ женщину къ отвѣсной стѣнѣ. Пѣнящійся валъ пронесся надъ ними; послышался отчаянный вопль и человѣкъ, спасенный Гэбріелемъ, исчезъ. Остались только Гэбріель и женщина.

Они были невредимы, но лишь на минуту. Оба они держались надъ бездною одной лѣвой рукой Гэбріеля. Онъ впервые взглянулъ на женщину и промолвилъ нерѣшительно:

— Можете вы продержаться одну секунду?

— Могу.

Даже въ эту критическую минуту онъ вздрогнулъ отъ таинственно нѣжнаго тона ея голоса.

— Обхватите меня обѣими руками за шею.

Она повиновалась. Гэбріель освободилъ свою правую руку. Онъ почти не чувствовалъ висѣвшей у него на плечахъ ноши и осторожно сталъ ощупывать утесъ надъ своей головой, стараясь за что-нибудь уцѣпиться. Найдя выдающійся камень, онъ съ неимовѣрной силой приподнялся и поставилъ ногу въ небольшое отверстіе, изъ котораго вырванъ былъ одинъ изъ корней дерева. Онъ остановился.

— Можете удержаться еще минуту?

— Лѣзьте.

Гэбріель полѣзъ. Онъ нашелъ другой выдающійся камень, потомъ третій, четвертый и такимъ образомъ достигъ до неболь-

шаго уступа въ одинъ футъ ширины, недалеко отъ вершины утеса. Онъ снова остановился.

— Можете вы долѣзть до верха?—спросила женщина

— Да, если вы...

— Лѣзьте,—отвѣчала она просто.

Гэбріель продолжалъ подниматься и черезъ нѣсколько минутъ достигъ вершины. Тутъ руки женщины неожиданно дрогнули, и она упала бы, еслибъ Гэбріель не схватилъ ее за талію; онъ осторожно взялъ ее на руки и отнесъ къ близъ стоявшей соснѣ, вокругъ которой земля была устлана шишками, словно ковромъ. Онъ положилъ ее тамъ съ своей обычной нѣжностью и умѣньемъ обращаться съ безпомощными существами. Она поблагодарила его такой граціозной улыбкой, обнаружившей рядъ блестящихъ бѣлыхъ зубковъ, и такимъ страннымъ взглядомъ темно-сѣрыхъ глазъ, что онъ не могъ оторваться отъ нея. Это была женщина небольшого роста съ свѣтлыми волосами, красиво одѣтая и совершенно незнакомаго ему типа. Еслибъ она не улыбнулась, то онъ никогда не подумалъ бы, что она хороша собой. Однако, несмотря на эту улыбку, она вдругъ поблѣднѣла и упала въ обморокъ.

Въ ту же минуту Гэбріель услыхалъ вблизи голоса и увидѣлъ приближавшихся двухъ пассажировъ, которые, очевидно, спаслись, также вскарабкавшись по утесамъ. Но тутъ трудно объяснить, какъ онъ вдругъ созналъ всю странность своего положенія. Что о немъ подумаютъ? Повѣрятъ ли его словамъ? Онъ болѣзненно вспомнилъ недавній разговоръ въ лавкѣ Бригса; ему представились разгнѣванныя лица толстой миссисъ Маркль и сухопарой Салли; даже вопросительный взглядъ маленькой Олли, казалось, пронизывалъ его до глубины сердца, и увы! этотъ мужественный герой обратился въ бѣгство.

XIV.

Простота и хитрость.

Уже стемнѣло, когда Гэбріель возвратился домой, и Олли съ безпокойствомъ ожидала его.

— Ты промокъ до костей и весь въ грязи, гадкій Гэбъ! — воскликнула она,—поди скорѣе переодѣнься, а то умрешь отъ простуды.

Олли произнесла эти слова какимъ-то страннымъ, необычайнымъ тономъ, но Гэбріель не сдѣлалъ ей никакого замѣчанія или упрека—такъ онъ былъ радъ, что она не закидала его вопросами. Однако, надѣвъ сухое платье и выйдя изъ-за холщевой занавѣски, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ при свѣтѣ только-

что зажженной свѣчи, что и внѣшній видъ Олли подвергся совершенной перемѣнѣ. Не только ея лицо и руки были чисто вымыты, а русыя кудри перехвачены розовой лентой, но во всей ея фигурѣ была какая-то необыкновенная порядочность и даже стремленіе украсить нѣсколько свой туалетъ: такъ, на шеѣ у ней виднѣлись малиновая лента и старинный кружевной воротничекъ, найденный въ вещахъ ея матери.

— Кажется, кто-то здѣсь и до меня перемѣнялъ твой туалетъ,—сказалъ Гэбріель съ удовольствіемъ,—ты опять была въ канавѣ, Олли?

— Нѣтъ,—отвѣчала Олли съ нѣкоторымъ достоинствомъ и принялась накрывать столъ для ужина.

— Право, я никогда не видалъ тебя такъ хорошо одѣтой, Олли—замѣтилъ Гэбріель и, послѣ минутнаго молчанія, прибавилъ съ неожиданнымъ ужасомъ,—кто здѣсь былъ?

— Никто. Люди могутъ жить и одѣваться прилично безъ помощи другихъ, а особливо Сюзанны Маркль.

При этомъ злобномъ намекѣ Гэбріель насушилъ брови.

— Послушай, Олли, сказалъ онъ,—ты не должна такъ говорить объ этой женщинѣ. Ты—ребенокъ, и, если твой братъ сказалъ тебѣ, какъ сестрѣ, кое-что по секрету, то не слѣдуетъ объ этомъ болтать.

— Болтать!—съ презрѣніемъ воскликнула Олли,—ты думаешь, что я стану съ кѣмъ нибудь говорить объ этой женщинѣ? Излови меня на этомъ!

Гэбріель взглянулъ на сестру съ искреннимъ восторгомъ и почуствовалъ въ глубинѣ громко упрекавшей его совѣсти, что онъ не достоинъ такого мужественнаго защитника. Онъ хотѣлъ было разсказать ей всю правду, но его удержали страхъ, что Олли станетъ его презирать, и желаніе пользоваться ея энергичнымъ сочувствіемъ. «Къ тому же», подумалъ онъ съ какимъ-то самодовольствомъ, «быть можетъ, эта сказка послужитъ ей къ добру. Посмотри, Гэбріель, на ея воротничекъ и волоса! Ты правдой никогда не достигалъ и половины того, чего достигъ лóжью!»

Однако, онъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ полученнаго въ тотъ день совѣта и, послѣ ужина, во время котораго Олли вела себя такъ прилично, что даже отказала себѣ въ удовольствіи обтереть сковороду своимъ кускомъ хлѣба, серьезно сказалъ:

— Еслибы у тебя, Олли, когда нибудь спросили, ухаживалъ ли я за миссисъ Маркль, что бы ты сказала?

— Я бы сказала—воскликнула съ сердцемъ Олли,—что никакая женщина такъ не бросалась на шею мужчинѣ и безъ вся-

каго повода, какъ миссисъ Маркль... какъ эта противная, старая Сюзанна Маркль. Вотъ что я скажу даже ей прямо въ лицо. Знаешь что, Гэбъ?

— Что? спросилъ съ восхищеніемъ Гэбріель.

— Если сюда пріѣдетъ школьная учительница, о которой ты говорилъ, такъ пріударь за ней.

— Олли!—воскликнулъ съ испугомъ Гэбріель.

— Да, да, пріударь за ней. Будь съ ней такъ же любезенъ, какъ съ Сюзанной Маркль, и, если можешь, то устрой такъ, чтобы это увидѣла противная миссисъ Маркль или маленькая Манти; она все пересказываетъ матери. Правда, Гэбъ, я слыхала, что между этими учительницами есть славныя женщины.

Чтобы сдѣлать удовольствіе Олли, Гэбріель готовъ былъ разсказать о томъ, что случилось съ нимъ въ ущельѣ, но его остановила смутная боязнь, чтобы Олли не потребовала отъ него немедленнаго предложенія руки и сердца спасенной имъ женщинѣ. Пока онъ еще колебался, кто-то постучалъ въ дверь хижины.

— Я забыла сказать, Гэбъ, что безъ тебя приходилъ стряпчій Максвель, — сказала Олли, — и, вѣрно, это онъ опять стучится. Если онъ будетъ тебя приглашать къ больному, то не ходи: тебѣ довольно хлопотъ и со мною.

Гэбріель всталъ и съ безпокойствомъ отворилъ дверь. Въ комнату вошелъ человѣкъ высокаго роста, смуглый и съ просѣдью. Его одежда и манеры, хотя вполнѣ согласовавшіяся съ мѣстными обычаями и предразсудками, обнаруживали въ немъ человѣка, стоявшаго нѣсколько выше общественнаго уровня обитателей Одноконнаго Стана. Онъ не оглядывался съ любопытствомъ по сторонамъ, какъ мексиканецъ, посѣтившій Гэбріеля наканунѣ, а устремилъ на него свои сѣрые глаза полувопросительно, полунасмѣшливо. Постоянное выраженіе его лица было серьезное, за исключеніемъ нервнаго дрожанія въ лѣвомъ углу рта, которое исчезало только тогда, когда онъ проводилъ рукою по лицу. Этотъ обычный жестъ производилъ на зрителей впечатлѣніе, словно онъ отиралъ рукой улыбку, какъ нѣкоторые отираютъ слезу.

— Кажется, мы никогда еще съ вами не встрѣчались, Гэбріель,—сказалъ онъ,—протягивая руку,—я—Максвель. Вы, вѣроятно, обо мнѣ слышали. Мнѣ надо поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ.

На лицѣ Гэбріеля выразился необычайный страхъ, и онъ, молча, махнулъ рукою Олли, чтобы она вышла изъ комнаты.

— Я, очевидно, поймалъ его въ расплохъ, и ребенокъ ничего не знаетъ,—подумалъ Максвель и тотчасъ прибавилъ вслухъ:— если я не ошибаюсь, Гэбріель, это дѣло касается столько же вашей... дѣвочки, сколь васъ самихъ. Отчего бы ей не остаться?

— Нѣтъ, нѣтъ!—произнесъ Гэбріель, вполнѣ убѣжденный, что Максвель явился въ качествѣ адвоката оскорбленной миссисъ Маркль:—нѣтъ, Олли, сбѣгай за щепками для завтрашней топки. Ступай!

Олли выбѣжала изъ хижины. Максвель посмотрѣлъ ей вслѣдъ, отеръ ротъ рукою и, облокотясь на столъ, устремилъ свои глаза на Гэбріеля.

— Я пришелъ къ вамъ, Гэбріель, сказалъ онъ,—чтобы попробовать, нельзя ли намъ устроить одно дѣльце мирно, безъ шума и скандала. Говоря откровенно, мнѣ поручено начать противъ васъ судебное дѣло. Нужно ли говорить, въ чемъ оно заключается и чей я адвокатъ?

Гэбріель опустилъ глаза, но честная натура взяла верхъ надо всѣмъ. Онъ мгновенно поднялъ голову и просто отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

Стряпчій Максвель вздрогнулъ отъ изумленія, но тотчасъ оправился.

— Хорошо, сказалъ онъ задумчиво,—видя вашу откровенность, я позволю себѣ спросить васъ, не согласны ли вы, для избѣжанія скандала и судебнаго дѣла, которое, безъ сомнѣнія, будетъ рѣшено противъ васъ—отдать вашъ домъ и участокъ земли въ вознагражденіе за понесенные до сихъ поръ убытки? Я готовъ на этомъ покончить и могу обѣщать, что вопросъ о родствѣ не будетъ возбужденъ. Однимъ словомъ, *она* сохранитъ свое имя, а *вы* свое, и оба вы останетесь другъ для друга чужими. Что вы на это скажете?

Гэбріель вскочилъ и, сильно пожимая руку стряпчему, сказалъ:

— Вы—добрый человѣкъ, мистеръ Максвель. Это—гадкая исторія, и вы нашли лучшій изъ нея исходъ. Еслибы вы были моимъ адвокатомъ, а не ея, то не могли бы сдѣлать для меня ничего лучшаго. Я тотчасъ отсюда уѣду. Я уже думалъ объ этомъ и безъ васъ. Завтра она можетъ получить этотъ домъ со всѣмъ, что въ немъ находится. Еслибъ у меня были средства, то повѣрьте, я съ удовольствіемъ заплатилъ бы вамъ за ваши хлопоты. Но, вѣдь, послѣ моего отъѣзда ни слова не будетъ сказано объ этомъ дѣлѣ?

— Ни слова,—повторилъ Макевель, смотря съ любопытствомъ на Гэбріеля.

— И въ газетахъ ничего не напишутъ?

— Вообще, ваше поведеніе въ отношеніи ея и вся эта исторія будутъ сохранены въ тайнѣ, если вы сами ея не откроете. Вотъ почему я вамъ совѣтую уѣхать отсюда.

— Я уѣду завтра,—сказалъ Гэбріель, потирая руки,—не хотите ли вы, чтобъ я подписалъ какую-нибудь бумагу?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ стряпчій, отирая ротъ рукою и смотря на Гэбріеля, какъ на образецъ совершенно новой породы;— позвольте мнѣ дружески посовѣтовать вамъ никогда не подписывать бумаги, которую впослѣдствіи могли бы представить противъ васъ. Намъ совершенно достаточно, если вы просто оставите свой домъ и участокъ земли. Я не представлю никакой бумаги до четверга, а тогда уже не съ кѣмъ будетъ тягаться. Вы понимаете?

Гэбріель утвердительно кивнулъ головою и крѣпко пожалъ руку стряпчему. Максвель направился тогда къ дверямъ, не спуская пристальнаго взора съ ясныхъ, честныхъ глазъ Гэбріеля. На порогѣ онъ, однако, остановился и, медленно отеревъ рукою ротъ, сказалъ:

— По всему видно, Гэбріель, что вы—простой, честный человѣкъ—и скажу откровенно, еслибъ вы сами не сознались, я считалъ бы васъ неспособнымъ обидѣть женщину. Я—скорѣе былъ бы склоненъ объяснить дѣло какой-нибудь ошибкой. Я не судья человѣческихъ дѣйствій и слишкомъ опытный стряпчій, чтобъ удивиться какому бы то ни было мотиву того или другого поступка. Но теперь, такъ какъ мы вполнѣ поняли другъ друга, не разскажете ли вы мнѣ, что побудило васъ на такой странный и чудовищный обманъ? Ваши слова нисколько не измѣнятъ моего мнѣнія, что вы—недурной человѣкъ, но мнѣ очень любопытно узнать, почему вы рѣшились съ преднамѣренной цѣлью такъ зло обидѣть эту женщину?

Гэбріель вспыхнулъ. Онъ поднялъ глаза и указалъ на дверь. На порогѣ стояла Олли.

Максвель улыбнулся и подумалъ:

— Все же тутъ замѣшана женщина, хотя и моложе, чѣмъ я думалъ. Конечно, это—его ребенокъ.

Онъ кивнулъ головою, улыбнулся Олли и съ пріятнымъ сознаніемъ побѣды, не лишеннымъ нравственнаго удовольствія, что̀ не всегда сопровождало его успѣхи, какъ стряпчаго, вышелъ изъ хижины.

До поздняго вечера Гэбріель избѣгалъ разговора съ Олли. Наконецъ, она, по обыкновенію, усѣлась у его ногъ передъ огнемъ и прямо спросила:

— Что ему было нужно, Гэбъ?

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ Гэбріель съ искуственнымъ равнодушіемъ,—не разсказать ли тебѣ, Олли, сказку? я уже давно ничего тебѣ не разсказывалъ.

Гэбріель обыкновенно передавалъ Олли новости Однокопнаго Стана или современныя событія подъ формой вымышленной сказки; но, въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ его стала безпокоитъ миссисъ Маркль, онъ бросилъ эту привычку. Олли утвердительно кивнула головою, и Гэбріель продолжалъ.

— Жилъ былъ человѣкъ одинъ на свѣтѣ и тѣмъ онъ отличался, что всегда жилъ и намѣревался жить одинъ. Только у него была маленькая сестра, которую онъ очень любилъ и никому онъ не позволялъ вмѣшиваться во что-либо, касавшееся сестры; самъ же довѣрялъ ей все и говорилъ съ ней обо всемъ.

— Это былъ настоящій человѣкъ?—спросила Олли.

— Да, онъ былъ настоящій человѣкъ, но его маленькая сестра была волшебница, дѣлавшая ему много добра безъ его вѣдома. Этотъ человѣкъ и его сестра жили въ лѣсу, въ блестящемъ дворцѣ. Неожиданно онъ подвергся многимъ непріятностямъ, и онъ не зналъ, какъ сообщить объ этомъ своей маленькой сестрѣ. Вотъ онъ всталъ и говоритъ: «Глоріона—ее звали Глоріоной—Глоріона, говоритъ онъ:—мы должны бросить нашъ прекрасный дворецъ и пойти въ чужую страну; это необходимо, но это—тайна, которой я не могу тебѣ открыть». Маленькая сестра также встала и говоритъ: «Все, что̀ угодно тебѣ, угодно мнѣ, ибо мы другъ для друга—все на свѣтѣ; разнообразіе придаетъ прелесть жизни, и я завтра уложу свои тряпки». И она на другой день приготовилась къ отъѣзду. А почему она такъ поступила, Олли? Потому что эта маленькая сестра была волшебница и знала все, о чемъ ей даже не говорили. Вотъ братъ и сестра отправились въ чужую страну, выстроили тамъ дворецъ, еще красивѣе прежняго, и жили счастливо до конца своихъ дней.

— И ихъ не безпокоила старая вѣдьма, миссисъ Маркль. Когда мы уѣзжаемъ, Гэбъ?—спросила практичная Олли.

— Я полагаю—завтра, отвѣчалъ Гэбріель, бросая аллегорію и смотря на сестру съ почтительнымъ страхомъ;—мы успѣемъ захватить вечерній дилижансъ въ Морисвиль.

— Хорошо, такъ мнѣ надо сейчасъ же ложиться спать.

— Олли,—произнесъ съ упрекомъ Гэбріель, когда маленькая дѣвочка исчезла за холщевой занавѣской,— ты не простилась со мною и не поцѣловала меня.

Олли вернулась назадъ.

— Ахъ, ты старый Гэбъ,—сказала она покровительнымъ тономъ, и цѣлуя его въ лобъ съ сознаніемъ своего нравствен-

наго и умственнаго превосходства;—ахъ, ты старый, большой Гэбъ! что бы ты дѣлалъ безъ меня?

На слѣдующее утро Гэбріель съ удивленіемъ увидѣлъ, что Олли, послѣ завтрака, нарядилась въ тѣ немногія, болѣе приличныя тряпки, которыя оставались у нея изъ гардероба матери. Сверхъ бѣлаго, кисейнаго платья, пожелтѣвшаго уже отъ времени, она надѣла розовый, также полинявшій кушакъ и большую клѣтчатую, черную съ бѣлымъ шаль, которая, несмотря на множество складокъ, все же волочилась по полу. На головѣ у нея была большая соломенная шляпа съ свѣтлой-зеленой лентой и бѣлыми маргаритками и въ рукахъ маленькій желтый зонтикъ.

Гэбріель съ безпокойствомъ слѣдилъ за туалетомъ этого страннаго, но хорошенькаго существа.

— Куда ты идешь, Олли?

— На ту сторону оврага, проститься съ дѣвочками Ридъ. Не хорошо уѣхать изъ Стана, никого не предупредивъ.

— Но ты незайдешь къ миссисъ Маркль?—спросилъ со страхомъ Гэбріель.

Олли презрительно взглянула на брата и рѣзко отвѣтила:

— Излови меня на этомъ!

Въ ея блестящихъ голубыхъ глазахъ и во всемъ лицѣ выражалось столько твердой рѣшимости и пламенной энергіи, что Гэбріель ничего не отвѣчалъ. Олли вышла изъ компаты, и онъ безмолвно слѣдилъ, какъ соломенная шляпа и желтый зонтикъ медленно исчезали по извивающейся тропинкѣ вдоль горы.

Въ глубинѣ его сердца теперь неожиданно проснулось болѣзненное сознаніе, что онъ вполнѣ зависѣлъ отъ этого ребенка и что въ немъ заключалось нѣчто скрытое, доселѣ имъ незамѣченное, но отчуждающее ее отъ него и способное въ будущемъ все болѣе и болѣе расширять зіяющую между ними бездну. Его охватило такое гнетущее чувство одиночества, что онъ не могъ остаться въ хижинѣ, а пошелъ къ своему участку земли на горномъ скатѣ. По дорогѣ туда ему надо было пройти мимо большого, одинокаго хвойнаго дерева, которое своею личиной умаляло весь остальной лѣсъ. Оно казалось нелѣпымъ, такимъ безсмысленно-большимъ и непроизводительнымъ, хотя могло обѣщать по величинѣ много пользы, такъ рѣзко отличалось отъ тонкихъ, гибкихъ, молодыхъ березъ и елей, что Гэбріель призналъ эти березы за свое олицетвореніе. Въ настоящую минуту, смотря на дерево, онъ спрашивалъ себя, не было ли такой мѣстности, гдѣ бы оно, а слѣдовательно и онъ, нашли бы подходящую для себя обстановку. «Еслибъ мнѣ удалось

FIRST POPULAR
PUBLIC LIBRARY

попасть въ эту страну, думалъ онъ,—то, пожалуй, я могъ бы принести больше пользы ребенку». Проложивъ себѣ дорогу чрезъ загромождавшій лѣсъ валежникъ, Гэбріель очутился на большой, широкой горной закраинѣ, покрытой валунами сѣро-желѣзнаго цвѣта. По прибытіи въ Одноконный Станъ, онъ самъ выбралъ себѣ этотъ участокъ для разысканія золота. «Никто бы другой не сдѣлалъ такой глупости,—думалъ онъ, улыбаясь,—быть-можетъ, къ лучшему, что я разстался съ этимъ участкомъ». И Гэбріель отправился внизъ въ оврагъ, гдѣ онъ, въ послѣднее время, взялъ другой участокъ въ рудникахъ, дававшій ему скромныя средства къ существованію.

Онъ возвратился домой только въ три часа съ нѣсколькими инструментами, взятыми съ работы. Олли ждала его; ея щеки слегка разгорѣлись отъ волненія, но въ хижинѣ не было видно никакихъ приготовленій къ отъѣзду.

— Ты, кажется, не очень много уложила, Олли,—сказалъ Гэбріель, хотя, правда, намъ нечего много и укладывать.

— Не къ чему укладывать, Гэбъ,—отвѣчала Олли, смотря пристально въ глаза брата.

—Какъ такъ не къ чему?—повторилъ съ изумленіемъ Гэбріель.

— Да, не къ чему,—отвѣчала рѣшительно Олли,—мы не уѣзжаемъ, Гэбъ—вотъ и все. Я ходила къ стряпчему Максвелю и все устроила.

Гэбріель опустился на стулъ и, разинувъ ротъ, смотрѣлъ на сестру.

— Я все устроила, Гэбъ—продолжала хладнокровно Олли,—вотъ послушай. Я пошла сегодня утромъ къ стряпчему, поговорила съ нимъ, высказала свое мнѣніе о миссисъ Маркль и уладила дѣло.

— Боже мой! что ты ему сказала?

— Я сказала все, что знаю объ этой женщинѣ. Я объяснила, какъ она преслѣдовала тебя съ первой минуты вашего знакомства, во время болѣзни ея покойнаго мужа, за которымъ ты ухаживалъ, какъ ты не обращалъ на нее вниманія, пока я не научила тебя сдѣлать предложеніе, какъ она приходила къ намъ и сиживала часами, смотря на тебя, Гэбъ, вотъ такъ (и Олли, подражая миссисъ Маркль, дѣлала глазки, къ немалому ужасу Гэбріеля, вспыхнувшаго до ушей), и какъ она выдумывала всевозможные предлоги, чтобъ заманить тебя къ себѣ, но ты всегда отказывался. Однимъ словомъ, я доказала, какая это старая, противная, низкая женщина,—прибавила Олли, останавливаясь, чтобы перевести дыханіе.

— А онъ что сказалъ?—спросилъ Гэбріель, также едва дыша.

— Сначала ничего. Потомъ онъ сталъ смѣяться и такъ страшно, что я боялась, какъ бы онъ не лопнулъ. Наконецъ... дай вспомнить... да, онъ сказалъ: «глупая, нелѣпая ошибка»... какъ онъ назвалъ миссисъ Маркль. Провалиться мнѣ сквозь землю, если онъ этого не говорилъ. Потомъ онъ опять расхохотался, и я, смотря на него, стала смѣяться, и она также.

— Кто она?—спросилъ Гэбріель со страхомъ.

— О! Гэбъ, ты думаешь, что на свѣтѣ только и есть одна миссисъ Маркль,—отвѣчала поспѣшно Олли:—у стряпчаго Максвеля сидѣла какая-то дама, и ее интересовали мои слова столько же, сколько самого стряпчаго, должно-быть, оттого, что я хорошо разсказывала, — прибавила Олли съ самодовольствомъ.

— Что же онъ сказалъ?—повторилъ Гэбріель мрачно;—ему, человѣку простому и серьезному, неодаренному ни малѣйшимъ юморомъ, этотъ общій, безпричинный смѣхъ казался подозрительнымъ.

— Онъ хотѣлъ тотчасъ бѣжать сюда, чтобъ объяснить все дѣло, но дама его остановила и сказала что-то вполголоса, чего я не разслышала. Она, должно-быть—большой его другъ, потому что онъ исполняетъ всѣ ея желанія, а она сказала, чтобъ я шла домой и объявила тебѣ, что намъ не зачѣмъ уѣзжать. Вотъ и все, Гэбъ.

— Но онъ ничего больше не говорилъ, Олли?—спросилъ Гэбріель съ безпокойствомъ.

— Говорилъ. Онъ началъ разспрашивать меня о старинѣ и о Голодномъ Станѣ, но, какъ я уже сказала тебѣ, Гэбъ, я рѣшилась забыть все это; мнѣ надоѣли насмѣшки. Поэтому я ему ничего не отвѣчала, и онъ замѣтилъ дамѣ: «она, очевидно, ничего не знаетъ о дѣлѣ». Но дама все останавливала его и дѣлала мнѣ знаки, чтобъ я не отвѣчала на его вопросы. О! она продувная Гэбъ, я это замѣтила съ перваго взгляда.

— На кого она похожа, Олли?—спросилъ Гэбріель съ искуственнымъ равнодушіемъ, но, въ сущности, онъ еще далеко не успокоился.

— О! Гэбъ, она нисколько не похожа на миссисъ Маркль или на кого-нибудь въ этомъ родѣ. Она маленькая, съ бѣлыми зубами, тонкой таліей и хорошо одѣта. Впрочемъ, она мнѣ не очень понравилась, Гэбъ, хотя была чрезвычайно добра ко мнѣ. Право, не знаю, какъ тебѣ сказать, на кого она похожа; здѣсь нѣтъ такихъ женщинъ. Боже мой, Гэбъ, да вотъ она и сама!

Въ эту минуту въ дверяхъ хижины показалась какая-то фигура. Гэбріель поднялъ глаза и увидалъ передъ собою женщину, которую онъ наканунѣ спасъ въ ущельѣ. Это была г-жа Деваржъ.

XV.

Старый рудокопъ 49-го года.

Начало лѣта 1854 года на калифорнскомъ берегу ознаменовалось непроглядным туманомъ, страшно сырымъ и какимъ-то синимъ. Только что миновала короткая, неопредѣленная весна на горныхъ скатахъ, окружающихъ Санъ-Франциско; виднѣлись цвѣты, и дикій овесъ еще зеленѣлъ на выступахъ Контра-Костскаго кряжа. Но колосья овса и лепестки цвѣтовъ скрывались подъ густой мглою, стушевавшей все въ своихъ обятіяхъ. Однимъ словомъ, погода была такая непріятная, что калифорнцамъ было труднѣе, чѣмъ когда-либо, увѣрить иностранцевъ, что ихъ туманы здоровы и что на свѣтѣ нѣтъ лучше ихъ климата.

Быть-можетъ, никто не умѣлъ внушить иностранцу подобнаго убѣжденія лучше Питера Думфи, банкира и капиталиста. Его вѣра въ настоящее и будущее Калифорніи была безпредѣльна. Его искреннее убѣжденіе, что не было лучше страны и не было лучше климата, и его постоянная готовность оспаривать противоположное мнѣніе—дѣлали его достойнымъ представителемъ Калифорніи. Онъ такъ положительно и прямо высказывалъ свои убѣжденія, что невозможно было, оставшись долго въ его обществѣ, не увѣровать также, что общество, климатъ и цивилизація, несоотвѣтствовавшіе калифорнскимъ, были ошибкой. Чужестранцы и слабые калифорнцы могли постоянно черпать новыя силы въ этомъ бездонномъ источникѣ вѣчныхъ похвалъ Калифорніи, такъ что, наконецъ, почти всѣ безсознательно стали вторить мнѣніямъ Думфи, и большинство диѳирамбовъ, выраженныхъ въ газетахъ и письмахъ, впервые было высказано Питеромъ Думфи.

Рѣзкость выраженій и манеръ мистера Думфи нисколько не вредили его общественной репутаціи. Обыкновенно, въ пограничныхъ странахъ подозрительно смотрятъ на мягкое обращеніе и на всякаго рода уступки требованіямъ приличій, а потому рѣзкая прямота мистера Думфи принималась за чистую монету.

— Вы всегда знаете, что̀ думаетъ Питеръ Думфи,—говорили о немъ:—онъ не станетъ лгать изъ угожденія кому бы то ни было.

На ряду съ чудовищной самонадѣянностью, доходившей до геройства, на ряду съ дерзкой откровенностью и невѣжествомъ, приводившими въ тупикъ людей образованныхъ,

въ мистерѣ Думфи поражало отсутствіе всякихъ нравственныхъ понятій и какихъ бы то ни было добродѣтелей.

Вооруженный подобными орудіями борьбы съ треволненіями жизни, мистеръ Думфи сидѣлъ однажды утромъ въ своей конторѣ и выражалъ уже одной внѣшней фигурой побѣдоносную оппозицію туману или, лучше сказать, его вліянію на общество. Лицо его выражало замѣчательную силу, хотя было чисто выбрито, такъ какъ онъ уже давно освободился отъ бороды, какъ совершенно излишней и некстати характерной примѣты. Было еще рано, но онъ уже покончилъ много дѣлъ съ той быстрой рѣшимостью, которая придавала геройскій характеръ даже его ошибкамъ.

— Пригласите мистера Рамирецъ,—неожиданно сказалъ онъ, не поднимая глазъ съ письма, которое въ ту минуту подписывалъ.

Рамирецъ заходилъ въ контору Думфи три дня къ ряду и не могъ добиться аудіенціи; поэтому онъ появился въ дверяхъ съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства, которое, однако, тотчасъ же стушевалось передъ рѣшительнымъ, воинственнымъ тономъ Думфи.

— Здравствуйте,—сказалъ Думфи, не поднимая глазъ отъ своей конторки.

Рамирецъ пробормоталъ что-то о дурной погодѣ и съ безпокойствомъ сѣлъ возлѣ банкира.

— Продолжайте,—сказалъ Думфи:—я васъ слушаю.

— Я самъ пришелъ послушать новостей,—отвѣчалъ Рамирецъ очень мягко.

— Да, да, да, самъ — повторилъ Думфи, подписывая нѣсколько бумагъ и, наконецъ, взглянувъ на Рамирецъ, неожиданно спросилъ:—многимъ ли вы рискуете въ этомъ дѣлѣ?

— А что?—произнесъ Рамирецъ, теряясь въ догадкахъ.

— Сколько вы теряете?

— Сколько я теряю? — повторилъ Рамирецъ, тщетно стараясь поймать взглядъ Думфи:—если... если что?

— Сколько — вы — вложили — въ — это—дѣло—деньгъ? — спросилъ Думфи, рѣзко отчеканивая каждое слово и пристукивая перомъ по конторкѣ.

— Ни гроша. Я только очень заинтересованъ въ успѣхѣ г-жи Деваржъ.

— Такъ вы не много потеряете. Вы счастливы. Прочтите это письмо. Просите!

Послѣднее слово относилось къ приказчику, который доложилъ о новомъ посѣтителѣ. Быть-можетъ, на счастье Рами-

реца, Думфи занялся съ вошедшимъ человѣкомъ и не обратилъ вниманія на лицо своего прежняго собесѣдника. Читая письмо, Рамирецъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, потомъ побагровѣлъ и, закусивъ до крови губу, промолвилъ: Caramba.

— Вы сами-то его прочли?—спросилъ онъ, сверкая глазами и махая письмомъ.

— Подождите минутку,—произнесъ Думфи, оканчивая разговоръ со вторымъ посѣтителемъ и, проводивъ его до дверей, прибавилъ:—да, прочелъ.

Рамирецъ молча махалъ письмомъ и улыбался какой-то роковой, дикой улыбкой.

— Да, я прочелъ,—повторилъ Думфи, хладнокровно взявъ письмо изъ дрожавшей руки Рамирена:—повидимому, она выходитъ замужъ за брата, за человѣка, фактически владѣющаго рудою. Такъ или иначе, но дѣло въ шляпѣ; только васъ выбросили за бортъ.

Съ этими словами Думфи спокойно спряталъ письмо въ ящикъ и далъ ясно понять своему посѣтителю, что аудіенція кончена.

— А вы, вы?—спросилъ Рамирецъ глухимъ голосомъ.

— О, я не далъ и доллара, хотя дѣльце почти вѣрное. У нея были безспорныя доказательства. Вы имѣли въ рукахъ завѣщаніе или какой-то тамъ документъ, а существованіе другой женщины ничѣмъ нельзя доказать,—продолжалъ Думфи, своимъ обычнымъ, громкимъ, хладнокровнымъ тономъ, несмотря на знаки Рамирена:—А, это вы? Я только что хотѣлъ вамъ писать.

И Думфи занялся съ новымъ посѣтителемъ. Рамирецъ всталъ. На лицѣ его не видно было ни кровинки и губы пересохли.

— Куда вы торопитесь?—сказалъ Думфи, поднимая голову:—заходите какъ-нибудь. У меня есть другое до васъ дѣльце, Рамирецъ. Я далъ тутъ денегъ подъ одну руду, но недостаетъ нѣсколькихъ бумагъ для доказательства права собственности. Вѣроятно, вы ихъ можете отыскать гдѣ-нибудь. Конечно, я заплачу за расходы.

Думфи произнесъ эти слова не съ особымъ, хитрымъ, мрачнымъ выраженіемъ, а просто, откровенно, какъ бы говоря: «Мы съ вами—мошенники, но мошенникъ ли или нѣтъ свидѣтель нашего разговора — это безразлично». Потомъ онъ отвернулся отъ Рамирена и занялся своими дѣлами.

По счастію для Рамирена, выйдя на улицу, онъ настолько оправился, что лицо его не обратило на себя вниманія прохожихъ; впрочемъ, быть можетъ, и синеватый туманъ стуще-

валъ его мертвую блѣдность. Онъ направился быстро, почти безсознательно къ пароходной пристани и только тамъ пришелъ въ себя. Ему казалось, что онъ разомъ перешагнулъ изъ конторы Думфи на пристань, такъ тѣсно соединялись въ его умѣ эти два предмета. Между ними для него не существовало никакого промежутка.

Пароходъ въ Сакраменто отходилъ только въ восемь часовъ вечера, а теперь было десять часовъ утра. Ему приходилось ждать пассивно, сложа руки—десять часовъ! Чѣмъ было наполнить это время?

Онъ могъ отпустить свой ножъ или купить новый. Онъ могъ купить другой, лучшій пистолетъ. Ему вошло въ голову, что, по дорогѣ изъ конторы Думфи на берегъ, онъ прошелъ мимо блестящаго магазина оружія. Онъ вернулся и, войдя въ магазинъ, переглядѣлъ много замѣчательныхъ орудій смерти, но всего болѣе поразилъ его длинный, съ широкимъ лезвеемъ охотничій ножъ.

— Это—мое собственное произведеніе,—сказалъ оружейникъ, самодовольно проводя жирнымъ пальцемъ по острею ножа:—посмотрите, я перебью долларъ пополамъ.

Онъ бросилъ монету на столъ и быстрымъ, твердымъ ударомъ перебилъ ее на двѣ половины. Рамирецъ остался очень доволенъ этимъ опытомъ и захотѣлъ повторить его самъ; но острее ножа у него скользнуло по монетѣ, она отскочила въ сторону, а ножъ врѣзался въ дверь конторки.

— У васъ нервы разстроены, и вы бьете слишкомъ крѣпко,—замѣтилъ хладнокровно оружейникъ:—вы, джентльмены, всегда выходите изъ себя изъ-за всякаго пустяка; будьте хладнокровнѣе, вотъ такъ,—прибавилъ онъ, и снова съ успѣхомъ повторилъ свой опытъ.

Рамирецъ купилъ ножъ, и оружейникъ, завертывая его въ бумагу, сказалъ съ философскимъ спокойствіемъ:

— Я, на вашемъ мѣстѣ, не пробовалъ бы этой штуки до вечера. Я не разъ замѣчалъ, что джентльменъ, не спавшій всю ночь, на другое утро не имѣлъ и десятой доли своей силы. Подождите до вечера и потомъ наединѣ попробуйте хладнокровно; вы увидите, что вамъ удастся.

Выйдя изъ магазина, Рамирецъ посмотрѣлъ на часы: было одиннадцать часовъ. Ему удалось убить только одинъ часъ. Засунувъ ножъ во внутренній карманъ и крѣпко застегнувъ пальто онъ пошелъ по улицѣ лихорадочными шагами. Около полудня, онъ очутился на песчаныхъ холмахъ близъ миссіонерской станціи Долоресъ. Въ одномъ изъ закоулковъ предмѣстья онъ встрѣтилъ женщину, такъ сильно напомнившую ему ту, ко-

торая наполняла всѣ его мысли, что онъ бросилъ на нее убійственный взглядъ, и она съ ужасомъ отвернулась. Это обстоятельство, лихорадочное волненіе и непріятная сухость губъ заставили его войти въ ближайшую таверну, гдѣ онъ выпилъ, не зная что̀ именно и сколько; но это ни мало не увеличивало и не уменьшало его волненія. Снова возвратясь на многолюдныя улицы, онъ продолжалъ ходить машинально, съ безпокойствомъ сознавая, что, вѣроятно, на него всѣ обращали вниманіе; конечно, это сознаніе овладѣвало имъ только въ тѣ минуты, когда онъ отрывался отъ предмета, сосредоточившаго на себѣ всѣ его мысли.

Ка̀къ было ему отомстить? Много было различныхъ путей. Онъ могъ грозно обличить ее и убить въ пылу злобы. Другой и болѣе улыбавшійся ему планъ заключался въ томъ, чтобы накрыть ее врасплохъ и убить вмѣстѣ съ ея соучастникомъ, потому что Рамирецъ, какъ всѣ ревнивые люди, не могъ подумать, чтобъ она предпочла ему другого не изъ корыстныхъ цѣлей; наконецъ, могъ убить одного своего соперника и насладиться зрѣлищемъ ея отчаянія отъ неудачи своего предпріятія, а быть - можетъ, еще болѣе отраднымъ зрѣлищемъ пламенной мольбы простить и забыть все. Но онъ не могъ достичь до нихъ раньше двухъ дней, а можетъ-быть, къ тому времени они уже женятся или уѣдутъ изъ Одноконнаго Стана.

Во всей этой борьбѣ страстей онъ ни разу не спросилъ себя, справедлива ли была его месть. Достаточной причиной для мести было то, что его обманули, осмѣяли. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ письмо, въ глазахъ его блестѣло одно только туземное слово *Bobo*. Онъ видѣлъ его передъ собою на всѣхъ вывѣскахъ, слышалъ его во всѣхъ уличныхъ звукахъ.

«Я—дуракъ, я — жертва, я—*Bobo*,— думалъ онъ: — она увидитъ»!

Послѣ полудня туманъ еще болѣе усилился. Изъ гавани доносились свистки и звонъ колоколовъ. А если пороходъ не пойдетъ? Или пойдетъ позже нѣсколькими часами? Онъ рѣшился пойти и узнать на пристани. Рамирецъ поспѣшно повернулъ въ Коммерческую улицу, но, поравнявшись съ игорнымъ домомъ, остановился и, повинуясь инстинкту, побуждающему людей отчаянныхъ на отчаянные поступки, вошелъ въ дверь.

Громадная зала, блестѣвшая огнями, золотомъ и зеркалами, казалась спокойной и серьезной въ сравненіи съ шумной, многолюдной улицей. Обыкновенные посѣтители никогда не являлись въ такой ранній часъ, и лишь нѣсколько столовъ было занято.

Метали банкъ только въ одномъ мѣстѣ, и банкометомъ случайно былъ Джэкъ Гамлинъ. Обычная его игра была не банкъ, а *фараонъ;* теперь же онъ, только изъ дружбы къ банкомету, занялъ его мѣсто, пока тотъ ушелъ обѣдать, и небрежно металъ карты.

Рамирецъ подошелъ къ столу и бросилъ золотую монету. Онъ проигралъ. Онъ повторилъ—и снова проигралъ. Третья попытка увѣнчалась той же неудачей. Тогда онъ пробормоталъ сквозь зубы: «Caramba». Джакъ Гамлинъ поднялъ глаза. Его вниманіе обратило на себя не гнѣвное восклицаніе, а знакомый голосъ. Онъ посмотрѣлъ на Рамиреца, и его прекрасная память тотчасъ подоспѣла на помощь. Онъ сейчасъ же его узналъ, но ничѣмъ этого не обнаружилъ и продолжалъ игру. На слѣдующей картѣ Рамирецъ выигралъ. Гамлинъ преспокойно пододвинулъ къ себѣ деньги Рамиреца. Онъ разсчиталъ совершенно вѣрно. Рамирецъ вскочилъ съ гнѣвнымъ восклицаніемъ; Гамлинъ тогда хладнокровно оттолкнулъ отъ себя ставку и выигрышъ Рамиреца. Но послѣдній, не дотрогиваясь до денегъ, подскочилъ къ банкомету.

— Вы меня оскорбляете! Вы хотите меня ограбить!—воскликнулъ онъ глухимъ голосомъ, страшно махая одной рукой, а другой судорожно хватаясь за ножъ въ карманѣ.

— Сядь, Джонни,—сказалъ спокойно Джэкъ Гамлинъ, устремивъ на Рамиреца свои черные глаза.

Подъ впечатлѣніемъ бушевавшихъ въ немъ страстей и обезумѣвъ отъ злобы при этомъ новомъ оскорбленіи, Рамирецъ бросился на Гамлина съ явной цѣлью его убить. Какъ, его, Виктора Рамиреца, появленіе котораго поразитъ ужасомъ два существа въ Одноконномъ Станѣ, называютъ Джонни! Этотъ позоръ надо было смыть кровью. Но онъ посмотрѣлъ въ глаза Гамлину и остановился... Что онъ въ нихъ увидалъ—я не могу сказать. Эти глаза были красивые, большіе, ясные и, по мнѣнію многихъ женщинъ, очень нѣжные и проницательные. Какъ бы то ни было, Рамирецъ опустилъ руки и безмолвно возвратился къ своему мѣсту.

— Вы не знаете этого человѣка,—сказалъ Гамлинъ, таинственно обращаясь къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, но такимъ громкимъ голосомъ, что его слышали всѣ сидѣвшіе за столомъ, не исключая Рамиреца:—вы его не знаете, а я знаю. Это — отчаянный человѣкъ, прибавилъ Гамлинъ, смотря на Рамиреца и спокойно тасуя карты:—ставьте деньги, господа! Да, это—отчаянный человѣкъ. Онъ держитъ стада въ Сонорѣ, и у него есть маленькое кладбище, гдѣ онъ хоронитъ своихъ мерзавцовъ. Его прозвали Желтымъ Сонорскимъ Коршуномъ. Онъ

теперь не въ своей тарелкѣ; вѣрно, убилъ только что кого-нибудь, и на рукахъ у него еще кровь.

Рамирецъ улыбнулся роковой улыбкой и сталъ пристально разсматривать карты.

— Онъ—хитрый Джонни,—продолжалъ Гамлинъ:—хитрый и коварный, особливо, когда дѣло пахнетъ кровью. Посмотрите, какъ онъ спокойно улыбается, онъ не хочетъ прерывать игры; онъ знаетъ, что черезъ пять минутъ Джимъ вернется, и я буду свободенъ. Онъ только этого и ждетъ. Вотъ какой человѣкъ Желтый Сонорскій Коршунъ. У него въ карманѣ ножъ наготовѣ, да еще завернутъ въ бумагу для чистоты. Онъ очень капризенъ. Джонни для каждаго человѣка покупаетъ новый ножъ.

Рамирецъ всталъ, молча положилъ въ карманъ выигрышъ и направился къ дверямъ.

— Онъ меня подождетъ на улицѣ!—воскликнулъ Гамлинъ и прибавилъ вслѣдъ удалявшемуся Рамирецу:—черезъ пять минутъ, Джонни. Если вамъ не время меня ждать, то я васъ буду ждать на слѣдующей недѣлѣ въ Морисвилѣ, № 95, въ сосѣдней комнатѣ, Джонни, въ сосѣдней.

Рамирецъ, вышедшій на многолюдную улицу изъ игорнаго дома, нисколько не походилъ на того Рамирека, который вошелъ внего, за двадцать минутъ передъ тѣмъ. Онъ даже дышалъ не такъ, какъ прежде; его испитыя щеки покрылись обыкновеннымъ румянцемъ, глаза сверкали, какъ всегда, безпокойнымъ блескомъ. Прежнее его волненіе выразилось только въ томъ, что онъ поспѣшно пошелъ по улицѣ и нѣсколько разъ оборачивался, какъ бы боясь погони; но, кромѣ этого, онъ былъ совершенно другой человѣкъ. Такая громадная перемѣна произошла, однако, безъ пролитія крови, безъ удовлетворенія пламенной жажды мести. Я, конечно, не знаю Рамирека лучше, чѣмъ онъ самъ себя зналъ, и потому не могу объяснить яснѣе, чѣмъ онъ самъ себѣ объяснялъ, причину, измѣнившую неожиданно все его существо и сразу погасившую въ немъ всякую жажду мести. Быть-можетъ, это странное явленіе объясняется отчасти тѣмъ, что Рамирецъ въ продолженіе шести часовъ безгранично предавался игрѣ своихъ страстей, а въ послѣднія двадцать минутъ онъ могъ усомниться въ ея всемогуществѣ. Одно только вѣрно, что въ половинѣ седьмого Рамирецъ разсуждалъ самъ съ собою о томъ, что физическое насиліе — отнюдь не представляетъ собой лучшую форму, а въ половинѣ восьмого онъ рѣшился не садиться въ пароходъ. Однако, въ продолженіе шести часовъ, онъ былъ вполнѣ искреннимъ убійцей и, по всей вѣроятности, совершилъ бы убійство

если бъ Гамлинъ не подѣйствовалъ на его врожденную трусость.

Медленно пройдя по Монгомеріевой улицѣ, Рамирецъ повернулъ на Тихоокеанскую, и тутъ на углу его на минуту задержалъ фургонъ, скакавшій по направленію къ пристани. Онъ догадался, что это везли почту на пароходъ, отходившій въ Сакраменто, но не подозрѣвалъ, что въ почтовой сумкѣ находилось, между прочимъ, слѣдующее письмо:

«Милостивая государыня!

«Мы получили ваше письмо отъ 10-го числа и готовы вамъ служить. Мы полагаемъ, что вашъ новый планъ можетъ привести такъ же вѣрно къ успѣху, какъ и прежній. Позвольте вамъ посовѣтовать не имѣть личнаго свиданія съ мистеромъ Рамирецомъ, но пусть лучше съ нимъ будетъ имѣть дѣло мистеръ Гэбріель Конрой. По тону мистера Рамиреца мы полагаемъ, что онъ въ состояніи прибѣгнуть къ насилію, если его не удержитъ присутствіе третьяго лица.

«Уважающій васъ
«Питеръ Думфи».

XVI.

Толпа свидѣтелей.

Улица, по которой теперь пошелъ Рамирецъ, съ перваго взгляда казалась непроходимой, и даже можно было сомнѣваться, улица ли это, если бъ не замѣчалось нѣкоторой правильности въ параллельныхъ рядахъ странно и неправильно выстроенныхъ домовъ. Она была грязная, пыльная, темная, крутая, скалистая въ одномъ мѣстѣ, низменная, песчаная въ другомъ. Поверхность ея измѣнялась два или три раза и всегда къ худшему, при чемъ вовсе не были взяты въ расчетъ дома, игравшіе роль случайныхъ преградъ, которыя слѣдовало преодолѣть во что бы то ни стало. Ближайшимъ слѣдствіемъ подобной системы было совершенное изолированіе нѣкоторыхъ домовъ и невозможность попасть въ другіе иначе, какъ по наружнымъ лѣстницамъ. Вся эта мѣстность находилась какъ бы въ общественной опалѣ, а ея жители какъ бы внѣ закона. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ домовъ первоначально жили испанскіе туземцы Калифорніи, которые съ консервативнымъ инстинктомъ своей расы льнули къ своимъ casas, послѣ того какъ американцы перешли на новыя болѣе удобныя мѣста. И имъ наслѣдовали другіе калифорнскіе туземцы на основаніи соціальнаго

закона, въ силу котораго представители низшей, политически униженной расы всегда скучиваются въ уединенныхъ уголкахъ, и эта мѣстность получила названіе Испанскаго квартала. Для мыслящаго наблюдателя картина этой мрачной части Санъ-Франциско была тѣмъ страннѣе и патетичнѣе, что самое ея положеніе и внѣшній, а равно и внутренній видъ домовъ ни мало не соотвѣтствовали вкусамъ, обычаямъ и привычкамъ ихъ обитателей.

Передъ однимъ изъ этихъ зданій или, лучше сказать, подъ нимъ, Рамирецъ остановился и началъ подниматься по длинной деревянной лѣстницѣ къ фундаменту дома. Другая такая же длинная наружная лѣстница вела къ галлереѣ второго этажа, тогда какъ первый былъ наполовину скрытъ насыпью. Тутъ передъ Рамирецомъ открылась третья болѣе узкая лѣстница, опускавшаяся на площадку передъ наружной дверью. Эта дверь была открыта. Въ сѣняхъ ходило взадъ и впередъ нѣсколько человѣкъ съ смуглыми лицами, съ сигаретками въ зубахъ и въ слишкомъ легкомъ костюмѣ, въ виду окружающаго тумана, именно—безъ сюртуковъ и воротничковъ на рубашкахъ. У открытыхъ оконъ гостиной виднѣлись женщины въ легкихъ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ и тяжелыхъ шаляхъ, накинутыхъ на голову и на плечи, словно лѣто оканчивалось у таліи, игравшей роль экватора.

Домъ былъ очень мраченъ, не столько отъ недостатка свѣта, сколько отъ прокопченныхъ табачнымъ дымомъ стѣнъ и мебели. Дымъ отъ папиросъ стоялъ желтоватой мглой во всѣхъ комнатахъ. Желтоватыя табачныя пятна виднѣлись повсюду: на рубашкахъ мужчинъ, на бѣлыхъ платьяхъ женщинъ и на рукахъ представителей обоего пола. Запахъ жженой бумаги и табаку распространялся по всему дому, словно какой-то церковный ѳиміамъ, и только время отъ времени къ нему примѣшивался запахъ краснаго перца и чесноку.

Двое или трое изъ мужчинъ торжественно поздоровались съ Рамирецомъ. Одна изъ женщинъ, самая дородная, показалась въ дверяхъ и, крѣпко придерживая одной рукой шаль, словно боялась обнаружить опасный déshabillé, а другою шутливо грозя молодому человѣку чернымъ вѣеромъ, осыпала его эпитетами: неблагодарный, измѣнникъ, Іуда.

— Зачѣмъ же ты теперь явился къ намъ, негодяй, послѣ такого долгаго отсутствія,—прибавила она кокетливо, останавливаясь передъ Рамирецомъ.

— За дѣломъ, душа моя,—отвѣчалъ Рамирецъ поспѣшно и съ нѣсколько искусственной любезностью.—Кто на верху?

— Свидѣтели.

— И донъ-Педро?

— Да, и сеньоръ Перкинсъ.

— Хорошо, я пойду къ нимъ,—произнесъ Рамирецъ и торопливо сталъ подниматься по лѣстницѣ.

На первой площадкѣ онъ остановился и, сомнительно посмотрѣвъ на ближайшую дверь, постучалъ въ нее съ замѣтной нерѣшимостью. Отвѣта не было. Рамирецъ повторилъ стукъ уже совершенно твердо. Черезъ минуту ключъ заскрипѣлъ въ замкѣ дверь отворилась и на порогѣ показался человѣкъ въ изорванномъ люстриновомъ сюртукѣ и въ полинялыхъ панталонахъ.

— Чортъ побери! Слѣдующая дверь,—воскликнулъ онъ, дико взглянувъ на Рамирецъ, и хлопнулъ дверью ему прямо подъ носъ.

Рамирецъ вошелъ въ указанную ему комнату и былъ встрѣченъ густымъ облакомъ табачнаго дыма и громкими привѣтствіями полдюжины людей, сидѣвшихъ за длинымъ столомъ, заваленнымъ пергаментами, картами и документами. Большинство этихъ людей были пожилые, смуглые, съ просѣдью, а одинъ былъ до того старъ, что его морщинистое лицо напоминало кору краснаго дерева.

— Ему вчера минуло сто два года,—воскликнулъ донъ-Педро: — это — главный свидѣтель для подтвержденія подписи Михельторены по дѣлу Кастро.

— Развѣ онъ можетъ что-нибудь помнить?—спросилъ Рамирецъ.

— Кто знаетъ,—отвѣчалъ донъ-Педро:—онъ присягнетъ этого довольно.

— А что у насъ за звѣрь въ сосѣдней комнатѣ?—произнесъ Рамирецъ:—волкъ или медвѣдь?

— Это сеньоръ Перкинсъ.

— Къ чему онъ здѣсь?

— Онъ переводитъ.

Тутъ Рамирецъ разсказалъ съ жаромъ, какъ онъ ошибся комнатой и какъ его грубо встрѣтилъ незнакомецъ. Всѣ присутствующіе слушали его внимательно и даже съ уваженіемъ. Американцы встрѣтили бы подобный разсказъ смѣхомъ, но здѣшнее общество не измѣнило своего серьезнаго вида; нарушеніе должной учтивости къ чужому человѣку было важнымъ вопросомъ даже для этихъ сомнительныхъ личностей.

— Да, всѣ говорятъ, что у него тутъ не ладно!—воскликнулъ донъ-Педро, ударяя себя по лбу:—но онъ не похожъ на своихъ соотечественниковъ: онъ аккуратенъ, усидчивъ и не болт-

ливъ. Онъ приходитъ, какъ только бьетъ три часа, и уходитъ въ девять. Всѣ эти шесть часовъ онъ работаетъ безъ-устали въ своей комнатѣ. Удивительно, сколько онъ пишетъ—тома, фоліанты. Ровно въ девять часовъ вечера, онъ беретъ положенный на его конторку конвертъ съ десятью долларами и удаляется. Говорятъ, что изъ этихъ денегъ онъ ежедневно проигрываетъ пять долларовъ, а на остальные пять существуетъ. Каждый день повторяется одно и то же съ удивительной аккуратностью. Онъ глубоко ученъ и знаетъ въ совершенствѣ испанскій и французскій языки. Стряпчіе цѣнятъ его на вѣсъ золота, но не могутъ имъ пользоваться. Онъ всегда имъ говоритъ: «я перевожу ложь и правду—мнѣ всѣ равно; но далѣе я не иду». Это удивительный человѣкъ.

Слова донъ-Педро напомнили Рамирецу цѣль его прихода, и онъ сказалъ вполголоса:

— Ты мнѣ говорилъ, донъ-Педро, что можно доказать посредствомъ свидѣтелей право на землю, дарованное старымъ губернаторомъ или алькадомъ.

— Находящіеся здѣсь люди,—отвѣтилъ донъ-Педро, окинувъ глазами комнату: — покажутъ подъ присягой все, чему я ихъ научу. Здѣсь есть и губернаторъ, и военный секретарь, и алькадъ, и комендантъ, и, Господи прости! архіепископъ. Все это—почтенные caballeros, но ихъ обворовали американцы, и ты понимаешь, Викторъ, имъ надо чѣмъ нибудь жить.

— Хорошо; такъ выслушай меня, донъ-Педро, продолжалъ Рамирецъ:—если бъ напримѣръ, одинъ разбойникъ, чортъ, американецъ выманилъ у Пико формальный, признанный поземельной комиссіей документъ на собственность участка земли... а кто нибудь... хоть я, сталъ бы утверждать, что этотъ документъ—незаконный... Что бы ты сказалъ, другъ мой и братъ?

— Документъ выданъ губернаторомъ Пико?—переспросилъ донъ-Педро.

— Да, въ 1847 году.

Донъ-Педро молча всталъ и открылъ конторку, стоявшую въ углу, вынулъ изъ нея нѣсколько дурно напечатанныхъ желтоватыхъ бланковъ за офиціальной печатью.

— Вотъ гербовая монтерейская бумага съ бланковой подписью губернатора Пико,—сказалъ онъ:—ты понимаешь, другъ Викторъ. Второй документъ—дѣло не трудное.

— Но, братъ мой, вѣдь на одинъ участокъ земли будетъ два документа,—возразилъ Викторъ, сверкая глазами.

— Такъ что жъ!—отвѣчалъ донъ-Педро, скручивая папироску:—почти на каждый участокъ земли, данный покойнымъ

губернаторомъ, есть документъ. Увѣренъ ли ты мой другъ, что на эту землю нѣтъ трехъ документовъ? Если только одинъ, то клянусь Мадонной, дѣло это пустое. Вѣроятно, земля ничего не стоитъ. Гдѣ она? Сколько въ ней квадратныхъ миль? Пойдемъ въ отдѣльную комнату, и ты мнѣ на свободѣ все объяснишь. Къ тому же, Викторъ, у насъ есть отличный aguardiente.

Съ этими словами донъ-Педро всталъ и вышелъ вмѣстѣ съ Рамирецомъ въ другую комнату, затворивъ за собою дверь. Прошло около часу, и въ продолженіе этого времени, люди, оставшіеся въ большой комнатѣ, могли слышать громкій голосъ Виктора, съ жаромъ о чемъ-то разсказывавшій за стѣной, но никто не обратилъ на это вниманія изъ приличія или оттого, что люди эти были погружены въ свое дѣло. Они тщательно разсматривали различные юридическіе документы, дѣлали замѣтки и спорили между собою, обнаруживая такую любознательность и увлеченіе, точно ихъ занятіе было новинкой. За нѣсколько минутъ до девяти часовъ донъ-Педро снова появился съ Викторомъ. Я, къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что, вслѣдствіе реакціи, послѣ пламеннаго волненія этого дня, теплаго сочувствія друга или еще болѣе теплаго вліянія aguardiente, Рамирецъ говорилъ отрывочно, несвязно и былъ чрезмѣрно сообщителенъ. Пьянство, обыкновенно, приводитъ пламенныя натуры къ совершенной тупости или развиваетъ въ нихъ излишнюю нѣжность. На Рамирецо оно дѣйствовало двояко. Онъ просилъ со слезами на глазахъ, чтобъ его проводили къ дамамъ, желая въ обществѣ дородной Мануелы найти то горячее сочувствіе, въ которомъ такъ нуждалась его довѣрчивая, обманутая и оскорбленная натура.

На лѣстницѣ онъ наткнулся на незнакомца, очень прилично одѣтаго и съ достойной осанкой; это былъ сеньоръ Перкинсъ, который, освободившись изъ неволи, казался совершенно инымъ человѣкомъ. Рамирецъ хотѣлъ-было его остановить и пуститься въ нескончаемыя разглагольствованія о невѣрности женщинъ, но донъ-Педро быстро потащилъ его въ гостиную, чтобы скрыть его отъ проницательнаго, спокойнаго взгляда сеньора Перкинса. Очутившись въ присутствіи кокетливой Мануелы, которая все еще была закутана въ шаль, Викторъ началъ краснорѣчиво доказывать неспособность женскаго пола оцѣнить его страстную натуру, но вскорѣ безпомощно опустился въ большое кресло и пришелъ въ совершенно безсознательное состояніе.

— Надо найти ему здѣсь постель,—сказала сострадательная, но практичная Мануела:—онъ, дуракъ, не въ состояніи дойти до своей гостиницы. Но, Боже мой! что это?

Поправляя Рамиреца въ креслѣ, съ котораго онъ постоянно скатывался, Мануела увидала съ изумленіемъ, что изъ внутренняго кармана его сюртука вышалъ ножъ, купленный имъ утромъ у оружейника.

— Ахъ! онъ разбойникъ!— прибавила она: —онъ былъ въ обществѣ американцевъ. Посмотрите, дядя!

Дон-Педро взялъ изъ рукъ Мануелы ножъ и хладнокровно его осмотрѣлъ.

— Ножъ совершенно новый, племянница,—отвѣчалъ онъ, пожимая плечами:—лезвее еще лоснится. Понесемъ его спать.

XVII.

Прелестная миссисъ Сепульвида.

Самою богатою землевладѣлицею въ Санъ-Антоніо была, безъ всякаго сомнѣнія, прелестная донья Марія, вдова недавно умершаго 84-лѣтняго дона Хозе Сепульвиды. Самыя лучшія поля, луга, стада принадлежали ей, и миссіонеры Святого Антонія старались продолжительною молитвою и строгимъ постомъ предупредить ея вторичное замужество, въ особенности же съ какимъ-либо американцемъ, которыхъ они сильно не долюбливали.

Они ежедневно взывали къ своему святому заступнику, чтобы онъ удалилъ отъ прекрасной вдовы всякій соблазнъ, вслѣдствіе котораго ея прекрасныя владѣнія могли бы ускользнуть изъ ихъ рукъ.

Было чудное, ясное утро, но суровое и холодное, которымъ можно было любоваться только при усиленномъ тѣлесномъ движеніи; поэтому нельзя было удивляться тому обстоятельству, что донья Марія скакала во весь опоръ на своемъ черномъ конѣ вдоль по сыпучимъ пескамъ берега, сопровождаемая лишь однимъ слугою, Кончо, который, однако, отсталъ отъ нея довольно далеко, не будучи въ состояніи принудить свою лошадь къ продолжительному галопу. Словно опьянѣвъ отъ свѣжаго воздуха и быстрой ѣзды, съ раскраснѣвшимися щеками, блестящими глазами и порядочно растрепанными волосами, достигла донья Марія, наконецъ, границы полуострова, откуда была намѣрена отправиться на мысъ. Къ ея величайшему горю, она замѣтила, что было время прилива и что мысъ наполовину ужъ покрытъ водою; взглянувъ же на противоположную сторону, она увидала ѣхавшаго тамъ молодого мужчину, очевидно, слѣдившаго за нею съ величайшимъ интересомъ. Что ей теперь было предпринять?—Вер-

нуться по прежней дорогѣ, значило дать этому кавалеру поводъ думать, что она ѣдетъ къ нему навстрѣчу; ѣхать же впередъ, значило подвергнуться опасности быть вымоченной, но зато избѣгнуть преслѣдованія незнакомца. Все это мигомъ было возвѣщено прелестною наѣздницею, и затѣмъ она быстрѣе вѣтра пустилась поперекъ мыса, но черезъ нѣсколько минутъ конь ея завязъ въ наносномъ пескѣ.

— Пустите свою лошадь!... не дѣлайте никакихъ усилій... схватите конецъ ріаты!... киньтесь посмѣлѣе на ближайшую волну, и пусть она несетъ васъ въ море! — раздалось за нею.

Она почти машинально сняла ріату (волосяной арканъ, служащій для привязыванія лошадей) и оглянулась; но взору ея представилась только лошадь безъ сѣдока.

— Не медлите!... кидайтесь,—сказалъ голосъ на этотъ разъ уже со стороны моря.

Донья Марія нагнулась впередъ и была подхвачена приливомъ; она еще могла замѣтить, что кто-то плыветъ съ нею по приливу, что шляпа ея свалилась и волосы совсѣмъ распустились, что полусапожки тоже исчезли съ ногъ и что спасающій ее очень молодъ и недуренъ собою; затѣмъ она лишилась чувствъ.

Когда она снова открыла глаза, то увидѣла себя лежащею на сухомъ пескѣ, вдали отъ злополучнаго мыса; въ сторонѣ стоялъ спасшій ее, держа въ рукѣ повода лошадей.

— Если я не ошибаюсь, то имѣлъ счастіе помочь миссисъ Сепульвида? — спросилъ онъ вѣжливо.

Донья Марія удивленно кивнула своею хорошенькою головкою.

— Догадываюсь, что этотъ человѣкъ—вашъ слуга, любопытствующій знать, куда это вы могли исчезнуть,—добавилъ онъ, указывая на приближающагося Кончо.—Позвольте мнѣ помочь вамъ сѣсть снова въ сѣдло. Ему вовсе не слѣдуетъ знать о случившемся

Донья Марія позволила ему это, несмотря на то страшное обстоятельство, что она была въ однихъ чулкахъ. Она теперь только вспомнила, что еще не поблагодарила его за услуги, и постаралась пробормотать нѣсколько безсвязныхъ фразъ, которыя онъ перебилъ слѣдующими словами:

— Если вамъ непремѣнно угодно благодарить меня, то потрудитесь ѣхать какъ можно скорѣе домой, держась, по возможности, нагрѣтой солнцемъ стороны, а то вы схватите лихорадку... Я вижу, что вамъ хотѣлось бы спросить, кто я

такой; позвольте же рекомендоваться: Артуръ Пойнсетъ, адвокатъ вашего умершаго супруга, по дѣламъ котораго я буду имѣть честь видѣться съ вами на-дняхъ.

— Буду васъ ждать!—отвѣтила она и, минуту спустя, скрылась изъ виду.

XVIII.

Патеръ Фелипе.

Вечеромъ того же дня Артуръ Пойнсетъ остановился передъ воротами миссіи, гдѣ онъ былъ встрѣченъ пожилымъ миссіонеромъ, патеромъ Фелипе, чуть ли не съ распростертыми объятіями.

— Хотѣлось бы знать, отчего вы пріѣхали такъ поздно?—произнесъ патеръ Фелипе своимъ мягкимъ голосомъ, ведя его въ домъ, а оттуда на балконъ, куда имъ вскорѣ былъ поданъ шоколадъ и пахитоски.

— Не могъ раньше, при всемъ моемъ желаніи видѣть васъ какъ можно скорѣе,—отвѣтилъ Пайнсетъ съ несвойственнымъ ему смиреніемъ.—Оказывается, что бывшій губернаторъ многимъ дарилъ угодья и что необходимо добыть грамоты на земли. Такъ какъ мои товарищи очень заняты, то послали меня сюда, чтобы собрать нѣкоторыя свѣдѣнія; признаюсь вамъ, что я былъ бы весьма радъ случаю увидѣть нашу прекрасную кліэнтку, хотя не успѣлъ въ томъ, такъ какъ донья Долоресъ для всѣхъ остается невидимкою.

— Ахъ, донъ Артуро, бѣдное дитя такъ занято спасеніемъ своей души, что едва ли приметъ кого, хотя бы даже по дѣламъ. И повѣрьте мнѣ, что она скрывается отъ мужчинъ не для того, чтобы возбудить ихъ любопытство, а единственно потому, что опасается ихъ насмѣшекъ; вѣдь она незаконнорожденная дочь умершаго губернатора, а это всѣмъ извѣстно.

— Говорятъ, она красавица,—произнесъ Артуръ увѣренно.

— Серьезно? Вы такъ думаете? Позвольте разубѣдить васъ въ этомъ,—отвѣтилъ патеръ Фелипе нетерпѣливо.—Она черна, какъ ночь; настоящая индіанка; ужъ повѣрьте мнѣ!

Артуръ сдѣлалъ гримасу весьма неопредѣленнаго свойства.

— Это значитъ, что я только съ вами долженъ буду просматривать дѣло.. Ну, будь по-вашему! Достаньте бумаги и постараемся кончить наше занятіе какъ можно скорѣе.

— Хорошо!.. Однако я замѣчаю, что вы не особенно близко принимаете къ сердцу обязанности своего новаго званія, а это, смѣю вамъ замѣтить, вовсе не похвально для молодого, только - что начинающаго адвоката, имѣющаго къ тому же честь быть компаньономъ знаменитой фирмы... Признайтесь-ка откровенно: вѣдь сердце ваше вовсе не принимаетъ участія въ вашихъ занятіяхъ? А?

Артуръ неловко засмѣялся и отвѣтилъ:

— Кажется, адвокатура вовсе не принадлежитъ къ сердечнымъ дѣламъ, патеръ Фелипе.

— Не знаю, каковы ваши убѣжденія относительно этого предмета,—сказалъ патеръ Фелипе, пожимая плечами;—но я полагаю, что возможность помочь угнетеннымъ и защитить невинныхъ есть именно дѣло чувства, дѣло сердца; кто принимается за это равнодушно, безъ участія сердца, тотъ навѣрно проиграетъ свое дѣло!... Вы прежде относились съ большимъ участіемъ къ жертвамъ чиновничьей несправедливости, и вслѣдствіе этого мы начали уважать васъ, донъ Артуръ. Было бы весьма грустно, если бъ наши дальнѣйшія ожиданія не оправдались... Повѣрьте мнѣ, я говорю вамъ отъ души!

Артуръ пробормоталъ нѣсколько фразъ, доказывающихъ, что полуукоризна, полупохвала патера Фелипе и обидѣла, и польстила ему; затѣмъ онъ измѣнилъ тему разговора, начавъ разсказывать бывшее съ нимъ по утру приключеніе. Патеръ Филипе серьезно дослушалъ его до конца, потомъ подошелъ къ нему и положилъ свои мягкія руки на его голову.

— Донъ Артуро,—началъ онъ съ отеческою нѣжностью:—вы видите предъ собою старика, отъ котораго не совѣстно принять совѣтъ, могущій принести вамъ пользу... Выслушайте же меня терпѣливо! Вы одинъ изъ тѣхъ мужчинъ, которые способны произвести впечатлѣніе на каждую женщину. Это несомнѣнно!.. Простите мнѣ, если я затрогиваю такой щекотливый предметъ,—добавилъ онъ, замѣтивъ, что Артуръ немного покраснѣлъ.—Этого нечего стыдиться, хотя здѣсь и не мѣсто упоминать о подобныхъ грѣховныхъ чувствахъ,—онъ указалъ на образъ святого Антонія;—но гдѣ намъ, слабымъ существамъ, подражать вполнѣ этому святому подвижнику!.. Итакъ, встрѣченная и спасенная вами поутру вдовушка очень богата, не такъ ли? А? И красива? А? Обладаетъ, по вашему мнѣнію, страстною натурою? Да?... Вы не чувствуете особеннаго пристрастія къ адвокатурѣ... Такъ зачѣмъ же стало дѣло? Вы рождены для того, чтобы быть любовникомъ подобной женщины; вы имѣете,—простите за откровенность—

вы имѣете всѣ тѣ свойства, которыя необходимы для подобной роли, а именно: вы здоровы, одиноки, внимательны и скрытны... Хорошо! Примите же мой совѣтъ и пользуйтесь этими свойствами; извлеките изъ нихъ выгоду: это капиталъ, который можетъ принести громадные проценты... Повѣрьте мнѣ!

Артуръ улыбнулся. Ему казалось смѣшнымъ слышать подобные совѣты отъ духовнаго лица.

— А что вы скажете на то, что, быть-можетъ, мое сердце уже преисполнено самаго нѣжнаго чувства къ другой? Не думаю, чтобы вы посовѣтовали мнѣ хитрить предъ нею, измѣнить ей, безъ ея вѣдома!

Патеръ Фелипе, видимо, не ожидалъ подобнаго отвѣта; какое-то загадочное выраженіе появилось на его широкомъ, смугломъ, гладко выбритомъ лицѣ, и его обыкновенно снисходительный взглядъ превратился въ строгій, когда онъ устремилъ его на Артура.

— Вы считаете себя способнымъ къ такой страсти? Не дороже ли всего для васъ новизна, сынъ мой? — спросилъ онъ.

Артуръ приподнялся съ нѣкоторою формальностью.

— Мнѣ кажется, что мы зашли съ вами слишкомъ далеко, ведя подобный разговоръ о женщинѣ, которая вамъ—духовная дочь, а мнѣ—кліэнтка!... Оставимте этотъ разговоръ и займемтесь лучше нашимъ дѣломъ, тѣмъ дѣломъ, ради котораго я пришелъ къ вамъ,—добавилъ Артуръ немного рѣзко.— Предполагаю, что красавица-невидимка вручила вамъ всѣ нужные документы и весь матеріалъ, необходимый для составленія короткой докладной записки.

— Вотъ вы опять заблуждаетесь, сынъ мой. Это предметъ такого рода, къ которому она чувствуетъ такую же нелюбовь, какъ къ свѣтскимъ разговорамъ, и если бы я не явился посредникомъ, то она и не подумала бы заявить о своихъ правахъ. Сколько мнѣ извѣстно, она желала бы покончить миромъ съ этимъ воромъ, простите—покупателемъ.... Но вы, пожалуйста, не думайте, чтобы я былъ главнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ: всѣ бумаги и доказательства находятся въ рукахъ сеньоры Сепульвида. Совѣтую вамъ обратиться прямо къ ней и могу васъ увѣрить, что свиданіе съ этою прелестною особою будетъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ съ дикою индіанкою—доньей Долоресъ... Постарайтесь забыть, что я вамъ говорилъ, если вы только находитесь въ состояніи забыть это, въ чемъ я—извините — сильно сомнѣваюсь.... О, донъ Артуро, я знаю васъ лучше, чѣмъ вы сами себя знаете... Пройдемте въ садъ; я вамъ покажу одинъ новый сортъ винограда.

— По мнѣ, лучше стараго «миссіонерскаго» винограда нѣтъ никакого,—сказалъ Артуръ, идя съ патеромъ Фелипе вдоль оливковой аллеи.

— А коренные жители были объ этомъ другого мнѣнія; они дорожили этимъ виноградомъ единственно ради содержащагося въ немъ красильнаго вещества, цвѣта красной мѣди, которымъ они татуируютъ себя... Но вы вовсе не слушаете меня, донъ Артуро; а между тѣмъ это должно бы интересовать васъ, такъ какъ лицо вашей таинственной кліэнтки—доньи Долоресъ—точь-въ-точь такого же цвѣта.

Болтая все въ этомъ же родѣ и указывая на различные интересные предметы, начиная съ грамадной смоковницы до причиненной послѣднимъ землетрясеніемъ трещины въ церковной оградѣ, выстроенной, какъ и всѣ постройки въ этой мѣстности, изъ сырыхъ кирпичей, патеръ Фелипе провелъ Артура по всему саду. Понемногу къ нимъ вернулась опять прежняя обоюдная довѣрчивость, и когда патеръ Фелипе наконецъ удалился по какимъ-то домашнимъ дѣламъ, то нарушившаяся было между ними симпатія снова была возстановлена.

Оставшись одинъ, Артуръ тихо побрелъ назадъ къ отпертой церкви; тутъ онъ остановился; но, минуту спустя, будучи побуждаемъ какимъ-то особеннымъ, внезапно нахлынувшимъ на него чувствомъ, вошелъ въ нее.

Церковь эта, выстроенная тому назадъ лѣтъ сто, оставалась до сихъ поръ безъ всякой перемѣны, по примѣру всего существующаго въ Санъ-Антоніо. Тутъ виднѣлись старыя бревна, поддерживавшія сводъ, разукрашенныя въ мужицкомъ вкусѣ красными и коричневыми полосами; тутъ находились некрасивыя восковыя изображенія библейскихъ лицъ съ стеклянными глазами; однимъ словомъ, тутъ было все, что можетъ скорѣе вызвать испугъ, чѣмъ благоговѣніе. Но тутъ же была одна картина, которая невольно остановила на себѣ вниманіе далеко не набожнаго Артура; она представляла знаменитаго милліонера Хуниперо Серру, проповѣдующаго язычникамъ. Нужно признаться, что взглядъ Артура приковала собственно не фигура этого замѣчательнѣйшаго проповѣдника, а скорѣе стройная, граціозная, полунагая фигурка одной изъ молодыхъ индіанокъ, стоящая на колѣняхъ передъ милліонеромъ, съ выраженіемъ дѣтскаго страха и трогательнѣйшаго раскаянія на прелестномъ лицѣ.

Глаза ея были полны такого сокрушенія о своихъ грѣхахъ и такой мольбы о прощеніи, что, при видѣ этихъ глазъ, сердце Артура сильно забилось. Онъ быстро отвернулся, но куда онъ ни смотрѣлъ, вездѣ видѣлись ему эти чудные глаза, такъ

что онъ, наконецъ, опустился въ сильнѣйшемъ изнеможеніи на скамью и оперся головою въ наклонномъ положеніи о спинку слѣдующей скамьи.

Чья-то мягкая рука вдругъ прикоснулась къ его плечу и заставила его очнуться отъ своихъ мечтаній. Онъ рѣзко поднялъ голову и встрѣтился съ взглядомъ патера Фелипе,— взглядомъ до того нѣжнымъ, что онъ и злилъ, и трогалъ его.

— Виноватъ!—произнесъ патеръ Фелипе тихо.—Я помѣшалъ вамъ думать о чемъ-то очень интересномъ.

Артуръ объяснилъ немного грубо, что углубился въ изученіе весьма труднаго способа защиты.

— Такъ! Но почему же на вашихъ глазахъ слезы, донъ Артуро?—кротко возразилъ патеръ Фелипе, выводя его изъ церкви.

XIX.

Донья Марія производитъ впечатлѣніе.

Домъ сеньоры Сепульвиды или ранчо «Блаженнаго рыболова», былъ обращенъ къ морю. Если строитель этого дома выказалъ въ его устройствѣ всю свою склонность къ предметамъ религіознымъ, то его прелестная вдова выказала не меньшее расположеніе къ предметамъ чисто свѣтскимъ. Низкое, четырехугольное, обнесенное стѣною, зданіе было совершенно измѣнено противъ своего первоначальнаго, слишкомъ угрюмаго, непривѣтливаго вида. Къ переднему фасаду была пристроена обширная веранда, вокругъ колоннъ которой вился виноградъ. Внутренняго двора уже не существовало. Комнаты, бывшія прежде такими мрачными, теперь получили веселый видъ благодаря свѣтлымъ обоямъ, свѣтлой, изящной французской мебели и бѣлымъ кружевнымъ занавѣскамъ. Веранда была уставлена самыми новомодными китайскими бамбуковыми креслами и стульями; маркиза изъ полосатаго венеціанскаго полотна закрывала ее отъ солнца. Но все-таки донья Марія изъ уваженія къ общему мнѣнію придерживалась нѣкоторыхъ мѣстныхъ традицій; напримѣръ, рядомъ съ піанино стояла арфа; если на піанино лежалъ новѣйшій романъ, то на мраморномъ столикѣ непремѣнно находился молитвенникъ; если часы, чудо французскаго искусства, на каминѣ безпечно отмѣчали неутомимо бѣгущее время, то висѣвшее напротивъ Распятіе напоминало о вѣчности.

Донья Марія кого-то ждала. Она качалась въ придѣланномъ къ двумъ колоннамъ веранды гамакѣ, но пусть читатель не

спѣшитъ вывести изъ этого обстоятельства заключеніе, будто она была намѣрена принять гостя въ этомъ положеніи; она, напротивъ, приказала прислугѣ тотчасъ же доложить ей, если увидятъ приближающагося къ дому всадника.

Воспользуемся этою минутою, чтобы описать ея наружность. Когда она лежала не на диванѣ, а на койкѣ, ростъ ея казался чрезвычайно маленькимъ; густые темнорусые волосы ея были гладко причесаны—оставшаяся у нея институтская привычка; глаза ея были нѣжно коричневаго цвѣта; ротъ былъ чрезвычайно малъ, съ немного оттянутыми внизъ углами и съ выраженіемъ дѣтскаго недовольства; зубы—блестящей бѣлизны; цвѣтъ лица—мѣняющійся вмѣстѣ съ душевнымъ ея расположеніемъ. Ей казалось около тридцати лѣтъ, и во всей ея особѣ былъ тотъ несомнѣнный признакъ «женщины», который достигается лишь годами.

Когда, часъ спустя, индіецъ Пепе явился предъ свѣтлыя очи своей повелительницы съ визитною карточкою Артура Пойнсета, содержавшей просьбу о свиданіи по важномудѣлу, то донья Марія состроила очень недовольную гримаску; окруживъ его ореоломъ героя, она была вполнѣ увѣрена, что онъ неожиданно явится предъ нею на верандѣ, избѣгая всякихъ формальностей.

— Ввести его въ пріемную!—приказала она, вздохнувъ и ловко соскользая съ своего мѣста, чтобы итти въ уборную.

— Онъ разводитъ церемоніи, какъ будто донъ Хозе еще живъ,—сказала она про себя, подходя къ зеркалу.

Артуръ Пойнсетъ вошелъ въ пріемную въ весьма скверномъ расположеніи духа; онъ замѣтилъ, что прислугѣ извѣстно его приключеніе съ госпожею Сепульвида (которая не могла удержаться, чтобы не разсказать объ этомъ романическомъ происшествіи своей любимой горничной); къ тому же его злила мысль, что передача дѣла доньи Долоресъ сеньорѣ Сепульвида случилось по иниціативѣ патера Фелипе; онъ твердо рѣшился не говорить съ доньей Маріею ни о чемъ, что не касалось дѣла, въ которомъ ему приходилось участвовать противъ своего желанія. Появленіе интересной вдовы не уменьшило его досады.

— Я предполагаю,—началъ онъ, послѣ первыхъ привѣтствій, когда донья Марія сѣла напротивъ него.—Мнѣ кажется... то-есть, мнѣ сказали, что кромѣ собственнаго дѣла вы имѣете на рукахъ и бумаги, доказывающія какія-то права доньи Долоресъ Сальватіерра; поэтому я попросилъ бы васъ заняться пересмотромъ ихъ въ продолженіе тѣхъ двухъ часовъ, которые я могу посвятить вамъ... Впрочемъ, если угодно, то мы сперва займемся вашимъ дѣломъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше начать съ бумагъ доньи Долоресъ; мое дѣло терпитъ... Имъ даже можетъ заняться одинъ изъ вашихъ писарей, чтобы вамъ не тратить напрасно драгоцѣнное для васъ время; вамъ ужъ черезчуръ было бы трудно выслушивать мою болтовню, такъ какъ я въ подобныхъ дѣлахъ рѣшительно ничего не смыслю,—отвѣтила она съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

Артуръ, улыбаясь, въ видѣ протеста махнулъ рукой; ему понравился этотъ раздражительный тонъ, но, несмотря на это, онъ молча вынулъ свою записную книжку и взялъ карандашъ.

— Ахъ, какая же я глупая!—проговорила донья Марія серьезно.—Мнѣ слѣдуетъ говорить о дѣлѣ Долоресъ, а я болтаю о себѣ... Начнемте же! Сперва слѣдуетъ объяснить, почему это дѣло поручено именно мнѣ. Мой супругъ и отецъ доньи Долоресъ были очень дружны между собою и поэтому имѣли общіе интересы. Какъ вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, она жила очень тихо и скромно, почти какъ монахиня; къ этому принудило ее особенное общественное положеніе... Вы, конечно, слышали, что мать ея была индіанка?.. Ну, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отецъ ея, губернаторъ, овдовѣвшій и неимѣвшій другихъ дѣтей, вспомнилъ о ней и началъ разыскивать ее; оказалось, что мать ея умерла, а она сама живетъ въ одномъ отдаленномъ миссіонерствѣ, въ качествѣ сестры милосердія. Онъ поѣхалъ къ ней, привезъ ее въ Санъ-Антоніо, заставилъ ее принять католичество и, наконецъ, усыновилъ, и назначилъ ее своей наслѣдницей по всѣмъ правиламъ законовъ. Ей было тогда не больше четырнадцати лѣтъ... У нея былъ бы хорошій цвѣтъ лица, если бы ее не выкрасили тотчасъ же послѣ ея появленія на свѣтъ какой-то несмываемой краской: вѣдь это обычай индійскаго племени... Поэтому она теперь имѣетъ много сходства съ бронзовой статуей... Помимо этого, я нахожу ее хорошенькой, быть-можетъ, потому, что я люблю ее! Но мужчины вѣдь имѣютъ весьма странный вкусъ относительно цвѣта лица... потому и не удивительно, что она боится показаться кому-нибудь... Ну, вотъ! Вмѣсто того, чтобы говорить объ ея дѣлѣ, я опять болтаю вздоръ... Простите великодушно, мистеръ Пойнсетъ!

— Ничего, ничего, продолжайте!—отвѣтилъ Артуръ торопливо.—Вашъ разсказъ меня интересуетъ.

Донья Марія лукаво погрозила своимъ бѣленькимъ пальчикомъ.

— Вотъ вы какой, донъ Артуро!.. Я такъ и ожидала... Жаль, что ея нѣтъ самой на лицо, чтобы свидѣтельствовать за себя!.. Однако, я продолжаю. Я сошлась съ нею отчасти потому, что

не раздѣляю презрѣнія благородныхъ фамилій къ метисамъ, отчасти же вслѣдствіе того, что мы обѣ здѣсь были чужія. Сначала она избѣгала меня почти еще больше, чѣмъ другихъ, но въ концѣ-концовъ мы все-таки стали хорошими друзьями... Вы понимаете: *друзьями*, но далеко не интимными пріятельницами. По мнѣнію мужчинъ, это одно и то же; но донья Долоресъ совершенно особенное существо: она никогда не говоритъ ни о чемъ, какъ только о самыхъ безразличныхъ предметахъ; а все-таки я пользуюсь ея дружбой...

— Кажется, этимъ пользуется и духовный отецъ ея, патеръ Фелипе—перебилъ Артуръ.

Донья Марія пожала плечами.

— Кто его знаетъ?.. Но мы опять уклоняемся отъ главной цѣли!.. Займемтесь же серьезно.

Она встала и вынула изъ своего письменнаго стола портфель со множествомъ дѣловыхъ бумагъ.

— Я слышала,—начала она, перебирая бумаги,—что между бумагами Сальватіерры недавно найдена дарственная грамота Михаила Торрены, и оказывается, будто она пять лѣтъ тому назадъ была отдана дону Педро Рейцу въ качествѣ залога подъ какую-то аренду, срокъ которой съ тѣхъ поръ уже истекъ. Грамота эта, повидимому, настоящая... Донъ Педро сообщилъ, что многіе изъ подписавшихся подъ нею свидѣтелей еще живы.

— Если такъ, то почему же не подать прошенія о выдачѣ дарственной грамоты?

— Если бы дѣло стало только за этимъ, то мы не стали бы и приглашать мистера Пойнсета на консультацію; тутъ есть нѣчто другое. Донъ Педро сообщилъ намъ, что на эту землю есть еще другая дарственная грамота, въ рукахъ другой стороны.

— Это, къ несчастію, не единственный случай въ судебной практикѣ... Но мнѣ кажется, что хорошая репутація Сальватіерры одна могла бы парализовать всевозможныя доказательства противоположной стороны... Скверно то, что эти акты найдены только послѣ его смерти.

— Но владѣлецъ второй записи тоже умеръ!—воскликнула донья Марія.

— Такимъ образомъ игра равная съ обѣихъ сторонъ; но кто былъ этимъ владѣльцемъ?

Донья Марія заглянула въ открытую бумагу.

— Докторъ Деваржъ,—сказала она.

— Кто?

— Деваржъ!

— Странная фамилія!—Должно-быть, онъ иностранецъ?

— Можетъ-быть... О, какія у васъ холодныя руки!

Артуръ быстро всталъ и безцеремонно хотѣлъ вырвать изъ ея рукъ бумагу, но она кокетливо предупредила его, схвативъ одну изъ его рукъ.

— Къ тому же вы ужасны блѣдны!.. Ужъ не простудились ли вы въ то утро? Боже упаси!.. Я была бы безутѣшна!—проговорила она, кинувъ на него взглядъ, выражавшій опасеніе.

— Нѣтъ, это такъ... Я сегодня всталъ очень рано,—сказалъ Артуръ съ неопредѣленной улыбкою.—Но я перебилъ васъ, продолжайте, пожалуйста... Имѣетъ этотъ Деваржъ наслѣдниковъ, которые могли бы оспаривать документъ Сальватіерры?

Но донья Марія вовсе казалась не расположенною продолжать бесѣду.

— Не хотите ли вы выпить стаканъ вина и закусить чего-нибудь, прежде чѣмъ снова углубляться въ эту путаницу?—спросила она.

Артуръ замѣтилъ, что, чѣмъ скорѣе дѣло будетъ покончено, тѣмъ скорѣе ему можно будетъ воспользоваться ея гостепріимствомъ.

Вдова согласилась, наконецъ, продолжать.

— Прямыхъ наслѣдниковъ не имѣется, но зато есть одинъ... одинъ... какъ ихъ называютъ?.. Ну, однимъ словомъ, одинъ человѣкъ, поселившійся на его землѣ.

— Скваттеръ? *)—спросилъ Артуръ коротко.

— Да, да, скваттеръ,—засмѣялась вдовушка,—зовутъ его... Ахъ, мой почеркъ такой не разборчивый, что я сама затрудняюсь его читать!.. Зовутъ этого скваттера... Гэбріель Конрой.

Артуръ опять покусился на бывшую въ ея рукахъ бумагу, но донья Марія лукаво отбѣжала къ окну.

— Гэбріель Конрой съ... съ... съ...

— Сестрою?—произнесъ Артуръ съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— Ошиблись, милостивый государь!—отвѣтила она, слегка надувшись.—Онъ живетъ тамъ *съ женою!*.. А то вы сейчасъ ужъ и предполагаете, что онъ имѣетъ сестру, какъ будто мы, замужнія женщины, ужъ вовсе не стоимъ вниманія!

Артуръ молчалъ, отвернувшись отъ нея. Когда онъ снова заговорилъ, то голосъ его звучалъ съ прежнею твердостью.

— Осмѣливаюсь измѣнить свое прежнее рѣшеніе и попросить васъ теперь угостить меня рюмкой вина съ печеньемъ!

Донья Марія торопливо вышла изъ комнаты, между тѣмъ какъ Артуръ также торопливо схватилъ и пробѣжалъ глазами оставленную ею бумагу. Тамъ дѣйствительно были обозна-

---

*) Поселенецъ на новыхъ мѣстахъ, или такъ-называемый „захватчикъ“.

чены произнесенныя ею имена, но больше ничего. Впрочемъ, для него и этого было достаточно.

Какъ большая часть людей, обладающихъ живымъ воображеніемъ, онъ былъ немного суевѣренъ, и поэтому ему тотчасъ же, при имени доктора Деваржа, пришелъ на память сдѣланный вчера патеромъ Филипе разборъ его характера; вспомнилась ему также и вчерашняя грустная мечта въ церкви. Затѣмъ онъ началъ разсуждать о странности того случая, который заставилъ собственно его—изо всѣхъ прочихъ адвокатовъ—заняться этими старыми дарственными грамотами. Долго думалъ онъ обо всемъ этомъ, пока не пришелъ опять въ нормальное состояніе духа и къ тому заключенію, что право на сторонѣ Деваржа, а прочія притязанія незаконны. Но какимъ образомъ завладѣлъ Гэбріель правами Деваржа?

Неужели онъ унаслѣдовалъ ихъ отъ доктора? Какъ и почему? И гдѣ же Грэсъ? И почему онъ не заявляетъ прямо своихъ правъ?

Въ вопросѣ о Грэсъ участвовало нѣкоторое сентиментальное воспоминаніе, но ни капли угрызенія совѣсти или стыда. Онъ твердо былъ увѣренъ, что ему когда-нибудь придется быть ей полезнымъ такъ или иначе, и что онъ тогда вполнѣ загладитъ свою вину передъ нею. Удобнѣе всего ему казалось предложить своей прекрасной кліэнткѣ перемиріе и затѣмъ разыскать самому и Гэбріеля, и Грэсъ.

Донья Марія нашла его, по своемъ возвращеніи, въ весьма хорошемъ расположеніи духа: онъ былъ такой веселый и внимательный, что она просто восхищалась имъ и готова была забыть свое недавнее разочарованіе въ немъ. Когда онъ предложилъ ей послѣ закуски проѣхаться верхомъ до залива, то она съ удовольствіемъ согласилась, не обращая вниманія на то, что могутъ сказать по этому поводу злые языки, которыхъ было не мало въ Санъ-Антоніо.

Да и что жъ въ томъ дурного, если она поѣдетъ въ сопровожденіи повѣреннаго ея покойнаго мужа?! Къ тому же ихъ проводитъ Кончо.

День былъ такъ хорошъ, что они часто останавливались, чтобы полюбоваться блестящею гладкою поверхностью моря; а шумъ волнъ былъ настолько силенъ, что имъ необходимо было ѣхать рядомъ для того, чтобы имѣть возможность продолжать свой «дѣловой» разговоръ, при чемъ горячее дыханіе доньи Маріи постоянно касалось щеки Артура; наконецъ лошулъ поводъ, такъ что ей необходимо было сойти на землю, между тѣмъ какъ Артуръ старался поправить бѣду и получилъ позволеніе посадить ее въ сѣдло. Объѣхавъ мысъ,

при чемъ Артуръ показалъ ей, что тогда можно было ѣхать вотъ такъ-то, чтобы избѣгнуть прилива, они снова остановились, чтобы проститься, такъ какъ Артуру нужно было спѣшить въ другое мѣсто. Въ это время мимо нихъ проѣхала старомодная, запряженная четырьмя мулами, карета.

Донья Марія быстро выдернула свою руку изъ руки Артура и, улыбаясь, послала по направленію къ каретѣ воздушный поцѣлуй.

— Вы должны бы быть повнимательнѣе, милостивый государь! — сказала она Артуру, почему-то улыбавшемуся довольно безсмысленно.—Знаете ли вы, кто сейчасъ проѣхалъ?

Артуръ сознался, что замѣтилъ карету только тогда, когда она уже проѣхала, и что онъ поэтому не могъ замѣтить, кто въ ней сидѣлъ.

— Въ такомъ случаѣ вы очень много потеряли!.. Мимо васъ проѣхала ваша прекрасная кліэнтка!

— Что жъ дѣлать?—отвѣтилъ Артуръ смѣясь.

— А она съ васъ глазъ не спускала, неблагодарный вы этакій!... Прощайте!

XX.

Дѣва скорби.

— Вы сегодня еще не уѣдете,—сказалъ патеръ Фелипе, когда Артуръ на слѣдующее утро вошелъ къ нему.

— Напротивъ, я черезъ часъ уже буду въ дорогѣ,—возразилъ Артуръ весело.

— Но не по направленію къ Санъ-Франциско... Послушайте-ка! Я могу сообщить вамъ, что ваше желаніе исполняется: вы сегодня будете имѣть желаемое свиданіе съ прекрасною «невидимкою»: донья Долоресъ прислала вамъ, черезъ меня, приглашеніе явиться къ ней.

Артуръ съ удивленіемъ взглянулъ на говорившаго. Его лицо, должно-быть, выражало меньше радости, чѣмъ ожидалъ патеръ Фелипе, потому что этотъ послѣдній поднялъ глаза къ потолку и пробормоталъ:

— Ah, lo que es el mundo! Теперь, когда его желаніе исполнилось, онъ совершенно равнодушенъ.

— Этому я обязанъ вашей добротѣ, патеръ Фелипе?

— Боже сохрани!—отвѣтилъ тотъ торопливо.—Повѣрьте, сынъ мой, что я тутъ рѣшительно ни при чемъ; вѣроятно, это устроено сеньорой Сепульвида.

— Едва ли; она такъ хорошо ознакомила меня со всѣмъ дѣломъ своей подруги, что свиданіе съ послѣднею теперь совершенно лишнее... Но, ужъ такъ и быть, я пойду!

Несмотря на его кажущееся хладнокровіе, онъ все-таки былъ не въ себѣ, что выражалось у него отсутствіемъ аппетита и неразговорчивостью. Всѣ его вчерашнія убѣжденія оказались теперь шаткими. Не было ли еще нѣкоторыхъ обстоятельствъ, относительно этой дарственной записи которыя донья Марія сочла лучшимъ отъ него скрыть?

Или, быть-можетъ, эта таинственная отшельница имѣла особенную не относящуюся къ дѣлу причину пригласить его къ себѣ? А быть можетъ, она ужъ вела переговоры съ Гэбріелемъ или Грэсъ, вслѣдствіе которыхъ ей стала извѣстна ихъ прежняя жизнь? Быть-можетъ, также, что ей стали извѣстны его прежнія отношенія къ семейству Конроевъ?

Послѣднее предположеніе мелькнуло ему и вчера, когда донья Марія упомянула о Гэбріелѣ, но онъ тогда ничѣмъ не подалъ ей повода къ подозрѣніямъ... А въ состояніи ли онъ будетъ услышать это имя вторично съ тѣмъ же спокойствіемъ? Не совершилось ли въ послѣдніе часы чего-нибудь, въ родѣ какого-нибудь открытія о прежнихъ отношеніяхъ?... А вѣдь это могло бы повредить ему!.. Нѣтъ, этого быть не можетъ!..

Артуръ былъ сильно возбужденъ; обладая инстинктами вѣчно находящейся между собою въ противорѣчіи натуры и легко впадавшій въ сентиментальность, онъ опасался этого свиданія, между тѣмъ какъ съ другой стороны страстно желалъ его. Въ концѣ-концовъ онъ помчался къ Долоресъ еще за часъ до назначеннаго времени.

Помѣстье ея, или ранчо св. Троицы, находилось въ трехъ миляхъ отъ миссіонерства, у подошвы горы. Когда Артуръ достигъ до широкой равнины, не орошаемой никакимъ озеромъ и никакой рѣкою и опаленной знойнымъ солнцемъ, тогда онъ невольно оставилъ свою буйную торопливость;—безотраднѣе этой пустыни ничего не могло быть; монотонность ея, на сколько глазъ видѣлъ, ничѣмъ не прерывалась; даже стадо, бродившее въ отдаленіи, не вносило никакой жизни въ эту картину; она казалась символомъ терпѣливости — безнадежной, покорной терпѣливости, *вѣчной* терпѣливости.

Онъ ѣхалъ ужъ около часа, когда невдалекѣ предъ нимъ показалась темная стѣна; онъ пришпорилъ коня и вскорѣ очутился въ виду дюжины лѣнивыхъ, тупыхъ *вагеро*, ожидавшихъ его у воротъ. Когда онъ приблизился къ нимъ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, они выстроились въ два ряда по

бокамъ воротъ и подобострастно сняли свои черныя лакированныя шляпы; черезъ мгновеніе они всѣ исчезли.

Артуру помогъ соскочить съ лошади старый индіецъ, который и повелъ ее послѣ того въ конюшню; другой индіецъ также молча и неслышными шагами ввелъ самого Артура въ коридоръ, увѣшанный самыми разнообразными попонами, а потомъ въ пустую переднюю, гдѣ передалъ его на попеченіе третьяго индійца, стараго, сѣдого и съ лицомъ, похожимъ на изсохшій табачный листъ. Этотъ индіецъ вдругъ какъ будто выросъ изъ земли. Онъ съ достоинствомъ, но вѣжливо, поклонился Артуру и повелъ его въ просторную, богато убранную гостиную, гдѣ и оставилъ его, снова низко поклонившись. Хотя подобныя формальности не были новы для Артура, но все же онѣ, при данныхъ обстоятельствахъ, имѣли для него особенный смыслъ. Онъ нетерпѣливо оглянулся, когда на противоположномъ концѣ отворилась дверь, въ которую сперва долетѣлъ до его обонянія странный, но пріятный ароматъ различныхъ индійскихъ куреній и духовъ, а затѣмъ вошла старая сгорбленная мулатка.

— Донъ Артуръ Пойнсетъ, если не ошибаюсь?—спросила она почтительно.

Артуръ отвѣтилъ легкимъ поклономъ.

— Донья Долоресъ немного нездорова и велѣла спросить: не обидитесь ли вы, если она приметъ васъ въ своемъ будуарѣ?

Артуръ снова поклонился.

— Bueno! Угодно вамъ слѣдовать за мною?

Она указала на отворенную дверь и повела его черезъ узкій коридоръ до будуара, у порога котораго Артуръ нерѣшительно остановился. Въ этой комнатѣ царствовалъ такой полумракъ, что онъ сначала ничего не могъ различить, кромѣ самыхъ ближайшихъ къ нему предметовъ; понемногу онъ разглядѣлъ, наконецъ, въ глубинѣ будуара кровать, возлѣ нея налой, а напротивъ диванъ; затѣмъ ужъ, когда глазъ его привыкъ къ скудному свѣту, проникающему сквозь два узкіе, съ широкою амбразурою, окна, онъ замѣтилъ на диванѣ полулежащую женскую фигуру, лицо которой было закрыто огромнымъ вѣеромъ.

— Habla Vm. Espanol, Don Arturo? [1])—спросилъ нѣжный, пріятный голосокъ изъ-за вѣера.

— Un poco, Senorita [2]).

— Садитесь же, донъ Артуро.

---

[1]) Говорите ли вы по-испански, донъ Артуро?

[2]) Немного говорю, сеньорита.

Старуха поставила ему стулъ возлѣ дивана; въ эту минуту лежащая предъ нимъ особа быстро сложила свой черный вѣеръ и повернула къ нему свое лицо.

Сердце Артура сперва сильно забилось, а затѣмъ замерло; глаза, смотрѣвшіе на него, были большіе, блестящіе, рѣдкой красоты; лицо, которому принадлежали эти глаза, было вполнѣ симметрично, миніатюрное, съ тонкими, изящными чертами, но цвѣтъ его былъ бронзовый. Несмотря на это, Артуръ сознался, что никогда не видалъ болѣе хорошенькаго личика.

Быть-можетъ, донья Долоресъ угадала его мысль, потому что она снова открыла вѣеръ и подняла его въ уровень съ лицомъ. Артуръ скользнулъ взглядомъ по всей ея фигурѣ, до самыхъ крошечныхъ ногъ ея, обутыхъ въ бѣлыя атласныя туфельки. Платье ея оказалось бѣлымъ, но совершенно монашескаго покроя.

— Вы, вѣроятно, были удивлены моимъ приглашеніемъ,— начала она,—послѣ того, какъ уже познакомились съ моимъ дѣломъ у моей подруги?... Нужно вамъ сказать, что я этимъ временемъ раздумала начинать тяжбу.

Эти немногія слова мигомъ вернули Артуру его присутствіе духа, напомнили ему то, о чемъ онъ совершенно забылъ при ея лицезрѣніи; даже чудный ея голосъ не могъ больше заглушить зарождавшагося въ немъ дурного предчувствія.

— Быть-можетъ, вамъ стали извѣстны нѣкоторыя обстоятельства, которыя заставляютъ васъ сомнѣваться въ успѣхѣ этого дѣла?—спросилъ онъ осторожно.

— Нѣтъ.

— Или же сеньора Сепульвида забыла сообщить мнѣ какой-нибудь важный пунктъ?—сказалъ онъ, послѣ чего передалъ ей всѣ полученныя имъ свѣдѣнія.

— Bueno! Она сообщила все, что слѣдуетъ,—отвѣтила она съ болѣе, чѣмъ женскимъ любопытствомъ, выглядывая на него изъ-за вѣера, что не мало смущало его, хотя онъ старался быть, по возможности, спокойнымъ.

— И вы не имѣете ничего добавить?

— Можетъ-быть, и имѣю.

Артуръ скрестилъ руки на груди. Донья Долоресъ принялась считать звенья своего вѣера.

— Мнѣ, дѣйствительно, стали извѣстны нѣкоторыя обстоятельства (въ чемъ я давеча не хотѣла признаться, чтобы помучить васъ загадками), которымъ вы, какъ адвокатъ, быть можетъ, не придадите никакого значенія, но которыя тѣмъ не менѣе весьма важны для меня, какъ для женщины. Выслушавъ ихъ, вы, пожалуй, скажете, что онѣ ничуть не измѣняютъ, съ точки

зрѣнія юридической, сущности дѣла... Быть-можетъ, вы даже будете смѣяться надъ принятымъ мною рѣшеніемъ: но, несмотря на это опасеніе, я все-таки считаю необходимымъ сообщить вамъ, почему вамъ пришлось напрасно потерять столько времени съ моею подругою.

Артуръ былъ слишкомъ углубленъ въ свои мысли, чтобы замѣтить съ какимъ удареніемъ были произнесены послѣднія слова доньи Долоресъ, чего бы въ другое время не случилось.

— Да, донъ Артуро, я измѣнила свой прежній планъ не изъ одного минутнаго каприза... Вѣдь, вамъ извѣстна моя исторія... Выслушайте меня и вы поймете, почему я такъ заинтересовалась тѣми людьми, которые оспариваютъ мои очевидныя права... Что происходило съ *нею*, могло бы произойти— и со мною...

— О комъ это вы изволите говорить?—спросилъ Артуръ спокойно.

— Виновата!... Я забыла, что вамъ ничего не извѣстно... Слушайте же! Вѣдь, донья Марія сообщила же вамъ, что на спорной землѣ поселился нѣкто Гэбріель Конрой съ женою? Хорошо! Затѣмъ вамъ извѣстно, что онъ не предъявилъ никакихъ законныхъ правъ на эту землю, исключая того, что онъ купилъ ее раньше другихъ, т.-е. раньше того, какъ ему стало извѣстно о чужихъ притязаніяхъ.... Вѣдь вамъ сообщили это дѣло въ такомъ видѣ? Ну, скажу вамъ, что все это не вѣрно.

Артуръ взглянулъ на нее съ нескрываемымъ изумленіемъ.

— Въ такомъ случаѣ дѣло это измѣняется и съ юридической точки зрѣнія, донья Долоресъ.

— Быть-можетъ,—отвѣтила она равнодушно.—Сущность дѣла слѣдующая: докторъ Деваржъ, который тоже обладалъ царственною записью на эту землю, передалъ ее сестрѣ Гэбріеля... Понимаете? Ну, а эта сестра пропала безъ вѣсти... Поняли?

— Вполнѣ!—отвѣтилъ Артуръ, смотря въ окно.—Этимъ объясняется его обладаніе этою землею... Но жива ли еще эта сестра? Вотъ вопросъ не сентиментальный, а чисто юридическій. Затѣмъ не была ли она замужемъ и не оставила ли по себѣ ребенка? Если да, то этотъ ребенокъ долженъ получить въ наслѣдство все.

Молчаніе, послѣдовавшее за этимъ вопросомъ, длилось такъ долго, что Артуръ, наконецъ, взглянулъ на свою прекрасную собесѣдницу немного нетерпѣливо; она, очевидно, сдѣлала какой-то знакъ старухѣ, потому что та наклонилась къ ней, вы-

слушала нѣсколько шопотомъ сказанныхъ словъ и оставила будуаръ.

— Вы правы, донъ Артуро, — продолжала донья Долоресъ, все еще скрываясь за вѣеромъ.—Видите ли вы теперь, что я не даромъ пригласила васъ: вашъ совѣтъ тутъ необходимъ.

Артуръ утвердительно кивнулъ и опять придалъ своему лицу выжидательное выраженіе.

— Я, кажется, ужъ говорила, что настоящая наслѣдница, Грэсъ Конрой, исчезла? Но теперь вмѣсто нея явилась подложная Грэсъ Конрой...

— Простите, что васъ перебью! Почему вамъ извѣстно, что это подложная, а не настоящая Грэсъ Конрой?

— Почему мнѣ это извѣстно?

— Да, какія имѣете вы на это доказательства?

— Мнѣ просто сообщено это.

— О!.. Такъ!

— Доказательства?.. Гмъ! Не довольно ли того, что она вышла замужъ за этого Гэбріеля Конроя, кому она называлась до того времени сестрою?

— Это, дѣйствительно, очень сильное и въ нравственномъ, и въ юридическомъ отношеніи доказательство; но тѣмъ не менѣе оно не достаточно опровергаетъ ея прежнее показаніе,— сказалъ Артуръ хладнокровно.—Потрудитесь продолжать!

— Я все сказала,— отвѣтила донья Долоресъ, нетерпѣливо поднимаясь съ дивана.

— Хорошо. Если я не ошибаюсь, то дѣло вотъ въ чемъ: вы имѣете дарственную запись на землю, которою завладѣлъ Гэбріель Конрой отъ имени своей жены или сестры,—а именно въ силу даннаго полномочія со стороны Деваржа, въ рукахъ котораго тоже была дарственная запись на это недвижимое имущество... Вѣдь такъ?

— Такъ!

— Хорошо! Такимъ образомъ все это сводится къ спору между вами и докторомъ Деваржемъ; слѣдуетъ только доказать, кому изъ васъ прежде была дана дарственная запись... Все сказанное вами мнѣ ничуть не измѣняетъ дѣла... Да, позвольте васъ спросить, откуда вамъ извѣстны эти новыя подробности?

— Изъ одного письма.

— Отъ кого?

— Письмо было безъ подписи, но писавшій вызвался предоставить мнѣ доказательства его словъ.

Артуръ всталъ; на губахъ его играла насмѣшливая улыбка.

— Осмѣлюсь еще спросить: неужели вы хотите отказаться отъ своихъ правъ на довольно цѣнное недвижимое имущество единственно вслѣдствіе какого-то анонимнаго письма?

— Вовсе не вслѣдствіе анонимнаго письма, — отвѣтила донья Долоресъ, усиленно обмахиваясь вѣеромъ.

— Ну, хорошо; взглянемъ же на это дѣло съ нравственной точки зрѣнія, если вы ужъ разъ оказали мнѣ честь, избравъ меня совѣтникомъ... И такъ, вы чувствуете симпатію къ какой-то сиротѣ, настоящее существованіе которой очень сомнительно?

— У нея есть братъ.

— Гмъ! Который не задумался стать сообщникомъ обманщицы и жениться на ней? Да къ тому же, какую имѣете вы гарантію тому, что и онъ не обманщикъ, а дѣйствительно Гэбріель Конрой?

— Да и то правда; я этому не имѣю никакихъ доказательствъ,—отвѣтила донна Долоресъ задумчиво.

— Впрочемъ, это все будетъ извѣстно, если явятся настоящіе наслѣдники доктора Деваржа и притянутъ его къ суду!.. Однимъ словомъ, становясь даже на вашу точку зрѣнія, я не вижу ничего такого, почему бы вамъ не заявить вашихъ правъ: сирота, пользующаяся вашею симпатіей, кажется, не имѣетъ никакого активнаго участія въ этомъ дѣлѣ; брата же, поступившаго нечестно противъ сестры, вамъ нечего жалѣть, и такимъ образомъ ваша похвальная доброта никому не принесетъ существенной пользы. Мой совѣтъ—смѣло приняться за дѣло.

— Вы очень мудры, донъ Артуро; но въ томъ-то и дѣло, что адвокаты ужъ черезчуръ холодны и расчетливы... Простите, я не хотѣла оскорбить васъ!.. А что бы вы мнѣ посовѣтовали, если бы на мѣстѣ Гэбріеля была сама Грэсъ?

— То же самое; а если бы я былъ ея адвокатомъ, то также энергично принялся бы за дѣло и употребилъ бы всѣ свои силы, чтобы побѣдить васъ... Но какимъ образомъ не позаботился Гэбріель о выправкѣ себѣ документа на землю? Не извѣстна ли вамъ эта причина? Вѣдь это обстоятельство служитъ въ вашу пользу.

— Вы забываете, что наша дарственная запись найдена очень недавно.

— Да,—такъ! такимъ образомъ обоюдныя притязанія равны передъ закономъ. Но отсутствіе Грэсъ Конрой зато вполнѣ полезно для васъ.

— Почему?

— Да, хотя бы только потому, что господа судьи обыкновенно весьма сочувствуютъ хорошенькимъ сироточкамъ.

— А вамъ откуда извѣстно, что она была недурна собою?—спросила донья Долоресъ торопливо.

— Я такъ предполагаю; красота—привилегія всѣхъ вообще сиротъ,—отвѣтилъ онъ, холодно и вѣжливо кланяясь ей.

— Да, вы очень мудры! Дай Богъ вамъ много лѣтъ здравствовать!

На этотъ разъ Артуръ не могъ не замѣтить, что эти слова были проговорены съ сильною степенью ироніи. Въ немъ зашевелилось его природное упрямство. Таинственная сила ея красоты, своенравный тонъ, принятый ею или вслѣдствіе сознанія своей власти надъ нимъ, или же вслѣдствіе знанія его прошлаго,—все это злило его до-нельзя. Онъ вспомнилъ, что донья Долоресъ была извѣстна своимъ сильнымъ религіознымъ и нравственнымъ чувствомъ, но помимо этого рѣшился хладнокровно и безъ всякой попытки на самозащиту выслушать ее въ случаѣ, если бы она начала упрекать его въ измѣнѣ бѣдной Грэсъ и въ полусозрѣвшемъ въ его умѣ намѣреніи приволокнуться за доньей Маріею; онъ рѣшился на это, хотя очень хорошо зналъ, что тогда долженъ будетъ проститься навсегда съ добрымъ мнѣніемъ доньи Долоресъ, которымъ онъ все-таки дорожилъ. Что жъ дѣлать, если онъ не могъ поступить иначе, какъ только «измѣнить самому себѣ».

Онъ съ почтительностью приблизился къ доньѣ Долоресъ и спросилъ:

— Не потрудитесь ли вы сказать мнѣ, на что вы рѣшились: желаете ли вы начать тяжбу и поручить мнѣ защиту вашихъ правъ, или же вы хотите уступить ихъ противной сторонѣ?

— Какъ вы мнѣ посовѣтуете?

— Я, кажется, ужъ имѣлъ честь объявить свое мнѣніе, что было бы лучше всего, если бы вы заявили ваши права.

—Bueno! Увидимъ, что дальше будетъ; время еще не ушло... Сядьте же, донъ Артуро; надѣюсь, что вы не откажетесь переночевать у меня въ усадьбѣ?

— Едва ли я буду въ состояніи воспользоваться вашимъ любезнымъ предложеніемъ; мнѣ слѣдовало бы сегодня же отправиться въ Санъ-Франциско, гдѣ меня съ нетерпѣніемъ ждутъ.

— Пусть ждутъ!.. Можете написать, что васъ задержали важныя дѣла; Діего отвезетъ ваше письмо на почту; завтра поутру оно ужъ будетъ въ надлежащихъ рукахъ.

Прежде чѣмъ Артуръ успѣлъ возразить, она ужъ позвонила.

— Но, донья... началъ онъ было торопливо.

— Понимаю, что вы хотите сказать,—перебила она его.— Діего, готовься сейчасъ же ѣхать на почту; когда окончишь свои приготовленія, то дай мнѣ знать... Pardon, донъ Артуро!

вы хотѣли сказать, что отъ вашего присутствія зависитъ очень многое, что фирма ваша потеряетъ большую сумму денегъ, быть-можетъ?.. Хорошо! пишите, что я вознагражу всѣ убытки... Никто не въ состояніи платить за услуги лучше меня... Пишите же, что вы принуждены остаться здѣсь!

Артуръ кусалъ себѣ губы съ досады, хотя удивлялся ея энергіи въ этомъ вопросѣ; къ тому же во всей ея особѣ было что-то неотразимое, такъ что отказать ей было весьма трудно.

Она прочла на его лицѣ, что въ немъ происходило—глаза ея сверкнули злобою, она сердито топнула ножкой, но затѣмъ быстро овладѣла собою.

— Простите, я виновата!.. Я избалованная женщина, не знающая другой воли кромѣ собственной, по крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ... Я слишкомъ легко забываю, что посторонніе не обязаны подчиняться моему капризу... Идите съ Богомъ; я не имѣю права распоряжаться вами.

Она въ изнеможеніи опрокинулась на спинку дивана и снова совсѣмъ закрылась вѣеромъ.

Артуръ все еще колебался.

—Примите мою признательность за то, что вы даете мнѣ возможность исполнить свою обязанность, не отказываясь и отъ удовольствія; если Діего расторопенъ и надеженъ, то такъ и быть, я остаюсь.

Она взглянула на него и улыбнулась такою улыбкою, какою, кажется, не часто озарялись ея чудные меланхолическіе глаза; улыбкою, которая зажгла всю кровь Артура.

— Потрудитесь пройти въ сосѣднюю комнату; вы тамъ найдете всѣ необходимыя письменныя принадлежности, да и Діего придетъ туда... А меня ждите, сказала она, протягивая ему свою маленькую, смуглую ручку.

Артуръ поцѣловалъ эту хорошенькую ручку и съ сильно бьющимся сердцемъ удалился въ указанную ему комнату.

Когда дверь за нимъ затворилась, донья Долоресъ позвала старуху Мануелу, которая, торопливо прибѣжавъ, нашла свою госпожу въ обморокѣ.

XXI.

Страничка изъ прошлаго.

Письмо Артура содержало краткое объясненіе задержавшихъ его будто бы дѣлъ и оканчивалось слѣдующими словами.

«Постарайтесь отыскать дарственный или передаточный документъ доктора Деваржа».

Онъ едва успѣлъ запечатать письмо, какъ явился Діего; отправивъ его, Артуръ сталъ нетерпѣливо ждать донью Доло-

ресъ и былъ крайне удивленъ, когда вмѣсто нея неслышно вошелъ торжественнаго вида майордомъ и знаками пригласилъ его слѣдовать за нимъ въ приготовленный для него покой. Это была длинная, узкая, низкая и темная комната, убранная довольно роскошно коврами, дорогими занавѣсями, двумя большими зеркалами въ позолоченныхъ рамахъ и порядочными картинами; въ глубокой нишѣ стояла прекрасная кровать краснаго дерева; простыни и бѣлыя атласныя подушки были обшиты настоящими брюссельскими кружевами; одѣяло было изъ желтаго атласа, съ богатою вышивкою.

Вскорѣ Артуру былъ поданъ очень вкусный и обильный обѣдъ, при чемъ донья Долоресъ прислала Мануелу съ извиненіемъ, что она, по нездоровью, не можетъ принять участія въ обѣдѣ.

Артуръ ѣлъ безъ аппетита; ему было досадно, зачѣмъ онъ выказалъ такую слабость, оставшись здѣсь,—и онъ ужъ началъ было подумывать, какъ бы улизнуть хоть къ доньѣ Маріи, когда Мануела вторично явилась съ приглашеніемъ пожаловать къ ея госпожѣ.

Артуръ чувствовалъ, какъ вся кровь бросилась ему въ лицо и сердце сильно забилось; ему не хотѣлось бы явиться такимъ взволнованнымъ, но все же онъ послѣдовалъ за старухою, которая ввела его въ ту же комнату, въ которой онъ былъ передъ тѣмъ.

Донья Долоресъ опять полулежала на диванѣ:

— Боюсь, что вы будете меня презирать,—начала она,— за то, что я такая слабая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣнивая; сейчасъ былъ со мною одинъ изъ моихъ обычныхъ припадковъ... Мнѣ кажется что они происходятъ отъ бездѣйствія: я лежу вотъ здѣсь по цѣлымъ днямъ, не двигаясь съ мѣста... Это ужасно! все ждать чего-то и никогда не дождаться!

Она проговорила это такимъ трогательнымъ голосомъ, что у Артура выступили на глазахъ слезы; онъ отвернулся отъ нея на мгновеніе.

— Не приходило ли вамъ на умъ поправить ваше разстроенное здоровье перемѣною климата? Если да, то отчего же бы вамъ не сдѣлать этого; вѣдь, вы щедро надѣлены благами міра сего, независимы и, кажется, не можете имѣть никакой особенной причины вѣчно оставаться на одномъ мѣстѣ,—сказалъ онъ совершенно спокойно.

— Быть - можетъ, вы правы, — отвѣтила она неопредѣленно.

Она махнула рукой Мануелѣ, которая тотчасъ же удалилась.

FIRST POPULAR
PUBLIC
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТ

— Я должна сказать вамъ одну вещь, о которой мнѣ бы не слѣдовало умалчивать нынче утромъ, донъ Артуро, хотя это и чужая тайна; я колебалась до сихъ поръ между вопросами: имѣю я право сообщить вамъ эту тайну или не имѣю?.. Дѣло вотъ въ чемъ. Лѣтъ пять тому назадъ, къ моему отцу въ Санъ-Херонимо явилась молодая, безпомощная американка; она говорила, что убѣжала изъ какой-то горной долины, въ которой друзья ея и родные умирали съ голоду, убѣжала за помощью... Престранная исторія, не такъ ли?

Артуръ молча кивнулъ головою.

— Оказалось, что она назвалась фальшивымъ именемъ; отецъ мой, еще раньше ея посѣщенія, узналъ о тѣхъ несчастныхъ и послалъ къ нимъ на помощь цѣлый отрядъ, который, однако, нашелъ всѣхъ мертвыми, а между ними и ту особу, за которую выдавала себя помянутая молодая дѣвушка, Грэсъ Конрой.

Лицо Артура оставалось совершенно спокойнымъ, и онъ не сводилъ взгляда съ разсказывавшей.

— Еще страннѣе было то, что дѣвушка сначала назвалась Грэсъ Ашлей, потомъ она объяснила, что это имя принадлежало тому молодому человѣку, съ которымъ она убѣжала и за сестру котораго она сперва выдала себя... Отецъ мой былъ добрый, мягкосердечный человѣкъ, донъ Артуро; что ему было за дѣло до того, какъ она называлась—Грэсъ-ли Конрой, или же Грэсъ Ашлей? Онъ думалъ лишь о томъ, что она безпомощна, обижена и больна, и такимъ образомъ пріютилъ ее въ своемъ домѣ, вопреки совѣту окружающихъ, ожидая возвращенія ея брата, этого самаго Филиппа Ашлея, но онъ уже больше не вернулся къ ней. Мѣсяцевъ шесть спустя, она сильно заболѣла, очень сильно... Она произвела на свѣтъ ребенка, донъ Артуро... Но въ то же мгновеніе оба, и мать и ребенокъ, скончались на моихъ рукахъ!

— Это очень грустно, — проговорилъ Артуръ хладнокровно.

— Какъ вы изволили сказать?

— Я говорю, что это очень грустно, потому что я твердо убѣжденъ въ тождественности этой дѣвушки съ Грэсъ Конрой.

Донья Долоресъ взглянула на него съ величайшимъ недоумѣніемъ.

— Почему это вы убѣждены?

— Потому что опознаніе труповъ происходило черезчуръ поспѣшно, а потому и было не вѣрно.

— Откуда вамъ это извѣстно?

Артуръ придвинулъ свой стулъ ближе къ дивану.

— Вы были такъ добры, что довѣрили мнѣ эту тайну; позвольте же мнѣ теперь отвѣтить вамъ тѣмъ же: я знаю, что опознаніе было не правильно, потому что самъ присутствовалъ при немъ. Если вы еще не имѣли случая прочесть отчетъ экспедиціи, то потрудитесь прочесть его теперь, и вы тогда найдете въ немъ имя поручика Артура Пойнсета, имя вашего покорнаго слуги.

Донья Долоресъ быстро приподнялась.

— Отчего вы молчали объ этомъ до сихъ поръ?

— Во-первыхъ, я предполагалъ, что вамъ извѣстно мое прежнее званіе; во-вторыхъ, я не ожидалъ, чтобы вамъ было извѣстно мое тождество съ Филиппомъ Ашлеемъ.

— Я васъ рѣшительно не понимаю,—произнесла она медленно твердымъ, металлическимъ тономъ.

— Я—Артуръ Пойнсетъ, бывшій поручикъ арміи Соединенныхъ Штатовъ, который увелъ Грэсъ Конрой, назвавшись Филиппомъ Ашлеемъ, изъ Голоднаго Лагеря; я—отецъ ея ребенка!

Онъ вовсе не стыдился своего признанія, а, напротивъ, принялъ весьма гордую и хладнокровную мину.

Донья Долоресъ онѣмѣла отъ удивленія.

Артуръ очень развязно подошелъ къ ней.

— Вы теперь можете обсудить, донья Долоресъ, стою ли я вашего довѣрія, достоинъ ли быть вашимъ адвокатомъ, вашимъ законнымъ защитникомъ... Потрудитесь же твердо взвѣсить, стоитъ ли вамъ начинать извѣстное дѣло, и подъ моимъ руководствомъ, или же нѣтъ... Когда рѣшеніе ваше будетъ твердо установлено, то потрудитесь увѣдомить меня; а до тѣхъ поръ прощайте!

Онъ съ достоинствомъ поклонился, сдѣлалъ изящное движеніе рукою и исчезъ.

XXII

Быки изъ усадьбы св. Троицы.

Безпредѣльная свобода громадной пустыни, яркій блескъ знойныхъ солнечныхъ лучей и возбуждающее дѣйствіе сильнаго вѣтра, заставлявшаго напрягать мускулы, такъ благодѣтельно подѣйствовали на Артура, что, черезъ нѣсколько минутъ, онъ сбросилъ съ себя бремя таинственныхъ чаръ, опутавшихъ его въ ранчо св. Троицы, и поставилъ между собою и мрачными ея башнями значительное матеріальное пространство. Окружающая его мѣстность, до тѣхъ поръ казавшаяся унылой, однообразной и безсмысленной, теперь получила

въ его глазахъ глубокое значеніе; въ отдаленныхъ, невысокихъ, съ круглыми вершинами горахъ, какъ бы выросшихъ изъ земли отъ пламеннаго дыханія давно потухшаго вулкана, онъ видѣлъ первообразъ архитектуры миссіонерскихъ зданій. Въ безграничной, ровной пустынѣ онъ призналъ олицетвореніе спокойной, мирной жизни, наложившей свою печать на серьезныхъ, терпѣливыхъ обитателей этой мѣстности. Въ сильномъ, безпокойномъ вѣтрѣ, свирѣпствовавшемъ здѣсь до такой степени часто, что вся растительность, за исключеніемъ нѣсколькихъ чахлыхъ ивъ на берегу высохшаго потока, скрывалась въ ущельяхъ и защищенныхъ горными скатами уголкахъ, онъ видѣлъ изображеніе своей безпокойной расы и не удивлялся, что пришельцамъ мѣстная жизнь представлялась только безплодной, мрачной, пустынной. «Вѣроятно,—думалъ онъ,—гдѣ-нибудь въ ущельяхъ нравственной натуры туземцевъ процвѣтаетъ роскошная флора, которой мы никогда не увидимъ. Можетъ-быть, и донья»... Но тутъ онъ съ сердцемъ прервалъ нить своихъ мыслей, недовольный и, надо сознаться, немного испуганный упорствомъ, съ которымъ донья Долоресъ примѣшивалась ко всѣмъ его чувствамъ и мыслямъ.

Впрочемъ, и нѣчто другое заставило его на время забыть о ней. Идя быстрыми шагами по равнинѣ, онъ замѣтилъ, какъ случайную, но нисколько не существенную черту унылаго пейзажа, громадныя стада, медленно двигавшіяся безъ всякой видимой цѣли. Но теперь онъ, мало по малу, началъ сознавать, что эти стада не двигались безцѣльно туда и сюда, но, повинуясь опредѣленному закону притяженія тѣлъ, стягивались отовсюду къ одной опредѣленной цѣли. И этой цѣлью былъ онъ!

Куда онъ ни смотрѣлъ, впередъ, назадъ, по сторонамъ, на сѣверъ, югъ, западъ или востокъ, на обнаженныя вершины горъ, на мрачные ихъ скаты, по сю и по ту сторону высохшаго потока, медленно сходившіеся ряды живыхъ существъ подвигались къ одному фокусу—къ нему. Хотя онъ шелъ быстро, но, казалось, представлялъ одну неизмѣнную, неподвижную точку въ безпредѣльной пустынѣ, которая какъ бы ожила, заколебалась и пришла въ движеніе. Все, что возвышалось надъ ея мертвой, обнаженной поверхностью, медленно, инстинктивно, неудержимо влеклось къ одному общему центру—къ нему. Одинъ, вдали отъ всякой человѣческой помощи, онъ былъ безсознательнымъ ядромъ отовсюду собиравшейся безпредѣльной, могучей силы.

Сначала это зрѣлище показалось ему забавнымъ, потомъ живописнымъ, далѣе серьезнымъ, вызывающимъ на практи-

ческія соображенія, и, наконецъ... но, съ непреложнымъ инстинктомъ сильной воли, онъ не далъ себѣ времени почувствовать страхъ, который могъ бы парализовать его физическія силы, и, остановившись, обернулся назадъ. Ферма св. Троицы исчезла! Провалилась ли она сквозь землю, или онъ сбился съ пути? Ни то, ни другое: онъ просто перешелъ черезъ небольшое возвышеніе въ равнинѣ близъ скотнаго двора и находился уже въ двухъ миляхъ разстоянія отъ ранчо.

Но не это одно обстоятельство изумило его: обернувшись, чтобы итти назадъ въ усадьбу, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ сотней быковъ, находившихся отъ него не болѣе, какъ въ пятидесяти шагахъ. Они также остановились и, какъ бы повинуясь его таинственной силѣ, повернули назадъ; за первымъ рядомъ послѣдовалъ второй, третій и, наконецъ, вся живая масса повторила это движеніе какъ бы по военной командѣ. Успокоившись отъ минутнаго, не успѣвшаго принять опредѣленную форму страха, Артуръ прибавилъ шагу; ближайшій къ нему быкъ пошелъ тогда маленькой рысцой, и съ той же математическою вѣрностью послѣдовала его примѣру вся громада, начавшая извиваться по равнинѣ, какъ волны на океанѣ. Такимъ образомъ онъ перешелъ черезъ русло засохшаго потока и оставилъ за собою скотный дворъ; наконецъ, облака пыли, поднимаемыя копытами двигавшихся впереди стадъ, заставили его остановиться. Позади раздавался глухой шумъ, какъ бы отъ землетрясенія; Артуръ невольно обернулся. Въ двадцати шагахъ за нимъ виднѣлся первый валъ другого бушующаго моря роговъ и волнистыхъ спинъ. Онъ и не замѣтилъ, какъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Ближайшіе отъ него быки находились такъ недалеко, что онъ могъ ихъ разсмотрѣть поодиночкѣ. Это не были большія, могучія, дикія, озлобленныя животныя; напротивъ, худыя, изнуренныя, привыкшія къ голоду и продолжительнымъ засухамъ, они выражали въ своихъ выпученныхъ глазахъ только удивленіе и любопытство. Когда же онъ съ громкимъ крикомъ побѣжалъ къ нимъ навстрѣчу, то они, въ ту же минуту, повернули фронтъ и быстро ретировались. Но его побѣда была только минутная; обернувшись снова, чтобы продолжать путь къ фермѣ, онъ увидалъ передъ собою массу роговъ прежнихъ его противниковъ, которые, воспользовавшись диверсіей арьергарда, вновь произвели наступленіе.

Съ своей обычной быстротою и присутствіемъ духа, Артуръ сразу понялъ всю безвыходность своего положенія. Неминуемая смерть была только вопросомъ времени. Могъ ли онъ успѣть достигнуть фермы? Нѣтъ. Могъ ли онъ добраться до

скотнаго двора? Можетъ-быть. Между нимъ и этой послѣдней цѣлью находилось болѣе тысячи головъ скота. Станутъ ли они отступать по мѣрѣ его наступленія? По всей вѣроятности. Но не настигнетъ ли его та живая масса, которая идетъ за нимъ по пятамъ?

На этотъ вопросъ онъ отвѣтилъ фактически и, вынувъ изъ кармана единственное орудіе самозащиты, бывшее при немъ, маленькій пистолетъ, выстрѣлилъ въ ближайшаго быка. Пуля попало въ плечо животнаго, и оно грохнулось на колѣни. Какъ ожидалъ Артуръ, другіе быки первой шеренги остановились и стали обнюхивать своего раненаго товарища. Но Артуръ не предвидѣлъ, что масса, напиравшая сзади, опрокинетъ несчастное животное и растопчетъ его подъ ногами въ поспѣшномъ движеніи впередъ. Мгновенно сообразивъ, что такова будетъ и его участь, Артуръ обернулся къ скотному двору и побѣжалъ со всѣхъ ногъ.

Онъ вполнѣ сознавалъ, что это дѣйствіе только ускоряло неизбѣжную катастрофу, но онъ не могъ придумать ничего лучшаго. Онъ чувствовалъ по сотрясенію земли, что за нимъ слѣдовала вся масса его враговъ, и видѣлъ, что передній ихъ отрядъ ретировался съ такою же быстротою. Въ эту критическую минуту онъ думалъ только объ ожидавшей его страшной судьбѣ, и эта мысль удесятеряла его силы. Я уже старался дать понять читателю, что Артуръ не былъ подверженъ той физической слабости, которую называютъ трусостью. Для защиты того, что онъ считалъ истиной въ интересахъ своего самолюбія или въ минуту страсти, онъ встрѣтилъ бы смерть мужественно и спокойно. Но сдѣлаться жертвой случайности, безъ всякой причины или цѣли, своей смертью ничего не доказать, ничего не достигнуть, умереть подъ ногами глупыхъ животныхъ, которыя дѣйствовали даже не въ пылу злобы или мести, было такъ нелѣпо, такъ дико смѣшно, что этотъ гордый, самонадѣянный, умственно развитой человѣкъ поддался чувству всепожирающаго страха и бѣжалъ отъ опасности, какъ самый низкій трусъ. Къ тому же въ головѣ его блеснула суевѣрная мысль:— не была ли эта роковая смерть достойной карой за нѣчто, о чемъ онъ теперь и помыслить не смѣлъ?

При этой мысли, силы неожиданно стали ему измѣнять. Въ глазахъ у него помутилось, дыханіе сперлось, ноги задрожали. Ему казалось, что среди глухого шума тысячи копытъ, несшихся за нимъ, слышался женскій голосъ. Онъ подумалъ, что сходитъ съ ума, громко вскрикнулъ и упалъ, потомъ вскочилъ, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и снова

грохнулся на землю. Все было кончено! Онъ сознавалъ только, что ѣдкая пыль наполняла его ротъ и глаза, что какое-то странное благоуханіе примѣшалось къ этой пыли—и больше онъ уже ничего не сознавалъ. Для него наступило блаженное, безсознательное состояніе.

Когда онъ очнулся, въ ушахъ его звучало слово «Филиппъ», виски его страшно стучали и изъ всего, что происходило въ послѣднія минуты, онъ сохранилъ воспоминаніе только о странномъ благоуханіи. Онъ лежалъ въ руслѣ засохшаго потока; на берегу виднѣлась лошадь, подлѣ него стояла донья Долоресъ, нагнувъ къ нему темное смуглое лицо.

— Постарайтесь встать и сѣсть на лошадь,—сказала она.

Передъ Артуромъ находилась женщина, и, съ инстинктивнымъ, присущимъ всѣмъ мужчинамъ страхомъ выказать физическую слабость передъ слабымъ поломъ, онъ хотѣлъ подняться безъ ея помощи, но, увидавъ ея протянутую ручку, схватилъ ее и даже крѣпко пожалъ, несмотря на свое смущеніе.

— Вы явились ко мнѣ на помощь однѣ?—спросилъ онъ, поднявшись но ноги.

— Отчего же нѣтъ? Мы теперь равны, донъ Артуро,—сказала донья Долоресъ съ очаровательной улыбкой,—я увидала васъ изъ окна. Вы поступили слишкомъ смѣло, извините меня, просто глупо. Самый старый вачеро никогда не пойдетъ пѣшкомъ по этой равнинѣ. Не было времени сѣдлать другую лошадь, и я думала, что вы не захотите разгласить ваше приключеніе. Права я?

Въ глазахъ и въ очертаніи ея рта виднѣлась легкая иронія, но Артуръ схватилъ ея руку и почтительно поднесъ къ губамъ.

— Вы такъ же умны, какъ и храбры, донья Долоресъ,—произнесъ онъ.

— Мы это увидимъ,—отвѣчала она,—а теперь вы должны меня слушаться. Сядьте на лошадь; если вы слишкомъ слабы, то я вамъ помогу... и оставьте мнѣ мѣсто за вами.

Артуръ поспѣшно вскочилъ на лошадь. Ему казалось, что если бы у него были даже сломаны кости, то онъ для этого нашелъ бы достаточно силы. Черезъ мгновеніе донья Долоресъ очутилась на сѣдлѣ сзади него.

— Ну, теперь домой и поскорѣй; мы вернемся прежде, чѣмъ кто-нибудь догадается о нашемъ отсутствіи,—сказала она, охвативъ его одной рукой за талію съ гордой небрежностью

Артуръ пришпорилъ лошадь, и черезъ пять минутъ, которыя показались ему самыми короткими въ жизни, они уже были въ усадьбѣ св. Троицы.

XXIII.

Домашняя жизнь мистера и миссисъ Конрой.

Принятіе обитателями Одноконнаго Стана извѣстія о бракѣ Гэбріеля Конроя вполнѣ характеризовало эту откровенную и чистосердечную общину. Не касаясь вопроса объ его предъидущемъ безстыдномъ ухаживаніи за миссисъ Маркль (до чего оно дошло, не было вообще извѣстно въ станѣ), они ограничили свои возраженія противъ этой женитьбы тѣмъ, что невѣста была чужестранка, слѣдовательно подозрительная личность, и что полезная филантропическая дѣятельность Гэбріеля отъ этого сильно пострадаетъ. Кратковременность его ухаживанія не удивила никого въ мѣстности, гдѣ, благодаря климату, жатва быстро слѣдуетъ за посѣвомъ, а узнанный всѣми фактъ спасенія имъ своей невѣсты въ Черномъ Ущельѣ былъ признанъ достаточной причиной для объясненія его успѣха. Быть-можетъ, нѣкоторые завидовали Гэбріелю; завидовали его преимуществу если не въ храбрости, ловкости и силѣ, то въ счастьѣ, которое навело его на такой удачный случай.

— Подумайте только,—говорилъ Джо Бригсъ,—я долженъ былъ въ это самое время итти въ Черное Ущелье охотиться за дичью и не пошелъ по глупости или право, не знаю почему, а Гэбъ, которому тамъ и дѣлать было нечего, подвернулся и поймалъ хорошенькую дѣвочку и славную жену.

— Все—случай,—отвѣчалъ Баркеръ,—вотъ, напримѣръ, Дудлей,—у него денегъ куча, и ему такъ хочется жениться, что онъ завтра ѣдетъ въ Сакраменто для пріисканія жены; сколько разъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по этому ущелью и никогда плотина не прорывалась. Да вотъ и со мной было: на прошлой недѣлѣ, фидльтаунскій дилижансъ опрокинулся на дорогѣ, я первый подскочилъ и помогъ выйти пассажирамъ. Кто же они оказались? Шесть китайцевъ, чортъ возьми! и толстый мясникъ. Ужъ такая удача!

Для свадьбы не требовалось почти никакихъ приготовленій. Согласіе Олли не трудно было получить. Она была очень рада, что миссисъ Маркль можно такъ скоро отомстить. Преимущество надъ нею приличной чужестранки и поспѣшность сватовства казались Олли достойной карой за легкомысліе миссисъ Маркль. Что же касается до нея самой, то она не могла дать себѣ точнаго отвѣта, нравится ли ей будущая

невѣстка: конечно, это была добрая, тихая женщина и, пови димому, любила Гэбріеля, но Олли по временамъ смутно сознавала, что миссисъ Маркль была бы лучшей женой для Гэбріеля, и съ чисто женской непослѣдовательностью она тѣмъ сильнѣе ее ненавидѣла. Можетъ-быть, она еще безсознательнѣе чувствовала разочарованіе отъ неудавшагося сватовства.

По всей вѣроятности, миссисъ Деваржъ никому не открыла, кромѣ своего стряпчаго, тайны принятія ею имени Грэсъ Конрой.

Но насколько она ему въ этомъ отношеніи довѣрилась, зналъ только онъ одинъ: сохраняя эту тайну, онъ выслушалъ извѣстіе объ ея предполагавшемся бракѣ съ Гэбріелемъ съ снисходительной улыбкой человѣка, который считаетъ прекрасный полъ способнымъ на все.

— Теперь, вступая въ фактическое пользованіе землею,— сказалъ мистеръ Максвель,—я полагаю, вы больше не будете нуждаться въ моихъ услугахъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ, — отвѣчала миссисъ Деваржъ, слегка покраснѣвъ и съ искренностью, удивившей даже адвоката.

Насколько ея благовѣрный супругъ раздѣлялъ это довѣріе къ будущему, я не могу сказать. Въ краткую эпоху своего ухаживанія онъ съ гордостью говорилъ, что его невѣста была вдова знаменитаго доктора Деваржа, и его знакомство съ первымъ ея мужемъ объясняло отчасти въ глазахъ общества поспѣшность его брака.

— Подумать только, какой это хитрый человѣкъ,—говорила Салли конфиденціально миссисъ Маркль,— онъ возбуждалъ во всѣхъ сочувствіе къ своимъ страданіямъ въ Голодномъ Лагерѣ, а въ то же время велъ интрижку со вдовой одного изъ погибшихъ тамъ. Неудивительно, что онъ такой странный. То, что всѣ принимали въ невинности своей души за застѣнчивость, были укоры совѣсти. Я вамъ никогда не говорила, миссисъ Маркль, но всегда замѣчала, что Гэбъ не могъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза.

Злые языки могли бы замѣтить, что такъ какъ у миссъ Сары глаза всегда болятъ, то физически было трудно мѣняться съ нею взглядами, но злые языки никогда не пользовались довѣріемъ этой здоровенной молодой особы.

Однажды, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Гэбріеля, миссисъ Маркль сидѣла одна въ своей гостиной послѣ ужина, какъ вдругъ дверь отворилась и вошла Салли. Было воскресенье, и Салли пользовалась праздникомъ для болтовни съ сосѣд-

ками или кокетничанья съ молодежью Одноконнаго Стана, какъ сказали бы злые языки.

— Ну, Салли, какъ поживаетъ молодая чета?

Салли слишкомъ хорошо знала всю цѣну принесенныхъ ею извѣстій, чтобы ихъ сразу повѣдать, и потому прикинулась, что не понимаетъ своей хозяйки. Только, когда та повторила свой вопросъ, она отвѣтила съ саркастическимъ смѣхомъ:

— Я не знаю, о какой молодой четѣ вы говорите; вѣдь ей-то лѣтъ за сорокъ.

— Нѣтъ, Салли, вы ошибаетесь, — замѣтила миссисъ Маркль съ упрекомъ, не лишеннымъ, однако, нѣкоторой доли самодовольства.

— Ну, если бѣлила, чужіе волосы и другія хитрости,— продолжала Салли, — могутъ обмануть людей, то яне изъ ихъ числа. Я, слава Богу, давно живу у женщины, которая открыто говоритъ, что ей тридцать три года несмотря на то, что ея плечи и руки не уступятъ шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, и мнѣ ли не узнать, когда сорокалѣтняя старуха выдаетъ себя за двадцатилѣтнюю красавицу.

Миссисъ Маркль слегка покраснѣла отъ комплимента Салли и замѣтила:

— Она многимъ нравится.

— У всякаго свой вкусъ,—отвѣчала Салли.

— Какъ они живутъ?—спросила миссисъ Маркль послѣ минутнаго молчанія, принимаясь снова за вязанье.

— Ну, не лучше того, что я ожидала. Большой любви въ нихъ не замѣтно. По моему мнѣнію, она ему уже надоѣла. Она управляетъ всѣмъ домомъ и, напримѣръ, заставила бѣднаго Гэба разрывать весь горный скатъ. Онъ, дуракъ, бросилъ свою работу и принялся за это нелѣпое дѣло изъ угожденія женѣ, которая все же недовольна. Повѣрьте мнѣ, Сюзанна Маркль, у нихъ что-то не ладно. Вотъ и Олли...

Миссисъ Маркль поспѣшно подняла глаза и оставила работу.

— Олли!—повторила она съ одушевленіемъ,—бѣдная маленькая Олли! Что вы узнали о ней?

— Я, право, никогда не видѣла ничего хорошаго въ этой дерзкой дѣвчонкѣ,—отвѣчала Салли, нетерпѣливо качая головой,—особенно для женщины, у которой есть собственный ребенокъ. Вы не повѣрите, что за день до свадьбы она подошла ко мнѣ и сказала: «Салли, скажите миссисъ Маркль, что мой братъ Гэбъ женится на настоящей лэди; въ нашемъ домѣ нѣтъ мѣста для дряни». И этой лѣвчонкѣ только восемь лѣтъ!

Къ чести женскаго пола надо сказать, что миссисъ Маркль не разсердили эти слова ребенка, и она спокойно спросила:

— Что же вы узнали объ Олли?

— Ей нѣтъ мѣста въ домѣ, и Гэбъ, по своему крайнему слабоволію, позволяетъ женѣ дѣлать, что она хочетъ. Неудивительно,что дѣвочка плакала, когда я ее встрѣтила въ лѣсу.

Миссисъ Маркль сильно покраснѣла и глаза ея блеснули гнѣвомъ.

— Мнѣ бы хотѣлось имѣть ее...—Она запнулась и вопросительно взглянула на Салли.—Мнѣ непремѣнно нужно видѣть Олли,—сказала она торопливо.

— Что-о?

Это слово имѣло множество значеній въ лексиконѣ Салли; миссисъ Маркль знала это и потому отвѣтила сухо:

— Олли!.. Мнѣ нужно сейчасъ же видѣть Олли!

— Что-о?—повторила Салли.

— Да! я должно видѣть ее, хоть здѣсь, хоть въ другомъ мѣстѣ... Если можно, то приведи ее сюда.

— Но она не согласится притти.

— Тогда я сама къ ней пойду, — отвѣтила миссисъ Маркль рѣшительно, вслѣдствіе чего Салли сочла нужнымъ замолчать и отправиться въ кухню къ немытой посудѣ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, нѣсколько дней спустя послѣ вышеприведеннаго разговора, Гэбріель Конрой сидѣлъ одинъ у камина своего новаго дома, выстроеннаго по иниціативѣ госпожи Конрой. Домъ этотъ былъ гораздо больше, гораздо дороже перваго, но, кажется, менѣе уютенъ. Кромѣ спаленъ онъ имѣлъ еще порядочную гостиную, особенно украшавшуюся въ данную минуту присутствіемъ въ ней миссисъ Конрой, весело болтавшей съ нѣкоторыми мужчинами, которые, подъ вліяніемъ ея чаръ, почти постоянно просиживали у нея далеко заполночь.

Когда гости, наконецъ, удалились, миссисъ Конрой удостоила войти въ жилую комнату.

— Ну! Ты здѣсь, Габріель?—спросила она весело

— Здѣсь,—отвѣтилъ онъ серьезно.

Юлія подошла къ нему и скользнула своими тонкими пальцами по его головѣ; онъ схватилъ эти когтевидные пальцы и продержалъ ихъ нѣсколько секундъ, улыбаясь своею полунѣжною, полуробкою улыбкою, которой жена его терпѣть не могла.

Она быстро отдернула свою руку.

— Отчего ты не пришелъ въ гостиную?—спросила она съ любопытствомъ.

— Я сегодня не былъ расположенъ занимать гостей, да къ тому же я былъ увѣренъ, что ты справишься съ ними одна,— сказалъ онъ просто.

Въ его голосѣ не было ни малѣйшаго слѣда желчи или раздражительности, но все-таки миссисъ Конрой взглянула на него очень пристально: ей показалось, будто въ его словахъ звучитъ ревность, хотя она тотчасъ же должна была убѣдиться, что этотъ спокойный, серьезный мужчина совершенно не способенъ ревновать.

Онъ тоже взглянулъ на нее, и ему показалось, будто она чѣмъ-то недовольна; онъ схватилъ ее и привлекъ къ себѣ. Ей это опять не понравилось; она рѣзко оттолкнула его отъ себя и сѣла по другую сторону камина, чему онъ, по своей кротости и терпѣнію, не сталъ противодѣйствовать.

Она улыбалась какъ-то жестоко, при чемъ узкій, прямой носъ ея казался птичьимъ.

— Тебѣ, кажется, нездоровится?—спросила она.

— Да, я что-то нехорошо себя чувствую.

Наступило молчаніе; оба смотрѣли на пылавшій въ каминѣ огонь.

— Неужели ты не можешь добыть хоть что-нибудь изъ своей горы?—спросила она съ досадою.

— Не могу.

— Ты хорошо изслѣдовалъ ее?

— Хорошо, насколько возможно.

— И ничего не нашелъ?

— Ничего, положительно ниче... т. е.—добавилъ онъ осторожно,— ничего, стоющаго особеннаго вниманія. Если тамъ есть золото, то оно дальше внизу, около того мѣста, гдѣ я обыкновенно искалъ его.... Но вѣдь я началъ изслѣдовать гору по твоему желанію,— добавилъ онъ тономъ извиненія.

Страшная мысль блеснула въ ней внезапно: не ошибся ли докторъ Деваржъ? Не въ бреду ли онъ писалъ объ этомъ золотѣ? Или секретарь, быть-можетъ, ошибся въ его мѣстонахожденіи?...

Да, мысль, что она ничего не пріобрѣла, слѣдуя своему плану, кромѣ мужа, который къ тому еще не любилъ ее такъ, какъ она того ожидала, была для нея ужасна. Она теперь старалась увѣрить себя, что вышла за него не по расчету, а по любви, и поэтому постаралась взглянуть на него, какъ можно ласковѣе и даже съ оттѣнкомъ покорности.

— Это былъ только капризъ съ моей стороны, милый Гэбріель... глупый капризъ, но онъ теперь прошелъ... Забудь его!

— Нѣтъ, не забуду.

Юлія вздрогнула.

— Почему ты вдругъ принялъ такой смущенный видъ?— спросила она, немного спустя.

— Я думалъ объ Олли.

Покорность женщинъ тоже имѣетъ свои границы.

— Конечно!—воскликнула она желчно.—Конечно, ты только и думаешь, о ней... одна Олли у тебя на умѣ; мнѣ слѣдуетъ помнить это.

— Ну да,—отвѣтилъ Гэбріель спокойно.—Я сейчасъ думалъ о томъ, что ты съ нею и она съ тобою никогда не уживетесь и что вамъ поэтому необходимо жить врозь. Вѣдь такъ нельзя продолжать... Главное, Олли совсѣмъ испортится отъ всѣхъ этихъ дрязгъ и непріятностей... Я всегда настаивалъ отдать ее въ закрытое учебное заведеніе, но она объ этомъ и слышать не хочетъ: она настолько глупа, что не можетъ разстаться со мною... Да, кажется, и я настолько глупъ, что не могу отпустить ее отъ себя... Остается одно средство, чтобы уладить все...

Миссисъ Конрой молча вперила въ него свои сѣрые глаза.

— Тебѣ слѣдовало бы оставить насъ на время,—договорилъ Гэбріель спокойно.—Мнѣ извѣстно, что приличіе требуетъ, чтобы новобрачная съѣздила къ своей матери... У тебя нѣтъ матери? а?—сказалъ Гэбріель задумчиво.—Это плохо... Но ты, кажется, упоминала, что у тебя есть дѣла въ Санъ-Франциско... Не лучше ли было бы, если бы ты уѣхала туда на два или на три мѣсяца, пока я пристрою куда-нибудь сестру?

Кажется, что Гэбріель былъ единственный мужчина, который могъ сдѣлать миссисъ Конрой подобное предложеніе, не будучи прерываемъ съ негодованіемъ.

Она только истерично засмѣялась.

— Зачѣмъ ограничивать мое отсутствіе *двумя-тремя* мѣсяцами?

— Можешь пробыть тамъ и четыре; это будетъ еще удобнѣе для насъ,—отвѣтилъ онъ просто.

Миссисъ Конрой встала и быстро подошла къ мужу.

— Что будетъ, если я откажусь ѣхать?—спросила она хриплымъ голосомъ.

По лицу Гэбріеля было видно, что онъ ожидалъ этого; но онъ молчалъ.

— Что ты скажешь, если я попрошу тебя самого убраться, да, конечно, вмѣстѣ съ этою мерзкою дѣвчонкою?—продолжала она еще болѣе хрипло.

Гэбріель все молчалъ.

— Что ты скажешь,—голосъ ея сдѣлался визгливымъ,— если я вздумаю выгнать васъ обоихъ изъ этого *моего* дома, если я сгоню васъ съ *моей* земли, а? а?

Она положила свои руки на его плечо и дѣлала невѣроятныя усилія, чтобы потрясти этого гиганта.

— Тутъ кто-то стоитъ за дверью, Юлія,— произнесъ онъ хладнокровно, вставая и медленно выходя въ сѣни.

Несмотря на дикій крикъ миссисъ Конрой, чуткое ухо его разслышало легкій стукъ въ дверь.

Онъ отперъ дверь, и на порогѣ показалась Олли, въ сопровожденіи Салли.

Разумѣется, Салли прежде всего воспользовалась даромъ слова.

— Содрогаясь и едва дыша, провели мы пять минутъ за дверью,—пять минутъ, показавшіяся мнѣ часами,—начала она. И всѣ эти пять минутъ мы провели въ томъ, что неистово стучали въ дверь... «Ты дѣлаешь скверно, Салли, безпокоя молодыхъ въ такое позднее время», сказала я себѣ; «ты не имѣешь права мѣшать ихъ дружескимъ изліяніямъ; но вѣдь ты идешь по дѣлу, Сара Кларкъ», сказала я; «а если бы у тебя не было этого дѣла, то ты не имѣла бы права притти сюда.» Но я захотѣла проводить къ вамъ вашу сестру, миссисъ Конрой,— продолжала Салли, направляя свои шаги къ камину,—и...

Она остановилась; миссисъ Конрой въ комнатѣ не оказывалось.

— Мнѣ показалось... Я слышала,—начала Салли опять, совсѣмъ потерявшись отъ этой неожиданности.

— Да это Гэбъ тутъ шумѣлъ отъ нечего дѣлать,—солгала Олли безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти.—Вѣдь, я говорила тебѣ, Салли, что онъ иногда замѣчательно шалитъ... Ему, вѣроятно, захотѣлось развить голосъ... Спасибо тебѣ, Салли, что довела меня до дому!... Спокойной ночи, Саллинька! Съ этими словами она ловко подвела Салли къ двери, слегка вытолкнула ее изъ комнаты и заперла ее, прежде чѣмъ Салли могла опомниться. Потомъ она спокойно сняла шаль, шляпку, подошла къ брату, стоявшему въ нѣмомъ удивленіи, схватила его за руку и подвела къ камину; затѣмъ она притащила скамейку и усѣлась попрежнему у его ногъ.

— Милый, дорогой Гэбъ!—произнесла она, гладя его руку и нѣжно смотря ему въ лицо.

Улыбка, озарившая при этомъ Гэбріеля, показалась бы миссисъ Конрой еще обиднѣе его давешнихъ словъ.

— Что такое случилось, Гэбъ? О чемъ она тутъ кричала?

Онъ обдумывалъ слова жены съ самой минуты появленія Олли, но никакъ не могъ понять ихъ смысла.

— Я ужъ забылъ, Олли... Она разсердилась на что-то... Право, не понимаю.

— Но что она хочетъ сказать тѣмъ, будто этотъ домъ принадлежитъ ей?—настаивала дѣвочка.

— Мужъ и жена иногда шутятъ между собою очень странно, — сказалъ онъ небрежнымъ тономъ стараго практика.— Такъ какъ ты не замужемъ еще, то, конечно, не можешь этого понять... «Я отдаю въ твое владѣніе все, что имѣю»,—вотъ что она хотѣла сказать, Олли... Весело тебѣ было сегодня?

— Весело.

— Тебѣ скоро и здѣсь будетъ хорошо, Олли.

Она недовѣрчиво взглянула на дверь миссисъ Конрой.

— Можешь быть увѣрена; миссисъ Конрой ѣдетъ въ Санъ-Франциско къ своимъ друзьямъ: это ея собственное желаніе; а если она что задумаетъ, то ничѣмъ не отговоришь ее... Да это, впрочемъ, привычка всѣхъ женщинъ. Къ тому же она дама свѣтская и непремѣнно хочетъ слѣдовать модѣ... Она уѣдетъ мѣсяца на три, на четыре... Непремѣнно уѣдетъ, Олли!

Дѣвочка подозрительно взглянула на брата.

— Ужъ не изъ-за меня ли она уѣзжаетъ, Гэбъ?

— Вотъ выдумала! Что ты?!... Откуда это у тебя явилась подобная нелѣпая мысль? Она, дѣйствительно, что-то сердилась на тебя, но сегодня она даже безпокоилась, что ты долго не идешь,—отвѣтилъ онъ съ притворною веселостью.

Какъ будто въ подтвержденіе его словъ, въ это мгновеніе вошла миссисъ Конрой съ очень благосклонною улыбкою и яснымъ взглядомъ; она прямо подошла къ Олли и поцѣловала ее въ щечку.

Гэбріель едва вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Я услышала твой голосокъ и не могла удержаться, чтобы не взглянуть на тебя, хотя я ужъ готовилась лечь въ постель,—добавила она, указывая на свой бѣлый вышитый капотъ.—Разскажи же, пожалуйста, гдѣ ты была сегодня... Ужъ не у миссисъ ли Маркль? Нужно сказать тебѣ, что я серьезно начинаю ревновать тебя къ ней. Ты должна мнѣ разсказать все, что дѣлала у нея... Пойдемъ ко мнѣ; ты эту ночь будешь спать у меня... Идемъ же, чтобы братъ твой ничего не узналъ изъ нашихъ секретовъ.

Прежде чѣмъ Гэбріель могъ оправиться отъ своего изумленія, она ужъ увела полу-обрадованную, полу-испуганную дѣвочку, а онъ опять остался одинъ.

Имъ овладѣлъ какой-то необъяснимый страхъ, который исчезъ только тогда, когда Олли просунула свою кудрявую головку въ дверь и шаловливо воскликнула: «Прощай, милый Гэбъ, до самаго утра», послѣ чего она захлопнула дверь и заперла ее на ключъ.

Габріель простоялъ нѣсколько минутъ, какъ окаменѣлый.

Не ошибся ли онъ? Не шутила ли Юлія и въ самомъ дѣлѣ, когда кричала и топала ногами? Да дѣйствительно ли Олли чувствовала къ ней отвращеніе?

На всѣ эти вопросы былъ только одинъ отвѣтъ: что женщины — существа странныя, непонятныя.

— Гдѣ жъ мнѣ понять женщинъ?!—докончилъ Гэбріель, входя въ свою одинокую спальню.—Это дѣло умныхъ людей, а я за ними не могу угнаться.

XXIV.

Найдено и потеряно.

Въ отношеніяхъ миссисъ Конрой къ Олли и обратно произошла большая перемѣна: онѣ сдѣлались неразлучными друзьями, чѣмъ вполнѣ подтверждали выводъ Гэбріеля, что женщины — загадочныя существа.

— Послушай, Гэбъ,—начала Олли однажды, воспользовавшись сномъ Юліи.—Ты обращаешься крайне несправедливо съ Юліей.

Гэбріель широко раскрылъ глаза.

— Если ты намекаешь на то, что я мало бываю вмѣстѣ съ нею, то это дѣлается потому, что я считаю себя лишнимъ между вами; если же ты говоришь о недостаткѣ у насъ провизіи, то я вѣдь потерялъ много времени, изслѣдуя гору, такъ что не могъ добыть денегъ. Но успокойся! это скоро будетъ приведено въ порядокъ, скоро, Олли!

— Да я вовсе не о провизіи говорю, Гэбъ; я говорю о... о... о... томъ, что ты поступаешь съ нею вовсе не какъ мужъ съ женою... вотъ я о чемъ говорю!

— Ты, пожалуй, права,—отвѣтилъ онъ кротко.—Я вѣдь женатъ еще недавно и поэтому не умѣю ухаживать за женою, какъ другіе давно женатые. Да къ тому же она мною никогда не будетъ довольна: вѣдь, первый мужъ ея былъ ученый.

— Ты ничуть не хуже его, и, если я не ошибаюсь, то она любитъ тебя гораздо больше, чѣмъ когда-либо любила этого ученаго,—возразила Олли горячо...

Гэбріель вспыхнулъ и смѣшался.

— Но ты самъ ее мало любишь,—продолжала она.—Вотъ на-дняхъ жила молодая парочка у миссисъ Маркль, такъ конца не было ухаживаніямъ молодого за своею женою, и сидѣли-то они вотъ такъ,—и Олли обхватила талію брата.

— Неужели они сидѣли такъ на глазахъ у людей?—спросилъ онъ стыдливо.

— Ну, да, конечно; вѣдь они непремѣнно хотятъ всѣмъ показать, что они женаты.

— Олли,—вскрикнулъ Гэбріель дико.—Моя жена слишкомъ образована и серьезна, чтобы такъ дурачиться, и если бы я началъ дѣлать подобныя глупости, то она обидѣлась бы.

— Попытайся!—отвѣтила она лукаво.

Къ счастію Гэбріеля, Юлія никогда не давала повода къ особеннымъ нѣжностямъ съ его стороны; хотя она ни слова не напоминала о прошедшихъ ссорахъ, но тѣмъ не менѣе, держала себя съ нимъ чрезвычайно холодно и застѣнчиво, что сильно поколебало его вѣру въ непогрѣшимость сужденія сестры.

Какъ-то онъ гулялъ съ женою по поселку и вздумалъ обнять ее за талью; она состроила презрительную гримасу и ловко выскользнула изъ его объятій; съ тѣхъ поръ онъ ужъ больше не дѣлалъ подобныхъ попытокъ.

— Вотъ видишь, Олли, я послушался тебя и потерпѣлъ пораженіе, да и мальчишки всѣ засмѣялись мнѣ въ глаза,— докончилъ Гэбріель свой разсказъ объ этомъ происшествіи.

— Когда это было, Гэбъ, и гдѣ?

— Въ прошлое воскресенье, на улицѣ!

— Господи!... Онъ производилъ подобные опыты на улицѣ!... Послушай, Гэбъ, если существуютъ на свѣтѣ двуногіе ослы, то ты, навѣрное, самый глупый изъ нихъ.

— Это вѣрно,—согласился онъ незлобиво.

Какъ бы то ни было, но между воевавшими сторонами было заключено пока перемиріе, и миссисъ Конрой не уѣхала по дѣламъ въ Санъ-Франциско. Зато она завела дѣятельную переписку, вслѣдствіе которой явилась въ Одноконный Станъ въ одинъ прекрасный день одна немаловажная личность, а именно Питеръ Думфи.

Онъ вышелъ изъ почтовой кареты, при возгласахъ всеобщаго энтузіазма. Ѣхавшіе вмѣстѣ съ нимъ были ослѣплены не только тѣмъ фактомъ, что онъ первый банкиръ и капиталистъ въ Санъ-Франциско, но и его загадочными разговорами и грубымъ обращеніемъ, что нѣкоторыми считается за признакъ величія. Онъ успѣлъ всѣхъ своихъ спутниковъ обратить къ

матеріализму, проповѣдуемому имъ не столько силою своей логики, сколько разсказами о своихъ громадныхъ успѣхахъ въ финансовомъ мірѣ. Теоріи радикализма и матеріализма воспринимаются нами скорѣе отъ пропагандиста, хорошо одѣтаго и находящагося въ блестящихъ обстоятельствахъ, чѣмъ отъ человѣка, оборваннаго и голодающаго.

Побродивши около получаса по поселку онъ узналъ все, что ему только нужно было, не разспрашивая особенно ни о чемъ; всѣ были увѣрены, что онъ пріѣхалъ лишь съ цѣлью учредить что-либо особенное въ этомъ городкѣ, и поэтому старались наперерывъ сообщить ему всевозможныя свѣдѣнія. Между прочимъ, узналъ онъ и всю подноготную о Гэбріелѣ Конроѣ, даже то, гдѣ его можно застать въ настоящую минуту.

— Благодарю! прошу васъ сегодня въ три часа ко мнѣ на обѣдъ,—сказалъ онъ, наконецъ, величественно своимъ провожатымъ и прямо направился къ указанной ему землѣ Гэбріеля.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ дошелъ до огромной кучи красной глины, груды кирпичей и различныхъ орудій рудокопа. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ какого-то человѣка, выходящаго какъ будто изъ внутренности земли и опирающагося на громадную мотыку. Широкая атлетическая фигура этого мужчины, его густая, окладистая, русая борода и серьезные голубые глаза не позволяли видѣвшему его хоть разъ сомнѣваться въ его тождественности съ Гэбріелемъ Конроемъ.

Думфи быстро подошелъ къ нему и протянулъ свою руку, которую Гэбріель машинально пожалъ.

— Какъ поживаете?—спросилъ Думфи. — Вы не узнаете меня, а? Онъ коротко засмѣялся и нетерпѣливо вперилъ въ Гэбріеля свои хитрые глаза.

— Питеръ Думфи!—произнесъ Гэбріель съ удивленіемъ, боровшись нѣсколько минутъ съ сомнѣніемъ и даже нѣкотораго рода суевѣріемъ.—Это вы, Питеръ Думфи?

— Я, я... Насилу вспомнили обо мнѣ!... Ужъ пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, если не больше, какъ мы видѣлись... Скверныя времена были тогда, а?... Но у васъ теперь очень хорошій видъ!... И обстоятельства ваши не дурны, а?— Я пріѣхалъ сюда по дѣламъ, и мнѣ хотѣлось бы кстати узнать, что вы думаете предпринять въ извѣстномъ дѣлѣ... На что вы теперь рѣшились, а?... Пойдемте-ка со мною; я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе, которое, навѣрно, понравится вамъ... Во-первыхъ, скажу, что я вполнѣ увѣренъ въ вашихъ правахъ на эту землю; а, можетъ быть, я ошибаюсь, а?

Гэбріель все еще не пришелъ въ себя отъ изумленія, встрѣтившись внезапно съ Думфи, такъ что рѣшительно не понималъ, на что онъ намекаетъ.

Думфи замѣтилъ это.

— Я говорю о присланныхъ вами мнѣ пробахъ руды, добавилъ онъ поспѣшно.

— О какихъ-такихъ пробахъ? — спросилъ Гэбріель, какъ бы во снѣ.

— О тѣхъ, которыя прислала мнѣ ваша жена... вѣдь это все равно, что вы сами.

— Нѣтъ, не все равно,—отвѣтилъ Гэбріель съ своею обычною откровенностью.—Впрочемъ, если она прислала вамъ пробы, то можете переговорить о нихъ съ нею... Я начинаю припоминать, что она говорила мнѣ о какихъ-то, отосланныхъ ею въ Санъ-Франциско, пробахъ, но я не обратилъ на это вниманія... Вамъ лучше всего обратиться къ ней,—добавилъ онъ задумчиво.

Думфи, въ свою очередь, сталъ втупикъ; не понимая характера Гэбріеля, онъ подумалъ, что онъ только прикрывается маскою невѣдѣнія, въ виду какихъ-либо соображеній. Къ тому еще онъ вспомнилъ, что когда имѣлъ комиссіонерскую контору въ компаніи съ Доненкинсомъ, то имѣлъ обыкновеніе отсылать тѣхъ посѣтителей, съ которыми не хотѣлось разговаривать, къ Доненкинсу, точно такъ какъ Гэбріель теперь отсылалъ его къ миссисъ Конрой.

— Ну, да,—сказалъ онъ быстро;—я дѣйствительно долженъ бы обратиться къ вашей супругѣ, но увидѣлъ васъ и подошелъ, думая уладить все съ меньшею тратою времени... Мнѣ едва ли придется зайти къ ней... Но не бѣда: мы можемъ покончить это дѣло перепискою.

— Ну, да это все одно; если вы сами не желаете видѣть ее... я разскажу ей, что вы пріѣзжали сюда... Да, кстати, вы ничего не слышали о Грэсъ?.. Вы не встрѣчались съ нею?

Этотъ вопросъ заставилъ Думфи предположить, что миссисъ Конрой сдѣлала Гэбріеля своимъ сообщникомъ, признавшись ему во всемъ, чтобы вести дѣло съ бо̀льшимъ успѣхомъ, и что онъ теперь долженъ быть на-сторожѣ.

Эта мысль привела его въ негодованіе.

—Вы спрашиваете о той, которая удрала съ какимъ-то подлецомъ?—спросилъ онъ грубо.—Едва ли вы когда-нибудь увидите ее; можете вычеркнуть ее изъ списка живыхъ, да и не велика бѣда!

Хотя Думфи былъ увѣренъ, что Гэбріель только притворялся интересующимся судьбою Грэсъ, но тѣмъ не менѣе онъ надѣялся уколоть его этимъ замѣчаніемъ.

Онъ готовился уйти.

— Не проводите ли вы меня до моего дома? Мы поговорили бы о прежнихъ временахъ, — сказалъ Гэбріель, чувствуя къ Думфи, подъ вліяніемъ прежнихъ воспоминаній, нѣкоторую дружбу и не обращая вовсе вниманія на послѣднія его слова.—Олли была бы весьма рада повидаться съ вами... помните вы Олли?... Она теперь превратилась въ прехорошенькую дѣвочку... Пойдемте же, Думфи!

— Нѣтъ, нѣтъ!... Я очень занятъ... Я зайду въ другой разъ... Прощайте!...

Онъ поспѣшно удалился.

Дойдя до горы, онъ оглянулся и, убѣдившись, что Гэбріель не можетъ его видѣть, смѣло отправился къ его дому.

Миссисъ Конрой или ждала его, или же увидѣла его, когда приближалась къ дому, потому что встрѣтила его на крыльцѣ съ очаровательною улыбкою, разодѣтая въ пухъ и прахъ.

— Вотъ уже не ожидала такой чести, что увижу васъ лично, — сказала она. — Вѣдь, мнѣ извѣстно, что вы постоянно такъ заняты.

— Да я и то пріѣхалъ всего на нѣсколько минутъ... Но я привезъ хорошія новости; пробы ваши осмотрѣны спеціалистами; онѣ годятся; въ нихъ хотя и нѣтъ золота, но зато восемьдесятъ процентовъ серебра... Вы, вѣроятно, этого и ожидали, а?

Испуганное лицо мистрисъ Конрой ясно доказало ему, что она этого не ожидала.

— Серебро?... восемьдесятъ процентовъ?—произнесла она, задыхаясь.—И только?

— И то хорошо,—отвѣтилъ онъ равнодушно.

Онъ внутренно торжествовалъ; было очевидно, что она ни съ кѣмъ еще, помимо его, не совѣтовалась.

— Что мнѣ теперь дѣлать?—спросилъ онъ.

— Не знаю; я объ этомъ еще не подумала.

— Такъ!... Еще ни на что не рѣшились?

Онъ взглянулъ на часы.

— Виноватъ! мнѣ должно ѣхать... А восемьдесятъ процентовъ—это очень много; но извѣстно ли вамъ, что серебряными рудниками невозможно пользоваться, не имѣя цѣлыхъ горъ золота. Вѣдь тутъ нужны громадные предварительные расходы; барышъ будетъ лишь тогда, когда дороются до самой руды... Ну, а затѣмъ плавка руды... это будетъ стоить двадцать

процентовъ... Вотъ что я вамъ предложу: передайте все это дѣло въ руки одного извѣстнаго мнѣ акціонернаго общества съ пятимилліоннымъ капиталомъ, въ ста акціяхъ; вы можете взять пятьдесятъ акцій, я возьму двадцать пять... остальныя двадцать пять какъ-нибудь да сбудемъ. Что вы на это скажете, а? Вы еще не можете ничего сказать, а?... Ну, такъ подумайте объ этомъ.

Но миссисъ Конрой могла только думать о двухъ съ половиною милліонахъ, которые она могла, чего добраго, нажить; куда она ни смотрѣла, вездѣ представлялись они ея разгоряченному воображенію: они бѣгали по стѣнамъ, по потолку, по лицу Думфи, вездѣ, въ видѣ огромныхъ золотыхъ цифръ.

— Но эти деньги еще либо будутъ у насъ, либо нѣтъ,— обратилась она къ Думфи.

— Вся сумма будетъ переписана на насъ, десять минутъ спустя послѣ покупки акцій. Дѣло вѣрное.

— Я... я... посовѣтуюсь... съ... мужемъ,—отвѣтила она.

Думфи почти дерзко улыбнулся.

Миссисъ Конрой замѣтила эту улыбку и покраснѣла; она испугалась, не замѣтилъ ли онъ равнодушія къ ней Гэбріеля.

— Она покраснѣла отъ того, что я угадалъ ея хитрость,— подумалъ Думфи.

— Я ужъ видѣлъ вашего мужа,—сказалъ онъ вслухъ.

Миссисъ Конрой поблѣднѣла.

— Ему ничего не извѣстно?—произнесла она слабымъ голосомъ.

— Конечно, не извѣстно,—отвѣтилъ Думфи полупрезрительно.—Онъ самъ признался мнѣ въ этомъ и просилъ итти къ вамъ... Да иначе и не можетъ быть: постороннихъ людей не слѣдуетъ вмѣшивать въ подобныя дѣла.

— Надѣюсь, что вы не рѣшились намекнуть ему...—начала она, въ сильнѣйшемъ волненіи, но была остановлена крайне подозрительнымъ взглядомъ Думфи.

Онъ всталъ и плотно притворилъ дверь.

— Послушайте, неужели вы хотите этимъ сказать, что мужу вашему, дѣйствительно, ничего не извѣстно? что онъ даже не знаетъ, зачѣмъ вы пріѣхали сюда?—спросилъ онъ, пристально смотря на нее.

— Ничего! клянусь вамъ,—сказала она такъ искренно, что Думфи поневолѣ долженъ былъ повѣрить.

— Но какъ же вы объяснитесь съ нимъ теперь насчетъ рудниковъ? Нужно вамъ замѣтить, что вы безъ него ничего не можете начать.

— Да, вѣдь, ему ничего лишняго и не слѣдуетъ знать: онъ открылъ рудникъ и потому имѣетъ полное право владѣть имъ, безъ всякаго согласія съ моей стороны... Выдавая себя за его сестру, я имѣла претензію лишь на его землю, но не на рудникъ, такъ какъ не могла же я знать объ его существованіи... Вы знаете ли, что, если бы явилась даже настоящая сестра его, и то она не могла бы, по открытіи рудника, отнять у него землю?

— Хорошо сказано! это вѣрно! — воскликнулъ онъ, почти невольно.

Да, это вѣрно! Эта женщина, которую онъ считалъ такой глупенькой, оказалась умнѣе всѣхъ. Несмотря на то, что онъ остался въ дуракахъ, онъ не могъ не отдать ей справедливой дани удивленія.

И вотъ эта умница, эта пронырливая авантюристка, эта Anonyma Victrix, начала плакать и умолять его *ничего не говорить ея мужу!*

При этомъ проявленіи общей женской слабости, Думфи опять пріободрился.

— Гдѣ доказательства тому, что вашъ мужъ первый открылъ рудникъ?—спросилъ онъ сухо.—Не доказываетъ ли документъ доктора Деваржа, данный имъ сестрѣ мистера Конроя, что именно онъ былъ открывателемъ рудника?

— Положимъ, что такъ, но Деваржъ умеръ, а документъ въ моихъ рукахъ.

Онъ снова посмотрѣлъ на часы.

— Я посвящу вамъ еще пять минутъ... Хорошо! Я не смѣю отрицать, что вы вели это дѣло замѣчательно тонко, и я увѣренъ, что и теперь даже можете, если захотите, обойтись безъ меня... Слышите ли?.. Признаюсь, что я взялся помочь вамъ, не безъ надежды на барышъ, но все-таки говорю, что вы можете обойтись безъ меня... Но позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на одно: если бы я отказался участвовать далѣе въ этомъ дѣлѣ, то вы, конечно, обратитесь къ другимъ и найдете дюжину людей въ Санъ-Франциско, которые, быть-можетъ, предложатъ вамъ еще болѣе выгодный оборотъ; но зато, не забудьте, имъ не будетъ интереса подавлять каждое непріятное вамъ воспоминаніе о прошломъ... Понимаете?

Она кивнула головой.

— Ну, такъ не лучше ли будетъ продолжать со мною дѣло?

Миссисъ Конрой протянула ему руку.

— Хорошо, но только съ тѣмъ, чтобы вы свято хранили мою тайну, какъ предъ чужими, такъ и предъ мужемъ.

— Будьте покойны; я не выдамъ вашей тайны!

Тутъ оба плута пожали другъ другу руки съ такимъ искреннимъ удивленіемъ и такою довѣрчивостью, что честные люди могли бы взять съ нихъ примѣръ. Мистеръ Думфи удалился.

Когда миссисъ Конрой заперла наружную дверь, съ балкона прибѣжала Олли; Юлія схватила ее въ свои объятія и начала покрывать ее поцѣлуями, но Олли поспѣшно вырвалась изъ этихъ непрошенныхъ объятій.

— Пусти меня!—сказала она сердито.—Мнѣ надо видѣть его.

— Кого?... Мистера Думфи, что ли?—спросила Юлія, истерично захохотавъ.

— Да, да!.. Гэбъ мнѣ говорилъ, что онъ здѣсь... Пусти же меня!

— На что онъ тебѣ понадобился?—спросила Юлія полувесело, полу-сердито.

— Гэбъ сказалъ... Пустишь ты меня или нѣтъ?... Гэбъ сказалъ, что этотъ человѣкъ знаетъ... мою милую, дорогую сестру, Грэсъ!.. Ну, вотъ!... Я не хотѣла причинить тебѣ боли... но мнѣ надо его видѣть!..

Она убѣжала, оставивъ будущую обладательницу двухъ съ половиной милліоновъ одну, подозрѣвающую, смущенную.

XXV.

М-ръ Думфи встрѣчаетъ стараго пріятеля.

Думфи оказался вѣренъ своей кліэнткѣ. Нѣсколько дней спустя по своемъ пріѣздѣ въ Санъ-Франциско, онъ письменно пригласилъ къ себѣ для переговоровъ Рамирецa.

Хотя Викторъ и лишился надежды сдѣлаться со временемъ обладателемъ руки Юліи, а вмѣсто съ тѣмъ и серебряной руды въ Одноконномъ Станѣ, но тѣмъ не менѣе Думфи находилъ нужнымъ замазать ему ротъ, какъ сообщнику обмана миссисъ Конрой.

Думфи съ петерпѣніемъ ожидалъ его, когда одинъ изъ клерковъ вручилъ ему визитную карточку съ именемъ Артура Пойнсета.

Несмотря на то, что мистеръ Думфи считалъ себя неограниченнымъ самодержцемъ въ дѣловыхъ кружкахъ Санъ-Франциско, но все-таки это имя имѣло въ Калифорніи такое значеніе, что онъ не смѣлъ не знать его.

— Просите!—приказалъ онъ клерку.

Дверь отворилась, и въ контору вошелъ молодой элегантный мужчина, не показывавшій ни малѣйшаго смущенія, какъ то

дѣлали прочіе посѣтители этой конторы. Это былъ Артуръ Пойнсетъ.

Съ свойственною ему элегантною небрежностью положилъ онъ шляпу на столъ, подошелъ спокойно къ камину, обратился спиной къ огню и сталъ ждать, когда Думфи будетъ угодно отложить читаемую имъ бумагу.

Думфи былъ, наконецъ, принужденъ обратиться къ нему.

— Вы очень заняты, какъ я вижу,—обратился Артуръ, зѣвая.—Прошу не безпокоиться въ такомъ случаѣ... Вашъ клеркъ, вѣроятно, ошибся, говоря, что вы свободны, а можетъ быть, и я его не понялъ.

Мистеръ Думфи всталъ съ очевидною неохотою.

— Вы не узнаете меня по имени,—продолжалъ молодой человѣкъ, улыбаясь,—такимъ образомъ выгода на моей сторонѣ; что касается до узнанія въ лицо... Кажется, прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ... да, именно пять лѣтъ, какъ я васъ видѣлъ въ послѣдній разъ; вы тогда желали куска бычачьей шкуры, чтобы избѣгнуть голодной смерти.

— Филиппъ Ашлей!.. Онъ и есть!—воскликнулъ мистеръ Думфи, осторожно оглядываясь и подходя къ Артуру.

— Угадали; это было мое nom de guerre. Но ваше имя, видно, все одно и то же.

Если бы Думфи и имѣлъ намѣреніе сказать Артуру, что онъ, вѣроятно, говоритъ о какомъ-нибудь однофамильцѣ, то онъ теперь могъ бы спокойно снять маску; но первое не приходило ему въ голову. Помимо всѣхъ своихъ усилій казаться величественнымъ, онъ все-таки чувствовалъ себя теперь передъ своимъ посѣтителемъ въ томъ же подчиненномъ положеніи, въ какомъ находился пять лѣтъ тому назадъ.

Онъ старался думать о своемъ богатствѣ, о своемъ вѣсѣ въ обществѣ, о своей роскошной обстановкѣ—ничто не помогало! онъ униженно ожидалъ здѣсь, въ своей собственной банкирской конторѣ, что Артуру будетъ угодно приказать.

Онъ сдѣлалъ еще отчаянную попытку озадачить его.

— Вы, конечно, пришли сюда по дѣламъ, Пойнсетъ? — спросилъ онъ.

Онъ началъ эту фразу съ притворнымъ высокомѣріемъ, а докончилъ съ притворною же фамильярностью.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Пойнсетъ, равнодушно перемѣняя свою позу передъ каминомъ.—Повѣрьте, что я иначе и не подумалъ бы безпокоить такого занятого человѣка... Я слышалъ, что вы участвуете въ одномъ рудникѣ, недавно открытомъ въ Одноконномъ Станѣ. Одна изъ моихъ кліэнтокъ имѣетъ дарственную грамоту на ту землю, въ которой найденъ этотъ рудникъ.

— Кто это?—живо спросилъ Думфи.

— Такъ какъ грамота ея еще не предъявлена и не утверждена, то я не буду настолько глупъ, чтобы сообщить вамъ это имя,—возразилъ Артуръ спокойно.

Думфи сдѣлалъ нетерпѣливую мину.

— Впрочемъ,—сказалъ Артуръ, подумавъ немного,—пусть назовутъ меня глупцомъ; не будетъ никакого вреда дѣлу, если я удовлетворю вашему любопытству... Имя этой госпожи: миссъ Долоресъ Сальватіерра.

Мистеръ Думфи вздохнулъ свободнѣе.

— Это не имѣетъ никакого вліянія на...

— На право лица, открывшаго рудникъ?—перебилъ Артуръ.—Никакого! Я пришелъ не за тѣмъ, чтобы защищать наши права; мы, быть-можетъ, даже не позаботимся о дарственной грамотѣ на землю. Но зато моей кліэнткѣ очень хотѣлось бы знать кое-что о настоящихъ «владѣльцахъ» рудника. Сколько мнѣ извѣстно, владѣльцы эти — мужъ и жена; жена дебютировала подъ именемъ какой-то миссъ Грэсъ Конрой, на которую, будто бы, была переведена дарственная грамота на извѣстный участокъ земли... Надѣюсь, вы понимаете, что это такого рода фактъ, который не произвелъ бы благопріятнаго впечатлѣнія передъ судомъ, если бы мы вздумали довести его до свѣдѣнія этого полезнаго учрежденія, чего, однако,—можете быть увѣрены,—до сихъ поръ еще не случилось.—Намъ нужно знать только вотъ что (я обратился именно къ вамъ, Думфи, такъ какъ знаю, что вы можете лучше всѣхъ отвѣтить на этотъ вопросъ): дѣйствительно ли настоящая жена Гэбріеля Конроя ему сестра? братъ ли онъ ей? или они оба обманщики? Законнымъ ли бракомъ они вѣнчаны?... Если вы отвѣтите на эти вопросы, вашъ интересъ ничуть не пострадаетъ.

Къ мистеру Думфи отчасти вернулась его прежняя дерзость.

— Вамъ это лучше извѣстно, вѣдь это вы убѣжали съ Грэсъ Конрой,—сказалъ онъ, сунувъ обѣ руки въ карманы брюкъ.

— Серьезно?.. Значитъ, это не настоящая, если я вѣрно понялъ васъ?... Благодарю за свѣдѣніе!... А братъ...

— Настоящій Гэбріель Конрой, если я не ошибаюсь,—быстро перебилъ Думфи, чувствовавшій, что онъ въ-половину ужъ измѣнилъ тайнѣ, и не желавшій остаться на полдорогѣ.—Не лучше ли будетъ, если вы сами удостовѣритесь своими глазами въ правдивости моихъ словъ?

— Къ чему? вѣдь, вы были такъ добры, что избавили меня отъ этого труда,—сказалъ Артуръ, улыбаясь.—Я вовсе не сомнѣваюсь въ сказанномъ вами; я слишкомъ опытный адво-

катъ, чтобы не довѣрять тому свидѣтелю, котораго самъ избралъ для допроса... Но кто же эта госпожа?

— Вдова доктора Деваржа.

— Настоящая?

— Кажется, что такъ.

— Имѣете ли вы доказательства, что она вдова? Если имѣете и если будетъ доказано еще, что докторъ мало заботился о ней, скверно обращался съ нею, то это можетъ много повредить моей кліэнткѣ, въ томъ отношеніи, что она симпатизируетъ чрезвычайно настоящей Грэсъ Конрой и настоящему Гэбріелю Конрой... A propos! Кажется, у него есть еще другая сестра?

— Да, маленькая дѣвочка.

— Довольно! Очень вамъ благодаренъ! Не хочу больше мѣшать вашимъ занятіямъ... До свиданія!

Онъ взялъ свою шляпу со стола и подошелъ къ двери.

Думфи сознавалъ, что ничего не выигралъ отъ этой бесѣды, каковы бы ни были намѣренія Артура; онъ рѣшился поэтому измѣнить все дѣло смѣлымъ оборотомъ и сказалъ:

— Позвольте еще минуточку! Извѣстно ли вамъ: жива Грэсъ Конрой или нѣтъ? что съ нею сталось?

— Если бы я это зналъ, то, навѣрное, не былъ бы здѣсь,— отвѣтилъ Артуръ хладнокровно.

Въ манерахъ Пойнсета было что-то такое, что помѣшало Думфи причислить его къ категоріи лгуновъ.

— Гдѣ и когда вы видѣли ее въ послѣдній разъ?—спросилъ онъ тономъ ниже.

— Я оставилъ ее у одного семейства вблизи Нортъ-Форта, между тѣмъ какъ самъ вернулся *туда*, съ цѣлью дать помощь бѣдствующимъ. Я опоздалъ; раньше меня прибыла экспедиція и нашла всѣхъ оставшихся мертвыми. Я всегда былъ увѣренъ, что эта экспедиція вытащила васъ изъ когтей смерти.

Настала пауза, во время которой оба хитреца пытливо глядѣли другъ другу въ глаза.

Пусть читатель вспомнитъ, что они оба обманули экспедицію относительно своихъ отношеній къ найденнымъ мертвецамъ; никто изъ нихъ, однако, не предполагалъ, чтобы противнику было извѣстно объ этомъ обстоятельствѣ. Менѣе интеллигентный изъ двухъ хитрецовъ боялся предложить еще вопросъ, который могъ бы открыть его собственный обманъ; а между тѣмъ этотъ вопросъ сильно смутилъ бы Артура.

А такъ какъ онъ не зналъ причины, по которой Думфи молчалъ, то считалъ его ничего не знающимъ и покинулъ поле битвы побѣдителемъ.

Онъ снисходительно кивнулъ Думфи головою и удалился.

Выходя изъ конторы, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ маленькимъ, коренастымъ мужчиною; инстинктъ взаимнаго отвращенія заставилъ обоихъ взглянуть другъ на друга. Пойнсетъ увидѣлъ блѣдное, чахоточное лицо (хотя оно и принадлежало дюжей фигурѣ), узкія челюсти, полуоткрытыя губы, бѣлые, большіе зубы и ротъ человѣка, съ которымъ ему когда-то приходилось сталкиваться по дѣламъ

Незнакомецъ, очевидно, узнавшій его, оскалилъ еще больше свои огромные зубы и кивнулъ ему головою. Артуръ отвѣтилъ легкимъ, небрежнымъ поклономъ и поспѣшно ушелъ.

Незнакомецъ вошелъ къ Думфи.

Этотъ успѣлъ вполнѣ овладѣть собою, принять свой обычный и высокомѣрный видъ.

— Что вы имѣете мнѣ сказать?—спросилъ онъ.

— Ваша очередь говорить; вы пригласили меня сюда,— отвѣтилъ незнакомецъ.

— Да, да... До меня дошло, что еще одна особа имѣетъ претензію на рудникъ... Что это все значитъ, Рамирецъ?

Викторъ поднялъ глаза къ потолку и повелъ плечами.

— Quien saÞe? [1]) Тутъ существуетъ множество дарственныхъ грамотъ,—отвѣтилъ онъ.

— Кажется, что такъ. Но извѣстно ли вамъ, что у насъ есть теперь кое-что получше всякой дарственной грамоты?.. У насъ есть рудникъ.

Викторъ поклонился и пробормоталъ сквозь зубы:

— «У насъ», вы говорите?

— Да, «у насъ»! Я намѣренъ организовать одну компанію для *ея* мужа.

— Для ея мужа?... Хорошо!

Думфи строго взглянулъ на сообщника; его обращеніе показалось ему подозрительнымъ.

—Да; для ея мужа,—повторилъ онъ.—И что вы скажете на это?... Ничего не скажете?... Ну, такъ слушайте. Я послалъ за вами, чтобы сказать вамъ, что, такъ какъ теперь все въ порядкѣ, то для васъ будетъ чрезвычайно полезно, если вы станете молчать о прежнихъ отношеніяхъ миссисъ Конрой и о вашемъ первоначальномъ планѣ... поняли?... Вамъ слѣдуетъ забыть о миссъ Грэсъ Конрой.

— Значитъ, сестра больше не существуетъ, а?... есть только жена, а?

---

[1]) Кто знаетъ?

— Точно такъ!

— Хорошо!

— Вы, конечно, получите вознагражденіе за свои труды, хотя они были совершенно напрасны, понимаете? Ну, а загѣмъ вы не можете имѣть больше никакихъ претензій... Къ ея настоящему успѣху вы не имѣете ни малѣйшаго отношенія, развѣ только вамъ вздумается потребовать плату за то, что вы служили чѣмъ-то въ родѣ свахи, хотя и не непосредственно для нея.

Послѣднія слова Думфи произнесъ съ злобою.

Губы Виктора еще болѣе поблѣднѣли.

— Ха-ха-ха!.. Славная шутка!—засмѣялся онъ.—Нѣтъ, за это я не приму платы даже отъ васъ...

Если бы Думфи зналъ, что въ настоящую минуту происходитъ въ душѣ мексиканца, то навѣрное подвинулся бы поближе къ дверямъ; но такъ какъ онъ этого не могъ знать, то спокойно продолжалъ.

— Мы платимъ только за ваше молчаніе... Поговоримте объ этомъ пунктѣ откровенно. Молчаніе будетъ очень полезно, особенно для васъ; *мы* имѣемъ отъ него выгоды лишь настолько, насколько имѣется въ виду соціальное положеніе миссисъ Конрой; слѣдовательно, если вы проболтаетесь, то повредите себѣ гораздо больше, чѣмъ намъ... Мнѣ завтра же по-утру выплатили бы всю сумму, на которую Гэбріель разсчитываетъ, обрабатывая рудникъ, если бы вся исторія стала извѣстна нынче вечеромъ. Единственное доказательство тому, что рудникъ былъ раньше открытъ, заключается въ бумагѣ, которую вы имѣете въ рукахъ... Быть-можетъ, мы заплатимъ вамъ за нее; можете разсчитывать на это. Поймите, что если бы вы захотѣли потребовать его назадъ судебнымъ, или еще другимъ порядкомъ, то это повело бы лишь къ его уничтоженію... Ну, что вы на это скажете? Какъ только компанія вернетъ свой капиталъ, я согласенъ буду выдать вамъ чекъ... Быть-можетъ, желательнѣе будетъ получить акціями?

— Чистыми денежками бы лучше, — отвѣтилъ Викторъ. Думфи, не обративъ вниманія на сарказмъ этихъ словъ.

— Вы правы,—сказалъ онъ, подходя къ своему письменному столу.—Не полагайтесь на акціи... Прощайте!

Рамирецъ собирался уходить, но Думфи остановилъ его.

— A propos, Викторъ! если вы знакомы съ владѣльцемъ второй дарственной грамоты, то передайте ему, что онъ проиграетъ процессъ въ случаѣ, если затѣетъ его. Это же самое я только-что сообщилъ его адвокату.

— Пойнсету?—спросилъ Викторъ ужъ на порогѣ.

— Да... Такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Филиппъ Ашлей, тотъ, который убѣжалъ съ Грэсъ, то будетъ недурно, если вы разыщете его; быть-можетъ, онъ принесетъ вамъ больше пользы, чѣмъ я. Прощайте!

Онъ гордо повернулся спиною къ остолбенѣвшему Виктору и далъ звонокъ, чтобы ввели слѣдующаго посѣтителя.

XXVI.

Джекъ Гамлинъ отдыхаетъ.

Мистеру Гамлину нѣсколько недѣль сильно нездоровилось. Знаменитый докторъ Дюшенъ, отставной полковой врачъ, внимательно осмотрѣлъ его, предложилъ ему множество самыхъ различныхъ, довольно нескромныхъ вопросовъ, которые разсмѣшили Джека, и сказалъ затѣмъ очень серьезно:

— Вы измѣняете своему ремеслу игрока, Гамлинъ: вашъ пульсъ показываетъ 75, а это не хорошо для человѣка, постоянно играющаго въ «фараошку»... Вамъ, кажется, въ послѣднее время необыкновенно везло и вы жили на хорошую ногу, не такъ ли?.. Вы слишкомъ отважно и подъ слишкомъ высокимъ давленіемъ пустились въ путь; вамъ слѣдуетъ уменьшить топку и ѣхать лишь съ половиною паровыхъ силъ... Въ теченіе слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ я пріучу васъ вести правильный образъ жизни, а то вы живете ужъ черезчуръ не по-христіански...

Лицо Джека выразило ужасъ; докторъ замѣтилъ это и добавилъ поспѣшно:

— Я хотѣлъ этимъ сказать только то, что вамъ слѣдуетъ ложиться до полуночи, а вставать пораньше утромъ, хотя бы вамъ еще ужасно хотѣлось спать; вамъ слѣдуетъ больше ѣсть; вамъ не слѣдуетъ играть, а какъ можно больше скучать... Если вы послѣдуете этому совѣту, то въ короткое время будете совершенно здоровы... Вы прежде пѣли постоянно, Джекъ; садитесь-ка къ роялю и спойте что-нибудь: мнѣ очень хочется послушать вашъ голосъ... Ну, вотъ! довольно!.. Я такъ и думалъ... Вашъ голосъ слишкомъ попорченъ, къ тому же вы отвыкли пѣть; пойте въ теченіе недѣли каждый день понемногу, тогда вамъ легче будетъ пѣть, чѣмъ теперь... Да, я долгое время наблюдалъ, какъ вы ежедневно разговаривали съ маленькою дѣвочкою... А что сталось съ вашимъ крошечнымъ чистильщикомъ сапогъ, надъ которымъ вы все потѣшались?

Мнѣ страхъ какъ хотѣлось бы послать васъ въ воспитательный домъ; вы тамъ принесли бы громадную пользу не только дѣточкамъ, но и себѣ... Отыщите какого-нибудь бѣднаго фермера, имѣющаго цѣлую дюжину дѣтей; вы будете обучать ихъ пѣнію... Все равно, что вы будете ѣсть, но только вы должны ѣсть въ опредѣленное время... Я имѣлъ бы больше надежды на васъ, если бы вытащилъ васъ изъ Голоднаго Лагеря въ горахъ, чѣмъ теперь, видя васъ въ такой роскошной обстановкѣ... Я шесть лѣтъ тому назадъ вывезъ одного оттуда, и онъ очень скоро поправился... Слѣдуйте подобросовѣстнѣе моимъ совѣтамъ, тогда эта слабость скоро пройдетъ; вы тогда живо избавитесь отъ всякихъ страданій и будете такъ же бодры, какъ рыба въ водѣ.

Читатель можетъ понять изъ этой тирады, что нравственныя понятія этой знаменитости ограничивались лишь тѣми результатами, которыхъ онъ желалъ достичь у своихъ больныхъ. Онъ вовсе не обращалъ вниманія на отвлеченную нравственность Гамлина, какъ игрока, но только на способность его къ выполненію этой профессіи.

Объ этомъ предметѣ онъ выражался такъ откровенно, что нѣсколько дней спустя сказалъ одному духовному лицу: «Мнѣ слѣдуетъ поступать съ вами точно такъ же, какъ съ Джекомъ Гамлиномъ... знаете вы его? Онъ отчаянный игрокъ, что вовсе не мѣшаетъ ему быть превосходнымъ парнемъ. Онъ былъ очень нездоровъ, но я вылѣчилъ его тѣмъ, чѣмъ теперь хочу лѣчить васъ». Онъ сдержалъ слово.

Послѣдствіемъ его совѣтовъ было то, что Джекъ Гамлинъ, по истеченіи двухъ недѣль, страшно сталъ скучать. Но, исполняя данное доктору обѣщаніе, онъ безцѣльно принялся бродить за городомъ. Въ Санъ-Луи-Ре онъ присутствовалъ при боѣ быковъ и чуть было не поддался искушенію держать большое пари за успѣхъ нѣкоторыхъ быковъ; однако онъ во-время вспомнилъ о своемъ обѣщаніи и устоялъ противъ искушенія. На слѣдующій день онъ сѣлъ въ проѣзжавшій мимо старый дилижансъ и очутился въ Санъ-Антоніо. Измученный дорогою, онъ предоставилъ своему вѣрному чернокожему слугѣ, Питу, переговорить о всемъ нужномъ съ хозяиномъ испанско-калифорнской гостиницы, въ которой остановился, а самъ тотчасъ-же легъ въ постель.

— Ну, каковъ онъ на видъ, Питъ?—спросилъ онъ, зѣвая когда слуга вернулся къ нему.

Питъ зналъ, что тутъ рѣчь идетъ о городѣ, и отвѣтилъ съ комическою важностью:

— Нужно сказать по правдѣ, масса, что вы здѣсь найдете мало развлеченія. Внизу играютъ въ карты но играютъ

безчестно, такъ что я вамъ не совѣтовалъ бы играть съ ними; это только взволновало бы васъ понапрасну... На дворѣ стоитъ лошадь, которою владѣлецъ не умѣетъ управлять... Если бы вы были здоровы, то могли бы итти туда и держать пари съ однимъ изъ мексиканцевъ; но въ такомъ состояніи вамъ нельзя итти... Рядомъ съ этимъ домомъ есть училище, въ которомъ поютъ, молятся и славятъ Господа.

— Какой сегодня день?—спросилъ Джекъ съ внутреннимъ содроганіемъ.

— Воскресенье, масса.

Джекъ громко застоналъ и перевернулся на другой бокъ.

— Дай одному изъ дѣтей четверть доллара и скажи ему, чтобы онъ пришелъ сюда за другою такою же монетою,—сказалъ онъ, немного спустя.

— Сегодня вамъ не достать дитяти для вашего развлеченія, масса Джекъ; если бы кто пошелъ къ вамъ, то его больно высѣкли бы послѣ розгами. Здѣшніе жители ужасно строго обращаются съ своими дѣтьми по воскресеньямъ, масса Джекъ; а вѣдь сегодня какъ разъ воскресенье.

Отчасти для того, чтобы помучить своего Пита, который былъ оченъ набоженъ, Джекъ началъ проклинать религію, удерживающую дѣтей развлекать его по праздникамъ.

— Открой окно и придвинь къ нему кровать,—простоналъ Джекъ.—Вотъ такъ! Ну, теперь подай мнѣ вонъ тотъ романъ... Тебѣ сегодня не надо читать мнѣ вслухъ; можешь докончить «Развалины Вольнея» въ другой разъ.

Замѣтимъ здѣсь, что Джекъ всегда почти заставлялъ Пита читать вслухъ. Такъ какъ онъ запасся книгами такого рода, которыя сильно противорѣчили убѣжденіямъ строго вѣрующаго Пита, понимавшаго ихъ превратно, да кромѣ того Джекъ все заставлялъ его повторять самыя трудныя слова, то этотъ несчастный чтецъ крайне былъ обрадованъ объявленіемъ своего господина.

— Теперь можешь итти,—сказалъ Джекъ, когда Питъ уложилъ подушки, какъ можно удобнѣе для него;—ты мнѣ сегодня больше не нуженъ... Возьми съ собою денегъ... Ты наврядъ ли найдешь здѣсь церковь твоего вѣроисповѣданія... Если тебя кто обидитъ, то пробери ему хорошенько шкуру; если не успѣешь въ этомъ, то замѣть себѣ, гдѣ онъ живетъ, и тогда сообщи мнѣ... Веселись сегодня, Питъ, но только не напейся пьянымъ: здѣшняя водка хуже яда.

Послѣ этого наставленія мистеръ Гамлинъ отвернулся и принялся читать; но не успѣлъ онъ еще прочесть дюжины строкъ, какъ буквы начали сливаться предъ его глазами въ

одно, и онъ былъ принужденъ отложить книгу въ сторону при чемъ серьезнѣе прежняго рѣшился исполнять предписанія доктора. Онъ долженъ былъ сознаться, что имъ овладѣла особенная слабость и что онъ сталъ чувствовать весьма сильныя боли.

Ему пришла мысль, что онъ можетъ ослѣпнуть, или же что его разобьетъ параличъ; онъ предложилъ себѣ вопросъ, нельзя ли ему будетъ играть въ карты и безъ здоровыхъ ногъ, которые не имѣютъ рѣшительно никакого дѣла съ картами, и нельзя ли придумать для слѣпыхъ выпуклыя карты, какъ ужъ придуманы выпуклыя буквы. Мысль о томъ, что придется, быть-можетъ, ощупывать карты руками, немало забавляла его. А потомъ онъ вспомнилъ о бѣдномъ Гордонѣ, который былъ разбитъ параличомъ и съ горя застрѣлился. «Онъ лучше ничего не могъ сдѣлать», подумалъ онъ.

Всѣ эти размышленія подѣйствовали, однако, на него такъ скверно, что онъ счелъ необходимымъ выпить глотокъ коньяку; но тутъ онъ опять вспомнилъ совѣтъ доктора и съ громаднымъ усиліемъ удалилъ отъ себя мысль о коньякѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ прочія думы.

Чтобы хоть немного разсѣяться, онъ посмотрѣлъ въ окно, которое выходило на пыльный дворъ, за которымъ виднѣлись двѣ бѣлыя четырехугольныя колокольни миссіонерской церкви, за ними темно-зеленая листва сада, а тамъ дальше — голубоватое блестящее море.

Было очень жарко и тихо; въ этотъ день отдыхалъ пассатный вѣтеръ, почти всегда бушевавшій вокругъ Санъ-Антоніо, и плакучая ива, росшая подъ окномъ и обыкновенно колебавшаяся и трясшая своими длинными вѣтвями, теперь казалась окаменѣлой; даже море имѣло какой-то дремлющій видъ. Оно почему-то напоминало Джеку ротъ одного мужчины, съ которымъ онъ однажды имѣлъ ссору въ Санъ-Франциско и котораго недавно встрѣтилъ въ Сакраменто... И что же? Вотъ тутъ, на дворѣ, стоялъ этотъ самый мужчина и глядѣлъ вверхъ, въ окна гостиницы. Джекъ почувствовалъ страшное негодованіе; если бы Питъ былъ дома, то онъ непремѣнно велѣлъ бы его прогнать этого человѣка... но тутъ внезапно донеслись до него звуки, которые мигомъ уничтожили въ немъ всякую злобу.

То были звуки органа, страстно любимаго Джекомъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что онъ одно время служилъ органистомъ во второй пресвитеріанской церкви Сакраменто, пока тамъ не нашли, что это праздничное ремесло вовсе не согласуется съ его будничнымъ ремесломъ, и главный дьяконъ (торговавшій очень выгодно ликерами) не настоялъ на смѣщеніи этого «еретика».

Хотя онъ потомъ пристрастился и къ піанино, но все-таки никогда не измѣнялъ своей первой любви.

Онъ оперся на локоть и внимательно слушалъ; онъ взглянулъ по тому направленію, откуда слышались звуки, и замѣтилъ, что домъ, сосѣдній съ гостиницею, сообщался съ другой стороны съ зданіемъ духовной миссіи, и что одно изъ оконъ было ему видно.

Запѣлъ хоръ свѣжихъ голосовъ. Гамлинъ внимательнѣе прислушался; шла одна изъ моцартовскихъ мессъ, хорошо извѣстная ему.

На нѣсколько мгновеній онъ забылъ свою слабость и свою боль и задумчиво началъ подпѣвать сперва потихоньку, а затѣмъ во всю силу своего прекраснаго тенора. Странно было видѣть что этотъ плутъ, доведшій себя своимъ позорнымъ ремесломъ до края могилы, увлекался духовнымъ пѣніемъ, лежа на кровати въ испанской грязной гостиницѣ.

Онъ бодро продолжалъ пѣть, пока не замолкли голоса и органъ. Тогда онъ оперся о подоконникъ и ждалъ появленія маленькихъ пѣвчихъ, чтобы бросить имъ горсть мелкой серебряной монеты и проговорить нѣсколько изъ тѣхъ шутливыхъ похвалъ, которые дѣлали его такимъ популярнымъ между дѣтьми; однако онъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. «Должно-быть, ученіе еще продолжается», подумалъ онъ и ужъ намѣревался опуститься на подушки, какъ вдругъ у рѣшетчатаго окна училища показалось женское личико.

Гамлинъ притаилъ дыханіе, и блѣдное его лицо покрылось густою краскою: онъ былъ очень воспріимчивъ къ женской красотѣ, а лицо, плѣнившее его вниманіе, принадлежало молодой, прекрасной индіанкѣ. Онъ готовъ былъ поклясться что никогда не видалъ женщины, даже на-половину такой красивой.

Можно было бы принять ее за сверхъестественное существо, если бы глаза ея не блестѣли весьма земнымъ любопытствомъ, которое, вѣроятно, было вызвано пѣніемъ Гамлина. Скрывшись за занавѣской, онъ не опасался быть открытымъ, между тѣмъ какъ могъ безпрепятственно любоваться этимъ чуднымъ видѣніемъ, пока оно не исчезло, при чемъ ему показалось, что она унесла съ собою и блескъ моря, и сіяніе солнца.

Когда Питъ вернулся вечеромъ къ своему господину, то не мало былъ удивленъ, увидавъ его вполнѣ одѣтымъ и сидящимъ у окна, съ сильнымъ румянцемъ на щекахъ и лихорадочно блестѣвшими глазами, что очень обезпокоило вѣрнаго слугу.

— Смѣю надѣяться, что вы не забыли предписаніе доктора, масса Джекъ?—спросилъ онъ.

— Можешь освидѣтельствовать винную фляжку, старый лицемѣръ: она не тронута,—отвѣтилъ Джекъ весело, понявши, откуда происходитъ безпокойство слуги.—Я одѣлся потому, что хочу вечеромъ итти въ церковь; а веселъ я оттого, что добродѣтеленъ... Достань-ка «Развалины Вольнея» и читай вслухъ, а то ты, вѣроятно, уже разучился читать... Не принимаю никакихъ возраженій, Питъ! Неужели ты думаешь, что я обращу вниманіе на то, что кому нравится, или не нравится?... Ступай сперва въ кухню, закажи тамъ ужинъ... Стой! чортъ возьми, куда ты торопишься? Развѣ я не давалъ тебѣ назадъ тому три часа порученія? Что жъ ты бѣжишь, не сказавъ, выполнилъ ли ты его?

— Порученіе, масса?—пробормоталъ негръ.

— Ну, да! развѣ я не приказывалъ тебѣ узнать, что́ тутъ за церковь? Не велѣлъ ли я тебѣ особенно разузнать, такова ли здѣшняя католическая церковь, чтобы бывшій сакраментскій органистъ могъ войдти въ нее, не краснѣя? Готовъ держать пари, что ты вовсе и не былъ тамъ.

— Я вѣдь не папистъ, масса; если я думалъ...—пролепеталъ Питъ.

— Чортъ возьми! Неужели ты воображаешь себѣ, что я спокойно буду ждать, пока тебѣ заблагоразсудится заказать ужинъ и выслушивать твои рѣчи о католической....

Испуганный Питъ исчезъ, прежде чѣмъ Гамлинъ могъ докончить свою фразу.

Заблаговѣстили къ вечернѣ, и немного спустя Гамлинъ вошелъ въ старинную миссіонерскую церковь. Онъ замѣтилъ нѣсколько черныхъ колѣнопреклоненныхъ фигуръ. Руководствуясь больше инстинктомъ, чѣмъ слабымъ свѣтомъ горѣвшихъ на алтарѣ восковыхъ свѣчей, онъ тотчасъ же понялъ, что той особы, ради которой онъ пришелъ сюда, нѣтъ между молящимися. Онъ сталъ въ тѣнь большой колонны и сталъ ожидать ея появленія.

Прошло около получаса. Вошла толстая женщина и стала напротивъ него на колѣни. Затѣмъ явился желтый вачеро, котораго Гамлинъ видѣлъ еще по дорогѣ въ Санъ-Антоніо и удивлялся его вольнодумству; онъ теперь молился Пресвятой Дѣвѣ съ истинно итальянскимъ краснорѣчіемъ, какъ будто никогда и не думалъ вольнодумничать. Потомъ пришли двое мужчинъ и начали жаловаться на свою неудачу въ карточной игрѣ.

Вдругъ пульсъ и сердце Гамлина сильно забились; онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и невольно оглянулся: невдалекѣ стоялъ мужчина, котораго онъ призналъ за того, котораго видѣлъ давеча изъ окна гостиницы, а именно—Рамиреца.

Если бы онъ встрѣтился съ нимъ въ другомъ мѣстѣ, то непремѣнно завелъ бы съ нимъ ссору; поэтому онъ рѣшился ждать его выхода изъ церкви и затѣмъ послѣдовать за нимъ, чтобы выместить на немъ свою злобу, которая увеличивалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше онъ убѣждался, что напрасно ожидаетъ прекрасную незнакомку.

Но вотъ на паперти показались двѣ фигуры; до слуха Джека долетѣло шуршанье шелковаго платья, а до обонянія какой-то чудный, тонкій ароматъ.

Сердце Гамлина дрогнуло.

Это была та, которую онъ такъ страстно ждалъ.

Она оглянулась, откинула вуаль съ прекраснаго лица и стала посреди обоихъ игроковъ. Джеку хотѣлось подбѣжать къ ней, чтобы просить ее не осквернятся близостью этихъ людей; однако онъ удержался, между тѣмъ какъ лицо его снова покрылось багровымъ румянцемъ—онъ въ первый разъ еще устыдился своей профессіи.

Заигралъ органъ, задымилось кадило,—Джекъ погрузился въ мечты. Ему казалось, что онъ занялъ мѣсто этого холоднаго, бездушнаго органиста и извлекаетъ изъ органа страстный гимнъ въ честь красавицы изъ красавицъ! Онъ чувствовалъ себя вознесеннымъ далеко отъ здѣшняго грѣховнаго міра въ рай... но только магометанскій.

Наконецъ онъ очнулся и внимательно началъ всматриваться въ очаровавшую его особу; все, начиная съ дорогой кружевной вуали и кончая бѣлымъ атласнымъ башмачкомъ, было вполнѣ изящно.

Служба кончилась, и прекрасная незнакомка поднялась съ колѣнъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ онъ готовъ былъ слѣдовать за нею хоть на край свѣта, чтобы только удостоиться одного ея взгляда, но теперь онъ почувствовалъ такую робость, какой еще никогда не испытывалъ; онъ даже отодвинулся дальше въ тѣнь, когда она приблизилась къ чашѣ съ святою водою, придѣланной къ той колоннѣ, возлѣ которой онъ стоялъ сначала. Она сняла перчатку, нагнулась впередъ такъ, что ея горячее дыханіе коснулось Джека, и опустила свои нѣжные пальчики въ освященную воду. Когда она перекрестилась, Джекъ вздрогнулъ: нѣсколько капель святой воды брызнули съ ея руки ему на лицо.

XXVII.

Викторъ дѣлаетъ неожиданно открытіе.

Къ счастію, молодая красавица не обратила вниманія на это обстоятельство, а медленно направилась къ паперти.

Джекъ смиренно и робко послѣдовалъ за нею, какъ вдругъ она быстро обернулась и поспѣшила назадъ, мимоходомъ задѣвая своимъ платьемъ Гамлина. Прекрасные глаза ея выражали испугъ и изумленіе; пунцовыя губки были полуоткрыты; по всему можно было видѣть, что она чѣмъ-то сильно взволнована. Она прислонилась къ колоннѣ и судорожно охватила ее руками, трясясь всѣмъ тѣломъ.

Гамлинъ постоялъ въ нерѣшительности, но потомъ приблизился къ ней не смѣло и самоувѣренно, какъ онъ обыкновенно подходилъ къ женщинамъ, а съ явнымъ замѣшательствомъ.

— Не могу ли я чѣмъ быть вамъ полезенъ, миссъ?—пробормоталъ онъ, краснѣя. — Вамъ, кажется, нездоровится?... Не подать ли вамъ стулъ?... здѣсь очень жарко.... Не угодно ли стаканъ воды?... карету?

— Ничего не надо,—отвѣтила она съ такимъ достоинствомъ, которое изумило его не меньше ея недавняго волненія;—мнѣ сдѣлалось немного дурно отъ жары и духоты, но теперь все прошло,—добавила она съ такимъ прямымъ и открытымъ взглядомъ, съ такимъ хладнокровіемъ, что Гамлинъ сталъ втупикъ.

— Позвольте,—началъ онъ...

— Мнѣ ничего не нужно.

Она хотѣла выйти, но сочла нужнымъ объяснить свое странное поведеніе.

— На паперти столпилось очень много людей, и мнѣ стало дурно... Еще мнѣ показалось, что какой-то мужчина толкнулъ меня сильно... можетъ-быть, я и ошиблась.

Она взглянула на паперть, гдѣ стоялъ все еще мужчина.

Гамлинъ понялъ значеніе этихъ словъ и этого взгляда; онъ быстро направился къ незнакомцу, стоявшему къ нему спиной, и, смѣло заглянувъ ему въ лицо, узналъ Рамирена.

Гамлинъ не сталъ вступать ни въ какія объясненія; однимъ ловкимъ движеніемъ руки и ноги онъ толкнулъ его съ паперти такъ, что тотъ покатился кубаремъ по ступенькамъ. Потомъ онъ оглянулся на причину своего дерзкаго поступка. Та оказалась ловкой не менѣе его: съ быстро-

тою, нисколько не согласной съ ея недавней боязливостью, она шмыгнула мимо обоихъ мужчинъ ивскочила въ ожидавшую ее карету, поблагодаривъ Гамлина очаровательною улыбкою. Какое ему теперь было дѣло до того, что ему предстояло выдержать сцену съ Рамирецомъ? Онъ, вѣроятно, даже былъ радъ этому случаю.

Чья-то рука дотронулась до его плеча; онъ оглянулся и увидѣлъ искаженное злобою лицо Рамирена.

Гамлинъ весело улыбнулся.

— Вотъ, вѣдь, какъ!—воскликулъ онъ съ притворною простотою.—Это ты, Джонни? Не ожидалъ!.. Неужели это твой домъ? А я еще толкнулъ тебя отсюда, заставилъ тебя пересчитать ребрами твоими всѣ ступеньки... это ужасно съ моей стороны!.. Вѣдь я долженъ былъ узнать тебя по принятой тобою позѣ!.. Вѣдь такъ, Джонни?

— Меня зовутъ вовсе не Джонни, carambа![1])—съ усиліемъ прошипѣлъ Викторъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Ахъ, вотъ какъ!.. Значитъ, васъ зовутъ Карамбой? Быть можетъ, вы родственникъ Карамбовъ изъ Дёчъ-Флетса?.. Скверное же у васъ имя: «Джонни» гораздо лучше... Успокойся, Джонни! Сегодня воскресенье, и я вовсе не намѣренъ драться теперь; совѣтую и тебѣ не выходить изъ себя; ступай себѣ домой и высѣки какого-нибудь шалуна мальчишку, чтобы утишить свои взволнованныя чувства... Я бы на твоемъ мѣстѣ оставилъ свой ножъ въ покоѣ: можно имъ обрѣзаться, да и испугать проходящихъ... Завтра же по-утру зайди въ ту гостиницу, спроси Джека Гамлина, занимающаго 29 №, и прямо войди къ нему; тамъ ужъ я не сталъ бы стѣсняться, а залилъ бы всю комнату кровью...

Два-три мексиканца встали около Виктора, какъ бы желая за него заступиться.

Викторъ воспользовался этимъ.

— Развѣ мы собаки какія, земляки,—сказалъ онъ съ горечью,—что мы позволяемъ издѣваться надъ нами такому подлецу?

Мистеръ Гамлинъ понялъ слова Виктора, хотя они были сказаны по-испански.

Мексиканцы выразили свое участіе къ этимъ словамъ громкимъ крикомъ «carambа», но все-таки трусили особеннаго выраженія глазъ Гамлина, а еще болѣе того, что могло быть скрыто въ его карманахъ.

---

[1]) «Carambа» испанское слово и значитъ—«проклятіе».

Мистеръ Гамлинъ, однако, все еще былъ расположенъ къ шуткамъ.

— Это, вѣроятно, все родственники?—обратился онъ къ Виктору,—все Карамбы?.. Можетъ-быть, ты завтра придешь ко мнѣ вмѣстѣ съ ними?... Впрочемъ, можетъ-быть, они заняты и спѣшатъ куда-нибудь? Если имъ нельзя ждать до утра, и если вамъ моя комната покажется слишкомъ мала, то тутъ вблизи есть большая, свободная, нелюдимая площадь, называемая Plaza de los Toros, если не ошибаюсь... Что вы сейчасъ сказали?... Я вѣдь немного глуховатъ...

Онъ приблизился къ близстоявшему мужчинѣ, которой праздновалъ при этомъ труса и убѣжалъ, какъ только могъ скорѣе.

Гамлинъ разсмѣялся, но все таки счелъ за лучшее окончить эту сцену, такъ какъ вокругъ собралось ужъ порядочно зѣвакъ. Онъ снялъ шляпу, съ комическою важностью поклонился противникамъ и пошелъ домой, оставивъ поле битвы за этими сомнительными побѣдителями.

Возвратясь въ номеръ, онъ разбудилъ Пита и пустился съ нимъ въ религіозный споръ, доказывая, къ ужасу методиста, что католическая церковь первая въ мірѣ, въ особенности для бѣлаго племени.

Пита удивляло то обстоятельство, что господинъ его во время этого диспута тщательно осматривалъ свои пистолеты.

Между тѣмъ и Викторъ прощался съ друзьями.

— Онъ убѣжалъ, подлецъ!—говорилъ онъ;—онъ чувствовалъ, что ему невыгодно будетъ вступить съ нами въ рукопашный бой. Замѣтилъ ты, какъ онъ трусилъ, Тибурій? Онъ испугался твоего отважнаго вида.

— Нѣтъ, Викторъ, онъ струсилъ предъ тобою.

— Онъ испугался храбрыхъ, непобѣдимыхъ мексиканцевъ,— сказалъ тотъ, который было убѣжалъ, но снова вернулся, замѣтивъ издали, что Джекъ ушелъ. — Опразднуемъ же эту побѣду стаканомъ aguardiente!

Викторъ, только думавшій о томъ, какъ бы избавиться отъ остальныхъ, воспользовался этимъ предложеніемъ и повелъ его въ ближайшій винный погребъ, раскланявшись съ прочими.

Въ одномъ углу комнаты сидѣло двѣнадцать игроковъ около грязнаго стола; въ сторонѣ стоялъ арфистъ, извлекавшій изъ своего страшно разстроеннаго инструмента раздирающіе уши звуки. Игроки были такъ углублены въ свою «монте», что не обращали вниманія ни на арфиста, ни на арфу.

Лицо одного изъ игроковъ показалось Виктору знакомымъ; онъ вглядѣлся въ него и призналъ въ немъ того страннаго

переводчика, съ которымъ встрѣтился однажды, посѣщая дона Педро. Онъ на этотъ разъ былъ одѣтъ очень прилично. Проигравъ всѣ лежавшія предъ нимъ деньги—раньше чего не поднималъ даже головы—онъ всталъ, коротко поклонился прочимъ игрокамъ и удалился, не говоря ни слова.

— Онъ проигралъ свои пять долларовъ, какъ обыкновенно, ни больше ни меньше, — сказалъ Викторъ своему спутнику. — Въ этотъ вечеръ онъ ужъ больше не будетъ играть.

— Ты знаешь его?—спросилъ Винцентъ, удивляясь освѣдомленности своего друга.

— Si. Это гончая собака американцевъ; онъ хвастается знаніемъ нашего отечественнаго языка, нашей отечественной исторіи; если вамъ какое слово покажется темнымъ, или какое-нибудь техническое названіе непонятнымъ, то можете обратиться къ нему за объясненіемъ... Вотъ каковы эти еретики!... Caramba!

— Caramba!—повторилъ Винцентъ съ патріотизмомъ, который подогрѣлся отъ выпитаго имъ вина.

Викторъ старался развязать ему языкъ.

— Вотъ такъ-то все на свѣтѣ, шиворотъ на выворотъ,—сказалъ онъ съ таинственною миною.—Часто бываютъ здѣсь американцы?

— А ты знаешь знаменитаго американскаго авдоката, нашего друга, донъ Артура Пойнсета?—спросилъ Винцентъ.

— Знаю,—отвѣтилъ Викторъ нетерпѣливо.—Бываетъ онъ здѣсь?

— О, Господи! Бываетъ ли онъ?—разсмѣялся Винцентъ.— Бываетъ постоянно, вѣчно! У него здѣсь есть кліентка, красивая вдовушка, одной съ нимъ національности.

— А! ты очень умный человѣкъ, Винцентъ!

Винцентъ разсмѣялся.

— Боже мой, это давно всѣмъ извѣстно!—сказалъ онъ.

— И кто же эта прекрасная кліэнтка?

— Донья Марія Сепульвида, — съ трудомъ проговорилъ опьяненный Винцентъ.

— Какъ?... Ты, кажется, говорилъ что она одной съ нимъ національности?

— Ну, да; она американка... Но это было ужъ давно... Она была очень молода, когда пріѣхала сюда съ первыми американцами; сама будучи еще ребенкомъ, она давала уроки дѣвочкѣ вдовца дона Хозе Сепульвиды... Повторилась старая исторія: она была молода, хороша, бѣдна; донъ — старъ, безобразенъ, богатъ... и женился на ней. Онъ проявилъ еще

больше доброты, потому что черезъ два года оставилъ ее богатою вдовою... Caramba!

Если Винцентъ не совсѣмъ находился подъ вліяніемъ Бахуса, то могъ бы замѣтить, съ какою жадностью Викторъ ловилъ его слова.

— И она хороша?... большаго роста, стройная?... большіе глаза, хорошенькій ротикъ?

— Она прелестна, какъ ангелъ!

— И донъ Артуро не только ея авдокатъ, но и обожатель?

— Говорятъ, что такъ. Но мы-то съ тобой знаемъ, Викторъ, что любовь нельзя получить по исполнительному листу... Повѣрь мнѣ, это прежняя страсть...—Викторъ ловилъ каждое слово своего друга; онъ напалъ не только на слѣдъ пропавшей Грэсъ Конрой, но, такъ сказать, прямо наткнулся на нее... Онъ разгадалъ, наконецъ, всю тайну, въ которой участвовали трое; разгадалъ, по разсказу пьянаго болтуна, кто была молодая американка.

— Мнѣ кажется, будто я видѣлъ эту героиню въ церкви,— сказалъ Викторъ.

— Едва ли! Она католичка, а донъ Артуро протестантъ; она рѣдко посѣщаетъ церковь, когда онъ бываетъ здѣсь.

— Но сегодня она была въ церкви.

— Нѣтъ, не можетъ быть!

— Ты ошибаешься,—возразилъ Викторъ.—Я сегодня самъ былъ въ церкви и видѣлъ ее тамъ.

— Невозможно, Викторъ, невозможно, повѣрь мнѣ!

— Говорю тебѣ, что я самъ видѣлъ ее,—воскликнулъ Викторъ въ сильномъ волненіи.—Borrachon!... Она была въ церкви! Она стояла на колѣняхъ воздѣ колонны; передъ выходомъ она окропила себя aqua benedita... У нея большіе глаза, овальное лицо, черное платье и черный бурнусъ.

Винцентъ засмѣялся и закачалъ головою, какъ китайская кукла.

— Неправду говоришь; ты ее не видалъ... Ты видѣлъ донью Долоресъ, но не сеньору Сепульвида... У этой доньи большіе глаза, маленькій ротъ и овальное лицо; она очень смугла.

— Ночью всѣ кошки сѣры!—вскрикнулъ Викторъ съ досадою.—Кто же эта Долоресъ?—спросилъ онъ, стараясь подавить зарождавшееся въ немъ тайное опасеніе.

— Она плодъ любви Санта-Изабелльскаго коменданта и какой-то индіанки; отецъ былъ настолько глупъ, что оставилъ ей все наслѣдство; она очень богата и стала недавно обладательницею дарственной грамоты на цѣнное недвижимое имущество,—понялъ, другъ Викторъ?... Что ты такъ вытаращилъ

на меня глаза?... Она не связана брачными узами, она всецѣло принадлежитъ церкви, Викторъ... Какъ это ты могъ счесть эту монашенку, эту донью Долоресъ за кокетливую маленькую американку?... Ну, Викторъ!... ты дуракъ!...

Викторъ и самъ признавалъ себя дуракомъ, по милости собственной поспѣшности. Если эта отшельница дѣйствительно, какъ онъ предполагалъ, исчезнувшая Грэсъ Конрой, то какой же это демонъ шепнулъ ему передать именно ей фальшивую дарственную запись, посредствомъ которой она снова дѣлалась обладательницею отнятаго у нея обманомъ имущества?... Или, можетъ-быть, донъ Педро игралъ роль измѣнника?

Не были ли они всѣ, кромѣ него, освѣдомлены объ этомъ обстоятельствѣ—донъ Педро, Пойнсетъ, Думфи и Юлія Деваржъ? И они, разумѣется, потѣшались теперь надъ нимъ!

Онъ готовъ былъ сойти съ ума! Онъ бормоталъ тысячу проклятій и угрозъ и, оттолкнувъ опьянѣвшаго Винцента, выбѣжалъ вонъ.

XXVIII.

Экспертъ.

Холодный сѣрый туманъ густо закуталъ весь городъ. Въ особенности онъ былъ непроницаемъ въ ранчо «святой Троицы»,—въ помѣстьи доньи Долоресъ, такъ что мистеръ Перкинсъ, англичанинъ-переводчикъ, ѣхавшій въ это утро туда, былъ принужденъ нѣсколько разъ останавливаться, боясь сбиться съ дороги, пока не достигъ, наконецъ, своей цѣли.

Хотя метаморфозы мистера Перкинса были хорошо извѣстны его друзьямъ, но малознакомому съ нимъ было бы весьма трудно узнать въ этомъ дэнди, ѣхавшемъ такъ гордо въ кабріолетѣ, грязнаго оборванца изъ Тихоокеанской улицы въ Санъ-Франциско.

Несмотря на его эксцентричную наружность, его очевидно ожидали въ усадьбѣ и считали за весьма важную особу, потому что, когда онъ въѣхалъ во дворъ, то передъ нимъ явился величественный маіордомъ и ввелъ его въ гостиную, куда тотчасъ же пришла и донья Долоресъ.

Съ тонкимъ пониманіемъ образованной женщины, она сразу угадала въ Перкинсѣ качества, достойныя уваженія, и поэтому обошлась съ нимъ съ изысканною вѣжливостью. Онъ отвѣтилъ на ея поклонъ чрезвычайно формально и почтительно. Онъ былъ пріятно пораженъ ея пріемомъ, очарованъ ея красотою, но, подобно всѣмъ людямъ, не имѣющимъ опредѣленнаго

положенія въ обществѣ, онъ былъ немного подозрителенъ и потому велъ себя осторожно.

Донья Долоресъ изящнымъ движеніемъ указала на стулъ; но гость ея предпочелъ вести разговоръ стоя.

— Я для васъ посторонняя, сеньоръ; но вы для меня— нѣтъ,—начала она, съ вызывающею довѣріе улыбкою.—Прежде, чѣмъ пригласить васъ къ себѣ, я знала васъ, по общимъ отзывамъ, за человѣка умнаго и добросовѣстнаго. Считайте же меня съ этой минуты вашимъ другомъ.

Мистеръ Перкинсъ снова поклонился, покраснѣвъ отъ смущенія.

Долоресъ замѣтила это и подошла къ письменному столу, чтобы дать гостю оправиться.

Она вынула изъ стола сложенную бумагу, придвинула къ столу два стула и сѣла на одинъ изъ нихъ.

Перкинсъ занялъ другой.

— Боюсь,—сказала донья Долоресъ,—что мое дѣло покажется вамъ страннымъ. Эта бумага — дарственная грамота, будто бы выданная моему умершему отцу дону Хозе Сальватіеррѣ. Потрудитесь разсмотрѣть ее внимательно и отвѣтьте тогда, какъ можете, на вопросъ, который я вамъ задамъ... Прежде чѣмъ вы отвѣтите «да» или «нѣтъ», я должна сказать вамъ, что у меня нѣтъ въ виду никакихъ матеріальныхъ интересовъ; поэтому прошу васъ отвѣтить мнѣ, какъ вы отвѣчали бы передъ судомъ, хотя послѣднее и никогда не случится. Каковъ бы вашъ отвѣтъ ни былъ, я сохраню его въ тайнѣ, такъ что васъ онъ ни къ чему не обяжетъ.

— Въ чемъ заключается вашъ вопросъ?—спросилъ мистеръ Перкинсъ, но уже безъ смущенія .

— Не фальшивый ли этотъ документъ?

Онъ взялъ у нея бумагу, взглянулъ на подпись, бѣгло освидѣтельствовалъ печать и снова возвратилъ ее донья Долоресъ.

— Подпись подлинная,—сказалъ онъ и добавилъ потомъ:— я еще раньше видѣлъ этотъ документъ.

Донья Долоресъ нетерпѣливымъ движеніемъ отодвинула стулъ, что не ускользнуло отъ вниманія Перкинса и не мало удивило его; онъ въ первый еще разъ видѣлъ женщину, недовольную тѣмъ, что имѣетъ право на владѣніе цѣннымъ имуществомъ.

Онъ съ любопытствомъ взглянулъ на нее.

— Документъ, значитъ, правиленъ!—сказала она грустно.

— А вы имѣете поводъ считать его подложнымъ?

— Да; онъ недавно найденъ въ бумагахъ отца, а между тѣмъ существуетъ и другой такой же.

Мистеръ Перкинсъ снова взялъ бумагу, разсмотрѣлъ ее повнимательнѣе, подержалъ противъ свѣта и спросилъ:

— Могу васъ увѣрить, что эта бумага не поддѣльная. Гдѣ другая?

— Не въ моихъ рукахъ.

Перкинсъ повелъ плечами.

— Какъ же я могу сдѣлать сравненіе, когда у васъ ея нѣтъ?

— Не надобно и сравнивать, разъ этотъ документъ подлинный.

— Можетъ-быть, тутъ ошибка. Кто владѣетъ другимъ? Кому онъ первоначально выданъ, и какъ?

— Онъ былъ данъ пять лѣтъ тому назадъ нѣкоему доктору Деваржу...

Перкинсъ, при имени Деваржа, пытливо уставилъ на нее глаза.

— Вы... сказали... доктору Деваржу?

— Да. Вы его знали?

Долоресъ смутилась въ свою очередь. Оба нѣсколько времени молчали.

— Я слышалъ это имя,—съ усиліемъ отвѣтилъ Перкинсъ.

— Да, это знаменитое въ ученомъ мірѣ имя. Онъ умеръ, но передъ смертью передалъ эту запись молодой дѣвушкѣ... Грэсъ Конрой.

Она пытливо взглянула на Перкинса, но онъ совершенно овладѣлъ собою.

Долоресъ продолжала уже съ спокойнымъ духомъ.

— Да, онъ передалъ ей дарственную запись. Пять лѣтъ спустя, явилась женщина и заявила, подъ именемъ Грэсъ, права на эту запись. Но такъ какъ выполненіе ея плана показалось ей слишкомъ тяжелымъ, то она пріобрѣла себѣ—Богъ-вѣсть какими способами—любовь брата этой Грэсъ и вышла за него замужъ, какъ за ближайшаго наслѣдника.

Долоресъ остановилась, смуглыя щеки ея вспыхнули.

Мистеръ Перкинсъ, казалось, ничего не видѣлъ. Все его существо внезапно измѣнилось; мысли его очевидно блуждали вдалекѣ, и лицо постарѣло.

— Такъ, такъ,—проговорилъ онъ съ чрезвычайнымъ усиліемъ.—Все это доказываетъ, что тотъ документъ несомнѣнно фальшивый. Значитъ, вы сомнѣваетесь въ подлинности вашего документа, потому что онъ поздно отысканъ? — Ну, это не имѣетъ никакого значенія, можете быть покойны.

Онъ всталъ, какъ бы считая разговоръ покончennымъ, и спѣшилъ удалиться, чтобы скрыть свое волненіе. Долоресъ тоже встала.

Еще одно мгновеніе, и эти два существа, пришедшія въ соприкосновеніе такимъ страннымъ образомъ, разстались бы опять. Но случаю угодно было остановить Перкинса, чтобы предложить вопросъ, отъ котораго зависѣла судьба ихъ обоихъ.

— Я понялъ изъ вашихъ словъ, что настоящая Грэсъ Конрой пропала безъ вѣсти, а этотъ.... докторъ.... Деваржъ умеръ. Но какимъ же образомъ обманщица получила возможность предъявлять какія бы то ни было права?

— О.... она вышла за Гэбріеля Конроя подъ именемъ вдовы доктора Деваржа.. Пресвятая дѣва!.. что съ вами?.. Вамъ дурно?..

Онъ присѣлъ на мгновеніе и, когда она хотѣла позвать прислугу, удержалъ ее за руку.

— Не безпокойтесь, сеньорита, со мною часто бываютъ подобные минутные припадки.... Я осмѣлюсь просить только дать мнѣ стаканъ воды.... Вотъ, благодарю васъ; этого достаточно.

Вмѣсто того, чтобы выпить этотъ стаканъ воды, онъ вылилъ его себѣ на голову.

— Приливъ крови,—сказалъ онъ;—я еще утромъ предчувствовалъ его. Теперь все прошло; я всегда избавляюсь отъ этихъ припадковъ холодною водою... Надѣюсь, что я не испортилъ вашего ковра... Но обратимся снова къ вашему дѣлу.

Онъ уже безъ смущенія подвинулся къ Долоресъ.

— Покажите еще разъ документъ....

Онъ вынулъ изъ кармана увеличительное стекло и павелъ его на подписи и печать документа.

— Подписи несомнѣнны; печать—также, у васъ все въ порядкѣ, а у миссисъ Деваржъ, очевидно, документъ фальшивый.

— Я съ вами не согласна,—сказала Долоресъ спокойно.

— Почему?

— Предполагая, что тотъ документъ схожъ съ этимъ въ подробностяхъ...

— Но это ничего не доказало бы,—перебилъ онъ ее.—Выслушайте меня: въ то время, когда былъ выданъ этотъ документъ, лежали въ таможнѣ цѣлыя стопы подобныхъ грамотъ, уже подписанныхъ губернаторомъ, только нуждавшихся въ заполненіи нѣкоторыхъ пробѣловъ, чтобы получить законную силу. Эта Деваржъ могла достать такой же документъ, такъ же какъ и многіе другіе—со времени владычества американцевъ; но она поступила очень неосторожно;—мнѣ извѣстны руки всѣхъ переписчиковъ и клерковъ, такъ какъ я долгое время находился между ними... Выставьте меня свидѣтелемъ, я, донна Долоресъ...

— Вы забываете,—прервала она хладнокровно,— что я не желаю утверждать этотъ документъ законнымъ порядкомъ... Онъ можетъ быть и поддѣльный, если всякій могъ фабриковать подобную бумагу... Вы говорите, что вамъ знакомы руки переписчиковъ; такъ укажите, кто писалъ эту бумагу?

Перкинсъ схватилъ бумагу и пробѣжалъ ее.

— Странно!—пробормоталъ онъ.—Это писано какимъ-то новымъ клеркомъ... Почеркъ совершенно мнѣ незнакомый. А это что такое?... поправка числа... и совсѣмъ другою рукою... я видѣлъ этотъ почеркъ... Но гдѣ, въ какой именно конторѣ?

Онъ остановился и провелъ рукою по волосамъ, какъ бы припоминая что-то.

— Но почему вы думаете, что бумага фальшивая?—спросилъ онъ внезапно.

— Потому, что, если та женщина пріобрѣла свой документъ преступнымъ путемъ то могъ найтись человѣкъ, который подсунулъ фальшивый документъ въ бумаги умершаго человѣка, чтобы помѣшать ей добиться успѣха, не подвергая ее въ то же время тяжкой отвѣтственности.

— Но кто же могъ это сдѣлать?

— Быть-можетъ, братъ или мужъ... вообще не вѣрующій въ то, что настоящая... Грэсъ Конрой пропала навсегда.

— Ну, нѣтъ, изъ одной гуманности врядъ ли бы кто-нибудь рискнулъ поддѣлать бумагу. И почему же ее подсунули именно вамъ?

— Потому, что меня знаютъ за богатую и... и справедливую женщину,—добавила она съ замѣшательствомъ, но и съ гордостью, поразившею Перкинса.

— Но развѣ можно допустить, чтобы эта женщина не обсудила заранѣе все pro и contra?.. Едва ли!—возразилъ онъ.

— Это, можетъ-быть, месть отвергнутаго обожателя,—сказала Долоресъ съ загадочнымъ выраженіемъ лица.

Перкинсъ быстро вскочилъ.

— Да, это можетъ быть,—пробормоталъ онъ;—я бы самъ такъ поступилъ... Сюда кто-то идетъ... Поручите мнѣ все дѣло... или по крайней мѣрѣ, довѣрьте на время хоть эту бумагу; я узнаю всѣ подробности и сообщу ихъ вамъ... Благодарю васъ!.. Я тоже сильно заинтересовался этой путаницею,—добавилъ онъ съ странною улыбкою,— Adios, dona Dolores!

Ей хотѣлось предложить ему еще вопросъ, но въ это мгновенье за окномъ раздался стукъ экипажа, и Перкинсъ удалился.

Вслѣдъ за тѣмъ вошла въ комнату смѣющаяся, кокетливая донья Марія Сепульвида.

— Ну,—сказала она, протягивая руку Долоресъ, ты—невѣста Христова—принимаешь больше посѣтителей, чѣмъ свѣтская дама; возлѣ воротъ стоятъ молодые мужчины, а отъ тебя сейчасъ вышелъ препротивный селадонъ... Кто это? адвокатъ?.. Ну, это ужъ черезчуръ!.. У меня, по крайней мѣрѣ, только одинъ.

— За то этотъ одинъ, вѣроятно, дѣльнѣе моихъ многихъ,—отвѣтила Долоресъ, обмахивая вѣеромъ раскраснѣвшіяся щеки доньи Маріи.

— О, конечно!—возразила она, прищуривая глаза.—И вотъ я привезла тебѣ послѣднюю новость... Но скажи сперва, кто этотъ дерзкій юноша у тебя на дворѣ?—Ужъ не клеркъ ли этого стараго адвоката?

— Можетъ-быть, что его и дожидался клеркъ,—отвѣтила она.—Разскажи скорѣе новость.

Но донья Марія подбѣжала къ окну.

— Нѣтъ; адвокатъ уѣзжаетъ одинъ, а франтикъ еще здѣсь.

Долоресъ овладѣлъ внезапный страхъ: Викторъ осмѣлился явиться! Она выглянула изъ-за оконной занавѣси, но это былъ не Викторъ.

Глаза ея встрѣтились съ черными глазами Гамлина.

— Я не знаю кто это такой,—сказала Долоресъ.

— Ну, вѣрю тебѣ... Значитъ, это меня преслѣдуютъ.

— Ну, что же?—спросила Долоресъ съ любопытствомъ.

— Что такое—что же?—произнесла донья Марія полувесело, полусмущенно.

— Разсказывай же свою новость!

— Ахъ, да!—проговорила донья Марія немного насмѣшливо. Дѣло покончено.

— Серьезно?

— Да, онъ былъ сегодня у меня.

— И просилъ твоей руки?—спросила донья Долоресъ, открывая вѣеръ и отворачиваясь къ окну.

— Да...

— И ты отвѣтила?

— Да, отвѣтила...

— Что же?

— «Нѣтъ!»

XXIX.

Гэбріель разсуждаетъ о приличіяхъ.

Послѣ визита къ нимъ Думфи, жители Одноконнаго Стана больше уже ничему не удивлялись. Онъ, этотъ знаменитый аферистъ, удостоилъ односельчанъ своимъ присутствіемъ,—развѣ могло еще быть счастіе больше этого?! Послѣ этого распро-

странилась вѣсть объ учрежденіи компаніи, съ цѣлью добыванія серебра изъ открытаго въ Конроевой горѣ рудника.

Въ теоріяхъ относительно этого открытія не было недостатка.

Одна половина жителей поселка утверждала, что это предпріятіе затѣяно Думфи; что сей великій мужъ задался мыслію возвести поселокъ на степень второй столицы Калифорніи и поэтому «выдумалъ» рудникъ и устроилъ, при громадныхъ издержкахъ, всѣ нужныя машины и плавильни; что этотъ планъ созрѣлъ уже пять лѣтъ тому назадъ и что тогда уже Думфи выбралъ Гэбріеля своимъ орудіемъ, назначивъ ему пожизненную пенсію въ тысячу долларовъ за разрѣшеніе пользоваться его именемъ—и поэтому всякій долженъ ловить случай выгодно сбыть свои полевыя угодья, прежде чѣмъ лопнетъ этотъ грандіозный мыльный пузырь.

Другая же партія увѣряла, что вся эта афера—только дѣло случая; что мистеръ Думфи пріѣзжалъ въ Одноконный Станъ съ совершенно иною цѣлью; что онъ нечаянно встрѣтился съ Гэбріелемъ на прогулкѣ, нечаянно увидалъ страннаго вида камень и сказалъ: «это похоже на кусокъ серебряной руды»; Гэбріель засмѣялся, а Думфи тогда серьезно спросилъ: «не продадите ли вы мнѣ эту землю за семнадцать милліоновъ?» Гэбріель же, дуракъ, принялъ его предложеніе и продалъ за безцѣнокъ рудникъ, стоимостью въ 150 милліоновъ.

Какъ бы то ни было, а посѣщеніе мистера Думфи имѣло то же дѣйствіе на колонію, какъ плодотворный дождь; это вызвало въ ней неусыпную дѣятельность, и новыя постройки стали расти какъ грибы.

У подножія горы былъ заложенъ фундаментъ громадной Конроевской плавильни. Скромная кухмистерская миссисъ Маркль уже не могла больше удовлетворять требованіямъ увеличивавшейся колоніи, и тогда была выстроена большая гостиница.

Слѣдуетъ упомянуть о другомъ еще признакѣ прогресса въ поселкѣ, а именно: объ ежедневной въ немъ газетѣ, въ которой сообщались всѣ новости, среди которыхъ было напечатано и упомянутое происшествіе.

Въ виду всѣхъ этихъ нововведеній и все болѣе утончавшагося вкуса, оказалось нужнымъ измѣнить неблагозвучное названіе колоніи «Одноконный Станъ» на болѣе громкое и пріятное для слуха — «Сильвероноль», что одно только и не было еще приведено въ исполненіе.

Должность главнаго управляющаго полуоткрытаго рудника — самая главная и отвѣтственная — была передана Гэ-

FIRST POPULAR PUBLIC LIBRARY

бріелю, который, однако, поставилъ вмѣсто себя какого-то молодого, хитраго, бойкаго парня, самъ являясь начальникомъ лишь въ случаѣ нужды, а въ остальное время работая вмѣстѣ съ прочими рудокопами.

Компанія не очень-то довѣряла его административнымъ способностямъ, но не могла игнорировать его громадное нравственное вліяніе на рабочихъ, пріобрѣтенное имъ своими демократическими воззрѣніями и своею любовью къ труду. Больше же всего нравилось знавшимъ его прежде рудокопамъ то, что онъ нисколько не перемѣнился оттого, что ему повезло. Съ не малою гордостью они указывали не этого скромнаго, безпритязательнаго богатыря всѣмъ посѣтителямъ и разсказывали, что онъ работаетъ съ ними заодно, хотя и имѣетъ семнадцать милліоновъ, да кромѣ того и половину рудника. Богатство, доставшееся ему такъ неожиданно, казалось, подавляло его своею тяжестью, такъ что онъ чувствовалъ себя облегченнымъ и свободнымъ только тогда, когда работалъ попрежнему безъ отдыха. Онъ всегда старался избѣгать разговора объ этомъ богатствѣ, что еще болѣе подтверждало догадку тѣхъ людей, которые видѣли въ немъ лишь орудіе Питера Думфи.

Въ особенности бросалось въ глаза то, что населеніе Одноконнаго Стана приписывало Гэбріелю только самое небольшое участіе въ увеличивавшемся благоденствіи колоніи; оно даже не признавало и жену его участницей. «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что власть ея надъ Гэбріелемъ происходитъ вслѣдствіе женской хитрости и красоты ея», такъ говорили про нее. Никто не сомнѣвался въ томъ, что эта бабочка, согрѣтая солнцемъ счастія, станетъ теперь перелетать съ цвѣтка на цвѣтокъ, вмѣстѣ съ съ милліонами Гэбріеля, а затѣмъ совершенно скроется съ ними изъ виду всего поселка и своего дурака-супруга.

Гэбріель неоднократно слышалъ это пророчество, но относился къ нему совершенно равнодушно, на что смотрѣли съ полупрезрительною, полусожалѣющею улыбкою; его абсолютную нечувствительность къ ея двусмысленной репутаціи сочли за безнадежность сознательнаго рогоносца. Даже м-съ Маркль, не имѣвшая успѣха въ своихъ попыткахъ умиротворить Олли, держалась того мнѣнія, что въ домашнемъ быту Гэбріеля безусловно властвуетъ миссисъ Конрой.

Однако, помимо этихъ мрачныхъ предсказаній, миссисъ Конрой не обнаруживала никакого желанія улетѣть. Съ обычною въ той странѣ быстротою, былъ выстроенъ по ея желанію еще новый домъ, стѣны котораго наполняли всю окрестность сладкимъ смолистымъ запахомъ. Вкусъ миссисъ Конрой убралъ его воздушными кисейными занавѣсками и красивыми

коврами; а братская любовь Гэбріеля доставила сюда піанино для Олли, вмѣстѣ съ чѣмъ была приглашена и учительница.

Сюда приходили лучшіе граждане округа, чтобы удостовѣриться въ любезности и прелестяхъ хозяйки: почетный гражданинъ мистеръ Бланкъ обѣдалъ у нея проѣздомъ; его высокородіе, судья Бислинджеръ, разсказывалъ въ ея гостиной свои анекдоты; полковникъ Старботтль красовался у ея стола своею мощною грудью и, простившись съ нею, увезъ съ собою не только пріятное воспоминаніе объ ея красотѣ, но и высокое мнѣніе о своей собственной притягательной силѣ.

Гэбріеля можно было встрѣтить дома не иначе, какъ во время обѣда и ночью; если же Олли иногда и случалось упросить его остаться еще на часокъ послѣ обѣда, то онъ постоянно садился на балконъ, боясь закоптить обои и занавѣски своею трубкою.

Самымъ любимымъ мѣстомъ Гэбріеля была его прежняя хижина, стоявшая теперь пустою и быстро приближавшаяся къ полному разрушенію; тѣмъ не менѣе онъ упорно отказывался ее срыть. Онъ часто сидѣлъ по вечерамъ у покинутаго очага и въ раздумьи курилъ свою трубку, просто вслѣдствіе силы привычки къ одиночеству.

Онъ пришелъ въ это время къ тому убѣжденію, что нѣкоторое различіе въ образѣ мыслей и во вкусахъ, замѣчаемое имъ еще прежде, неминуемо должно будетъ привесть его къ разлукѣ съ Олли—для ея же пользы. Съ свойственною ему откровенностью, онъ часто высказывалъ это ей, хотя ему при этомъ было ужасно больно на душѣ. Когда ея учительница музыки однажды вѣжливо пригласила его удостовѣриться лично въ успѣхахъ дѣвочки, то онъ просто отвѣтилъ ей: «Мнѣ кажется, миссъ, что я не долженъ въ это вмѣшиваться; пусть она продолжаетъ, не спрашивая моего мнѣнія, которое не можетъ имѣть для нея никакой цѣны». Въ другой разъ онъ встрѣтилъ Олли, шедшую вмѣстѣ съ подругами, пріѣхавшими къ ней изъ Сакраменто; въ немъ вдругъ пробудилось сознаніе, что его неуклюжая фигура и неповоротливый умъ могутъ лишь компрометировать сестру, и онъ далеко обошелъ эту веселую компанію.

Съ другой стороны казалось, что и Олли, ослѣпленная новымъ положеніемъ и тѣмъ всеобщимъ уваженіемъ, которое дается богатству, все меньше и меньше стала обращать вниманія на брата. Она удовлетворялась тѣмъ сознаніемъ, что и онъ пріобрѣлъ себѣ значеніе, хотя и поверхностное, въ средѣ товарищей и знакомыхъ.

При ея страшномъ честолюбіи и все болѣе расширявшемся умственномъ кругозорѣ, не было ничего удивительнаго въ

томъ, что простые пріемы необразованнаго брата сильно начали ее раздражать, между тѣмъ какъ прежде они вовсе не задѣвали ее. Такимъ образомъ пропасть, начавшая раздѣлять брата и сестру, увеличивалась между ними съ каждымъ часомъ, пока миссисъ Конрой не была пріятно поражена сообщеніемъ Гэбріеля, что онъ нашелъ возможнымъ отдать Олли въ одинъ пансіонъ въ Сакраменто, при чемъ еще намекнулъ, что послѣ того выполнитъ свое данное ей—женѣ—обѣщаніе проѣхаться съ нею по Европѣ.

Такъ какъ такому простяку, каковъ былъ Гэбріель, положительно было невозможно держать что-либо въ тайнѣ, то Олли знала хорошо его намѣренія и ждала только ихъ формальнаго объявленія съ его стороны. Начавъ разъ критиковать его, она злилась на него за серьезный тонъ, которымъ онъ обыкновенно начиналъ объяснять то, что давно ужъ было всѣмъ извѣстно, но о чемъ онъ постоянно забывалъ.

Однажды Гэбріель прогуливался съ нею въ лѣсу, и наконецъ они дошли до брошенной хижины. Тутъ онъ остановился; Олли оглянулась и пожала плечами.

Гэбріель, наблюдавшій и понимавшій каждое ея движеніе, замѣтилъ и это.

— Здѣсь очень некрасиво, Олли,—началъ онъ, потирая руки:—но мы провели въ этой дрянной хижинѣ очень счастливые дни. Ты не помнишь больше о тѣхъ вечерахъ, когда я приходилъ съ работы и чинилъ твои платья, между тѣмъ какъ ты уже спала? Не помнишь больше, какъ я штопалъ твои чулки?

При этихъ словахъ онъ громко, но не безъ нѣкотораго смущенія, разсмѣялся.

Олли тоже засмѣялась, но какъ-то принужденно, и скользнула взглядомъ по своей фигуркѣ. Гэбріель поймалъ этотъ взглядъ. Да, теперь трудно было узнать въ ней ту бѣдную сироту, которая еще такъ недавно—а ему казалось, что съ тѣхъ поръ протекли столѣтія!—сидѣла въ этой хижинѣ у его ногъ и слушала его сказки.

Всматриваясь теперь въ ея лицо, онъ замѣтилъ, что еще одна давно лелѣянная надежда исчезаетъ,—та надежда, что она со временемъ будетъ похожа на Грэсъ и такимъ образомъ поддержитъ память объ этой пропавшей сестрѣ.

Олли не хотѣла помнить о тѣхъ временахъ, на которыя намекалъ Гэбріель; но видъ этой хижины пробудилъ въ ней совершенно другое воспоминаніе:

— А ты помнишь еще, Гэбъ,—проговорила она торопливо,—когда сестра Юлія внезапно явилась въ первый разъ на по-

рогѣ этой двери? Боже! какъ мы тогда оробѣли!.. Если бы мнѣ въ ту минуту кто сказалъ, что ты женишься на ней, то... то я убила бы его,—брякнула она, послѣ напрасныхъ попытокъ подыскать болѣе приличное выраженіе.

Гэбріель, которому это сочетаніе мыслей не понравилось, перескочилъ вдругъ отъ сентиментальности къ теоріямъ приличій.

— Молодой дѣвушкѣ не слѣдуетъ говорить, будто она способна убивать людей,—сказалъ онъ немного рѣзко, но тотчасъ же добавилъ мягче: для меня-то это ничего, но если бы твои учительницы и благовоспитанныя подруги услышали отъ тебя подобныя слова, то это было бы не очень красиво... Сядь на минутку, Олли, мнѣ надо тебѣ сказать одну вещь.

Онъ взялъ ее за руку и усадилъ вмѣстѣ съ собою на огромный камень, прежде служившій его старой хижинѣ крыльцомъ.

— Надѣюсь, что ты еще помнишь,—началъ онъ, играя ея рукою,—какъ я тебѣ говорилъ, что я намѣренъ сдѣлать въ случаѣ, если найду рудникъ: первое было—дать тебѣ хорошее воспитаніе; второе—отыскать Грэсъ, если только она еще находится въ живыхъ. Послѣднее можно было начать еще раньше и различными путями, но между ними не было ни одного удобнаго, и моментъ не былъ подходящій. Я всегда предполагалъ, что она сама найдетъ меня, если только она узнаетъ какимъ-либо образомъ, гдѣ я живу... Я могъ бы обратиться за помощью къ другимъ людямъ, которые очень опытны въ подобнаго рода дѣлахъ, но я не захотѣлъ и этого; а знаешь ли, почему?

Олли нетерпѣливо покачала головой.

— Потому, что она всегда дичилась и боялась чужихъ; ты этого не можешь знать, Олли, такъ какъ ты была слишкомъ молода, чтобы это замѣтить; да и понять ея ты не можешь, потому что ты никогда не робѣла и не боялась никого и ничего... А она, къ тому же еще, имѣла много причинъ быть застѣнчивой,—причинъ, которыхъ важность тебѣ показалась бы сомнительною.

— Ты думаешь, Гэбъ,—брякнула она опять,—что она была застѣнчива, потому что убѣжала съ любовникомъ?

Даже болѣе опытные знатоки человѣческой натуры, чѣмъ Гэбріель, нерѣдко бывали приводимы въ смущеніе быстрою понятливостью дѣтей, такъ что нечего удивляться ужасу, овладѣвшему имъ при этихъ словахъ. Онъ положительно не зналъ, что сказать.

— Ну, что же ты предпринялъ?—спросила Олли нетерпѣливо.

Гэбріель глубоко вздохнулъ.

— Такъ какъ Грэсъ имѣла основательныя причины быть застѣнчивой,—причины, имѣвшія отношеніе къ наслѣдству нашихъ родителей,—продолжалъ онъ смѣло и не особенно логично, не обращая вниманія на замѣчаніе Олли,—то я былъ того мнѣнія, что я самъ, а не кто-нибудь чужой, долженъ ее розыскать. Мнѣ было извѣстно, что она не въ Калифорніи, а то непремѣнно должно бы было ей попасть на глаза хоть одно изъ множества разосланныхъ мною повсюду объявленій,—такъ что же я сдѣлалъ?— Въ Нью-Іоркѣ издается газета, называемая «Herald»; въ этой газетѣ печатаются тоже объявленія, но только для людей, живущихъ гдѣ-нибудь очень далеко. Эти объявленія пишутся отцами къ сыновьямъ, мужьями къ женамъ и братьями къ сестрамъ, если они какъ-нибудь потеряли другъ друга изъ вида.

— А дѣвочки пишутъ ихъ къ своимъ милымъ дружкамъ,— перебила Олли живо.—Я знаю.

Гэбріель опять онѣмѣлъ отъ ужаса.

— Ну, да; это называется вовсе не объявленіями, а личными замѣтками... О, я знаю ихъ наизусть. Дѣвушки пріобрѣтаютъ себѣ черезъ нихъ любовниковъ, Гэбъ!

Гэбріель поднялъ глаза къ голубому своду небесъ; къ его величайшему изумленію, сводъ этотъ не рухнулъ на эту грѣшницу, даже не помрачился... Стоило ли еще продолжать? Могъ ли онъ еще сообщить что-либо этой странной дѣвочкѣ, чего она не знала бы лучше его?

— Я напечаталъ одну изъ такихъ замѣтокъ,—продолжалъ онъ все-таки, хотя и неохотно,—въ такомъ родѣ...

Онъ снова остановился, долго рылся въ своихъ карманахъ, вытащилъ, наконецъ, вырѣзку изъ газеты и началъ читать замѣтку медленно и тихо:

«Если Г. К. намѣрена извѣстить своихъ глубоко огорченныхъ родныхъ о своемъ мѣстопребываніи, то она очень обрадовала бы этимъ стараго Гэба. Я тогда пріѣду за ней и привезу ее къ Олли, которая ей очень обрадуется. Если Г. К. больна или не хочетъ пріѣхать къ своимъ роднымъ, то просятъ ее написать, по крайней мѣрѣ. Г. К.—Г. К. здоровъ и бодръ, какъ всегда; Олли также. Все обстоитъ благополучно. Просятъ адресовать Г. К. въ Одноконный Станъ въ Калифорніи».

— Мнѣ кажется, что эта замѣтка не очень хорошо написана; въ особенности же смыслъ ея затемняется частымъ повтореніемъ «Г. К.»,—сказала Олли.

— Не безпокойся: она пойметъ ее,—торопливо возразилъ Гэбріель.—Юлія была того же мнѣнія, какъ и ты, когда я показалъ ей эту замѣтку; но я сказалъ ей то же самое, что говорю и тебѣ, что Грэсъ пойметъ эти слова; она вѣдь знаетъ, что у насъ съ нею одинаковыя начальныя буквы именъ. А если чужіе посмѣются надъ этою замѣткою, то что же за бѣда?.. Она, впрочемъ, ужъ достигла своей цѣли,—добавилъ онъ довѣрчиво, притягивая сестру къ себѣ.—Я получилъ отвѣтъ.

— Отъ Грэсъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, смутившись немного.—Не прямо отъ Грэсъ... то-есть... да, вотъ, читай лучше сама...—и онъ подалъ ей другую газетную вырѣзку.

Олли жадно схватила бумажку и прочла слѣдующее:

«Г. К. Не жди больше пропавшую; она никогда больше не вернется. Заботься объ оставшейся. Будь счастливъ. Ф. А.»

Олли перевернула бумажку во всѣ стороны и спросила, наконецъ, запальчиво и вся покраснѣвъ:

— И это все?

— Все. Такой короткій отвѣтъ совершенно въ ея манерѣ.

— Хорошая манера!—воскликнула Олли, сжавъ свой крошечный кулакъ и ударивъ имъ о камень.—Манера эта доказываетъ страшную безсердечность, и я готова повторить это мнѣніе этому «Ф. А»... этому Филиппу Ашлею, если бъ я увидѣла его!

Странное выраженіе, которое рѣдко замѣчалось на добродушномъ лицѣ Гэбріеля, исказило его черты, когда онъ спокойно протянулъ руку и взялъ бумажку обратно.

— А я уѣзжаю,—произнесъ онъ коротко.

— Уѣзжаешь?—спросила Олли.

— Да, на востокъ, въ Нью-Іоркъ. Юлія ѣдетъ со мною. Юлія говоритъ, а она умная женщина, что этотъ мальчишка навѣрное находится въ Нью-Іоркѣ, гдѣ проживаютъ всѣ, подобные ему... Вотъ объ этой-то поѣздкѣ я и хотѣлъ переговорить съ тобою, Олли... Насъ съ тобою разлучаетъ моя обязанность къ Грэсъ и также къ тебѣ. Было бы очень несправедливо, если бы я сталъ таскать тебя съ собою, не давъ тебѣ образованія; поэтому я отдамъ тебя въ пансіонъ въ Сакраменто, пока не вернусь... Слышишь, Олли?

— Слышу,—отвѣтила она, устремивъ свои ясные глаза на брата.

— Ты не должна тосковать обо мнѣ, когда я уѣду... И скажу еще, что хорошо было бы, если бы ты забыла весь Одноконный Станъ и всѣхъ живущихъ въ немъ... Я хочу сдѣлать изъ тебя лэди, и мнѣ было бы весьма непріятно, если бы кто изъ здѣшнихъ попрекнулъ тебя прошлымъ... Я хочу сказать тому мальчишкѣ: ты не смѣй судить о всѣхъ Конрояхъ по мнѣ, потому что мужскіе члены этой фамиліи только велики ростомъ, а пусты вотъ здѣсь (онъ указалъ на лобъ); но въ Калифорніи есть у насъ маленькая леди, которая теперь то, чѣмъ могла бы быть Грэсъ, если бы она тоже получила хорошее воспитаніе; ступай, поговори съ этою маленькой леди, тогда ты увидишь, что я не солгалъ тебѣ... Вотъ что я скажу ему, Олли; надѣюсь, разумѣется, что ты не сдѣлаешь своего стараго Гэба лгуномъ, и что ты будешь свѣдуща въ разныхъ тамъ астрономіяхъ и философіяхъ или какъ ихъ тамъ называютъ... кажется, что такъ.

— Но, скажи-ка, Гэбъ, стоитъ ли гнаться за Грэсъ, если она сама не желаетъ вернуться къ намъ?— спросила Олли рѣзко.

— Ты не должна буквально понимать эти личныя замѣтки; онѣ похожи на загадки. Въ той хотя и сказано, что Г. К. никогда не вернется, но вѣдь можетъ же быть, что это совершено другая Г. К.—поняла?—или, можетъ-быть, она ужъ носитъ другое имя,—поняла?

— Послѣднее можетъ быть,—она, навѣрное, замужемъ.

— Ну, да,—отвѣтилъ Гэбріель, покраснѣвъ немного.

— Но если это серьезно другая Г. К.?

— Нѣтъ, едва ли... Я сначала такъ подумалъ, но теперь вижу, что это глупая мысль... Юлія тоже такъ говоритъ,—отвѣтилъ онъ, снова смутившись.

Олли все еще казалась неубѣжденною.

— Но что же означаютъ слова: «Заботься объ оставшейся»?

— То, что я долженъ заботиться о тебѣ,— отвѣтилъ онъ живо.—Грэсъ всегда думала больше о другихъ, чѣмъ о себѣ, и, навѣрное, теперь то же дѣлаетъ.

— Ну, хорошо; я останусь, а ты уѣдешь; но что же ты предпримешь безъ меня?

Гэбріель промолчалъ. Заходящее солнце прямо ударяло ему въ лицо и ослѣпляло его до того, что онъ былъ принужденъ закрыть себѣ глаза кудрями Олли, крѣпко держа ея голову обѣими руками.

Послѣ продолжительной паузы онъ сказалъ:

— Хочешь знать,—почему я такъ люблю эту старую хижину и этотъ холодный очагъ?

— Да,— отвѣтила Олли, глаза которой были полны слезъ—вѣроятно, тоже вслѣдствіе яркаго солнечнаго свѣта—и которая поэтому была рада, что нашелся предлогъ отвернуться отъ брата, чтобы глядѣть на хижину.

— Люблю не потому, что провелъ въ этой хижинѣ такъ много счастливыхъ часовъ... не будемъ больше объ этомъ думать... нѣтъ, но потому что именно въ этомъ мѣстѣ я сдѣлалъ первый ударъ заступомъ; люди говорятъ, что я началъ сперва работать тамъ, гдѣ затѣмъ открылъ рудникъ, но это ложь... Мнѣ часто кажется, Олли, будто первый ударъ заступомъ принесъ мнѣ больше счастія, чѣмъ я когда-либо дождусь отъ всего своего богатства... Однако пойдемъ, Олли, пойдемъ! Юлія, навѣрное, ужъ безпокоится о насъ... Боже! вотъ тамъ идетъ какой-то господинъ... онъ приближается сюда, мнѣ почти совѣстно итти въ такомъ костюмѣ рядомъ съ тобою.— Слушай, Олли, ему не надо знать, что мы братъ и сестра... Пойдемъ!

Несмотря на поспѣшность Гэбріеля, незнакомецъ увидѣлъ его и прямо подошелъ къ нему.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ тутъ Большая Конроевская гостиница?—спросилъ онъ вѣжливо.

Этотъ господинъ вполнѣ былъ способенъ возбудить въ Одноконномъ Станѣ и уваженіе и любопытство: Гэбріель въ его присутствіи съ особенною силою почувствовалъ всю непредставительность своей наружности. Незнакомецъ былъ одѣтъ весьма элегантно, хотя и не по послѣдней модѣ.

При вопросѣ незнакомца, Гэбріель съ ужасомъ замѣтилъ, что Олли старается освободиться отъ его руки, которою онъ крѣпко держалъ ее.

— Идите все впередъ по этой тропинкѣ, тогда вы очутитесь на Главной улицѣ, которая доведетъ васъ до гостиницы. Я бы съ удовольствіемъ проводилъ васъ, но мнѣ поручили вотъ эту барышню,—сказалъ Гэбріель, при каждомъ словѣ сжимая до боли руки Олли;—а такъ какъ она принадлежитъ къ весьма благородному семейству, то мнѣ зададутъ жаркую баню, если я не приведу ее домой во-время... Виноватъ, миссъ, но вѣдь я говорю правду.

Опасаясь дать Олли поводъ обличить его во лжи, онъ поспѣшно удалился съ нею и вскорѣ исчезъ въ тѣни сосенъ, покрывавшихъ Конроеву гору.

XXX.

Неожиданные посѣтители Большой Конроевской гостиницы.

Большая Конроевская гостиница имѣла ту особенность, что содержалась достаточно опрятно. Въ ней было очень тихо; даже административная дѣятельность миссисъ Маркль и ея помощницы совершалась безъ всякаго шума; ихъ даже рѣдко было видно, такъ какъ онѣ показывались только нѣкоторымъ изъ особенно почетныхъ и старинныхъ посѣтителей. Тутъ была общая зала съ зеркалами и картинами въ богато вызолоченныхъ рамахъ, съ изящною обитою краснымъ плисомъ мебелью, съ таковыми же драпри и съ мягкими пушистыми коврами, заглушавшими каждый шагъ; страннымъ образомъ жители Одноконнаго Стана чувствовали себя крайне стѣсненными въ этомъ роскошномъ салонѣ, и они заглядывали въ него лишь на самое короткое время.

Миссисъ Маркль и Салли имѣли и свою приватную гостиную, въ которую имѣли доступъ лишь самые избранные гости. Между этими немногими счастливцами находился и адвокатъ Максвеллъ. Онъ былъ вдовцомъ и питалъ, какъ говорили знавшіе его, самое циническое недовѣріе къ прекрасному полу, вслѣдствіе чего часто подвергался опасности.

Миссисъ Маркль было извѣстно, что Юлія Конрой была его кліэнткой, и что ее свелъ съ Гэбріелемъ несчастный случай въ дорогѣ, когда она ѣхала къ Максвеллу по дѣламъ; но все-таки она никакъ не могла избавиться отъ мысли, что между супругами существовало знакомство еще гораздо раньше, несмотря даже на то, что мистеръ Максвеллъ увѣрялъ ее, что этого не было, а знакомство началось именно во время того случая. Онъ смѣло могъ увѣрять въ этомъ кого хотѣлъ, не рискуя быть обвиненнымъ въ нескромности относительно своей прежней кліэнтки, такъ какъ онъ во всемъ остальномъ былъ весьма молчаливъ и говорилъ только, что она пользовалась его совѣтами въ дѣлѣ какого-то давнишняго наслѣдства со стороны умершаго въ Европѣ дяди. Однажды онъ проговорился и назвалъ ее Грэсъ Конрой, въ присутствіи все той же миссисъ Маркль. Она пытливо взглянула на него.

— Я хотѣлъ сказать — миссисъ Конрой,—поправился онъ торопливо.

— Грэсъ... Гмъ!.. Кажется, пропавшую его сестру звали Грэсъ, не такъ ли?—спросила она.

— Да,—отвѣтилъ онъ, немного смутившись.—Развѣ онъ разсказывалъ о ней?

— Нѣтъ,—отвѣтила она откровенно:—мы съ ними разговаривали только о самыхъ обыденныхъ предметахъ; но мнѣ говорила о ней Олли, и, судя по ея словамъ, эта сестра была единственнымъ женскимъ существомъ, когда-либо любимымъ имъ.

— Но мнѣ кажется,—замѣтилъ адвокатъ,—что миссисъ Конрой вполнѣ замѣняетъ ему сестру.

— Никогда! эта хитрая эгоистка вовсе ему не пара,— отвѣтила она торопливо.

— Опасаюсь, что вы слишкомъ несправедливы къ ней,— возразилъ онъ.—Впрочемъ, нельзя удивляться тому, что двѣ красавицы не могутъ правильно оцѣнить одна другую.. Позвольте узнать, почему вы считаете ее хитрою эгоисткою?

— Хитрою я называю ее потому, что она вышла замужъ за этого простяка Конроя, который, нѣвѣрное, не женился бы на ней, если бъ она сама не кинулась ему на шею; ну, а эгоизмъ ея проглядываетъ во всей ея особѣ, если только взглянуть на нее повнимательнѣе.

Мистеръ Масквеллъ приписалъ это невыгодное мнѣніе миссисъ Маркль о Юліи Конрой не только общей женской слабости, но и ревности ея къ соперницѣ, поэтому онъ отвѣтилъ довольно рѣзко:

— Ну, а что скажете вы на то, что эта простота, быть можетъ, не что иное, какъ маска? И что, напротивъ, онъ обошелъ ее?

— Онъ?!—повторила она съ гнѣвомъ,—Гэбріель! Полноте. Вы, адвокаты, имѣете глупую привычку подозрѣвать всѣхъ, не подающихъ повода къ подозрѣніямъ... Что вы, однако, хотѣли сказать? Зачѣмъ говорить все загадками? Что вамъ извѣстно о немъ?

— О, ничего!... Да развѣ я выразился о немъ хуже, чѣмъ вы объ его женѣ?... Я хотѣлъ только сказать, что здѣсь, въ Одноконномъ Станѣ, существуетъ одинъ дуракъ и невѣжа...

— Онъ вовсе не невѣжа!—перебила миссисъ Маркль съ живостью.

Мистеръ Максвеллъ улыбнулся.

— Ну, такъ назовемъ его хоть просто простякомъ... Этотъ простякъ открылъ громадный рудникъ и сумѣлъ уговорить тончайшаго перваго плута—капиталиста во всей Калифорніи—управлять этимъ рудникомъ; сумѣлъ сдѣлать все это, напередъ заручившись богатою наслѣдницею женою, не давъ даже никому взглянуть на нее, пока не обвѣнчался. Неужели онъ

PUBLIC LIBRARY
ПЕРВАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА

поступилъ такъ по простотѣ? Я знаю, однако, по опыту, что простякамъ чрезвычайно рѣдко достается подобное счастье.

— Еще не доказано, что онъ считаетъ это для себя счастьемъ,—отвѣтила миссисъ Маркль съ торжествующею миною, оставляя мистера Максвелла одного.

Вѣроятнѣе всего, что нелюбовь миссисъ Маркль къ женѣ Гэбріеля имѣла своимъ главнымъ источникомъ сплетни Салли, которая посвятила себя шпіонству за Конроями; одиночество Гэбріеля, его частыя посѣщенія старой хижины, число и, если можно такъ выразиться, качество посѣтителей миссисъ Конрой, даже нѣкоторые отрывки разговоровъ ея съ этими посѣтителями—все это было хорошо извѣстно Салли; разумѣется, она передавала эти подробности миссисъ Маркль всегда съ прибавленіями и прикрасами. Откровенность ея дошла до того, что когда одинъ изъ посѣтителей навелъ, во время завтрака, разговоръ на Конроя, то она передала ему все, что только знала о немъ и объ его семействѣ, хотя видѣла разспрашивавшаго только въ первый разъ.

Говорятъ, будто что-то особенное въ наружности и манерахъ этого господина повліяло на впечатлительную натуру цѣломудренной Салли и развязало ей языкъ, но едва ли это предположеніе основательно. Если она и старалась угождать ему больше, чѣмъ другимъ посѣтителямъ, то это скорѣе можно приписать тому обстоятельству, что онъ повидимому былъ столичный житель и принадлежалъ къ высшему кругу. Салли рѣшила, что въ немъ есть что-то италіанское.

Рискуя даже быть обвиненными въ нескромности, мы все-таки не можемъ удержаться, чтобы не сообщить читателю часть разговора его съ Салли.

— Я не люблю ни пышекъ ни яблочныхъ пирожковъ,— началъ Викторъ (это былъ онъ); но чашку кофе, подслащеннаго вашими небесными взорами и поданнаго этими прелестными ручками, которыя я почтительно цѣлую, я выпью съ удовольствіемъ... Такъ вы серьезно думаете, что миссисъ Конрой несчастна?... О, вы умная, очень умная и дальновидная миссъ! Я бы ни за что въ мірѣ не желалъ быть предметомъ вашей критики.

— Ну, если Господь даровалъ намъ глаза, чтобы ими видѣть, такъ намъ грѣшнымъ не подобаетъ пренебрегать этимъ даромъ,—отвѣтила Салли растерявшись отъ любезности Виктора и обливая сидѣвшаго тутъ же за столомъ судью Бислинджера соусомъ.—Нельзя же предполагать, что та женщина счастлива съ мужемъ, когда говоритъ ему: «это мой домъ и моя земля; можешь убраться отсюда!» Если бъ я не слышала этого слу-

чайно своими собственными ушами, то не повѣрила бы, что она гнала его какъ собаку... А еще говорятъ, что она леди! Хороша леди, которая смотритъ съ пренебреженіемъ на другихъ людей, ничуть не хуже ея и которымъ нѣтъ необходимости выходить замужъ, хотя имъ и дѣлали тысячу предложеній...

— Вы совершенно правы,—сказалъ Рамирецъ;—это дѣйствительно печально, но тс... кто это?

Восклицаніе Рамирецъ относилось къ господину, который встрѣтился вечеромъ съ Гэбріелемъ и выходилъ теперь изъ столовой, между тѣмъ какъ до этого сидѣлъ въ сторонѣ отъ Виктора, почему раньше и не былъ имъ замѣченъ.

Взглянувъ на него, Викторъ съ неудовольствіемъ узналъ въ немъ англичанина - переводчика, но успокоился, когда Салли шепнула, что это приглашенный кѣмъ-то свидѣтель въ какомъ-то процессѣ.

— Что же касается до богатства Конроя,—продолжала она прежній разговоръ,—то о немъ говорятъ различно. На прошлой недѣлѣ у насъ останавливались господа, которые осматривали рудникъ Гэбріеля и нашли, что онъ истощится меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ; я же прибавлю, что Думфи недаромъ продалъ свою половину, и что Конрой также недаромъ уѣзжаетъ.

— Гэбріель уѣзжаетъ, миссъ Кларкъ? Не можетъ быть!— воскликнулъ Викторъ, скаля зубы и быстро мѣняясь въ лицѣ. Во всякое другое время волненіе незнакомца не ускользнуло бы отъ вниманія Салли, но его огромные зубы такъ ее плѣнили, что она не могла оторвать отъ нихъ глазъ.

«Этотъ итальянецъ улыбается, какъ ангелъ», увѣряла она послѣ миссисъ Маркль.

— Ужъ не думаете ли, что я лгу?!—отвѣтила она съ притворнымъ негодованіемъ!—Ну, что же?—это благодарность за мою откровенность!.. Доказательствомъ моихъ словъ служитъ то, что маленькую Олимпію Конрой отдали на шесть мѣсяцевъ въ пансіонъ, и что явился на его мѣсто новый главный управляющій, тотъ самый, который давеча сидѣлъ рядомъ съ вами,— въ сѣромъ сюртукѣ... Ну, что вамъ еще угодно: яблочное или клюквенное пирожное—нашего собственнаго издѣлія?.. Ни того ни другого? Неужели вы ужъ сыты?

Но Викторъ швырнулъ на столъ деньги и поспѣшно ушелъ, чѣмъ возбудилъ въ Салли опасеніе, что она обидѣла его какимъ-либо неосторожнымъ словомъ.

— Не слѣдовало бы такъ откровенничать съ нимъ,—думала она.—Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ, кажется, принялъ очень

близко къ сердцу то, что я сказала про себя—что никогда не лгу!

Съ твердымъ намѣреніемъ помириться съ этимъ «интереснымъ итальянцемъ» въ слѣдующій разъ, подавъ ему какое-нибудь особенно деликатное блюдо, Салли печально ушла въ кладовую.

Немного позже она замѣтила, что коридоръ, возлѣ номера, занятаго Викторомъ, не чисто выметенъ, и принялась сама мести его съ величайшимъ стараніемъ, пока не замѣтила къ своему величайшему неудовольствію, что номеръ хотя и отпертъ, но Виктора въ немъ нѣтъ. Еще немного спустя, она сообщила миссисъ Маркль часть своего разговора съ нимъ и добавила, что жалѣетъ теперь, отчего она не обошлась съ нимъ строже, когда онъ позволилъ себѣ говорить ей различнаго рода любезности.

Такимъ образомъ Салли хотѣла показать, будто возбудила къ себѣ постыдную страсть въ пылкой южной натурѣ. Но затѣмъ она замолкла и глубоко задумалась.

Очень вѣроятно, что теорія о поѣздкѣ Гэбріеля первоначально развилась не въ ея мозгу; вездѣ въ Одноконномъ Станѣ, начиная съ рудниковъ и кончая общею залою Конроевской гостиницы, отзывались объ этой поѣздкѣ весьма невыгодно. Въ короткое время Гэбріель лишился своей пріобрѣтенной съ такимъ трудомъ популярности; большая часть его прежнихъ товарищей сильно сомнѣвалась въ томъ, имѣлъ ли онъ право оставлять Одноконный Станъ раньше, чѣмъ приведенные имъ въ колебаніе финансовые интересы этой мѣстности снова были возстановлены по-прежнему. Газета «Сильверопольскій Вѣстникъ» обращала общее вниманіе на опасность, которая могла произойти отъ смѣны главноуправляющихъ, а именно—что акціи компаніи могутъ потерять половину своей цѣнности. Въ другомъ журналѣ — оказалось, что въ виду интересовъ города необходимъ еще органъ, не находящійся подъ вліяніемъ компаніи—явилась длинная передовая статья, въ которой строго осуждались люди, разбогатѣвшіе въ Одноконномъ Станѣ и намѣревавшіеся теперь промотать это богатство въ другихъ странахъ.

Скромный же предметъ этой ѣдкой критики, даже не знавшій, что публика интересуется всѣми его дѣйствіями и намѣреніями, между тѣмъ совершенно ужъ приготовился къ отъѣзду. Онъ отклонилъ предложеніе новаго управляющаго, желавшаго снять его домъ за высокую цѣну, а нанялъ для присмотра надежную женщину, такъ какъ онъ ожидалъ, что во время его отсутствія можетъ вернуться Грэсъ.

— Если меня будетъ спрашивать молодая, робкая, скромная дѣвушка, — сказалъ онъ по секрету этой женщинѣ, — спроситъ меня, то не надоѣдайте ей разспросами, а немедленно отведите ей лучшую комнату и дайте мнѣ знать по экстренной почтѣ. Женѣ моей... слышите ли?... не слѣдуетъ объ этомъ говорить.

Гэбріель замѣтилъ при этомъ на лицѣ своей экономки— довольно красивой женщины, которую ревность мужа заставила разойтись съ нимъ—извѣстнаго рода подозрительность и счелъ поэтому нужнымъ добавить·

— Эта весьма благородная дѣвица, запутанная въ судебное дѣло и желающая скрыть это отъ всѣхъ, исключая меня— друга ея умершаго отца.

Такимъ образомъ ему удалось окончательно убѣдить свою экономку въ полнѣйшей преступности своихъ дѣйствій. Затѣмъ онъ — тоже тайкомъ отъ жены—посѣтилъ Олли, собралъ всѣ оставшіяся послѣ матери вещи, отрѣзалъ нѣсколько лоскутковъ — Богъ вѣсть для чего!—отъ старой одежды, которую нѣкогда носила Грэсъ и которая сохранялась, какъ драгоцѣнность, и положилъ ихъ въ записную книжку. Потомъ онъ отправился въ покинутую хижину и провелъ тамъ нѣсколько часовъ, думая о томъ времени, когда онъ былъ такъ счастливъ въ этихъ простыхъ четырехъ стѣнахъ.

XXXI.

Отдыхъ мистера Думфи.

Былъ замѣчательно жаркій день, подобнаго которому не помнили даже самые старые люди. Пассатный вѣтеръ казался уснувшимъ, и весь берегъ какъ будто находился въ объятіяхъ смерти; туманъ также совершенно исчезъ; океанъ былъ неподвиженъ и имѣлъ какой-то нестерпимый для глазъ стеклянный блескъ.

Песокъ, не охлаждаемый ни малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра, жегъ пѣшеходамъ ноги.

При подобныхъ обстоятельствахъ оказывали большія услуги балконы, піаццы и веранды: всѣ, кто только могъ, сидѣли на нихъ безъ верхняго платья, отдуваясь и проклиная жару. Окна, прежде бывшія постоянно закрытыми отъ сильнаго вѣтра, теперь стояли всѣ настежь.

Быстрая, энергичная походка жителей Санъ-Франциско, спѣшившихъ, кто куда, по своимъ дѣламъ, теперь была вяла и медленна до-нельзя.

Цѣлый день катились экипажи всевозможныхъ родовъ по направленію къ морю.

Все увеличивавшаяся жара и духота сильно повліяла на мнѣнія, воззрѣнія и убѣжденія множества людей; кой гдѣ начали даже сомнѣваться въ превосходствѣ калифорнскаго климата надъ всѣми прочими.

Однако, мистеръ Думфи, сидя въ своей конторѣ, не выказывалъ ни малѣйшаго расположенія поддаться разслабляющему вліянію необыкновенной погоды. Единственную уступку, съ его стороны составляла разстегнутая рубашка безъ воротничка, что лишало его въ извѣстной степени его обычнаго величія. Но все же его внѣшній видъ былъ попрежнему внушительный, и вошедшіе въ его кабинетъ двое посѣтителей, видя великаго финансиста въ déshabillé, поспѣшили разстегнуть свои жилеты и развязать галстуки.

— Жарко!—произнесъ мистеръ Пильчеръ, извѣстный подрядчикъ.

— Да,—отвѣчалъ Думфи:—на берегу Атлантическаго океана должно быть невыносимо. Тамъ люди умираютъ сотнями отъ солнечныхъ ударовъ. Но здѣсь нѣтъ ничего подобнаго, и можно вычерпать гораздо больше, чѣмъ на востокѣ.

Защитивъ, такимъ образомъ, превосходство калифорнскаго климата, Думфи прямо перешелъ къ дѣлу, по которому, какъ онъ очень хорошо зналъ, пришли оба посѣтителя.

— Дурныя вѣсти изъ Одноконнаго Стана,—сказалъ онъ поспѣшно:—что вы имѣете предложить?

Пильчеръ, имѣвшій большое количество акцій въ компаніи конроевой руды, отвѣчалъ нерѣшительно:

— Мы слышали, что дѣло идетъ плохо.

— Чортъ знаетъ, какъ плохо!—воскликнулъ Думфи:—что вы имѣете предложить?

— Я полагаю, —продолжалъ мистеръ Пильчеръ:—что намъ остается только продать свои акціи прежде, чѣмъ распространится непріятная вѣсть.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Думфи рѣшительно.

Оба посѣтителя взглянули другъ на друга въ изумленіи.

— Нѣтъ,—продолжалъ онъ съ отрывочнымъ, сухимъ смѣхомъ, походившимъ скорѣе на логическое выраженіе мысли, чѣмъ на проявленіе веселости:—нѣтъ, мы должны удержать наши акціи. Мы съ вами знаемъ болѣе дюжины людей, которымъ мы могли бы хоть завтра спустить всѣ наши акціи. Но что изъ этого произойдетъ? Сдѣлавшись компаніонами на 400.000 долларовъ, они, конечно, захотятъ узнать, какъ обстоитъ дѣло,

и въ двадцать четыре часа убѣдятся, что ихъ провели. Это будетъ неладно и для меня, и для васъ.

Эти слова не были внушены мистеру Думфи никакими высокими чувствами благородства, правдивости или совѣстливости, но произвели впечатлѣніе на обоихъ слушателей, какъ нѣчто очень честное и благородное.

— Нѣтъ,—продолжалъ онъ:—мы должны увеличить капиталъ компаніи. Это дастъ намъ возможность удержать все дѣло въ нашихъ рукахъ, и, если впослѣдствіи правда обнаружится, то, кромѣ насъ, еще съ полдюжины людей будетъ заинтересовано въ ея сокрытіи. Черезъ полгода можно будетъ подумать о продажѣ акцій; теперь надо покупать. Вы не вѣрите? Ну, Викъ, я куплю ваши акціи по той цѣнѣ, которую вы заплатили. Что вы на это скажете?

Викъ былъ очень смущенъ, но поспѣшилъ объявить, что онъ оставляетъ свои акціи за собою. Пильчеръ громко засмѣялся, а Думфи, обернувшись къ конторкѣ, промолвилъ:

— Я даю вамъ сроку три мѣсяца; вы можете во всякое время получить деньги. Вы не желаете? Нѣтъ. Ну, значитъ, дѣло кончено.

Понявъ изъ послѣднихъ словъ Думфи, что они могутъ удалиться, Пильчеръ и Викъ вышли изъ комнаты.

— Дьявольски ловкій человѣкъ,—промолвилъ первый, очутившись на улицѣ.

— Честный человѣкъ,—отвѣчалъ второй.

Оставшись одинъ въ кабинетѣ, Думфи позвонилъ.

— Сходите къ мистеру Дженсу,—сказалъ онъ вошедшему писцу:—и попросите его немедленно явиться ко мнѣ. Бѣгите скорѣе, такъ чтобъ поспѣть къ нему ранѣе Вика.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показался мистеръ Дженсъ, очень юный на видъ, но ловкій и смышленый маклеръ.

— Мистеръ Викъ захочетъ купить обратно акціи, которыя онъ вамъ передалъ сегодня утромъ, Дженсъ,—сказалъ Думфи:—я считаю нужнымъ васъ предупредить, что онѣ теперь дороже на 50 долларовъ.

Смышленый юноша знаменательно улыбнулся и вышелъ изъ комнаты.

Въ тотъ же день, около полудня, распространился слухъ, что, несмотря на неблагопріятныя извѣстія изъ Одноконнаго Стана, одинъ изъ компаніоновъ конроевой руды купилъ только-что проданныя имъ акціи съ преміей въ 50 долларовъ. Кромѣ того, разсказывали, что Думфи подъ шумокъ скупаетъ акціи.

Такимъ образомъ, несмотря на нестерпимую жару, въ промышленномъ мірѣ произошло большое волненіе.

Обрадованный этимъ или поддаваясь вліянію неожиданной перемѣны въ атмосферѣ, Думфи покончилъ въ два часа всѣ дѣла и взялъ себѣ день отдыха, отказавшись даже принять полковника Старботля, карточку котораго ему подали. Черезъ полчаса, онъ уже ѣхалъ по направленію къ Тихому Океану въ избранномъ обществѣ мужчинъ и женщинъ. Блестящій экипажъ, уносившій это общество къ отдаленному, прохладному берегу, возбуждалъ въ прохожихъ невольную зависть, вѣроятно, потому, что среди пассажировъ находились двѣ хорошенькія женщины и знаменитый финансистъ Ролингстонъ, соперникъ Думфи. Онъ славился сельскими праздниками въ своей приморской виллѣ и въ настоящее время везъ на одинъ изъ подобныхъ праздниковъ представителей лучшаго общества въ Санъ-Франциско, съ прибавленіемъ восторженнаго туриста изъ Бостона.

Дорога шла по движущимся, песчанымъ дюнамъ, ярко блестѣвшимъ подъ свѣтлымъ, безоблачнымъ калифорнскимъ небомъ; только мѣстами однообразная картина прерывалась отдаленными проблесками голубого океана и странными, словно выброшенными на берегъ, строеніями. Среди зыбучаго песка возвышалась одинокая, довольно значительная гора, усѣянная могильными памятниками, воздвигнутыми въ честь почтенныхъ піонеровъ, которые заплатили жизнью за свою преданность «самому здоровому климату на свѣтѣ». Это обширное кладбище, распространившееся и у подножія горы, представляло для всѣхъ пикниковъ страшное «memento mori», и виднѣлось даже съ балконовъ многихъ домовъ въ Санъ-Франциско, на которыхъ веселые и легкомысленные граждане ѣли, пили и веселились. Наконецъ, экипажъ остановился на самомъ берегу, передъ великолѣпнымъ павильономъ, возвышавшимся на скалѣ, у подножія которой разбивались морскія волны.

Ролингстонъ любезно ввелъ своихъ гостей въ большую, прохладную комнату, выходившую окнами на море, гдѣ уже ихъ ожидали другіе гости, прибывшіе ранѣе. Среди комнаты стоялъ большой накрытый столъ, украшенный громадными фруктами и колоссальными розами.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали!—воскликнулъ Думфи добродушно, ударяя по плечу сосѣда, который былъ очень доволенъ этой фамильярностью милліонера: — какъ скоро! я никогда этого не ожидалъ.

— Ну,—произнесъ Ролингстонъ, оглядываясь по сторонамъ:—вы всѣ, кажется, знакомы: мистеръ Думфи, мистеръ Пойнсетъ, мистеръ Пильчеръ, мистеръ Дайсъ, мистеръ Викъ,

миссисъ Сепульвида, миссъ Роза Ринграундъ, мистеръ и миссисъ Рейноръ, изъ Бостона. Вотъ представленіе и кончено! Обѣдъ готовъ. Садитесь, гдѣ желаете. Пожалуйста, безъ церемоній, здѣсь Калифорнія.

Пользуясь предложенной хозяиномъ свободой, гости размѣстились, какъ кто хотѣлъ: Артуръ Пойнсетъ сѣлъ подлѣ миссисъ Сепульвида, а Думфи рядомъ съ миссъ Ринграундъ хорошенькой блондинкой, немного похожей на школьника но блестяще одѣтой, по послѣдней модѣ.

Обѣдъ былъ обильный и роскошный, но не изысканный. Дичь была безвкусна, фрукты чудовищной величины, но сухіе несочные; громадные персики были жестки, а колоссальныя груши водянисты; только одинъ виноградъ отличался столько же качествомъ, какъ и величиной. Впрочемъ, большая часть гостей, повидимому, была очень довольна банкетомъ и вторила восторженнымъ похваламъ американскаго туриста мистера Рейнора

— Удивительно! Удивительно!—восклицалъ онъ:—если бъ я не видалъ собственными глазами, то никогда не повѣрилъ бы. Эти груши вчетверо больше нашихъ.

— Да, вотъ какъ мы здѣсь орудуемъ,—замѣтилъ Думфи, какъ бы считая себя лично прикосновеннымъ къ небывалой величинѣ фруктовъ.

Въ эту минуту Артуръ Пойнсетъ устремилъ на него проницательный взглядъ, и Думфи замолчалъ, опустивъ руку съ костью тетерева, которую онъ, за мгновеніе передъ тѣмъ, съ удовольствіемъ глодалъ. Но въ глазахъ Пойнсета онъ ясно прочелъ воспоминаніе о чемъ-то для него крайне непріятномъ, и потому онъ быстро отвернулся. Что же касается до Пойнсета, то онъ небрежно продолжалъ разговоръ съ миссисъ Сепульвида, которая была очень хорошенькой, но далеко не умной женщиной.

— Чтобы быть послѣдовательной, природа должна была бы населить эту мѣстность великанами,—произнесъ онъ и прибавилъ понизивъ, голосъ:—а, кажется, донъ-Хозе былъ небольшого роста.

— Какого бы роста онъ ни былъ, но онъ любилъ и уважалъ меня. — отвѣчала миссисъ Сепульвида, надувъ губки.

Пойнсетъ хотѣлъ замѣтить, что, если любовь и уваженіе къ ней могутъ прибавить роста, то онъ вскорѣ сдѣлается великаномъ, но его перебила миссъ Роза Ринграундъ:

— Что это вы говорите о великанахъ? Здѣсь ихъ нѣтъ. Они какъ большія деревья, не встрѣчаются на берегу, а ихъ надо искать въ горахъ. Вотъ я такъ недавно видѣла до-историческаго человѣка, колоссальнаго атлета. Въ немъ семь футовъ, тяжелъ онъ, какъ тюлень, плечистъ, какъ Томъ Гайер, а гла-

за нѣжные, голубые, и волосы, какъ у Самсона. Онъ храбръ, какъ левъ, и смиренъ, какъ агнецъ. Онъ краснѣетъ, какъ умѣли въ старину краснѣть дѣвушки. Что бы я дала за подобный румянецъ!

Все общество громко разсмѣялось: мужчины искренно и весело, а женщины ядовито.

— Гдѣ вы видѣли это чудо?—спросила миссисъ Сепульвида покровительственнымъ тономъ.

— Не трудитесь наводить справки: онъ женатъ,—отвѣчала миссъ Роза:—я его видѣла не въ циркѣ и не въ звѣринцѣ, а въ женской школѣ.

Снова раздался взрывъ хохота, обыкновенно сопровождавшій слова молодой дѣвушки.

— Я видѣла его въ пансіонѣ мадамъ Эклеръ въ Сакраменто,—продолжала она совершенно спокойно:—онъ привезъ туда свою маленькую сестру. Его зовутъ Гэбріелемъ, онъ живетъ въ горахъ въ какомъ-то рудникѣ и такъ же силенъ, какъ скроменъ и невиненъ.

— Ужь это не нашъ ли другъ-распорядитель!—воскликнулъ Дайсъ, взглянувъ на Думфи.

— Конечно онъ, — отвѣчалъ Пильчеръ: — а какъ вы думаете, Дайсъ,—вѣдь онъ, возможно, не очень невиненъ?

Всѣ мужчины разсмѣялись, а дамы взглянули другъ на друга и на миссъ Ринграундъ, которая ничуть не смутилась.

— Скажите прямо, что вы знаете дурного о моемъ миломъ великанѣ?—воскликнула она.

— Ничего,—отвѣчалъ Пильчеръ:—только вашъ невинный, скромный другъ выкинулъ такую тонкую штуку, какую не запомнятъ на биржѣ въ Санъ-Франциско.

— Продолжайте,—сказала миссъ Роза.

— Разсказывать? — спросилъ Пильчеръ, обращаясь къ Думфи, который отвѣчалъ, смѣясь:

— Разсказывайте.

— Ну, милостивыя государыни и государи, началъ Пильчеръ, съ развязностью краснорѣчиваго разсказчика:—скромный и невинный другъ миссъ Розы состоитъ распорядителемъ и компаньономъ въ товариществѣ по разработкѣ богатой серебряной руды, въ которой и Думфи сильно заинтересованъ. Уѣзжая отсюда и желая реализировать свой капиталъ, онъ запродалъ сто акцій по 1000 долларовъ нашему общему пріятелю мистеру Дайсу. Передача акцій должна была совершиться десять дней тому назадъ, но въ назначенное утро, вмѣсто акцій, Дайсъ получилъ отъ Конроя письмо, удивительный образецъ ловкой хитрости въ самой простой, полуграмотной формѣ. Въ немъ Конрой

извѣщалъ, что, такъ какъ руда оказалось не столь обильной, какъ того ожидали, то онъ освобождаетъ Дайса отъ обязательства купить акціи. Дайсъ уже, съ своей стороны, продалъ ихъ другому лицу съ значительной выгодой, а потому немедленно бросился къ маклеру Думфи, который ему объявилъ, что у него есть для продажи двѣсти акцій по 1200 долларовъ. Предвидя повышеніе акцій, Дайсъ тотчасъ увѣдомилъ Гэбріеля, что онъ настаиваетъ на покупкѣ акцій, и, кромѣ того взялъ двѣсти штукъ у маклера, въ надеждѣ на чистый барышъ. Но ни повышенія, ни барыша ему не дождаться. Вскорѣ оказалось, что акціи у маклера принадлежали также Гэбріелю, какъ можетъ удостовѣрить Думфи. Вотъ вамъ и невинная простота вашего друга великана. Она ему принесла 100.000 долларовъ.

Эти слова были покрыты общимъ хохотомъ, и никто не смѣялся искреннѣе Пойнсета. Не анализируя своихъ чувствъ, онъ только испытывалъ инстинктивное удовольствіе при этихъ ясныхъ доказательствахъ хитрости Гэбріеля. Когда же миссисъ Сепульвида спросила его: тотъ ли это рудокопъ, который владѣетъ землею по подложному акту? то онъ отвѣчалъ многозначительно и нимало не сознавая, что поступаетъ неблагородно:

— Да.

— Такъ я вѣрю страшной исторіи, которую мнѣ разсказывала донья Долоресъ объ его женитьбѣ на самозванкѣ, назвавшейся его сестрой,—сказала она.

— Вотъ и письмо,—произнесъ Пильчеръ, вынимая изъ кармана свернутую бумагу:—это просто диковина. Если вы хотите убѣдиться въ невинной простотѣ вашего друга, то не угодно ли прочесть?—прибавилъ онъ, обращаясь къ миссъ Ринграундъ.

Та взяла письмо и развернула его; остальное общество окружило ее, а Думфи, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, облокотился фамильярно на ручку ея кресла. Письмо было очень неграмотное, и нерѣшительный, неровный почеркъ доказывалъ, что писавшій часто останавливался, затрудняясь продолжать. За исключеніемъ грамматическихъ ошибокъ, мы приводимъ его цѣликомъ.

Одноконный Станъ, 10 августа.

«Любезный сэръ,

У насъ дѣло идетъ неладно, и руда истощилась; поэтому я пишу къ вамъ, надѣясь, что вы здоровы. Руда совершенно насъ разочаровала и оказалась далеко не такой, какъ мы ожидали. Вы ожидаете отъ меня исполненія нашего условія и доставки вамъ ста акцій по 1000 долларовъ, но онѣ теперь далеко этого

не стоятъ. Поэтому я рѣшился вамъ написать и считаю, что съ моей стороны было бы нехорошо взять съ васъ такія деньги. Я разорвалъ наше условіе и освобождаю васъ, мистеръ Дайсъ, отъ вашего обязательства, надѣясь, что это не доставитъ вамъ никакой непріятности. Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать и остаюсь преданный вамъ Г. Конрой.

«P. S. Вы, можетъ-быть, не разсердитесь, если я вамъ скажу, что у меня пропала сестра въ 1849 году. Если вы узнаете что-нибудь о ней во время моего отсутствія, то напишите на имя Вельса Фарко и К° въ Нью-Йоркѣ, за что я вамъ буду очень благодаренъ и уплачу все, что это будетъ стоить».

— Несмотря на всѣ ваши толки, это—честное, благородное письмо!—воскликнула миссъ Роза рѣшительнымъ тономъ, котораго въ ней никто не подозрѣвалъ:—честнѣе и благороднѣе этого никто никогда не видывалъ.

Всѣ молчали; мужчины переглянулись съ улыбкой сознательнаго превосходства, а миссисъ Сепульвида пожала плечами и бросила знаменательный взглядъ на Пойнсета. Но, къ ея величайшему изумленію, онъ протянулъ руку, взялъ письмо, прочелъ его и сказалъ положительнымъ, твердымъ тономъ:

— Вы правы, миссъ Роза, эти строки совершенно искренны.

Неожиданная защита Гэбріеля со стороны Пойнсета была также искренна, какъ и его недавнее порицаніе—такъ непослѣдовательна была его натура. Взявъ письмо, онъ мгновенно убѣдился въ невиновности Гэбріеля и вспомнилъ, что дѣйствительно онъ былъ такой простой, честный человѣкъ. Онъ даже узналъ въ его откровенныхъ, безкорыстныхъ словахъ благородную натуру Грэсъ, которую Гэбріель, очевидно, до сихъ поръ любилъ и помнилъ. Пойнсетъ даже легко себѣ объяснялъ его женитьбу на женщинѣ, выдававшей себя за его сестру; но онъ не призналъ необходимымъ оправдать передъ всѣми человѣка, котораго онъ незадолго передъ тѣмъ оклеветалъ. Однако, онъ ничего не отвѣчалъ на вопросительный взглядъ миссисъ Сепульвида и, отойдя къ окну, сталъ смотрѣть на море.

— Впрочемъ, вы, можетъ-быть, и правы,—сказалъ Думфи, понимая инстинктомъ ревнивца, что Пойнсетъ согласился съ миссъ Розой только для того, чтобъ заслужить ея расположеніе:—Джо! наливай шампанское.

Дайсъ и Пильчеръ посмотрѣли вопросительно на Думфи, а тотъ взглядомъ указалъ на мистера Рейнора, который былъ внѣ себя отъ изумленія при этой неожиданной перемѣнѣ общаго мнѣнія.

— Позвольте, сказалъ онъ:—если это письмо искренное, то вы, господа, потеряли 100.000 долларовъ. Если его слова справедливы и акціи не стоятъ...

Пильчеръ и Дайсъ перебили его громкимъ хохотомъ.

— Да, да, эта дьявольская шутка для Дайса,—замѣтилъ первый:—но, такъ какъ и я попался, то мнѣ нельзя смѣяться надъ нимъ.

— Но развѣ вы подозрѣваете, что сообщаемое имъ извѣстіе справедливо?—спросилъ мистеръ Рейноръ.

— Да,—отвѣчалъ спокойно Пильчеръ.

— Да,—повторилъ Дайсъ холодно.

Пораженный туристъ взглянулъ на обоихъ собесѣдниковъ съ изумленіемъ и восторгомъ, потомъ обернулся къ женѣ и сказалъ въ полголоса, хотя такъ, что всѣ слышали.

— Понимаешь, эти люди также легко переносятъ потерю четверти милліона, какъ мы — почтовой марки! Какое величавое хладнокровіе! Какое благородное равнодушіе! Какое безусловное довѣріе въ силы! Это дѣйствительно—страна боговъ.

— Да, господа,—продолжалъ Пильчеръ:—нельзя обращать вниманія на подобныя случайности. Вчера выпало счастье ему, завтра выпадетъ намъ. Въ нашемъ климатѣ нѣтъ возможности предаваться отчаянію. Здѣсь человѣкъ рождается каждый день сызнова. Сдѣлайте одолженіе, передайте мнѣ бутылку.

Но что это? Стекла въ окнахъ и посуда на столѣ зазвенѣли, какъ при проѣздѣ экипажа—и больше ничего. Почему же всѣ присутствующіе вскочили блѣдные, испуганные? Эти вопросы инстинктивно задавали себѣ мистеръ и миссисъ Рейноръ, не сознавая никакой опасности, но видя выраженіе ужаса на лицахъ тѣхъ самыхъ людей, которые за минуту передъ тѣмъ казались столь спокойными и хладнокровными. Отъ чего всѣ они бросились къ окнамъ, и одна женщина упала въ обморокъ въ сѣняхъ?

Артуръ первый опомнился и произнесъ съ принужденной улыбкой:

— Ничего, прошло; ударъ шелъ съ востока на западъ. Вы не испугались?—прибавилъ онъ, обращаясь къ миссисъ Сепульвида:—вѣдь, для васъ это—не новость. Позвольте мнѣ предложить вамъ стаканъ вина.

Миссисъ Сепульвида, блѣдная отъ испуга, взяла стаканъ съ нервнымъ смѣхомъ. Мистеръ Пильчеръ оказалъ ту же услугу миссисъ Рейноръ, но, наливая шампанское, онъ самъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Къ всеобщему удивленію, Думфи очутился въ дверяхъ, и только черезъ нѣсколько минутъ возвратился на

свое прежнее мѣсто, подлѣ миссъ Розы, которая прежде всѣхъ засмѣялась.

— Это—небесная кара за вашу клевету на благороднѣйшаго изъ людей,—сказала она, грозя пальцемъ Думфи.

Ролингстонъ, также возвратившійся къ столу, громко захохоталъ.

— Но что же это такое было?—спросилъ Рейноръ, не понимая въ чемъ дѣло.

— Землетрясеніе,—отвѣчалъ спокойно Артуръ.

XXXII.

Думфи получаетъ извѣстіе о своей женѣ.

— Землетрясеніе,—повторилъ мистеръ Ролингстонъ, обращаясь къ своимъ гостямъ:—теперь вы видѣли все, чѣмъ мы можемъ похвастаться. Не пугайтесь, сударыня,—прибавилъ онъ, видя что мистрисъ Рейноръ готова была упасть въ обморокъ:—землетрясенія не приносятъ никому вреда.

— Въ теченіе двухсотъ лѣтъ въ Калифорніи убито землетрясеніями людей не болѣе, чѣмъ на вашемъ берегу молніей въ одно лѣто,—замѣтилъ Думфи.

— Они у насъ никогда не бываютъ сильнѣе этого,—прибавилъ мистеръ Пильчеръ, успокоительно намекая, что на берегахъ Тихаго Океана природа умѣряетъ свои вспышки.

— Какъ вы видите, землетрясеніе продолжается не болѣе минуты,—сказалъ Думфи:—но что это еще?

Въ ту же минуту, всѣ присутствующіе вскочили на ноги, блѣдные, едва переводя дыханіе. Но оказалось, что только проѣхалъ мимо экипажъ.

— Пойдемте на террасу,—сказалъ мистеръ Думфи, беря подъ руку миссисъ Рейноръ, словно онъ всталъ только для этого.

За Думфи поспѣшно послѣдовали всѣ остальные. Одна миссисъ Сепульвида осталась на минуту въ столовой съ Артуромъ.

— Отвезите меня домой, какъ можно скорѣе, — сказала она шопотомъ.

— Неужели вы серьезно испугались?

— Море здѣсь слишкомъ близко, — отвѣчала миссисъ Сепульвида, бросая взглядъ на воду и слегка вздрагивая:—не задавайте мнѣ никакихъ вопросовъ. Вы видите, что нью-йоркцы перепугались до-смерти, и они могутъ услыхать ваши слова.

Миссисъ Сепульвида не пришлось долго ждать отъѣзда, потому что несмотря на замѣчанія Пильчера, Дайса и Думфи,

что землетрясенія были не только безвредны, но и положительно полезны въ санитарномъ отношеніи, терраса оказалась пустою. Всѣ ея обычные посѣтители удалились, и даже краснорѣчивые защитники землетрясеній обнаружили нетерпѣливое желаніе скорѣе вернуться въ городъ. Быстрая ѣзда вскорѣ возвратила всѣмъ прежнюю веселость, и мистеръ Рейноръ съ женою снова стали всѣмъ восхищаться.

Миссисъ Сепульвида и Пойнсетъ ѣхали позади всѣхъ, въ открытомъ кабріолетѣ. Пользуясь тѣмъ, что они были наединѣ, Артуръ спросилъ, почему она такъ боялась моря.

— Разсказываютъ,—отвѣчала донья Марія:—что Сосновый Мысъ—вы его знаете, мистеръ Пойнсетъ—былъ въ древности залитъ громадной волной, набѣжавшей съ моря послѣ землетрясенія. Но лучше скажите мнѣ: дѣйствительно ли вы полагаете, что письмо Конроя подлинное?

— Да, я въ этомъ увѣренъ,—отвѣчалъ поспѣшно Артуръ.

— И вы полагаете, что акціи могутъ понизиться въ цѣнѣ?

— Да, очень вѣроятно.

— Если я вамъ скажу, что у меня въ этомъ предпріятіи вложено много денегъ, то вы все же будете настаивать на томъ, о чемъ вы мнѣ говорили нѣсколько дней тому назадъ?

— Да,—отвѣчалъ Артуръ, перебрасывая возжи въ лѣвую руку, съ цѣлью освободить правую руку неизвѣстно для чего:— я, во всякомъ случаѣ, сказалъ бы, что вамъ необходимо найти для себя защитника и покровителя.

То, что послѣдовало за этой замѣчательной рѣчью, такъ сильно противорѣчило словамъ миссисъ Сепульвида въ ея разговорѣ съ доньей Долоресъ, переданномъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, что я лучше замолчу. Достаточно будетъ сказать, что кабріолетъ подъѣхалъ не вмѣстѣ съ шарабаномъ, а гораздо позднѣе, къ роскошному дому Думфи на Ринконовой Горѣ, гдѣ былъ приготовленъ богатѣйшій ужинъ. Думфи былъ, повидимому, очень въ духѣ и настолько преодолѣлъ свое обычное недовѣріе и недавнюю ревность къ Артуру, что, послѣ отъѣзда дамъ, подошелъ къ нему съ веселой фамильярностью, изумившей Артура, который въ эту минуту, быть-можетъ, имѣлъ болѣе причинъ, чѣмъ когда-нибудь, поднимать носъ. Онъ зналъ или подозрѣвалъ, что миссъ Рингвудъ только кокетничала съ мистеромъ Думфи назло другимъ, болѣе самолюбивымъ представительницамъ прекраснаго пола, и потому нашелъ очень смѣшнымъ, что Думфи говорилъ съ нимъ по секрету именно о ней.

— Вотъ видите, Пойнсетъ, — сказалъ онъ:—я—человѣкъ занятой и не посѣщаю общества такъ много, какъ вы; но

она мнѣ кажется славной, прямой дѣвушкой. Какъ вы думаете?

Излишне упоминать, что Артуръ разсыпался въ искренныхъ похвалахъ миссъ Рингвудъ. Думфи, по какому-то таинственному умственному процессу, принялъ часть этихъ похвалъ на свою долю и, сіяя удовольствіемъ, дозволилъ себѣ лишнюю бутылку шампанскаго. Вскорѣ у него всякая тѣнь недовѣрія къ Пойнсету исчезла, и, крѣпко пожимая ему руку, онъ сказалъ:

— Вотъ видите, Пойнсетъ, если я могу быть вамъ полезенъ, то просите смѣло всего, чего хотите. Я вижу... не бойтесь ничего... я вижу вашу игру съ вдовою. Конечно, она много вскидила денегъ въ конроеву руду, но я помогу ей и вамъ высвободить деньжонки, чортъ возьми! Это—дѣло хорошее, Пойнсетъ; надо его реализировать. Мы понимаемъ другъ друга, не правда ли? Вы увидите, Пойнсетъ, я стою за своихъ друзей. Послушайтесь моего совѣта — не пропускайте этого случая. Женитесь поскорѣе на вдовѣ. Она этого стоитъ, и вы пріобрѣтете хорошій капиталецъ. Мы съ вами, такъ сказать— старые пріятели. Вы помните старинку? Ну, ну! я не буду васъ задерживать; она васъ вѣрно ждетъ. А вотъ посмотрите, Пойнси, у меня въ петлицѣ цвѣтокъ. Это Роза мнѣ дала, ей Богу, Роза! Ха, ха, ха! Гурія!

Эта невнятная, пьяная болтовня сначала забавляла Артура, но подъ конецъ возбудила въ немъ такое отвращеніе, что, бросивъ великаго финансиста, онъ поспѣшно бѣжалъ; а Думфи нерѣшительными шагами направился въ гостиную, гдѣ на порогѣ его встрѣтилъ слуга и подалъ карточку.

— Этотъ джентльменъ говоритъ, что ему непремѣнно надо васъ видѣть сегодня вечеромъ по очень важному дѣлу,— сказалъ слуга скороговоркой, боясь, чтобъ Думфи не перебилъ его бранью:—дѣло ваше, а не его. Онъ ждетъ уже давно: съ тѣхъ поръ, какъ вы вернулись.

Думфи взялъ карточку; на ней было написано карандашомъ: «Полковникъ Старботль, изъ Сискіу, по важному дѣлу». Банкиръ задумался; магическія слова «важное дѣло» мгновенно его отрезвили.

— Проведите его въ контору,—сказалъ онъ рѣзко и пошелъ встрѣчать гостя.

Всякій, не столь практичный человѣкъ, какъ Питеръ Думфи, назвалъ бы большую, красивую комнату, куда онъ направился, не конторой, а библіотекой. Богатыя, краснаго дерева полки были заставлены многочисленными, новыми, неразрѣзанными книгами въ блестящихъ переплетахъ, а на стѣнахъ висѣли длинными рядами всевозможныя газеты и биржевые лист-

ки. Въ роскошной витринѣ, обитой внутри бархатомъ, лежала коллекція минераловъ, образцовъ золотой и серебряной руды. Убранство комнаты довершали: большая карта какого-то острова, принадлежавшаго Думфи, морской видъ съ пароходомъ на первомъ планѣ, также собственностью Думфи, и громадная, плохо нарисованная картина тропическаго лѣса, въ которомъ Думфи арендовалъ сахарную плантацію. Всѣ эти предметы, очевидно, продавались, если бъ только нашелся покупщикъ по выгодной цѣнѣ.

Незнакомецъ, вошедшій въ эту комнату, былъ высокаго роста и склонный къ дородности, которую сдерживалъ въ извѣстныхъ предѣлахъ узкій, синій фракъ, туго сидѣвшій въ таліи. Зато, воротникъ фрака былъ очень широкій, внушительный; черный, шелковый галстукъ едва касался его длиннаго горла и большимъ бантомъ полускрывалъ рубашку опускаясь концами на бѣлый жилетъ съ золоченными пуговицами. Надъ всѣмъ этимъ возвышалось красное лицо полковника, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, хитрыми глазами и добродушнымъ ртомъ. Онъ вошелъ поспѣшно на цыпочкахъ, какъ всегда ходятъ люди, желающіе скрыть свою тучность. Въ одной рукѣ онъ держалъ большой бѣлый платокъ, а въ другой—шляпу съ широкими полями, и подъ мышкой у него виднѣлась толстая трость. Засунувъ платокъ за пазуху и положивъ шляпу на конторку, за которой сидѣлъ Думфи, онъ спокойно опустился въ кресло безъ всякаго приглашенія и, облокотившись на свою трость, сталъ молча ожидать привѣтствія хозяина.

— Вы говорите, что у васъ важное дѣло?—сказалъ Думфи:— Надѣюсь, что такъ. Ну, разсказывайте. Я не теряю времени. Ну, живѣе. Что вамъ угодно?

Рѣзкое обращеніе Думфи, дошедшее теперь до отталкивающей грубости, нисколько не подѣйствовало на Старботля. Онъ преспокойно вынулъ платокъ, медленно высморкался и произнесъ хладнокровно:

— Я пришелъ сюда, сэръ, два часа тому назадъ, и мнѣ сказали, что вы пируете. Я отвѣчалъ слугѣ: «не мѣшайте вашему барину; никто не любитъ, чтобъ его прерывали въ минуту поклоненія Вакху и Венерѣ». Я зналъ человѣка въ Луизіанѣ—его звали Ганкъ Пинкей—который убилъ слугу, негра, стоившаго, по крайней мѣрѣ, 1000 долларовъ, за то, что тотъ вошелъ въ комнату во время его вышивки. И еще тамъ не было дамъ, а слуга объявилъ о пожарѣ на заводѣ. Можетъ-быть, вы скажете, что это былъ исключительный случай; но, чортъ возьми! я знаю десятки подобныхъ исторій. Вотъ я потому и сказалъ вашему слугѣ: «не мѣшайте барину; но, когда

дамы удалятся и ни красота, ни веселье болѣе не будутъ украшать банкетнаго стола, то скажите ему обо мнѣ. За пустымъ столомъ и полуопустошенной бутылкой мы съ нимъ отлично обдѣлаемъ наше дѣло».

Съ этими словами, Старботль всталъ и прежде, чѣмъ изумленный Думфи успѣлъ открыть ротъ, онъ подошелъ къ столу, взялъ стоявшій на подносѣ графинъ съ виски и, наливъ себѣ полрюмки, преспокойно вышелъ, кивнувъ головою хозяину.

Впервые Думфи пожалѣлъ, что его манеры не отличались гордымъ достоинствомъ. Очевидно, что на полковника не дѣйствовало его обычное, грубое обращеніе, и что, доведенное до крайности, оно могло возбудить рукопашную расправу. Полковникъ принадлежалъ къ тому классу хорошо извѣстныхъ въ Калифорніи людей, съ которыми Думфи избѣгалъ имѣть дѣло, и потому онъ прикусилъ губу, молча глотая свою безпомощную злобу. Его радовало только, что никто изъ его недавнихъ гостей не присутствуетъ при этой унизительной сценѣ, и надо прибавить, что стыдъ и негодованіе уничтожили въ немъ всякій слѣдъ винныхъ паровъ.

— Да, сэръ,—продолжалъ Старботль, усѣвшись снова въ кресло и чмокая губами:—я ждалъ въ передней, пока вы проводили всѣхъ гостей и простились съ одной прелестной нимфой. Чортъ возьми! я одобряю вашъ вкусъ, а повѣрьте, я—компетентный судья въ этомъ дѣлѣ. Видя васъ въ ту минуту, я сказалъ себѣ: «Нѣтъ, Старъ, ты не станешь мѣшать человѣку провожать красавицу и накидывать шаль на алебастровыя плечи». Ха, ха, ха! Я хорошо понимаю, что въ Уашингтонѣ, въ 1843 году, у Тома Бентона я былъ точно въ такомъ положеніи. «Что жъ вы, Старъ, никогда не надѣнете на меня шаль?» спросила она, первѣйшая красавица сезона 1843 г. Мнѣ нечего вамъ объяснять, почему я отвѣчалъ: «Если бъ это зависѣло отъ меня, то я никогда не закрылъ бы этихъ чудныхъ плечъ». Однако, дѣлать нечего, пришлось ихъ закрыть. Но вы ничего не пьете, мистеръ Думфи. Сдѣлайте одолженіе, сэръ, выпейте хоть рюмку для нашего перваго знакомства.

Не рѣшаясь, по прежнему, произнести ни слова, Думфи нетерпѣливо покачалъ головой. Старботль всталъ и, вытянувшись во весь ростъ, медленно, съ достоинствомъ подошелъ къ Думфи.

— Если вы, мистеръ Думфи,—сказалъ онъ, величественно махая рукой:—считаете, что я нарушилъ ваше уединеніе, если, судя по вашему нежеланію быть просто вѣжливымъ со мною, сэръ, вы недовольны моими замѣчаніями о молодой дамѣ, которую я имѣлъ удовольствіе видѣть въ вашемъ обществѣ, то вы

скажите прямо, и, чортъ возьми! я не останусь здѣсь долѣе ни минуты, а завтра дамъ вамъ всякое удовлетвореніе, въ которомъ ни одному джентльмену никогда не отказывалъ Кольпеперъ Старботль. Моя карточка, сэръ, у васъ, а живу я въ гостиницѣ св. Карла, гдѣ я и мой пріятель будемъ васъ ожидать.

— Пожалуйста, мистеръ Старботль,—отвѣчалъ Думфи въ испугѣ:—не обижайтесь. Я не пью водки, потому что уже много пилъ. Я ждалъ только, чтобы вы объяснили, по какому важному дѣлу вы пожаловали, и уже потомъ хотѣлъ потребовать бутылку коньяку, за которой мы основательнѣе повели бы разговоръ. Садитесь, полковникъ, пожалуйста. Эй, проклятый! принеси бутылку шампанскаго и два стакана.

Когда же слуга исполнилъ его приказаніе, онъ, подъ предлогомъ запереть дверь, пошелъ за нимъ до порога и шопотомъ сказалъ ему:

— Постой за дверьми и минутъ черезъ десять войди съ извѣстіемъ, что меня требуютъ по крайне необходимому дѣлу въ контору.

Возвратясь къ столу, онъ налилъ два стакана вина и очень любезно произнесъ:

— Радъ съ вами познакомиться, полковникъ. За ваше здоровье.

Старботль кашлянулъ, какъ бы съ цѣлью освободиться отъ взятаго на себя строгаго тона, и, съ достоинствомъ кивнувъ головой, чокнулся съ хозяиномъ.

— Если бъ цѣль моего посѣщенія была обыкновенная,— началъ онъ, усаживаясь снова въ кресло:—то я искалъ бы васъ сэръ, въ вашей конторѣ, въ дѣловой атмосферѣ, а не среди ларовъ и пенатовъ, въ блестящей банкетной залѣ. Въ такомъ случаѣ я искалъ бы васъ въ храмѣ, выстроенномъ вами богинѣ Фортунѣ, однимъ изъ баловней которой вы считаетесь. Но, имѣя постоянныя сношенія съ даровитымъ Джономъ Кольхуномъ, я никогда не мѣшалъ его дѣятельности на гладіаторской аренѣ сената, а бесѣдовалъ съ нимъ за стаканомъ вина въ его частной квартирѣ. Въ нашемъ ремеслѣ, сэръ, мы отличаемся умѣніемъ обращаться съ людьми.

— А какое ваше ремесло?

— До выбора въ члены законодательнаго собранія гражданами Сискіу я былъ адвокатомъ. Съ тѣхъ поръ я продолжаю иногда вести важныя, деликатныя дѣла. Мои услуги, смѣю сказать, цѣнятся въ сложныхъ, трудныхъ дѣлахъ, гдѣ замѣшаны самолюбіе и любовь, политическія интриги и щекотливыя отношенія половъ. Мнѣ удавалось, сэръ, помочь честолюбивому всаднику перескочить черезъ всѣ препятствія на его пути и

утереть слезы плачущей красавицы. Если бъ меня не удержала адвокатская честь, то я вамъ назвалъ бы по именамъ нѣкоторыхъ изъ кліэнтовъ Кольпепера Старботля. Это—самыя блестящія красавицы и первые дѣятели страны.

— Я очень сожалѣю; но если вы думаете прибавить меня къ числу вашихъ кліэнтовъ, то...

— Это немыслимо, сэръ,—перебилъ его очень хладнокровно полковникъ, какъ бы не замѣчая ироніи Думфи:—я—адвокатъ противной стороны.

Улыбка мгновенно исчезла съ лица Думфи, и онъ съ изумленіемъ произнесъ:

— Что вы хотите сказать?

Старботль пододвинулъ свое кресло къ конторкѣ, фамильярно облокотился на нее и началъ, выбивая тактъ перомъ по рукѣ Думфи:

— Замѣтьте, сэръ, что, хотя я—адвокатъ противной стороны, но это не мѣшаетъ мнѣ благородно относиться къ отвѣтчику и стараться покончить дѣло миролюбиво, какъ подобаетъ джентльменамъ.

— Но, чортъ возьми! въ чемъ же дѣло?—воскликнулъ Думфи, внѣ себя отъ гнѣва:—кто вашъ истецъ?

— Гм! конечно, женщина. Не думайте, чтобъ я васъ обвинялъ въ политическомъ честолюбіи. Ха, ха, ха! Нѣтъ, сэръ, вы похожи на меня! Дѣло идетъ о женщинѣ, о прелестной женщинѣ. Такіе люди, какъ мы съ вами, не живутъ на свѣтѣ пятьдесятъ лѣтъ безъ подобающей мысли о милыхъ существахъ. Я презираю человѣка, не думающаго о нихъ. Это—слабость великихъ людей.

— Послушайте, полковникъ Старботль,—отвѣтилъ Думфи съ рѣшимостью человѣка, измѣрившаго силы своего противника и рискнувшаго вступить съ нимъ въ бой:—я не знаю и не хочу знать, кто ваша истица. Мнѣ рѣшительно все равно, какъ ее обманули, обошли или надули; но вы, какъ человѣкъ, знающій свѣтъ, должны понять, что я, въ моемъ положеніи, никогда не ставлю себя въ зависимость отъ женщинъ. Я не думаю, что я лучше всѣхъ, но я—не дуракъ. Вотъ какое различіе между мною и вашими кліентами.

— Да въ этомъ и есть различіе. Въ другихъ случаяхъ, дѣло идетъ о прелестномъ восхитительномъ созданіи, часто скромномъ и набожномъ, какъ монахиня, но отношенія истицы къ отвѣтчику—незаконныя. А, въ вашемъ дѣлѣ, чортъ возьми, истица... *ваша жена.*

— Моя жена умерла,—промолвилъ Думфи, поблѣднѣвъ, но все же стараясь скрыть свое волненіе подъ презрительной улыбкой.

— Вы ошибаетесь, сэръ, очень ошибаетесь!.. Поймите меня: я не говорю, что она не должна умереть. Судя по тому взгляду, который на васъ бросила прелестная нимфа, нѣсколько минутъ тому назадъ, я полагаю, что здѣсь не мѣсто другой женщинѣ; но что же дѣлать... *она жива!* Вы думали, что она умерла и бросили ее въ снѣгу. Она даже увѣряетъ—вы знаете Думфи, какъ клевещутъ женщины на мужчинъ—что не ваша вина, если она осталась въ живыхъ. Что это?

— Изъ конторы пришли, сэръ, требуютъ васъ немедленно,—произнесъ слуга, отворяя дверь.

— Убирайся къ чорту!—заревѣлъ Думфи.

— Очень нужно...

— Уберешься ли ты?—еще страшнѣе закричалъ Думфи, и дверь поспѣшно затворилась.

— Это—ошибка,—продолжалъ Думфи:—всѣ умерли голодною смертью, пока я искалъ помощи. Я самъ читалъ докладъ вспомогательной экспедиціи.

Старботль молча вынулъ изъ кармана измятую бумагу и сказалъ:

— Вотъ онъ, этотъ докладъ. Въ немъ прямо сказано, что всѣ мужскіе и женскіе трупы были признаны, за исключеніемъ тѣла вашей жены. А почему? Очень просто: потому что тѣла ея и не было налицо.

Думфи почти безъ чувствъ опустился на спинку кресла. Судьба нанесла ему тяжкій ударъ устами Старботля.

XXXIII

Миссисъ Конрой получаетъ неожиданный визитъ.

Жары стояли не въ одномъ Санъ-Франциско. Заливъ Санъ-Пабло тоже уснулъ подъ палящими лучами солнца, и желтыя волны рѣкъ Сакраменто казались медленно текущею, расплавленною лавою. Не было ни малѣйшаго вѣтерка. Дымъ горящихъ на востокѣ лѣсовъ все болѣе и болѣе сгущался; огромныя поля, засѣянныя пшеномъ, были засыпаны пылью и золою. Столбъ красной пыли днемъ и ночью провожалъ ѣздившую между Виндгамомъ и Одноконнымъ Станомъ почтовую карету, и истомленные пассажиры съ тоскою обращали взоры къ дальнимъ снѣговымъ горамъ.

Было страшно жарко и въ Одноконномъ Станѣ; жарко на берегу рѣки, жарко и на Конроевой горѣ; жарко на верандѣ Конроевскаго коттэджа. Быть-можетъ, эта жара была причиною, что миссисъ Конрой—тотчасъ же по уходѣ мужа, несмотря на ранній часъ—убѣжала изъ душнаго дома подъ тѣнь великолѣпныхъ сосенъ, росшихъ на противоположномъ склонѣ холма. Опасаемся однако, что таинственная записка, которую она получила вечеромъ и теперь перечитывала, сидя на обросшемъ мхомъ пнѣ, больше, чѣмъ жара, принудила ее итти сюда.

Записка эта содержала слѣдующія строки:

«Ожидаю васъ въ десять часовъ у большой сосны на холмѣ. Если я не ошибаюсь въ васъ, то вы придете ко мнѣ.

«Берегитесь! Я—обиженъ, а потому и силенъ!

«Викторъ».

Миссисъ Конрой улыбнулась и тщательно спрятала записку въ карманъ. Потомъ она сложила руки на колѣняхъ и терпѣливо стала ждать.

Она прождала около четверти часа и затѣмъ взглянула на часы; они показывали пять минутъ одиннадцатаго. Было очень тихо; лишь изрѣдка слышалось карканье вороны. Бойкая бѣлочка спускалась по стволу сосѣдней сосны, но внезапно увидѣла раскрытый зонтикъ мистрисъ Конрой, стоявшій на землѣ, и пугливо вцѣпилась въ кору, боясь двинуться съ мѣста. Потомъ подбѣжалъ длинноухій заяцъ и почувствовалъ, при видѣ того же зонтика, такое сильное сердцебіеніе, что чуть чуть не распростился съ жизнью. Ну, а потомъ ужъ раздался трескъ ломавшихся подъ чьими-то шагами сучьевъ,—трескъ, возвѣщавшій приближеніе того, кого ждали.

Миссисъ Конрой раскрыла свой наводившій ужасъ на всѣхъ лѣсныхъ жителей зонтикъ и подняла его надъ головою.

Какая-то мужская фигура медленно и небрежно всходила на холмъ; на разстояніи десяти шаговъ миссисъ Конрой замѣтила, къ своему величайшему изумленію, что это вовсе не Викторъ. Когда же фигура подошла еще ближе, она внезапно поблѣднѣла и, съ восклицаніемъ ужаса, вскочила на ноги. Это былъ мистеръ Перкинсъ. Она хотѣла-было бѣжать; но въ это мгновеніе и онъ отскочилъ съ крикомъ; онъ, очевидно, былъ не менѣе удивленъ, увидѣвъ ее, чѣмъ она при его видѣ.

— Деваржъ!—произнесла миссисъ Конрой едва внятно:—Деваржъ!... Боже!

— Да, Деваржъ!—сказалъ онъ, горько смѣясь.—Деваржъ, который бѣжалъ съ тобою! Деваржъ, твой обольститель! Де-

варжъ, обманувшій тьоего мужа!... Взгляни хорошенько на меня!... Ты, вѣдь, хорошо знаешь меня — Анри Деваржа, брата твоего мужа... я твой любовникъ... твоя жертва!

— О, замолчи! — умоляла она, испуганно озираясь по сторонамъ,—ради Бога, замолчи!

— А ты кто?—продолжалъ онъ неумолимо.—Которую изъ госпожъ Деваржъ вижу я предъ собою?.. Или ты теперь носишь фамилію того офицера, съ которымъ ты скрылась, насытившись мною?... Или онъ кинулъ тебя, какъ ты того и стоишь? Или ты теперь жена и сообщница этого слабоумнаго Конроя? Какимъ именемъ долженъ я назвать тебя?... Говори же скорѣе! О, я имѣю много сказать, но я хочу быть вѣжливымъ, madame! Съ кѣмъ же я имѣю честь говорить?

Помимо искренности его злости, было столько смѣшнаго и искусственнаго въ его наружности—въ его старомодномъ костюмѣ, въ его крашеныхъ волосахъ, въ его фальшивыхъ зубахъ, въ его тоненькихъ ножкахъ, въ его толстомъ пальто,—что хладнокровная мистрисъ Конрой теперь желала бы со стыда провалиться сквозь землю; она стыдилась не своего преступленія, но этого товарища ея порока

— Тише!—сказала она:—называй меня своимъ другомъ; я всегда была и буду твоимъ другомъ, Анри... Зови меня, какимъ именемъ хочешь, но только уйдемъ отсюда... Слышишь ли? Не говори, ради Бога, такъ громко!... Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ я готова буду слушать тебя...

Она, съ этими словами, медленно пошла, куда глаза глядятъ, и очутилась, сама не зная какъ, вмѣстѣ съ нимъ на дорогѣ къ старой хижинѣ.

— Какимъ образомъ ты очутился здѣсь? Какъ ты нашелъ меня? Гдѣ ты находился въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ? спросила она торопливо.

Въ теченіе этихъ послѣднихъ минутъ, она понемногу пріобрѣла ту власть, которою она всегда покоряла всѣхъ мужчинъ, исключая одного Гэбріеля Конроя. Мистеръ Перкинсъ, или вѣрнѣе — Деваржъ, помедлилъ немного, а потомъ отвѣтилъ тономъ не столько горькимъ, сколько безнадежнымъ:

— Я пріѣхалъ въ Калифорнію тому назадъ шесть лѣтъ,— разоренный, обезчещенный, убитый горемъ. Я только желалъ скрыться отъ всѣхъ знавшихъ меня,— отъ брата, котораго жену я обольстилъ, котораго счастіе я разстроилъ, отъ тебя, Юлія! отъ тебя и отъ твоего новаго любовника, который занялъ мое мѣсто! Убѣжать отъ воспоминанія о твоей двойной измѣнѣ!

Онъ проговорилъ послѣднія слова очень громко, но твердый взглядъ и предостерегающее движеніе руки миссисъ Конрой заставили его невольно обуздать себя.

— Когда ты покинула меня въ Санъ-Луи, мнѣ остался выборъ только между смертью и второю ссылкою. Въ Швейцарію я не могъ вернуться; я не могъ больше жить тамъ, гдѣ я совершилъ преступленіе и вкусилъ его сладкіе и горькіе плоды; вотъ я и пріѣхалъ сюда. Мое образованіе, мое знаніе языковъ здѣсь пригодились мнѣ; однако я, вмѣсто того, чтобы добиваться высокаго положенія и почестей, удовольствовался тѣмъ, что принялъ должность, обезпечивающую мнѣ лишь кусокъ хлѣба и возможность забыть свое горе у зеленаго стола; днемъ я былъ поденщикомъ, а ночью—записнымъ игрокомъ... Ты, вѣдь, знаешь, что я по природѣ джентльменъ; поэтому меня хоть и считали сумасшедшимъ, но, все-таки, уважали. Хотя я и былъ измѣнникомъ, но никто не осмѣливался подозрѣвать мою честь въ требующихъ довѣрія дѣлахъ, никто не смѣлъ предлагать мнѣ что-либо безчестное... Но что тебѣ до этого за дѣло? тебѣ?

Онъ ужъ хотѣлъ отвернуться отъ нея съ презрѣніемъ, но встрѣтилъ ея взглядъ, въ которомъ выражалось сочувствіе и удивленіе; этотъ взглядъ снова покорилъ его. Несмотря на то, что она дѣйствительно была достойна презрѣнія, она все-таки гордилась теперь этимъ человѣкомъ, которому такъ подло измѣнила; она гордилась его мужествомъ, тѣмъ, что онъ не палъ подъ бременемъ несчастій, а остался вѣренъ себѣ.

— Я уже готовъ былъ побороть свое отчаяніе, Юлія, продолжалъ онъ грустно:—готовъ былъ забыть даже тебя, когда до моего свѣдѣнія дошло, что братъ палъ жертвою голода... Слушай, Юлія! — Однажды мнѣ поручили перевесть документъ, возвѣщавшій страшную смерть... голодную смерть твоего мужа... моего брата... слышишь?... Стыдъ, безчестіе, причиненное ему нами, изгнали его изъ родины... побудили его, такъ же какъ и меня, скитаться по свѣту... Онъ эмигрировалъ вмѣстѣ съ мужиками, съ подонками западнаго общества... онъ, джентльменъ, мужъ науки—раздѣлялъ ихъ горькую участь, умеръ между ними... неузнаннымъ, неоплаканнымъ!

— Онъ умеръ, какъ жилъ!—воскликнула мистрисъ Конрой съ сверкающими глазами.—Онъ умеръ лицемѣромъ, измѣнникомъ!.. Онъ умеръ въ объятіяхъ любовницы, необразованной подлой дѣвки, которой онъ отказалъ все свое имущество... этой... Грэсъ... Конрой!.. Слава Богу, документъ очутился въ моихъ рукахъ!... Тише, что это?!..

Что бы это ни было: обломившійся ли сукъ, или зайчикъ зашелестилъ сухими листьями, — но только теперь все было тихо; вокругъ царствовала могильная тишина.

— Да,—продолжала она спокойнѣе.—Тамъ повторилась та исторія, которая въ Базелѣ свела насъ съ тобою, которая сдѣлала насъ друзьями, Анри, которая превратила нашу симпатію во всесокрушающую страсть.... та исторія обмана и измѣны... Ты страдалъ, но и я страдала;—мы квиты!

Анри Деваржъ пристально взглянулъ на свою спутницу; голосъ ея дрожалъ; гнѣвъ, до того сверкавшій въ ея глазахъ уступилъ мѣсто слезамъ. Онъ пришелъ сюда съ сознаніемъ, что она измѣнила ему такъ же, какъ и мужу; она и не отрекалась отъ своей вины. Онъ пришелъ за тѣмъ, чтобы упрекнуть ее подлымъ обманомъ; но теперь онъ проклиналъ брата и готовъ былъ вѣрить всѣмъ ея словамъ, всѣмъ ея страданіямъ. Даже больше того—онъ готовъ былъ сознаться, что его собственныя страданія были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что перенесла эта необыкновенная женщина. Женщина, старающаяся оправдаться предъ своимъ любовникомъ, имѣетъ всегда союзникомъ его самолюбіе, и поэтому Деваржъ начиналъ склоняться къ тому мнѣнію, что, если онъ и лишился ея любви, то все-таки она никогда его не обманывала, и что ни онъ, ни братъ его не сумѣли достаточно оцѣнить любовь этой женщины

Миссисъ Конрой замѣтила, что въ немъ происходило, хотя мысли ея были заняты опасеніемъ, что Викторъ вдругъ могъ явиться предъ ними; она знала, что эта встрѣча могла бы повести къ чрезвычайно непріятному результату.

— Зачѣмъ ты разыскалъ меня? неужели только за тѣмъ, чтобы бранить меня?—спросила она съ очаровательною улыбкой.

— Затѣмъ я пришелъ, чтобы сказать тебѣ, что существуетъ еще другая дарственная грамота на землю, на которую ты предъявляешь права, отвѣтилъ онъ дѣловымъ тономъ:—документъ, выданный раньше того, который былъ выданъ брату. Владѣлица этой грамоты подозрѣваетъ тутъ обманъ и поручила мнѣ узнать, въ чемъ дѣло.

Глаза миссисъ Конрой снова засверкали.

— А чѣмъ возбуждено это подозрѣніе?—спросила она.

— Анонимнымъ письмомъ.

— Видѣлъ ты это письмо?

— Видѣлъ; оно писано тою же рукою, которою писана грамота.

— И знакома тебѣ эта рука?

— Да! она принадлежитъ одному мексиканцу, находящемуся въ настоящее время здѣсь; его зовутъ—Викторъ Рамирецъ.

Онъ пытливо взглянулъ на нее; но она твердо встрѣтила этотъ взглядъ, улыбаясь все тою же улыбкою.

— Но знаетъ ли твой кліэнтъ, что право моего мужа неоспоримо, если бы даже документъ былъ фальшивымъ?

— Знаетъ, можетъ-быть, но этотъ кліэнтъ, какъ ты говоришь, симпатизируетъ только Грэсъ.

— Ахъ, да; вѣдь это кліэнтка!—отвѣтила она едва замѣтно вздыхая.—Понимаю: это, вѣроятно, молодая, красивая, хорошая женщина, ради которой ты рѣшился прибыть сюда... И ты, разумѣется, увѣрялъ ее, что обличишь эту обманщицу—миссисъ Конрой?... Такъ затѣмъ только ты и пріѣхалъ? Ну, вѣдь это понятно; ты мужчина... Можетъ-быть, оно и лучше такъ!...

— Юлія, выслушай меня!—перебилъ онъ тревожно.

— Ни слова больше!—сказала она, махнувъ рукою.—Я вѣдь не принимаю этого въ худую сторону... Мнѣ больше нечего ждать... я лучшаго не заслужила!.. Ступай къ своей кліэнткѣ и скажи ей, что видѣлъ обманщицу... Посовѣтуй ей предъявить свои права и предложи свои услуги! Скажи ей, чтобы она благодарила Бога за то, что ей даны такіе друзья, какихъ Юлія Деваржъ никогда не имѣла — даже въ дни своей молодости и красоты!.. Иди и будь счастливъ!.. Нѣтъ, пусти меня, Анри!.. пусти меня къ мужу, который одинъ сумѣлъ простить грѣшницѣ и дать ей пріютъ!

Не успѣлъ изумленный Деваржъ овладѣть собою, какъ она ужъ вырвалась изъ его рукъ и убѣжала; еще нѣсколько мгновеній слѣдилъ онъ за нею взоромъ, пока она не исчезла за поворотомъ тропинки.

Хорошо было, что она удалилась; потому что минуту спустя явился распаленный гнѣвомъ, пыхтящій Викторъ и, въ своей слѣпой ярости, чуть не наткнулся на Деваржа.

Молча взглянули они другъ на друга.

— Сегодня неудобно гулять: слишкомъ жарко,—проговорилъ Деваржъ съ плохо скрытою насмѣшкою.

— Venganza de Dios!—прошипѣлъ Викторъ:—вы—правы; но что вы тутъ дѣлаете?

— О, я билъ мухъ, — произнесъ спокойно Деваржъ.—Честь имѣю кланяться!

XXXIV.

Гэбріель Конрой отъ всего отрекается.

Лицо миссисъ Конрой теперь вовсе не согласовалось съ высказаннымъ Деваржу раскаяніемъ и огорченіемъ; когда она вспрыгивала на веранду своего дома, губы ея искривились злою,

язвительною насмѣшкою; вдругъ она почувствовала дурноту и поспѣшно прошла въ будуаръ, гдѣ и кинулась на софу, досадуя на свою физическую слабость.

Испугъ, испытанный ею при внезапной встрѣчѣ съ Деваржемъ, уступилъ мѣсто сознанію, что она еще можетъ имѣть надъ нимъ вліяніе, и что ей не трудно будетъ завербовать его въ союзники противъ Рамиреца, котораго она серьезно начала опасаться. До сихъ поръ его ревность проявлялась лишь въ хвастовствѣ и важничаньѣ; она хотя и знала, что онъ способенъ употребить физическую силу, но не этого собственно боялась: его тонкая измѣна была для нея хуже, чѣмъ если бъ онъ кинулся на нее съ смертоноснымъ оружіемъ въ рукахъ. Ей теперь хотѣлось бы опять видѣться съ Деваржемъ, чтобы описать ему въ самыхъ мрачныхъ краскахъ все, что она претерпѣла, будто бы, отъ перваго мужа—послѣ того, какъ разсталась съ нимъ—съ Анри; это, навѣрное, возбудило бы его раскаяніе въ самой сильной степени, и тогда ужъ не трудно было бы заставить его обуздать Рамиреца и предупредить полное обличеніе ея до тѣхъ поръ, пока она не успѣетъ убѣжать съ глазъ долой, конечно, вмѣстѣ съ Гэбріелемъ. Тогда-то она посмѣется надъ обоими дураками! тогда-то она изо всѣхъ силъ будетъ стараться добиться любви Гэбріеля, безъ которой, какъ ей казалось, ей теперь и жизнь не въ жизнь!.. Нужно скорѣе заставить Гэбріеля уѣхать, между тѣмъ какъ онъ отложилъ поѣздку на неизвѣстное время, пока не окажется, что рудникъ оправдаетъ всѣ возложенныя на него надежды. Она скажетъ ему, что Думфи желаетъ его удаленія; она даже намѣревалась принудить Думфи написать ему это; вѣдь въ ея власти сдѣлать все, что она сочтетъ нужнымъ... Ей хотѣлось бы сейчасъ же привести этотъ планъ въ исполненіе; но физическая немощь мѣшала этому. Она заскрежетала зубами при мысли, что неспособна дѣйствовать въ такую критическую минуту, — но вдругъ у нея блеснула почти геніальная мысль; она даже закрыла глаза, чтобы вполнѣ убаюкаться этою мыслію... Вѣдь можетъ же быть, что достаточно будетъ повліять на его чувства, на его сердце, призвавъ на помощь все обаяніе!.. И если бъ это удалось, о тогда!..

Внезапный шумъ въ совершенно тихомъ до того домѣ заставилъ ее встрепенуться и прислушаться. Что бы это могло быть?... Теперь она явственно различила тяжелые мужскіе шаги въ одномъ изъ верхнихъ помѣщеній, въ которомъ складывались дрова. Изъ прислуги никого не было дома... Вотъ опять послышались шаги... А! это были шаги того, кѣмъ мысли ея были заняты въ предыдущую минуту,—шаги ея мужа.

Но что онъ тамъ дѣлалъ? Во все время ихъ брачной жизни, онъ никогда не приходилъ домой въ этотъ часъ... Ахъ, да!— вмѣстѣ съ дровами лежали его прежнія орудія, когда онъ еще занимался золотопромышленностію; быть можетъ ему теперь понадобились эти «disjecta membra»... Кромѣ того, тамъ еще находится старый мѣшокъ съ платьемъ его умершей матери... На что ему эти платья?.. Въ другое время онъ еще могъ вспомнить о нихъ, но никакъ не въ самый рабочій часъ... Ею начиналъ овладѣвать понемногу суевѣрный страхъ, котораго она раньше никогда не испытывала... Чу! Вотъ шаги послышались въ верхнемъ коридорѣ и теперь медленно спускались по лѣстницѣ... Сердце ея сильно билось... Онъ остановился въ сѣняхъ... Теперь онъ тихо приблизился къ двери и снова остановился... Ей хотѣлось вскрикнуть, но голосъ отказывался служить... Вотъ дверь медленно отворилась—и показался Гэбріель. Она окинула его быстрымъ подозрительнымъ, взглядомъ и—прочла свою судьбу... Ему все извѣстно! Печальныя, грустныя глаза его не выражали ни гнѣва, ни негодованія; они только смотрѣли пристальнѣе и смѣлѣе прежняго. Онъ перемѣнилъ свое обычное платье на грубую одежду рудокопа; въ одной рукѣ онъ держалъ такой же грубый мѣшокъ, въ другой—лопату и мотыку. Онъ сложилъ все это на полъ и, замѣчая, что глаза жены устремлены на эти предметы съ напряженнымъ вниманіемъ, произнесъ извиняющимъ тономъ:

— Въ этомъ мѣшкѣ, сударыня, нѣтъ ничего, кромѣ стараго одѣяла и кой-какого тряпья, принадлежащаго собственно мнѣ.. Я даже готовъ развязать мѣшокъ, если пожелаете, сударыня; но полагаю, что вамъ нечего опасаться, чтобы я взялъ что-либо непринадлежащее мнѣ.

— Вы уходите?—спросила она едва внятно, такъ что сама спрашивала себя: дѣйствительно ли она произнесла эти слова вслухъ.

— Да. Если хотите знать—почему, то можете услышать это отъ того же человѣка, отъ котораго я все узналъ... Я хотѣлъ только сказать вамъ, что ухожу не по своей винѣ, и не по его... Я былъ утромъ въ хижинѣ... Я услышалъ голоса за дверью и, взглянувъ въ окно, увидѣлъ васъ въ обществѣ какого-то незнакомца. Насколько вы, сударыня, знаете меня и мой характеръ, вамъ должно быть извѣстно, что я не имѣю привычки подслушивать, и вы могли бы пробыть тамъ до сихъ поръ, а я все же не сталъ бы ни на что обращать вниманія, если бъ я не увидѣлъ человѣка, спрятавшагося за деревомъ и наблюдавшаго за вами. Я узналъ въ немъ того бѣднаго мексиканца, котораго я лѣчилъ годъ тому назадъ... у него болѣли ноги.

Ну, я, незамѣтно для васъ, подошелъ къ нему; увидя меня онъ хотѣлъ бѣжать, но я схватилъ его за плечо и онъ остался.

Онъ говорилъ съ такимъ неподдѣльнымъ, хотя и безсознательнымъ величіемъ, что миссисъ Конрой, въ сердцѣ которой возставала сильная злоба противъ него, невольно оробѣла.

— Что этотъ человѣкъ, котораго я чуть не задушилъ, чтобы удержать его отъ крика, чѣмъ онъ могъ испугать васъ и вашего спутника, говорилъ мнѣ, о томъ считаю, лишнимъ сообщать вамъ. Зная его дольше, чѣмъ меня, вы и безъ словъ поймете, о чемъ шла между нами рѣчь. Что онъ говорилъ правду, въ томъ удостовѣряетъ меня теперь ваше лицо, и мнѣ кажется, что я давно могъ бы узнать это, если бъ не былъ такимъ слабымъ и нерѣшительнымъ.

Онъ провелъ своею широкою лодонью по лбу, какъ бы желалъ согнать непріятныя мысли, омрачившія его; потомъ онъ вынулъ изъ кармана какую-то бумагу.

— Я написалъ тутъ одну бумагу, которую вручу адвокату Максвеллу; въ этой бумагѣ я уполномочиваю васъ получить обратно все то, что вы нѣкогда дали мнѣ... Я не согласенъ съ мексиканцемъ въ томъ, что принадлежавшее когда-то Грэсъ теперь должно принадлежать мнѣ... Она сама сумѣетъ распорядиться своимъ имуществомъ, если вернется, но насколько я ее знаю, она не будетъ настаивать на своихъ правахъ, коль скоро ими завладѣли чужіе... Мы всегда были простыми людьми, сударыня. Я не говорю о себѣ: я ужъ слишкомъ простъ и невѣжливъ, но еще не было на свѣтѣ такого Конроя, который гнался бы за богатствомъ, а не довольствовался бы кускомъ хлѣба и самымъ грубымъ платьемъ

Онъ наклонился за мѣшкомъ и орудіями и обернулся къ выходу.

— Не забыли ли вы чего?—спросила мистрисъ Конрой.

Онъ твердо взглянулъ на нее.

— Нѣтъ, ничего не забылъ,—отвѣтилъ онъ просто.

О, если бъ она могла говорить!.. О, если бъ она осмѣлилась сказать ему, что онъ оставляетъ нѣчто, чего даже не можетъ взять съ собою; это остановило бы его, заставило бы его снова быть добрымъ и всепрощающимъ... Но она не могла произнести ни одного слова больше, ей недоставало теперь того краснорѣчія, которымъ она только что передъ тѣмъ покорила того человѣка, которому она измѣнила, котораго вовсе не любила. Охваченная первою, но безнадежною любовью, эта ловкая авантюристка теперь совершенно опустила руки

Онъ остановился въ дверяхъ, медленно обернулся и снова робко и смущенно вошелъ въ комнату. Сердце ея сильно забилось и потомъ замерло.

— Вы спрашиваете,—сказалъ онъ заикаясь,—не забылъ ли я чего?.. Собираясь уѣзжать съ вами, я нанялъ экономку и тайкомъ отъ васъ далъ ей денегъ и одно порученіе... Я сказалъ ей, что если пріѣдетъ моя милая Грэсъ, то чтобъ она приняла ее, позаботилась бы о ней, какъ я самъ сталъ бы заботиться, и увѣдомила бы меня объ этомъ... Я, можетъ-быть... требую слишкомъ... многаго... но если вы... готовы исполнить... мое послѣднее желаніе... то будьте добры... не гоните ее изъ того... дома... который она сочтетъ моимъ... Она вѣдь ничѣмъ... не... виновна предъ... вами... Примите ее и пошлите потомъ... ко мнѣ. Адвокатъ Максвеллъ сообщитъ вамъ мой адресъ.

Миссисъ Конрой истерично разсмѣялась.

— Ваше желаніе будетъ исполнено, если...—она на мгновеніе остановилась:—если я еще буду здѣсь,—дополнила она.

Но его ужъ не было. Послѣднія ея слова пропали даромъ.

XXXV.

Что было подъ сосной.

Месть Рамирепа не достигла желаемаго результата; онъ слишкомъ рано взорвалъ подкопъ, будучи ослѣпленъ яростью. Гэбріель не умеръ на мѣстѣ, даже не слишкомъ сильно разстроился, узнавъ весь обманъ, всю подлость жены. Судя по тому спокойствію, съ которымъ онъ выслушалъ слова Рамирепа, можно даже было сомнѣваться, чтобы онъ притянулъ ее къ отвѣту. Онъ бѣгалъ теперь въ своемъ номерѣ, какъ сумасшедшій, мучимый сознаніемъ, что не повредилъ ни Гэбріелю, ни Юліи, ни этому противному Перкинсу, котораго онъ ненавидѣлъ, какъ бывшаго соперника.

Да, будь что будетъ, но онъ долженъ сейчасъ же видѣть ее, чтобы сказать, что узналъ объ ея прежнихъ отношеніяхъ къ этому переводчику, и что онъ написалъ то анонимное письмо, что онъ поддѣлалъ дарственную запись, что...

Стукъ въ дверь привелъ его въ себя; наконецъ дверь отворилась, и вошла Салли, смущенная, стыдливая; очевидно волненіе молодого «итальянца» она приписывала безнадежной, пожирающей страсти къ ней.

— Обѣдъ ужъ давно оконченъ,—сказала эта лукавая дѣвица,—но я сберегла для васъ кое-что... Вы вчера вечеромъ освѣдомлялись о Конрояхъ; могу только сообщить вамъ, что Гэбріель давеча спрашивалъ адвоката Максвелла, уѣхав-

шаго въ Сакраменто, хотя онъ интимнѣйшій другъ Сюзанны Маркль.

Но Рамирецу теперь не было дѣла ни до Гэбріеля, ни до адвоката, ни до миссисъ Маркль

— Скажите, пожалуйста, миссъ Кларкъ, гдѣ находится сейчасъ этотъ мистеръ Перкинсъ?—спросила онъ, отдуваясь и показывая всѣ свои зубы.

— Этотъ старый допотопный дуракъ, котораго я такъ ненавижу,—сказала она, намекая, что Рамирецу нечего смотрѣть на него, какъ на соперника.—Не знаю, гдѣ онъ и даже не забочусь знать объ этомъ... Онъ ушелъ ужъ съ утра... Думаю что онъ на Конроевой горѣ, или гдѣ-нибудь около... Знаю только, что онъ прислалъ сюда мальчика съ приказаніемъ, отослать его чемоданъ на почту... Развѣ вы уѣзжаете съ нимъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Рамирецъ коротко.

— Прошу извинить меня за нескромный вопросъ, но я узнала, что онъ записался на два мѣста, и подумала, что вы, вѣроятно, соскучились у насъ и хотите уѣхать вмѣстѣ съ нимъ, — сказала она, кинувъ на него полулукавый, полуупрекающій взглядъ.

— Записался на два мѣста?—прошипѣлъ Викторъ.—Ахъ! быть-можетъ, съ нимъ ѣдетъ какая-нибудь дама, а? Миссъ Кларкъ, вы какъ думаете, а?

— Дама?—вспыхнула Салли. — Вотъ еще! Какая это дама снизойдетъ до подобнаго человѣка!.. Но вы опять уходите?...— Вѣдь обѣдъ вашъ простынетъ... Вы, должно-быть, влюблены, мистеръ Рамирецъ!.. Я слышала, что влюбленные всегда страдаютъ отсутствіемъ аппетита, но по опыту мнѣ это не извѣстно, хотя я въ послѣдніе дни ѣмъ очень мало, и то только тогда, когда меня насильно заставляютъ...

Не успѣла еще Салли докончить своей фразы, какъ Рамирецъ пробормоталъ нѣсколько извиненій, схватилъ шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты

Салли снова предалась огорченію, что ея кокетство производило слишкомъ сильное вліяніе на впечатлительную натуру «итальянца».

Рамирецъ опять направился, несмотря на жару и страшную пыль, къ Конроевой горѣ и не останавливался, пока не достигъ ея вершины. Тутъ онъ присѣлъ, чтобы собраться съ мыслями, утишить непомѣрно сильное біеніе сердца, причиненное скорою, трудною ходьбою, отереть потъ, катившійся ручьями съ лица и, главное, придумать планъ дѣйствій. Онъ долженъ былъ видѣть ее немедленно, но какъ и гдѣ? Итти прямо къ ней, значило встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Гэбріе-

лемъ, а это было бы не очень пріятно; а если тотъ сидитъ у нея, то она велитъ сказать прислугѣ, что ея нѣтъ дома, Но если онъ скроется гдѣ-нибудь возлѣ дома, то, быть-можетъ, увидитъ ее, когда она выйдетъ изъ дома; да, кромѣ того, удастся, пожалуй, подслушать что-нибудь.

Онъ выбралъ себѣ, по странному случаю, прежнее любимое мѣстечко Гэбріеля, гдѣ тотъ бесѣдовалъ съ своею трубкой... т.-е. предавался своимъ размышленіямъ за трубкою. Это была огромная ель, наклонившаяся вершиною на бокъ, какъ будто слѣдуя какому-то таинственному влеченію. Викторъ подошелъ къ ней и сѣлъ на рядомъ стоящій пень. Тутъ произошло замѣчательное обстоятельство, охватившее его сначала суевѣрнымъ ужасомъ: платокъ, которымъ онъ теръ потъ, и сорочка вдругъ казались обрызганными кровью. Потомъ онъ замѣтилъ, что этотъ кровавый цвѣтъ былъ слѣдствіемъ красной пыли, смѣшавшейся съ потомъ, все еще лившимся съ него.

Солнце медленно заходило. Длинная тѣнь падала на Конроеву гору и какъ будто разрѣзывала высокую ель на двѣ части. Хлопанье бичей и рѣзкіе свистки ѣздившихъ по большой дорогѣ возчиковъ мало-по-малу замолкли; работники направлялись домой. Тѣни ложились все гуще и гуще на засыпающую землю.

Съ наступленіемъ темноты Рамирецъ становился все внимательнѣе и дѣятельнѣе. Кто бы увидѣлъ его теперь бродящимъ вокругъ одинокой ели, съ выпученными глазами и блестящими оскаленными зубами, тотъ счелъ бы его за дикаго звѣря, ожидающаго ночной добычи.

Вдругъ онъ остановился, нагнулся впередъ и пристально устремилъ глаза въ темную даль. Изъ города шла какая-то женщина; даже при дальнемъ разстояніи и темнотѣ, Рамирецъ узналъ щегольскую шляпку и неуклюжую походку Салли... Чертъ возьми! Хоть бы земля поглотила ее, прежде чѣмъ она до него дойдетъ! Къ счастію, она взяла вправо и пошла по тропинкѣ, ведущей къ хижинѣ Гэбріеля. Викторъ вздохнулъ свободнѣе... Вотъ раздался поблизости отъ него голосъ, производившій на него магическое вліяніе; онъ вздрогнулъ и быстро обернулся. Предъ нимъ стояла миссисъ Конрой, выпрямившись во весь ростъ, съ дерзкимъ, непокорнымъ видомъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спросила она рѣзко.

— Т-с-с-ъ!..—произнесъ воспаленный любовью Рамирецъ.— Тише! тутъ кто-то приближается къ намъ.

— Что мнѣ за дѣло до того, слышитъ ли меня кто, или нѣтъ? Вы сдѣлали всѣ предосторожности излишними,—отвѣчала она горько:—весь свѣтъ знаетъ про насъ теперь!.. Итакъ, спрашиваю васъ еще разъ: что вы здѣсь дѣлаете?

Онъ хотѣлъ приблизиться къ ней, но она отступила назадъ, обертывая длинный шлейфъ своего бѣлаго платья вокругъ руки какъ бы отъ опасенія, что Рамирецъ можетъ осквернить его своимъ прикосновеніемъ.

Викторъ тревожно засмѣялся.

— Вы пришли на назначенное свиданіе; я не виноватъ, если пришелъ слишкомъ поздно.

— Я пришла сюда потому, что ужъ болѣе получаса наблюдала за вами, сидя на верандѣ, какъ вы бѣгали здѣсь подъ деревомъ, словно гончая собака... Но мнѣ, дѣйствительно, нужно сказать вамъ нѣсколько словъ.

Стоя предъ нимъ, озаренная блѣднымъ свѣтомъ восходившей луны, гордая, повелительная, съ разгорѣвшимися отъ внутренняго волненія щеками, съ сверкающими глазами, со всѣмъ своимъ обаяніемъ,—она такъ много пріобрѣла власти надъ этимъ рабомъ страсти, что язвительныя слова ея только еще болѣе распаляли его, и онъ готовъ былъ пасть предъ нею въ прахъ, лишь бы она позволила ему дотронуться до своихъ тоненькихъ пальчиковъ, которыми грозила ему.

— Вы несправедливы ко мнѣ, Юлія, клянусь Богомъ, несправедливы!... Я сегодня по утру былъ взбѣшенъ въ высшей степени, не помнилъ себя, потому что увидалъ васъ съ другимъ!.. Я имѣлъ основательную причину прійти въ ярость, основательную причину; но я теперь пришелъ съ миромъ, Юлія, съ миромъ!

— Съ миромъ!—возразила она презрительно.—Ваша записка тоже была написана подъ вліяніемъ мирныхъ чувствъ?

— Ахъ! Я не зналъ, чѣмъ еще заставить васъ выслушать меня... Я вѣдь хотѣлъ сообщить вамъ весьма важное извѣстіе... извѣстіе... слышите ли?.. извѣстіе, которое могло бы спасти васъ, такъ какъ я пріѣхалъ отъ той, которая имѣетъ вторую дарственную грамоту... Ахъ, неужели вы не хотите выслушать меня?.. Только одну еще минуту посвятите мнѣ, Юлія—и потомъ я исчезну!

Миссисъ Конрой прислонилась къ дереву, безсознательно глядя впередъ.

— Говорите!—проговорила она холодно.

— Ахъ! значитъ, вы согласны, хотите выслушать меня?—спросилъ онъ обрадованно.—Это хорошо!—Итакъ, во-первыхъ: я узналъ, что повѣреннымъ той женщины состоитъ тотъ самый человѣкъ, который обольстилъ и бросилъ Грэсъ Конрой, тотъ человѣкъ, который назвался Филиппомъ Ашлеемъ, но котораго настоящее имя—Пойнсетъ.

— Какъ вы сказали?—спросилъ вдругъ мистрисъ Конрой, отходя отъ дерева и вперяя въ него свои холодные, блестящіе, какъ ледъ, глаза.

— Артуръ Пойнсетъ—бывшій солдатъ, офицеръ... Ахъ, вы мнѣ не вѣрите?... Клянусь Богомъ, что я не лгу!

— Да что мнѣ до него за дѣло?—сказала она насмѣшливо, снова прислоняясь къ дереву.—Продолжайте, или вы, быть-можетъ, не имѣете больше ничего сказать?

— Нѣтъ—имѣю, и даже многое... Вотъ видите ли: онъ теперь женихомъ одной богатой южной вдовы, понимаете? Вѣдь, тамъ никто не знаетъ о его прошломъ.... О, я вижу, что вы начинаете понимать меня! Онъ не осмѣливается разыскать настоящую Грэсъ Конрой и поэтому же не можетъ начать дѣла своей кліэнтки.

— Это все?

— Все?!—о, нѣтъ! Я еще имѣю нѣчто сообщить, но я тутъ опасаюсь говорить,—сказалъ онъ, пугливо озираясь.

— Такъ пусть это остается тайною,—проговорила миссисъ Конрой холодно:—вѣдь мы видимся въ послѣдній разъ.

— Но, Юлія!

— Вы кончили?—спросила она тѣмъ же тономъ.

Было ли ея равнодушіе притворнымъ или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, оно производило свое дѣйствіе на Рамиреца. Онъ снова оглянулся и сказалъ потомъ угрюмо:

— Подойдите ближе, я тогда скажу вамъ эту тайну... Ахъ, вы не довѣряете мнѣ? не довѣряете?... Будь же по-вашему!

Видя, что она не двигается съ мѣста, онъ приблизился къ ней и шепнулъ:—нагните вашу головку, я скажу вамъ на ухо.

Миссисъ Конрой оттолкнула его простертую руку, но все-таки нагнула голову. Онъ шепнулъ ей нѣсколько словъ на ухо.

— Вы говорили это ему—Гэбріелю?—спросила она, пытливо глядя на него, но все же съ прежнимъ спокойствіемъ.

— Нѣтъ, Юлія, клянусь вамъ, что не говорилъ! Я бы ничего не сказалъ ему, но вѣдь я былъ взбѣшенъ, внѣ себя!... А онъ поступилъ по-медвѣжьи: онъ держалъ меня... вотъ здѣсь, такъ что я не могъ даже пошевельнуться, мое признаніе было вынуждено, вынуждено силою, клянусь Богомъ!

Къ счастію Виктора, темнота мѣшала ему замѣтить презрѣніе, отразившееся на лицѣ женщины, при этомъ сознаніи слабости того мужчины, который стоялъ предъ нею, и признанія имъ же силы ея мужа.

— И это все, что вамъ нужно сообщить мнѣ?—спросила она.

— Все!... Клянусь вамъ, Юлія, что все!

— Такъ выслушай же ты теперь меня, Викторъ Рамирецъ!—сказала она, быстро подходя къ нему и сверкая своими гнѣвными глазами.—Каково бы ни было ваше намѣреніе, когда вы сюда шли,—оно имѣло успѣхъ! Вы сдѣлали все, что намѣревались, и даже больше этого. Тотъ человѣкъ, которому вы отравили душу, котораго хотѣли возстановить противъ меня, удалился!... покинулъ меня... навсегда!... Онъ никогда не любилъ меня!... Обличивъ меня, вы сдѣлали его чрезвычайно счастливымъ, дали ему поводъ осыпать меня бранью, насмѣшками, оскорбленіями.... поводъ—совершить давно задуманную измѣну!

Даже въ темнотѣ она видѣла самодовольную улыбку, озарившую его лицо; могла слышать его учащенное дыханіе, когда онъ быстро нагнулъ къ ней голову, и замѣтила, что онъ жадно простеръ свою руку къ ея рукѣ; онъ схватилъ бы ее и покрылъ бы поцѣлуями, если бъ она не спрятала ихъ обѣ за спину.

— Ну, вотъ вы и довольны!... Вы сказали все, что имѣли сказать; теперь я тоже скажу, что должно... Неужели вы думаете, что я пришла къ вамъ темною ночью, чтобы поздравить васъ съ побѣдою?.. Нѣтъ, я пришла за тѣмъ, чтобы сказать вамъ, что, несмотря на поруганіе, которое мнѣ нанесъ Гэбріель Конрой, несмотря на то, что онъ обидѣлъ, оттолкнулъ, бросилъ, осрамилъ меня, несмотря на все это — я люблю его!... Люблю его, какъ до сихъ поръ никого еще не любила, люблю его, какъ больше никогда никого не буду любить, люблю такъ же сильно, страстно, безгранично, какъ—ненавижу васъ!... Люблю его до такой степени, что послѣдую за нимъ, куда бы онъ ни пошелъ... готова ползти за нимъ на колѣняхъ... Его ненависть мнѣ дороже вашей любви! Слышите вы это, Викторъ Рамирецъ?... Вотъ это я хотѣла сообщить вамъ; но это еще не все... слушайте дальше! Тайну, которую вы мнѣ объявили—ложная ли она, или нѣтъ—я передамъ ему. Я помогу ему отыскать сестру... Я добьюсь его любви, хотя бы даже цѣною вашей жизни, жизни другого, даже—моей собственной!... Слышали вы это, Викторъ Рамирецъ? Подлецъ! Незаконный сынъ!.. О, скальте зубы, сколько хотите!... я васъ не боюсь!... скрипите зубами въ безсильной злобѣ, какъ тогда, когда вы изгибались подъ рукою Гэбріеля!.. Это было великолѣпное зрѣлище, Викторъ... достойная награда мужественному секретарю, укравшему бумаги умирающей дѣвушки... храброму солдату, поручившему свой гарнизонъ разносчику... О, я знаю, кого имѣю предъ собою, милостивый государь! знала васъ и въ тотъ день, когда выбрала васъ своимъ орудіемъ, своимъ шутомъ!... Продолжайте.

сэръ, вытаскивайте пожъ, продолжайте, прошу васъ.... Я васъ, труса, не боюсь!.. Я не буду кричать, увѣряю васъ!.. Подходите же!...

Крикнувъ отъ бѣшенства, кинулся онъ на нее съ ножомъ въ рукѣ; но въ это мгновеніе она увидѣла протянувшуюся въ темнотѣ руку, схватившую Рамирецa за плечи; она увидѣла, какъ онъ обернулся съ страшнымъ проклятіемъ и началъ биться въ рукахъ Деваржа—и, не дожидаясь результата вмѣшательства своего деверя, даже не поблагодаривъ его за избавленіе, она быстро прошмыгнула мимо обоихъ.

Подъ вліяніемъ овладѣвшей ею внезапно мысли, она бросилась въ свой будуаръ, торопливо набросала на клочкѣ бумаги нѣсколько строкъ и позвала одного изъ своихъ китайцевъ-служителей.

— Возьми это, А-фи, и передай мистеру Конрой; ты найдешь его у адвоката Максвелла, а если его тамъ нѣтъ, то адвокатъ скажетъ тебѣ, куда онъ пошелъ. Ты долженъ отыскать его во всякомъ случаѣ; если онъ уже оставилъ городъ, то послѣдуй за нимъ, и постарайся догнать его. Если отыщешь его въ теченіе часа, то я удвою это (она сунула ему въ руку золотой). Иди скорѣе!...

Несмотря на ограниченныя познанія А-фи въ англійскомъ языкѣ онъ все-таки понялъ свою госпожу, по ея движеніямъ, а потому, кивнувъ головою, сказалъ: «я будить многи сколо», опустилъ золотой и записку въ рукавъ и быстро побѣжалъ, куда ему было приказано. Шумъ борьбы въ кустахъ и зовъ на помощь побудили его пробормотать: «твой много идетъ къ челту, нѣтъ мой дѣла», и затѣмъ онъ пустился бѣжать быстрѣе прежняго. Черезъ полчаса онъ достигъ конторы адвоката; но свѣдѣнія, полученныя имъ тамъ, были неблагопріятны: Гэбріель ушелъ тому назадъ часъ, никто не зналъ куда. А-фи колебался немного, затѣмъ рысцою сбѣжалъ съ горы, по направленію ко рву, въ которомъ работало нѣсколько его соотечественниковъ; тутъ онъ остановился и громко проговорилъ рядъ такихъ странныхъ словъ, что работавшіе вблизи американцы съ изумленіемъ вытаращили на него глаза. Дѣйствіе этихъ словъ было магическое: въ одно мгновеніе лопаты и мотыки полетѣли въ сторону, и вся толпа китайцевъ бросилась по различнымъ направленіямъ на всѣ дороги ведущія изъ Одноконнаго Стана.

Одну изъ нихъ избралъ самъ А-фи. Черезъ полчаса или около того, онъ, къ счастью, наткнулся на предметъ своихъ поисковъ, который сидѣлъ на большомъ камнѣ и преспокойно курилъ трубку; возлѣ него лежали мѣшокъ, мотыка и лопата.

А-фи не сталъ терять драгоцѣннаго времени на длинныя объясненія, онъ просто вручилъ своему господину записку, тотчасъ же повернулся и ушелъ обратно. Опять черезъ полчаса всѣ китайцы находились во рву и работали такъ усердно, будто бы ничего и не происходило.

Гэбріель вынулъ трубку изо рта и нерѣшительно завертѣлъ запискою. Открывъ ее, наконецъ, онъ узналъ при первомъ же, взглядѣ, мелкій почеркъ жены, и имъ овладѣло нѣчто въ родѣ сожалѣнія о ней; затѣмъ онъ громко, но медленно и заикаясь, прочелъ слѣдующее: «Я была неправа. Ты оставилъ нѣчто,— тайну, которую долженъ, если дорожишь своимъ счастіемъ, взять съ собою. Ты узнаешь все, если вернешься на Конроеву гору, черезъ два часа, но не позже; я покидаю домъ этотъ въ эту же ночь, навсегда. Я не прошу тебя вернуться ради твоей жены, но ради той, за которую она себя прежде выдавала. Ты придешь, потому что любишь Грэсъ, а не потому, чтобы заботиться о своей Юліи».

Гэбріель понялъ изъ этой записки только одно, — то, что тутъ намекалось на Грэсъ. Этого было достаточно. Онъ спряталъ трубку въ карманъ, взялъ свои драгоцѣнности на плечи и медленно пошелъ по направленію къ городу; достигнувъ его, онъ старался избѣгнуть главной улицы, что, однако, не помѣшало двумъ-тремъ человѣкамъ замѣтить его, когда онъ всходилъ на гору по неудобной, рѣдко посѣщавшейся тропинкѣ. Онъ недолго находился на горѣ; десять, а по словамъ другихъ пятнадцать минутъ спустя, его опять видѣли сходящимъ по той же тропинкѣ внизъ и исчезающимъ въ кустахъ.

Съ закатомъ солнца понизилась и температура; сухая тропическая жара обратилась въ бѣгство предъ поднявшимся сильнымъ вѣтромъ; но съ ночью исчезъ и вѣтеръ; и солнце взошло надъ спокойною и охлажденною землею, коснулось, сперва по привычкѣ, высокой вершины великанши-ели на Конроевой горѣ, затѣмъ скользнуло по ея стволу до земли и освѣтило тутъ—трупъ Виктора Рамирепа съ ножомъ въ груди!

XXXVI.

Продолженіе отдыха м-ра Гамлина.

Когда донья Долоресъ не замѣтила больше Джека Гамлина подъ своимъ окномъ, послѣ отъѣзда сеньоры Сепульвида, она предположила, что онъ отправился ее провожать. Она весьма удивилась бы, если бъ кто сообщилъ ей, что онъ въ эту минуту преспокойно сидитъ въ одномъ изъ ея покоевъ и потягиваетъ

виски, въ сообществѣ ея дяди—дона Хуана Сальватіерра. Съ свойственною ему смѣлостью, Джекъ пробрался въ домъ, добился гостепріимства дона Хуана,—не объявляя даже этому церемонному господину своего имени и званія—великолѣпно провелъ съ нимъ два часа и, наконецъ, покинулъ его пьянымъ до-нельзя и въ совершенномъ невѣдѣніи относительно своей собственной личности. Почему Джекъ не простеръ свою смѣлость далѣе и не постарался увидѣться съ таинственною доньей, очаровавшей его,—того мы не можемъ сказать, да едва ли можетъ объяснить и онъ самъ. Можно предположить, что это случилось вслѣдствіе вдругъ овладѣвшаго имъ сознанія, что онъ дерзостью ничего не достигнетъ у этой госпожи.

Донья Долоресъ ничего не знала о пребываніи этого гостя подъ ея кровлею, раньше истеченія трехъ дней, потому что во все это время была нездорова и не выходила изъ комнаты; но странно было то, что когда ей доложили объ этомъ, то впала въ такую ярость, что донъ Хуанъ сильно струсилъ, а прислуга страшно перепугалась.

– Отчего меня не увѣдомили о томъ, что онъ здѣсь?— кричала она гнѣвно, топая ножкою:—неужели меня считаютъ за неразумное дитя и не даютъ мнѣ исполнять мои обязанности, какъ хозяйкѣ усадьбы св. Троицы?... Или вы, донъ Хуанъ, приняли на себя роль моей дуэньи?... Принять, какъ лакея какого-нибудь, храбраго кабаллеро, который — я угадываю, что это онъ самый—спасъ меня отъ обиды въ прошлое воскресенье!... О, Боже!.. гдѣ же у васъ голова была?.. въ отсутствіи, что ли?.. И вы даже не знаете, какъ его звать?

Напрасно донъ Хуанъ клялся, чѣмъ только могъ, что незнакомецъ вовсе не выказывалъ желанія видѣть ее, и что ей нельзя же было притти къ нему, помимо его воли, что она, повидимому, готова была сдѣлать, если бъ ей доложили о немъ.

– Лучше было бы, если бъ я оказалась дерзкою—чего не случилось бы, дядя, потому что американцы не имѣютъ нашихъ глупыхъ предразсудковъ—чѣмъ допустила обезчестить усадьбу св. Троицы такимъ пріемомъ благороднаго человѣка,— отвѣтила она запальчиво.

Какъ бы то ни было, но мистеръ Гамлинъ нашелъ, что въ Санъ-Антоніо онъ не можетъ пользоваться такимъ спокойствіемъ, какой ему прописалъ докторъ, почему и уѣхалъ оттуда на другой же день послѣ посѣщенія св. Троицы.

Три дня изъ самыхъ жаркихъ онъ провелъ въ Сакраменто, а на четвертый поспѣшилъ въ горы и очутился на пятый день— когда жара спала—въ Виндгамѣ.

— Нѣтъ ли тутъ кого-нибудь изъ знакомыхъ мнѣ? — спросилъ онъ своего вѣрнаго Пита, когда тотъ принесъ ему утромъ заново вычищенное платье.

— Нѣтъ, масса, никого нѣтъ

— Да мнѣ никого и не нужно, какъ ты думаешь, а? — сказалъ Джекъ, вставая.

Питъ задумался, потомъ сообщилъ.

— Внизу, въ гостиной сидятъ двое путешественниковъ, то-есть мужчина съ женщиною; они пришли изъ лѣсу. Я предполагаю, что они принадлежатъ къ той компаніи, которую собралъ около себя Питеръ Думфи; они кажутся страшно неопытными...

— Хорошо, я буду завтракать внизу вмѣстѣ съ ними,— сказалъ Джекъ.

Эти путешественники были никто иные, какъ мистеръ Рейноръ съ супругою, только-что любовавшіеся великанами-деревьями, подъ руководствомъ одного любезнаго санъ-францискскаго газетнаго издателя, приставленнаго къ нимъ мистеромъ Думфи.

Они очень удивились, увидя входившаго въ гостиную—или, вѣрнѣе, просто въ общую залу—молодого, красиваго блѣднаго господина, въ сопровожденіи слуги; онъ преспокойно занялъ мѣсто напротивъ ихъ. Видя, какъ изящно онъ одѣтъ, мистрисъ Рейноръ тотчасъ же вспомнила, что она еще не закончила своего туалета и торопливо удалилась, пробормотавъ извиненіе. Мистеръ Рейноръ, изумленный видомъ элегантнаго незнакомца, выразилъ редактору-издателю свое любопытство относительно этой особы, толкнувъ его подъ локоть; но редакторъ не счелъ нужнымъ удовлетворить этому любопытству по извѣстнымъ ему одному причинамъ. Быть-можетъ, онъ узналъ въ черноокомъ незнакомцѣ знаменитаго Джека Гамлина и поэтому остерегался сообщать кому-либо, въ его присутствіи, ходившіе о немъ слухи; а можетъ-быть, онъ промолчалъ просто по разсѣянности.

Мистеръ Гамлинъ, дождавшись ухода мистрисъ Рейноръ, преспокойно вынулъ изъ кармана револьверъ и кинжалъ, положилъ эти предметы небрежно по сторонамъ тарелки, такъ же небрежно взглянулъ на своихъ сосѣдей и позвалъ Пита.

— Скажи, кому слѣдуетъ, чтобы мнѣ подали болѣе крупнаго картофеля, чѣмъ вотъ этотъ, стоящій предъ моимъ носомъ... Да пусть поторопятся... Заряжена твоя винтовка?

— Да, масса!—быстро отвѣтилъ Питъ, не шевельнувъ ни однимъ мускуломъ своего чернаго лица.

— Непремѣнно же, возьми ее съ собою.

Но тутъ изумленіе и любопытство мистера Рейнора—только-что удивлявшагося огромному картофелю, который показался Гамлину малымъ—положительно взяли верхъ надъ приличіемъ; не получая на свои толчки отвѣта отъ спутника, углубившагося между тѣмъ въ чтеніе газетъ, онъ прямо обратился къ незнакомцу.

— Прошу извинить меня, милостивый государь,—сказалъ онъ самымъ вѣжливымъ тономъ,—не ослышался ли я, или вы серьезно изволили потребовать себѣ еще болѣе крупнаго картофеля? Неужели есть еще крупнѣе?

— Это въ первый еще разъ мнѣ предлагаютъ такой крошечный картофель,—отвѣтилъ Джекъ серьезно.—Возможно, что въ здѣшней мѣстности овощи въ этомъ году задержаны въ своемъ ростѣ какою-нибудь метеорологической причиной; впрочемъ, не знаю этого навѣрное, такъ какъ я здѣсь чужой, подобно вамъ, если только я не ошибаюсь относительно васъ.

— Такъ!—произнесъ заинтригованный Рейноръ.—Смѣю ли предложить вамъ еще вопросъ:—вы простите, если я покажусь дерзкимъ—я слышалъ, что вы приказали вашему слугѣ взять съ собою въ кухню винтовку; позвольте же узнать, что побудило васъ отдать подобное приказаніе?

— Питъ!—отвѣтилъ Гамлинъ вяло.—Питъ очень хорошій слуга, и я не желалъ бы его лишиться. Быть-можетъ; и я слишкомъ ужъ остороженъ; но мнѣ кажется, что поневолѣ будешь осторожнымъ, когда приходится видѣть убитыми двухъ своихъ слугъ въ теченіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ.

Полнѣйшее равнодушіе Гамлина, молчаніе редактора, а главное, сообщенные ему факты переполнили мѣру удивленія мистера Рейнора.

— Боже праведный, какіе ужасы! Я слышу подобную вещь въ первый разъ!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ своему спутнику.

Мистеръ Гамлинъ тоже взглянулъ на редактора.

— Вашъ другъ—калифорнецъ и знаетъ, какъ мы ненавидимъ ложь и избѣгаемъ малѣйшаго повода къ сомнѣнію въ правдивости нашихъ словъ,—сказалъ онъ для чего-то.

Редакторъ поспѣшилъ подтвердить замѣчаніе Гамлина и, немного спустя, ушелъ, оставивъ съ нимъ своего протеже одного. Какъ Джекъ воспользовался этимъ, чтобы помистифицировать несчастнаго туриста, все болѣе и болѣе разсказывая ему самымъ серьезнымъ тономъ басни о растительности Нижней Калифорніи, о богатствѣ страны и о полномъ пренебреженіи калифорнцевъ къ жизни и имуществу—считаемъ лишнимъ подробно

передавать читателю: скажемъ только, что онъ въ концѣ-концовъ то того очаровалъ туриста, что получилъ настоятельное приглашеніе раздѣлить съ нимъ компанію, чѣмъ и воспользовался бы, если бы не помѣшалъ одинъ замѣчательный случай.

Во время разговора, любопытство Гамлина было возбуждено появленіемъ незнакомца, скромно и нерѣшительно занявшаго мѣсто у двери. Эта скромность и недостатокъ самоувѣренности до того показались Джеку несогласными съ громаднымъ ростомъ и замѣчательной силой, проявлявшейся въ каждомъ мускулѣ незнакомца, что ему хотѣлось подойти къ нему и спросить, что ему нужно, и не находится ли онъ въ опасности быть пойманнымъ полиціей за какую-нибудь продѣлку. Однако онъ этого не сдѣлалъ, но зато безцеремонно намекалъ туристу и вновь появившемуся редактору, что считаетъ робость незнакомца только маскою, пригодною ввести однихъ дураковъ въ заблужденіе, что онъ удивляется его способности играть роль и что мужчина подобнаго тѣлосложенія не долженъ бы быть такимъ скромнымъ, если бъ не имѣлъ на то особенныхъ причинъ.

Предметъ всей этой критики былъ одѣтъ, какъ одѣваются южные рудокопы, быть-можетъ—немного почище; у него была густая темно-русая борода, длинные пепельные кудри, ниспадавшіе по сторонамъ низкаго, но широкаго лба; лицо его было весьма блѣдно—отъ болѣзни или отъ большого горя; это предположеніе подтверждалось тѣмъ, что онъ ѣлъ очень мало. Глаза его большею частью были потуплены, а если онъ и подымалъ ихъ, то такъ робко, что даже не рѣшался повнимательнѣе оглядѣть присутствующихъ. Несмотря на все это, въ его наружности было столько небудничнаго—если можно такъ выразиться—что онъ не только обратилъ на себя вниманіе Гамлина, но и возбудилъ нѣкоторый энтузіазмъ въ мистерѣ Райнорѣ, а редактора заставилъ указать на него, какъ на типъ рудокопа. Совершенно смутившись, наконецъ, отъ безцеремонныхъ взглядовъ и замѣчаній, которые градомъ сыпались на него, онъ всталъ и вышелъ на веранду, на которой оставилъ, предъ входомъ въ залу, свой мѣшокъ и свои орудія. Мистеръ Гамлинъ, почувствовавъ, что ему слѣдуетъ уважать скромность незнакомца, ушелъ всѣдъ за его уходомъ самъ въ билліардную. Какъ только дверь за нимъ затворилась, редакторъ счелъ нужнымъ разсказать мистеру Райнору, что ему было извѣстно о Джекѣ—котораго онъ, дѣйствительно, узналъ—и затѣмъ постарался возстановить репутацію Калифорніи, пострадавшую отъ его басенъ.

— Что касается здѣшней безопасности,—говорилъ редакторъ съ негодованіемъ:—то здѣсь такъ же безопасно, какъ въ Нью-

Іоркѣ или Бостонѣ... Я не отрицаю, что было время, когда страна терпѣла очень много отъ подобныхъ авантюристовъ, каковъ, напримѣръ, этотъ же самый Гамлинъ, но позвольте мнѣ указать вамъ на этого рудокопа, которымъ вы только-что восхищались, какъ на лучшее опроверженіе клеветы. Это, сэръ, типъ нашихъ рудокоповъ: мужественный, сильный, честный, скромный, безпритязательный. Мы гордимся подобными людьми, сэръ, и признаемся въ этомъ... А?.. О, это ничего особеннаго; пріѣхалъ, вѣроятно, почтовый дилижансъ.

Редакторъ ошибался: случилось кое-что важнѣе. На верандѣ мигомъ собралась цѣлая толпа взволнованныхъ людей и съ какимъ-то необъяснимомъ страхомъ глядѣла одинъ черезъ плечи другого на среднюю группу, въ которой возвышалась надъ всѣми геркулесовская фигура интереснаго рудокопа. Вотъ Билль, почтальонъ, продрался сквозь толпу и вошелъ въ ближайшій шинокъ.

— Что тутъ произошло, Билль?—спросили нѣсколько голосовъ...

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ Билль угрюмо, съ трудомъ снимая свои огромныя рукавицы.—Случилось только то, что калаверасскій шерифъ, ѣхавшій съ нами, нашелъ того кого ему было нужно.

— Когда, Билль?

— Вотъ здѣсь, на верандѣ гостиницы. Это былъ первый человѣкъ, на котораго взглядъ его упалъ при выходѣ изъ кареты.

— Почему?.. Кого взяли?.. За что? Кто онъ такой?.. Что онъ сдѣлалъ?—кричали всѣ хоромъ.

— Убилъ прошлою ночью въ Одноконномъ Станѣ одного человѣка,—сказалъ Билль, хватаясь за бутылку, которую половой подалъ ему безъ требованія съ его стороны.

— Кого же именно онъ убилъ, Билль?

— Маленькаго мексиканца изъ Санъ-Франциско, по фамиліи Рамиреца.

— Какъ зовутъ того человѣка, который его убилъ?—вдругъ спросилъ чей-то голосъ.

Этотъ голосъ принадлежалъ Джеку Гамлину. Билль живо обернулся, поставилъ стаканъ на столъ, отеръ себѣ ротъ своимъ широкимъ рукавомъ и, оскаля зубы, протянулъ руку.

— Будь я проклятъ, если это не Джекъ Гамлинъ,—сказалъ онъ.—Ну, какъ дѣла, а?.. Вы что-то немного блѣдны, но дерзки и безсовѣстны попрежнему... Половой, подай ему бутылку яду, то есть, виски!.. пью за ваше здоровье, незабвенный другъ... радъ васъ видѣть!

Толпа глядѣла на этихъ двухъ людей, затаивъ дыханіе, съ уваженіемъ и страхомъ. Джекъ Гамлинъ и Юба Билль были

для нихъ божествами, и никто не осмѣливался, въ виду ихъ, даже пошевелиться на мѣстѣ.

Наступила пауза, которая была прервана Гамлиномъ.

— Ну,—сказалъ онъ небрежно, хотя съ немного раскраснѣвшимся лицомъ,—какъ же зовутъ того молодца, который отправилъ на тотъ свѣтъ мексиканца?

— Его зовутъ Гэбріель Конрой,—отвѣтилъ Билль съ большой важностью.

XXXVII.

Содѣйствіе Гамлина.

Арестъ Гэбріеля совершонъ былъ тихо; къ великому удивленію шерифа, Гэбріель не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія, но предалъ себя въ руки провосудія съ такою готовностью, какъ будто это было первымъ необходимымъ шагомъ къ скорѣйшей развязкѣ дѣла, которое казалось ему загадкою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ немъ замѣчалась совершенно несвойственная ему осторожность: онъ требовалъ, чтобы ему показали приказъ объ его арестѣ, спрашивалъ, гдѣ и когда найденъ убитый, и воздержался отъ всякихъ объясненій, которыя всякій, знавшій его характеръ, ожидалъ услышать отъ него, былъ ли онъ правъ или нѣтъ; поэтому его осторожность сочли за обыкновенную хитрость, свойственную всѣмъ преступникамъ и, такимъ образомъ, за явное подтвержденіе его виновности.

Онъ спокойно далъ себя обыскать, при чемъ не было найдено рѣшительно ничего подозрительнаго. Только когда его начали заковывать въ цѣпи, онъ поблѣднѣлъ, и близстоящіе могли видѣть, какъ высоко подымалась его грудь, будто онъ съ великимъ усиліемъ удерживался отъ протеста; замѣтивъ это, шерифъ, человѣкъ съ быстрымъ соображеніемъ и пониманіемъ человѣческаго сердца, хладнокровно приказалъ унести цѣпи.

— Предполагаю, что онѣ лишнія,—сказалъ онъ Гэбріелю,—если вы захотите рискнуть, то и я могу тоже.

Гэбріель взглянулъ съ благодарностью на шерифа и встрѣтился съ его взглядомъ, въ которомъ выражалась тихая угроза, что онъ будетъ безжалостно преданъ смерти, при первой попыткѣ бѣжать. Рѣшено было дождаться слѣдующаго дилижанса, а до тѣхъ подъ Гэбріеля отвели подъ сильнымъ карауломъ въ верхнюю комнату. Тутъ онъ снова сдѣлался прежнимъ скромнымъ, добродушнымъ, простымъ Гэбріелемъ: попросилъ позволенія выкурить трубку, что не менѣе добродушный сто-

рожъ сейчасъ же и позволилъ ему, и преспокойно растянулся на кровати. Усилившійся вѣтеръ врывался съ шумомъ въ полуоткрытое окно и образовывалъ самыя разнообразныя формы изъ носившихся по комнатѣ клубовъ дыма, выпускаемаго Гэбріелемъ изо рта. Сторожъ, смущавшійся больше своего плѣнника, все думалъ, чѣмъ бы развлечь его, и завелъ съ нимъ, наконецъ, разговоръ, который Гэбріель, однако, остановилъ въ самомъ началѣ.

— Вы напрасно заботитесь о моемъ развлеченіи,—сказалъ онъ:—это излишній трудъ. Если вамъ самому скучно, то можете позвать сюда стоящихъ за дверью и болтать съ ними, не обращая вниманія на меня.

Приходъ шерифа Джона Голла положилъ конецъ смущенію сторожа

— Васъ спрашиваетъ одинъ господинъ,—сказалъ онъ Гэбріелю:—онъ можетъ пробыть у васъ до нашего отъѣзда. Ты, сторожъ, можешь тоже выйти за дверь; господинъ, который придетъ сюда, защитникъ плѣнника.

Гэбріель поднялъ голову и увидѣлъ входившаго въ это мгновеніе авдоката Максвелла, привѣтливо, хотя и съ серьезнымъ лицомъ, простиравшаго къ нему руку; въ немъ замѣчалось отсутствіе его обычной веселости; ея и не могло быть въ немъ при видѣ плѣнника.

— Не ожидалъ, что увижу васъ такъ скоро, Гэбріель! Но какъ только я узналъ объ этомъ случаѣ, и мнѣ сообщили, что Голлъ получилъ приказъ арестовать васъ, я въ ту же минуту отправился за нимъ слѣдомъ. Я явился бы раньше, но моя лошадь очень устала.

Онъ остановился, пытливо взглянулъ на Гэбріеля и лаконически спросилъ:

— Ну, что?

Гэбріель, съ своей стороны, тоже взглянулъ на него, но ничего не отвѣтилъ.

— Я предполагалъ, что вамъ нуженъ защитникъ,—продолжалъ Максвеллъ, немного погодя:—я думалъ, что вы выберете меня... такъ какъ... я знакомъ со всѣми... обстоятельствами.

— Какими обстоятельствами? — спросилъ Гэбріель съ тою же осторожностью, какую уже успѣлъ проявить незадолго передъ тѣмъ.

— Ради Бога, Гэбріель,—сказалъ адвокатъ,—нетерпѣливо подымаясь съ мѣста:—не будемте повторять той ошибки, которую мы сдѣлали во время первой нашей бесѣды! Теперь дѣло очень серьезное и можетъ сдѣлаться еще болѣе серьез-

нымъ для васъ... Вы подумайте сами: вчера вы избрали меня посредникомъ для передачи всего вашего имущества вашей женѣ, говоря, что вы оставляете Одноконный Станъ навсегда... Я теперь не спрашиваю васъ, зачѣмъ вы такъ поступили; я прошу васъ только принять къ свѣдѣнію, что я единственный человѣкъ, которому извѣстно это обстоятельство, которое къ тому еще—говорю вамъ это въ качествѣ адвоката—очень важно съ точки зрѣнія приписываемаго вамъ преступленія.

Максвеллъ ждалъ отвѣта Гэбріеля, проводя рукою по лицу, чтобы согнать обычное нервное подергиваніе губъ, какъ будто онъ сгонялъ улыбку. Но Гэбріель все еще молчалъ.

— Гэбріель Конрой! Неужели вы не можете, или не хотите понять меня?—спросилъ онъ нетерпѣливо: — неужели вы такой—дуракъ?

— Должно-быть,—отвѣтилъ Гэбріель серьезно:—должно быть, что такъ; самъ сознаю это.

— Не удивляюсь, что вы сознаетесь чортъ возьми! — воскликнулъ запальчиво Максвеллъ, но тотчасъ же устыдился своей грубости и продолжалъ болѣе спокойно.—Слушайте, Гэбріель, если вы не хотите покаяться мнѣ, то я долженъ признаться вамъ кое-въ-чемъ: шесть мѣсяцевъ тому назадъ, я считалъ васъ за обманщика; меня увѣрила въ этомъ ваша теперешняя жена; она говорила, что вы присвоили себѣ имя и права, далеко не принадлежащія вамъ; утверждала, что хотя вы и называетесь Гэбріелемъ Конроемъ, но она не можетъ признать васъ имъ,—какъ сестра настоящаго Конроя. Она имѣла даже фактическія доказательства на каждое свое слово. Эхъ, проклятая исторія!—проворчалъ онъ, напрасно прождавъ отвѣта отъ Гэбріеля; — ни одинъ адвокатъ въ мірѣ не отказался бы вести ея дѣло, которое казалось такимъ справедливымъ. При такихъ-то обстоятельствахъ я и пришелъ тогда къ вамъ, — результатъ того свиданія, вамъ, конечно, еще памятенъ. Могу только сказать, что если какой-либо человѣкъ и признавался въ своей винѣ, не будучи нисколько виноватъ, то это были вы... Хорошо! Послѣ того, какъ Олли разъяснила мнѣ ваше загадочное поведеніе, ко мнѣ пришла эта женщина и объяснила, что не желаетъ доводить свою жалобу до суда въ благодарность за то, что вы именно—какъ она узнала — спасли ее во время потопа. Когда же она впослѣдствіи сообщила мнѣ, что благодарность ея къ вамъ превратилась въ болѣе нѣжное чувство, и что она готова выйти даже замужъ за васъ, чтобы совершенно скрыть вашу вину, то я, чортъ возьми! считалъ это очень естественнымъ, зная натуру женщинъ, и все еще ничего не подозрѣвалъ. Я вѣрилъ ей вполнѣ, вѣрилъ, что

она могла бы завести тяжбу, если бы захотѣла. Да, Гэбріель, я васъ считалъ предметомъ ея безумнаго великодушія! Я видѣлъ что она была въ васъ влюблена, и воображалъ, что это вы сумѣли вскружить ей голову—изъ хитрости! Ей-Богу, я былъ такъ глупъ, что вѣрилъ этому! Слѣдовательно, если вы считаете себя глупцомъ, то я долженъ сознаться, что въ тысячу разъ глупѣе васъ!

Онъ замолкъ на минуту, провелъ рукою по лицу и потомъ снова продолжалъ.

— Я опять началъ сильно подозрѣвать васъ, когда вы вчера пришли ко мнѣ и объявили, что уходите и оставляете ей все, что имѣете. Подозрѣніе мое, понятное дѣло, увеличилось, когда я узналъ объ убійствѣ того мексиканца—одного изъ свидѣтелей вашей жены,—совершонномъ близъ вашего дома, о томъ, что васъ видѣли вечеромъ, и что затѣмъ вы опять скрылись, и, наконецъ, объ исчезновеніи также и вашей супруги; когда же, сверхъ того, мнѣ еще попалось письмо миссисъ Конрой, найденное сегодня по утру возлѣ убитаго, тогда мое подозрѣніе вполнѣ окрѣпло,

При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ бумажника записку и вручилъ ее Гэбріелю, который машинально развернулъ ее,—это была та самая записка, которую ему вчера вечеромъ передалъ А-Фи. Онъ преспокойно принялся выбивать золу изъ трубки, потомъ указалъ на записку и осторожно спросилъ:

— А какимъ образомъ она попала къ вамъ?

— Нашла ее Сара Кларкъ, а передала мнѣ миссисъ Маркль. Значитъ, существованіе этой записки извѣстно только троимъ, и всѣ они—ваши друзья.

Гэбріель все возился со своею трубкою, Максвеллъ наблюдалъ за каждымъ его движеніемъ и удивлялся его хладнокровію.

— Ну, что же вы не оправдываетесь?—спросилъ онъ.

Гэбріель привсталъ съ кровати и сильно ударилъ трубкою о стѣну, чтобы удалить изъ нея послѣдній атомъ золы.

— Какъ?—произнесъ онъ серьезно.—Что вы называете оправданіемъ? Я спрашиваю васъ, какъ опытнаго адвоката, которому заплачу за каждое его слово: что же вы считаете оправданіемъ?

Онъ снова развалился на кровати и готовился внимательно слушать.

— Мы надѣемся доказать,—сказалъ Максвеллъ, улыбаясь,—что, когда вы въ первый разъ вышли изъ дому и пришли ко мнѣ, то убитый еще былъ живъ и находился въ гостиницѣ; что онъ пошелъ на гору, послѣ того какъ вы уже оставили городъ;

что вы вернулись лишь по совершеніи убійства—что видно изъ этой записки вашей жены, въ которой она упоминаетъ о какой-то тайнѣ,—что въ ея планъ входило—по той или другой причинѣ—кинуть на васъ подозрѣніе, и что она намекаетъ въ своей запискѣ на фактъ, неизвѣстный вамъ...

— На что-то такое, извѣстное ей, что для меня было тайною,—перебилъ Гэбріель.

— Вѣрно!.. Ну, теперь вы понимаете, что вы могли бы оправдать себя на основаніи этой записки?

Гэбріель молча и медленно всталъ съ кровати, подошелъ къ окну и, разорвавъ записку на мельчайшіе клочки, разметалъ ихъ по вѣтру.

— Теперь эта записка не имѣетъ значенія,—сказалъ онъ спокойно, занимая прежнее мѣсто.

Пришла очередь Максвелла онѣмѣть отъ изумленія; онъ вытаращилъ глаза на Гэбріеля, какъ на невиданное до сихъ поръ морское чудовище.

— Если вы хотите выслушать меня, то я готовъ изложить вамъ планъ другого способа защиты,—сказалъ Гэбріель, закуривая трубку,—хотя я и предполагаю, что вы лучше меня знаете толкъ въ этихъ дѣлахъ... Ну, вотъ, положимъ, вы стоите предъ судьями и *завязываете нить* въ слѣдующемъ родѣ: вотъ я стою, скажете вы... или говорю хоть я самъ... я играю очень высокую игру, борюсь съ лютыми звѣрями, когда только представляется случай... это извѣстно не многимъ, а моя жена... то-есть, моя—*бывшая* жена вовсе не знаетъ этого... Вотъ я и игралъ съ этимъ Викторомъ Рамирецомъ... игралъ отчаянно, и эта игра кончилась очень скверно: мы поспорили изъ-за картъ... слово за слово... тотъ называетъ меня лжецомъ, и я одинъ убиваю его... Нѣтъ, стой!—прервалъ себя Гэбріель внезапно,—это не годится, не такъ ли?.. Вѣдь онъ былъ такой же крошечный парень, какъ и вы... Нѣтъ, такъ нельзя; это будетъ скверная защита. А вотъ что можно будетъ сказать: явилась полиція, вмѣшалась въ нашу ссору; его друзья бросаются на меня, я сбрасываю одного наземь, другого, и такъ далѣе въ продолженіе цѣлаго часа, пока меня не прижимаютъ къ стѣнѣ. Тутъ я ужъ въ отчаяніи вытаскиваю ножъ и, не помня себя, ударяю имъ Виктора... Вотъ какъ это произошло. Ну, а бѣжалъ я вотъ почему: я вспомнилъ, что долженъ итти по чужому дѣлу въ Сакраменто—и бросаюсь со всѣхъ ногъ, чтобы сдержать слово. Если же спросятъ, почему Юлія исчезла, то я скажу, что она сошла съ ума, видя, что я такъ долго не являюсь домой, и бѣжала, изъ ревности, вслѣдъ за мною. — Вотъ какова моя мысль; вамъ слѣдуетъ только не-

много округлить ее и прикрасить тамъ и сямъ жалкими словами, чтобы произвести впечатлѣніе на судей.

Максвеллъ съ недовольнымъ видомъ пожалъ плечами.

— Я заключаю изъ вашей путаницы, что вы намѣрены сознаться...

— Въ своемъ преступленіи? — перебилъ Гэбріель, лукаво моргнувъ глазами:—конечно!.. Я сдѣлалъ это поневолѣ, защищая собственную жизнь... вѣдь на меня напала цѣлая ватага... Я никого не назову изъ нихъ: не могъ разглядѣть ихъ въ темнотѣ.

Максвеллъ подошелъ къ окну и нѣкоторое время серьезно глядѣлъ на улицу.

— Гдѣ Олли?—спросилъ онъ вдругъ, обернувшись къ Гэбріелю съ веселымъ выраженіемъ лица.

Гэбріель повѣсилъ голову.

— Я какъ разъ шелъ къ ней. Она въ Сакраменто, въ пансіонѣ,—отвѣтилъ онъ нехотя.

— Пошлите сейчасъ же за нею: мнѣ надо съ ней поговорить!

Гэбріель положилъ свою тяжелую руку на плечо адвоката.

— Ей—вѣдь она еще ребенокъ—не слѣдуетъ знать объ этомъ, слышите?—проговорилъ онъ угрожающимъ тономъ.

— Какъ же вы хотите скрыть это отъ нея?—Завтра же все это происшествіе будетъ напечатано во всѣхъ газетахъ... съ добавленіями и комментаріями,—отвѣтилъ адвокатъ. Лучше будетъ поэтому, если она услышитъ объ этомъ отъ васъ самихъ,—добавилъ онъ убѣдительнымъ тономъ.

— Но я не могу видѣть ее теперь—именно теперь,— сказалъ Гэбріель едва внятно.

— Да вамъ и не надо видѣть ее,—предоставьте мнѣ переговорить съ нею, а потомъ ужъ, когда все будетъ объяснено, какъ слѣдуетъ, тогда я приведу ее къ вамъ. Не бойтесь: я не повѣрю вамъ въ ея глазахъ... Дайте мнѣ ея адресъ!.. Скорѣе!—понукалъ онъ, слыша раздающіеся въ коридорѣ шаги и голоса.

Гэбріель сообщилъ ему адресъ.

— Еще одно слово!—шепнулъ онъ торопливо и уже держась за ручку двери.

— Ну?

— Если вы дорожите своею жизнію и счастіемъ Олли, то— держите языкъ за зубами.

Гэбріель кивнулъ головою... Отворилась дверь и вошелъ мистеръ Джекъ Гамлинъ; онъ съ дерзкимъ, самоувѣреннымъ видомъ кивнулъ адвокату и подошелъ къ Гэбріелю, протягивая ему свою бѣлую руку, которую послѣдній, какъ бы

поддаваясь магнетическому вліянію, крѣпко пожалъ своими грубыми пальцами.

— Радъ васъ видѣть, товарищъ,—сказалъ изящный джентльмэнъ, улыбаясь и ударяя его свободною рукою по плечу:—радъ видѣть тебя, дружокъ!... радъ, хотя ты и предупредилъ меня, вырвалъ изъ моихъ рукъ добычу, которую я давно ужъ подстерегалъ. Рано или поздно, но я, навѣрное, добрался бы до этого проклятаго мексиканца, если бъ ты не занялъ моего мѣста и не повелъ бы мою игру.—О, не безпокойся, Макъ!—прибавилъ онъ, уловивъ быстрый предостерегающій взглядъ, который адвокатъ кинулъ на своего кліэнта:—мы здѣсь всѣ друзья между собою. Если ты нуждаешься въ моемъ свидѣтельствѣ, Макъ, то я готовъ показать, что, въ продолженіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ, не проходило ни одного дня, чтобы я не слѣдилъ за мексиканцемъ Рамирецомъ, какъ гончая собака... Мнѣ даже и теперь кажется, будто я самъ покончилъ съ нимъ.

Онъ замолкъ отчасти для того, чтобы насладиться очевиднымъ неудовольствіемъ Максвелла, отчасти за тѣмъ, чтобы полюбоваться великолѣпнымъ тѣлосложеніемъ Гэбріеля.

Максвеллъ воспользовался этою минутою.

— Вы могли бы оказать вашему другу большую услугу,—сказалъ онъ тихо.

Джекъ засмѣялся.

— Нѣтъ, Макъ, чего вы хотите, того нельзя; мнѣ никто не повѣрилъ бы: судей и присяжныхъ невыгодно дурачить.

— Вы не поняли меня,—возразилъ адвокатъ съ полусмущенною улыбкою:—я не то хотѣлъ сказать, Джекъ, что вы думаете. Этотъ человѣкъ шелъ въ Сакраменто, чтобы посѣтить свою сестру...

— Дальше!—сказалъ Джекъ серьезно, видя, что Максвеллъ запнулся:—конечно, онъ шелъ только за этимъ... «Милый братецъ, милый дружокъ, пойдемъ теперь домой!».. Понятное дѣло! Я тоже только что хотѣлъ посѣтить подобное невинное существо—семнадцати лѣтъ, съ голубыми глазами, растрепанною кудрявою головкою. Каждую недѣлю посѣщаю ее. Она говоритъ: онъ долженъ сегодня притти!..—Онъ не докончилъ шутки, кинувъ взглядъ на смущенное лицо Гэбріеля и его грустные глаза, глядѣвшіе на него съ грустной укоризною.—Ну!—обратился онъ запальчиво къ Максвеллу:—посмотримъ, чего вы хотите въ самомъ дѣлѣ, а?

— Я ничего не хочу, кромѣ того, что сказалъ,—отвѣтилъ тотъ живо.—Гэбріель шелъ къ своей сестрѣ—маленькой дѣвочкѣ.

Разумѣется, ему теперь нельзя итти къ ней, но ему необходимо видѣть ее. Нужно только привести ее сюда. Не можете ли вы устроить это для него?

Джекъ снова окинулъ Гэбріеля бѣглымъ взглядомъ.

— Разсчитывайте на меня! — отвѣтилъ онъ услужливо. — Когда же мнѣ за ней отправиться?

— Теперь, сію минуту!

— Хорошо! Сюда привести ее?

— Нѣтъ, сюда она уже не успѣетъ прибыть, а пошлите или сами привезите ее въ Одноконный Станъ.

— Великолѣпно!.. Завтра она будетъ тамъ, — сказалъ Джекъ, съ быстротою молніи подбѣгая къ двери, но снова обернулся и подозвалъ адвоката.

— Слушайте,—шепнулъ онъ, мигнувъ своими красивыми глазами и легкимъ движеніемъ головы указывая на узника:— я прошу васъ не говорить шерифу, что я ему—Гэбріелю—другъ; мы съ Голломъ поссорились въ прошломъ году—кажется въ Морисвиллѣ—обмѣнялись пулями и съ тѣхъ поръ, понятное дѣло, мы еще довольно косо смотримъ одинъ на другого. Голлъ человѣкъ хорошій, но не безъ предразсудковъ, и поэтому онъ могъ бы счесть знакомство со мною дурною рекомендаціей.

Максвеллъ кивнулъ головою, и Джекъ стрѣлою вылетѣлъ изъ комнаты.

Лицо его было такъ красно и онъ весь казался такимъ взволнованнымъ, что Питъ тревожно взглянулъ на него, когда онъ вошелъ въ свой номеръ.

— Боже, спаси насъ грѣшныхъ! Масса Джекъ, неужели вы пили послѣ всего того, что вамъ наговорилъ докторъ о вредѣ виски?! — воскликнулъ негръ тономъ глубокаго огорченія, всплеснувъ руками.

Этого замѣчанія было достаточно, чтобы возбудить въ Гамлинѣ насмѣшливый зудъ и желаніе пошутить надъ Питомъ. Онъ страшно началъ икать, подошелъ, сильно шатаясь, къ Питу, толкнулъ его такъ, что несчастный старикъ повалился на полъ, схватилъ его одною рукою за волосы, другою за горло и пьянымъ голосомъ потребовалъ «еще бутылку»! Затѣмъ онъ расхохотался, но минуту спустя, принялъ самый серьезный видъ и строго спросилъ:

— Что это значитъ, что ты тутъ валяешься на полу, какъ пьяная скотина?

— О, Боже мой, масса Джекъ, вы меня ужасно перепугали; я ужъ подумалъ, что путешественники наугощали васъ до такой степени.

— Нѣтъ, меня не угощали, и я не пьянъ, какъ ты, старое животное!.. Если бъ ты поприлежнѣе читалъ «Развалины Вольпея» или тѣ прекрасныя правила приличія, которыя я никакъ не могу вдолбить тебѣ въ голову, то мнѣ не приходилось бы такъ часто подбирать тебя съ полу... Уложи мои вещи и найди какого-нибудь извозчика... Поскорѣе!

— Мы ѣдемъ въ Сакраменто, масса Джекъ?

— Мы?—Нѣтъ дружокъ; я ѣду одинъ. То, что я теперь предпринимаю, явилось слѣдствіемъ долгаго размышленія; я проводилъ за этими думами цѣлыя ночи, обсуждая каждый шагъ. И вотъ я дошелъ до того убѣжденія, что намъ съ тобою должно разстаться... Да, ты уничтожилъ все, что было во мнѣ хорошаго, высокаго, святого!.. Пять лѣтъ тому назадъ,—продолжалъ онъ,—подходя къ зеркалу и расчесывая свои черные кудри:—я попался въ твои святотатственныя руки; я былъ тогда еще юношей; только начиналъ входить въ мужественный возрастъ; былъ несвѣдущъ во всемъ томъ, что узналъ потомъ только подъ твоимъ пагубнымъ вліяніемъ; тогда я еще былъ честолюбивъ и шелъ прямою дорогою. Ну, а куда я теперь заѣхалъ!.. Эхо отвѣчаетъ: «куда»?—но это вѣдь не что иное, какъ повтореніе моего вопроса... Нѣтъ, Питъ, я долженъ бѣжать отъ тебя—и бѣгу!.. Жалкій обольститель моей молодости, старый резиновый человѣкъ съ красными глазами—прощай на вѣки вѣковъ!

Очевидно, подобнаго рода тирады были не новостью для Пита,а потому онъ преспокойно укладывалъ чемоданъ, ничуть не обращая вниманія на Гамлина. Только докончивъ свою работу, онъ взглянулъ на Гамлина, въ то время какъ тотъ пѣлъ раздирающимъ душу голосомъ: «Да, да, мы должны разстаться, Питъ!» и варіировалъ эту жалостную пѣсню на всевозможные голоса и мотивы, кидая при этомъ самые лукавые взгляды на Пита. Но тотъ уже поднялъ чемоданъ на плечи и спросилъ:

— Масса Джекъ, ужъ не замѣшана ли тутъ опять женщина, какъ въ Санъ-Антоніо?

— Твой намекъ, Питъ,—возразилъ Джекъ тономъ обиженнаго достоинства,—доказываетъ только то, что твое нравственное чувство совершенно подавлено вашими братскими обѣдами и митингами, происходящими въ открытомъ полѣ—и что разумъ твой совершенно ослабъ отъ частаго употребленія рома и виски... Прощай, черная саламандра! Ты остаешься здѣсь, пока я не вернусь; если же я черезъ два дня не вернусь, то пріѣзжай въ Одноконный Станъ; когда будешь здѣсь расплачиваться, не бери себѣ больше семидесяти процентовъ за трудъ. Надѣюсь, что этого будетъ для тебя достаточно и что ты

сумѣешь воспротивиться сильнѣйшему искушенію—присвоить себѣ больше; вѣдь ты знаешь, что я ужъ старъ и слабъ, а ты еще молодъ и имѣешь предъ собою блестящую будущность. Прощай!

Онъ кинулъ горсть золота на кровать, тщательно надѣлъ шляпу и гордо вышелъ изъ комнаты.

Спустившись въ первый этажъ, онъ прошелъ въ общую залу, гдѣ все еще обрѣтался мистеръ Рейноръ, и попросилъ этого господина простить ему то, что онъ сегодня по утру увеличилъ размѣръ описываемой имъ громадной ели—въ дуплѣ которой онъ однажды видѣлъ пировавшимъ цѣлое племя индѣйцевъ—на два фута. Потомъ онъ вѣжливо раскланялся съ мистеромъ и мистрисъ Рейноръ, не обращая вниманія на тутъ же присутствовавшаго редактора, выбѣжалъ изъ залы и черезъ минуту ужъ ѣхалъ въ Сакраменто.

— Интересный человѣкъ! — произнесъ мистеръ Рейноръ, слѣдя взорами за уѣзжавшимъ Гамлиномъ.

— И какой вѣжливый!—добавила мистрисъ Рейноръ, улыбаясь весьма тонко.

Но журнальный наблюдатель калифорнскихъ нравовъ состроилъ весьма кислую и серьезную мину, доказывавшую, что эта ничтожная похвала уѣхавшему вовсе ему не по нутру.

— Подобные люди — олицетворенное проклятіе нашей страны. Они презираютъ законы; подаютъ скверный примѣръ своею расточительностью; мотаютъ деньги, пріобрѣтенныя самымъ нечестнымъ образомъ, и кидаютъ самую мрачную тѣнь на страну—въ глазахъ тѣхъ, которые принимаютъ ихъ за представителей народонаселенія.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула мистрисъ Рейноръ, надувъ губки.—Я ужъ право не знаю, въ какомъ смыслѣ принять ваши слова, видя, что ваши игроки и развратители общества такъ привлекательны, а ваши честные рудокопы—убиваютъ людей, а потомъ преспокойно садятся чуть ли не рядомъ съ нами, какъ будто ничего и не случилось.

Остроумный журналистъ не тотчасъ же отвѣтилъ. Но потомъ онъ намекнулъ своими краснорѣчивыми замѣчаніями—которыя отличались высокой нравственностью, но которыхъ мы не можемъ передать читателю за недостаткомъ мѣста—что, слава Богу! — еще существуетъ гласность, не связанная никакими оковами, «все освѣщающая, открывающая, бичующая, срывающая покрывало съ всѣхъ пороковъ и постоянно стоящая на стражѣ»...

— Что сдѣлали съ убійцей?—перебилъ его очень невѣжливо мистеръ Рейноръ, съ трудомъ скрывая зѣвоту.

— Его повезли, тому назадъ полчаса, обратно въ Одноконный Станъ. Я слышалъ, какъ одинъ изъ стоявшихъ возлѣ него, когда его сажали въ почтовую карету, сказалъ, что ему, вѣроятно, было бы пріятнѣе, если бы его оставили здѣсь. Кажется, что съ нимъ недолго будутъ возиться, а постараются поскорѣе прикончить.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросилъ Райноръ съ любопытствомъ.

— А то, что давеча отправились вслѣдъ за нимъ трое изъ комитета общественной безопасности, который учрежденъ для того, чтобы вѣшать безъ суда, а по закону Линча всѣхъ убійцъ, разбойниковъ и азартныхъ игроковъ, — отвѣтилъ редакторъ.—Можетъ-быть, его преспокойно повѣсятъ на первомъ попавшемся деревѣ и—дѣло съ концомъ,—добавилъ онъ, вызывая испуганное выраженіе на лицахъ своихъ слушателей.

XXXVIII.

Думфи довѣряетъ свои тайны Пойнсету.

Перемѣна погоды на другой день послѣ бесѣды мистера Думфи съ полковникомъ Старботлемъ не мало способствовала возстановленію душевнаго спокойствія капитана, которое сильно было поколеблено.

Онъ вспомнилъ теперь, что просилъ полковника бывать у него какъ можно чаще, и содрогался при той ужасной мысли, что ему придется бывать съ этимъ человѣкомъ, дерзость котораго равнялась его собственной, въ обществѣ другихъ. Свѣжій воздухъ, подобострастность клерковъ и посѣтители, однако, успокоили его и дали ему возможность зрѣло обдумать, что ему предпринять. Послѣ часового размышленія, онъ написалъ Пойнсету, приглашеніе пріѣхать къ нему по частному дѣлу.

Пойнсетъ послѣдовалъ этому приглашенію и аккуратно явился въ назначенный часъ, при чемъ весьма удивился, когда Думфи тотчасъ же позвалъ одного изъ клерковъ и отдалъ строгое приказаніе никого больше не пускать и ничѣмъ не мѣшать бесѣдѣ.

Затѣмъ онъ приступилъ къ изложенію Артуру всего своего разговора съ полковникомъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ и такъ ясно, что Артуръ не могъ не удивиться снова.

— Вы теперь должны помочь мнѣ выкарабкаться изъ бѣды. Я затѣмъ васъ и пригласилъ. Вѣдь вы можете понять, что это дѣло не удобно предложить постоянному адвокату биржевыхъ дѣятелей... Что вы мнѣ посовѣтуете?

— Сперва позвольте мнѣ предложить вамъ слѣдующій вопросъ: вѣрите ли вы тому, что супруга ваша еще жива?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Думфи быстро.—Но понятно, что я не могу знать этого навѣрное.

— Ну, такъ я могу успокоить васъ, увѣряя, что ея нѣтъ больше между живыми.

— Вы знаете это навѣрно?

— Да. Трупъ, признанный за тѣло Грэсъ Конрой, принадлежалъ вашей женѣ. Я знаю это потому, что въ то время, когда трагедія достигла своей высшей точки, Грэсъ Конрой тамъ уже не было.

— Почему же вы не исправили своевременно этой ошибки?

— Это ужъ мое дѣло,—отвѣтилъ Артуръ высокомѣрно.—Вы, кажется, призвали меня только за тѣмъ, чтобы я помогъ вамъ совѣтомъ? Итакъ, ваша жена, дѣйствительно, умерла.

— Ну, въ такомъ случаѣ,—сказалъ Думфи, вставая,—если вы согласны быть моимъ свидѣтелемъ относительно этого факта, то намъ больше не о чемъ говорить.

Артуръ не послѣдовалъ его примѣру, а преспокойно остался на своемъ мѣстѣ и пристально слѣдилъ за Думфи. Немного спустя и этотъ снова сѣлъ и взглянулъ на Артура вызывающимъ, хотя и неспокойнымъ, взглядомъ.

— Ну?—произнесъ онъ наконецъ.

— Это все? Вы намѣрены подтвердить этотъ фактъ судебнымъ порядкомъ?

— Не понимаю, что вы хотите сказать,—притворился Думфи, что хорошо было замѣчено Артуромъ.

— Такъ слушайте, мистеръ Думфи. Вы очень ловкій и умный человѣкъ; неужели вы думаете, что особа—кто бы она ни была—приславшая къ вамъ полковника Старботля, надѣется единственно на то, что вы не будете въ состояніи доказать смерть вашей жены законнымъ порядкомъ? Не надѣется ли она скорѣе на ваше нежеланіе сдѣлать это?.. На то, что вамъ невыгодно будетъ предать это дѣло гласности?

Мистеръ Думфи молчалъ и кусалъ себѣ губы.

— Конечно,—это дало бы моимъ друзьямъ великолѣпный поводъ къ всевозможнымъ сплетнямъ,—сказалъ онъ, наконецъ, злобно: — они начали бы разсказывать по всему міру, что я кинулъ жену...

— И ребенка,—добавилъ Артуръ, сухо.

— И ребенка,—повторилъ Думфи тѣмъ же тономъ.—Все дѣло явилось бы на столбцахъ здѣшнихъ газетъ, если бъ я не купилъ ихъ молчанія дорогою цѣною... Да, впрочемъ, что

за бѣда?! Покинутая мужемъ жена не новость для калифорнцевъ.

— Очень справедливо сказано,—отвѣтилъ Артуръ саркастично, хотя очень хорошо сознавалъ, что смѣется самъ надъ собою.

— Но что же теперь дѣлать?—спросилъ Думфи нетерпѣливо.—Надо же рѣшиться на что-нибудь!

— Такъ какъ намъ теперь извѣстно, что вашей жены нѣтъ въ живыхъ, то намъ необходимо узнать — кто прячется за полковникомъ Старботлемъ. Очевидно, что эта особа знаетъ всѣ обстоятельства такъ же хорошо, какъ и мы сами, если не лучше. Но кто бы это могъ быть? Кто же еще остался въ живыхъ тогда? Посмотримъ-ка: — вы, я, да, можетъ-быть, Грэсъ.

— Неужто эта проклятая Грэсъ Конрой еще жива? — торопливо перебилъ Думфи.

— Неизвѣстно. А впрочемъ — во время катастрофы ея налицо не было,—отвѣтилъ Артуръ равнодушно.

— Такъ, можетъ-быть, это Гэбріель шутитъ надо мною?

— Едва ли; вѣдь онъ съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ.

— Ужъ не...

Думфи запнулся; лицо его выражало сильную тревогу. Артуръ это замѣтилъ.

— Что вы хотѣли сказать?—спросилъ онъ спокойно.

— О, ничего!.. Я только подумалъ, что Гэбріель или еще кто другой разсказалъ про ту мерзкую исторію какому-нибудь подлецу.

— Едва ли, а если и разсказалъ, то безъ особенныхъ подробностей.

— Ну,—сказалъ Думфи съ своимъ противнымъ смѣхомъ:— если ужъ я долженъ развязать кошелекъ, чтобы приличнымъ образомъ схоронить мистрисъ Думфи, то вы должны позаботиться о томъ, по крайней мѣрѣ, чтобы она не воскресала изъ мертвыхъ. Если платить необходимо, то я хочу сдѣлать это сейчасъ же, чтобы купить себѣ абсолютное молчаніе. Такъ вотъ вы и позаботьтесь, чтобы все было улажено.

Онъ опять всталъ, показывая этимъ, что желаетъ избавиться отъ посѣтителя.

— Думфи,—сказалъ Артуръ, не обращая вниманія на этотъ намекъ:—есть два призванія, которыя часто сильно страдаютъ отъ того, что люди, пользующіеся ихъ услугами, слишкомъ скрытны и осторожны; я говорю о призваніяхъ доктора и адвоката. Еще можно понять, почему человѣкъ иногда старается ввести въ заблужденіе доктора, такъ какъ онъ тутъ самъ себя

обманываетъ; но почему дѣлаютъ то же самое съ адвокатомъ—это необъяснимо. Вы не составляете исключенія изъ общаго правила. Вы скрываете отъ меня, отъ человѣка, у котораго просите совѣта, одно весьма важное обстоятельство—причину, по которой вы желаете, чтобы вся исторія, происходившая въ Голодномъ Лагерѣ, была, такъ сказать, похоронена разъ навсегда.

— Опять не понимаю, чего вы хотите,—сказалъ Думфи сухо, садясь, однако, снова въ кресло.

— Такъ слушайте внимательнѣе; быть-можетъ, намъ и удастся объясниться яснѣе. Мое знакомство съ умершимъ докторомъ Деваржемъ началось нѣсколько мѣсяцевъ раньше знакомства съ вами. Онъ часто говорилъ со мною о своихъ научныхъ открытіяхъ, которыми я очень интересовался; припоминаю также, что я между его бумагами видѣлъ много плановъ и описаній нѣкоторыхъ мѣстностей, содержащихъ, по его мнѣнію, большое количество драгоцѣнныхъ металловъ. Въ то время я считалъ его теоріи и спекуляціи фантастичными, а документы—ничего не стоящими. Между тѣмъ онъ попросилъ меня—когда почувствовалъ, что смерть быстро приближается—зарыть его бумаги и коллекціи въ землю, чтобы они не пропали для потомства; я такъ и сдѣлалъ. Возвращаясь послѣ извѣстной катастрофы въ лагерь, я нашелъ, что весь кладъ былъ разбросанъ по снѣгу. Мы—я и мой спутникъ—сочли это дѣломъ рукъ миссисъ Браккетъ, которая, по нашему мнѣнію, какъ-нибудь узнала, что я зарывалъ что-то въ землю, подумала, что это провизія, нашла то мѣсто, разрыла его и умерла отъ яда, которымъ были препарированы чучела, которыя она съѣла, чтобы утолить голодъ.

Пойнсетъ остановился и пристально взглянулъ на Думфи; тотъ молчалъ.

— Подобно всѣмъ калифорнцамъ,—продолжалъ Артуръ,—и я слѣдилъ за вашими замѣчательными успѣхами съ величайшимъ интересомъ и удивленіемъ. Подобно всѣмъ, я съ удовольствіемъ замѣчалъ, какимъ счастіемъ увѣнчивались всѣ ваши предпріятія съ рудниками, и тщательно наблюдалъ, въ какихъ именно мѣстностяхъ вы воспользовались успѣхомъ. Меня при этомъ поразило одно обстоятельство, которое другимъ не могло броситься въ глаза, а именно то, что—вслѣдствіе, должно-быть, страннаго совпаденія—почти всѣ эти мѣстности согласовались съ планами доктора Деваржа!

— Такъ-то?—воскликнулъ Думфи злобно.—Такъ вотъ вы куда мѣтите?.. Видно, я замѣчательно счастливъ, что прямо къ вамъ попалъ въ лапы! Теперь не нужно и этой женщины отыскивать. Продолжайте, продолжайте! Исторія становится

интересною! Продолжайте! Узнаемъ, что вы еще имѣете сказать! Говорите ваши условія. А что, если я ихъ не приму?

— Первое мое условіе,—сказалъ Артуръ, кидая на капиталиста холодный взглядъ,—это то, что я требую, чтобы вы сейчасъ же взяли ваши слова обратно и извинились бы предо мною! Если вы откажетесь, то я задушу васъ на мѣстѣ, клянусь душою!

На одно мгновеніе дикая животная натура взяла верхъ въ Думфи, и онъ инстинктивно приблизился на нѣсколько шаговъ къ Артуру; послѣдній не двинулся съ мѣста, а въ слѣдующій моментъ Думфи ужъ вернулъ свою осторожность и холодную расчетливость: рукопашный бой — разсудилъ онъ — привлекъ бы постороннихъ людей, которые могли бы увидѣть тутъ нѣчто побольше обыкновенной ссоры; если онъ даже останется побѣдителемъ, то Артуръ, если останется живъ, непремѣнно отомститъ, разблаговѣстивъ всю его исторію. Онъ опустился въ кресло. Если бъ Артуръ зналъ, какое низкое мнѣніе Думфи имѣетъ объ его чести, то онъ не сталъ бы радоваться своей побѣдѣ.

— Я вѣдь не имѣлъ намѣренія обидѣть васъ,—произнесъ капиталистъ наконецъ, стараясь улыбнуться;—надѣюсь, что вы простите меня за вспыльчивость: я знаю, что вы дружески расположены ко мнѣ. Что же касается тѣхъ бумагъ, Пойнсетъ, то вы находитесь въ страшномъ заблужденіи, увѣряю васъ! Сознаю, что это совпаденіе можетъ казаться очень страннымъ; но кому до этого дѣло?.. Я смотрю съ юридической точки зрѣнія.

— Никому, положимъ, нѣтъ дѣла; развѣ только докторъ Деваржъ оставилъ по себѣ наслѣдниковъ или просто родныхъ.

— Онъ никого послѣ себя не оставилъ.

— У него была жена.

— Ба! онъ былъ съ ней въ разводѣ!

— Такъ ли? Мнѣ кажется, вы называли ее его вдовою?

— Не въ томъ дѣло!—отвѣтилъ Думфи нетерпѣливо.—Вамъ извѣстно такъ же, какъ и мнѣ, что открытія Деваржа не стоятъ ни полушки, такъ какъ онъ не началъ еще разработку ни въ одномъ рудникѣ.

— Дѣло вовсе не въ этомъ, Думфи; никто и не подаетъ на васъ жалобу; но легко могутъ попытаться доказать, что вы совершили преступленіе, и объявить разрытіе клада преднамѣреннымъ воровствомъ.

— Но чѣмъ же они могутъ доказать это?

— Мало ли чѣмъ! Слушайте—и не будемъ удаляться отъ главнаго пункта. Существенный вопросъ таковъ: является об-

манщица, выдающая себя за вашу жену; вы и я знаемъ это и можемъ доказать. Ей это извѣстно; но извѣстно и то, что вы черезъ эти доказательства подвергаетесь опасности быть обличеннымъ ею.

— Значитъ,—перебилъ Думфи,—намъ сперва нужно узнать: кто она, и чего она хочетъ?

— Нѣтъ, прежде всего мы должны доказать, что ваша жена дѣйствительно умерла; для этого же должно доказать, что Грэсъ Конрой еще была жива, когда нашли трупъ, который по ошибкѣ сочли за ея трупъ, между тѣмъ какъ это былъ трупъ вашей жены. Какъ скоро вамъ удастся выяснить этотъ фактъ, вы опровергнете достовѣрность отчета экспедиціи и можете быть спокойны, что не послѣдуетъ открытія относительно пропавшихъ бумагъ — единственнаго источника, изъ котораго можно бы было почерпнуть доказательства противъ васъ. А такъ какъ я принималъ участіе въ составленіи отчетовъ, то вамъ, конечно, будетъ невыгодно выставить меня свидѣтелемъ.

Несмотря на свое уныніе, Думфи не могъ не удивиться ловкости, съ которою Артуръ отстранялъ отъ себя непріятность. Вмѣшиваясь въ дѣло Думфи, онъ самъ могъ быть открытымъ.

— Вамъ не трудно будетъ доказать, при помощи другихъ свидѣтелей, что Грэсъ избѣгла голодной смерти, — добавилъ Артуръ хладнокровно.

Думфи вспомнилъ о Рамирецѣ, который лично видѣлъ Грэсъ, когда она пришла къ коменданту съ просьбою о помощи и энергично старалась опровергнуть слухъ объ ея смерти; лучшаго свидѣтеля нельзя было представить. Но чтобы имѣть возможность пользоваться его услугами, ему—Думфи—необходимо было довѣриться Артуру, разсказавъ ему, какъ m-me Деваржъ выдавала себя за Грэсъ. Онъ колебался. Въ послѣднее время имъ овладѣло подозрѣніе, что г-жа Деваржъ участвовала въ заговорѣ, составившемся противъ него, и онъ рѣшился довѣрить Артуру только часть тайны. Онъ разсказалъ ему, какъ госпожа Деваржъ играла роль сестры Гэбріеля Конроя, пока не сдѣлалась его законной женою, а о себѣ онъ смолчалъ.

Артуръ внимательно слушалъ. Когда Думфи замолчалъ, онъ погрузился въ раздумье.

— Ну?—спросилъ Думфи нетерпѣливо.

Артуръ встрепенулся.

— Прекрасно!.. Ваша откровенность избавила меня отъ излишняго труда,—сказалъ онъ, вставая и надѣвая шляпу.

— Къ какомъ отношеніи?

— Намъ не нужно больше безпокоить себя догадками относительно особы, которая выдаетъ себя за вашу жену. Это не

кто иная, какъ настоящая миссисъ Конрой, alias г-жа Деваржъ, alias Грэсъ Конрой. Рамирецъ можетъ быть вашимъ свидѣтелемъ.

— Слѣдовательно, мое подозрѣніе оправдалось?

— Не знаю, на чемъ вы его основали. Я хотѣлъ только сказать, что эта госпожа имѣетъ неограниченную власть надъ мужчинами, особенно же надъ Гэбріелемъ, единственнымъ человѣкомъ, знающимъ, кромѣ насъ двоихъ, что ваша жена умерла въ Голодномъ Лагерѣ, и что я зарывалъ бумаги доктора Деваржа въ землю; ему также извѣстно, что вы знали о кладѣ и о мѣстѣ, гдѣ онъ былъ зарытъ. Знаетъ онъ это потому, что присутствовалъ въ хижинѣ въ ту ночь, когда докторъ Деваржъ сообщилъ мнѣ свою послѣднюю волю—виноватъ, Думфи, но насъ теперь можетъ спасти одна только откровенность!—и вы, подслушивая у двери, испугали Грэсъ,—она все разсказала мнѣ. Вы пріобрѣли въ эту ночь тѣ свѣдѣнія, которыми послѣ сумѣли такъ ловко воспользоваться... Ваше присутствіе заставило Грэсъ рѣшиться на тайный побѣгъ со мною.

Оба поблѣднѣли. Артуръ подошелъ къ двери.

— Я завтра буду у васъ,—сказалъ онъ задумчиво;—я надѣюсь придумать для васъ хорошій планъ защиты. Мы имѣемъ дѣло съ очень умною женщиною, которая можетъ надѣлать большого вреда... Не забудьте, что главная наша точка опоры—Рамирецъ; до свиданья!

Едва Артуръ вышелъ изъ комнаты, какъ вбѣжалъ клеркъ.

— Хотя вы и приказали, сэръ, чтобы никто не тревожилъ васъ, но пришла важная телеграмма изъ Вингдама, сказалъ онъ.

Мистеръ Думфи машинально взялъ ее, прочелъ первую строку и обратился къ клерку.

— Постарайтесь догнать господина, который только-что ушелъ, и верните его... Скорѣе!... Нѣтъ, постойте!... Не надо.

Клеркъ ушелъ, Думфи сѣлъ къ бюро и прочелъ еще разъ телеграмму.

«Вингдамъ, 7, 6.—Викторъ Рамирецъ убитъ вчера ночью на Конроевой горѣ. Гэбріель Конрой арестованъ. Миссисъ Конрой исчезла. Всеобщее волненіе и страшное ожесточеніе противъ Гэбріеля. Жду инструкцій. Фиттъ.

Послѣдніе слова Артура: «Рамирецъ—наша главная точка опоры!» все еще звучали въ ушахъ Думфи. И вотъ, этотъ единственный свидѣтель убитъ Гэбріелемъ! Что теперь дѣлать? Нужно сейчасъ же послать за Пойнсетомъ; планъ защиты дол-

женъ быть измѣненъ; завтра ужъ будетъ поздно... Стой!... Одинъ изъ его обвинителей находится въ острогѣ. Жена его— настоящая убійца, по предположенію Думфи, Гэбріеля же онъ считалъ только ея орудіемъ—бѣжала отъ рукъ правосудія! Для чего же еще нуженъ свидѣтель? Ударъ, поразившій этихъ трехъ заговорщиковъ, уже спасъ его отъ петли.

Думфи почувствовалъ вдругъ необычайный порывъ благодарности къ Высшему Существу, вступившемуся за него. Совершалось торжество добродѣтели (Думфи) надъ порокомъ (Гэбріель съ компаніей).

Скверно то, что впереди предстоитъ неизбѣжный гласный процессъ, способный вывести многое на чистую воду; вѣдь человѣкъ, судящійся за убійство, не остановится ни передъ чѣмъ... И можно ли разсчитывать на неявку миссисъ Конрой, или на ея нейтральность? Она была болѣе расположена къ мужу, чѣмъ Думфи предполагалъ сначала и, пожалуй, рѣшится на все, чтобы его спасти... И нужно же было, чтобы этотъ Гэбріель остался живъ! Но вотъ ему блеснула другая мысль, и онъ сталъ быстро писать.

Въ эту минуту мистеръ Думфи казался не плутомъ, прикосновеннымъ къ преступленію, а просто дѣловымъ человѣкомъ, углубленнымъ къ какой-нибудь коммерческій расчетъ; на лицѣ его не было сатанинской улыбки; во всей его особѣ не было ничего лихорадочнаго; онъ писалъ методично, но безъ нервной торопливости. Написавъ нѣсколько писемъ, онъ запечаталъ ихъ и отнесъ въ контору. Извѣстіе объ убійствѣ, должно-быть, уже было извѣстно всему городу, потому что всѣ клерки говорили о немъ, но робко замолкли, когда хозяинъ подошелъ къ нимъ.

— Джемсъ,—сказалъ мистеръ Думфи одному изъ клерковъ,—вы съ Джудсономъ и Фиттомъ отправитесь сегодня вечеромъ въ Одноконный Станъ по ближайшей дорогѣ. Не теряйте времени, не жалѣйте издержекъ. Отдайте эти письма по адресамъ и дождитесь инструкцій отъ этихъ господъ. Постарайтесь узнать малѣйшія подробности извѣстнаго происшествія и сообщите мнѣ ихъ.

— Не прикажете ли, сэръ, освѣдомиться о вашемъ управляющемъ?—спросилъ Джемсъ почтительно.

— Вы получите инструкціи отъ моихъ корреспондентовъ, мистеръ Джемсъ, а до тѣхъ поръ вамъ не нужно ничего предпринимать. Мы не отвѣчаемъ за личныя отношенія кого бы то ни было. Конрой во всякомъ случаѣ свое получитъ; намъ нечего объ этомъ заботиться.

XXXIX.

Гамлинъ находитъ свою старую любовь.

Гамлинъ страшно торопился въ Сакраменто. Онъ остановился въ гостиницѣ, привелъ въ порядокъ туалетъ и быстро пошелъ по адресу, который далъ ему Максвеллъ. Дойдя до угла улицы и увидѣвъ передъ собою массивную блестящую дощечку на подъѣздѣ пансіона m-me Эклеръ, онъ остановился съ восклицаніемъ ужаса, быстро обернулся и пошелъ обратно.

Чтобы объяснить загадочное поведеніе Гамлина, мы должны раскрыть его тайну: получивъ адресъ Олли, онъ бѣгло взглянулъ на него и, только дойдя до пансіона, вспомнилъ, что въ немъ обрѣтается молодая дѣвица, съ которою онъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ,велъ страстную переписку— къ негодованію строго нравственной директриссы. Показаться здѣсь, prorgia persona, было невозможно: его бы не впустили, или же предубѣдили бы Олли противъ него до такой степени, что нечего было бы и думать объ исполненіи порученія.

Онъ не имѣлъ намѣренія освободиться отъ принятой на себя обязанности,—но измѣнилъ тактику; направилъ шаги къ главной улицѣ города, посѣтилъ парикмахерскую, оптическій магазинъ, и черезъ часъ опять стоялъ передъ пансіономъ, въ зеленыхъ очкахъ и уже безъ усовъ.

Стоитъ вспомнить, какъ онъ тщеславился своими прекрасными усами, чтобы вполнѣ оцѣнить его громадную жертву.

Тѣмъ не менѣе онъ былъ порядочно смущенъ, когда вступилъ въ пріемную и передалъ m-me Эклеръ свидѣтельство, подписанное Максвелломъ, что Олли требуютъ домой по важнымъ домашнимъ обстоятельствамъ. Онъ вовсе не опасался быть узнаннымъ по фамиліи, проставленной въ свидѣтельствѣ, потому что былъ извѣстенъ въ пансіонѣ подъ именемъ Кларенса Стефлингтона. Судьба ему благопріятствовала; служанка вернулась съ отвѣтомъ, что миссъ Конрой сейчасъ придетъ въ пріемную. Мистеръ Гамлинъ взглянулъ на часы. Каждая минута была ему дорога. Прошло пять минутъ, и Олли вошла въ комнату.

Такъ какъ она была хорошенькою дѣвочкою, съ тонкими, правильными чертами лица, прямымъ, открытымъ взглядомъ, то Гамлинъ, любитель всѣхъ дѣтей вообще, сейчасъ же ею очаровался.

Она съ большимъ трудомъ удержалась отъ смѣха, взглянувъ на Гамлина; а когда онъ простеръ къ ней руки, она погрозила бѣленькимъ пальчикомъ и шепнула ему:

— Она придетъ сюда, какъ только ей удастся пробѣжать незамѣтно мимо двери классной дамы

— Кто она?—спросилъ ее Джекъ.

— Софайя.

— Какая Софайя?—спросилъ онъ серьезно.

Онъ вовсе не зналъ имени своей дульцинеи, а всегда звалъ ее голубою стрекозою—по цвѣту ея платья.

— Не притворяйтесь!—воскликнула Олли, увертываясь отъ поцѣлуя Гамлина,—если бъ я была на ея мѣстѣ, то не пожелала бы больше васъ и знать. Она видѣла васъ изъ окна, когда вы подходили къ подъѣзду два раза. А вы говорите, что не знаете ея? фи! стыдитесь!.. Что ваши усы опять вырастутъ, или нѣтъ?

Джэкъ былъ изумленъ. Стараясь успокоить маленькую дуэнью, онъ забылъ совершенно о своей дульцинеѣ!

— А! ее зовутъ Софайею,—отвѣтилъ онъ небрежно.—Однако я долженъ передать вамъ письма, прелестное дитя.

И, съ этими словами, онъ передалъ ей тѣ строки, которыя Гэбріель написалъ второпяхъ.

Притаивши дыханіе, онъ наблюдалъ за ней, пока она читала, но, къ его удивленію, она преспокойно положила записку и замѣтила вскользь:

— Это очень похоже на Гэба!..

— Надѣюсь, что вы исполните его желаніе?

— О, нѣтъ! Я не поѣду! Вы его мало знаете, мистеръ Гамлинъ; онъ каждую недѣлю присылаетъ за мною и все изъ-за пустяковъ. Недавно онъ просилъ меня выйти къ нему на улицу, между тѣмъ какъ имѣетъ право видѣть меня, когда только захочетъ... И онъ думаетъ, что я поѣду въ Виндгамъ?

— Но, положимъ, что онъ самъ не можетъ пріѣхать?

— Что можетъ ему помѣшать? Увѣряю васъ, что все это вздоръ и глупая застѣнчивость. Если онъ могъ пріѣхать въ Виндгамъ, то отчего же и не сюда?

— Смѣю прочесть записку?

— Можете. Онъ пишетъ гадко и не хочетъ брать у меня уроковъ, старый медвѣдь!—сказала она, передавая ему записку.

Гамлинъ прочелъ вслухъ слѣдующее:

«Милая Олли!—Если это не помѣшаетъ твоему ученію и директрисса не разсердится, то мнѣ хотѣлось бы видѣть тебя въ Виндгамѣ. И такъ до свиданія. Цѣлуетъ тебя

Гэбъ».

Гамлинъ былъ въ затрудненіи; въ его планъ не входило объяснять Олли причину просьбы Гэбріеля. Опасеніе, что она

расплачется и этимъ созоветъ весь пансіонъ въ пріемную, желаніе имѣть въ ней веселую спутницу и увѣренность, что онъ можетъ выручить Гэбріеля, убѣждали его скрыть отъ нея правду.

— Такъ вы серьезно думаете, что Софайя хочетъ видѣть меня?—спросилъ онъ лукаво.

— Разумѣется, хочетъ!—отвѣтила Олли, улыбаясь.—Съ вашей стороны было очень умно познакомиться съ братомъ и заставить его написать это; впрочемъ, онъ такой дуракъ, что всякій можетъ вертѣть имъ, какъ угодно... Однако я слышу ея шаги на лѣстницѣ, прощайте!.

Она ушла такъ же тихо, какъ и вошла; въ это же мгновеніе вплыла въ пріемную высокая, стройная дама въ голубомъ платьѣ.

Мы не рѣшаемся передавать читателю бесѣду Гамлина съ Софайей. Ему удалось увѣрить ее въ своей неизмѣнной вѣрности.

Дошло до того, что Гамлинъ проговорилъ трогающимъ душу тономъ:

— При помощи нѣкоторыхъ друзей, которымъ я насказалъ турусы на колесахъ, я добился записки къ маленькой миссъ Конрой; но игра наша испортится, и мы подвергнемъ себя большимъ непріятностямъ, если она откажется ѣхать со мною. Если ты говорила мнѣ правду, Софайя, то ты уговоришь ее поѣхать со мной, не говоря ужъ о томъ, что твоя репутація можетъ пострадать. Ты должна исполнить мою просьбу.

Краснорѣчіе Гамлина подѣйствовало; Софайя побѣжала къ Олли и съ негодованіемъ потребовала, чтобы она ѣхала съ нимъ.

— Разъ ты такъ поступаешь, нехорошая дѣвочка, послѣ того, какъ мы всѣ избрали тебя своею довѣренною, то никто больше не будетъ считать тебя подругою!—сказала она.

Эта угроза подѣйствовала на Олли; она показала записку Гэбріеля m-me Эклеръ и, получивъ разрѣшеніе посѣтить брата, полчаса спустя ужъ ѣхала съ Гамлиномъ по дорогѣ въ Одноконный Станъ.

XL.

Три голоса.

Освободившись отъ чарующаго обаянія Софайи и сознавая, что исполнилъ, какъ слѣдуетъ, свое обѣщаніе, Гамлинъ развеселился до такой степени, что Олли, приписавшая эту перемѣну бесѣдѣ съ Софайей, сочла нужнымъ слегка оклеветать

ее—отчасти чтобы отомстить ей за ея давешнюю угрозу, а отчасти по общей женской слабости.

Но, къ ея изумленію, это не повліяло на веселость Гамлина.

Онъ слушалъ со вниманіемъ и спросилъ ее вдругъ:

— Была ты когда-нибудь на югѣ Калифорніи, Олли, въ Санъ-Антоніо, чтобы посѣтить какихъ-либо родныхъ или друзей?

— Нѣтъ.

Гамлинъ молчалъ нѣкоторое время и перенесъ свое вниманіе на лошадь, которой вдругъ вздумалось бѣжать во всю рысь.

— Тамъ живетъ одна дама, Олли,—продолжалъ онъ, сладивъ, наконецъ, съ лошадью.

— Хорошенькая?

— Слово хорошенькая обозначаетъ слишкомъ мало...

— Такая красивая, какъ Софайя?—перебила Олли лукаво.

— Ну ее къ чорту, твою Софайю.

Гамлинъ принужденъ былъ обуздать, кромѣ лошади и самого себя.

— То-есть,—добавилъ онъ:—я говорю единственно о цвѣтѣ.

— Понимаю,—сказала Олли:—Софайя—пиковой масти, а та—бубновой.

— Бубновой!—сказалъ Гамлинъ.—Ты вѣрно угадала!.. Но что ты понимаешь въ картахъ?

— Все! Мы, дѣвушки, узнаемъ по нимъ свою судьбу... Я—тоже бубновая, а Софи пиковая... Вы—пиковый тоже. Знаете что,—шепнула она,—я гадала въ прошлую ночь, и мнѣ вышло письмо, дорога, извѣстіе о чьей-то смерти и пиковый король—это вы.

— Я думаю, что ты часто слыхала объ ангелахъ?—произнесъ Гамлинъ задумчиво.

— Конечно, слыхала и даже видѣла ихъ—на картинахъ...

— Какой у нихъ цвѣтъ лица? не смуглый?

— Никогда! — отвѣтила Олли увѣренно. — Всегда только бѣлый.

Они нѣсколько минутъ ѣхали молча. Потомъ Гамлинъ запѣлъ народную пѣсню, а Олли стала ему своимъ пріятнымъ голоскомъ подпѣвать.

Потомъ Олли начала предлагать Гамлину вопросы относительно семейной жизни Гэбріеля.

Оказалось, что Гамлинъ съ этимъ совершенно не знакомъ.

— Значитъ, вы не видѣли Юліи?

— Юліи?—спросилъ Джекъ задумчиво.—Какой она масти?

— Не могу опредѣлить—червонной или трефовой.

Джекъ помолчалъ немного, а потомъ началъ описывать наружность миссисъ Конрой такъ вѣрно, что поразилъ дѣвочку.

— Какъ же вы говорите, что не видѣли ея?

— И не думалъ ее видѣть, а знаю,—отвѣтилъ онъ смѣясь.

Наступила ночь и становилось очень прохладно, такъ что Олли дрожала отъ холода, несмотря на толстый плэдъ, которымъ ее закуталъ Гамлинъ. Замѣтивъ это, онъ досталъ фляжку и заставилъ ее выпить изъ нея глотокъ.

— Но почему вы сами не пьете?

— Въ моей молодости я далъ обѣтъ—одному старому, больному родственнику—не употреблять спиртуозныхъ напитковъ, развѣ только тогда, когда пропишетъ докторъ; я беру съ собой фляжку только для другихъ.

Пять минутъ спустя, Гамлинъ произнесъ:

— Ну ужъ, Олли, это и женщина! Подобной не скоро найдешь.

— Вы про ту, которая живетъ въ Санъ-Антоніо? Разскажите мнѣ о ней все, что знаете!

— Знаю-то я очень немного... Ахъ, Олли, какъ она божественно поетъ!

— Подъ фортепіано?

— Нѣтъ—подъ органъ.

Олли, не имѣвшая понятія о другомъ органѣ, какъ только о томъ, на которомъ играютъ на улицахъ, слегка зѣвнула.

Мистеръ Гамлинъ началъ описывать ей настоящій органъ, замѣтивъ, что она не знаетъ его.

— Я въ одно время былъ органистомъ въ церкви, Олли. Говорили, что я умѣлъ увлекать слушателей.... это было давно; я въ особенности хорошо игралъ одну изъ піесъ Моцарта.... ту самую, которую пѣла она.... Вотъ послушай, я тебѣ спою ее.

И онъ началъ пѣть съ полнымъ забвеніемъ всего его окружающаго.

Рессоры скрипѣли; колеса—тоже; легкій экипажъ кидало изъ стороны въ сторону, а Гамлинъ все пѣлъ и не замѣчалъ ничего.

Когда онъ кончилъ, то взглянулъ на Олли. Она спала

Хотя Джекъ былъ артистомъ, но въ немъ не было обидчивости.

— Это дѣйствіе виски,—пробормоталъ онъ. Онъ тихо взялъ вожжи въ лѣвую руку, а правою обнялъ качавшуюся маленькую фигурку Олли и притянулъ ее къ своей груди. Въ этомъ положеніи, не шевелясь, они доѣхали до Фидльтона. Тутъ онъ перемѣнилъ лошадь и такъ тихо перепрягъ ее, что Олли, завалившись въ подушку, не проснулась при этомъ.

Начали подниматься на гору и достигли вершины за часъ до разсвѣта. Въѣхали, наконецъ, въ рощу, пересѣкавшую дорогу. Вокругъ было тихо. Гамлинъ даже не могъ слышать шаговъ лошади, увязавшей въ пескѣ, но зато сзади послышались голоса и звукъ мексиканскихъ шпоръ. Гамлинъ догадался, что ѣдутъ по тропинкѣ, параллельной шоссе. Онъ погналъ лошадь и достигъ перекрестка. Тутъ онъ остановился подъ тѣнью огромныхъ деревьевъ, чтобы пропустить впередъ незнакомцевъ, которые, какъ казалось, тоже остановились.

— Здѣсь, кажется, шоссе,—произнесъ одинъ голосъ.

— Да, очевидно, такъ. Это хорошо; мы выиграли цѣлый часъ,—сказалъ другой.

Раздался третій, повелительный голосъ:—Оставайтесь на прежней дорогѣ! Если Джо Голлъ пронюхаетъ о нашемъ намѣреніи, то повезетъ его въ Сакраменто, а другой дороги нѣтъ. Поняли?.. И мы встрѣтимся съ нимъ.

Джекъ Гамлинъ притаилъ дыханіе и слушалъ.

— Мы потеряемъ часъ!—сказалъ второй голосъ.

— Нужды нѣтъ!—отвѣчалъ повелительный голосъ; потомъ раздался смѣхъ, бряцанье шпоръ, и невидимая кавалькада двинулась дальше.

Мистеръ Гамлинъ не тронулся, пока голоса не замолкли въ дали. Онъ взглянулъ на дѣвочку; она еще спала, несмотря на таинственные голоса, разжегшіе всю кровь въ ея спутникѣ. Онъ задумался: если ѣхать въ Вингдамъ, то ему придется тихонько слѣдовать за этими «мстителями», и тогда онъ не успѣетъ во время обогнать ихъ; если продолжать ѣхать по шоссе въ Однокопный Станъ, то онъ разъѣдется съ шерифомъ, везущимъ узника, и не сможетъ сообщить имъ о грозящей имъ опасности. Если бъ не было маленькой спящей фигурки, онъ прямо поскакалъ бы черезъ ѣхавшую шайку; но теперь нужно было доѣхать до Вингдама, оставить тамъ дѣвочку и тогда ужъ кой-какъ добраться до Одноконнаго Стана. Онъ держалъ ее, боясь даже дышать, чтобы спящей передать ее съ рукъ на руки Питу, иначе она не отпуститъ его и задержитъ его вопросами. Къ тому же онъ въ первый разъ усомнился въ себѣ, боясь проговориться ей объ опасности, которой подвергается Гэбріель; онъ до сихъ поръ ни разу еще не интересовался такъ человѣческой жизнью.

Онъ свободнѣе вздохнулъ, когда, при первыхъ лучахъ солнца, измученная лошадь споткнулась объ ухабистую мостовую Вингдама. Еще легче вздохнулъ онъ, увидѣвши трехъ вооруженныхъ всадниковъ, слѣзающихъ съ коней и входя-

щихъ въ гостиницу. Онъ совсѣмъ успокоился, когда вынулъ все еще спящую Олли изъ кабріолета, и понесъ въ свою комнату.

Минуту спустя, онъ разбудилъ Пита и привелъ его къ кровати, на которой была уложена дѣвочка.

— Вотъ какъ, масса Джэкъ!.. Слава Богу!.. Это дитя,—произнесъ Питъ, отскочивши съ испугомъ.

— Прикуси свой проклятый языкъ!—шепнулъ Джэкъ злобно:—ты разбудишь ее! Слушай! если хочешь, чтобы твой дряхлый скелетъ остался цѣлымъ на пользу докторовъ, то не буди ее!Когда она проснется сама и спроситъ меня, то скажи ей, что я у ея брата. Чего она потребуетъ, того подай ей. Что ты дѣлаешь, старый болванъ?..

Питъ сталъ снимать съ Олли груду лежавшихъ на ней платковъ и одѣялъ.

— Дитя задохнется, ей Богу, масса Джекъ!

Джэкъ остался доволенъ этимъ изъявленіемъ безсознательной нѣжности.

— Приведи другую лошадь!—приказалъ онъ мягче.

— Лошадей нѣтъ, масса Джекъ, — всѣ конюшни пусты. Весь день все ѣздили въ Одноконный Станъ.

— У шинка стоятъ три лошади, — сказалъ Джекъ съ выразительнымъ жестомъ.

— Если любите Бога, то не дѣлайте этого, масса Джэкъ!— воскликнулъ Питъ,—они не терпятъ подобныхъ шутокъ, могутъ страшно отомстить вамъ.

— Я еще не рѣшился, которую изъ трехъ выберу себѣ!— сказалъ Джекъ хладнокровно,—но ты это узнаешь отъ владѣльца ея. Скажи ему, что Гамлинъ приказалъ ему кланяться и оставилъ вмѣсто его лошади—другую съ кабріолетомъ въ придачу. Ни слова! Прощай.

Онъ поцѣловалъ Олли, погрозилъ Питу кулакомъ и скрылся.

Негръ внимательно слушалъ; раздался стукъ копытъ.

— Онъ уѣхалъ!—воскликнулъ онъ.—Сохрани его Богъ! Они отомстятъ ему.

А Гамлинъ между тѣмъ стрѣлою летѣлъ въ Одноконный Станъ.

XLI.

У Думфи является стремленіе къ недвижимой собственности.

Самоувѣренность мистера Думфи возросла до того, что онъ принялъ участіе во множествѣ проектовъ, задуманныхъ его знакомыми, которые просили его дать свое имя этимъ проектамъ, чтобы они имѣли больше успѣха.

Онъ только-что подписался подъ уставомъ общества покровительства эмигрантамъ и выдалъ ей чекъ; рѣшился провести воду изъ Тангоскаго озера въ Санъ-Франциско; учредилъ два банка, омнибусную линію и баню съ минеральными водами и еще проектировалъ маленькую колонію, которая должна была носить его имя.

Онъ вернулся домой въ хорошемъ расположеніи духа и началъ разбирать присланныя ему газеты, телеграммы и письма.

Тутъ же было письмо отъ сеньоры Сепульвида, сообщавшей ему о падежѣ рогатаго скота—за недостаткомъ воды, такъ какъ всѣ источники изсякли на югѣ. Она освѣдомлялась о состояніи Конроева рудника и кончала словами: «я, вѣроятно, посѣщу васъ на-дняхъ въ Санъ-Франциско. Кончо говоритъ, что вода въ заливѣ поднимается такъ высоко, какъ никто и не помнитъ. Скверно! прѣсная убываетъ съ каждою минутою, а соленая прибываетъ. Чувствую себя не въ безопасности здѣсь и хочу на будущій годъ переселиться».

Думфи засмѣялся. Онъ вспомнилъ, что завидовалъ Пойнсету, но что теперь ему не въ чемъ завидовать; невѣста его находилась, по своей легкомысленной беззаботности, на краю гибели.

Вотъ если Пойнсетъ попадетъ впросакъ, то онъ будетъ принужденъ обратиться къ нему—Думфи—за совѣтомъ и помощью!... Думфи злорадно потиралъ свои руки.

Когда же, нѣсколько минутъ спустя, ему доложили о полковникѣ Старботлѣ, радость его усилилась; галантный полковникъ пришелъ за отвѣтомъ; Артуръ, очевидно, не видѣлся съ нимъ и ничего не зналъ объ его кліэнткѣ. Насталъ удобный случай побѣдить этого человѣка безъ помощи и безъ вѣдома Пойнсета.

Чтобы лучше подготовиться къ встрѣчѣ и кстати наказать немного полковника, онъ заставилъ его ждать слишкомъ пять минутъ.

Онъ сидѣлъ у бюро, какъ будто въ раздумьи, когда приказалъ впустить къ себѣ полковника. Онъ поднялъ голову только тогда, когда полковникъ приблизился къ нему и важно положилъ на бюро свою шляпу. Лицо его было страшно красное; онъ тяжело дышалъ.

— Прошу васъ посвятить мнѣ, милостивый государь, одну только минуту, сказалъ онъ сухо, но вѣжливо:—позвольте, прежде всего, объясниться относительно одного обстоятельства: лежащая предъ вами визитная карточка моя вручена вашему лакею десять минутъ назадъ—передана ли она была вамъ тотчасъ же?

— Да,—отвѣтилъ Думфи нетерпѣливо.

Полковникъ хладнокровно дернулъ сонетку. Лакей мистера Думфи тотчасъ же явился.

— Я позвалъ васъ,—сказалъ онъ слугѣ, чтобы взять обратно мои выраженія и угрозы относительно васъ; я узналъ, что виновенъ только вашъ господинъ, который, я надѣюсь, извинится предо мною. Тѣмъ не менѣе я готовъ дать вамъ удовлетвореніе,—конечно, получивъ сперва свое отъ вашего господина.

Думфи было неловко, онъ знàкомъ отослалъ смущеннаго лакея.

— Сожалѣю, полковникъ; но я былъ очень занятъ, такъ же, какъ и теперь. Я не имѣлъ намѣренія васъ оскорбить. У каждаго дѣлового человѣкъ свои дѣловые часы.

Онъ откинулся на спинку кресла и засмѣялся гадкимъ, неблагозвучнымъ смѣхомъ.

— Радъ слышать ваше извиненіе!—сказалъ полковникъ весело.—Чортъ меня возьми, если я не угадалъ, что у васъ было такое же дѣло, какъ у меня съ старымъ Майе Толливеромъ. Я пріѣхалъ къ нему въ Вашингтонъ, во время засѣданія конгресса въ 1848 году. Отдалъ мальчику карточку, жду десять минутъ—нѣтъ отвѣта! Я послалъ своего друга, бѣднаго Джеффа Бомеранга, съ вызовомъ. «Чортъ меня возьми!—крикнулъ Майе, лежа съ пулею въ легкихъ и отчаянно глотая воздухъ:—все произошло отъ недоразумѣнія, Старботль. Лакей не приносилъ мнѣ карточки; высѣки его хорошенько, я самъ не успѣю этого сдѣлать,—и послѣ этихъ словъ онъ умеръ, ей-Богу!»

— О чемъ вы хотѣли со мною говорить?

— Насколько мнѣ помнится, то вы въ первой нашей бесѣдѣ не давали мнѣ большой вѣры относительно одного факта; ну, я считаю себя отвѣтственнымъ за ошибку, если таковая существуетъ,—отвѣтилъ онъ гордо.

Думфи довѣрчиво хлопнулъ полковника рукою по плечу.

— Вы свѣтскій человѣкъ, Старботль, я тоже... Поняли? Вы человѣкъ чести, я тоже,—проговорилъ онъ быстро.—Но я тоже и опытный дѣлецъ, а вы нѣтъ... Поняли? Объяснимтесь же откровенно: женщина, выдающая себя за мою жену,—обманщица; я это узналъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Я васъ не обвиняю... Но я говорю вамъ, какъ человѣкъ свѣтскій, благородный и дѣловой: все кончено! Чортъ возьми, все! Вотъ прочтите это! — онъ швырнулъ ему телеграмму, полученную наканунѣ. Мужъ уже повѣшенъ, а жена исчезла!

Полковникъ прочелъ телеграмму безъ изумленія.

— Конрой? Гмъ! Не знаю его. Зналъ одного Конроя изъ Сентъ-Джо, но онъ едва ли способенъ на подобную выходку... Нѣтъ, милостивый государь, это на него не похоже!

— И миссисъ Конрой вамъ не знакома?—спросилъ мистеръ Думфи, пристально глядя на полковника.

— Миссисъ Конрой? Жена управляющаго? Какъ же ее не знать! Это одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ! Жаль мнѣ ее. Но какое это имѣетъ отношеніе къ нашему дѣлу? О, понялъ!—Полковникъ захохоталъ, вынулъ платокъ и граціозно замахалъ имъ по воздуху.—Вздоръ, сударь. Это сплетни! Прекраснѣйшая женщина! Чортъ возьми, если Старботль не былъ готовъ попріударить за нею!... Она сдѣлала то, что и всякая женщина. Вы понимаете, Думфи?.. Исторія оглашается. Мужъ ревнуетъ, убиваетъ невиновнаго; люди думаютъ, что она бѣжала съ полковникомъ Старботлемъ! Ха-ха-ха! Нѣтъ, милостивый государь,—сказалъ онъ вдругъ съ достоинствомъ,—исторія безсовѣстно оклеветала полковника Старботля. Какъ бы ни было велико мужское хвастовство, я защищу честь женщины цѣною своей жизни!

Думфи понялъ изъ этого, что не миссисъ Конрой кліэнтка полковника, что искусственная теорія его рухнула, а съ нею вмѣстѣ и его надежда; что онъ все еще во власти этого хвастуна и опасной таинственной силы.

Онъ не былъ суевѣренъ, однако чувствовалъ необъяснимый страхъ предъ своимъ преслѣдователемъ и рѣшился, во что бы то ни стало, узнать его. Ужъ не серьезно ли это его жена? Не перехитрили ли надменнаго Пойнсета, или онъ, быть-можетъ, захотѣлъ перехитрить Думфи? Нельзя ли подкупить Старботля, чтобы онъ сказалъ фамилію своей кліэнтки?

— Я давеча сказалъ,—началъ онъ,—что вы ошиблись въ вашей кліэнткѣ; теперь я нахожу, что самъ ошибся въ той особѣ, которая, по моему предположенію, обманывала васъ. Моя жена, можетъ-быть, и вправду еще жива; готовъ признать это. Привезите ее завтра ко мнѣ, и я приму это за fait accompli.

— Вы забываете, что она не желаетъ видѣться съ вами, пока не утвердитъ своихъ правъ судомъ,—отвѣтилъ полковникъ.

— Такъ, мы понимаемъ другъ друга. Ну, а положимъ, что мы, дѣльцы, предпочитаемъ вести дѣло съ главными личностями, а все-таки не отказываемся благородно вознаградить агента за труды... Понимаете? Дадимъ даже экстренную награду... Вы вѣдь хорошо понимаете это? Ну, вотъ я и прошу васъ: приведите мнѣ свою кліэнтку, а все дѣло я устрою съ *вами*. Я знаю, вы скажете, что дали слово и прочее. Я понимаю

это и уважаю—и васъ не выдамъ. Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, гдѣ я могу найти ее. Я не скажу никому ни слова: я даже отвѣчаю за то, что вы получите слѣдуемый вамъ куртажъ отъ вашей кліэнтки, и съ своей стороны готовъ выдать вамъ чекъ на 5000 долларовъ, въ видѣ залога, что ли, чтобы успокоить васъ.

Полковникъ въ сильномъ волненіи пожалъ руку Думфи.

— Позвольте мнѣ,—сказалъ онъ,—поздравить себя съ счастіемъ, что я имѣю дѣло съ честнѣйшимъ изъ людей. Ваши чувства... я горжусь знакомствомъ съ вами! Но, къ величайшему сожалѣнію, я все-таки не могу дать вамъ требуемаго свѣдѣнія; я самъ не знаю ни имени, ни мѣста жительства моей кліэнтки.

Взглядъ презрительнаго довольства, озарявшій лицо Думфи въ началѣ словъ полковника, сталъ вдругъ пытливъ и злобенъ.

— Это замѣчательная неосторожность, съ вашей стороны!— крикнулъ онъ грубо.

Полковникъ, очевидно, не замѣтилъ этой грубости, потому что довѣрчиво положилъ руку на плечо Думфи.

— Ваша довѣрчивость вызываетъ меня на откровенность, мистеръ Думфи, — сказалъ онъ. — Чортъ меня побери, если я способенъ хитрить предъ вами! Если я говорю, что не знаю ни имени, ни жительства моей кліэнтки, то едва ли кто потребуетъ отъ меня повторенія сказаннаго. Я вынужденъ назвать ту особу, которая сообщила мнѣ факты. Даю честное слово, она вамъ неизвѣстна — занимаетъ неважное положеніе въ свѣтѣ, но весьма уважаемая—и только повѣренная моей кліэнтки. Когда мнѣ передали дѣло, то вмѣстѣ съ тѣмъ вручили и запечатанный конвертъ, въ которомъ обозначено имя кліэнтки и главнаго свидѣтеля, требуя, чтобы я не распечатывалъ его, пока не окажется необходимымъ прибѣгнуть къ помощи законовъ. Потрудитесь взглянуть: я не вскрывалъ конверта.

Думфи безсознательно протянулъ руку къ письму, но полковникъ вѣжливо отклонилъ руку и положилъ письмо предъ собою на письменный столъ.

— Пока еще я не считаю необходимымъ раскрыть письмо; процессъ, еще, можетъ-быть, и не состоится. Но если бы я нечаянно обронилъ у васъ письмо и получилъ его на слѣдующій день въ цѣлости, то я вѣдь не измѣнилъ бы своему слову.

— Понимаю,—отвѣтилъ Думфи, улыбнувшись.

— Простите мнѣ, если я попрошу васъ исполнить одну формальность и написать нѣсколько словъ подъ мою диктовку.

Думфи взялъ перо. Полковникъ тихо началъ расхаживать по комнатѣ, обдумывая что-то.

— Вы готовы?—спросилъ онъ.

— Начинайте!—отвѣтилъ Думфи нетерпѣливо.

— «Симъ обязуюсь, въ случаѣ если я употреблю довѣріе полковника Старботля во зло, дать ему извѣстнаго рода удовлетвореніе, предоставляя оному полковнику выборъ мѣста, времени и оружія, при чемъ не буду ждать формальнаго вызова. Если же я не исполню этого обязательства, то готовъ публично назвать себя лгуномъ, трусомъ, безчестнымъ подлецомъ», продиктовалъ полковникъ.

Онъ не замѣтилъ презрительной улыбки, игравшей на губахъ писавшаго бумагу.

— Чекъ вы потрудитесь выдать уже совсѣмъ оформленный,—сказалъ онъ, взявъ бумагу.

Думфи подумалъ, но все-таки исполнилъ требованіе полковника.

— Попрошу васъ еще передать этотъ чекъ одному изъ вашихъ клерковъ; онъ получитъ по немъ слѣдуемую сумму, съ передачею мнѣ,—добавилъ полковникъ.

Думфи позвонилъ, устремивъ нетерпѣливый взглядъ на конвертъ, и передалъ векселъ явившемуся клерку.

Полковникъ сожалѣлъ всю жизнь, что не взялъ прямо чекъ, потому что въ это же мгновеніе полъ началъ колебаться, при чемъ его отбросило съ страшною силою къ камину; онъ обернулся къ Думфи, который тоже судорожно уцѣпился за качавшееся бюро, между тѣмъ какъ лицо его сдѣлалось блѣднѣе смерти. Въ слѣдующее мгновеніе рухнула съ страшнымъ трескомъ этажерка съ книгами и раздались отчаянные крики клерковъ и прислуги; домъ страшно затрещалъ, и оба мужчины бросились къ дверямъ. Онѣ открылись на два вершка, не болѣе. Съ ревомъ дикаго звѣря, Думфи кинулся къ окну и выскочилъ на улицу. Въ то же мгновеніе и полковникъ очутился на тротуарѣ, потомъ волнующаяся толпа раздѣлила ихъ; общее дѣло, общіе интересы, связывавшіе ихъ за минуту передъ тѣмъ, были забыты, погружены во мракъ. Остался лишь инстинктъ, побуждавшій ихъ бѣжать, спастись отъ смерти.

Вся улица была наполнена толпою испуганныхъ, смертельно блѣдныхъ лицъ. Тутъ были истерично хохотавшіе мужчины, тутъ были и люди онѣмѣвшіе и остолбенѣвшіе отъ ужаса, преспокойно стоящіе подъ дождемъ сыпавшихся на нихъ кирпичей и бревенъ. Другіе, позабывъ вовсе чувство приличія, выбѣжали изъ бани, не заботясь даже о своей наготѣ. Были люди, изъ боязни смерти, прямо бросавшіеся ей въ объятія; одинъ прыгнулъ на улицу изъ пятаго этажа. Тутъ были люди, извѣстные своею неустрашимостью, и теперь трусливо дрожавшіе; одинъ, проводившій всю свою жизнь среди опасностей, бѣ-

галъ, какъ сумасшедшій. Иные увѣряли, что опасность миновала; другіе же говорили, что насталъ день Страшнаго Суда. Жители домовъ на отдаленныхъ улицахъ стояли поодаль, боясь выстроенныхъ собственными руками зданій, боясь даже какъ бы небо тоже не обрушилось на нихъ.

Настоящая опасность была такъ мала, сравнительно съ паническимъ страхомъ людей, что, полчаса спустя, всѣ ужъ начали смѣяться другъ надъ другомъ.

Думфи былъ первымъ, возвратившимъ себѣ присутствіе духа. Люди становились смѣлѣе, видя что этотъ великій человѣкъ строго приказалъ своимъ служащимъ приняться за дѣла и самъ вернулся домой.

Первый шагъ его былъ направленъ къ письменному столу. Конверта уже не было! Онъ торопливо обшарилъ всѣ бумаги, полъ, подоконникъ—но все было напрасно.

Мистеръ Думфи далъ звонокъ; явился клеркъ.

— Вы выдали деньги по чеку?

— Нѣтъ, сэръ; мы только-что начали считать ихъ, когда...

— Довольно, принесите мнѣ чекъ обратно!

Чекъ принесли.

— Ступайте къ мистеру Пойнсету и попросите его притти сюда немедленно!

Клеркъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ.

— Мистеръ Пойнсетъ уѣхалъ, тому назадъ четверть часа въ Санъ-Антоніо.

— Въ Санъ-Антоніо?

— Да, сэръ; говорятъ, что онъ получилъ оттуда весьма дурныя вѣсти.

XLII.

Упадокъ правосудія.

Слѣдующій день послѣ убійства Рамиреца былъ проведенъ жителями Одноконнаго Стана въ страшномъ волненіи. Убійства въ этой мѣстности вовсе не были новостью: многіе изъ уважаемыхъ согражданъ были найдены убитыми, а теперь жертвою преступленія былъ чужой человѣкъ, не пользовавшійся особенною симпатіею; но интересъ этого преступленія состоялъ въ томъ, что совершителями его были — по общему мнѣнію—мистеръ и миссисъ Конрой, и, безъ того всегда обращавшіе на себя вниманіе всѣхъ.

Преступленіе было открыто Салли, которая утромъ споткнулась о трупъ Рамиреца, проходя по горѣ. Злыя языки утверждали, что она ходила туда, чтобы разыскать его, такъ

какъ онъ съ вечера ушелъ изъ гостиницы и не пришелъ обратно; говорили еще, что онъ рѣшился на самоубійство, чтобы избѣгнуть преслѣдованія этой цѣломудренной дѣвы, пылавшей къ нему страстью. Но насмѣшки замолкли, при вѣсти о побѣгѣ Конроя съ женою. Одинъ рудокопъ разсказывалъ, что онъ видѣлъ, какъ Гэбріель таскалъ Рамиреца за воротъ; миссъ Кларкъ показала, что видѣла вечеромъ миссисъ Конрой съ убитымъ; потомъ А-Фи заявилъ, что когда онъ бѣжалъ за Гэбріелемъ съ письмомъ, то слышалъ крикъ о помощи. На это показаніе не обратили вниманія при слѣдствіи, на основаніи любопытнаго калифорнскаго закона, гласящаго, что язычникъ есть лгунъ; публика тоже мало вѣрила, такъ какъ не могла согласовать это показаніе съ вторичнымъ побѣгомъ Гэбріеля и думала, что китаецъ ошибся во времени. Были выслушаны и показанія людей, видѣвшихъ Гэбріеля ночью на горѣ. Только существованіе записки—самое важное доказательство—не было извѣстно ни публикѣ, ни слѣдователямъ.

Больше дюжины теорій относительно мотива преступленія занимали умы жителей въ продолженіе цѣлыхъ двухъ дней.

Первая теорія была та, что Гэбріель наткнулся на любовника жены въ то самое мгновеніе, когда тотъ хотѣлъ бѣжать съ нею, и убилъ его просто рукой; эта теорія дополнялась тѣмъ, что Гэбріель пригласилъ его въ домъ, написалъ ему записку подъ почеркъ жены и затѣмъ ужъ вымѣстилъ на немъ давно затаенную злобу. Говорили, что Гэбріель съ женою давно ужъ рѣшили избавиться отъ прежняго любовника, грозившаго раскрытіемъ какой-то тайны. Позже стали увѣрять, что Рамирецъ былъ настоящимъ владѣльцемъ рудника, и поэтому-то и былъ убитъ Конроемъ. Эта теорія казалась болѣе правдоподобною, она согласовалась съ общепринятымъ мнѣніемъ, что Гэбріель не могъ найти рудника, а прямо воспользовался чужими правами; часа два спустя, ужъ говорили, что Рамирецъ былъ весьма опаснымъ свидѣтелемъ въ какомъ-то дѣлѣ противъ Конроевъ. Когда же, наконецъ, было сообщено кѣмъ-то, что Гэбріель Конрой былъ вовсе не Гэбріель Конрой, то и этому стали всѣ единодушно вѣрить.

Лишь одна особа во всемъ Одноконномъ Станѣ не колебалась въ своей увѣренности, что Гэбріель вполнѣ невиненъ. То была миссисъ Маркль. Она старалась убѣдить и адвоката Максвелла, и свою помощницу Салли въ томъ, что онъ сталъ жертвою заговора, главою котораго была не кто иной, какъ миссисъ Конрой, сама совершившая преступленіе и взвалившая всю вину на своего супруга. Тѣмъ не менѣе миссъ Кларкъ не преминула дать показанія присяжнымъ въ самомъ глубокомъ траурѣ.

Объ этомъ обстоятельствѣ «Сильверопольскій Вѣстникъ» выразился такъ: «Показаніе миссъ Кларкъ произвело на присяжныхъ сильное впечатлѣніе естественнаго краснорѣчія особы, связанной съ убитымъ самыми нѣжными узами. Говорятъ, что Рамирецъ пріѣхалъ сюда, чтобы обвѣнчаться съ нею. И вдругъ рука убійцы превратила вѣнокъ невѣсты въ траурную вуаль! Судя по нѣкоторымъ словамъ этой же свидѣтельницы, убійство было совершено изъ ревности Гэбріелемъ Конроемъ, отвергнутымъ ею». Второй органъ печати—«Знамя Одноконнаго Стана»—выражался немного иначе, а именно: «Если Салли намѣрена носить трауръ по каждомъ мужчинѣ, которому ей приходилось подать тарелку супу, то предлагаемъ этой дѣвицы скупить всю лавку Бригса и нанять карету, чтобы ѣздить въ ней для свидѣтельскихъ показаній; а то, чего добраго, она умретъ, измученная этою бѣготнею... Замѣтимъ кстати, что намъ крайне интересно знать, что за надобность была редактору «Вѣстника» посѣтить одного изъ агентовъ Думфи — вчера вечеромъ въ 10 часовъ. Онъ хотѣлъ, вѣроятно, провѣрить кассовую книгу Дуфми, да? Но ея кажется нѣтъ здѣсь, такъ что къ этому посѣщенію есть другая причина!»

Въ часъ пополудни, послѣ появленія этихъ двухъ образцовъ краснорѣчія въ свѣтъ, редакторъ «Вѣстника» стрѣлялъ въ редактора «Знамени», но не попалъ въ него. Въ половинѣ второго двое были ранены—по неизвѣстной причинѣ—выстрѣлами возлѣ лавки Бригса. Въ девять часовъ полдюжины людей собралось въ верхнемъ этажѣ Бригсова дома. Черезъ полчаса тамъ собралось около 50-ти человѣкъ; всѣ шли туда будто такъ себѣ—тихо и равнодушно, безъ всякой очевидной цѣли. Въ это же время собралась толпа предъ зданіемъ суда, въ которомъ содержался предполагаемый убійца. Въ десять часовъ къ городу подскакалъ какой-то всадникъ; лошадь пала измученная, а всадникъ тотчасъ бросился къ зданію суда. Это былъ Гамлинъ. Однако таинственные всадники ночи опередили его и теперь уже объявляли съ крыльца суда народный приговоръ.

Этотъ приговоръ былъ противъ одного человѣка—покинутаго своими друзьями даже своими спутниками—своимъ конвоемъ, но тѣмъ не менѣе лично стороживша го своего узника въ продолженіе послѣднихъ 12 часовъ съ самымъ рѣшительнымъ и непокорнымъ видомъ—противъ Джо Голла, калаверасскаго шерифа! Онъ слушалъ этотъ приговоръ, стоя за забаррикадированными чѣмъ попало дверями съ револьверомъ въ рукахъ, но съ безнадежностью въ груди.

— Мы приказываемъ вамъ выдать Гэбріеля Конроя!—раздалось снизу.

Шерифъ остановился предъ Гэбріелемъ.

— Слышите, они близко!—произнесъ онъ почти дико.

Гэбріель склонилъ голову. Онъ былъ попрежнему спокоенъ и кротокъ.

— Готовы вы помочь мнѣ въ оборонѣ?—спросилъ шерифъ.

— Конечно, готовъ, но не совѣтую вамъ начинать; мы оба можемъ поплатиться за это... Да и не стоитъ труда! Быть-можетъ, даже лучше будетъ, если вы выдадите меня палачамъ; я вамъ навѣрное въ тягость, и вы сдѣлали что могли. Впрочемъ, если вы считаете своимъ долгомъ сохранить меня для суда присяжныхъ, то будь по-вашему! Я буду вамъ помогать.

Онъ всталъ. Шерифъ ободрился, видя, что такой гигантъ готовъ къ борьбѣ.

Внизу наступила торжественная тишина, обыкновенно предшествующая бурѣ. Снова раздался повелительный голосъ. Шерифъ вышелъ въ сѣни и отворилъ окно. Осажденные и осаждающіе измѣрили другъ друга взглядами.

— Убирайтесь отсюда, Голлъ! Ступайте къ своей матушкѣ; она безпокоится!—сказалъ одинъ изъ осаждающихъ.

— Чортъ возьми!—отвѣтилъ шерифъ бойко.—Вотъ явилась старая баба... Надѣла платье, шляпу Александра Баркера и выдаетъ себя за него!.. Ступай домой, бабушка, и прими совѣтъ: не наряжаться мужчиною!

— Тутъ не шутка, Джо Голлъ! Зачѣмъ вы не сдаетесь? Здѣсь пятьдесятъ человѣкъ, число ихъ скоро удвоится. Сдавайтесь!

— Добровольно никто не сдастся!

— Охъ, ты, молочный супъ! держись!

— Самъ молососъ! иди!

Раздался выстрѣлъ, захлопнулось окно, и осаждающіе кинулись къ дверямъ.

За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ Голлъ перевелъ своего узника изъ нижнихъ камеръ наверхъ, въ залу суда, не имѣвшую оконъ и получавшую свѣтъ изъ стекляннаго свода. Главныя двери были хорошо забаррикадированы; для рекогносцировки оставалась боковая дверь. Въ эту залу вела узкая лѣстница, которую Гэбріель вполовину заставилъ столомъ.

Наружная дверь начала трещать подъ ударами наступающихъ. Шерифъ съ Гэбріелемъ стояли на верхней ступени, но замѣтивъ, что дверь подается, они ретировались къ боковой

двери. Въ это мгновеніе дверь рухнула, Гэбріель кинулся впередъ и выстрѣлилъ.

Послышался топотъ, крикъ бѣшенства. Начали карабкаться на столъ. Вдругъ Гэбріель подлѣзъ подъ него, приподнялъ— и столъ внезапно полетѣлъ съ своею ношею на головы стоящихъ внизу. Наступающіе съ крикомъ отхлынули, между тѣмъ, какъ новый Самсонъ спокойно прошелъ въ залу. Мимо него шмыгнулъ одинъ изъ осаждающихъ, незамѣтно перешедшій Рубиконъ. Шерифъ вскрикнулъ, раздался еще выстрѣлъ — и ворвавшійся смѣльчакъ повалился на полъ. Въ слѣдующее мгновеніе онъ привсталъ съ усиліемъ на колѣни, простеръ руки и крикнулъ: «Стойте! Я пришелъ, помочь вамъ!»

Это былъ Джекъ Гамлинъ—оборванный, испачканный, въ изорванной сорочкѣ, съ лихорадочно пылавшими глазами, съ раною на ногѣ, а все сильный и храбрый.

Шерифъ съ Гэбріелемъ кинули револьверы и бросились подымать его.

— Посадите меня на стулъ...—сказалъ Гамлинъ хладнокровно. — Мы теперь квиты, Джо Голлъ! Этотъ выстрѣлъ прекратилъ всю нашу старую непріязнь, хотя онъ, быть-можетъ, лишитъ меня возможности быть вамъ теперь полезнымъ. Молчите и слушайте меня! Побѣгъ возможенъ лишь однимъ путемъ, черезъ этотъ сводъ. Эта стѣна выходитъ на Виндгамскій ровъ. Выбравшись на крышу, вы можете спуститься съ нея по этой веревкѣ, которую вамъ придется снять съ меня... Можете вы достичь свода?

— На галлереѣ стоитъ длинная лѣстница, — отвѣтилъ шерифъ.—Но насъ могутъ увидать. Они, можетъ-быть, ждутъ насъ съ этой стороны?

— Прежде чѣмъ они успѣютъ обойти ровъ, вы будете въ лѣсу... Чего ждать? Спѣшите, идите! Вы можете еще 10 минутъ пробыть здѣсь, если будутъ продолжать осаду съ прежняго пункта, но если они догадаются и приставятъ штурмовыя лѣстницы, то вы погибли!

Снова началась осада. Слышно было, какъ огромная толпа напирала на массивныя двери, рубила ихъ мотыками и другими орудіями. Нѣсколько выстрѣловъ пробили дверь и расшатали баррикаду.

А шерифъ все колебался. Но Гэбріель нагнулся, поднялъ Гамлина на руки и знакомъ пригласилъ шерифа принести лѣстницу.

— Постойте; на чердакѣ есть слуховое окно, воспользуемся имъ!—вспомнилъ шерифъ.

— Великолѣпно! Впередъ!—отвѣтилъ Джекъ.

Едва Гэбріель прошелъ два шага, какъ пошатнулся и съ силою ударился о слѣдовавшаго по пятамъ Голла, который съ своей стороны схватился за рѣшетку. Громъ осады увеличился; дверь и окна задрожали; тяжелая люстра рухнула на полъ, а съ нею и перекладина, на которой она держалась; цѣлый дождь кирпичей пробилъ стеклянный сводъ, и съ улицы послышались другого рода крики.

Затѣмъ послѣдовала пауза, и послышался топотъ бѣжавшихъ съ лѣстницы людей. Настала тишина. Осажденные, блѣдные какъ смерть, переглянулись.

— Это землетрясеніе,—сказалъ шерифъ.

— Тѣмъ лучше!—отвѣтилъ Джекъ:—мы выиграемъ время... Впередъ!

Всѣ направились къ лѣстницѣ, ведущей на чердакъ. Гэбріель шелъ впереди съ своей ношею. Но вотъ снова повторился набѣгъ на дверь залы, однако дверь ужъ не подавалась; землетрясеніе крѣпко завалило ее!

Между тѣмъ какъ Гэбріель вошелъ на чердакъ, раздался второй подземный ударъ—и онъ опустился на колѣни, чтобы не упасть; дверь за нимъ захлопнулась сама собою. Гэбріель положилъ Джека наземь, чтобы отворить шерифу; но, къ ужасу его, дверь ужъ не отворялась, такъ что Джо Голлъ находился въ плѣну.

Гэбріель сталъ робѣть и нерѣшительно взглянулъ на своего спутника, который смотрѣлъ изъ слухового окна.

— Нужно продолжать, Гэбріель, они... они добыли лѣстницу,—сказалъ онъ.

Гэбріель снова поднялъ его на руки и вылѣзъ на крышу, посреди которой находился куполъ съ грубо вырѣзаннымъ изъ дерева изображеніемъ богини правосудія. Гэбріель спрятался за этимъ изображеніемъ, когда крики съ улицы дали ему знать, что онъ замѣченъ. Одна пуля ударилась въ мечъ богини, а другая расшибла—какая горькая иронія!—одну чашку вѣсовъ.

— Снимите съ меня веревку,—сказалъ Гамлинъ, и прикрѣпите одинъ конецъ къ трубѣ или къ богинѣ.

Но трубы ужъ не существовало вслѣдствіе землетрясенія, а богиня тоже колебалась весьма подозрительно на своемъ пьедесталѣ; поэтому Гэбріель счелъ за лучшее прикрѣпить веревку къ желѣзнымъ периламъ, окружавшимъ куполъ, потомъ осторожно доползъ до фронтона и спустилъ свободный конецъ веревки внизъ; она была слишкомъ коротка для калѣки. Гэбріель поползъ обратно къ Гамлину.

— Вы первый должны спуститься,—сказалъ онъ спокойно:—я буду держать веревку; вы можете довѣриться мнѣ!

Не ожидая отвѣта Гамлина, онъ отвязалъ веревку крѣпко обвязалъ ее вокругъ него и донесъ его до фронтона. Потомъ онъ легъ на животъ, крѣпко пожалъ руку Гамлина и осторожно спустилъ его внизъ. Онъ ужъ притянулъ веревку къ себѣ и намѣревался привязать ее опять къ периламъ, какъ надъ противоположной стороною крыши показалась лѣстница.

«Мстителямъ» надоѣло ждать отвѣта за дверью, и они рѣшились влѣзть въ слуховое окно. Они всѣ трое достигли крыши и повторили свое требованіе — выдать имъ Гэбріеля — но тутъ вдругъ, какъ показалось ихъ возбужденному воображенію, безжизненная фигура богини правосудія зашевелилась, какъ бы готовясь дать имъ отвѣтъ; она очнулась изъ своего оцѣпенѣнія, наклонилась впередъ къ вопрошавшимъ, вытянула мечъ, потрясла своими раздробленными вѣсами и—всею своею тяжестью рухнула на нихъ, увлекая ихъ за собою внизъ по лѣстницѣ. Они умолкли навсегда. А на крышѣ стоялъ блѣдный, тяжело переводящій духъ, но торжествующій Гэбріель.

XLIII

IN TENEBRIS SERVARE FIDEM [1]).

Паденіе статуи, которое приписали землетрясенію, отвлекло на время вниманіе толпы отъ Гэбріеля, который благополучно спрыгнулъ къ едва дышащему Гамлину, поднялъ его опять на руки, спустился въ ровъ и черезъ десять минутъ находился уже на Конроевой горѣ, гдѣ имѣлось нѣсколько пещеръ, извѣстныхъ одному ему. Къ счастію, одна изъ нихъ была закрыта оторвавшимся кускомъ скалы и, такъ какъ Габріель былъ убѣжденъ, что глазъ менѣе острый, чѣмъ его, не можетъ увидать, то и направился прямо въ эту пещеру. Пора было заняться Гамлиномъ; онъ почти истекалъ кровью и, стараясь что-то сказать, совершенно лишился памяти.

Гэбріель раздѣлъ его, замѣтилъ большую опасную рану у него на правомъ бедрѣ и принялся оказывать ему помощь, насколько позволяли обстоятельства и его хирургическія познанія, пріобрѣтенныя долголѣтнею практикою. Его крайне смутила истощенность Гамлина, чего никакъ нельзя было предположить въ немъ, видя его дѣятельность и отвагу. И откуда бралась сила въ этомъ изможденномъ до-нельзя тѣлѣ? Гэбріель окинулъ свою собственную гигантскую фи-

---

[1]) Вѣру нужно хранить въ темнотѣ.

гуру взглядомъ презрѣнія, какъ будто она должна была казаться обидою этому блѣдному Адонису.

Съ безграничною нѣжностью, точно молодая мать, ухаживающая за новорожденнымъ младенцомъ, онъ унялъ текущую кровь и перевязалъ рану своего новаго друга, и съ такимъ искусствомъ, что больной даже не вздрогнулъ. Только однажды измѣнился Гэбріель въ эти минуты, а именно, когда послышались вверху чьи-то шаги и промелькнула тѣнь—быть можетъ бѣлки или зайца,—при чемъ онъ прижалъ къ себѣ Гамлина съ бѣшенствомъ львицы, которой помѣшали кормить ея львенка. Живя самъ весьма просто и не будучи знакомъ съ привычками высшаго класса людей, онъ пораженъ былъ тонкостью и чистотою нижняго бѣлья больного; когда онъ разстегнулъ грудь его, чтобы прислушаться къ біенію сердца, онъ увидѣлъ великолѣпную, массивную золотую цѣпочку съ множествомъ медальоновъ и осторожно положилъ ее въ сторону. На ходившаяся въ одномъ медальонѣ фотографическая карточка привлекла его вниманіе и въ высшей степени изумила его: онъ узналъ тонкія черты лица Грэсъ, но покрытыя такою тѣнію, что имъ овладѣло нѣчто въ родѣ суевѣрнаго страха. Онъ вглядѣлся внимательнѣе.

— Быть-можетъ, она снималась въ пасмурный день,—пробормоталъ онъ:—быть-можетъ, это происходитъ отъ темноты въ пещерѣ, а быть-можетъ тоже, что это вліяніе сырости и жары.

Онъ остановился и взглянулъ на лежавшаго предъ нимъ человѣка.

— Нѣтъ, это противорѣчитъ здравому разсудку,—продолжалъ онъ свою новую мысль вслухъ:—она его никогда не знала. Только моя глупость и постоянная мысль о ней могли заставить меня счесть этотъ портретъ за ея; совершенно другая дѣвушка... И тебѣ, старый Гэбъ, вовсе не слѣдуетъ вникать въ тайны чужого человѣка, пользуясь его безчувственнымъ состояніемъ.

Онъ положилъ медальонъ на прежнее мѣсто и застегнулъ воротъ сорочки.

— Питъ!—воскликнулъ Джекъ въ бреду.

— Это, должно-быть, его товарищъ,—сказалъ Гэбріель про себя, а потомъ громко, успокоительнымъ тономъ отвѣтилъ:—Питъ сейчасъ придетъ; онъ раньше будетъ здѣсь, чѣмъ вы думаете.

— Питъ!—повторилъ Джекъ громче:—освободи мою ногу отъ лошади... она раздавитъ ее!... Развѣ ты не видишь?... Боже, она пала!... Скорѣе!... Я опоздаю... Боже... Они повѣсятъ его... раньше... чѣмъ я прибуду!

Сердце Гэбріеля екнуло. Если онъ постоянно такъ будетъ бредить, то они оба погибли. Къ счастію, это продолжалось не долго; Джекъ открылъ свои черные глаза и направилъ ихъ на Гэбріеля, который уже улыбался ему.

— Неужели я ужъ умеръ и погребенъ?—сказалъ Джекъ, озираясь въ темной пещерѣ.

— Вамъ просто сдѣлалось дурно—вотъ и все; теперь вы опять въ порядкѣ,—отвѣтилъ Гэбріель ободрительно и самъ чувствуя себя облегченнымъ.

Гамлинъ постарался приподняться, но тщетно.

— Это неправда,—сказалъ онъ спокойно:—но что же теперь дѣлать?

— Если вы дадите мнѣ говорить безъ перерыва, то я скажу вамъ, что дѣлать. Видите ли: нужно достать вамъ доктора, прежде чѣмъ въ ранѣ сдѣлается воспаленіе; а пока вы со мною, этого нельзя... Не горячитесь, а выслушайте меня хладнокровно! Положимъ, я выйду къ тѣмъ молодцамъ, которые преслѣдуютъ насъ, и скажу имъ: можете взять меня, если обѣщаетесь не причинить никакого зла моему другу, а послать къ нему въ такую-то пещеру доктора. Вѣдь съ вами тогда ничего не можетъ случиться, я готовъ дать присягу въ томъ, что взялъ васъ въ плѣнъ, а Голлъ тоже не откажется засвидѣтельствовать, что ранилъ васъ,—сказалъ Гэбріель убѣдительнымъ тономъ.

Слова Гэбріеля какъ будто доставили удовольствіе Гамлину.

— Спасибо вамъ,—отвѣтилъ онъ съ слабою улыбкою:—но такъ какъ выданъ приказъ арестовать меня вслѣдствіе совершеннаго мною угона лошади, то едва ли будетъ для меня выгодно довѣриться этимъ господамъ. Вамъ они еще могутъ простить убійство маловажнаго мексиканца, но мнѣ не подадутъ дружеской руки послѣ того, какъ я загналъ лошадь ихъ предводителя... Нѣтъ, сударь, это нейдетъ!

Гэбріель молча вытаращилъ на него глаза.

— Я прибылъ съ Олли очень поздно въ Вингдамъ и оказался вынужденнымъ промѣнять свой кабріолетъ съ лошадью на упомянутую лошадь, не имѣя даже времени объясниться съ владѣльцемъ ея относительно подробностей. Вовсе не удивляюсь, что вы поражены моимъ поступкомъ,—добавилъ Гамлинъ лукаво, притворяясь, будто не понимаетъ причину изумленія Гэбріеля:—но какъ же быть, если я ужъ таковъ?... Вотъ какого рода друга пріобрѣли вы себѣ, Гэбріель! Меня привели на этотъ скользкій путь—нерѣшительность и недостатокъ аккуратности... Никогда не откладывай ничего до зав-

тра... Прими за правило—никогда не опаздывать въ воскресную школу!

Странный человѣкъ этотъ Гамлинъ. Тяжело раненый и находясь въ величайшей опасности, онъ еще могъ шутить и смѣяться!

— Мнѣ бы слѣдовало дать вамъ глотокъ виски, или чего-нибудь въ этомъ родѣ, чтобы подкрѣпить васъ,—пробормоталъ смущенный Гэбріель.

— Я никогда не употребляю крѣпкихъ напитковъ безъ предписанія доктора,—отвѣтилъ Джэкъ серьезно:—они слишкомъ возбуждаютъ, а я долженъ удерживаться отъ всякаго волненія и возбужденія... Вотъ этотъ пріемъ свинца ужъ не возбудитъ меня, — добавилъ онъ, ударяя рукою по больной ногѣ, при чемъ однако еще болѣе поблѣднѣлъ и невольно содрогнулся.

— Намъ придется пробыть здѣсь до темноты, а потомъ пробраться на Конроеву гору, — сказалъ Гэбріель:—тамъ вамъ будетъ удобнѣе, и къ тому же мы будемъ въ безопасности до утра. Ну, а потомъ мы отыщемъ другую пещеру. Намъ не осталось другаго выбора,—извинился онъ.

Джекъ состроилъ гримасу и снова скользнулъ взглядомъ по стѣнамъ пещеры; этотъ избалованный роскошью бездѣльникъ почувствовалъ недостатокъ своей привычной обстановки. Онъ тяжело вздохнулъ.

— Хорошо!... Видно, намъ придется еще цѣлый часъ быть прилѣпленными къ этой скалѣ, подобно улиткамъ... Хорошо,— продолжалъ онъ нетерпѣливо, когда Гэбріель устроилъ для него грубую и жесткую постель изъ прутьевъ, собранныхъ имъ у отверстія пещеры,—должно-быть, вы хотите воспользоваться тѣмъ, что я нахожусь въ вашей власти, и намѣрены замучить меня до смерти, сидя молча, точно филинъ... Отчего вы ничего не говорите?

— Что же мнѣ говорить?—наивно спросилъ Гэбріель.

— Что хотите! Хоть лгите, только дайте мнѣ послушать человѣческаго голоса!

— Мнѣ бы хотѣлось предложить вамъ вопросъ, мистеръ Джэкъ,—сказалъ Гэбріель спокойно.—Допускаю, конечно, что вы можете и не отвѣтить мнѣ—какъ вамъ будетъ угодно. Я вѣдь вовсе не желаю проникать въ ваши тайны, а думаю только о томъ, какъ бы провести время до ночи. Когда вы давеча лишились чувствъ, то я разстегнулъ вашу сорочку и увидѣлъ у васъ на шеѣ медальонъ съ портретомъ. Я не спрашиваю, чей этотъ портретъ, а только хотѣлъ бы узнать: у этой... молодой дамы... такой же ли цвѣтъ лица въ натурѣ, какъ и на портретѣ?

Джекъ немного покраснѣлъ.

— Она гораздо темнѣе въ натурѣ,—отвѣтилъ онъ:—портретъ кажется снѣжно-бѣлымъ сравнительно съ нею.

Гэбріель сталъ втупикъ.

— Да, сэръ,—продолжалъ Гамлинъ:—но если я говорю, что она еще гораздо темнѣе въ самомъ дѣлѣ, то хочу этимъ сказать, что самая бѣлолицая женщина въ мірѣ только вполовину такъ хороша, какъ она!.. Нѣтъ даже ангела, который былъ бы лучше ея. Этотъ портретъ,—продолжалъ онъ, вытаскивая медальонъ и тщательно вытирая его носовымъ платкомъ, не даетъ понятія объ ея красотѣ... Хотѣлось бы знать, что вы имѣете сказать относительно его?—спросилъ онъ вызывающимъ тономъ.

— Мнѣ показалось, что онъ похожъ на мою сестру Грэсъ,—отвѣтилъ Гэбріель смиренно.—Вы не знаете ея, мистеръ Гамлинъ? Она исчезла безъ вѣсти въ 1849 году.

Мистеръ Гамлинъ смѣрилъ Гэбріеля презрительнымъ взглядомъ съ головы до ногъ.

— На вашу сестру? Гмъ! Да развѣ у васъ можетъ быть такая сестра! Взгляните-ка хорошенько на нее!—крикнулъ онъ, сунувъ ему портретъ подъ самый носъ.—Вѣдь это благородная лэди!

— Вы не должны судить о Грэсъ по мнѣ, или даже по Олли,—замѣтилъ Гэбріель кротко.

Однако Джекъ не успокоился.

— Поетъ ли ваша сестра, подобно ангелу, и говоритъ ли она по-испански, какъ самъ губернаторъ Альфарадо? Сродни ли она древнѣйшимъ испанскимъ фамиліямъ въ штатѣ, владѣтельница ли она великолѣпнаго дома и 300 десятинъ земли и зовется ли она Долоресъ Сальватіерра? Похожъ ли ея чудный цвѣтъ лица на молодую кору мадроноваго дерева и прелестнѣе ли она всякаго ангела, а?

— Нѣтъ,—произнесъ Гэбріель, вздохнувъ:—я знаю, что я неисправимый дуракъ... Но, когда я увидѣлъ портретъ, то...

— Я укралъ его,—перебилъ Гамлинъ откровенно:—я увидѣлъ его въ ея пріемной и воспользовался тѣмъ, что тамъ никого не было. *Она* не дала бы мнѣ его добровольно... Жаркую баню задали бы мнѣ, если бъ она или родныя ея узнали объ этой покражѣ; кража лошади—ничто сравнительно съ этимъ преступленіемъ, Гэбріель!

Онъ рѣзко засмѣялся и потомъ съ тою же откровенностью описалъ свое первое и единственное свиданіе съ донъей Долоресъ.

Впрочемъ, о себѣ онъ при этомъ отозвался очень скромно, объ оказанной имъ услугѣ упомянулъ лишь слегка и вовсе умолчалъ о томъ, какъ Долоресъ благодарила его.

— Вы теперь можете,—докончилъ онъ,—понять мои чувства къ Рамирецу и то, почему я заинтересовался вами, когда узналъ, что вы покончили съ нимъ. Но теперь разскажите мнѣ по порядку всю эту исторію. Говорятъ, будто онъ ухаживалъ за вашей женою, и что вы только изъ ревности убили его... Говорите же—я слушаю п—добавилъ онъ, между тѣмъ какъ лицо его исказилось судорогою:—и я такъ сильно страдаю, что желалъ бы немного развлечься вашимъ разсказомъ.

Но лицо Гэбріеля было очень серьезно и губы крѣпко сжаты, когда онъ нагнулся надъ Гамлиномъ, чтобы поправить перевязку.

— Говорите же!—сказалъ Джэкъ мрачно:—иначе я сорву эти тряпки и истеку кровью предъ вами... Чего вы боитесь? Я все знаю о вашей женѣ, такъ что вы можете обойти ее молчаніемъ... Вѣдь я тоже ухаживалъ за нею въ Сакраменто—раньше, чѣмъ вы познакомились съ нею, когда она имѣла еще въ виду этого Джонни Рамирека... Она, вѣроятно, точно такъ же водила его за носъ, какъ и васъ, а? Надѣюсь, что вы не настолько глупы, чтобы еще продолжать любить ее...

При этихъ словахъ Джекъ приподнялся немного на локтѣ, чтобы лучше полюбоваться этимъ несообразнымъ дуракомъ.

— Вы упомянули о мексиканцѣ Рамирецѣ?—спросилъ Гэбріель, твердо и ясно взглянувъ на Джека.

— Конечно!—крикнулъ Гамлинъ нетерпѣливо.—А то о комъ же еще? Не о китайскомъ же императорѣ?

— Я его не убивалъ,—сказалъ Гэбріель спокойно.

— Разумѣется, нѣтъ!—сказалъ Джекъ торопливо.—Онъ, должно-быть, нечаянно наткнулся на вашъ ножъ, когда вы ковыряли имъ въ зубахъ... Продолжайте; говорите скорѣе, какъ это случилось. Какъ напали вы на него? Защищался ли онъ?

— Говорю вамъ, что не я убилъ его!

— Такъ кто же, если не вы?—вскрикнулъ Джекъ, бѣснуясь отъ боли и нетерпѣнія.

— Не знаю... я думаю... то-есть...

Гэбріель запнулся и кинулъ на своего спутника многозначительный взглядъ.

— Быть-можетъ, мистеръ Гэбріель Конрой,—проговорилъ Джекъ съ внезапною холодностью и злымъ выраженіемъ глазъ,—быть-можетъ, вы будете такъ добры, что объясните

мнѣ вашу шутку? Быть-можетъ, вы потрудитесь сообщить мнѣ, вслѣдствіе чего я тутъ лежу калѣкою? Зачѣмъ вы сидѣли въ судѣ? Зачѣмъ взбѣсили народъ? Зачѣмъ обрѣтаетесь теперь вмѣстѣ со мною въ этомъ великолѣпномъ фамильномъ склепѣ? Быть-можетъ, вы даже объясните мнѣ, для чего я предпринялъ экскурсію въ Сакраменто, а оттуда сюда? Ужъ не потому ли, что мнѣ полезно подобное усиліе—да къ тому еще я вѣдь имѣлъ честь быть представленнымъ вашей сестрѣ. Но неужели вы мнѣ не скажете, почему и для чего все это происходило?

— Джекъ, я узналъ что *она* убила его... и думалъ... что если пойдутъ разспросы... то... то я приму все *на себя!*... Я васъ вовсе не хотѣлъ вмѣшивать... я думалъ... думалъ что меня повѣсятъ безъ дальнихъ церемоній... Да, Джекъ, это вѣрно!

— Такъ это не вы убили Рамиреца?

— Нѣтъ.

— И вы подозрѣваете въ этомъ вашу жену?

— Да.

— И вы все взяли на себя?

— Взялъ.

Гамлинъ легъ на спину и засвисталъ пѣсенку: «Разъ весной, моя Анета», чтобы этимъ доказать все свое презрѣніе къ подобному поступку со стороны Гэбріеля.

Гэбріель тихо приподнялъ его, будто для того, чтобы опять поправить перевязку.

— Джекъ,—произнесъ онъ кротко,—если этотъ портретъ... эта смуглая женщина...

— Какая?—крикнулъ взбѣшенный Джэкъ.

— Я говорю о томъ прекрасномъ существѣ... Если бы.... если бы она... была вашей женою, и вы бы случайно узнали, что она... надувала васъ... то вы, конечно, сознались бы... что тому виною... больше... ваша... ваша глупость, чѣмъ... ея хитрость... и....

— Та женщина—благородная лэди,—перебилъ его Джекъ внѣ себя:—а ваша жена онъ удержался отъ крѣпкаго словца, готоваго сорваться съ его языка и, взглянувъ на Гэбріеля, добавилъ:—ахъ, уйдите!... оставьте меня!... Я хочу быть ангеломъ и находиться вмѣстѣ съ ангелами!

— И предположимъ, что у этой женщины есть тайна,—продолжалъ Гэбріель, не обращая вниманія на слова Гамлина:—и что этотъ человѣкъ поэтому не даетъ ей покоя... Ну, если эта женщина взбунтуется и убьетъ его... то неужели вы заставили бы ее, бѣдную, самое расплачиваться за это?... Нѣтъ,

Джекъ, вы бы лучше лишили себя жизни... Вы не могли бы допустить ее до этого, да и я тоже не могу!

— Это все очень трогательно, мистеръ Конрой, и дѣлаетъ честь вашему сердцу и вашей головѣ, и я даже чувствую, какъ ваши слова извлекаютъ пулю Голла изъ моей раны,—сказалъ Джекъ, устремляя глаза вверхъ, чтобы избѣгнуть взгляда Гэбріеля. Который же теперь часъ?... Не пора ли выбраться изъ этой проклятой могилы, старый дуракъ? Онъ застоналъ, а потомъ добавилъ дико:—Почемъ вы знаете, что ваша жена совершила преступленіе?

Гэбріель толково разсказалъ всѣ событія того дня, начиная съ встрѣчи своей съ Рамирецомъ по утру и кончая той минутой, когда онъ наткнулся на трупъ, возвращаясь домой, вслѣдствіе присланной ему женою записки.

— Зачѣмъ вы не сказали женѣ, что видѣли трупъ?—спросилъ Гамлинъ.

— Да я вѣдь тотчасъ же вернулся обратно, не повидавшись съ нею; я счелъ это лишнимъ не хотѣлъ ей показывать, что знаю о чемъ-нибудь.

Гамлинъ снова застоналъ.

— Но что же бы вы сказали, если бы увидѣли ее вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ,—съ *настоящимъ убійцею*... Что, старый дуракъ?—спросилъ онъ.

— Съ какимъ человѣкомъ?—спросилъ Гэбріель.

— Съ тѣмъ, съ которымъ видѣли жену по утру; съ тѣмъ, которому мнѣ теперь слѣдовало бы помочь, вмѣсто того чтобы валяться здѣсь.

— Не хотите ли вы этимъ сказать, что не вѣрите, чтобы жена сдѣлала это?—спросилъ Гэбріель испуганно.

— Ну, да,—отвѣтилъ Джэкъ сухо.

— Въ такомъ случаѣ, что же она хотѣла сказать своей запискою?—спросилъ Гэбріель съ внезапною прозорливостью.

— Не знаю... Но, вѣроятно, какъ и подобаетъ старому дураку, вы не поняли записки—дайте-ка мнѣ ее!

— Я... я не могу.

— Не можете?

— Я ее изорвалъ.

— Вы и-зо-рва-ли ее?

— Изорвалъ.

— Бывали ли вы когда-нибудь въ докторскихъ рукахъ, вслѣдствіе подобныхъ поступковъ?—спросилъ Гамлинъ послѣ долгой, мучительной паузы.

— Люди всегда говорили, что я странный человѣкъ, — отвѣтилъ Гэбріель простодушно.

Снова пауза.

— Враждебно въ вамъ относится Питеръ Думфи?

— Нѣтъ, Джекъ.

— Гмъ! Я видѣлъ одного изъ его агентовъ въ Виндгамѣ, какъ онъ стоялъ въ толпѣ и возбуждалъ ее противъ васъ; онъ же взбунтовалъ и «мстителей»,—сказалъ Гамлинъ медленно.

— Мнѣ кажется, что вы ошибаетесь,—возразилъ Гэбріель просто.—Думфи мнѣ другъ; онъ далъ мнѣ денегъ на разработку рудника; да къ тому еще я вѣдь его управляющій!

— О!

Опять длинная пауза

— Нѣтъ ли въ здѣшнемъ округѣ дома для умалишенныхъ, Гэбріель, чтобы принять двоихъ: одного неизлѣчимо сумасшедшаго, а другого съ огнестрѣльною раною, которую онъ пріобрѣлъ себѣ, играя револьверами?

— Вамъ не слѣдуетъ такъ много говорить, Джекъ,—отвѣтилъ Гэбріель съ глубокимъ вздохомъ.

Гамлинъ умолкъ наконецъ

Понемногу исчезъ слабый свѣтъ, проникавшій до сихъ поръ въ пещеру, а все болѣе сырѣвшій воздухъ охватывалъ обоихъ бѣглецовъ и заставлялъ ихъ вздрагивать; съ сырыхъ стѣнъ еще сильнѣе закапала вода. Опытный взоръ Гэбріеля замѣтилъ еще давеча, что землетрясеніе открыло большія щели въ пещерѣ и завалило одинъ изъ выходовъ. Онъ теперь доползъ до того отверстія, въ которое вошелъ днемъ; отдаленное жужжаніе голосовъ замолкло и всякая дѣятельность, какъ казалось, прекратилась; солнце садилось; черезъ нѣсколько минутъ стало такъ темно что имъ можно было оставить пещеру.

Вернувшись къ Гамлину, Гэбріель замѣтилъ косой лучъ свѣта, проникавшій изъ какой-то штольни. Взглядѣвшись повнимательнѣе, онъ нашелъ, къ своему великому изумленію, что во время землетрясенія образовалась новая разсѣлина, и подробное изслѣдованіе показало, что еще раньше существовало отвердѣніе въ горномъ хребтѣ, надъ пещерой. Онъ вполнѣ былъ знакомъ со всею горою, но эту разсѣлину замѣтилъ только теперь въ первый разъ.

Между тѣмъ какъ онъ все смотрѣлъ внизъ, нога его дотронулась до какого-то предмета; онъ нагнулся и поднялъ его; это была маленькая коробка изъ-подъ сардинокъ, герметически закупоренная и спаенная; на крышкѣ была выцарапана надпись, которой Гэбріель не могъ разобрать въ темнотѣ. Въ той слабой надеждѣ, что въ ней можетъ заключаться что-нибудь полезное для раненаго, онъ пошелъ къ отверстію и даже

отважился совсѣмъ выйти изъ пещеръ; но всѣ попытки прочесть надпись были напрасны. Онъ открылъ крышку острымъ камнемъ; подъ ней ничего не оказалось, кромѣ записной книжки и нѣсколькихъ бумагъ; онъ спряталъ ихъ въ карманъ своей блузы и вошелъ обратно въ пещеру. Онъ пробылъ въ отсутствіи меньше пяти минутъ, но, подойдя къ мѣсту, на которомъ лежалъ Гамлинъ, увидѣлъ, что на немъ никого не было.

XLIV.

Гекторъ появляется изъ рва.

Нѣсколько мгновеній Гэбріель стоялъ, какъ окаменѣлый, потомъ медленно и задумчиво началъ обыскивать пещеру шагъ за шагомъ. Не прошелъ онъ и ста шаговъ, какъ наткнулся на сидящаго въ одномъ углу Гамлина. Онъ находился въ страшно возбужденномъ лихорадочномъ состояніи, и его увѣреніе, что онъ не трогался съ мѣста, на которомъ оставилъ его Гэбріель, было принято послѣднимъ за бредъ больного.

— Пора итти,—сказалъ Гэбріель.

— Да... Всѣ мои... отношенія съ... съ убійцею... Рамирецо.. теперь покончены... и я готовъ... готовъ... вступить... въ домъ... умалишенныхъ,—отвѣтилъ онъ дико.

Гэбріель торопливо взялъ его на руки и сейчасъ же вынесъ изъ пещеры. На свѣжемъ воздухѣ силы обоихъ мужчинъ, казалось, увеличились; въ могучихъ рукахъ Гэбріеля Джекъ былъ не тяжелѣе перышка; онъ даже забылъ протестовать противъ того, что съ нимъ обращаются, какъ съ безпомощнымъ ребенкомъ, между тѣмъ какъ покровитель его смѣло шелъ вдоль знакомыхъ рвовъ, пока не дошелъ до рощи, на скатѣ горы, гдѣ тотчасъ же устроилъ для Гамлина мягкую постель изъ травы и листьевъ. Но тутъ, какъ онъ и ожидалъ, началась лихорадка: дыханіе раненаго участилось, и онъ безсвязно началъ бредить объ Олли, Рамирецѣ, прекрасной незнакомкѣ изъ Санъ-Антоніо, о Гэбріелѣ и о какомъ-то неизвѣстномъ.

Разъ или два онъ громко крикнулъ и затѣмъ началъ пѣть какую-то народную балладу. Рѣка, протекавшая неподалеку отъ нихъ, аккомпанировала своимъ журчаніемъ ему; качавшаяся отъ вѣтра ель стонала и кряхтѣла, терпѣливыя звѣзды безмолвно глядѣли на него съ вышины. Потомъ Гэбріель услышалъ повтореніе пѣсни съ подошвы горы. На мгновеніе онъ задержалъ дыханіе и прислушивался съ смѣшаннымъ чувствомъ страха и радости.

Ужъ не бредитъ ли и онъ? Или это, дѣйствительно, голосокъ Олли? Гамлинъ запѣлъ другую строфу; ему снова отвѣчали. Сомнѣній не было больше никакихъ. Гэбріель съ лихорадочною поспѣшностью набралъ кучу еловыхъ шишекъ и зажегъ ихъ. Въ одно мгновеніе онѣ ярко запылали; въ кустахъ что-то зашевелилось, и изъ нихъ вышли двѣ фигуры: одна—маленькая женская, а другая—высокая мужская; не успѣлъ Гэбріель разинуть рта, какъ ему на шею бросилась Олли, между тѣмъ какъ спутникъ ея, вѣрный Питъ, запыхавшись, кинулся къ своему господину.

Олли первая заговорила.

— Почему ты намъ не далъ знать, гдѣ находишься?—спросила она брата.—И зачѣмъ ты пѣлъ?

Но Гэбріель только могъ выговорить, держа свою любимицу въ объятіяхъ:—Это моя миленькая сестренка пришла ко мнѣ, къ своему старому Гэбу! Да хранитъ ее Господь!

Мистеръ Гамлинъ снова затянулъ пѣсню.

— Онъ не въ своемъ разумѣ, Олли! У него рана на ногѣ, онъ получилъ ее, пытаясь меня спасти, а теперь появилась и лихорадка; это онъ давеча пѣлъ, а не я... О! намъ нужно о немъ позаботиться!—добавилъ онъ какъ бы въ извиненіе.

Олли подбѣжала къ Гамлину.

— О, онъ раненъ, Гэбъ! Умретъ онъ, Гэбъ?

Питъ, довѣрявшій единственно только своей методѣ лѣченія, сомнительно покачалъ головою.

— Ему очень худо, миссъ Олли, это вѣрно; но такъ какъ онъ теперь—благодаря Бога—находится въ моихъ рукахъ и есть кому ухаживать за нимъ, то будемъ ждать лучшаго. Вашъ братъ, миссъ, очень добрый и довольно опытный братъ милосердія, но онъ не имѣетъ необходимыхъ познаній...

Съ этими словами Питъ вынулъ изъ своей дорожной сумки маленькій ящикъ съ медикаментами и началъ рыться въ немъ съ важнымъ видомъ доктора, котораго позвали слишкомъ поздно.

— Какъ ты попала сюда, Олли? — спросилъ Гэбріель, покорно уступая Питу своего паціента. — Что побудило тебя предположить, что я нахожусь здѣсь? Какимъ образомъ принялась ты искать меня?

— Когда я проснулась въ Виндгамѣ, гдѣ меня оставилъ Джекъ, то увидѣла возлѣ своей кровати Максвелла, который осыпалъ меня вопросами. Я вѣдь думала, что ты опять дуришь, Гэбъ, и поэтому заставила его разсказать мнѣ все, что онъ зналъ о тебѣ, прежде чѣмъ я рѣшилась сказать слово. И что же онъ разсказалъ за ужасы! — Будто тебя аресте-

вали за убійство, между тѣмъ, какъ я хорошо знаю, что ты не можешь убить и мухи, а тѣмъ менѣе — этого противнаго мексиканца, котораго я терпѣть не могла... И если бъ ты лучше занялся мною въ то время, чѣмъ лѣчить его, то такой исторіи никогда и не вышло бы... И Максвеллъ все спрашивалъ о томъ, какъ съ тобою обходилась Юлія и не врагъ ли она тебѣ... А я скажу тебѣ, Гэбъ, что если ты когда-нибудь былъ любимъ женщиною, то только Юліею. Да, вотъ какія глупости придумалъ Максвеллъ! И когда онъ увидѣлъ, что отъ меня ничего не добьешься, то онъ милостиво разрѣшилъ Питу вести меня къ тебѣ, такъ какъ шелъ слухъ, что тебя хотѣли взять мстители по закону Линча, и онъ думалъ, что они не рѣшатся тронуть, если я буду съ тобою; между тѣмъ онъ хотѣлъ похлопать передъ властями, чтобы тебя перевели изъ этого округа въ другой. Посмотрѣла бъ я, какъ бы это мстители тебя тронули! Итакъ, онъ поручилъ Питу вести меня къ тебѣ. И Питъ—лучше его нѣтъ негра на всемъ свѣтѣ!—сказалъ, что разыщетъ сперва Джека, котораго сперва пришлось бы убить, чѣмъ взять тебя... и вотъ, мы и пришли сюда. И когда мы пришли въ зданіе суда, то не нашли ни тебя, ни шерифа, ни мстителей, изъ которыхъ старшій убитъ землетрясеніемъ. А мы дорогой и не замѣчали землетрясенія, а то я перепугалась бы,—землетрясеніе, это такъ страшно! — Ну, а потомъ одинъ китаецъ передалъ намъ твою записку...

— Мою записку?—перебилъ Гэбріель. — Я не посылалъ никакой записки.

— Ну, такъ это его,—сказала Олли нетерпѣливо, указывая на Гамлина. — Тамъ было написано, что мы найдемъ своихъ друзей на Конроевой горѣ... Какъ же ты этого не понимаешь, Гэбъ!—продолжала она, топнувъ ножкою, въ сердцахъ на брата за его медленное соображеніе. — И когда мы стали подходить сюда, то услышали пѣніе Джека... Съ его стороны было очень глупо пѣть... Ну, а теперь мы вотъ всѣ здѣсь!

— Но онъ не посылалъ никакой записки, Олли!

— Ахъ, Гэбъ, какой ты не сносный! Не все ли равно, кто послалъ ее? Мы ее получили и васъ нашли. А вотъ и записка.

Она подала брату узенькую полоску бумаги съ написанными карандашомъ слѣдующими словами: «Ваши друзья ждутъ васъ вечеромъ на Конроевой горѣ».

Почеркъ былъ незнакомъ Гэбріелю... Какъ могъ Джэкъ написать и отослать записку безъ его вѣдома? Онъ, вѣдь, не отходилъ отъ него во все время бѣгства, исключая одной какой-нибудь минуты.

Гэбріель совсѣмъ растерялся и въ отчаяніи ударилъ себя рукою по лбу.

— Но вѣдь у тебя все въ порядкѣ теперь, Гэбъ!—сказала Олли, стараясь успокоить его:—мстители скрылись, шерифъ пропалъ куда-то! Землетрясеніе отвлекло всѣхъ отъ погони за тобой; только и толкуютъ теперь, что о землетрясеніи... Говорятъ даже, Гэбъ, — я забыла сообщить тебѣ это — нашъ участокъ земли пострадалъ отъ землетрясенія и что рудникъ теперь ничего не стоитъ... Но это можно оставить до другого раза... Завтра по утру сядемъ въ карету, которую Питъ заказалъ для насъ... А тамъ мы можемъ,—говоритъ Питъ ѣхать въ Стоктонъ, въ Санъ-Франциско и даже въ одно мѣсто, которое называется Санъ-Антоніо; тамъ и самъ чортъ не найдетъ насъ, и мы — Джэкъ, ты и я — можемъ остаться до тѣхъ поръ, пока не забудется вся исторія, не поправится Джекъ и не вернется Юлія!

Гэбріель все еще держалъ ее за руку и хотѣлъ было сказать ей, что Максвеллъ подозрѣваетъ Юлію въ убійствѣ, а Джекъ — въ невѣрности, но не сказалъ, а зато произнесъ, послѣ небольшой паузы, съ таинственнымъ видомъ:

— Ну, а если Юлія не вернется?

— Слушай, Гэбріель, если ты опять начнешь болтать глупости, то я уйду отъ тебя!.. Какъ будто она можетъ тебя покинуть?! (Гэбріель глубоко вздохнулъ). Если она узнаетъ, въ какой опасности ты находишься, то ее ничѣмъ и не отгонишь отъ тебя... Не будь же осломъ, Гэбъ!

Гэбріель замолчалъ.

Между тѣмъ Гамлинъ успокоился, подъ вліяніемъ болеутоляющаго лѣкарства, которое Питъ насильно влилъ ему въ ротъ. Гэбріель, на желѣзную натуру котораго не могло дѣйствовать никакое волненіе, клевалъ носомъ уже во время разговора, но теперь совсѣмъ заснулъ и громко захрапѣлъ. Вскорѣ и Олли уснула на его широкой груди, укутавшись плэдомъ мистера Гамлина. Только одинъ Питъ бодрствовалъ надъ своимъ господиномъ, не поддаваясь ни слабости, ни усталости.

Около полуночи Олли приснился тревожный сонъ: ей снилось, что она ѣдетъ верхомъ, въ сопровожденіи Гамлина, чтобы разыскать брата, и вдругъ они наѣзжаютъ на толпу людей, которые тащатъ Гэбріеля къ висѣлицѣ; она обернулась къ Гамлину, отчаянно прося его спасти брата, но въ это мгновеніе Гамлинъ превратился въ совершенно чужого человѣка,—стараго, морщинистаго, исхудалаго, съ пестрыми отъ слинявшей краски волосами, въ старомодномъ, оборванномъ костюмѣ, ск-

дѣвшемъ на немъ какъ мѣшокъ, съ криво повязаннымъ смѣшнымъ галстукомъ. Она въ ужасѣ проснулась. Но сонъ ея продолжался и наяву; ей ясно видѣлось, что этотъ скверный старикъ нагнулся надъ нею, съ серьезнымъ и любопытнымъ видомъ; она громко вскрикнула.

Питъ явился не сейчасъ, но тѣмъ не менѣе онъ увѣрялъ, протирая себѣ глаза, что не спалъ во все это время и замѣтилъ бы, если бъ кто подходилъ къ Олли, вслѣдствіе чего она и убѣдилась, что бредила наяву.

Но она больше не могла спать; она слѣдила взглядомъ за мѣсяцемъ, какъ онъ тихонько скрывался за большими Конроевскими соснами; она прислушивалась къ шагамъ зайцевъ и бѣлокъ, къ отдаленному стуку экипажа на Виндгамскомъ шоссе. Но вотъ на востокѣ заалѣло, роща огласилась пѣніемъ и чириканіемъ птичекъ, а пары, подымавшіеся надъ рѣкою, блѣднѣли все болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ исчезавшею луною. Олли разбудила своихъ товарищей. Тѣ простились каждый по-своему: Гэбріель—медленно и извиняясь, что долго спалъ; Гамлинъ — злобно, какъ будто кто смѣялся надъ его слабостью.

Онъ увидалъ Пита и вовсе не обрадовался, а скорѣе — напротивъ.

— А тебѣ, чернобурому дураку, таки нужно было притащиться сюда и разыскивать меня?! — крикнулъ онъ, привставъ немного и опираясь на локти. — И какъ разъ въ то время, когда я въ Виндгамѣ привелъ все въ порядокъ и рѣшился стать другимъ человѣкомъ?.. Какъ здоровье Олли? Извинись предъ нею, что я не могу встать!.. Подойди ко мнѣ, Олли!.. Если мой негръ не угождалъ тебѣ, то скажи мнѣ, и я прогоню его къ... Ну, хорошо! Чортъ побери все! Ну, чего выпучилъ глаза, старый дуралей? Пора въ путь... карета дожидается за оврагомъ... Идемте же, дѣточки, пикникъ кончился!

Гэбріель нѣжно взялъ Гамлина на руки и пошелъ во главѣ комичнаго шествія; Гамлинъ, вѣроятно, замѣтилъ всю комичность своего положенія, а потому и не насмѣхался надъ добрякомъ, который его несъ. Олли и Питъ слѣдовали за ними.

Они шли бодро, полные надеждъ; Гэбріель, несмотря на опасность, избѣгалъ даже наступать на кой-гдѣ еще попадавшіеся цвѣточки. Птички весело пѣли, благоуханіе отъ травъ наполняло воздухъ. Къ нимъ часто долетали отдаленные голоса. Становилось все свѣтлѣе, такъ что ужъ можно было различать всѣ предметы.

Олли отошла немного отъ тропинки, чтобы нарвать ягодъ шиповника — и вдругъ вскрикнула: въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея двигалось что-то, чего она не могла разсмотрѣть.

— Не бойся, Олли, это наша карета!—крикнулъ ей Гэбріель.

Она радостно побѣжала впередъ.

Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Не прошли они и двадцати шаговъ, какъ чей-то голосъ, словно выходившій изъ земли, приказалъ Гэбріелю остановиться. Гэбріель исполнилъ это безсознательно, прижимая къ себѣ Гамлина одною рукою, и другою обхвативъ сестру. Изо рва медленно поднялась какая-то темная фигура и преградила имъ путь.

Это былъ маленькій испачканный съ головы до ногъ грязью и оборванный мужчина; человѣкъ измученный, усталый, трясшійся отъ волненія, какъ въ лихорадкѣ, но тѣмъ не менѣе стоявшій прямо и съ угрожающимъ видомъ. Въ этомъ человѣкѣ Гамлинъ и Гэбріель тотчасъ же узнали, несмотря на его лохмотья, Джо Голла. Въ правой рукѣ онъ держалъ револьверъ, а лѣвою старался обхватить дерево, стоявшее предъ нимъ. Бѣглецы инстинктивно замѣтили, что дуло револьвера было направлено на нихъ.

— Гэбріель Конрой, я васъ не пропущу!—произнесъ онъ.

— Оставь меня, кинь меня... бѣги, спасайся! — шепнулъ Гамлинъ.

Но Гэбріель быстро и съ ловкостью, непохожей на его обычную неповоротливость, взялъ Гамлина на другую руку и подставилъ свое свободное плечо пулѣ.

— Гэбріель Конрой, я васъ арестую,—сказалъ Голлъ.

Гэбріель даже не пошевелился; но изъ-за его плеча выставился длинный блестящій стволъ любимаго пистолета Джека, а надъ нимъ виднѣлись горящіе, какъ уголья, глаза раненаго.

Оба противника прицѣливались; Джекъ въ шерифа, а тотъ въ Гэбріеля.

Стояла гробовая тишина.

— Что жъ ты медлишь?—произнесъ, наконецъ, Джекъ спокойно: — Одно тебѣ скажу, Джо: если ты промахнешься въ него, то ты погибъ, а если и попадешь, то все равно не избѣгнешь моихъ рукъ!

Пистолетъ задрожалъ въ рукахъ владѣльца, но не отъ трусости, а отъ слабости: этотъ человѣкъ не робѣлъ даже передъ видомъ смерти.

— Прекрасно, Джекъ! Вы убьете меня, я это знаю; но вы все-таки не можете отрицать, что я исполнилъ свою обязанность, какъ шерифъ, принявшій присягу... Я васъ не пущу впередъ, пока буду живъ! Я стерегъ васъ всю ночь и готовъ теперь умереть ради исполненія своего долга... Вы не войдете въ карету иначе, какъ черезъ мой трупъ.

Онъ снова вытянулся во весь ростъ, что было, впрочемъ, не очень страшно, и опять прицѣлился въ Гэбріеля, но съ такимъ очевиднымъ несоотвѣтствіемъ между желаніемъ и полною невозможностью спустить курокъ, что нельзя было ему не сочувствовать.

Мистеръ Гамлинъ засмѣялся; но тутъ онъ вдругъ почувствовалъ, что державшія его руки теперь осторожно спускаютъ его на землю.

Послѣ этого Гэбріель спокойно подошелъ къ шерифу.

— Я готовъ слѣдовать за вами, мистеръ Голлъ,—сказалъ онъ кротко, поворачивая спокойно револьверъ въ другую сторону.—Но я имѣю къ вамъ просьбу: этого бѣднаго молодого человѣка—онъ указалъ на Гамлина, катавшагося по травѣ и въ безсильной злобѣ скрежетавшаго зубами—не слѣдуетъ арестовывать: онъ вѣдь нечаянно попалъ въ эту исторію... А я готовъ итти съ вами и чрезвычайно сожалѣю, что причинилъ столько непріятностей!

XLV.

Послѣ землетрясенія.

За четверть часа до того, какъ посланый Думфи пришелъ въ контору Пойнсета, послѣдній получилъ изъ Санъ-Антоніо телеграмму, немногія слова которой больше подѣйствовали на его живое воображеніе, чѣмъ пространное и краснорѣчивое описаніе.

Телеграмма гласила слѣдующее:

«Миссіонерская церковь разрушена. Патеръ Фелипе спасенъ. Ранчо Св. Троицы разрушенъ и Долоресъ исчезла. Мой домъ уцѣлѣлъ. Пріѣзжай скорѣе. Марія Сепульвида».

На слѣдующій день, въ четыре часа вечера, онъ прибылъ въ Санъ-Херонимо. Тутъ ему подтвердили телеграмму, хотя и не безъ преувеличеній.

– Призываю вселенную въ свидѣтели, что Санъ-Антоніо больше не существуетъ—увѣрялъ его содержатель ресторана.—Вы найдете на мѣстѣ домовъ однѣ развалины. Ну, да на свѣтѣ все такъ дѣлается: сегодня есть, а завтра нѣтъ!... Вышейте

для подкрѣпленія стаканчикъ французской водки или же американской виски. Это я могу вамъ предложить, но отъ Санъ-Антоніо ничего не осталось

Встревоженный Артуръ напялъ верхового коня и поскакалъ дальше. Проѣхавъ не менѣе часа, онъ увидѣлъ съ облегченіемъ одну изъ миссіонерскихъ башенъ. «Куда же дѣлась другая башня? спрашивалъ онъ себя? Донна Сепульвида писала, что церковь разрушена... а церковь то, кажется, стоитъ». Подъѣзжая къ самому миссіонерству, онъ удостовѣрился, что церковь уцѣлѣла, но другая башня, восточный флигель и трапеза превратились въ груду камней. Къ его удивленію, церковь была освѣщена, несмотря на поздній часъ; онъ слѣзъ съ лошади и вошелъ въ нее.

Тутъ все было по-старому: картины всѣ висѣли на своихъ мѣстахъ; восковыя изображенія святыхъ стояли въ своихъ нишахъ, а службу совершалъ тотъ же патеръ Фелипе.

Пѣвчіе запѣли de profundis, — и Артуръ замѣтилъ, что алтарь задрапированъ чернымъ сукномъ; служилась панихида.

Мрачное предчувствіе овладѣло Артуромъ; онъ опустился на первую попавшуюся скамью и закрылъ лицо руками. Тихо заигралъ органъ и вмѣшался въ печальный хоръ пѣвчихъ; облака благовоннаго ладана наполнили церковь—и когда монотонный голосъ священника коснулся слуха Артура, онъ началъ погружаться въ дрёмоту.

Полчаса спустя онъ очнулся, когда патеръ Фелипе назвалъ его по имени и нѣжно дотронулся до его плеча.

Молящихся ужъ не было: свѣчи были погашены, исключая двухъ напрестольныхъ; въ первое мгновеніе Артуръ не могъ сообразить, гдѣ находится.

— Я зналъ, что ты пріѣдешь, сынъ мой,—сказалъ патеръ Фелипе:—но гдѣ же она? Отчего ее нѣтъ съ тобою?

— О комъ вы говорите?—спросилъ Артуръ, стараясь привести въ порядокъ свои спутанныя мысли.

— О комъ?... Да будетъ надъ вами благословеніе Господне, донъ Артуро! Я спрашиваю о доннѣ Маріи... Или вы не получали ея телеграммы?

— Да я только-что пріѣхалъ; увидѣлъ, что здѣсь освѣщено, и вошелъ сюда... Вы служили панихиду, патеръ Фелипе? Вы, вѣроятно, лишились кого-нибудь изъ своихъ близкихъ?

— Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ патеръ Фелипе, всплеснувъ руками.—Неужели вы не знаете, по комъ я служилъ панихиду? Не знаете, что донья Долоресъ теперь находится предъ Божьимъ престоломъ?

— Я слышалъ... то-есть, узналъ изъ депеши, что донья Долоресъ исчезла куда-то,—пробормоталъ Артуръ, чувствуя, что сильно блѣднѣетъ и голосъ измѣняетъ ему.

— Исчезла!—повторилъ патеръ Фелипе.—Да, она пропала и ее найдутъ провалившейся на 50 саженей въ землю въ усадьбѣ Св. Троицы. Она исчезла, донъ Артуро, исчезла безвозвратно, навѣки!

Что-то особенное въ выраженіи лица Артура побудило патера Фелипе нарисовать ему картину катастрофы. Вачеро, находившіеся въ полѣ, видѣли, какъ развалился ранчо Св. Троицы и былъ поглощенъ разверзшеюся землею. Донъ Хуанъ, донья Долоресъ, Мануела, дворецкій Александръ и дюжина слугъ погибли... Множество людей разрываютъ развалины, но до сихъ поръ ихъ старанія безуспѣшны; быть-можетъ, тѣла найдутся черезъ нѣсколько недѣль, а впрочемъ—неизвѣстно!

— Но пойдемте, сынъ мой,—продолжалъ патеръ Фелипе, беря его за руку,—пойдемте ко мнѣ! Благодаря Пресвятой Дѣвѣ, я еще въ состояніи дать вамъ пріютъ... Ахъ, что это такое!—сказалъ онъ, проводя рукою по плащу Артура—вы совершенно пропитаны этимъ еретическимъ туманомъ. Холодныя руки, горячая голова... гмъ!

Онъ повелъ его черезъ ризницу и засыпанный обломками садъ въ пристройку, служившую недавно училищемъ, а теперь превратившуюся въ кабинетъ и молельню отца Фелипе. Яркій огонь пылалъ въ каминѣ; по стѣнамъ висѣли картины религіознаго содержанія, въ одномъ углу стоялъ небольшой органъ, а прямо, противъ камина, находилось то окно, у котораго двѣ недѣли тому назадъ мистеръ Гамлинъ видѣлъ прелестную донью Долоресъ.

— Она большую часть своего времени проводила здѣсь, наставляя дѣтей добру, — она наша незабвенная, наша незамѣнимая! — сказалъ патеръ Фелипе, беря большую понюшку табаку и вытирая носъ и глаза большимъ пунцовымъ фуляромъ.—Это училище—ея лучшій памятникъ! Благодаря ея щедрости — а она была очень, очень щедра, донъ Артуро— здѣсь былъ основанъ монастырь... Вамъ, вѣроятно, ужъ извѣстно, въ качествѣ ея повѣреннаго, что она уже давно завѣщала все свое имѣніе святой церкви, а?

— Нѣтъ, не зналъ до сихъ поръ,—сказалъ Артуръ немного рѣзко; въ немъ вдругъ пробудилась протестантская ревность и какое-то еретическое негодованіе, которое было ему совершенно ново, но тѣмъ не менѣе заставило его кинуть на патера Фелипе — въ первый еще разъ — весьма подозрительный

взглядъ.—Нѣтъ, патеръ Фелипе, я ничего подобнаго не слыхалъ отъ доньи Долоресъ. Напротивъ, она поручила мнѣ...

— Виноватъ, простите меня, сынъ, мой!—перебилъ патеръ Фелипе, снова нюхая табакъ, — но только теперь не время объ этомъ говорить, всего двадцать четыре часа спустя послѣ блаженной кончины нашей дорогой благодѣтельницы, когда дѣвственные останки ея только что успѣли охладѣть. (Онъ вдругъ сильно закашлялся). Всему свое время! Да, чуть не забылъ (онъ началъ рыться въ своихъ письмахъ и бумагахъ), тутъ есть кое-что для васъ важное, быть-можетъ, очень даже важное: телеграмма, полученная мною на ваше имя.

Онъ вручилъ Пойнсету желтый конвертъ, но глаза Артура пристально были устремлены на визитную карточку, лежавшую на письменномъ столѣ. На ней было написано: «Полковникъ Кольпеперъ Старботль изъ Сискіу».

— Вы знакомы съ этимъ господиномъ?—спросилъ Артуръ, указывая нераспечатанною еще депешею на карточку.

Патеръ Фелипе опять закашлялся.

— Можетъ-быть, очень можетъ быть, что знакомъ... Мнѣ помнится, что это тоже адвокатъ; да, да, такъ и есть! Онъ пріѣзжалъ по дѣлу о церковномъ имуществѣ, если не ошибаюсь, забылъ что-то!.. Но что же говорится въ вашей депешѣ, донъ Артуро? Надѣюсь, что она не заставитъ васъ тотчасъ же удалиться? Какъ? Неужели? Но вѣдь вы здѣсь не больше часа?!

Патеръ Фелипе остановился и встрѣтился съ серьезнымъ испытующимъ взглядомъ Артура; онъ отвѣтилъ спокойнымъ, безстрастнымъ взглядомъ, чѣмъ и принудилъ Артура потупиться, хотя ни въ чемъ не устыдилъ и не убѣдилъ его. Онъ вызвалъ своими словами въ памяти Артура тысячу разсказовъ самаго скандальнаго свойства, ходящихъ о римской церкви, и о громадномъ вліяніи того хитраго ордена, къ которому принадлежалъ самъ патеръ Фелипе. Сознаніе, что ему слѣдуетъ таиться предъ тѣмъ, съ кѣмъ онъ всегда былъ такъ откровененъ, привело Артура въ замѣшательство.

Онъ наконецъ повернулся къ лампѣ и распечаталъ депешу, которая мигомъ навела его на совершенно другія мысли.

«Гэбріель Конрой убилъ Виктора Рамиреца и арестованъ. Что дѣлать? Жду немедленнаго отвѣта. Думфи» — прочелъ онъ.

— Въ которомъ часу проѣзжаетъ почта изъ Санъ-Херонимо? — спросилъ онъ, стремительно вскочивъ со стула

— Въ полночь, сынъ мой... Неужели вы намѣрены, сынъ мой...

— А теперь девять часовъ,—продолжалъ Артуръ, взглянувъ на часы. — Можете вы доставить мнѣ свѣжую лошадь?.. Это дѣло дѣйствительно очень важное, падре,—добавилъ онъ съ прежнею откровенностью.

— Да? Очень важное? Въ чемъ же оно состоитъ, сынъ мой? — спросилъ патеръ Фелипе тономъ участія.

— Дѣло идетъ о жизни и смерти,—отвѣтилъ Артуръ весьма серьезно.

Отецъ Фелипе позвонилъ и приказалъ что-то явившемуся слугѣ, между тѣмъ какъ Артуръ снова сѣлъ и написалъ Думфи отвѣтъ.

— Могу ли я попросить васъ послать это какъ можно скорѣе на телеграфную станцію?—сказалъ онъ, вручая патеру Фелипе написанное имъ.

Патеръ Фелипе тревожно взглянулъ на него.

— Но развѣ вы не заѣдете къ доньѣ Маріи — хоть на одну минуту, а? Вѣдь заѣдете?—спросилъ онъ несмѣло.

— Едва ли я буду имѣть возможность заѣхать,—отвѣтилъ Пойнсетъ, улыбаясь и надѣвая плащъ:—поручаю вамъ передать ей, что телеграмма отозвала меня обратно, и что поэтому я никакъ не могъ ее посѣтить.

Вошелъ слуга съ докладомъ, что лошадь готова.

— Покойной ночи, патеръ Фелипе!—сказалъ Артуръ, пожимая ему руку съ такимъ дружелюбіемъ, которое доказало, что отъ прежняго его минутнаго подозрѣнія не осталось и слѣда.—Спокойной ночи! Тысячу разъ благодарю за лошадь! Давъ мнѣ возможность слѣдовать призыву, вы больше сдѣлали для спасенія моей души, чѣмъ предполагаете... Покойной же ночи!

Прозвучалъ еще разъ его веселый смѣхъ, а потомъ — мигъ спустя — раздался стукъ копытъ быстро скачущей лошади. Патеръ Фелипе пробормоталъ какую-то короткую молитву, взялъ еще щепотку табаку и бросилъ карточку полковника Старботля въ пылавшій каминъ.

XLVI.

Пропавшій конвертъ.

По жестокой ироніи судьбы, слухи о томъ, что съ рудникомъ Конроя случилась бѣда, оказались основательными. Немногіе изъ акціонеровъ еще убаюкивали себя надеждою, что эти слухи распущены съ цѣлью понизить цѣнность акцій, но, тѣмъ не менѣе, фактъ ужъ былъ извѣстенъ публикѣ. Акціи понизи-

лись до 35, до 30, до 10—до 0. Часъ спустя послѣ землетрясенія весь Одноконный Станъ зналъ, что шахта опустилась, и что гранитный слой покрылъ ее и засыпалъ всѣ содержащіяся въ ней сокровища.

Думфи сталъ самоувѣреннѣе и смѣлѣе прежняго. При немъ никто не рѣшался говорить о своихъ потеряхъ или выказывать неудовольствіе.

— Положимъ, это скверно, но что же станешь дѣлать?—говорилъ онъ въ предупрежденіе требованій вкладчиковъ—выдать имъ обратно вклады.

Въ такомъ розовомъ настроеніи духа и засталъ его Пойнсетъ по возвращеніи изъ Санъ-Антоніо.

— Должно-быть, и оттуда скверныя извѣстія,—сказалъ Думфи дѣловымъ тономъ:—предполагаю, что вдовушка не очень весела, а? Вѣдь она засѣла въ грязь глубже всѣхъ... Дьявольски сожалѣю о васъ, Пойнсетъ, хотя вы, какъ разумный мужчина, не можете отрицать, что дѣло сначала казалось вѣрнымъ. Ну, имѣніе ея вдвое цѣннѣе ея заемныхъ писемъ. Она была не въ духѣ, а? Разумѣется, она говорила, что ее надули?.. Бабы всегда такъ говорятъ! Извѣстное дѣло!

Онъ засмѣялся и закивалъ головою.

Артуръ взглянулъ на него съ непритворнымъ изумленіемъ.

— О комъ вы говорите? Если о госпожѣ Сепульвида, то могу васъ увѣрить, что я ея не видѣлъ, я былъ еще только на пути къ ней, когда ваша телеграмма позвала меня обратно. Я былъ по дѣлу у патера Фелипе,—отвѣтилъ онъ холодно.

— Такъ вамъ еще не извѣстно, что Конроевъ рудникъ уничтоженъ землетрясеніемъ? Вдовушка потеряла при этомъ 56.000 долларовъ.

— Я не зналъ,—отвѣтилъ Артуръ такъ безучастно, что это произвело на Думфи больше впечатлѣнія, чѣмъ если бъ онъ выказалъ огорченіе и тревогу:—надѣюсь, что вы телеграфировали мнѣ не ради этой причины?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ,—возразилъ Думфи, стараясь прочесть на лицѣ Артура разгадку такого замѣчательнаго безучастія къ тому, что женщина, на которой онъ хотѣлъ жениться, разорена.

— Хорошо! — произнесъ Пойнсетъ съ тѣмъ непоколебимымъ спокойствіемъ, которое было у него всегда признакомъ рѣшимости: — я теперь ѣду въ Одноконный Станъ предложить Конрою свои услуги въ качествѣ защитника. Вы разскажете мнѣ подробности убійства, которое, конечно, совершено не Гэбріелемъ,—онъ не способенъ на преступленіе. Ну, а затѣмъ

скажете еще, по какому дѣлу вы телеграфировали мнѣ; я увѣренъ что не изъ-за Конроя.

Мистеръ Думфи, подъ обаяніемъ твердой воли Пойнсета, разсказалъ ему все, что зналъ объ убійствѣ. Но онъ не рѣшался разсказывать ему о Старботлѣ, о чекѣ и о конвертѣ.

Пойнсетъ угадалъ, что въ немъ происходило, и принудилъ его рѣшиться простымъ вопросомъ:

— Видѣлись ли вы еще разъ съ полковникомъ?

Тогда Думфи разсказалъ все до мельчайшихъ подробностей.

Артуръ слушалъ его спокойно и внимательно; когда же Думфи упомянулъ о потерѣ конверта, онъ кинулъ на него взглядъ, значеніе котораго не могло быть перетолковано.

— Вы говорите, что конвертъ, довѣренный вашей чести, пропалъ?—спросилъ онъ медленно и съ очень обиднымъ выраженіемъ въ голосѣ,—пропалъ, прежде чѣмъ вы успѣли узнать содержаніе бумаги? Это большое несчастіе, мистеръ Думфи, большое не-счас-ті-е!

Мистеръ Думфи побагровѣлъ.

— Такъ онъ отрицалъ свое знакомство съ миссисъ Конрой?—продолжалъ Пойнсетъ.

— Вполнѣ! онъ далъ мнѣ понять, что получилъ инструкціи отъ другой мнѣ неизвѣстной особы... Видите ли вы теперь, Пойнсетъ, что вы заблуждаетесь. Я не думаю, чтобы это была она.

Артуръ покачалъ головою.

— Ни у кого больше нѣтъ необходимыхъ свѣдѣній, чтобы оклеветать васъ, и никому нѣтъ въ этомъ интереса.

Вошелъ лакей съ карточкой.

Думфи нетерпѣливо взялъ ее и громко прочелъ:

«Полковникъ Старботль изъ Сискіу».

Онъ робко взглянулъ на Пойнсета.

— Хорошо,—отвѣтилъ тотъ спокойно: — введите его сюда.

По уходѣ лакея, онъ обратился снова къ Думфи.

— Вы, вѣроятно, нарочно устроили такъ, чтобы я встрѣтился здѣсь съ этимъ человѣкомъ?

— Да,—отвѣтилъ Думфи коротко и рѣзко.

— Ну, такъ держите языкъ за зубами и предоставьте все мнѣ!

Старботль былъ повидимому удивленъ, заставъ у Думфи посѣтителя; но это нисколько не уменьшило въ немъ важности.

— Мой адвокатъ, мистеръ Пойнсетъ,—коротко отрекомендовалъ Думфи полковника Старботлю.

Полковникъ принужденно поклонился, но Артуръ подошелъ къ нему и подалъ руку съ очаровательно вѣжливою и почтительною улыбкою, удивившею Думфи и польстившею полковнику.

— Мнѣ особенно пріятно встрѣтить васъ здѣсь, полковникъ, — сказалъ Артуръ,—такъ какъ мой другъ и кліэнтъ, мистеръ Думфи, находится въ настоящую минуту именно въ такомъ положеніи, въ которомъ ему необходимо руководство и совѣтъ честнаго человѣка: дѣло въ томъ, что одна бумага, которую ему довѣрили для сохраненія, исчезла во время землетрясенія. Бумага эта въ запечатанномъ конвертѣ не была еще открыта мистеромъ Думфи. Это очень деликатный случай; но я радъ, что джентльменъ, передавшій бумагу, не кто иной, какъ высокопочтенный полковникъ Старботль, а джентльменъ, имѣвшій несчастіе подвергнуться такой потерѣ, мой личный другъ. Это даетъ мнѣ возможность предложить свои услуги, въ качествѣ посредника, или же принять на себя, въ качествѣ друга и адвоката мистера Думфи, всю отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ на себя.

Старботль исподлобья взглянулъ на Артура.

— Долженъ ли я понять, что мистеръ Думфи владѣетъ довѣренною ему тайною и... что онъ...

— Виноватъ, полковникъ!—перебилъ его Артуръ, вставая и принимая важный видъ:—мнѣ кажется, что совершенно достаточно сообщенныхъ мною фактовъ для того, чтобы понять, за что именно я принимаю на себя отвѣтственность. Я узналъ отъ своего кліэнта, что потеряна довѣренная ему запечатанная бумага. Я слышу, что бумага исчезла неизвѣстно куда, не будучи распечатанной имъ. Это дѣло двухъ честныхъ людей, но дѣло довольно серьезное.

— И бумага пропала вмѣстѣ съ конвертомъ?—спросилъ Старботль, смотря на Артура.

— Пропала вмѣстѣ съ конвертомъ,—отвѣтилъ Артуръ спокойно:—я уже сообщилъ Думфи, что этотъ непріятный случай ничуть не лишаетъ его—какъ человѣка чести и дѣла—обязанности исполнить обѣщаніе или обязательство, которое онъ далъ вамъ тогда; онъ ждалъ васъ только для этого.

Артуръ подошелъ къ Думфи и положилъ ему руку на плечо; Думфи взглянулъ ему въ глаза и сейчасъ же досталъ свою чековую книгу. Написавъ дубликатъ чека, выданнаго въ томъ полковнику, онъ вручилъ его Артуру, который сейчасъ же позвонилъ.

— Такъ какъ мы не желаемъ задерживать полковника, то пусть кассиръ сейчасъ же сдѣлаетъ на чекѣ надпись объ

акцептѣ, чтобы полковникъ могъ получить деньги немедленно,—сказалъ Артуръ вошедшему клерку, передавая ему чекъ.

— Позвольте выразить мое полнѣйшее удовольствіе по поводу вашихъ объясненій,—произнесъ полковникъ, протягивая руку Артуру:—и прошу не безпокоиться о бумагѣ. Я увѣренъ, что она найдется, а если же нѣтъ, то я, сэръ, самъ сочту себя лично отвѣтственнымъ передъ моимъ кліэнтомъ, ей-Богу!—добавилъ полковникъ въ порывѣ великодушія.

— Не было ли на конвертѣ знака, по которому бы можно было его узнать, не распечатывая?—спросилъ Артуръ.

— Ничего подобнаго не было, сэръ... Ахъ, постойте!—воскликнулъ полковникъ:—я вспомнилъ, что, во время нашей бесѣды съ Думфи, сдѣлалъ на немъ отмѣтку, поперекъ верхней стороны, простое имя... именно имя той особы, о которой шла рѣчь, имя Гэбріеля Конроя!

— Хорошо! Этого достаточно,—отвѣтилъ Артуръ.

Вошелъ клеркъ съ готовымъ чекомъ.

— Отдайте чекъ этому господину, — сказалъ Думфи коротко, указывая на полковника.

Старботль взялъ чекъ и положилъ въ портфель, послѣ чего обратился къ мистеру Думфи:

— Излишне говорить, что, насколько можетъ повліять мой совѣтъ на моего кліэнта, я позабочусь, чтобы это деликатное дѣло прошло безслѣдно, ей-Богу!.. Въ случаѣ, если пакетъ отыщется, вы, разумѣется, перешлете мнѣ его, потому что я лично за него отвѣчаю. Я бы былъ очень радъ если бъ могъ закончить это дѣло, въ которомъ вы вели себя такъ джентльменски, веселой трапезой, но я не могу: я черезъ часъ уѣзжаю въ Одноконный Станъ.

— Въ Одноконный Станъ?—повторили Артуръ и Думфи.

— Да, я приглашенъ туда по дѣлу объ одномъ убійствѣ.

Артуръ кинулъ на Думфи быстрый предостерегающій взглядъ и сказалъ:

— Я ѣду тоже туда. Я даже буду имѣть счастіе воспользоваться вашими совѣтами... Вы для чего же приглашены?

— Приглашенъ въ качествѣ обвинителя,—отвѣчалъ полковникъ,—родственниками убитаго. Я буду помогать казенному обвинителю, окружному атторнею, моему старому другу Неду Букторну.

Тревога Артура не проявлялась въ его голосѣ; голосъ все еще звучалъ мягко и льстиво, когда онъ снова обратился къ полковнику, кинувъ на готоваго высказаться Думфи угрожающій взглядъ.

— И если судьба сдѣлаетъ насъ противниками на судѣ, то это не повліяетъ на наши дружескія отношенія, полковникъ. Мнѣ съ вами по пути; выпьемте же на дорогу нѣсколько глотковъ хорошаго вина.

Взглянувъ выразительно на Думфи, Артуръ взялъ за руку полковника и вышелъ съ нимъ изъ кабинета.

XLVII

До суда.

Просьба Гэбріеля шерифомъ была уважена; раненаго положили въ карету и отвезли, помимо его воли, въ Конроевскую гостиницу, оставивъ его тамъ на попеченіи Пита. Полчаса спустя онъ ужъ былъ въ жару.

Шерифъ повелъ своего плѣнника, котораго сопровождала Олли, прямо въ Виндгамъ. Впрочемъ, слова Олли о перемѣнѣ общественнаго настроенія въ виду болѣе интересныхъ событій оправдались на дѣлѣ. Поимка Гэбріеля шерифомъ не возбудила любопытства. Нѣкоторые начинали даже сочувствовать Гэбріелю. Никто не оспаривалъ предложенія Максвелла взять его на поруки, и никого не удивило, когда Думфи выдалъ ему на это 50.000 долларовъ.

Сочли поступокъ Думфи знакомъ его вѣры въ хорошую будущность рудника, и акціи снова повысились.

Кончилось тѣмъ, что Думфи пріобрѣлъ еще больше поклонниковъ въ Одноконномъ Станѣ, а Гэбріель вошелъ въ роль мученика въ глазахъ населенія. Такъ какъ онъ все еще отказывался вступить въ домъ, переданный имъ женѣ, то его помѣстили вмѣстѣ съ сестрою въ гостиницѣ.

Несмотря на то, что миссисъ Маркль такъ горячо защищала Гэбріеля въ разговорахъ своихъ съ Максвелломъ, она теперь обращалась съ нимъ крайне холодно, что и радовало и удивляло Гэбріеля.

Жизнь Гэбріеля въ этой гостиницѣ была не особенно пріятна. Нѣсколько дней спустя остановилась тамъ женщина со смуглымъ, грубымъ лицомъ, одѣтая въ глубочайшій трауръ и объявившая себя другомъ убитаго. Она пріѣхала для того, чтобы присутствовать при разбирательствѣ дѣла. Съ ней былъ пожилой мужчина.

То были Мануэла и донъ Педро.

Предполагали, что у нея есть какое-то таинственное, непреложное доказательство противъ Гэбріеля. Эта смуглолицая

пара часто сходилась въ коридорѣ и шепталась на иностранномъ языкѣ.

Но, къ счастію, Гэбріель скоро освободился отъ этихъ мрачныхъ шпіоновъ — посредствомъ Салли Клеркъ. Эта особа, тоже облеченная въ трауръ, ненавидѣла Мануэлу, да и та отвѣчала ей тѣмъ же.

— Скажите мнѣ, что это за дерзкая и тупоумная особа, и почему она такая? — спросила Мануэла дона Педро по поводу Салли.

— Ей-Богу, не знаю!—отвѣтилъ донъ Педро.—Вѣроятно, какая-нибудь убитая Богомъ, безпомощная идіотка, а быть-можетъ, она пьетъ очень много виски.

А миссъ Кларкъ выражалась въ разговорѣ съ миссисъ Маркль слѣдующимъ образомъ:

— Господи! да есть ли еще на свѣтѣ второй экземпляръ такой наглой мулатки?! Неужели ей позволятъ показывать подъ присягой и примутъ во вниманіе ея показаніе?

Это замѣчаніе миссъ Кларкъ осталось не безъ вліянія на общественное мнѣніе и даже на присяжныхъ.

— Если хорошенько поразмыслить, господа,—говорилъ одинъ изъ этихъ солидныхъ людей,—что главная свидѣтельница стоитъ на сторонѣ обвинителей, судьи же ничего не знаютъ объ этой толстухѣ и, вѣроятно, не примутъ даже ея свидѣтельства, то не будетъ ли это весьма комичнымъ дѣломъ?

Такимъ образомъ всѣ болѣе или менѣе оказались враждебно расположенными къ Мануэлѣ, а сочувствіе къ Конрою все росло да росло.

А причина этого всеобщаго волненія и разногласія хранила такое же гробовое молчаніе, какъ ея мнимая жертва, мирно спавшая на Рундъ-Гильскомъ кладбищѣ.

Гэбріель говорилъ мало даже съ своимъ другомъ и совѣтникомъ Максвелломъ и съ своею обычною покорностью принялъ извѣстіе, что Думфи будто бы нанялъ для него знаменитѣйшаго адвоката, Артура Пойнсета.

Когда Максвеллъ добавилъ, что Пойнсетъ желаетъ видѣться съ Гэбріелемъ, то послѣдній отвѣтилъ простодушно:

— Мнѣ нечего говорить ему, чего я не говорилъ бы вамъ; но я сдѣлаю, какъ онъ хочетъ.

На слѣдующій день въ три четверти 11-го Максвеллъ уступилъ Пойнсету свой кабинетъ, чтобы Артуръ переговорилъ въ немъ глазъ-на-глазъ съ Гэбріелемъ. Артуръ сталъ дожидаться Гэбріеля.

Оставшись одинъ, Артуръ чувствовалъ, при всемъ его самообладаніи, нѣкоторое волненіе, при мысли, что увидитъ того

человѣка, любимую сестру котораго онъ обольстилъ и бросилъ, какъ, вѣроятно, думалъ Гэбріэль. Самъ Артуръ не сознавалъ себя виновнымъ. Однако, разбирая обѣ стороны этого вопроса, онъ поневолѣ долженъ былъ сознаться, что Гэбріель правъ, если онъ негодуетъ на него.

Но чтобы это былъ вопросъ нравственности, онъ ни за что не хотѣлъ этого признать; Грэсъ Конрой добровольно бѣжала съ нимъ, послѣ того какъ онъ далъ ей полную возможность обсудить положеніе,—то, что ее ожидало, если она останется, и что будетъ, когда она послѣдуетъ за нимъ (послѣднее онъ, разумѣется, описалъ ей въ самыхъ яркихъ краскахъ, и ужъ это она превратила ихъ въ мрачныя по собственному желанію); власть же надъ нею Гэбріеля онъ отрицалъ, а равно и то, чтобы братъ вообще имѣлъ право контролировать чувства сестры.

Артуръ былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ поступилъ честно и великодушно; и теперешнее его волненіе происходило только вслѣдствіе излишней чувствительности его души. Вѣдь онъ исполнялъ не только разумныя просьбы, но даже капризы Грэсъ, — отправился обратно въ Голодный Лагерь, не жалѣя себя, хотя предвидѣлъ, что это будетъ напрасный трудъ; вѣдь онъ вернулся къ ней, а она убѣжала отъ людей, которымъ онъ ее поручилъ.

— Не слѣдуетъ быть такимъ безхарактернымъ!—строго говорилъ онъ самъ себѣ.

Тѣмъ не менѣе сердце его сильно забилось, когда въ 11-ть часовъ на лѣстницѣ послышались тяжелые шаги Гэбріеля. И затѣмъ въ дверь раздался тихій и робкій стукъ.

— Войдите!—отвѣтилъ Артуръ веселымъ топомъ, и Гэбріель робко отворилъ дверь.

— Адвокатъ Максвеллъ говорилъ мнѣ, — началъ онъ тихо, не поднимая глазъ на стоявшую предъ нимъ видную, элегантную фигуру. — Мнѣ сказано, что мистеръ Пойнсетъ будетъ ждать меня здѣсь въ 11-ть часовъ... Вы—мистеръ Пойнсетъ?

Гэбріель взглянулъ на него.

— Вы... какъ?.. Боже праведный!.. Нѣтъ, это невозможно!.

Онъ узналъ Филипа Ашлея.

Артуръ не шевелился.

Гэбріель провелъ своею огромною рукою по лбу. Затѣмъ, не обращая вниманія на протянутую руку Артура, онъ подошелъ къ нему, но безъ признака нетерпѣнія, злобы или негодованія, и спросилъ спокойно и твердо:

— Гдѣ Грэсъ?

— Не знаю, я ужъ нѣсколько лѣтъ не имѣю о ней никакого извѣстія,—съ того дня, какъ я оставилъ ее въ вѣрныхъ рукахъ, а самъ пошелъ въ Голодный Лагерь, чтобы подать вамъ помощь. Когда я возвратился, ея уже не было. Я прослѣдилъ ее до Санъ-Херонимо, но тамъ ея слѣды затерялись.

Гэбріель молчалъ, а Артуръ продолжалъ:

— Она покинула найденный мною для нея пріютъ у дровосѣка, по собственному побужденію и по причинамъ, извѣстнымъ ей одной. Она покинула меня, и такимъ образомъ избавила меня отъ всякой отвѣтственности предъ ея родными. Она не оставила мнѣ ни одного слова, ни одного намека... Быть-можетъ, ей надоѣло ждать меня цѣлыхъ двѣ недѣли, и она ушла отъ дровосѣка на десятый день послѣ моего ухода.

Гэбріель опустилъ руку въ карманъ и осторожно вытащилъ изъ нея драгоцѣнный газетный вырѣзокъ, который онъ когда-то показывалъ Олли.

— Такъ это написано не вами и Ф. А. не означаетъ Филипъ Ашлей?—спросилъ онъ тономъ полнѣйшей безнадежности.

Артуръ бѣгло взглянулъ на бумажку и отвѣтилъ улыбаясь:

— Я въ первый разъ вижу это. Что побудило васъ думать, что это отъ меня?

— Юлія—моя бывшая жена—говорила, что Ф. А. означаетъ Филипъ Ашлей,—отвѣтилъ онъ откровенно.

— Ахъ, да—она это говорила!—снова улыбнулся Артуръ.

— Но кто же могъ это написать?

— Ужъ я право не знаю. Быть-можетъ, ваша жена. Послѣ всего того, что извѣстно о ней, это было очень невиннымъ обманомъ съ ея стороны.

Гэбріель потупился, и съ его лица исчезло выраженіе серьезности, уступивъ мѣсто робости.

— Я вамъ, мистеръ Ашлей, очень обязанъ за отвѣты на всѣ мои вопросы... Если я когда думалъ о васъ несправедливо, то прошу простить мнѣ это, какъ брату, опечаленному потерею сестры, которая послѣдовала за вами.. И вы не должны предполагать, чтобы эта встрѣча съ вами была преднамѣренною,—добавилъ онъ печально,—я только вошелъ сюда за тѣмъ, чтобы увидѣть г. Пойнсета, который велѣлъ мнѣ быть здѣсь въ 11-ть часовъ...

— Моя настоящая фамилія Пойнсетъ,—сказалъ Артуръ, улыбаясь.—Имя и фамилія Филипа Ашлея, подъ которыми вы знали меня, были приняты мной только на время путешествія.

Артуръ признесъ это такъ, какъ будто перемѣна имени и фамиліи необходима для подобнаго благороднаго путешественника, все равно какъ перемѣна костюма. Да и при взглядѣ на эту изящную фигуру, это казалось совершенно умѣстнымъ.

— Я просилъ васъ притти въ качествѣ санъ-франциского адвоката Пойнсета, но въ качествѣ вашего стариннаго друга Филипа Ашлея, я прошу васъ довѣриться мнѣ и откровенно разсказать всю эту гадкую исторію. Я хочу помочь вамъ ради васъ самихъ и ради вашей сестры.

Онъ опять протянулъ руку, которую Гэбріель крѣпко пожалъ. Артуръ успокоился, потому что главное препятствіе къ его выступленію защитникомъ Гэбріеля было опять устранено.

Два часа спустя пришелъ Максвеллъ и нашелъ своего товарища задумчиво сидящимъ у окна.

— Онъ мнѣ все разсказалъ,—началъ Артуръ,—и я вѣрю ему. Онъ не причастенъ къ этому преступленію. Насколько онъ участвовалъ въ томъ, что было послѣ преступленія — это другой вопросъ. Но я опасаюсь, что присяжные и публика не удовлетворятся его словами: въ нихъ для незнающихъ его слишкомъ много невѣроятного. Надо придумать что-нибудь другое. Насколько я теперь могу судить, то его собственная идея относительно его защиты далеко не безсмысленна. Намъ придется признать, что убійство совершено въ состояніи самообороны. Я хорошо знаю здѣшнее общество и здѣшнихъ присяжныхъ: если бъ Гэбріель разсказалъ всѣмъ свою исторію, то его тотчасъ же повѣсили бы безъ дальнихъ церемоній. Къ несчастію, факты доказываютъ низость его жены. Очевидно, что онъ, изъ желанія защитить жену отъ обвиненія въ убійствѣ, принялъ все на себя.

— Такъ вы и миссисъ Конрой не считаете виновною?— спросилъ Максвеллъ.

— Да; она способна на преступленіе, но въ данномъ случаѣ невиновна. Настоящаго убійцу никто не подозрѣваетъ, потому что не знаютъ, что онъ теперь въ Одноконномъ Станѣ. Я долженъ еще разъ разспросить Гэбріеля и Олли, а вы отыщите мнѣ того китайца А-Фи, который, по словамъ Гэбріеля, принесъ ему записку отъ его жены и теперь, когда нуженъ, куда-то скрылся.

— Но какое же значеніе можетъ имѣть предъ судомъ показаніе этого китайца?—спросилъ Максвеллъ.

— Положимъ, что не прямое, но я найду христіанъ, которые подтвердятъ его показаніе подъ присягою... Я узнаю все въ два-три дня, и мы тогда примемся оба за дѣло.

XLVIII.

Чего не зналъ А-Фи.

Послѣ бесѣды съ Пойнсетомъ, Гэбріель удалился въ свою хижину, гдѣ курилъ трубку, размышляя о суетности прекраснаго пола.

Иногда онъ направлялся къ великаншѣ-ели, все еще одиноко и величаво возвышавшейся надъ прочими деревьями; тутъ онъ садился на обнаженный корень и философствовалъ о своемъ положеніи, о непрочности счастья и всего земного.

Случалось и такъ, что онъ, по старой привычкѣ и разсѣянности, вдругъ оказывался возлѣ своего прекраснаго дома, къ которому сознательно не приближался со дня разлуки съ женою; замѣтивши это, онъ шелъ быстро назадъ изъ чувства деликатности и вдобавокъ суевѣрнаго страха.

Однажды, убѣгая отъ этого дома, онъ наткнулся на валяв шуюся въ травѣ рабочую корзинку, въ которой узналъ женину. Онъ вспомнилъ, что Юлія въ жаркую погоду бывала здѣсь нерѣдко.

Онъ прошелъ было мимо, но, минуту спустя, вернулся въ смущеніи. Ему казалось неделикатнымъ дотронуться до вещи своей бывшей жены, но и бросить ее въ добычу прохожимъ не согласовалось съ его чувствами. Онъ поднялъ корзинку съ твердымъ намѣреніемъ передать ее миссисъ Конрой черезъ Максвелла.

Въ ту минуту, когда онъ взялъ корзинку, изъ нея выпала часть бездѣлушекъ, лежавшихъ въ ней—къ испугу Гэбріеля, считавшаго нескромность громаднымъ преступленіемъ. Онъ нагнулся, чтобы собрать упавшее снова въ корзинку—и взоръ его упалъ на дѣтскую рубашечку.

Онъ сильно покраснѣлъ и положилъ ее въ карманъ своей блузы; корзинку же не отослалъ владѣлицѣ, даже избѣгалъ и намека о ней въ своихъ ежедневныхъ рапортахъ Олли.

Въ послѣдующіе дни онъ сталъ такимъ задумчивымъ, что Олли прочла ему нотацію за то, что онъ забываетъ всѣ свои обязанности.

- За тобою приходили адвокаты для того, чтобы ты могъ разспросить китайца А-Фи, который исчезъ было, а теперь возвратился. Максвеллъ говорилъ, что онъ важный свидѣтель. А ты гдѣ быть изволилъ? Няньчился съ грудным ребенкомъ миссисъ Вельчъ! Ну, какъ же тебѣ, старому ослу, не совѣстно дѣлать такія глупости? Ты имѣешь семью, о которой

обязанъ заботиться! Находишься подъ подозрѣніемъ, что убилъ человѣка, а возишься съ чужими дѣтьми. Стыдно, стыдно, старый Гэбъ, старая баба!

Гэбріель вспыхнулъ и постарался возбудить женское чувство въ Олли.

— Ты бы посмотрѣла на этого ребенка, Олли... Это самое крохотное существо въ мірѣ!... Вѣдь ему не больше двухъ недѣль.

Олли притворно злилась, но въ душѣ обѣщала себѣ полюбоваться этимъ крошечнымъ чудомъ.

— Не болтай пустяковъ, а бѣги скорѣй къ Максвеллу и поговори съ китайцемъ.

Гэбріель пришелъ къ Максвеллу именно въ то время, когда тотъ вмѣстѣ съ Артуромъ только что кончилъ безполезный допросъ А-Фи. Онъ надѣялся, что А-Фи докажетъ отсутствіе Гэбріеля во время убійства, но тогда онъ долженъ подтвердить свой несвязный разсказъ какимъ-нибудь особеннымъ обстоятельствомъ, или же указать на какого-нибудь христіанина, который бы видѣлъ, когда онъ бѣжалъ за Гэбріелемъ; но такого не было, а выставлять самого китайца свидѣтелемъ не стопло труда, такъ какъ онъ начиналъ позабывать подробности, да и вообще не желалъ говорить.

— Къ сожалѣнію, мы очень мало узнали,—сказалъ Артуръ, протягивая Гэбріелю руку.—Поговорите сами съ А-Фи хотя это и не дастъ желанныхъ результатовъ.

Гэбріель кинулъ на китайца пристальный взглядъ. А-Фи отвѣтилъ такимъ же взглядомъ, но на лицѣ его было одно только выраженіе удивленія, присущаго маленькимъ дѣтямъ. Быть-можетъ, именно это выраженіе притягивало къ нему Гэбріеля. Однако вопросы послѣдняго вызывали самые неопредѣленные отвѣты съ стороны китайца.

Артуръ всталъ съ видомъ досады. Максвеллъ объявилъ съ худо скрытой улыбкой, что бесѣда окончена.

Они взялись подъ-руку и стали спускаться съ лѣстницы.

Гэбріель хотѣлъ выйти, но, взглянувъ на А-Фи, увидѣлъ, что тотъ страшно мигалъ глазами, кивалъ головою и дѣлалъ такія эволюціи пальцами, какъ будто старался вывихнуть ихъ себѣ.

Гэбріель вытаращилъ глаза.

— Совсѣмъ мали!—произнесъ А-Фи, многозначительно... Твой имѣетъ совсѣмъ мали! Она говорилъ—совсѣмъ мали.

— Кто она?—спросилъ Гэбріель съ испугомъ.

— Твой милый женка... миссъ Конлой!... она твой люблю миссъ Конлой говолилъ—совсѣмъ мали! Твой былъ шелифъ?

— Кто?

— Шелифъ много шеловѣкъ душитъ дурной!

— Шерифъ—должно-быть?—замѣтилъ Гэбріель серьезно.

— Гмъ, шелифъ! Мошетъ быть, твой былъ съ нимъ одинъ денъ... Онъ душитъ дурной люди... душитъ, какъ шортъ!... А твой нѣтъ душитъ...

— Ага, понялъ!

— Она говолилъ,—продолжалъ А-Фи,—твой много говолилъ, она говорилъ, мой много говолилъ, всѣ много говолилъ... нѣтъ надо много говолилъ! Понялъ? Она говолилъ—белегись.. понялъ? Она говолитъ—совсѣмъ мали есть...понялъ?

— Но гдѣ жъ она? Гдѣ могу я увидѣть ее?—спросилъ Гэбріель.

Снова мигомъ исчезло всякое выраженіе съ лица А-Фи. Мокрая губка не могла бы лучше стереть съ аспиднаго ею лица всѣ написанныя на немъ черты, чѣмъ это сдѣлалъ вопросъ Гэбріеля.

Китаецъ отвѣтилъ на его настойчивый вопрошающій взглядъ ледянымъ равнодушіемъ, спряталъ пальцы въ длинные рукава блузы и, очевидно, ждалъ объясненій отъ самого Гэбріеля.

— Видишь ли,—сказалъ Гэбріель кротко и убѣдительно:— ты можешь оказать мнѣ громадную услугу, если скажешь, гдѣ Юлія, то есть миссисъ Конрой. Такъ какъ ты молишься дереву и камню, то не можешь имѣть понятія о христіанскихъ чувствахъ; но я заявляю тебѣ, какъ брату, что ты не сдѣлаешь ничего дурного, если скажешь мнѣ, гдѣ находится теперь миссисъ Конрой. Признаюсь тебѣ, она мой идолъ; скажи, гдѣ она?

Слабая улыбка—такая безсмысленная, печальная и глупая, какъ будто ему слышалось дальная, непонятная музыка—промелькнула по лицу А-Фи. Затѣмъ онъ отвѣтилъ привѣтливо:

— Мой нѣтъ амеликанскій человѣкъ!.. Мои лубашки—полтала доллалъ за дюжину!

XLIX.

Уголовный процессъ.

Наступилъ день суда. Еще задолго до десяти часовъ утра судебная зала и всѣ коридоры зданія, подновленнаго послѣ землетрясенія, были полны народомъ. Всѣ толковали о томъ, что прибыли нѣкоторые изъ важнѣйшихъ сановниковъ Сакраменто, чтобы присутствовать при разбирательствѣ дѣла; что подсудимаго будетъ защищать извѣстный адвокатъ, который

получилъ за это гонораръ—по словамъ нѣкоторыхъ въ 50.000, а по словамъ другихъ въ 100.000 долларовъ; что знаменитый полковникъ Старботль изъ Скскіу будетъ вмѣстѣ съ окружнымъ атторнеемъ поддерживать обвиненіе, и что между двумя адвокатами произойдетъ сперва война на словахъ, а потомъ и дуэль. Ожидалось раскрытіе грѣшковъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Однимъ словомъ, всѣ ждали чего-то необыкновеннаго.

Въ десять часовъ Гэбріель вошелъ въ залу въ сопровожденіи своего защитника. За ними слѣдомъ явился полковникъ Старботль. Судья Бутпойнтеръ, явившійся немного спустя, очень церемонно поклонился Артуру, а полковнику—очень дружески.

Спокойный критикующій взглядъ молодого адвоката смущалъ судью; хотя Артуръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы рисоваться или задавать тонъ, но тѣмъ не менѣе судья чувствовалъ небольшое смущеніе и не слѣдовалъ на этотъ разъ обыкновенію—разстегивать мундиръ во время засѣданія.

Присяжные сейчасъ же прозвали Артура «его высоконосіемъ» за то, что онъ былъ одѣтъ по-столичному и имѣлъ изящныя манеры.

По словамъ Старботля онъ еще никогда не находился въ подобномъ замѣчательномъ и деликатномъ положеніи.

— Положеніе,—не колеблюсь сказать и даже готовъ принять на себя отвѣтственность за это выраженіе,—имѣетъ глубочайшее политическое значеніе. Сознаю, что этому мнѣнію можно противорѣчить... и оно даже можетъ вызвать нападки со стороны нѣкоторыхъ лицъ, но я все таки не беру своихъ словъ обратно, потому что нахожусь передъ господами присяжными, на лицахъ которыхъ читаю правосудіе, смѣшанное и перемѣшанное съ рыцарскимъ чувствомъ.

Въ это торжественное мгновеніе, когда почтенный полковникъ старался выпутаться изъ риторическаго лабиринта, изъ среды публики раздался гробовой голосъ и словами: «и съ водкой изъ Одноконнаго Стана!» вывелъ полковника изъ затрудненія. Судья снисходительно улыбнулся, но предложилъ шерифу возстановить порядокъ.

Шерифъ исполнилъ приказаніе, громко крикнувъ надъ головами присяжныхъ: «Джонъ Виттъ можетъ убираться, если не желаетъ прикусить свой болтливый языкъ!»

Полковникъ спокойно продолжалъ;

— Я понимаю довѣріе господина защитника къ такимъ присяжнымъ. Имѣю поводъ думать, что онъ попытается мотивировать это убійство нѣкоторыми правилами чести, ко-

торыя должны быть защищаемы каждымъ джентльменомъ. Пожелаетъ доказать, что преступленіе было совершено при защитѣ священныхъ правъ семейства и брака. Но я говорю, что онъ ошибается; мотивъ обвиняемаго былъ самаго низкаго сорта: тутъ былъ замѣшанъ чисто денежный интересъ. Могу доказать, что обвиняемый вполнѣ лишился уваженія всѣхъ правдиво мыслящихъ людей—какъ за прежнія свои дѣянія, такъ и вслѣдствіе своего послѣдняго поступка.

Я могу доказать это, зная неосторожность его жены. Онъ черезъ это лишился всякаго права на снисхожденіе. Постараюсь представить вамъ, господа, безыскусственную, грубую сущность преступленія, которую нельзя прикрыть плащомъ великодушія. Это преступленіе точно такъ же было бы совершено китайцемъ или негромъ. Прошу не перетолковывать моихъ словъ въ дурную сторону въ присутствіи красавицъ.

Полковникъ граціозно махнулъ платочкомъ по направленію, гдѣ сидѣли бѣснующаяся Салли и толстая Мануэла; объ онѣ приписали себѣ лично любезность полковника и обмѣнялись между собой враждебными взглядами.

— Въ присутствіи всемогущаго прекраснаго пола, я не смѣю отзываться небрежно относительно вліянія женщины на мужчину. Но я могу доказать, что эта страсть къ женщинѣ, превращающая въ рай не только роскошныя палаты, но и бѣдную хижину, никогда не касалась расчетливой души Гэбріеля Конроя. Взгляните на него, господа, и скажите по совѣсти, какъ люди опытные: способенъ ли онъ пожертвовать собою для женщины?

Глаза всѣхъ обратились на Гэбріеля, который дѣйствительно не имѣлъ вовсе сходства ни съ Аднисомъ, ни съ страстнымъ Отелло. Его серьезное, печальное лицо, на которомъ до сихъ поръ выражалась мольба о пощадѣ, покрылось, при прямомъ указаніи на него обвинителемъ, яркою краскою стыда. Онъ медленно вытащилъ гребенку и очень неловко началъ ею приглаживать свои густые кудри, желая этимъ выказать свою невозмутимость.

— Да, милостивый государь, — продолжалъ полковникъ строго:—вы можете сколько угодно причесывать ваши волосы, но вы не передѣлаете сложившагося о васъ мнѣнія.

Полковникъ принялся описывать Рамирецa самыми поэтическими красками. Это былъ житель юга, страстный, легко увлекающійся красотою, легко поддающійся—«какъ и мы всѣ» слабости сердца. Онъ не могъ дальше продолжать описаніе, такъ какъ предъ нимъ находятся двѣ особы, къ которымъ

убитый питалъ самыя святыя чувства. Ихъ присутствіе для него убѣдительнѣе всякихъ словъ.

— Да, и вотъ этотъ человѣкъ, — продолжалъ полковникъ послѣ небольшой паузы: — представитель одной изъ старѣйшихъ испанскихъ фамилій — фамилій, напоминавшихъ намъ дни Сида и Донъ-Жуана — этотъ человѣкъ палъ жертвою измѣны миссисъ Конрой и глупой трусости Гэбріеля Конроя, жертвою чаръ женщины и скрытаго ножа мужчины!

Полковникъ старался затѣмъ доказать, какъ миссисъ Конрой, будучи г-жей Деваржъ, присвоила себѣ права и имя сестры обвиняемаго и прибѣгла къ помощи великодушнаго и легко увлекавшагося Рамиреца, чтобы онъ подтвердилъ ея мнимыя права на нѣкоторое недвижимое имущество, принадлежавшее обвиняемому, или, вѣрнѣе,—отнятое имъ хитростью у настоящей сестры.

Полковникъ не видитъ надобности объяснять мотивы ея замужества съ Гэбріелемъ: гг. присяжные сами поняли его.

— Вы, господа, конечно, поняли, что этотъ союзъ состоялся лишь съ цѣлью мистифицировать довѣрчиваго Рамиреца; а послѣдствіемъ его были обманы и убійство. Сообщникамъ необходимо было избавиться отъ единственнаго свидѣтеля. Жена нашла покорное орудіе въ мужѣ. А какъ было совершено убійство? Открыто ли и въ присутствіи ли постороннихъ? Вызывалъ ли Гэбріель Рамиреца на поле чести, какъ оскорбленный мужъ?—Нѣтъ, нѣтъ, господа! Взгляните на убійцу и сравните его гигантскій ростъ съ стройною, изящною фигурою жертвы—и вы получите понятіе о чудовищности преступленія!

Послѣ этого предисловія полковникъ перешелъ къ фактамъ, которые онъ излагалъ, находя лучшимъ не слишкомъ обращать вниманіе на ихъ правдивость.

А затѣмъ ужъ,—послѣ того какъ слѣпой засвидѣтельствовалъ видѣнное имъ, а хромой разсказалъ, какъ онъ бѣгалъ и прыгалъ при этомъ—обвиненіе было окончено, и обвинитель уже предвкушалъ будущее свое торжество.

Онъ доказывалъ, что убитый умеръ отъ удара ножомъ; что Гэбріель имѣлъ передъ тѣмъ съ нимъ ссору и былъ на горѣ незадолго до убійства; что онъ ушелъ изъ Одноконнаго Стана и что жена его скрылась и что прежняя жизнь его свидѣтельствовала противъ него.

Многое изъ этого было опровергнуто допросомъ другихъ. Хирургъ, свидѣтельствовавшій трупъ, показалъ, что убитый могъ умереть въ ту же ночь отъ чахотки. Свидѣтель, увѣрявшій, что видѣлъ, какъ Гэбріель толкалъ предъ собою убитаго, не

могъ дать въ этомъ присяги; а обманъ миссисъ Конрой тоже не могъ быть доказанъ фактически. Тѣмъ не менѣе въ публикѣ усиленно держали пари за полковника противъ Пойнсета.

Когда Артуръ всталъ, чтобы начать защиту, слушатели смотрѣли на него враждебно; это подстрекнуло его къ энергичной защитѣ.

Онъ объявилъ, что вовсе не находитъ разбираемое дѣло выходящимъ изъ ряда, какъ полагаетъ полковникъ Старботль.

— Это, напротивъ, очень обыкновенный случай,—говорилъ онъ,—принимая во вниманіе калифорнскіе нравы. Я готовъ признать за моимъ ученымъ собратомъ одну особенность, состоящую въ томъ, что онъ ведетъ обвиненіе вмѣсто того, чтобы стоять на моей сторонѣ. Я поэтому смотрю съ снисхожденіемъ на неправильное обвиненіе, вполнѣ естественное со стороны человѣка впечатлительнаго, поставленнаго въ ложное положеніе. Я готовъ выручить его изъ этой непріятности, доказать, что мотивъ преступленія былъ — самозащита. Чтобы не тратить времени, я сейчасъ вызову обвиняемаго на свидѣтельское мѣсто. Гэбріель Конрой!

Публика заволновалась.

Гэбріель всталъ и медленно вступилъ на свидѣтельскую трибуну. Онъ покраснѣлъ, сдѣлавшись предметомъ всеобщаго вниманія. Но лишь только онъ взглянулъ на Артура, то сейчасъ же успокоился.

Письмоводитель, пробормотавъ формулу присяги, снова сѣлъ.

— Какъ ваше имя и фамилія?—спросилъ Артуръ.

— Вы, конечно, хотите знать мое настоящее имя и настоящую фамилію?—спросилъ Гэбріель.

— Ну, да, разумѣется,—отвѣтилъ Артуръ довольно нетерпѣливо.

Полковникъ Старботль навострилъ уши и поднялъ голову. На него блеснули глаза Гэбріеля, которые затѣмъ поднялись къ потолку.

— Мои настоящія имя и фамилія—Джонни Думбльдей...

Всѣ вздрогнули и затѣмъ, будто, окаменѣли.

Артуръ и Масквеллъ оба вскочили и въ одинъ голосъ спросили: «Что-о?»

— Джонни Думбльдей,—повторилъ Гэбріель увѣренно,—такъ меня въ дѣйствительности зовутъ. Я часто—онъ довѣрчиво обратился къ судьѣ,—я часто говорилъ, что меня зовутъ Гэбріелемъ Конроемъ,—но это неправда. Женщина, на которой я женился, была Грэсъ Конрой... А ложь этого стараго без-

божнаго лгуна—онъ указалъ пальцами на полковника—превосходитъ всякую мѣру! Грэсъ Конрой, а никто другая, стала моею женою! Господинъ судья и господа присяжные, я одинъ здѣсь обманщикъ и самозванецъ и больше никто. Примите это къ свѣдѣнію! Самозванецъ и преступникъ здѣсь я одинъ и больше никто.

L.

Братъ и сестра.

Изумленіе, вызванное объясненіемъ Гэбріеля, до такой степени захватило всѣхъ слушателей, что никто не замѣтилъ волненія его защитниковъ.

Максвеллъ хотѣлъ протестовать противъ словъ подсудимаго, но Артуръ удержалъ его.

— Онъ положительно сошелъ съ ума!—сказалъ Артуръ.

— Это самоубійство! — шепнулъ взволнованный Максвеллъ,—намъ необходимо удалить его съ свидѣтельской трибуны, а затѣмъ вы должны поправить дѣло.

— Тсъ!—произнесъ Артуръ торопливо,—ни слова! Если вы дадите замѣтить ваше удивленіе, то мы пропали!

Въ это мгновеніе всеобщее вниманіе обратилось на Артура, стоявшаго гордо и неподвижно. Одна мысль овладѣла всей публикою: что раскроетъ слѣдующій вопросъ?

Царило гробовое молчаніе, когда Артуръ спокойнымъ взоромъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ, какъ будто онъ хладнокровно взвѣшивалъ, какой эффектъ должны или могутъ произвести тѣ слова, которыя онъ собирался сказать. Видя, что всѣ нагнулись впередъ и напрягли слухъ, онъ съ граціозной небрежностью обратился къ судьѣ и сказалъ спокойно, хладнокровно:

— Мы не имѣемъ больше вопросовъ.

Съ эти словами онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ на свое мѣсто.

Дѣйствіе этихъ простыхъ словъ было замѣчательное. Среди многочисленныхъ тріумфовъ своей блестящей карьеры, Артуръ еще никогда не имѣлъ такого огромнаго успѣха, какъ въ этотъ разъ.

О Гэбріелѣ забыли, но тотъ человѣкъ, который нѣсколькими словами далъ всему дѣлу другой оборотъ, сдѣлался героемъ дня. Если бъ онъ захотѣлъ, то присяжные тотчасъ же, не сходя съ мѣста, вынесли бы вердиктъ въ пользу его кліэнта.

Въ публикѣ стали держать пари за Артура—двое противъ одного.

Судья взглянулъ на Старботля. Полковникъ былъ сбитъ съ толку защитникомъ; онъ перелисталъ свои бумаги, откашлялся, вытянулся и началъ допросъ:

— Вы говорите, что васъ зовутъ Джонни... Джонни Думбльдей. Съ какой цѣлью назывались вы Гэбріелемъ Конроемъ?

Гэбріель покосился на него.

— А вы какую цѣль предполагаете?—спросилъ онъ добродушно.

Публика смѣется, а судья объясняетъ обвиняемому, что онъ не имѣетъ права задавать вопросовъ.

Гэбріель.—Ну, такъ дѣло вотъ въ чемъ: Гэбріель Конрой былъ холостой, узналъ я его въ Голодномъ Лагерѣ, гдѣ онъ умеръ. Я воспользовался его именемъ и фамиліей, чтобы успѣшнѣе ухаживать за его сестрою, которая потомъ стала моею женою.

Вопросъ.—Подъ какимъ именемъ были вы извѣстны умершему: какъ Конрой, или какъ Думбльдей?

Артуръ.—Смѣю просить судъ обратить вниманіе на то, что вѣдь еще не доказано, что Гэбріель... то есть Джонни Думбльдей, былъ вообще знакомъ съ умершимъ. Мы, защитники, ограничились однимъ вопросомъ — объ имени и фамиліи обвиняемаго.

Судья, желавшій скорѣе кончить дѣло, согласился съ этимъ замѣчаніемъ — и Гэбріель былъ удаленъ съ свидѣтельской трибуны.

Пари—пять противъ одного за Пойнсета.

Руку Гэбріеля жмутъ люди, до сихъ поръ выказывавшіе къ нему равнодушіе или даже пренебреженіе.

Защитники совѣтуются между собою.

Старботлю передаютъ какую-то записку. Салли и Мануэла замѣчаютъ, что вслѣдъ затѣмъ входитъ въ залу дама подъ вуалью, и полковникъ Старботль усаживаетъ ее почтительно въ кресла.

Всеобщее нетерпѣніе и любопытство.

Судебное слѣдствіе возобновляется.

Показаніе Михаила О-Флаерти:

Родился въ Ирландіи, въ графствѣ Кентъ. По ремеслу—рудокопъ. Встрѣтилъ вечеромъ того дня, въ который совершилось преступленіе, убитаго на Конроевой горѣ, гдѣ онъ прятался, какъ воръ, за соснами. Послѣ видѣлъ, какъ Гэбріель пошелъ къ адвокату Максвеллу. Не знаетъ того, что алиби Гэбріеля засвидѣтельствовано китайцемъ. Не знаетъ, *кто такой алиби*, а можетъ-быть, узнаетъ въ лицо, если увидитъ

его. Думаетъ, что китайцы хуже негровъ. Замѣтилъ, что Гэбріель—лѣвша.

Показаніе Амедея Мише: Родился во Франціи. Занятіе—редактированіе журнала «Parfaite Union». Часто гулялъ въ прекрасной Конроевой рощѣ. Пришелъ туда вечеромъ 15-го въ ту минуту, когда Гэбріель выходилъ изъ дома. Было семь часовъ, а можетъ-быть, и позже. Вечеръ былъ прекрасный. Этотъ господинъ поклонился и пошелъ на востокъ. Онъ смотрѣлъ вслѣдъ за Конроемъ потому, что тотъ казался очень огорченнымъ. Видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ городъ. Немного спустя, услышалъ голоса мужчины и женщины. Женскій голосъ принадлежалъ миссисъ Конрой. Мужской голосъ былъ ему незнакомъ. Можетъ дать клятву въ томъ, что это не былъ голосъ Гэбріеля. Идя домой, онъ увидѣлъ женщину и мужчину, переходившихъ Виндгамское шоссе. Убѣжденъ, что женщина была—миссисъ Конрой. Не знаетъ, кто былъ ея спутникъ; во всякомъ случаѣ не Гэбріель Конрой. Почему? Eh, mon Dieu! развѣ можно не узнать этого великана?! Тоже замѣтилъ, что Конрой былъ лѣвша.

Показаніе нѣмца Геллинга Дитмана: Знаетъ Гэбріеля, а убитаго не знаетъ. Встрѣтилъ Гэбріеля вечеромъ 15-го по дорогѣ въ Виндгамъ. Онъ говорилъ съ китайцемъ. Былъ девятый часъ. Замѣтилъ, что Гэбріель всегда дѣйствовалъ лѣвой рукой.

Показаніе доктора Приница: Свидѣтельствовалъ трупъ 16-го, въ девять часовъ вечера. Бѣлье было испачкано кровью, и тѣло было влажное. Въ семь часовъ 15-го была сильная роса, сколько ему помнится. Велъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ метеорологическія наблюденія. Держится того мнѣнія, что эта влажность произошла вслѣдствіе росы, упавшей на запекшуюся кровь. Такого дѣйствія не получилось бы, если бы кровь была свѣжая. Гигрометръ не дѣйствовалъ послѣ выпаденія росы. Ночь была вѣтряная и сухая послѣ 8 часовъ. Увѣренъ, что трупъ занялъ свое положеніе раньше 8 часовъ. Можетъ дать присягу, что убійство совершено не позже этого часа. Убѣжденъ, что рана получена въ стоячемъ положеніи. Судя по ранѣ, нельзя предполагать, чтобы она была нанесена лѣвою рукою.

Этимъ показаніемъ закончился допросъ свидѣтелей защиты. Всѣ находились въ сильномъ волненіи.

Старботль, вернувшій себѣ хорошее расположеніе духа послѣ бесѣды съ незнакомкою, всталъ на свои короткія ноги, граціозно оперся рукою о столъ и провозгласилъ, элегантно кланяясь дамѣ подъ вуалью:

— Свидѣтельница Грэсъ Конрой!

Стройная, красивая фигура поднялась съ креселъ, нерѣшительно постояла одно мгновеніе, проскользнула какъ тѣнь и очутилась на свидѣтельскомъ мѣстѣ, раньше чѣмъ толпа могла притти въ себя отъ изумленія. Тутъ она быстрымъ движеніемъ откинула вуаль и открыла такое дивно-прелестное лицо, что даже Мануэла и Салли онѣмѣли отъ восторга.

Она произнесла присягу съ опущенными взорами и потомъ подняла глаза на Гэбріеля.

Старботль махнулъ рукою.

— Ваше имя и фамилія, сударыня?

— Грэсъ Конрой!

— Нѣтъ ли у васъ брата Гэбріеля Конроя?

— Есть.

— Оглянитесь,—быть-можетъ, вы узнаете его.

Свидѣтельница указала на Гэбріеля.

— Да, это, дѣйствительно, Гэбріель Конрой.

— Когда вы его видѣли въ послѣдній разъ?

— Въ горахъ, въ Голодномъ Лагерѣ, шесть лѣтъ тому назадъ. Я оставила его, чтобы добыть помощь для него и для сестры..

— И съ тѣхъ поръ вы больше его не видали?

— Никогда.

— Извѣстно ли вамъ, что между несчастными погибшими находился трупъ, принятый за васъ?

— Извѣстно.

— Можете вы объяснить это обстоятельство?

— Могу. Я ушла, переодѣтая въ мужское платье, а свое оставила миссисъ Думфи. Ея-то трупъ и былъ принятъ за мой.

— Имѣете ли вы какое-либо фактическое доказательство на это?

— Объ этомъ знаютъ: мистеръ Думфи, мой братъ Гэбріель и...

— Если суду угодно,—заговорилъ Пойнсетъ спокойнымъ, холоднымъ, немного даже небрежнымъ тономъ,—то мы готовы повѣрить этой госпожѣ на-слово и признать нашего кліэнта за Гэбріеля Конроя, а ее самое за сестру его Грэсъ Конрой. Судъ и присяжные, разумѣется, усмотрѣли въ показаніи подсудимаго относительно своего имени лишь неразумную, необдуманную попытку спасти репутацію горячо любимой жены. Мы, защитники, признаемъ, что все это еще не опровергаетъ того пункта обвиненія, въ которомъ говорится объ убійствѣ Виктора Рамиреца Джонни Думбльдеемъ, alias Гэбріелемъ Конроемъ. Такъ какъ мы вѣримъ показанію свидѣтельницы Грэсъ Конрой, то не считаемъ нужнымъ допрашивать ее дальше.

Блѣдное лицо свидѣтельницы вспыхнуло, несмотря на ея самообладаніе, при взглядѣ на Пойнсета, который ничуть не смутился этимъ.

Судья вѣжливо пригласилъ свидѣтельницу удалиться съ свидѣтельскаго мѣста.

Старботль объявилъ на вопросъ судьи, что на его сторонѣ нѣтъ больше свидѣтелей.

— Да будетъ извѣстно суду,—началъ Артуръ снова,—что мы принимаемъ показаніе сестры противъ брата потому, что надѣемся оправдать его другимъ путемъ, а именно—новымъ свидѣтелемъ, который не могъ раньше явиться, такъ какъ повѣстка была ему вручена лишь полчаса тому назадъ... Генри Перкинсъ!

Толпа слегка заволновалась, когда посреди ея прошла странная фигура пожилого мужчины, одѣтаго по-старомодному, съ блѣднымъ лицомъ и накрашенными волосами.

Взойдя на свидѣтельскую трибуну, онъ показалъ: Онъ учитель и переводчикъ. Онъ узнаетъ подсудимаго, хотя видѣлъ его всего разъ,—за два дня до убійства,—проходя по Конроевой горѣ. Онъ сидѣлъ тогда на порогѣ покинутой хижины, а возлѣ него была дѣвочка. Убитаго же онъ видѣлъ въ первый разъ, когда тотъ приходилъ къ дону Педро, чтобы составить подложную дарственную запись и уничтожить при ея помощи законную силу той, которая находилась у жены подсудимаго. Второй разъ онъ его видѣлъ въ день убійства вмѣстѣ съ миссисъ Конрой. Онъ казался взволнованнымъ и вдругъ напалъ на миссисъ Конрой съ ножомъ. Свидѣтель подбѣжалъ, чтобъ защитить ее, а убитый кинулся на него. Началась борьба, убитый звалъ на помощь. Свидѣтелю не удавалось вырвать ножа у убитаго; онъ самъ успѣвалъ съ трудомъ защищаться отъ ударовъ. Убитый услышалъ шаги и снова позвалъ на помощь; ему отвѣтили ломанымъ англійскимъ языкомъ; очевидно, это былъ китаецъ. Убитый вырвался изъ рукъ свидѣтеля, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, ударилъ себя ножомъ въ грудь и упалъ. Свидѣтель подбѣжалъ къ нему и тоже позвалъ на помощь. Рамирецъ обернулся съ искаженнымъ лицомъ и сказалъ: «Если вы позовете людей, то я объявлю васъ своимъ убійцей!» Эта угроза принудила свидѣтеля молчать. Пока онъ стоялъ, къ нему подошла миссисъ Конрой. Онъ разсказалъ ей все происшествіе, включая сюда и угрозу. Она посовѣтовала ему убѣжать и сказала, что пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Свидѣтель досталъ экипажъ и поѣхалъ за дожидавшейся его у горы миссисъ Конрой. Они отправились въ Морисвилль, гдѣ миссисъ Конрой и осталась подъ чужимъ име-

немъ, а свидѣтель поѣхалъ въ миссіонерство Санъ-Антоніо. Тутъ онъ узналъ отъ Грэсъ Конрой, что братъ ея арестованъ, по обвиненію въ убійствѣ. Свидѣтель тотчасъ вернулся въ Одноконный Станъ. Такъ какъ тамъ расположились члены комитета общественной безопасности, а свидѣтель не хотѣлъ жертвовать жизнію, при невозможности спасти узника, то онъ скрылся въ туннелѣ, куда случайно пришелъ и Гэбріель съ какимъ-то незнакомцемъ, успѣвъ убѣжать по случаю землетрясенія. Во время минутнаго отсутствія Гэбріеля, свидѣтель подошелъ къ его спутнику, Гамлину, и сказалъ ему, что готовъ выступить свидѣтелемъ, если Гэбріеля будутъ судить. Послѣ вторичной поимки Гэбріеля, свидѣтель снова вернулся въ Санъ-Франциско, чтобы отыскать доказательства противъ Рамиреца.

Старботль старается подорвать значеніе этого показанія, но ему, видимо, не удается убѣдить присяжныхъ.

— Защита больше не имѣетъ вопросовъ!—произнесъ Артуръ.

Грэсъ Конрой шепнула что-то полковнику. Тотъ всталъ съ чрезвычайно самодовольнымъ видомъ.

— По какой же причинѣ миссисъ Конрой бѣжала и допустила арестъ мужа?—спросилъ онъ.—Почему она не вернулась съ вами, чтобы объяснить недоразумѣніе? Почему ея нѣтъ здѣсь?

— Потому, что она опасно занемогла въ Морисвиллѣ. Волненіе вызвало у нея преждевременные роды.

Въ сторонѣ, гдѣ сидѣлъ обвиняемый, произошло движеніе. Полковникъ обмѣнялся быстрымъ взглядомъ съ Грэсъ и далъ свидѣтелю знакъ замолчать.

Поднялся Артуръ.

— Мы ходатайствуемъ о перерывѣ: подсудимый лишился чувствъ.

LI.

Родственная встрѣча.

Когда Гэбріель очнулся, то увидѣлъ себя лежащимъ на полу въ совѣщательной комнатѣ. Олли держала его голову, а другая стройная, граціозная женская фигура стояла отъ него поодаль. Это была Грэсъ.

— Ну, вотъ тебѣ и лучше,—сказала Олли, гладя руку Гэбріеля и не узнавая въ незнакомкѣ сестру.—Попробуй встать, подержись за стулъ... такъ будетъ удобнѣе!

— Это Грэсъ.—прошепталъ Гэбріель, не сводя глазъ съ элегантной дамы, небрежно прислонившейся къ косяку двери и холодно оглядывавшей его съ головы до ногъ.— Это Грэсъ, это твоя сестра, Олли!

— Если ты говоришь объ этой безбожной женщинѣ, сдѣлавшей все, чтобы только тебя осудили, то она не можетъ быть моею сестрою!—воскликнула Олли, кидая убійственный взглядъ на изящный костюмъ сестры.

— Если вы говорите о дѣвушкѣ, у которой вы отняли наслѣдство, женившись на женщинѣ, укравшей ея имя,— холодно проговорила Грэсъ,— если вы говорите о дѣвушкѣ, законно носящей имя, отъ котораго вы публично и торжественно отказались подъ присягой, то она ничего не можетъ имѣть съ вами общаго, кромѣ фамиліи.

— Это правда!—произнесъ Гэбріель просто и грустно.

Онъ закрылъ лицо руками, и его громадная фигура судорожно задрожала.

— Не падай въ истерику передъ этимъ крокодиломъ,— шепнула Олли тревожно. — Не плачь, Гэбъ, не принимай ея словъ къ сердцу... По крайней мѣрѣ, будь мужчиною передъ нею.

Сестры переглянулись. Вдругъ вошла третья женщина, съ состраданіемъ взглянувшая на Гэбріеля и съ ненавистью на обѣихъ сестеръ. То была миссисъ Маркль.

— Вѣдь все же кончилось, Гэбріель! Вы вполнѣ освободились отъ подозрѣнія!—сказала она, не обращая больше вниманія на сестеръ.—Вотъ и мистеръ Пойнсетъ!

Быстро вошедшій Пойнсетъ остановился и покраснѣлъ подъ гордымъ взглядомъ Грэсъ. Но это продолжалось не больше мгновенія, онъ подошелъ къ Гэбріелю и проговорилъ привѣтливо:

— Поздравляю васъ, Гэбріель! Вы свободны! Обвинитель отказался отъ обвиненія, и дѣло прекращено.

— Значитъ, я могу итти?—спросилъ Гэбріель радостно.

— Можете. Вы теперь свободны, какъ воздухъ.

— А что же будетъ съ нею?—спросилъ еще Гэбріель торопливо.

— О комъ вы говорите?—переспросилъ Артуръ, невольно взглядывая на Грэсъ, которая гнѣвно отвернулась

— О моей женѣ... Юлія тоже свободна?

— Да.

— Ну, такъ я пойду,—сказалъ Гэбріель.

Онъ подошелъ къ двери, которая въ эту минуту впустила Максвелла, нерѣшительно остановился и обернулся къ Грэсъ. Лицо его снова приняло печальное выраженіе.

— Извините, сударыня,—проговорилъ онъ, устремивъ на сестру свои грустные глаза,—что мнѣ теперь нѣтъ времени провести васъ по вашимъ здѣшнимъ владѣніямъ. Здѣсь все ваше и все давно ждетъ васъ, что вамъ можетъ подтвердить Максвеллъ. Домъ тоже приготовленъ: можете спросить о томъ экономку. Я пошелъ бы съ вами, но долженъ сейчасъ же ѣхать къ женѣ... Меня тамъ ждутъ... то-есть, не она меня ждетъ, но у меня долженъ родиться или даже уже родился ребенокъ,—вотъ такой маленькій (онъ указалъ на свой палецъ). Надѣюсь, дамы поймутъ, что мнѣ, какъ отцу, слѣдуетъ быть тамъ.

А дамы только презрительно пожали плечиками. Пойнсетъ сказалъ ему съ участіемъ:

— Мы понимаемъ ваши чувства, Гэбріель! Не теряйте времени.

— Возьми меня съ собою!—умоляла Олли брата, сверкнувъ глазами на сестру.

Гэбріель обернулся къ ней, поднялъ ее на руки и со словами: «Ты всегда будешь со мною, моя дорогая дѣвочка,»— ушелъ.

Оставшіеся глядѣли другъ на друга, пока миссисъ Маркль не вывела ихъ изъ неловкаго положнеія, взявъ подъ руку Максвелла и уведя его. Артуръ и Грэсъ остались одни. Въ первый разъ въ жизни Артуръ лишился самообладанія; онъ видѣлъ ,что тутъ неумѣстны какъ сантиментальныя воспоминанія о прошломъ. такъ и банальная любезность.

— Я жду свою горничную,— холодно сказала Грэсъ.— Вы бы очень обязали меня, еслибы прислали ее сюда.

— Вашу горничную?—спросилъ онъ разсѣянно.

— Ну да; я полагаю, что вы ее знаете,—сказала Грэсъ, сдвинувъ брови.— Мануэлу!

Артуръ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ.

— Впрочемъ, извините!.. Быть можетъ, я слишкомъ безпокою васъ. Я схожу сама,—прибавила она небрежно.

— Одну минуту, миссъ Конрой!—произнесъ Артуръ, преграждая ей дорогу:—вы, вѣроятно, будете менѣе жестоки къ вашему брату, если узнаете, что и я не могъ узнать васъ, не смотря на то, что не занятъ такъ исключительно другою, какъ онъ. Вы вполнѣ сумѣли сдѣлать себя неузнаваемою... Подумайте объ этомъ—и вы должны будете простить хоть брата... если не меня!

Грэсъ вскинула на него свои темные глаза.

— Вы намекнули, что мой братъ исключительно занятъ женщиною, для которой готовъ пожертвовать всѣмъ: и мною и самимъ собою. Я могу это понять, какъ женщина! Но вы забыли, донъ Артуро — не думайте, я вовсе не упрекаю васъ, не имѣю на это права—но вы забыли — донью Марію Сепульвида

Съ этими словами она быстро прошла мимо него, шурша шлейфомъ своего шелковаго платья. Онъ хотѣлъ броситься за нею, но въ самыхъ дверяхъ столкнулся съ полковникомъ Старботлемъ.

— Я отказался отъ обвиненія, сэръ,—сказалъ полковникъ, — и сознался въ своей ошибкѣ. Кромѣ того, вслѣдствіе открывшихся на судѣ обстоятельствъ, я отказываюсь и отъ возбужденія иска миссисъ Думфи противъ м-ра Думфи. Объ этомъ я пришелъ сюда вамъ сообщить. Остается только вопросъ о деньгахъ, которыя я получилъ за своей отвѣтственностью...

— Ихъ никто назадъ спрашивать не будетъ — съ улыбкой отвѣчалъ Артуръ,— въ этомъ я могу поручиться за м-ра Думфи. Да вотъ и онъ самъ.

LII.

Слѣды прошлаго.

Мистеръ Гамлинъ былъ очень плохъ. Приглашенный докторъ Дюшенъ шутилъ и смѣялся съ нимъ, бранилъ Пита за неловкость, но, оставаясь одинъ, принималъ чрезвычайно озабоченную мину. Онъ избѣгалъ вопросовъ Олли, хотѣвшей быть сидѣлкой у Гамлина.

Разъ онъ засталъ ее одну и спросилъ — не знаетъ ли она: есть ли у Гамлина друзья или родные, которымъ можно бы было написать о немъ. Она разсказала ему о таинственной красавицѣ въ Санъ-Антоніо.

Вечеромъ Олли осмотрѣла полу-зажившую рану больнаго, пришедшаго на время въ сознаніе.

— Думаю, что вы чувствовали бы себя гораздо легче, если бъ это случилось въ Санъ-Антоніо,— сказала Олли.

Джекъ вытаращилъ глаза.

— Вѣдь тамъ вмѣсто меня и Пита, около васъ сидѣла бы прелестная мексиканка,— добавила она лукаво.

Джекъ чуть не соскочилъ съ постели.

— Неужели ты думаешь, что я согласился бы навязываться ей?!.. Я—бродяга... ей... такой дамѣ! — воскликнулъ онъ запальчиво, приподнявшись на локтѣ.—Если ты воображаешь, Олли, что она одна изъ больничныхъ драконовъ, пляшущихъ вокругъ больного съ пилюлями и микстурами — ты сильно ошибаешься!....

Въ день разбирательства дѣла, Гамлинъ не выказывалъ особаго интереса; очевидно, онъ скрывалъ свое отвращеніе къ безхарактерности Гэбріэля, чтобы не огорчить дѣвочку.

— Явится свидѣтель, Олли,—началъ онъ объяснять свое равнодушіе,—который сниметъ все подозрѣніе съ твоего брата. Тѣмъ стыднѣе Гэбріэлю. Этотъ свидѣтель и есть убійца Рамиреца. Я все-таки сочувствую этому молодцу, настоящему убійцѣ. Если этотъ не явится, то явлюсь я самъ. Не плачь. Прими мой совѣтъ и не ходи въ судъ; авось адвокаты справятся одни. Если же нѣтъ, ты поспѣешь еще во время, когда пойдешь со мною.

— Но какъ же вы пойдете, при такой слабости?

— Питъ какъ-нибудь ужъ доставитъ меня туда, я теперь не тяжелъ,—сказалъ Джекъ грустно, взглянувъ на свои бѣлыя, прозрачныя руки.— А если я не буду въ состояніи явиться, то пошлю туда мою записную книжку, которая докажетъ то же, что и мои слова.

Тѣмъ не менѣе Олли очень волновалась въ день суда. Ея тревога усилилась, когда Гамлину принесли письмо отъ Максвелла, который увѣдомлялъ, что Перкинсъ явится въ судъ, и звалъ туда Олли.

— Кто такой этотъ Перкинсъ?—спросила Олли, съ лихорадочною торопливостью надѣвая шляпку.

— Это не старая баба,—отвѣтилъ Джэкъ выразительно:— будь увѣрена. Теперь ужъ все равно, какъ будто онъ оправданъ. Бѣгите, миссъ Конрой! Стой! поцѣлуй меня сперва, Олли! Не безпокойся обо мнѣ. Что, ты любишь ту сестру, о которой все бредитъ Гэбріель? да? Ну, такъ ты такая же сумасшедшая, какъ и онъ...

Онъ безсильно опустился на подушку, и въ его красивыхъ глазахъ сверкнула слеза.

Онъ остался одинъ. Въ домѣ царствовала гробовая тишина: всѣ были въ судѣ. Даже Питъ, понадѣявшійся на Олли, тоже тайкомъ улизнулъ туда. Гамлинъ почувствовалъ себя совершенно свободнымъ.

Это сознаніе было для такой дѣятельной натуры настоящимъ блаженствомъ. Онъ вскорѣ почувствовалъ желаніе встать, одѣться и начать дѣлать все то, что ему было запрещено.

Онъ всталъ; физическія силы его далеко не соотвѣтствовали душевному возбужденію. Ему сдѣлалось дурно—онъ кое-какъ дотащился до открытаго окна и опустился въ кресло. Свѣжій воздухъ оживилъ его на мгновеніе, и онъ опять попытался встать. Дурнота и головокруженіе повторились, и ему показалось, будто онъ летитъ въ какую-то пропасть; это ощущеніе не было непріятнымъ: тамъ, внизу, было спокойно, тихо и темно. Потомъ послѣдовали различныя странныя видѣнія въ самомъ пестромъ безпорядкѣ. Но изъ этого хаоса явственно выдавалась главная фигура, ни на минуту не оставлявшая его. Онъ то видѣлъ ее въ церкви, въ облакѣ ладана, то ему казалось, что она наклонялась къ нему и подавала ему прохладительный напитокъ, то—что она сидитъ въ креслахъ, возлѣ его кровати. И когда однажды періодъ сознанія продолжался дольше обыкновеннаго, Гамлинъ произнесъ съ усиліемъ: «донья Долоресъ!»

Видѣніе вздрогнуло, нагнуло надъ нимъ свое прелестное личико, облившееся чуднымъ румянцемъ, положило свою маленькую ручку на его горячія губы и произнесло на чистомъ англійскомъ языкѣ: «Тсс! я сестра Гэбріеля Конроя!»

LIII.

Смерть Джека Гамлина.

Послѣ того какъ прелестное видѣніе зажало уста Гамлину, онъ снова впалъ въ бредъ. Очнувшись вторично, онъ увидѣлъ, что у его кровати сидитъ Олли, а Питъ возлѣ окна, съ очками на носу, читаетъ какую-то книгу. Видѣніе исчезло.

— Олли!—произнесъ Гамлинъ слабымъ голосомъ.—Сколько времени я такой, то-есть давно ли я боленъ?

— Три дня,—отвѣтила она, понявъ въ чемъ дѣло.

— Не разсказывала ли ты мнѣ нѣсколько дней тому назадъ о своей сестрѣ?

— Да, она пріѣхала!—сказала Олли коротко.—Она вернулась къ намъ! Давно пора!

Странно то, что небрежное отношеніе Олли къ Грэсъ нравилось Гамлину; быть-можетъ, это согласовалось съ его мнѣніемъ о послѣдней, какъ о высшемъ существѣ, недоступномъ пониманію Олли.

— Гдѣ она была все это время?—спросилъ онъ, бѣгло взглянувъ на Олли блуждавшими глазами.

— Богъ вѣдаетъ! Она говоритъ, что жила на югѣ въ какомъ-то семействѣ; вѣроятно, въ испанскомъ, потому что она ужъ черезчуръ кокетничаетъ и жеманничаетъ.

— Была она здѣсь, въ этой комнатѣ?

— Конечно, была. Когда я поѣхала съ Гэбріелемъ къ его женѣ, то она заняла его мѣсто. Вы были въ то время въ бреду. Я предполагаю, что она сидѣла здѣсь съ удовольствіемъ, потому что разсчитывала увидѣть здѣсь своего милаго... этого Ашлея, или что, то же, Пойнсета.

Такое загадочное выраженіе появилось на его лицѣ, и руки его сжали ея руку такъ крѣпко, что она поспѣшила разсказать ему все, что знала о Грэсъ и о веспоглощающей ея страсти къ Артуру.

— Она и сюда-то пріѣхала только для него. Она чуть не лишила брата жизни своею присягою, увѣряя, что дѣлаетъ это для спасенія фамильнаго имени. Какъ будто ему бы было легче, если бъ его повѣсили подъ настоящимъ именемъ! И она вдобавокъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ хотѣлъ украсть ея имя въ пользу Юліи.. Очень все это мило, не правда ли? И никто не видѣлъ ее цѣлыхъ семь лѣтъ. Даже этотъ Пойнсетъ. Она браниТъ меня за то, что я высказываю свое мнѣніе о немъ. Извиняетъ его, говоря, что сама скрывалась отъ него. Отказывается видѣть Юлію, которая лежитъ больная въ Морисвиллѣ со своимъ новорожденнымъ...

— Но вѣдь она тогда убѣжала за помощью для тебя и для брата,—сказалъ Гамлинъ, желая заставить ее высказаться.

— Да? вы такъ думаете? Неужели она не могла довѣрить это дѣло своему милому дружку, чтобы онъ одинъ шелъ за помощью? Или она боялась, что онъ не вернется? Она покинула и меня, и Гэба ради него... И она еще смѣетъ говорить, что Гэбъ обезчестилъ свою фамилію, женившись на Юліи! Какъ будто она сама не обезчестила насъ всѣхъ!

— Перестань!—крикнулъ вдругъ Гамлинъ злобно.—Развѣ ты не видишь, что ты сводишь меня съ ума?

Онъ замолкъ, видя, какъ сильно сконфузилась и опечалилась Олли.

— Ну, не сердись!—добавилъ онъ мягче.—Я сегодня чувствую себя скверно. Пришли ко мнѣ доктора Дюшена, если найдешь его. Стой! поцѣлуй меня и спокойной ночи. Можешь теперь итти!

Будучи увѣрена, что съ Гамлиномъ произошла важная перемѣна, она тотчасъ же отыскала доктора. Должно-быть, она поразила его своимъ встревоженнымъ видомъ, потому что докторъ, немного спустя, опасливо вошелъ къ больному.

Онъ подошелъ къ кровати и хотѣлъ взять руку Гамлина, но тотъ спряталъ свой сильно бьющійся пульсъ подъ одѣяло и спросилъ, пристально глядя на доктора:

— Можно мнѣ отсюда уѣхать?

Докторъ наклонился надъ нимъ. Послѣ быстраго осмотра онъ, должно-быть, прочелъ на лицѣ Гамлина нѣчто особенное, незамѣтное для другихъ.

— Вы можете ѣхать хоть сейчасъ же, но только ваша жизнь подвергнется большой опасности!—отвѣтилъ онъ.

— Рискну!—сказалъ Гамлинъ.—Я игралъ въ отчаянную игру въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, и теперь ужъ поздно бастовать... Прикажите Питу снарядить меня въ путь!

— Куда вы хотите ѣхать?—спросилъ докторъ спокойно, все еще наблюдая его.

— Куда глаза глядятъ!—бухнулъ Гамлинъ, но сознавая, что слѣдуетъ объяснить цѣль путешествія, когда ѣдешь не одинъ, добавилъ.—Въ миссіонерство святого Антонія.

— Хорошо!—отвѣтилъ Дюшенъ серьезно.

Нельзя опредѣлить, вслѣдствіе чего силы Гамлина начали подкрѣпляться съ этой минуты: вслѣдствіе-ли лѣкарствъ, или твердой воли и желанія жить.

Приготовленіе къ поѣздкѣ окончились скоро, и черезъ два часа онъ былъ снаряженъ въ путь.

— Я не желаю, чтобы около меня хныкали,—сказалъ онъ:— я покидаю сцену, но это не мѣшаетъ игрѣ: она можетъ продолжаться и безъ меня.

Тѣмъ не менѣе Гэбріель цѣплялся до послѣдняго мгновенія за дверцы кареты, увозившей Гамлина.

— Я поѣхалъ бы слѣдомъ за вами въ таратайкѣ, Гамлинъ, но мнѣ нельзя оставить жену, у которой родился такой крошечный малютка... она очень больна... вы не можете понять, не будучи отцомъ, этой любви къ дѣтямъ... Я думалъ, что вы останетесь довольны тѣмъ, что я взялъ на-поруки Перкинса; вѣдь, онъ не убилъ же Рамиреца, который самъ лишилъ себя жизни, какъ оказалось на судѣ. Удивляюсь вашему здоровому виду, Гамлинъ, и радуюсь, что Олли ѣдетъ съ вами. Грэсъ тоже поѣхала бы, но ей слѣдуетъ быть по-осторожнѣе съ чужими, такъ какъ она ужъ семь лѣтъ обручена съ Пойнсетомъ, который былъ моимъ защитникомъ.. Она и то ужъ ссорилась съ нимъ, но это дѣло обычное между влюбленными. Вы, конечно, не осудите ихъ.

— Поѣзжай!—бѣшено крикнулъ Гамлинъ кучеру.—Какого чорта ты ждешь?!

Онъ въ сильномъ изнеможеніи опустился на подушки, между тѣмъ какъ Гэбріеля обдало облакомъ пыли изъ-подъ быстро отъѣхавшей кареты.

Чѣмъ дальше Гамлинъ уѣзжалъ отъ Одноконнаго Стана, тѣмъ больше закрѣплялись его силы, такъ что онъ прибылъ въ Санъ-Антоніо съ прежнею самоувѣренностью и отвагою. Эта перемѣна возбуждала надежды во всѣхъ окружающихъ, исключая доктора.

Онъ тотчасъ освидѣтельствовалъ больного и сказалъ на ухо Питу:

— Онъ пробудетъ въ такомъ возбужденномъ состояніи около трехъ дней. Я сейчасъ ѣду обратно и возвращусь сюда черезъ три дня, если не получу отъ васъ телеграммы.

Весело простившись съ паціентомъ, онъ отправился предварительно къ патеру Фелипе.

— Я привезъ сюда больного, въ очень критическомъ положеніи,—сказалъ онъ.—Гостиница неудобна для него. Нѣтъ ли здѣсь семейства, гдѣ бы его приняли по вашей просьбѣ? Онъ будетъ въ тягость не больше одной недѣли: онъ или поправится, или умретъ. Правда, онъ даже не протестантъ и ни во что не вѣритъ, но вѣдь вы умѣете обходиться также и съ язычниками, патеръ Фелипе.

Священникъ внимательно взглянулъ на доктора, слава котораго дошла и до Санъ-Антоніо.

— Это очень печальный случай, но я постараюсь исполнить вашу просьбу,—отвѣтилъ іезуитъ задумчиво.

На слѣдующій день Гамлинъ помѣстился въ домѣ сеньоры Сепульвида, бывшей въ отсутствіи. Явившись домой, она изумилась, потомъ разсердилась; но въ концѣ-концовъ осталась очень довольною, узнавъ въ Гамлинѣ таинственнаго незнакомца, котораго видѣла однажды подъ окнами ранчо Св. Троицы. Джэкъ былъ еще красивъ, несмотря на болѣзнь, и носилъ на себѣ печать долгихъ страданій, всегда симпатичную женщинамъ.

Она стала заботиться о Гамлинѣ, какъ нельзя усерднѣе. Въ одинъ прекрасный вечеръ она лукаво спросила его:

— Если не ошибаюсь, я видѣла васъ прежде въ Св. Троицѣ въ домѣ доньи Долоресъ?

Гамлинъ былъ слишкомъ ревностный поклонникъ прекраснаго пола, чтобы думать о другой женщинѣ, кромѣ той, съ которою говорилъ. Онъ небрежно кивнулъ головою въ отвѣтъ.

Это убѣдило донью Сепульвида въ томъ, что онъ тогда пріѣзжалъ въ ранчо только ради нея, и что теперешній его пріѣздъ къ ней давно задуманъ имъ. Болѣзнь же тутъ только предлогъ.

— Вы знаете, конечно, что бѣдная Долоресъ погибла страшною смертью,—произнесла она съ соболѣзнованіемъ.

— Когда?

— Во время землетрясенія, 8-го числа.

Гамлинъ сообразилъ, что онъ видѣлъ Грэсъ 10-го, и кивнулъ головою.

— Да, печальный конецъ!... А можетъ-быть, это и къ лучшему; она безнадежно любила своего адвоката... знаменитаго Пойнсета!... Для нея было легче умереть, чѣмъ знать, что онъ только хитрилъ... Вы вѣрите въ предопредѣленіе, мистеръ Гамлинъ?

— Вы хотите сказать—въ случайности?

— Я имѣю причину вѣрить въ предопредѣленіе,—продолжала донья Марія.—Бѣдняжка Долоресъ была дружна со мною... Но нѣкоторые позволяли себѣ сплетничать, будто его вниманіе было обращено исключительно на меня.

Она лукаво опустила голову и исподлобья взглянула на Гамлина.

— Питъ!—позвалъ Гамлинъ слабымъ голосомъ.

— Я здѣсь, масса Джекъ!

— Не пора ли мнѣ принять лѣкарство?

Вернувшись, докторъ Дюшенъ спросилъ паціента:

— Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы пригласить на консиліумъ доктора Мэкинтоша — замѣчательно хорошаго человѣка?

— Ничего не имѣю.

Мистеръ Мэкинтошъ былъ вызванъ въ тотъ же день телеграммой. Три часа говорили доктора на непонятномъ языкѣ. А когда докторъ Мэкинтошъ удалился, то Дюшенъ сѣлъ къ кровати больнаго.

— Джекъ, вы все приготовили, что слѣдуетъ?

— Все, сэръ!

— Джекъ, вы сегодня осчастливили стараго Пита.

Джекъ вопросительно взглянулъ на доктора.

— Вы увѣрили его, что вѣруете одинаково съ нимъ,—продолжалъ докторъ серьезно.

Лицо Гамлина озарилось легкою улыбкою.

— Онъ все читалъ мнѣ проповѣди — ну, я и подумалъ: мнѣ вѣдь ничего не стоитъ успокоить его,—сказалъ онъ.—Докторъ, этотъ старикъ былъ привязанъ ко мнѣ—жилъ только для меня, а мнѣ больше нечѣмъ отблагодарить его. Не равная игра.

— Значитъ, вы сами убѣждены, что скоро умрете?—спросилъ докторъ серьезно.

— Увѣренъ безусловно.

— Вамъ больше нечего сказать?

— Нѣтъ.

Настала мучительная тишина; слышался только стукъ маятника.

Раздался хохотъ одного изъ товарищей Джека въ сосѣдней комнатѣ, пришедшаго его навѣстить и угощавшагося между тѣмъ ликеромъ.

— Скотти могъ бы вести себя поприличнѣе въ домѣ порядочной женщины,—прошепталъ все болѣе и болѣе слабѣвшій Джекъ.—Скажите ему, что бы онъ убрался, а то... я— голосъ измѣнилъ ему.

Черезъ минуту онъ снова заговорилъ съ усиліемъ:

— Докторъ!

— Что, Джекъ?

— Не говорите Питу, что... я... обманулъ... его.

— Не скажу, Джекъ.

Настала тишина.

Дюшенъ, подождавъ немного, тихо взялъ бѣлыя прозрачныя руки Гамлина, скрестилъ ихъ на его груди и отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату, откуда на него взглянули двѣ-три личности.

— Питъ! — сказалъ онъ серьезно. — Мнѣ нуженъ только Питъ, а больше никто.

Старый негръ шатаясь вошелъ и, увидѣвъ блѣдное лицо своего господина, истерично зарыдалъ и кинулся на колѣни позлѣ кровати. Докторъ Дюшенъ печально взглянулъ на оба лица—бѣлое и черное, лежавшія рядомъ на подушкѣ. Оба были орошены слезами. Потомъ негръ всталъ, поднялъ глаза къ потолку, какъ будто видѣлъ голубое небо, (а можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ его видѣлъ) и сказалъ:

— Боже, Боже милостивый и правосудный! Тебѣ вѣдь все равно: зачти мою вѣру и мои дѣла этому грѣшнику. Прими его въ лоно Авраамово, а меня предай вмѣсто него геенне огненной. Аминь.

LIV.

Въ старой хижинѣ.

Не трудно было доказать права Грэсъ Конрой на Конроевскую землю по завѣщанію д-ра Деварже. Думфи съ удовольствіемъ удостовѣрилъ ея личность, такъ какъ черезъ это разрѣшились всѣ сомнѣнія относительно смерти его жены и она не претендовала на рудникъ, открытый ея братомъ.

Нѣсколько дней спустя по смерти Гамлина, Гэбріель и Олли опять находились въ старой хижинѣ, ужъ почти разрушенной; они сюда пришли не для тайнаго совѣщанія, а для того, чтобы удостовѣриться—возможно ли еще сдѣлать эти стѣны годными для жилья, такъ какъ Гэбріель наотрѣзъ отказался жить въ новомъ домѣ. Миссисъ Конрой съ ребенкомъ жила пока въ гостиницѣ.

— Мнѣ кажется, что нѣсколько досокъ и двухъ рабочихъ рукъ достаточно, чтобы исправить все,—сказалъ Гэбріель.— Мы здѣсь провели счастливое время, Олли!

— Да, — произнесла она также разсѣянно, глядя куда-то въ даль.

Гэбріель схватилъ ее за руку и сѣлъ съ нею на порогъ.

— Ты вовсе не слушаешь меня, Олли?

Она вдругъ зарыдала безъ видимой причины и обхватила его руками. Со дня смерти Гамлина, она нерѣдко плакала.

— Я думала о бѣдной Грэсъ, Гэбъ!—объяснила она.

— Въ такомъ случаѣ она легка на поминѣ, потому что, если я не слѣпъ, то это она идетъ.

Грэсъ дѣйствительно, подходила въ сопровожденіи Артура Пойнсета. Всѣ сначала молчали. Черезъ мгновеніе сестры лежали другъ у друга въ объятіяхъ. Мужчины сначала смотрѣли другъ на друга исподлобья, но потомъ началось общее обниманіе.

Когда Грэсъ высвободила свою прекрасную головку изъ рукъ Гэбріеля, Пойнсетъ сказалъ торжественно:

— Такъ какъ вы нашли снова вашу сестру, то позвольте представить вамъ ее въ качествѣ моей жены.

— Но ты вовсе не похожа на новобрачную,—замѣтила практичная Олли.—Нѣтъ на тебѣ ни вѣнка, ни покрывала.... одѣта въ черное....

— Да, вѣдь, мы уже семь лѣтъ какъ женаты, Олли,—отвѣтилъ находчивый Артуръ.

Началась оживленная болтовня, какъ будто эти люди никогда и не ссорились.

— Знаешь ли,—сказала Грэсъ брату,—что мы съ мужемъ завтра ѣдемъ на востокъ, но сперва мы хотимъ, чтобы ты согласился жить въ своемъ новомъ домѣ.

— Я долженъ сперва исполнить одну обязанность,—отвѣтилъ Гэбріель:—передать тебѣ нѣкоторыя бумаги, попавшія ко мнѣ въ руки. Вотъ эта бумага была прислана мнѣ, неизвѣстно кѣмъ, по почтѣ....

Онъ вручилъ Грэсъ желтый испачканный конвертъ.

Она быстро вскрыла его, прочла, покраснѣла и спрятала въ карманъ.

— А вотъ эту бумагу я нашелъ въ пещерѣ,—продолжалъ Гэбріель, вытаскивая другую бумагу.—Это описаніе здѣшняго рудника, составленное д-ромъ Деваржемъ.

Артуръ взялъ эту бумагу, осмотрѣлъ ее внимательно и сказалъ:

— Вѣрно!

— Остается еще и 3-я бумага, сказалъ Гэбріель, вынимая изъ кошелька мелко сложенную бумажку:—это дарственная запись доктора Деваржа на твое имя, которую убитый—Рамирецъ—передалъ Юліи, а та, — добавилъ онъ, краснѣя, — сохранила ее для тебя, Грэсъ.

Артуръ принялъ и эту бумажку и крѣпко пожалъ руку Гэбріеля.

— Ну, а теперь,—добавилъ послѣдній,—становится уже поздно, и намъ пора домой... Такъ какъ вы уѣзжаете, то, вѣрно, не откажетесь посѣтить мою жену и маленькаго сына. Это замѣчательно крошечный ребенокъ, Пойнсетъ! Трудно даже повѣрить, что онъ такъ похожъ на меня.

Олли и Грэсъ отошли въ сторону и вели оживленную бесѣду.

— Вотъ такъ я взяла камень изъ огня,—говорила Грэсъ, беря съ очага камень, — онъ былъ такой же черный; но я потерла его сукномъ, и онъ заблестѣлъ, какъ чистое серебро; а докторъ Деваржъ сказалъ...

— Мы идемъ, Грэсъ,—перебилъ ее Пойнсетъ,—проститься съ миссисъ Конрой.

Грэсъ колебалась, но Артуръ взялъ ее руку и пожалъ такъ убѣдительно, что она протянула другую руку Олли, и всѣ трое послѣдовали за Гэбріелемъ.

LV.

Прошедшее разъясняется.

Мы не знаемъ подробностей сцены примиренія миссисъ Конрой съ Гресъ и Пойнсетомъ, а потому перейдемъ къ дальнѣйшимъ происшествіямъ.

Какъ только всѣ простились, и Пойнсетъ съ женою уѣхали, Гэбріель нагнулся къ изголовью жены.

— Мнѣ показалось, будто ты и Пойнсетъ были прежде знакомы, Юлія,—сказалъ онъ.

— Да, я видѣла его, только не здѣсь... Надѣюсь, что онъ не часто будетъ посѣщать насъ,—отвѣтила она, блеснувъ своими холодными, сѣрыми глазами.—Но взгляни-ка на мальчика... онъ, право, смѣется, онъ узнаетъ тебя!

Гэбріель пришелъ въ восторгъ отъ необыкновенныхъ способностей своего ребенка и сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ. Въ то же время происходилъ подобный же разговоръ между Грэсъ и Артуромъ.

— Скажи, пожалуйста, Артуръ, гдѣ ты прежде видѣлъ Юлію Конрой? — спросила Грэсъ во время поѣздки съ мужемъ въ Виндгамъ.

— Я ее раньше никогда не видалъ, — отвѣтилъ Артуръ быстро,—и мнѣ кажется, моя дорогая, что чѣмъ меньше мы будемъ видѣться съ нею, тѣмъ будетъ лучше.

— Почему такъ?

— Да, кстати, душа моя, я все забывалъ тебя спросить: что это за бумага, которую передалъ тебѣ Гэбріель?—спросилъ онъ, уклоняясь отъ отвѣта.

Грэсъ достала бумагу, покраснѣла немного, обняла мужа, поцѣловала его и дала ему ее прочесть.

Содержаніе бумаги было слѣдующее:

«Симъ удостовѣряю, что 18 мая 1848-го года ко мнѣ въ Санъ-Херонимо явилась молодая дѣвушка, назвавшая себя Грэсъ Конрой, и просила у меня помощи и покровительства. Такъ какъ я не имѣю родныхъ или друзей, то я усыновилъ ее, подъ именемъ доньи Долоресъ Сальватіерра. Полгода спустя, а именно 12-го ноября 1848-го года, она разрѣшилась отъ бремени мертворожденнымъ сыномъ, прижитымъ ею съ ея нареченнымъ женихомъ Филипомъ Ашлеемъ. Желая сохранить эту тайну и не быть узнанной родственниками, она стала ежедневно мыться, по совѣту индіанки Мануэлы, сокомъ дерева іокато, придававшимъ ея кожѣ бронзовый цвѣтъ. Послѣ этой метаморфозы я сталъ выдавать ее за свою дочь, прижитую съ индѣйской принцессою Никатой, и утвердилъ ее въ полныхъ правахъ наслѣдства ко всему моему движимому и недвижимому имуществу.

«Санъ-Херонимо, 11 декабря 1848-го года, Хуанъ Германзильдо Сальватіерра».

— Какимъ образомъ могла эта бумага попасть въ руки Гэбріеля?—спросилъ Артуръ.

— Ну, ужъ этого я сама не знаю.

— Кому ты передала ее?

— Патеру Фелипе.

— Ахъ, да! теперь я понялъ: значитъ, это ты и была въ роли давно умершей жены мистера Думфи?

— Я не знаю, что сдѣлалъ патеръ Фелипе съ бумагою; я просто довѣрила ему свою тайну,—отвѣтила Грэсъ, нетерпѣливо покачавъ головою.

— Ты ему все разказала?

— О тебѣ я не упоминала, дурашка!

Артуръ поцѣловалъ ее за это названіе.

— Но мнѣ слѣдовало бы разсказать всю исторію доньѣ Сепульвида, когда она похвасталась, что ты сватался за нее. Ты этого не дѣлалъ?

И Грэсъ прямо взглянула ему въ глаза.

— Никогда даже и не думалъ! — отвѣтилъ смѣло этотъ примѣрный супругъ и правдивый юноша.

LVI.

Отрывокъ изъ письма Олимпіи Конрой къ Грэсъ Лойнсетъ.

«...Мальчикъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Но, главное: мы опять стали богатыми людьми! Гэбріель снова нашелъ серебряную руду—и все по твоей милости. Помнишь, ты мнѣ разсказывала, какъ докторъ Деваржъ далъ тебѣ однажды камень, и ты стала его тереть, тереть и дотерла до того, что онъ заблестѣлъ, точно серебряный. И въ этотъ разъ въ нашей хижинѣ ты тоже взяла обломокъ камня отъ старой печи и потерла его платкомъ. На другой день Гэбъ замѣтилъ, что обломокъ блеститъ, и сказалъ: «Значитъ, у насъ есть серебряная жила: камни для печи я бралъ съ сосѣдней горы». Дѣйствительно, онъ пошелъ на то мѣсто, сталъ копать и опять нашелъ серебряную руду. Мы опять разбогатѣли и непремѣнно къ вамъ пріѣдемъ на тотъ годъ, если только Гэбъ поумнѣетъ, а то онъ такой дуракъ, что его совѣстно и везти. Будь здорова и счастлива.

«Любящая тебя сестра Олимпія Конрой».

FIRST POPULAR PUBLIC LIBRARY
ГЕРВЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

University of California
SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
405 Hilgard Avenue, Los Angeles, CA 90024-1388
Return this material to the library
from which it was borrowed.

NON-RENEWABLE

MAY 17 1994

ILL-IQU

DUE 2 WKS FROM DATE RECEIVED

REC'D LD-URL

JUN 28

PS
1823
R9
1915
v.7-8

Harte-
Sobranie sochi-
nenii.

PS
1823
R9
1915
v.7-8

fornia
nal
ty